

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

REVUE
D'HISTOIRE
ANCIENNE

1

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР

1947

А К А Д Е М И Я Н А У К С О Ю З А С С Р

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

REVUE D'HISTOIRE ANCIENNE

1₍₁₉₎

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА · 1947 · ЛЕНИНГРАД

Ответственный редактор
А. В. МИШУЛИН

К ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ КРЕСТЬЯНСТВА В ДРЕВНОСТИ

Основное положение, которым руководится в своих изысканиях историк-марксист, заключается в том, что совокупность производственных отношений «составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания»¹. Товарищ Сталин установил, что «истории известны пять основных типов производственных отношений: первобытно-общинный, рабовладельческий, феодальный, капиталистический, социалистический»². Учение марксизма-ленинизма о социально-экономических формациях, о пяти основных типах производственных отношений позволяет марксистско-ленинской исторической науке правильно понять и показать движущие силы исторического процесса и подняться, таким образом, неизмеримо выше буржуазной науки.

Древняя история изучает рабовладельческие общества. «Богатые и бедные, эксплуататоры и эксплуатируемые, полноправные и бесправные, жестокая классовая борьба между ними—такова картина рабовладельческого строя»³. Эту картину во всей ее конкретности, во всем многообразии ее красок и стремится показать марксистско-ленинская наука в изучении истории древности. Марксизм меньше всего представляет абстрактную схему, как утверждают враги марксизма. «Наше понимание истории есть, главным образом, руководство к изучению, а не рычаг конструкции на манер гегельянства»⁴. Метод диалектического материализма требует от ученого исследователя, чтобы он, не упуская ни на минуту основного, ведущего, определяющего признака той или иной социально-экономической формации, изучал исторический процесс во всех его противоречиях, во всех многообразных неповторимых конкретных условиях. В древности основное классовое деление общества—это деление на рабовладельцев и рабов. Но здесь имеется множество исторически обусловленных форм и градаций, в которых отражается сложность исторического процесса, протекающего в различных условиях места и времени.

Рабство на Востоке, где оно носило в большинстве стран по преимуществу домашний характер, отличается от рабства в классической Греции, а в Греции оно принимало иные формы, чем в Риме. О различии в положении рабов различных категорий в древней Греции говорит уже само различие слов, которыми обозначается раб: *ἀνδράποδον*, *δοῦλος*, *οἰκέτης*, *οἰ-*

¹ К. Маркс, Избранные произведения, т. I, 1937, стр. 269.

² И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, 1939, стр. 554.

³ И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, 1939, стр. 555.

⁴ Ф. Энгельс, Письмо Конраду Шмидту (К. Маркс, Избр. произв., т. I, стр. 288).

κίητης, δμῶς, παῖς (παίδισκος, παιδάριον), δρεπτός, δεράπων, σῆμα. Особое положение занимали в Греции государственные рабы; иеродулы по социальному положению и роли в производстве отличались от рабов частновладельческих. А в Греции, кроме того, были еще прикрепленные к земле порабощенные илоты, пенесты, клароты и т. п.

Насколько позволяют дошедшие до нас источники, советские историки много уделяли и уделяют внимания изучению рабства в древности, его роли в производстве, в общественной жизни, его отражения во всех сферах политической деятельности и духовной культуры. Особенно много сделано для изучения восстаний рабов, тех массовых революционных движений, которые привели в конце концов к ликвидации рабовладельческого строя общества. Но, хотя работа в этом направлении ведется, многое еще остается сделать. В частности, экономика рабовладельческого хозяйства в разных странах древности в разное время еще не подвергалась исследованию, лишь в общих работах по истории древности этот вопрос затрагивается.

Изучение древнего рабства не перестает интересовать советских ученых. Было бы, однако, непροстителъным упрощением ограничиться при изучении экономического базиса древних обществ анализом основного антагонизма между рабовладельцами и рабами и только с этой точки зрения исследовать юридические и политические надстройки, гражданскую историю и духовную культуру народов древности. В античной древности мы находим «противоположность между городом и деревней, впоследствии—противоположность между государствами, представляющими городские и сельские интересы, а внутри городов—противоположность между промышленностью и морской торговлей»¹. Необходимо иметь в виду громадную роль, которую играли в древности мелкие свободные и полусвободные земледельцы.

На древнем Востоке крестьяне составляли основную массу трудящегося населения. Рабство здесь в течение тысячелетий не составляло прямым образом основы хозяйства, хотя оно было ведущим, прогрессивным укладом. «Как мелкое крестьянское хозяйство, так и производство самостоятельных мелких ремесленников частью составляют базис феодального способа производства, частью же, после его разложения, продолжают существовать наряду с капиталистическим производством. В то же время они представляют экономическую основу классического общества в наиболее цветущую пору его существования, когда первоначальное восточное общинное владение уже разложилось, а рабство еще не успело овладеть производством в сколько-нибудь значительной степени»². Рабство развивается на Востоке чрезвычайно медленно. Лишь постепенно, по мере разложения общинного уклада и связанного с этим разложением роста товарных отношений складывается рабовладельческая система, целью которой является производство прибавочной стоимости. Поэтому крестьянство наложило свой отпечаток на все стороны общественной жизни на древнем Востоке. «Старые общины там, где они продолжали существовать, составляли в течение тысячелетий основу грубейшей государственной формы, восточной деспотии, от Индии до России. Только там, где они разложились, народы двинулись собственными силами вперед по пути развития, и ближайший экономический прогресс их состоял в увеличении и развитии производства посредством рабского труда»³. «Восточный деспотизм был основан на общинном землевладении»⁴.

¹ Маркс и Энгельс, *Немецкая идеология*, Соч., т. IV, 1933, стр. 13.

² К. Маркс, *Капитал*, т. I, изд. 8-е, 1936 г., стр. 69, прим. 24.

³ Ф. Энгельс, *Анти-Дюринг*, 1938, стр. 188.

⁴ Ф. Энгельс, *Анти-Дюринг*, 1938, стр. 385.

Ограниченность рамок натурального производства позволяла общине легко воспроизводить себя; она поэтому была по существу консервативна и задерживала ростки более прогрессивных форм рабовладельческого хозяйства. Однако рост производства и сношения с внешним миром ведут к порождению имущественных различий, к концентрации земельных владений в руках немногих, к разорению общинников, попадающих в кабалу к более богатым односельчанам, к храмам, к царским сановникам. Этот мучительный для крестьян процесс вызывал с их стороны сопротивление, выражавшееся иной раз в революционных действиях. Крестьянскими в основном были революционные движения «Краснобровых» и «Желтых тюрбанов» в Китае, в которые были вовлечены большие массы населения. Революционный переворот, отраженный в Лейденском папирусе (речения Ипувера), показывает, какую громадную силу представляло крестьянство в Египте Среднего царства. В библии сохранились упоминания о выступлениях ам-гаарец, «народа земли», боровшегося против расхищения общинных земель и концентрации земельной собственности, против притеснения богатыми бедных, против кабального рабства. Социальный протест трудящихся земледельцев, выливавшийся часто в форму мессианских чаяний, нашел свое отражение в бичующих выступлениях пророков VIII—VI вв. Гораздо менее красочный египетский рассказ о «красноречивом крестьянине» свидетельствует о существовании в крестьянской среде Египта настроений протеста против социального неравенства. Вавилонская и египетская религии не только в своей земледельческой обрядности, но и в идеологическом переоформлении культов умирающих и воскресающих богов, в представлениях о загробном воздаянии отражают в значительной мере чаяния, настроения крестьян. С этой точки зрения древневосточные литературные и религиозные памятники еще не исследованы, и здесь можно ожидать интересных результатов.

Есть, таким образом, основания считать, что и на древнем Востоке крестьяне были не только консервативной, но и созидательной силой; они не только держались дедовской старины, но и боролись за лучшую жизнь, создавали революционные традиции и элементы революционной идеологии.

В Греции крестьяне сыграли немалую роль в ликвидации аристократического строя и в установлении рабовладельческой демократии. Они выносили на своих плечах тяжесть военного бремени и больше всех страдали от опустошений, приносимых частыми войнами. Конечно, в крупнейших торговых полисах, какими были Афины или Коринф, значение крестьянства в общественной жизни было сравнительно невелико. Но и в Греции имела место концентрация земельной собственности и разорение мелких крестьян, вынужденных уходить в пиратство или в наемные войска. Старый лозунг $\gamma\eta\varsigma\ \alpha\nu\delta\alpha\chi\mu\acute{\iota}\varsigma$, передел земли, становится снова в порядок дня. Революционные движения крестьян, иногда совместно с рабами, особенно в Пелопоннесе, с III в. становятся важнейшим фактором, определяющим политику эллинских государств. Они были подавлены, но не остались без влияния на позднейшие крестьянские движения уже под властью Рима.

И на эллинистическом Востоке крестьяне боролись против эксплуатации и порабощения. В Египте борьба шла с конца III в. под национальными и религиозными лозунгами; такой же характер носило и восстание Маккавеев в Иудее; но реальными борцами выступали здесь крестьяне во имя реальных интересов крестьянства. Весьма возможно, что социальные идеи равенства в эллинистической философии и некоторые социальные утопии периода эллинизма, имевшие религиозную окраску, находили питательную среду и отчасти даже свой источник в идеях, выдвигавшихся в процессе революционных движений крестьян и рабов.

В Риме, где представлен высший этап рабовладельческого общества и его конечная гибель, земельный вопрос занимал доминирующее место в той борьбе, которая разыгрывалась в течение столетий прежде всего внутри господствующего класса. Ф. Энгельс отмечает: «Из древних историков, которые описывали борьбу, происходившую в недрах Римской республики, только Аппиан говорит нам ясно и выразительно, из-за чего она велась: из-за земельной собственности»¹.

Экспроприация мелких земледельцев была неизбежным результатом роста рабовладения. Крупные земельные хозяйства, основанные на рабском труде, вытесняли мелких земледельцев, старую опору Римской республики, превращая их в люмпен-пролетариев или в колоннов, предшественников средневековых крепостных. Это имело громадное значение не только для хозяйства Италии; оно сыграло немалую роль и в политическом перевороте, приведшем к падению республики.

Начиная с Гракхов, земельный вопрос занимает одно из центральных мест в политической жизни Рима. Разоряющиеся крестьяне начинают искать выхода вне легальных форм, предоставляемых республиканской конституцией, они примыкают к революционным выступлениям рабов. В первом и втором Сицилийских восстаниях рабов, в революции Спартака, по свидетельству источников, участвовали «бедняки из числа свободных», «свободные крестьяне с полей»². На этом этапе крестьяне—только попутчики революции рабов. В последние века империи в массовых движениях угнетенных (агонистики, багауды), рабы и колонны действуют более сплоченно и вместе выступают против империи, потерявшей уже право на существование.

В Египте пассивное сопротивление крестьян римскому гнету—*ἀνταρξίησις*, бегство с земли—перерастает в активные выступления, против которых префекты бессильны. Уже вскоре после Акиума произошло в Фиваиде восстание из-за податей (Страб., XVII, 1, 53), а от Филона мы знаем, что египтяне были под позорением в революционных замыслах, так как часто восставали (in Фласс., 11). В 152—154 гг. произошло серьезное восстание, стоившее жизни префекту Египта. Постоянную угрозу римской власти в Египте представляли буколы, которые в 172—177 гг. подняли грандиозное восстание.

В крестьянской среде вызревали ростки нового, феодального способа производства. Колонат и сопутствовавший ему позднее патронат (*patronium vicorum*) подрывали изнутри рабовладельческую систему хозяйства и рабовладельческое государство, являясь элементами более прогрессивного способа производства.

На всем протяжении истории древности крестьяне, непосредственные производители, сами трудившиеся на земле, в массе представляли эксплуатируемую группу населения, и их положение непрерывно ухудшалось. По мере роста рабовладельческого хозяйства уровень жизни трудящегося крестьянина снижался до уровня раба. Вместе с тем господство рабского труда, превращая труд в рабское занятие, препятствовало повышению технического уровня сельского хозяйства и не давало, таким образом, крестьянам выхода из нужды в интенсификации земледелия и повышении доходности земли. Аграрный вопрос в древности, будучи, таким образом, производным от системы рабовладельческого хозяйства, не мог быть разрешен в рамках этой системы и был поэтому одним из условий крушения рабовладельческого строя общества. Без вниматель-

¹ Ф. Э н г е л ь с, Людвиг Фейербах (К. М а р к с, Избр. произв., т. I, стр. 353).

² Весь относящийся сюда материал собран в книге А. В. М и ш у л и н а, Спартакосское восстание, М., 1936.

ного изучения истории крестьянства нельзя до конца понять сложный процесс революции рабов и падения Римской империи.

Для правильного понимания социально-экономической сущности древних рабовладельческих обществ необходимо ясное понимание характера земельной собственности в древности. Ошибка буржуазных историков, усматривающих в древности феодализм или капитализм или сочетание того и другого, коренится, между прочим, в том, что они переносят в древность единственную признаваемую ими форму земельной собственности—капиталистическую, да и та изучается ими преимущественно со стороны юридической, а не экономической и исторической. Исследованию форм земельной собственности в древности посвящена работа К. Маркса «Формы, предшествующие капиталистическому производству». Маркс устанавливает для древности в основном три формы собственности—азиатскую, или восточную, античную и германскую, изучая их в диалектической связи и взаимодействии всех сторон производства и основанных на нем производственных отношений. Богатство мыслей и обобщений, основанных на огромном фактическом материале, содержащихся в работе К. Маркса, до сих пор не использовано советскими учеными в достаточной мере в конкретных исследованиях. Между тем именно недостаточное понимание специфического характера земельной собственности в древности приводит некоторых советских ученых к колебаниям и шатаниям в определении социально-экономического характера древневосточных и эллинистических государств. Исследование форм земельной собственности в разных странах древности и изменения этих форм в конкретных исторических условиях—одна из важнейших задач советской историографии.

Наши историки занимались и занимаются историей земельных отношений в древности, социальными движениями, в которых крестьяне играли видную роль. Можно назвать ряд посвященных этим темам работ акад. В. В. Струве¹, акад. А. И. Тюменева², акад. Н. М. Никольского³, Н. А. Машкина⁴, В. И. Авдиева⁵, А. Д. Дмитриева⁶, А. С. Бергера⁷. Но у нас нет пока ни одной специальной монографии, посвященной истории крестьянства и аграрному вопросу в древности, не говоря уже о каком-либо обобщающем труде на эту тему. Вышедший недавно фундаментальный труд акад. Б. Д. Грекова «Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века» мог бы послужить примером для историков древности. Конечно, исследование Б. Д. Грекова имеет своим объектом крестьянство эпохи феодализма. Но главы, посвященные крестьянству дофеодалного периода и движениям смердов, интересны не только для истории древней Руси, но и для древней истории вообще.

¹ В. В. Струве, Очерки социально-экономической истории древнего Востока. Изв. ГАИМК, М.—Л., 1934; его же, Речения Ипувера, 1935.

² А. И. Тюменев, О значении термина «Каль» в древнешумерском языке. ВДИ, 2 (1946).

³ Н. М. Никольский, Община в Южном Двуречье, ВДИ, 4 (1938); его же, К вопросу о ренте—налоге в древнем Двуречье, ВДИ, 2 (1939); его же, Частное землевладение и землепользование в древнем Двуречье, «Ист. журн.», № 1—2, 1945; его же, Мотивы крестьянского мессианизма в пророчествах VII в. «Ученые записки Инст. ист. РАНИОН», т. VII.

⁴ Н. А. Машкин, Агонистики, или циркумцеллионы, в кодексе Феодосия, ВДИ, 1 (1938); Движение агонистиков, «Историк-Марксист», 1935, № 1.

⁵ В. И. Авдиев, Сельская община и искусственное орошение на Древнем Востоке, «Историк-Марксист», 1934, № 6.

⁶ А. Д. Дмитриев, Движение багаудов, ВДИ, № 3—4 (1940); его же, Буколы, ВДИ, № 4, (1946).

⁷ А. С. Бергер, Социальное движение в древней Спарте.

Отсутствие у нас сводных, обобщающих работ по истории крестьянства в древности приводит к тому, что интересующиеся общими вопросами истории крестьянства и земельных отношений в древности вынуждены обращаться к работе буржуазного социолога М. Вебера, способной только дезориентировать читателя: эта книга не дает конкретной истории хотя бы даже в ее буржуазном понимании; она содержит главным образом абстрактные социологические схемы, в которых факты применяются к вечным, неизменным экономическим категориям, «идеально-типическим понятиям».

История крестьянства в древности, раскрывающая значение этой большой и экономически важной категории непосредственных производителей, их борьбу и социальные чаяния, анализирующая характер земельной собственности и землевладения в древности, обогатит и углубит наши познания о рабовладельческой общественно-экономической формации и о конкретной истории народов древности.

История крестьянства, его борьба против гнета и эксплуатации, полна трагизма, как и история всех трудящихся. «Десятки и сотни раз пытались трудящиеся на протяжении веков сбросить с плеч угнетателей и стать господами своего положения. Но каждый раз, разбитые и опозоренные, вынуждены были они отступить, тая в душе обиду и унижение, злобу и отчаяние и устремляя взоры на неведомое небо, где они надеялись найти избавление. Цепи рабства оставались нетронутыми, либо старые цепи сменялись новыми, столь же тягостными и унижительными. Только в нашей стране удалось угнетенным и задавленным массам трудящихся сбросить с плеч господство помещиков и капиталистов и поставить на его место господство рабочих и крестьян»¹. Только в союзе с революционным пролетариатом трудовое крестьянство, слившее свои интересы с интересами рабочего класса в Великой Октябрьской социалистической революции, освободилось от векового гнета и строит в союзе с рабочим классом новое коммунистическое общество. «Советское крестьянство,—сказал товарищ Сталин,—это совершенно новое крестьянство, подобного которому еще не знала история человечества»². Путь к этому новому крестьянству был длителен и труден. История крестьянства должна раскрыть историю его борьбы за раскрепощение и свободу, за сознательную счастливую жизнь.

¹ Из речи товарища Сталина на II съезде Советов 26 января 1924 г.

² И. С т а л и н, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, 1939, стр. 512.

Акад. В. В. Струве

ДАТИРОВКА I ВАВИЛОНСКОЙ ДИНАСТИИ

Древние цивилизации долины Нила и южного Междуречья вызвали удивление греков охватом своей исторической традиции, сохранившей в памяти имена и события далекого прошлого, оторванного от современных им дней пропастью многих веков и даже ряда тысячелетий. Подлинная же историческая традиция греков, как известно, восходила лишь к VIII в. до н. э.¹ Еще в дни Геродота знатные роды Милета считали своих предков богами². Поэтому Геродот и был столь поражен, когда жрецы Зевса (т. е. Амона) в Фивах показали ему 345 статуй верховных жрецов, соответствовавших 345 поколениям знатного жреческого рода стовражных Фив³.

Египетский историк Манефон, современник Александра Македонского и Птолемея I, написал на греческом языке труд по истории своей родины и подтвердил им древность традиции писцов и жрецов страны пирамид. Он уложил в пределы 3912 лет, т. е. 2 периодов Сотиса и 990 лет, историю одного лишь династического Египта вплоть до момента освобождения Александром Египта от персидского ига⁴.

Еще более величественной должна была казаться грекам хронологическая концепция истории южного Междуречья, созданная жрецами древнего Вавилона. Согласно Бероссу, вавилонскому историку рубежа IV—III вв.⁵, «записи многих сохраняются в Вавилоне с большой заботой примерно 480 000 лет, охватывая время около 215 мириад; эти записи охватывают истории о небе и о море и о первосоздании и о царях и о совершенных при них деяниях»⁶. Время царей, правивших в Вавилонии после потопа вплоть

¹ Как указывает Ed. Meyer («Geschichte des Altertums», III², стр. 204): «начала списка победителей в Олимпии 776 г., списка эфоров 755/4 г., списка архонтов Атики 682/1 г. являются первыми точно установленными датами греческой истории».

² Как, например, род милетского историка Гекатея (Геродот II, 143, 1). Правда, обычно насчитывались 20 поколений между эпохой богов и персидскими войнами. См. A. W i e d e m a n n, Herodots zweites Buch, Lpz., 1890, стр. 507—508.

³ Геродот, II, 143, 2—3, 5.

⁴ В. В. Струве, Хронология Манефона и периоды Сотиса («Сборник статей по вспомогательным историческим дисциплинам Института истории АН СССР», 1937), стр. 18 сл.

⁵ P. S c h n a b e l, Berossos und die babylonisch-hellenistische Literatur, Berl., 1923, стр. 5 сл.

⁶ См. издание фрагментов Беросса, приложенное к только что названному труду Schnabel'я, стр. 251.

до вступления на престол Александра Македонского, Беросс определил священным числом в 36 000 лет, т. е. в 10 саров по 3 600 лет¹.

Современной исторической науке удалось найти те списки царей, родословные, анналы и т. д., которые послужили источниками для трудов Манефона и Беросса. Основной царский список Египта, так называемый Туринский царский папирус конца XIX династии, поражает нас точностью своей хронологической традиции². Последняя была, конечно, обусловлена тем обстоятельством, что долина Нила, в противоположность южному Междуречью, очень рано, уже на рубеже IV—III тысячелетий, политически объединилась, и в дальнейшем период единства Египта значительно превышал периоды политического разединения страны.

Преобладание в Египте периодов политической централизации, а в Вавилонии политической децентрализации объясняют нам большую историческую ценность труда Манефона по сравнению с трудом Беросса. Благодаря указанному моменту Манефону удалось на основании дошедших до него аннал более или менее правильно установить хронологическую нить истории своей страны, избегнув ошибки включения в цепь последовательности событий одновременных. Хронологию же вавилонского жреца Беросса не удалось еще ни одному историку полностью согласовать с хронологией, устанавливаемой на основании подлинных памятников древней культуры южного Междуречья. Хронологическое построение Манефона было оценено уже на закате античной эпохи, и оно было использовано тогда для создания хронологической системы, измеряющей вечно текущий поток времени, омывающий и смывающий сменяющие друг друга государства прошлого³.

Действительно, задача, стоявшая перед халдейским жрецом Бероссом, была значительно более сложной, нежели задача, решенная египтянином Манефоном в его труде по истории своей родины. Дело в том, что те царские списки Вавилонии доэллинистической эпохи, которые нам становились известными, начиная с 1880 г., когда был издан так называемый список А вавилонских династий⁴, вызывают в отношении своей достовер-

¹ Я полагаю, что А. Гутшмидт, Эд. Мейер и П. Шнабель были правы, когда они установили для времени правлений царей после потопа это число в 36 000 лет. См. P. Schnabel, *Die babylonische Chronologie in Berossos' Babylonica* (MVAG, 1908, вып. 5, стр. 3). Правда, в своем вышеуказанном труде «Berossos», 1923, стр. 210 Шнабель уже не настаивал на данном взгляде. Его сомнения были обусловлены его новой догадкой, что «цари-мидяне» Беросса, являющиеся первой из династий, выделенных из общего числа царей после потопа, должны быть отождествлены не с I Вавилонской династией, как он предполагал раньше, а с гутеями. Я думаю, что его первое предположение было правильным и «мидян-царей» Беросса следует отождествить с царями аморейской династии Хаммурапи. Названы же они были Бероссом «мидянами» ввиду того, что Кудурмабук, отец Арадсина и Римсина, царя Ларсы, современника Синмубаллита и Хаммурапи, царей Вавилона, назывался «адда (защитник) страны аморитян». Кудурмабук же был, несомненно, эламитянином, а Элам мог быть сопоставлен Бероссом с Мидией.

² См. В. В. Струве, Манефон и его время («Записки Коллегии востоковедов», III) и его же, Царские списки Манефона (там же, IV).

³ См. В. В. Струве, Подлинный манефоновский список царей Египта и хронология Нового царства, ВДИ, 4(18), 1946. Здесь автор пытался доказать, что даже в настоящее время хронология Манефона, начиная с эпохи Нового царства, должна быть учтена историками древнего Египта. Учет ее, наверное, предохранил бы многих из них от увлечения остроумным, но мало вероятным построением K. Sethe о порядке следования Тутмосидов. См. В. В. Струве, История Тутмосидов («Сборник в честь Н. И. Кареева», Ленинград, 1923).

⁴ Он был издан Th. Pinches'ом в «Proceedings of the Biblical Chronology» 1880/81, стр. 21 сл. Ed. Meyer, op. cit., I³, стр. 325A, называет этот список, сохранивший лишь I и II из династий, правивших в эпоху преобладания Вавилона, «списком В», а более полный список вавилонских династий, изданный на несколько лет позже, «списком А». Я продолжаю держаться естественной нумерации, обусловленной временем издания обоих текстов.

ности справедливые сомнения. Последние были обусловлены в первую очередь тем, что списки династий, обнимающие, казалось бы, всю историю южного Междуречья, не дают никаких указаний на сосуществование в различных городах Вавилонии тех или других из перечисленных династий, но перечисляют их все как звенья непрерывной цепи следующих друг за другом во времени династий. Так, второй из списков династий города Вавилона, называемый некоторыми специалистами «списком В»¹, перечисляет первые три династии эпохи преобладания Вавилона, т. е. династию Хаммурапи, династию Моря и династию касситов, следующими друг за другом. Дошедшие же до нас синхронизмы дали историкам давно уже возможность установить факт, что некоторые из представителей названных трех династий являлись современными друг другу; таким образом, время правления этих династий, несомненно, хотя бы отчасти, совпадало².

Другим моментом, вызывающим сомнения в достоверности царских списков, является наличие в некоторых из них явных признаков не общевавилонской, а местных традиций. Определенное отражение последних мы находим в дошедших до нас списках, составленных в эпоху, предшествующую преобладанию Вавилона. В данном отношении является интересным список, ставший известным уже в 1911 г., на несколько лет раньше других списков династий, предшествовавших I Вавилонской династии. Указанный список происходит из города Киша и сохранился в копии эпохи I Вавилонской династии. Он начинается с перечисления царей династии Акшака, за которой следуют династии Киша, Урука, Аккада, опять Урука, а заключением его является указание на захват царства Урука гутеями³. Если мы сравним данный список, составленный в Кише со списками, дошедшими до нас от времени Энлильбани одиннадцатого царя династии Исины⁴, или Домикилишу, шестнадцатого царя этой династии⁵, или же пока неизвестного царя той же династии Исины⁶, то мы можем установить следующую любопытную вещь. В списке из Киша следует за указанием захвата городом Кишем царства Акшака имя Кубау, «корчемницы, которая основание Киша установила и стала царем». Время царствования ее определяется в 100 лет. За ней перечислены еще 7 представителей этой династии Киша. Последняя правила, согласно приве-

¹ Его также издал Th. Pinches и в том же журнале, 1883/84, стр. 193 сл.

² См. Ed. Meyer, *op. cit.*, I³, §§ 452, 453, 457.

³ Он издан V. Scheil'ем, CRAI, 1911, стр. 606 сл.

⁴ Он был раскопан в Ниппуре и издан A. P o e b e l 'ем в серии University of Pennsylvania «The University Museum Publications of the Babylonian Section», V, 1914, под № 2 на табл. II. Транскрипция и перевод напечатаны им в той же серии, IV, 1914, стр. 73—78. Обстоятельный комментарий к этому и другим им изданным спискам дал автор здесь же, стр. 97 сл. В дальнейшем я буду называть этот список P2.

⁵ Он был издан S. Langdon'ом в серии «Oxford Editions of Cuneiform Texts», II, 1923, табл. I—IV. Транскрипция и перевод даны здесь же, стр. 821. Текст, записанный на четырехгранной призме, сохранил нам список царей до потопа и почти полный список династий после потопа, предшествующих эпохе преобладания Вавилона. Текст входил в состав собрания Weld-Blundell под № 444, и я его в дальнейшем буду называть WB 444. Текст был найден в Ларсе, но поскольку список царей заканчивается на Синмагире, предпоследнем царе династии Исины, и кроме того перед именами ряда представителей этой династии поставлен детерминатив бога, то из этого следует, что список был составлен в Исине, а в Ларсе попал в качестве трофея или был списан писцом из Ларсы с оригинала, хранившегося в Ниппуре.

⁶ Он был раскопан в Ниппуре и был издан G. Legrain'ом в той же серии, что и P2, XIII, табл. 1. Транскрипция и перевод даны на стр. 24—28. Конец текста слишком фрагментарен, чтобы установить имя представителя династии Итина, в правление которого список находил свое завершение. В дальнейшем я буду называть список L1.

денной в тексте итоговой сумме правлений, 586 лет¹. В списках же, составленных при царях Исины, «корчемница» Кубау представляет собой со своей сотней лет правления единолично самостоятельную династию, третью династию из города Киша по счету списков эпохи Исины. В последних следует за правлением Кубау указание на то, что Киш был повержен оружием и его царство перешло к Акшаку². Лишь после 93-летнего правления династии Акшака вступает на престол Гимильсин, сын Кубау.

Я полагаю, что подобное расхождение между списком из Киша и списками эпохи династии Исины было обусловлено желанием писца-историка из Киша избежать представления знаменитой царицы своего родного города, Кубау, в качестве неудачливой правительницы. О значительности славы Кубау мы можем судить на основании того, что она упоминалась в текстах предзнаменований³, а также в позднем списке царей после потопа из библиотеки Ассурбанипала⁴.

Другой пример воздействия локальных политических установок на царские списки Вавилонии я нахожу в том факте, что в списках эпохи Исины среди династий из 11 различных городов не упомянута ни одна династия из города Лагаша, хотя таковая или таковые, несомненно, существовали, судя по современным памятникам⁵. Очевидно, подобное умолчание династий или династий Лагаша было обусловлено враждой к Лагашу составителей тех древних списков, которые легли в основу компиляции писцов времени династии Исины.

Влияние местного патриотизма можно отметить и в дошедших до нас списках царей до потопа. В бероссовском списке царей до потопа Вавилон является тем городом, который дал человечеству первых двух царей. В списке же царей до потопа, сохранившемся на табличке из города Ларсы, мы находим Ларсу среди царских городов до потопа⁶. Большой список времени династии Исины, так называемый текст W B 444, перечисляет перед царями после потопа и царей до потопа, но он, конечно, не перечисляет среди древних их столиц Ларсы, города, с которым Исины приходилось бороться не на жизнь, а на смерть.

Такое воздействие местной традиции на списки царей, правивших как будто бы над всем южным Междуречьем, снижает, несомненно, историческую ценность данных текстов. Другим же моментом, заставляющим отнестись с недоверием к достоверности царских списков Вавилонии, являются фантастические цифры лет правления династий, царствовавших не только до потопа, но и после потопа. Так I династии из города Киша, пер-

¹ Общая сумма лет правления династии, данная в тексте, не совпадает с действительной суммой лет правлений отдельных представителей династии. Остроумнейшие объяснения данного противоречия в тексте были предложены Peiser'ом (OLZ, 1912, стр. 112, 154), Pöbel'ем (там же, стр. 289 сл.), Weidner'ом (там же, стр. 534 сл.) и др. Список W B 444 разъяснил указанное противоречие, сведя на-нет все предложенные ранее объяснения.

² Это прямо засвидетельствовано в W B 444, ст. V, 42 сл. В P 2 и L 1 можно установить выделение столетнего правления Кубау в самостоятельную III династию Киша путем бесспорного умозаключения.

³ Pöbel, op. cit., IV, стр. 130 и прим. 2.

⁴ Там же, стр. 129.

⁵ Эаннатум I, победитель царя Киша, называл себя царем на стеле коршунгов. Урукagina также себя объявил царем.

⁶ Этот текст входил также в вышеназванное собрание Weld-Blundell под № 62, опубликован S. Langdon'ом JRAS, 1923, стр. 256. См. его же, op. cit., стр. 2. В дальнейшем я текст буду называть W B 62. Писец из Ларсы, составивший этот список династий «до потопа», поставил в тексте свой родной город лишь на второе место, после Эриду. Очевидно, он не осмелился посягнуть на первенствующее положение древнего города бога Эа. Жречество же Вавилона, затмившего все прочие города страны, уже не останавливалось перед тем, чтобы поставить на первое место город Мардука.

вой из династий после потопа, даны в списке WB 444—24510 лет, I династии из Урука—2310 лет, II династии из Киша—3195 лет и т. д. Подобных невозможных чисел мы не встречаем ни в доэллинистическом Египте (Туринский царский папирус), ни в египетской историографии эллинистической эпохи (Манефон). Далее, первые 2 династии «после потопа» царских списков времени династии Исины, а именно I династия Киша и I династия Урука, восходят, судя по именам некоторых их представителей, еще к эпохе мифов и легенд. Так, одним из царей I династии Киша был Этана, пастух, который «на небо вознесен и который чужеземные страны сделал преданными». Он, очевидно, тождествен с древним героем Этаной, который на орле взлетел к небу богини Иштарь, чтобы добыть у ней траву рождения для своей беременной жены. Первым представителем I династии Урука был Мескиламшир, «сын бога Солнца и верховный жрец». Третьим царем династии был даже бог, а именно бог Лугальбанда, почитаемый в Эрехе (Уруке). Его преемником был «божественный Думузи, рыбак, город которого был Хабур (т. е. Эриду)». Думузи, включенный также в список царей до потопа в качестве пятого царя этого древнейшего периода истории человечества¹, соответствует великому Таммузу, богу умирающему и воскресающему, любовнику Иштарь, прекрасной богини Урука. За Думузи следовал герой эпоса народов Передней Азии, мощный умом и телом Гильгамеш, царь Урука, который

«потаенное видел, сокровенное знал,
и принес он вести о днях до потопа»².

Царствования всех этих богов и героев определялись веками, и лишь о шестого царя I династии Урука—Урнунгалия, сына Гильгамеша, представители ее царствуют в течение того числа лет, которое мыслимо в мире смертных людей.

Все вышеприведенные моменты, характеризующие царские списки Вавилонии,—отсутствие указаний на сосуществование, хотя бы частичное, тех или других из перечисленных династий, воздействие на них местных традиций отдельных городов, фантастические цифры правлений ряда династий и, наконец, наличие среди царей и династий после потопа ряда персонажей мифа и эпоса—являются, несомненно, моментами, отрицательными для исторического источника. Они заставили исследователей относиться весьма критически к возможности использования царских списков Вавилонии для построения хронологического костяка истории южного Междуречья.

Поэтому историки Древнего Востока пытались и после ознакомления с почти полным списком доавилонских династий в призме WB 444 и со списком В вавилонских династий так настойчиво установить хронологию южного Междуречья на основании астрономических дат, засвидетельствованных двумя астрономическо-астрологическими текстами из библиотеки Ассурбанипала. Последние посвящены наблюдениям о движениях планеты Венеры, о ее первом восходе и заходе и о периоде ее невидимости в связи с фазами луны. Наблюдения обнимают 21 год правления царя Аммисадуги, предпоследнего царя I Вавилонской династии, династии Хаммурапи³.

Наблюдения над движениями Венеры, произведенные в правление Аммисадуги, являлись по существу таким же рычагом для определения абсолютной даты правления Аммисадуги, а через это и всей династии Хам-

¹ Как в списке WB 444, так и в списке WB 62.

² Перевод В. К. III и л е й к о.

³ F. X. K u g l e r, Sternkunde und Sterndienst in Babel, II, 1912, стр. 257 сл.

мурапи, как и указание восхода Сириуса в папирусе Кахунского архива от седьмого года Сенусерта III для определения абсолютной даты знаменитой XII династии Египта¹. Как известно, на основании свидетельства названного Кахунского папируса удалось определить время правления XII династии годами 2000—1788. Последующие исследования по существу лишь подтвердили достоверность этой даты².

К сожалению, историки Вавилонии оказались при решении проблемы использования для хронологии древних указаний о движениях Венеры перед значительно более сложной задачей, нежели историки Египта при использовании даты восхода Сириуса в Кахунском папирусе. Действительно, начиная с 1912 по 1924 г., были предложены различными исследователями следующие датировки правления названного царя: 1977—1957, 1801—1787 и, наконец, 1921—1901 гг.³. Последняя датировка установлена английским астрономом Фосерингемом, и к ней примкнули другие наиболее авторитетные исследователи—специалисты в области прикладной астрономии⁴. Она была принята и рядом историков⁵, в том числе и автором настоящей статьи⁶, поскольку все прочие предложенные датировки не считались с астрономически безупречной аргументацией Фосерингема⁷ и придвигали время правления названного царя примерно на 60 или 120 лет на основании не вполне убедительных и противоречащих друг другу аргументов. Установка на датировку I Вавилонской династии, предложенную Фосерингемом,—2169-1870 гг.⁸—казалась тем более закономерной, что за нее говорила не только астрономическая аргументация, но и, повидимому, свидетельства нескольких надписей царей Вавилонии и Ассирии.

Так, четвертый царь IV Вавилонской династии Энлильнадинбал (1122—1117)⁹, сын Навуходоносора I, сообщает, что Гулкишар, шестой царь II Вавилонской династии, подарил богине Нина участок земли в области города Дер, расположенного у Тигра, а он сам, т. е. Энлильнадинбал, снова передал упомянутое угодье богине в четвертом году своего правления¹⁰. Вместе с тем он указывает, что правление Гулкишара было отделено от царствования Навуходоносора I 696 годами¹¹. Следовательно, со времени

¹ L. Borchardt, «Zeitschrift für ägyptische Sprache und Wissenschaft», 37 (1899), 99 сл. и Ed. Meyer, op. cit., I³ § 282.

² Так, в самое последнее время египтолог W. F. Edgerton, *Chronology of the twelfth Dynasty* (JNES I, 1942, стр. 307 сл.) пришел почти к тому же самому определению времени XII династии. Попытка O. Neugebauer'a и J. Capart'a (*Chronique d'Égypte*, № 28, 1939, стр. 258—62) свести на-нет значение дат Сотиса для хронологии встретила веские возражения со стороны S. Smith'a, (*Alalakh and Chronology*, L., 1940, стр. 29—30, прим. 88).

³ См. Ed. Meyer, *Die ältere Chronologie Babylonien, Assyrien und Ägyptens*, Stuttgart u. Berl., 1925, стр. 3—5.

⁴ C. Schoch и P. Schnabel, см. Ed. Meyer, op. cit., стр. 4, прим. 3, стр. 5, прим. 2.

⁵ Так, коллективом историков САН, II², 1931, стр. 696, прим. 1 и I², стр. XIV.

⁶ См. «История Древнего Востока», Ленинград, 1941, стр. 40 сл.

⁷ См. таблицу с датировками правлений царей I Вавилонской династии, предложенными различными исследователями у А. П. Р и ф т и н а. «Старовавилонские документы в собраниях СССР», Ленинград, 1937.

⁸ Списки А и В сохранили нам полностью перечень правлений царей I Вавилонской династии, и мы поэтому можем, определив время царствования Аммисадуги, установить абсолютную дату всей династии Хаммурапи.

⁹ Согласно определению F. Weidner'a в хронологических таблицах, приложенных к труду В. Мейсснера «Babylonien und Assyrien», II, 1924, стр. 439 сл.

¹⁰ Очевидно, цари IV Вавилонской династии, сменившей династию касситов, рассматривали себя преемниками II Вавилонской династии, поскольку они стремились восстановить благочестивые дарения последних богине. Очевидно, некоторые из дарений II Вавилонской династии были отменены династией касситов (III Вавилонской династией).

¹¹ H. V. Hilprecht, *The Babylonian Expedition of the University of Pennsylvania*, I, 1, табл. 30 сл.

царствования Гулкишара до четвертого года Энлильнадинбала прошло, согласно свидетельству последнего, ровно 700 лет¹, и в таком случае правление Гулкишара падало бы на время около 1820 г. до н. э. Подобная датировка Гулкишара влечет за собой отнесение времени царствования Илумаилы, первого царя II Вавилонской династии, примерно к 2020 г.² Поскольку Илумаила был современником Самсуилуны, сына Хаммурапи, то дата его правления, полученная на основании свидетельства надписи Энлильнадинбала, подкрепляет хронологическую систему, созданную Фосерингэмом, определившим время царствования Самсуилуны 2024—1987 гг.³

За долгую хронологию, установленную Фосерингэмом, говорит также и дата надписи царя Набонида (555—539) о том, что ему удалось найти после долгих поисков в фундаменте храма Эбарра в городе Ларсе документ основоположения «Хаммурапи, древнего царя, который 700 лет до Бурнабуриаша Эбарра и зиккурат (храмовую башню) над древним камнем основоположения для бога Шамаша построил»⁴. Если мы даже предположим, что в лице названного Бурнабуриаша писец царя Набонида имел в виду Бурнабуриаша, жившего на рубеже XV и XIV вв.⁵, а не Бурнабуриаша I, более древнего представителя касситской династии, то и в таком случае время Хаммурапи должно быть отнесено к XXI в. до н. э., т.е. ко времени, определенному Фосерингэмом. За хронологию, предложенную английским астрономом, говорит, казалось бы, и указание Набонида о том, что восстановление им храма богини Анунит в Сиппаре было отделено от построения данного храма Шагарактишуриашем, двадцать седьмым царем касситской династии⁶, восемью столетиями⁷. Царь Шагарактишуриаш правил, следовательно, согласно этому свидетельству, примерно во второй половине XIV в., а подобная датировка его царствования может быть согласована лишь с хронологической системой, предложенной Фосерингэмом. Она никак не может быть принята теми исследователями, которые придерживались более краткой хронологии и определяли тем самым царствование Шагарактишуриаша 1262—1250 гг.⁸

Правда, большая надпись Набонида, сохранившая дату построения сиппарского храма Анунит Шагарактишуриашем, содержит еще одну дату, которая всеми историками последнего полустолетия характеризовалась как нелепая и фантастическая. Я имею в виду справку о времени жизни Нарамсина, знаменитого царя династии Аккада, которую Набонид приводит в своей надписи, повествующей о его строительной деятельности в связи с восстановлением храма богу Шамашу в Сиппаре. На глубине 18 локтей под фундаментом древнего храма он нашел надпись Нарамсина и мог с гордостью заявить, что «камень основоположения Нарамсина, сына Саргона, который 3200 лет ни один из живших до меня царей не видел, дал Шамаш, великий владыка Эбарра, храма его радости сердца, мне узреть»⁹. Несомненно, данная справка о времени жизни Нарамсина, царя династии Аккада, является невозможной в свете наших современных знаний исто-

¹ Ed. Meyer, op. cit., I², § 327A.

² Первый год царствования Илумаилы был отделен от первого года правления Гулкишара, согласно списку В, 193 годами.

³ Это подчеркивает и Ed. Meyer в «Ältere Chronologie», стр. 10—11.

⁴ S. Langdon, Die Neubabylonischen Königsinschriften (VB, IV, 1912, стр. 328, 20—25).

⁵ Бурнабуриаш II правил, начиная с последних лет царствования Аменхотепа III, правившего, если верить хронологии Манефона, с 1455 по 1419 г. Следовательно, начало правления Бурнабуриаша II падало примерно на 1420 г.

⁶ Я следую здесь указанному в прим. 2 на стр. 14 списку царей Вейднера.

⁷ S. Langdon, op. cit., стр. 228, 27—29.

⁸ См. список Вейднера.

⁹ S. Langdon, op. cit., стр. 226, 56—60.

рии южного Междуречья, но из этого отнюдь не следует, что и другие даты надписей Набонида о времени жизни царей вавилонских династий являются несуразными или фантастическими. Дело в том, что для писцов Набонида, несомненно, было более простым делом установить время правления любого царя одной из вавилонских династий, нежели время царя, правившего до эпохи преобладания города Мардука. Для определения даты царей Хаммурапи, Бурнабуриаша или Шагарактишуриаша они располагали канонизированными списками вавилонских династий, вроде вышеупомянутых списков А и В. Для определения же времени жизни царя Нарамсина они должны были произвести трудоемкие расчеты на основании различных древних списков доавилонского периода, которые должны были быть предварительно сведены к единому знаменателю. Работа по определению даты жизни Нарамсина, несомненно, не была проведена к началу царствования Набонида, поскольку она не была выполнена при его предшественнике Навуходоносоре II¹. Поэтому писцы Набонида и не смогли дать царю требуемую им справку о жизни Нарамсина немедленно после открытия его надписи об основоположении храма Шамаша. Подобная задержка справки и обусловила отсутствие в трех надписях Набонида, повествующих о находке им в сиппарском храме Шамаша документа основоположения Нарамсина, указания на время жизни древнего царя². Наконец, в упомянутой выше большой надписи, подводившей итоги его строительной деятельности, Набонид мог указать на то, что 3 200 лет отделяют его царствование от царствования Нарамсина. Он получил эту справку от своих писцов, очевидно, лишь после настойчивых требований со своей стороны³. Ради выполнения требования царя писцам Набонида пришлось проделать весьма нелегкую, кропотливую работу. Они должны были создать свою хронологическую систему, обнимающую всю историю южного Междуречья. Эта хронологическая система постулировала, как мы увидим ниже, те «фантастические» 3 200 лет, которые отделяли, согласно надписи Набонида, его царствование от времени Нарамсина. В дальнейшем я попытаюсь также показать, каким образом могли получиться справки писцов Энлильнадинбала и Набонида о времени жизни царей Хаммурапи, Гулкишара, Бурнабуриаша и Шагарактишуриаша, подтверждающие, казалось бы, хронологическую систему Фосерингама, которая тем не менее теперь оказалась ошибочной.

Столь же определенно, как и справки писцов названных вавилонских царей, поддерживает, казалось бы, хронологию Фосерингама справка писцов ассирийского царя Ассурбанипала о времени одного из событий истории Вавилона, а именно вторжения эламского царя Кудурнахунди I в пределы южного Междуречья. Согласно надписи Ассурбанипала, восхваляющей его победу 645 г. над Эламом, ассирийский царь волею богов отомстил Кудурнахунди за разрушение аккадских храмов и за опустошение страны Аккада, произведенное эламским царем во время его похода 1635 лет назад⁴. Поход Кудурнахунди, датированный, следовательно, 2280 г. до н. э., сопоставлялся раньше автором настоящей статьи со вторжением эламитян, положившим конец III династии Ура, поскольку данное

¹ Навуходоносор II (604—561) не указывал времени правления Нарамсина в своей надписи о восстановлении храма Лугальмараша в Мараше, где он раскопал документ основоположения царя Аккада. См. S. Langdon, *op. cit.*, стр. 78, 26—27.

² S. Langdon, *op. cit.*, стр. 238, 18; 246, 30 и 264, 31.

³ B. Meissner, *Babylonien und Assyrien*, II, стр. 363.

⁴ H. C. Rawlinson, *The Cuneiform Inscriptions of Western Asia*. III, 38, № 1. Перевод см. D. D. Lucke dill, *Ancient Records of Assyria and Babylonia*, II, 1927, § 923.

событие, согласно хронологической установке Фосерингэма, падало примерно на 2300 г. до н. э. К сожалению, в настоящее время приходится полностью отказаться от возможности использования этой справки писцов Ассурбанипала, как и от использования вышеприведенных справок писцов Энлильнадинабала и Набонида. Хронологическая система Фосерингэма, которую поддерживали справки указанных царей, оказалась лишенной своей основной опоры в свете исследований последних лет по хронологии южного Междуречья.

Основой хронологической системы Фосерингэма было, как мы выше видели, определение им времени I Вавилонской династии 2170—1870 гг.; ошибочность этого определения была установлена новейшими археологическими открытиями в Передней Азии как в области памятников вещественных, так и памятников письменных. Клинописные таблички из древнего Мари на среднем Евфрате, керамика и таблички, раскопанные в сирийском городе Алалах¹ и в городищах, раскапываемых в долине реки Хабур², предметы быта и искусства и тексты из Рас-Шамра, а также до некоторой степени и новый список ассирийских царей, найденный в 1932—33 гг. в Хорсабаде, но ставший доступным лишь в 1942—43 гг.³, доказали со всей убедительностью необходимость придвинуть I Вавилонскую династию на несколько столетий ближе к нам.

Установление этого существеннейшего факта в истории древней Передней Азии было достигнуто комплексным исследованием всех вышеперечисленных источников⁴. Последние в противоположность вышеуказанным астрономическим текстам из библиотеки Ассурбанипала связаны не с царствованием сравнительно менее значительного представителя I Вавилонской династии, каким был Аммисадуга⁵, но относятся либо прямо, либо косвенно к личности наиболее славного представителя I Вавилонской династии—великого Хаммурапи. Так, в царском архиве, открытом французской археологической экспедицией при раскопках города Мари, столицы довольно крупного царства на среднем течении Евфрата, были найдены клинописные таблички, доказывающие, что царь Зимрилим, которому принадлежал данный архив, был современником Хаммурапи, творца знаменитого судебногоника⁶.

Тот же самый архив царя Зимрилима подарил нам другое важное свидетельство о синхронности с тем же Хаммурапи, царем Вавилонии, ряда правителей южного Междуречья и Сирии в письме, адресованном Зимрилиму одним из его сановников. Автор письма указывает на то, что в настоящее время нет в мире царя, который бы мощью своего государства выделялся среди прочих правителей: «Там нет царя, который является сильнейшим сам по себе. За Хаммурапи, мужем Вавилона, следуют

¹ Алалах соответствует современному Атшана, несколько к востоку от места, где река Оронт начинает направлять свое течение на запад к морю и к югу от дороги, соединяющей Алеппо с Антиохией. Ср. S. Smith, *Alalakh a. Chronology*, London, 1940, стр. 31.

² S. Smith, *op. cit.*, стр. 4 сл.

³ A. Pöbel, *The Assyrian King-list from Khorsabad*, JNES, I (1942), стр. 247 сл., 460 сл. и II (1943), стр. 56 сл.

⁴ Установили его независимо друг от друга: в 1940 г. S. Smith в «*Alalakh a. Chronology*», W. F. Albright в *BASOR*, 77(1940), стр. 25 сл. и A. Ungnad, в «*Eine neue Grundlage für die altorientalische Chronologie*», AOF, XIII (1940), стр. 145 сл. Последний из названных авторов пришел к своему выводу на основании свидетельства одних лишь письменных источников без привлечения археологического материала.

⁵ Конечно, он был второстепенным государственным деятелем по сравнению с первыми царями династии. Тем не менее мы впоследствии увидим, что и его значение было уже не столь малым.

⁶ См. статьи C. F. Jean'a, *RAS.*, XXXV, стр. 113 сл. и Dossin'a, там же, стр. 46 сл.

10 или 15 царей, за Римсином, мужем Ларсы, столько же, за Ибалпиэлом¹ мужем Эшнунны¹, столько же, за Амутпиэлом, мужем Катаны², столько же. За Яримлимом, мужем Ямхада, следуют 20 царей³.

Согласно данному письму, последний из перечисленных царей—Яримлим, муж Ямхада, —располагал наибольшим количеством подвластных ему глав мелких государств. В других текстах из архива Мари Яримлим назывался царем Халаба (Алеппо), следовательно, Ямхад было названием государства Яримлима, а Халаб названием его столицы⁴. Другим городом, входившим в состав государства царя Яримлима, был открытый на месте современного Атшана незадолго до войны древний Алалах. Клинописные таблички, найденные здесь в раскопанном дворце, были датированы годами правления трех царей из Ямхада по имени Яримлим, Хаммурапи и Никмезпух⁵. Эти таблички были найдены в седьмом слое ареала раскопанного дворца, датируемом свидетельством данных керамики временем не ранее XVIII в. до н.э.⁶ Тем самым устанавливается, что царь Яримлим, первый из известных нам царей Ямхада, современник Хаммурапи, законодателя Вавилона, должен быть отнесен к одному из десятилетий XVIII в.

Раскопки в городищах долины реки Хабур дали возможность определить и другой, не менее существенный, момент для установления точной хронологии истории Передней Азии. В городище Хагер-Базар были раскопаны клинописные таблички, примерно современные правлению Яримлима, царя Ямхада, так как они были найдены вместе с керамикой, характерной и для VII слоя дворца города Алалах. Таблички из Хагер-Базар сказались датированными годами правления ассирийского царя Шамшиадада I⁷. Следовательно, правление Шамшиадада I, одного из царей древнего периода Ассирии, относится также, несомненно, к XVIII в. до н. э. Таким образом, историческая наука получила впервые объективный критерий для определения временных рамок ранней истории ассирийского государства. Дело в том, что ассирийские списки, известные до Хорсабадского списка, не давали возможности, отчасти вследствие своей плохой сохранности, установить, хотя бы приблизительно, время правления царей Ассирии III и начала II тысячелетий⁸. Поэтому и оставался почти бесполезным для историка синхронизм царя Ассирии Шамшиадада I и царя Вавилона Хаммурапи, засвидетельствованный уже давно юридическим документом из Сиппара от 10 года Хаммурапи, в котором контрагенты клялись жизнью Хаммурапи и Шамшиадада⁹. В текстах из Мари Тюр-Данжен нашел в 1937 г. новое свидетельство тому, что Шамшиадад I и Хаммурапи

¹ Город, расположенный к востоку от Тигра на южном берегу нижнего течения Диалы.

² Город перечисляется в одном из текстов архива Мари между Халабом (Алеппо) и Библом. Вероятно, Катана тождественна с Катной Амарнской переписки, которая, в свою очередь, была отождествлена французскими археологами с городищем в 18 километрах к северо-востоку от Хомса, раскапываемым ими с 1926 г. См. A. Moret «Histoire de l'Orient», I, 1936, стр. 462, где приведена главнейшая литература. К отождествлению Катаны архива Мари с Катной см. G. Dossin в «Syria», XX (1939), стр. 111, прим. 3 и W. F. Albright, «Archaeology and the Religion of Israel», Baltimore, 1942, стр. 105 и 202.

³ G. Dossin в «Syria», XIX (1938), стр. 117—8; S. Smith, op. cit., стр. 1.

⁴ См. статьи, указанные в прим. 4 на стр. 17.

⁵ S. Smith, op. cit., стр. 10.

⁶ Там же, стр. 9 и 27.

⁷ Там же, стр. 4.

⁸ Пожалуй, и царский список из Хорсабада не является в историческом отношении столь ценным, как это можно было первоначально предположить.

⁹ См. H. R a n k e, Babylonian Legal and Business Documents from the Time of the First Dynasty of Babylon («Babylon. Expedition», Серия A, VI, 1, № 26).

были современниками. При этом он мог установить, что Шамшиадад I был во второй половине своего царствования современником Хаммурапи, царя Вавилонии¹. Материал же архива города Мари дал возможность еще более подкрепить указанный синхронизм документами из Ашджали (городища в 20 километрах к югу от Багдада), опубликованными в 1931 г. Таблички из Ашджали засвидетельствовали тот факт, что на время правления Ибалпиэла, царя Эшнунны, упоминаемого, как мы выше видели, в архиве Мари в качестве современника Хаммурапи, падал год смерти Шамшиадада I². К сожалению, все эти свидетельства о сосуществовании Хаммурапи и Шамшиадада I сами по себе не могли способствовать установлению точной даты правления царя Хаммурапи, поскольку время царствования его старшего современника, названного ассирийского царя, не могло быть определено с достаточной уверенностью. Поэтому еще в 1939 г. американский ассириолог Якобсен избрал в своем тщательном исследовании о сумерийских царских списках за основу своего хронологического построения определение Фосерингэмом времени I Вавилонской династии, хотя ему, конечно, был хорошо известен неоднократно тогда уже засвидетельствованный факт синхронизма царствований Хаммурапи и Шамшиадада³.

В настоящее же время на основании археологического материала, добытого в городищах Сирии, мы можем с полной уверенностью утверждать, что время правления и Шамшиадада I и его младшего современника Хаммурапи следует отнести к XVIII в. до н. э.

Датировка царствования Хаммурапи XVIII веком до н. э. устанавливается не только на основании данных керамики в Алалахе и городищах долины Хабур, но и на основании свидетельства раскопанных в городах Сирии египетских памятников XII династии, которая, как мы выше видели, может быть сравнительно точно датирована годами 2000—1788⁴. Действительно, в Рас-Шамра, где была раскопана столица древнего царства Угарит, были найдены египетские памятники времени царя Сенусерта II, четвертого царя славной XII династии, на уровне, более низком, чем тот, в котором были раскопаны предметы, датируемые временем I Вавилонской династии. Вполне возможно, что последние были представлены и в слое более позднем, нежели тот, в котором сохранились обломки сфинкса одного из последних царей XII династии — Аменемхета III (1849—1801)⁵. Цилиндры же типа I Вавилонской династии лежали в гробницах, раскопанных в Рас-Шамра, вместе с керамикой и скарабеями, датируемыми XVIII—XVII веками⁶.

За то, что время царствования Хаммурапи следовало за правлением Аменемхета III, говорит и факт интенсивного проникновения египетского влияния при XII династии в Палестину и Сирию, засвидетельствованный литературными памятниками Египта, как, например, рассказом Синухета, современника первых царей XII династии. Синухет, бежавший из Египта, находит убежище у царя страны Ретену, области в средней Сирии, и тот ему заявляет о следующем любопытном факте: «Тебе у меня будет хорошо — ты

¹ RAs, XXXIV, стр. 135 сл.

² H. F. Lutz, *Legal and Economical Documents from Ashjâly*, 1931, № 5 и 6. Цитирую по Ungnad, AOF, XIII, стр. 145.

³ Th. Jacobsen, *The Sumerian King-list*, Chicago, 1939. К сожалению, я мог ознакомиться с этим ценным трудом американского ученого лишь по краткой рецензии в ZAs, 46(1940), стр. 237.

⁴ Или же, принимая уточнения W. F. Edgerton, JNES, I (1942), стр. 314, время XII династии падало на годы 1989—1776.

⁵ Или же, согласно Эджертоу, 1837—1789 гг.

⁶ Schaeffer, *Ugaritica*, I, 18, прим. 2. Я цитирую по S. Smith'y, op. cit., стр. 15. Последний замечает в связи с данными положениями французского археолога, что «это — заявления не выводов, а фактов».

услышишь египетскую речь». К данным словам азиатского царька Синухет замечает: «Это он сказал мне, ибо знал, кто я, и слышал о моих способностях—ему засвидетельствовали об этом египтяне, находившиеся там у него»¹. Когда же Синухет впоследствии добился в стране Ретену высокого положения, то он с гордостью повествует о том, что египетский «посол, отправлявшийся на север или юг—ко двору, останавливался у меня»².

Надпись египетского воина Хевсобка свидетельствует о вторжении египетских войск при Сенусерте (Сесострисе) III в центральную Палестину вплоть до Сихема³. Несомненно, этот поход Сенусерта III, засвидетельствованный надписью одного из его участников, не являлся единственным из походов царей XII династии в Сирию. Результатом походов была зависимость ряда областей Палестины и Сирии от царей XII династии, как об этом свидетельствуют так называемые «тексты проклятий»⁴. Лишь при допущении многочисленных завоевательных походов фараонов в Палестину и Сирию в эпоху XII династии могла создаться историческая легенда о великом завоевателе Сесострисе, в образе которого слились воедино и Сенусерты XII династии и Рамсес II-Сесострис XIX династии. За широкое распространение египетского влияния и даже политического господства говорят данные раскопок последнего десятилетия до войны. Среди городов-государств Сирии, находившихся в политической зависимости от Египта, можно указать, в первую очередь, на Библ, который с древнейших времен пребывал с Египтом в тесной экономической и культурной взаимосвязи⁵. Вероятно, в некотором подчинении по отношению к Египту был и Алалах. По крайней мере, на печати брата вышеупомянутого Яримлима, царя страны Ямхада, изображен египетский бог, культ которого был введен, очевидно, в предшествующую эпоху, до установления царства Яримлима⁶. По мнению некоторых исследователей, о длительном господстве Египта над царством Угарит свидетельствует наличие египетских памятников, как сфинкса Аменхета III, статуи египетской царевны и т. д.⁷, раскопанных в Рас-Шамра⁸. Раскопки установили сильное воздей-

¹ Б. А. Тураев, Рассказ египтянина Синухета, Москва, 1915, стр. 18. В прим. 2 Б. А. видит в цитированных мной словах текста: «Весьма ценное указание на оживленные сношения в эпоху Среднего Царства Египта с Азией. Имеются в виду, вероятно, подобные же эмигранты».

² Б. А. Тураев, там же, стр. 23. По поводу этих слов рассказа Синухета Б. А. замечает: «Еще замечательное по ценности свидетельство о сношениях Египта, на этот раз дипломатических, с внешним миром в ту эпоху, от которой у нас пока нет документальных указаний на это».

³ Надпись воина Хевсобка дана в иероглифической автографии К. Sethe «Aegyptische Lesestücke», Lpz., 1928, № 22 (стр. 82—3). Перевод ее см. J. H. Breasted «Ancient Records of Egypt», I, §§ 676—687.

⁴ Первое собрание черепков с текстами проклятий, обращенных к врагам фараона, как египтянам, так и иноземцам, было издано К. Sethe («Die Achtung feindlicher Fürsten, Völker u. Dinge auf altägyptischen Tongefäßscherben des Mittleren Reiches» в ARAW, 1926, Phil.-hist. Klasse, № 5). Правильную датировку этих первых известных нам текстов проклятий (конец XII или начало XIII династии) установил Н. А. Мещерский в своем исследовании «Черепки проклятий», ДАН, 1928. Второе собрание подобных текстов, датируемых серединой XII династии, стало предметом исследования французского египтолога G. Rosener. «Nouvelles listes de proscription datant du Moyen Empire» («Chronique d'Égypte», XIV (1939), стр. 39 сл.). Здесь же приведена и литература о первом собрании черепков.

⁵ См. A. Moret, Histoire de l'Orient, I, стр. 460 сл. Этот параграф труда А. Мора прямо назван: «Библ—вассал Египта». Библ оставался—дольше прочих городов-государств Сирии—в некоторой зависимости от Египта. По крайней мере, в одной из надписей Ноферхотепа I, царя XIII династии, упоминается царек Библа Иентек. Надпись издана P. Montet, «Kemi», I, 90 сл. См. S. Smith, op. cit., стр. 48.

⁶ S. Smith, op. cit., стр. 13 сл.

⁷ «Syria», X (1929), табл. LIX, 4; XIII (1932), табл. XIV, 1; XIV (1933), стр. 120; табл. XV, 4.

⁸ Schaeffer, Ugaritica, I, 20 сл. и S. Smith, op. cit., стр. 15.

стве египетской культуры и в других городах Сирии и Палестины¹. Подобное проникновение Египта в Сирию не могло бы иметь места при наличии в Сирии сильных государств, как, например, Ямхад, возглавляемый царем Яримлимом, или царство Катаны-Катны², управляемое Амутпиалом, объединявших во время Хаммурапи, как мы выше видели, до 40 городов-государств Сирии. Государства Ямхада и Катны создались, очевидно, в результате длительных военных столкновений, свидетельство о начале которых мы, кажется, уже находим в рассказе египтянина Синухета, современника первых двух царей XII династии. Синухет сообщает нам следующий заслуживающий внимания факт из своей деятельности во время пребывания у царя страны Ретену в средней Сирии: «Когда бедуины осмеливались выступить против князей пустыни, я давал советы во время движения последних, и этот князь страны Ретену сделал меня на много лет начальником его воинов»³. Следовательно, уже в самом начале XII династии при Сенусерте I имела место в Сирии борьба между кочевыми племенами и областями с оседлым населением⁴, во главе которых стояли правители, называемые «князьями пустыни».

«Князьями пустыни», как известно, назывались впоследствии первые гиксосские цари, завоевавшие долину Нила. Ослабление Египта, сделавшее возможным подобное завоевание, началось уже в конце XII династии, может быть, даже в последние годы царствования Аменемхета III — в конце XIX в. до н. э. Внутренние смуты заставили государство фараонов отказаться от проникновения в Сирию, и тогда могли создаться необходимые предпосылки для появления вполне самостоятельных государств в Сирии, как царство Ямхада и царство Катаны-Катны. Первый решительный удар египетскому преобладанию в Сирии был нанесен, надо полагать, ассирийским царем Шамшиададом I, старшим современником Хаммурапи, царя Вавилона, Яримлима, царя Ямхада, и царя Катаны Амутпиала. Поскольку Яримлим, как мы выше видели, должен быть отнесен к XVIII в. до н. э., то этим же примерно временем должно быть датировано и правление Шамшиадада I, поставившего, согласно надписи из Ассура, свой памятник на берегу Средиземного моря⁵. Возможно, что Яримлим и Амутпиал являлись первоначально ставленниками победоносного ассирийского царя, сменившего в Ямхаде и в Катане династии, поддерживавшие господство Египта.

Мы видим, таким образом, на основании вышесказанного, что и историческая аргументация весьма существенно подкрепляет требуемое археологическими данными отнесение царствований Хаммурапи и Шам-

¹ См. хотя бы John A. Wilson, *The Egyptian Middle Kingdom at Meggido*. *AJSLL*, т. 58 (1941), стр. 225 сл.). Сжатую сводку дает S. Smith, *op. cit.*, стр. 13 сл., раздел «The XII-th Dynasty in Syria».

² Если, действительно, можно отождествить Катану с Катной (см. прим. 2 на стр. 18), то и здесь, в центре большого государственного объединения в эпоху царя Хаммурапи, имела место во время правления фараона Аменемхета II некоторая зависимость от Египта, поскольку в храме города был найден сфинкс с именем царевны Иты, дочери Аменемхета II. См. A. Moret, *op. cit.*, I, стр. 462, прим. 101.

³ Я следую переводу Б. А. Тураева, *op. cit.*, стр. 23. Можно, пожалуй, данный текст перевести иначе, ср. Sethe «Erläuterungen zu den ägyptischen Lesestücken», 1927, стр. 9. Я все же полагаю, что интерпретация Б. А. является более правильной, но и не останавливаясь на данном вопросе, поскольку мне в настоящее время важно лишь установление двух враждебных друг другу сил в Сирии уже в начале XII династии. Я хотел бы здесь лишь подчеркнуть, что симпатии Синухета были на стороне «князей пустыни», ибо в дальнейшем и сам Синухет называет себя «князем пустыни». См. 175 строку рассказа Синухета.

⁴ Синухет получает для своего пропитания от царя страны Ретену не только продукты скотоводства и добычу охоты, но и результат земледельческого труда — хлеб и вино. См. Б. А. Тураев, *op. cit.*, стр. 23.

⁵ См. «Keilinschriften aus Assur histor. Inhalts», I, № 2 и перевод ее у D. D. Luckenbill, *Ancient Records of Assyria and Babylonia*, I, § 45.

шинадада I к XVIII в. до н. э. Установив же, что царствование Хаммурапи имело место в XVIII в., мы можем еще более уточнить годы его правления уже с помощью астрономических данных, засвидетельствованных вышеуказанными астрономо-астрономическими текстами времени Аммисадуги из библиотеки Ассурбанипала.

Тщательное исследование последних, содержащих, как мы выше видели, наблюдения астрономов времени Аммисадуги над восходом и заходом Венеры, заставили Фосерингэма определить время правления Аммисадуги годами 1921—1901¹. Решение Фосерингэмом проблемы, поставленной перед современными астрономами наблюдениями древних астрономов, было безупречным с точки зрения астрономической², но оказалось тем не менее теперь в свете последних археологических открытий ошибочным в историческом отношении. Действительно, если на основании новейших раскопок Хаммурапи должен быть датирован XVIII в. до н. э., то и Аммисадуга, предпоследний представитель I Вавилонской династии, должен быть перенесен из XX в. в XVII.

Подобное опровержение конкретной даты царствования Аммисадуги, предложенной Фосерингэмом, отнюдь не опровергает результатов его астрономической интерпретации записей наблюдений вавилонских астрономов над движениями Венеры. Они остаются в полной силе и в настоящее время и могут быть приложены к уточнению даты I Вавилонской династии, полученной на основании археологической и исторической аргументации. Дело в том, что движения Венеры имеют свой цикл в 275 лет, и поэтому ее соответствующие астрономические сочетания повторяются через каждые 275 лет³. Завершив в 1924 г. свои астрономические исчисления, Фосерингэм должен был выбирать для времени правления Аммисадуги между двумя датировками, отделенными друг от друга 275 годами: между датировкой, соответствующей 1921—1901 гг., и датировкой, соответствующей 1646—1626 гг. Он остановил свой выбор на первой датировке, ибо вторая возможность определения времени правления царя Аммисадуги казалась тогда неприемлемой с исторической точки зрения. Историк, решившийся всерьез отнести царствование Аммисадуги к 1646—1626 гг., был бы подвергнут уничтожающей и, казалось бы, убедительной критике.

К 1940 г. наши знания в области древней истории Передней Азии весьма значительно расширились и углубились в результате новых раскопок. Правда, последние археологические достижения отнюдь не всем историкам были доступны, но исследователи, подобно С. Смису и В. Ф. Олбрайту, тесно связанные с руководящими археологическими учреждениями, могли притти к столь неожиданному и еще так недавно невероятному определению времени правления Аммисадуги 1646—1626 гг. и включению тем самым правления всей I Вавилонской династии в годы 1894—1595. На основании комплексного изучения всех доступных археологических данных в связи с привлечением астрономических наблюдений времени Аммисадуги получается следующий список лет правлений одиннадцати царей I Вавилонской династии:

№	Имена царей	Годы правления	Датировки
1	Сумуабум	14 лет	1894—1881 гг.
2	Сумулаэль	36 »	1880—1845 »

¹ См. выше, стр. 13.

² Во всяком случае, лучшее из всех предложенных астрономами решений. См. S. Smith, *op. cit.*, стр. 25, прим. 86.

³ См. астрономическую справку, данную бригадным генералом J. W. S. Sewell'ем S. Smith'y, *op. cit.*, стр. 26—27 и также астрономические таблицы на стр. 50—52.

3	Сабум	14 лет	1845—1831 гг.
4	Апильсин	18 »	1830—1813 »
5	Синмубаллит	20 »	1812—1793 »
6	Хаммурапи	43 года	1792—1750 »
7	Самсуилуна	38 лет	1749—1712 »
8	Абиэшух	28 »	1711—1684 »
9	Аммидитана	37 »	1683—1647 »
10	Аммисадуга	21 год	1646—1626 »
11	Самсудитана	31 »	1625—1595 » ¹

Согласно данному списку, время правления наиболее славного представителя династии—Хаммурапи падает на годы 1792—1750. Тем самым мы можем, казалось бы, уточнить и время царствования старшего современника Хаммурапи—ассирийского царя Шамшиадада I. Последний правил, очевидно, на рубеже XIX и XVIII вв. Так же, примерно, было датировано царствование Шамшиадада I в исследовании А. Унгнада 1940 г. на основании известных тогда синхронизмов ассирийских надписей и вавилонских хроник². Тогда, в 1940 г., еще не был издан Хорсабадский список царей Ассирии, и исследователи, поставившие вопрос о новой датировке I Вавилонской династии, придвигавшей ее на 275 лет, должны были с нетерпением ждать опубликования Хорсабадского списка, исключительная ценность которого отмечалась в предварительных сообщениях³. Указывали на то, что этот список, раскопанный на месте столицы Саргона II (722—705), является наиболее хорошо сохранившимся из всех известных нам раньше ассирийских царских списков. Его отличает также и максимальная полнота, поскольку он перечисляет всего 107 царей, начиная с древнейших времен и кончая царем Асурнирари V (753—746). Значение списка для истории повышается еще благодаря тому обстоятельству, что он, начиная с 33-го царя—Эришума I, сына Илушумы, отмечает время правления каждого царя⁴. Правда, в городе Ассуре были найдены два фрагмента подобных же списков с указаниями лет правления каждого царя в отдельности. К сожалению, даже более крупный из них, изданный в 1927 г.⁵, сохранил столь мало от того содержания, которое заполняло табличку в ее целом виде, что значение его для историка стало действительно осязательным лишь после опубликования более хорошо сохранившегося Хорсабадского списка. Второй же фрагмент был настолько ничтожным, что сохранил лишь указание на длительность правления 2 царей, да еще имя третьего царя⁶.

Наконец, в 1942—43 г. стало широким кругам историков доступным основное содержание Хорсабадского списка⁷, составленного согласно приписке к основному тексту в седьмом году правления Тиглатпаласара III

¹ См. хронологическую таблицу, данную S. Smith'ом, *op. cit.*, стр. 29. Вполне возможно, что действительное число лет правления последнего царя династии—Самсудитаны—было значительно меньшим, нежели 31 год. Дело в том, что число засвидетельствованных формулами дат отдельных годов царствования Самсудитаны равняется, примерно, 10, а не 31, т. е. числу лет, которое дает названному царю список А. См. список формул дат лет правления Самсудитаны в «*Reallexicon der Assyriologie*», II, стр. 191.

² A. Ungnad, *op. cit.*, стр. 145—146. См. выше стр. 21, прим. 1.

³ См. AOF, XIII (1940), стр. 159 с ссылкой на A. Pöebel'я в G. Lohd и Ch. B. Altman's «*Khorsabad*», II, 60.

⁴ К сожалению, отметка с указанием числа лет правления у некоторых царей оказалась отбитой, как у царей №№ 34—38 и у царей №№ 64—65 списка.

⁵ Текст был издан Essad Nassouhi в AOF, IV (1927), стр. 1 сл.

⁶ Издан O. Schroeder'ом в «*Keilschrifttexte aus Assur verschiedenen Inhalts*», № 15 и перевод см. D. D. Luckenbill, «*Anc. Records of Assyria and Babylonia*», II, § 1191.

⁷ См. выше стр. 20, прим. 3.

(745—727) писцом Кандиллану из храма города Арбаилу со списка из города Ассира¹. Американский ассириолог А. Пибель, опубликовавший в переводе текст списка, снабдил его обстоятельным исследованием, в котором пытался восстановить в первоначальном виде хронологическую нить Хорсабадского списка, не сохранившуюся вполне удовлетворительно на всем своем протяжении. Центральной проблемой исследования Пибеля являлся вопрос о датировке царствования Шамшиадада I, ибо ее установление дает возможность определить абсолютное время правления и всех последующих царей Ассирии. В результате ряда остроумных предположений Пибель пришел с помощью свидетельства Асархаддона (680—668) о 1014 годах, отделивающих его от Шамшиадада I², к тому выводу, что тридцатитрехлетнее правление Шамшиадада I падало на годы 1726—1694. Тем самым он получил возможность утверждать, что ему удалось «установить окончательные даты,—по крайней мере поскольку это касается официальной ассирийской хронологии и при допущении, конечно, что числа, засвидетельствованные в ассирийских царских списках, правильны,—для всего непрерывного ряда от Шамшиадада I вплоть до Ассурбанипала (668—631)³».

Результат исследования Пибеля, правда, лишает права на существование все до 1940 г. построенные хронологические системы истории Передней Азии, но, вместе с тем он противоречит и вышеприведенной датировке I Вавилонской династии годами 1894—1595 г., покоящейся на археологических и исторических данных, а также на астрономических вычислениях. Действительно, если царствование Шамшиадада I было Пибелем правильно хронологически фиксировано отрезком времени с 1726 по 1694 г., то мы должны допустить, что 1694 г., год его смерти, соответствует примерно 15-му году Хаммурапи, его младшего современника. В таком случае 43-летнее правление Хаммурапи падало бы на годы 1709—1666, а время пребывания у власти I Вавилонской династии на протяжении 301 года соответствовало бы периоду от 1812 до 1511 г. Столь значительное расхождение между датировкой I Вавилонской династии, покоящейся на свидетельстве Хорсабадского царского списка, и датировкой той же династии, подкрепленной, наряду с археологическими и историческими данными, еще и древними астрономическими наблюдениями, не может не смутить историка. Последний, конечно, имеет полное право допустить некоторые неточности в наблюдениях древних астрономов времени I Вавилонской династии. С другой стороны, историк имеет такое же право рассматривать и Хорсабадский царский список не лишенным некоторых существенных погрешностей. Действительно, прав Олбрайт, когда он в своем исследовании, переведенном в «Вестнике древней истории», заявляет о невозможности «представить себе, чтобы ассирийские писцы оказались безгрешными там, где, как мы это можем доказать, их вавилонские и египетские коллеги совершили немало ошибок»⁴. К сожалению, Пибель совсем не поставил в своем обширном исследовании вопрос о возможности ошибок со стороны составителя списка. В данном отношении его исследование изучаемого источника является менее ценным, нежели труд Фосерингэма, посвященный астрономической интерпретации текстов Куянджикской библиотеки о движении планеты Елены. Английский астроном в своем исследовании указывал на очевидные многочисленные ошибки в наблюдениях древних астрономов, которые

¹ JNES, I, стр. 250.

² «Keilschrifttexte aus Assur histor. Inhalts», I, № 51 и II, № 126; перевод см. Luckenbill, op. cit., § 704 сл.

³ JNES, I (1942), стр. 240.

⁴ ВДИ. 1946, № 4 (18).

должны быть учитываемы при интерпретации указанных текстов¹. Пибель же не только не учел возможности ошибок в изучаемом им Хорсабадском списке, но и готов был, ради согласования цифровых его данных с указанной надписью Асархаддона, изъять из числа слагаемых общей суммы лет правлений парей списка годы правления двух царей—Ассурраби I и Ассурнадинаххе I², случайно отбитые на табличке. Подобное предположение Пибеля вызвало возражения со стороны Олбрайта в указанной статье, переведенной в ВДИ, хотя в общем он был согласен с построением Пибеля. Олбрайт настаивает на том, чтобы длительность двух указанных царствований—Ассурраби I и Ассурнадинаххе I—была определена не менее, чем в 20 лет. Принимая это приблизительноное восстановление уничтоженных в тексте списка чисел, Олбрайт датирует восшествие на престол Шамшиадада I не 1726 г., а 1746 г., т. е. $1726 + 20^3$.

С. Смиса не убедила аргументация Пибеля (в его исследовании о Хорсабадском списке) в пользу датировки царствования Шамшиадада I годами 1726—1694, но ему не показалось заманчивым и предложение Олбрайта фиксировать время правления Шамшиадада I 1746—1714 гг. С. Смис продолжал в своем исследовании 1945 г. настаивать на датировке царствования Шамшиадада I рубежом XIX—XVIII вв., исходя из датировки I Вавилонской династии 1894—1595 гг.⁴. В 1940 г. Олбрайт установил, как мы выше видели, ту же датировку I Вавилонской династии, согласованную с циклом Венеры⁵.

Я со своей стороны также полагаю, что датировка Шамшиадада I 1815—1782 гг., а следовательно, и I Вавилонской династии 1894—1594 гг. остается в силе и после исследования Пибеля о Хорсабадском царском списке. Дело в том, что имеется налицо ряд моментов, которые ослабляют убедительность доводов Пибеля в пользу столь сильного продвижения вперед царствования Шамшиадада I. Я пока не буду говорить о том, что при таком продвижении вперед правления названного ассирийского царя будет трудным согласование истории Передней Азии с историей Египта, хронологическая система которой почти не была потрясена, как мы выше видели, последними археологическими открытиями. В данном случае следует обратить сугубое внимание на то обстоятельство, что хронологическая система Хорсабадского списка никак не может быть согласована с традицией прочих ассирийских царских списков, из совокупности которых слагалась, казалось бы, официальная хронологическая традиция ассирийского государства. Нельзя ее полностью согласовать даже с традицией, лежавшей в основе хронологических исчислений той надписи Асархаддона, которая была привлечена Пибелем для восстановления хронологической нити Хорсабадского списка.

Привлеченная Пибелем надпись Асархаддона посвящена истории построения храма бога Ассура в древней столице державы—городе Ассуре. Надпись сообщает, что между сооружением храма Ассура Шамшиададом I и восстановлением его Салманасаром I протекло 434 года, а между восстановлением храма Салманасаром I и началом царствования Асархаддона прошло 580 лет⁶. Эти же 580 лет, отделяющие, согласно надписи

¹ В исследовании «The Venus Tablets of Ammizaduga», стр. 61. Ср. также указание J. W. S. Sewall'a у S. Smith'a, op. cit., стр. 26.

² Это были 65-й и 66-й из царей списка.

³ ВДИ, 1946, № 4 (18), стр. 28.

⁴ См. Smith, Middle Minoan I—II a. Babylonian Chronology, 6 раздел: «The Assyrian King-list» в AJA, XLIX (1945), стр. 18 сл.

⁵ См. стр. 17, прим. 3 и ВДИ, 1946, № 4 (18), стр. 28.

⁶ «Keilschrifttexte aus Assur histor. Inhalts», I, № 51 и II, № 126; перевод Luckenbill'a, op. cit., § 706. Согласно свидетельству другой надписи Асархаддона из Ассура (II, № 125), протекло между Салманасаром I и Асархаддоном 586 лет. См. Luckenbill, op. cit., II, § 702.

Асархаддона, последнего от Салманасара I, Пибель находит и в Хорсабадском списке¹. Ему казалось, что общая сумма данных в списке лет правлений царей, правивших после Салманасара I, дает ему возможность определить правление названного царственного предка Асархаддона годами 1272—1248 и тем самым отождествить 580-й год отрезка времени, отделяющего обоих славных царей Ассирии, с 1260 годом, т. е. с тринадцатым годом Салманасара. К сожалению, Пибель достиг подобной согласованности между показаниями Хорсабадского списка и надписи Асархаддона тем, что изъял из числа слагаемых суммы лет правления преемников Салманасара I время правления царей Нинуртатукултиассура, сына Асурдана I (84-й царь списка), и Мутаккилнуску, также сына Асурдана I (85-й царь списка). Правда, в списке не указывается конкретное число лет правления названных двух царей. Оно заменено для первого из них формулой «*durrišu šarruta epuš*» [согласно] *durri* своему [обязанности] царствования он выполнял. Сходная формула с тем же *durri* применена, как мы увидим ниже, и для обозначения длительности правления второго из них—Мутаккилнуску. Термин *durri* обозначает в данном контексте, как утверждает Пибель, «неоспоримо часть последнего года предшествующего царя после смерти его»². Необходимым выводом из подобного толкования термина «*durri*» является, конечно, изъятие из суммы лет правлений царей Хорсабадского списка времени царствования и Нинуртатукултиассура и Мутаккилнуску. Только таким путем мог Пибель и согласовать традицию Хорсабадского списка с традицией, положенной в основу вычислений ассирийской надписи Асархаддона.

Но данное положение Пибеля отпадает, если мы вместе с С. Смесом не согласимся с указанным толкованием Пибеля термина «*durri*». С. Смес пытается опровергнуть толкование «*durri*», как «части последнего года предшествующего царя», на основании привлечения большого материала. В результате своего анализа С. Смес предлагает следующее толкование термина «*durri*»: «период», «время». Вся вышепротитированную формулу С. Смес переводит: «он выполнял (обязанности) царствования в течение своего времени». Термин «*durri*», «время», означал, по мнению С. Смиса, то, что составитель списка не мог со всей точностью установить время правления данных двух царей—Нинуртатукултиассура и Мутаккилнуску, сыновей Асурдана I³.

Невозможность точного определения числа лет их царствования была обусловлена смутами, которые потрясали тогда ассирийское государство. Смуты нашли свое отражение в тексте, сопутствующем в списке упоминанию царя Мутаккилнуску: «Мутаккилнуску, брат его (т. е. Нинуртатукултиассура)⁴, сразился в битве с ним (т. е. с Нинуртатукултиассуром). В Кардуниаш (т. е. Вавилонию) он его прогнал⁵. [Согласно] «*durri*» своему Мутаккилнуску, престол удержав, умер»⁶. Борьба между двумя сыновьями Асурдана I началась, очевидно, вскоре после смерти их отца. Нинуртатукултиассур не примирился с фактом своего поражения и изгнания и пытался вернуть себе потерянную власть и до некоторой степени преуспел в этом с помощью вавилонского царя.

¹ JNES, I (1942), стр. 291.

² Там же, стр. 296, прим. 130.

³ AJA, XLIX (1945), стр. 20.

⁴ Свидетельство Хорсабадского списка о том, что Нинуртатукултиассур был сыном Асурдана I, является весьма существенным, так как он всеми исследователями рассматривался на основании ранее известных источников узурпатором. См. хотя бы Nassouhi в AOF, IV, стр. 9.

⁵ В самом тексте дается чтение «он увел», а не «он прогнал». Я следую эмендации, предложенной Пибелем в JNES, II, стр. 63 сл.

⁶ Там же, II, стр. 61 и 70.

Вмешательство Вавилонии в борьбу сыновей Ассурдана I за власть в Ассирии засвидетельствовано нам очень любопытным текстом, дошедшим в фрагментированной поздней копии, — письмом какого-то вавилонского царя современному ему властителю Ассирии. Мы узнаем из него, что Нинуртатукултиассур вместе со своим верным сторонником Ассуршумлиширом был изгнан из Ассирии и бежал в Вавилонию, но затем отец составителя письма оказал помощь и отправил Ассуршумлишира в Ассирию. Сам же Нинуртатукултиассур оставался в Вавилонии¹, надо полагать, что Нинуртатукултиассур оставался в Вавилонии вследствие своего преклонного возраста² и послал поэтому в качестве своего заместителя на престоле Ассирии преданного ему Ассуршумлишира, не оставившего его и в скорбные дни изгнания.

Я полагаю, что события, описанные в письме вавилонского царя, должны были занять несколько лет и поэтому не могут быть втиснуты в столь ничтожный отрезок времени, который можно было бы безболезненно скинуть со счета при вычислении количества лет, отделяющих Асархаддона от Салманасара I. О том же факте, что время непосредственных преемников Ассурдана I обнимало собой некоторое сравнительно не малое количество лет, свидетельствует и большая надпись царя Тиглатпаласара I³, время правления которого может быть определено на основании Хорсабадского списка с предельной точностью годами 1115—1077. В надписи, посвященной деяниям Тиглатпаласара I в первые 5 лет царствования, дается следующая важная хронологическая справка: «Храм Ану и Адада, великих богов, моих владык, который в прошедшие дни Шамшиадад, жрец Асура, сын Ишмедагана, жреца Асура, построил и который в течение 641 года пришел в упадок; и Ассурдан; царь Ассирии, сын Нинурта-апильэкура, царя Ассирии, снес и не восстановил его: 60 лет не было положено основание его»⁴. За данной справкой Тиглатпаласар I повествует о том, что ему в начале его царствования Ану и Адад повелели восстановить их храм. Свидетельство Тиглатпаласара I о том, что на протяжении 60 лет вплоть до восшествия его на престол храм Ану и Адада оставался совершенно разрушенным, заслуживает, несомненно, полного доверия, поскольку оно является показанием современника. Шестидесятилетний перерыв в существовании храма Ану и Адада начинался, как мы видели, с того момента, когда Ассурдан I, родной дед Тиглатпаласара I, снес храм и не восстановил его. Подобное невыполнение первой обязанности царя — восстанавливать разрушающиеся храмы богов, конечно, не было обусловлено с точки зрения составителя надписи недостатком благочестия у Ассурдана I. В той же самой надписи Тиглатпаласар подчеркивает, что деяния и жертвы его деда были угодны богам⁵. Тем более должен был Ассурдан помнить о своей обязанности восстановления святилищ по отношению к храму, где поклонялись Ададу, одному из наиболее почитаемых богов ассирийского пантеона⁶.

Поэтому кажущееся пренебрежение со стороны Ассурдана I основной обязанностью царя было обусловлено какой-то независимой от него при-

¹ Текст издан у Rawlinson'a, op. cit., т. IV, 34, № 2. См. H. Winkler, *Alt-orientalische Forschungen*, I, 389 сл.; Ed. Meyer, *Geschichte des Altertums*, II², I, стр. 537; A. Pöebel, *JNES*, II, 63 сл.

² См. Pöebel, там же, II, стр. 70 и прим. 261. О Нинуртатукултиассуре и Мутаккилнуску упоминает ряд документов, транскрибированных и переведенных у Weidner'a, *AOF*, X, стр. 33 сл.

³ Rawlinson, op. cit., I, 9 сл. Перевод Luckenbill'я, op. cit., I, § 216 сл.

⁴ Столб. VII, стр. 60 надписи. Перевод Luckenbill'я, op. cit., I, § 259.

⁵ Luckenbill, op. cit., I, § 257.

⁶ См. M. Jastrow, *Die Religion Babylonien und Assyrien*, стр. 146 и 222 сл.

чиной, которая воспрепятствовала ему после разрушения пришедшего в ветхость древнего храма восстановить его в былом великолепии. Одной из возможных причин подобного упущения со стороны Асурдана I могла быть его смерть. Он успел еще скрыть до основания разрушающийся храм, но уже не имел времени для его восстановления. При таком весьма вероятном предположении шестидесятилетнее пребывание храма Ану и Адада в состоянии разрушения начиналось с года смерти Асурдана I и кончалось моментом вступления на престол его внука Тиглатпаласара I в 1115 г. до н. э. Следовательно, смуты, помешавшие восстановлению храма Ану и Адада после смерти Асурдана I, продолжались, согласно свидетельству Тиглатпаласара I, примерно 60 лет. За столь большую длительность времени смут, предшествовавшего воцарению Тиглатпаласара I, говорит также и вышеупомянутое письмо вавилонского царя, свидетельствующее о том, что в момент составления письма, т. е. еще во время правления Асуррешиши¹, отца Тиглатпаласара I, Нинуртатукултиассур, сын Асурдана I, был жив². Очевидно, вавилонский царь, который составил письмо, поддерживал с помощью Нинуртатукултиассура смуты в Ассирии. В этом отношении составитель письма следовал примеру своего отца, который помог стороннику Нинуртатукултиассура Асуршумлиширу укрепиться в Ассирии.

Наряду с интригами вавилонских царей поддерживались смуты в Ассирии после смерти Асурдана I еще и вторжением в пределы государства весьма опасных врагов. Из той же большой надписи Тиглатпаласара I о его деяниях первых 5 лет правления мы узнаем, что за 50 лет до него, следовательно, около 1165 г.; народ мушкая, т. е. мосхи греческих источников, из Малой Азии, завоевал на севере ассирийской державы область верхнего течения Тигра³. Воинственные народы Малой Азии, сдерживаемые до того в пределах своих границ силой Хеттского государства; стали теперь, после разгрома последнего, грозными врагами для Ассирии, и преемники Асурдана I должны были; несомненно, направлять все силы для отражения мосхов, которые стремились после завоевания области верхнего Тигра продвинуться дальше на юг. Недаром Тиглатпаласар I должен был обрушиться всей своей силой в первую очередь на народ мушкая.

Вторжение орд воинственных северных племен, угрожавшее существованию государства, борьба сыновей Асурдана I за престол, непрекращающееся вмешательство Вавилонии создали длительный период смут, веих которого оказалась бессильной установить последующая историография. Ассирийские писцы VIII в. до н. э. отказались определить точное время правления враждовавших между собой сыновей Асурдана I Нинуртатукултиассура и Мутаккилнуску. Поэтому составитель Хорсабадского списка заменил указание конкретного числа лет их царствования неопределенной формулой: «[Согласно] *durru* своему [обязанности] царствования он выполнял»⁴. Из вышеприведенного свидетельства надписи Тиглатпаласара I мы видели, что отрезок времени, отделяющий конец царствования Асурдана I от эпохи Тиглатпаласара I, равнялся, кажется, 60 годам, включая сюда и 18 лет правления Асуррешиши, отца Тиглатпаласара I.

¹ Roebel, *op. cit.*, стр. 71, уверенно утверждает, что получателем данного письма был сын Мутаккилнуску—Асуррешиши, правивший 18 лет согласно Хорсабадскому списку.

² Ср. строки 10, 16 и 21 текста. См. Winckler, *op. cit.*, I, стр. 390—392.

³ См. Luckenbill, *op. cit.*, I, § 221. К локализации области Алзи, которую мосхи завоевали, см. E. Forrer, «Die Provinzeinteilung des Assyrischen Reiches», *Lpz.*, 1920, стр. 29 сл. и САН, II², стр. 250, карта 4.

⁴ См. выше, стр. 26.

Тем самым отпадает интерпретация Пибелем термина *durru*; лишаящая царствования Нинуртатукультиассура и Мутаккилнуску места в хронологии царей.

Отвергая толкование Пибеля термина *durru*, я вместе с тем считаю необходимым несколько уточнить интерпретацию данного слова, предложенную С. Смесом. Дело в том, что мы встречаем в Хорсабадском списке термин *durru* в несколько ином контексте в связи с перечислением шести царей, следующих за сорок первым царем списка—Ассурдугулом, преемником Ишмедагана I; сына Шамшиадада I. Названный Ассурдугул, правивший 6 лет, а также перечисленные вслед за ним шесть царей—Ассураиплаиди; Насирсин; Синнамир; Ишкинштар; Ададсалулу и Адаси—объявлены «сыновьями никого», т. е. узурпаторами. Текст, сопровождающий совокупность шести названных царей, гласит: «6 царей; сыновья никого ВAB *durrišu šarruta eruš*». Мы находим, таким образом, ту же формулу определения времени правления шести царей-узурпаторов, что и в отношении к двум сыновьям Ассурдана I, но с дополнением идеографически написанного слова *bābu*, «ворота», поставленного перед термином *durru*. Толкование Пибелем *durru* создает для историка несомненно большие трудности, поскольку оно приводит с логической необходимостью к исключению времени правления всех шести узурпаторов из общей суммы лет правления царей Ассирии. Нелегко ведь себе представить, чтобы все шесть узурпаторов правили столь ничтожное время и все же память о них была сохранена официальной ассирийской традицией. Несомненно, более естественным является предположение о большой длительности времени правления шести узурпаторов, в том числе и последнего из них—Адаси, являющегося родоначальником той династии, к которой причисляли себя и Саргониды в VII в.¹ Поэтому я вместе с С. Смесом отвергаю и в данном случае интерпретацию Пибелем термина *durru*, но и перевод *durru* как «период», предложенный С. Смесом, не могу считать вполне удовлетворительным. Термин *durru*, понимаемый как «период», «отрезок времени», плохо согласуется с предшествующим словом ВAB, «ворота»². Я поэтому склонен вложить в термин *durru* обычное содержание слова *durru*—«табличка», «доска», «текст»³. При таком понимании *durru* можно согласовать его со словом ВAB, «ворота». Дело в том, что ворота города играли в Вавилонии роль места, где производились торговые расчеты⁴, и поэтому «ворота таблички» могли обозначать «расчет таблички». Что же касается «самой» таблички, то она представляет собой документ, в котором были перечислены названия лет правления того или другого царя⁵. Во времена, когда Ассирия являлась единым государством, можно было без труда включить таблички, перечисляющие годы правления отдельных царей, в контекст общего царского списка. В эпоху же смут и распада государства время правления отдельных враждующих между собой претендентов перекрещивалось,

¹ См. стелу из Сенджирли Асархаддона, объявляющего себя потомком «Белбани, сына Адаси, который восстановил царство Ассирии» (Luckenbill, op. cit., II, § 576).

² Интерпретация, предложенная С. Смесом, требует некоторого изменения текста, а именно введения перед словом ВAB предлога *ina*—«в» см. AJA, XLIX, 1945, стр. 20, прим. 127.

³ См. хотя бы С. Bezold, *Babylonisch-Assyrisches Glossar*, Heidelberg, 1926, стр. 131 b и 132 a.

⁴ Р. K o s c h a k e r, *Rechtsvergleichende Studien zur Gesetzgebung Hammurapis*, Лpz., 1917, стр. 222.

⁵ Подобные списки лет правления царя должны были вестись в его канцелярии, а затем при одном из его преемников, когда они теряли свое практическое значение и сдавались в архив, они служили материалом для составления общего списка царей Ассирии.

и поэтому было трудно установить длительность этой эпохи, взятой в ее целом. В таком случае составитель общего списка заменял определенное количество лет правления каждого из борющихся за власть узурпаторов неопределенным указанием на таблички с перечислением их лет правления.

Исходя из предложенного мной определения термина *durri*, я перевожу интересующую нас формулу BAV *durrišu šarruta eriš* «согласно расчету своей таблички [обязанности] царствования [каждый] выполнял»¹. Выводом из моей интерпретации данной формулы является положение о том, что перечисленные в Хорсабадском списке шесть царей-узурпаторов правили значительно более долгое время, чем это допускал Пибель в своем стремлении согласовать хронологию Хорсабадского списка с той традицией, которая отражена в надписи Асархаддона о постройке храма бога Ассира в городе Ассуре. В результате же всего вышеприведенного о длительности правления шести царей-узурпаторов (№№ 42—47 списка) и царей Ассурраби I и Ассурнадинахе I (№№ 65—66 списка) и, наконец, царей Нинуртатукултиассура и Мутаккилнуску (№№ 84—85 списка) мы приходим к определенному выводу, что число лет, отделяющее Асархаддона от Шамшиадада было намного значительнее, чем те 1014 лет, которые, согласно надписи Асархаддона, протекли между ним и Шамшиададом I. В надписях, дошедших до нас от ассирийских царей конца II тысячелетия до н. э., мы находим иные указания на длительность времени, отделяющего Шамшиадада I от его более поздних преемников, нежели те суммы лет правлений, которые были вычислены писцами Асархаддона. Действительно, в надписи Салманасара I (около 1310 г.²) сумма лет правлений Шамшиадада I и его преемников вплоть до самого автора надписи равняется 580 годам³, а не 434 годам надписи Асархаддона. Следовательно, согласно свидетельству надписи Салманасара I, конец правления Шамшиадада I падал на 1890 г., а не на 1694 г., постулированный надписью Асархаддона. Расхождение между надписью Салманасара I и надписью Асархаддона не ограничивается только указанием на иное количество лет, отделяющих Салманасара I от Шамшиадада I, но также и иным определением промежутка времени между Шамшиададом I и его древним предшественником Эришу I. Надпись Асархаддона свидетельствует о том, что 126 лет прошло с момента восстановления Эришу, сыном Илущумы, древнего храма бога Ассира до нового его восстановления Шамшиададом⁴. Из надписи же Салманасара I мы узнаем, что «159 лет прошло после правления Эришу, и этот храм (т. е. храм Ассира) пришел в ветхость. Тогда Шамшиадад, жрец Ассира, его восстановил»⁵. Подобное резкое расхождение надписей Асархаддона и Салманасара I в датировке правлений царей далекого прошлого вызывает сильнейшие сомнения в ценности традиции ассирийских писцов.

¹ Я полагаю, что обычное понимание слова *durri* может быть признано и в той формуле, которая стала предметом исследования L. Oppenheim'a, La formule «adi turri (ana) turri» (RAS, XXXIII (1936), стр. 143 сл.).

² Мы получаем эту дату для начала правления Салманасара I, если учтем вышеуказанные 60 лет большой надписи Тиглатпаласара I для определения времени, отделяющего смерть Ассурдана I от 1115 года, первого года правления его внука Тиглатпаласара I.

³ «Keilschrifttexte aus Assur histor. Inhalts», I, № 13, столб. III, 41—столб. IV, 7 и Luckenbill, op. cit., I, 119. См. также Б. А. Турев, История Древнего Востока. I, стр. 56.

⁴ Luckenbill, op. cit., II, § 706.

⁵ «Keilschrifttexte aus Assur histor. Inhalts», I, № 13, столб. III, 37—41. Перевод Luckenbill'a, op. cit., I, § 119. В примечании к этому параграфу Luckenbill приводит ту же цитату из сильно фрагментированного дубликата этой надписи Салманасара I.

Правда, Пибель пытается остроумным предположением согласовать хронологические данные надписи Салманасара I с хронологическими вычислениями надписи Асархаддона. Он комбинирует 159 лет—промежуток времени между Эришу I и Шамшиададом I в надписи Салманасара I с числом лет, отделяющим Шамшиадада I от Салманасара I согласно хронологии Хорсабадского списка, установленной им самим. Принимая ее, мы получаем для Шамшиадада I, как мы уже видели, время правления 1726—1694 гг., а для Салманасара I—1272—1243 гг. Следовательно, отрезок времени между обоими царями равняется 421 году. Поэтому Пибель предполагает, что и в подлинной традиции ассирийской хронологии, к которой восходят и вычисления писцов Салманасара I, последний правил на 421 год позже, нежели Шамшиадад I. Число же 421 равняется разнице между 590—числом лет, отделяющим, согласно Салманасару, его от Шамшиадада, и 159—числом лет, отведенных надписью Салманасара I правлениям преемников Эришума I вплоть до Шамшиадада I¹. 421 год, полученный таким образом для времени между Шамшиададом I и Салманасаром I, почти совпадает с 434 годами, которые дают писцы Асархаддона для того же периода ассирийской истории. К сожалению, остроумное построение Пибеля рушится, поскольку 421 год, отделяющий Салманасара I от Шамшиадада I, был получен на основании им же самим реконструированной хронологии Хорсабадского списка, а последние, как мы выше видели, вызывает справедливые сомнения.

За существование реальных, а не кажущихся противоречий между традицией надписи Асархаддона и традицией надписи Салманасара I говорит также наличие резких расхождений между хронологическими данными той же надписи Асархаддона и хронологическими данными эпиграфических памятников сына и преемника Салманасара I—Тукултининурта I (около 1280—1243 гг.)². Последний сообщает в двух своих надписях в связи с восставлением им храма Иштарь в городе Ассуре о числе лет, отделяющих его царствование от правления Илушумы, древнего строителя храма Иштарь³. Илушума, современник основоположника I Вавилонской династии Сумуабума⁴, был отцом Эришу I, правившего, согласно Асархаддону, около 1826 г. до н. э. Принимая дату Асархаддона для Эришу I, мы должны установить для его отца Илушумы время около 1840 г.⁵ Число же лет, которое дает Тукултининурта I для времени, истекшего с момента построения Илушумой храма Иштари города Ассира, приведет нас к значительно более ранней датировке Илушумы.

Правда, графический облик данной цифры в обеих надписях Тукултининурты I вызывал разночтения у различных исследователей. Одни отождествляли эту цифру с числом 780⁶, другие с числом 720⁷, а в самое последнее время Пибель был готов предложить чтение 620⁸. Я лично полагаю, что подобное колебание в определении числового значения указанной цифры

¹ JNES, I (1942), стр. 295—296.

² См. стр. 50, прим. 1. Поскольку Салманасар I правил 30 лет, то, следовательно, 37-летнее царствование его сына падало на годы 1280—1243.

³ «Keilschrifttexte aus Assur histor. Inhalts», II, № 48, строка 9 сл. и № 59, строка 15 сл. Перевод Luckenbill'я, op. cit., I, 180 сл., 184 сл.

⁴ Вавилонская хроника K, строка 37. См. King, Chronicles concerning Early Babylonian Kings, II, 3 сл., 113 сл.

⁵ Согласно синхронистическому царскому списку из Ассира № 4128 (Weidner, MVAG, 1921, вып. 2, стр. 12 сл.), Эришу I был современником сына Сумуабума—Сумулаэля, а Сумуабум был, как мы выше видели, современником Илушумы. Если Сумуабум правил 14 лет (см. список царей I Вавилонской династии на стр. 36), то, следовательно, Илушума правил около 1840 г. до н. э.

⁶ Например Luckenbill, op. cit., I, §§ 181, 186.

⁷ Например Ed. Meyer, Ältere Chronologie Babylonien, Assyrien u. Ägyptens, стр. 18, прим. 2.

⁸ JNES, I (1942), стр. 297 сл.

не является в достаточной степени мотивированным и было обусловлено не столько графическими моментами, сколько стремлением согласовать эту цифру надписей Тукултининурты I с хронологическими данными надписей других ассирийских царей. С точки зрения графики единственным возможным чтением интересующей нас цифры в обеих надписях Тукултининурты I может быть признано чтение $600 + (2 \times 60)$, т. е. 720¹.

Признав, что Тукултининурта I определил время, прошедшее между ним и его древним предшественником Илушумой, в 720 лет, мы должны датировать Илушуму годом 2000 до н. э.² Таким образом, надпись Тукултининурты I датирует Илушуму на 160 лет раньше той даты 1840 г. до н. э., которая постулируется для Илушумы вычислениями писцов Асархаддона. Вместе с тем мы должны признать, что датировка Илушумы надписью Тукултининурты I не может быть полностью согласована с временем правления этого древнего царя, полученным на основании хронологической справки приведенной выше надписи Салманасара I. Согласно последней, правление Эришу I отделяли от правления Шамшиадада I 159 лет, т. е. оно было датировано писцами Салманасара I временем около 2049 г. до н. э.³ В таком случае начало правления его отца Илушумы должно быть отнесено лет на 14 назад⁴, т. е. примерно к 2063 г. до н. э. Подобное расхождение в хронологических вычислениях надписей Салманасара I и его сына Тукултининурты I, отделенных друг от друга лишь несколькими десятилетиями, не может нас не поразить. Оно свидетельствует, казалось бы, о весьма нечетких знаниях писцов обоих царей в области древней истории ассирийского государства.

О нечеткости знаний, которыми располагали ассирийские писцы конца II тысячелетия до н. э. в указанной области, свидетельствует со всей несомненностью привлеченная уже нами выше надпись Тиглатпаласара I⁵. В хронологической справке надписи указывается, что писцы царя определили промежуток времени между ним и «Шамшиададом, жрецом Ассура, сыном Ишмедагана, жреца Ассура», равным 701 году. Названный в справке Шамшиадад, сын Ишмедагана, является третьим носителем этого имени на ассирийском престоле. Согласно Хорсабадскому списку, с учетом необходимых корректур, время его шестнадцатилетнего правления соответствовало бы примерно годам 1570—1555⁶. Обращаясь же к свидетельству надписи Тиглатпаласара I (1115—1077), мы получаем для начала правления Шамшиадада, сына Ишмедагана, дату 1816 г. до н. э.⁷ Подобное расхождение с реальной хронологией является настолько чудовищным, что я склонен в данном случае предположить в сознании писцов Тиглатпаласара I смешение двух Шамшиададов — Шамшиадада I, отца Ишмедагана I, и Шам-

¹ Я в данном отношении полностью согласен с утверждением Ed. Meyer'a, *op. cit.*, стр. 18, прим. 2, что в обеих надписях Тукултининурты I написано «ясно (deutlich) 1 нер (600) 2 сос (2 × 60), т. е. 720». Число «нер», т. е. «шестьсот», написано здесь, не как обычно, 60 × 10, а как «10 × 60», т. е. по образцу написания числа «лим», «тысяча» — «10 × 100». Предложенное Пибелем чтение цифры как «500 + (2 × 60)», т. е. 620, требует допущения наличия среди цифровых знаков ассирийской клинописи особого самостоятельного знака для «пятисот». Такой специальный знак пока не засвидетельствован, и даже сам Пибель сомневается в том, что «систематические поиски такового привели бы к открытию его в какой-либо надписи» [JNES, I (1942), стр. 299].

² Т. е. 1280 (первый год правления Тукултининурты I) + 720.

³ Шамшиадада I датировал Салманасар I около 1890 г., т. е. 1310 (первый год правления Салманасара I) + 580. См. выше, стр. 26.

⁴ См. стр. 31, прим. 5.

⁵ См. выше, стр. 26 сл.

⁶ Я учел 40 лет для двух ближайших преемников Асурдана I и 20 лет для правления Асурраби I и Асурнадинаххе I. См. выше, стр. 24.

⁷ Т. е. 1115 (первый год правления Тиглатпаласара I) + 701.

пиадада III, сына Ишмедагана II. Если можно согласиться с моим предположением, то мы получаем для времени Шамшиадада I датировку, поразительно совпадающую с датировкой его рубежом XIX—XVIII вв., которая следует из определения времени царствования Хаммурапи, его младшего современника, годами 1792—1750¹. Как бы то ни было с датировкой Шамшиадада I, покоящейся на предложенном исправлении надписи Тиглатпаласара I, но во всяком случае подобное смещение Шамшиадада I и Шамшиадада III у ассирийских писцов конца II тысячелетия до н. э. свидетельствует о весьма смутных познаниях их об эпохе древних правителей Ассирии. История эпохи Шамшиадада I была, несомненно, более сложной, чем она представлялась в дошедших до нас царских списках I тысячелетия. Отец Шамшиадада I назван в неоднократно упомянутой надписи Асархаддона Белкаби. Это имя, очевидно, тождественно с Игуркабкабу, отчеством Шамшиадада, патеси бога Ассира, известным по штампованной надписи на кирпиче, найденных в Ассуре², и с Илуккапи, каковым именем назван отец Шамшиадада I в Хорсабадском списке³. Несмотря на то, что Белкаби не называется «жрецом Ассира» в надписи Асархаддона, лишен титула патеси на штампованных кирпичах из Ассира, не является правителем Ассирии в Хорсабадском списке, тем не менее он был самостоятельным правителем какой-то области, поскольку в частнопроводном документе, датированном первым годом Синмубаллита, отца Хаммурапи, контрагенты клянутся именем вавилонского царя и именем Белкаби⁴. Выше мы видели, что в документе, датированном 10-м годом Хаммурапи, стороны клялись именем Хаммурапи и Шамшиадада I⁵. За то, что Белкаби занимал положение самостоятельного правителя, говорит и то обстоятельство, что Шамшиадад в Хорсабадском царском списке не объявлен узурпатором, хотя и не является сыном своего предшественника Эршу II.

Несомненно, многие события сложной и запутанной истории древнего периода Ассирии, а также последовательность сохранившихся в традиции событий далекого прошлого не были в достаточной степени известны писцам Ассирии, начиная уже с эпохи Салманасара I. Результатом такого забвения истории ассирийского государства первых веков II тысячелетия до н. э. были отмеченные нами в царских надписях последующего времени весьма существенные расхождения в датировке древних правителей Ассирии. В связи с установлением этого факта встает перед нами вопрос о той причине, которая обусловила разрыв в официальной традиции ассирийского государства, предание забвению точных вех измерения потока времени. Я полагаю, что причину следует искать в событиях, поколебавших основы бытия ассирийского государства примерно в середине II тысячелетия до н. э., а именно в завоевании Ассирии митаннийским царем Шаушатаром. Из договора его праправнука Маттивазы⁶, царя Митании, с хеттским царем Супилулиумой мы узнаем, что в предшествующее время, при предках Маттивазы, ассирийцы были подчинены Митаннийско-Хуррийскому государству и должны были платить подать⁷. Еще Тушратта, отец

¹ См. выше, стр. 23.

² «Keilschrifttexte aus Assur histor. Inhalts», II, № 16. Перевод Luckenbill'я, op. cit., I, § 41.

³ JNES, II, (1943), стр. 86, № 39.

⁴ M. S c h o r r, Altbabylonische Rechtsurkunden aus der Zeit der I babylonischen Dynastie, вып. II, 1909, стр. 21.

⁵ См. выше, стр. 18.

⁶ О родословной Маттивазы см. H. W i n c k l e r, «Vorderasien im zweiten Jahrtausend», MVAÖ, 1913, вып. 4, стр. 63.

⁷ См. E. F. W e i d n e r, Politische Dokumente aus Kleinasien («Boghazköi-Studien», вып. 8 (1923), стр. 38, строки 6—7). Я не хочу здесь поднимать вопрос об отно-

Маттивазы, властвовал над Ниневией, поскольку он посылает заболевшему Аменхотепу III чудотворную статую Иштарь Ниневийской¹. Среди каменных стел, воздвигнутых ассирийскими вельможами, мы имеем памятники, принадлежавшие потомкам по крайней мере двух высших сановников царя Ханигалбата, т. е. Митанни². При этом следует отметить, что одна из стел была воздвигнута правнуком верховного сановника ханигалбатского царя³ и таким образом свидетельствует о длительной зависимости Ассирии от Ханигалбата-Митанни.

Подчиненное положение, в котором некоторое время пребывала Ассирия по отношению к Митаннийской державе, было результатом похода Шаушатара, митаннийского царя, около 1480 г. до н. э.⁴. Его поход сопровождался сильнейшими разрушениями, и, вероятно, правители Ассирии Ассурбелнишешу, Ассурримнишешу и Эрибаадад I, предшественники мощного Ассурбаллита I (1400—1364), пытались восстановлением стен города Ассура ликвидировать последствия разгрома, учиненного жестоким завоевателем⁵. Разгром сопровождался небывалым грабежом, и потомки Шаушатара могли неоднократно военной добычей своего предка покупать помощь Ассирии против угрозы со стороны Хеттского государства⁶. Митаннийское завоевание, несомненно, уничтожило библиотеки и архивы главных городов Ассирии и прервало тем самым традицию ассирийских писцов о далеком прошлом их государства. Восстановление ее оказалось для последующих поколений делом более трудным, нежели восстановление снесенных городских стен и разрушенных храмов.

Жрецы и писцы Ассирии I тысячелетия вынуждены были в конце концов отказаться от непосильной задачи определения длительности периодов смут, будучи лишены помощи со стороны современных событиям источников. Поэтому составители Хорсабадского царского списка и других ему подобных уже не пытались точно вычислить длительность эпохи смут, завершившей царствование Ишмедагана, сына Шамшиадада I, когда борьба за престол привела к распаду государства. Ввиду создавшегося для них затруднения они заменяют число лет правления царей-узурпаторов той эпохи ссылкой на «расчет их таблички», т. е. на документы, восходящие ко времени этих правителей и перечисляющие годы их царствования безотносительно к годам их соперников⁷.

Вступив на этот путь упрощения своей задачи, историографы I тысячелетия использовали его при решении трудной задачи выявления числа тех лет правления сыновей Ассурдана I, Нинуртатукултиассура и Мутак-

шениях Митанни к Харри (resp. Хурри). Во всяком случае Митанни и Харри были тесно связаны между собой, и единая династия правила и в стране Митанни и в стране Харри. См. F. B i l a b e l, *Geschichte Vorderasiens u. Ägyptens vom 16—11 Jahrh. u. Chr.*, Heidelberg, 1927, стр. 414, прим. 9.

¹ Б. А. Тураев, *op. cit.*, I³, стр. 276. Я полагаю вместе с Б. А., что статуя Иштарь названа «Ниневийской» в 23-м письме Амарнской переписки ввиду того, что она пребывала в храме Иштарь в Ниневии, а не потому, что она являлась идолом того образа Иштарь, который почитался в Ниневии, как предполагает Bilabel, *op. cit.*, стр. 309. То, что статуя Иштарь, которую прислал Тушратта в Египет, была им взята из храма в Ниневии, утверждает и Ed. Meyer «*Geschichte des Altertums*», II², 1, стр. 134, который видит в этом мероприятии указание на зависимость Ассирии от Митаннийского государства.

² W. A n d r a e, *Die Stelenreihen in Assur* («*Wissenschaftl. Veröffentlichungen der Deutschen Orientgesellschaft*», т. 24 (1913), Lpz., №№ 63, 129, 137a). К сожалению, стела № 137a настолько фрагментирована, что не сохранила ни одного имени.

³ W. Andrae, *op. cit.*, № 63.

⁴ О более точной датировке Шаушатара я буду говорить в моей следующей статье «Хронология Передней Азии и Египта в III—II тысячелетиях до н. э.»

⁵ Luckenbill, *op. cit.*, I, §§ 50, 51, 55.

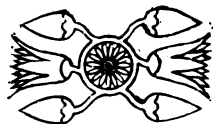
⁶ E. F. W e i d n e r, *Polit. Dokumente aus Kleinasien*, стр. 36, 1—38, 10.

⁷ См. выше, стр. 29.

килнуску, во время которых они правили в качестве общепризнанных царей Ассирии. Формула «согласно его табличке» облегчила им решение трудной задачи¹.

Наличие списков, подобных Хорсабадскому, в царских или храмовых библиотеках соблазняло небрежных писцов давать торопившему их царю столь не соответствующие исторической действительности хронологические справки, подобные той, которую мы находим в надписи Асархаддона о восстановлении им храма бога Ассура в древней столице государства. Писец, давший составителю надписи справку о 1140 годах, отделявших Асархаддона от Эришу I, несомненно, получил это число, изъяв из общей суммы правлений преемников Эришу I те правления, длительность которых была определена формулой «согласно расчету его таблички». Если такой крупный исследователь, как А. Пибель, мог положить в основу своего труда, посвященного Хорсабадскому списку, отмеченную печатью спешности справку небрежного историографа времени Асархаддона, то из этого следует, что подлинная хронологическая нить истории Ассирийской державы не может быть восстановлена на основании свидетельства одной лишь официальной ассирийской традиции историографии конца II и начала I тысячелетия до н. э. Лишь тогда официальная ассирийская хронология приобретает свою значимость для историка, когда она может быть согласована со свидетельством раскопок и с наблюдениями древних вавилонских астрономов, найденными в библиотеке последнего из великих владык Ассирии. Последние содействовали, как мы выше видели, уточнению датировки I Вавилонской династии, постулированной результатами новейших раскопок².

Поэтому установленный неоспоримыми свидетельствами синхронизм Хаммурапи, царя Вавилонии, и Шамшиадада I, царя Ассирии, должен помочь выявить дату правления царя Шамшиадада I, а не дату правления Хаммурапи, которая и без того твердо устанавливается в пределах 1792—1750 гг. Хронологическое определение I Вавилонской династии годами 1894—1595 дает в руки исследователя на достигнутом уровне наших исторических знаний мощный рычаг, с помощью которого он будет в состоянии включить отдельные события истории Передней Азии III и II тысячелетий в надлежащий отрезок всемирноисторического процесса.

¹ См. выше, стр. 30.

² См. выше, стр. 23 сл.

В. Ф. Олбрайт

КОСВЕННЫЙ СИНХРОНИЗМ МЕЖДУ ЕГИПТОМ И МЕСОПОТАМИЕЙ ОКОЛО 1730 г. ДО Н. Э.*

Наши читатели были уже информированы об историческом значении замечательных открытий, произведенных Андрэ Парро в развалинах дворца Зимри-Лима, царя Мари, на среднем Евфрате, около 1730—1700 гг. до н. э.²

В 1939 г. Жорж Доссэн опубликовал выдержки из клинописного счетного текста, найденного во дворце и относящегося к некоему *Ia-an-ti-in-ha-mu*, царю Библоса, который прислал Зимри-Лиму золотой сосуд весом в $\frac{2}{3}$ мины³. Несколькими месяцами позже автор этих строк указал на то, что этот *Yantin-ámmu* (так это имя должно изображаться в ханаанской транскрипции⁴), вероятно, идентичен библосскому царю, имя которого дано в египетских иероглифах, как *-n-t-n* или *-n-ti-n*, т. е. Antin или Entin⁵, так как последний, известный по одному рельефу и нескольким скарабеем, жил примерно в то же самое время. Когда я впервые высказал это предположение, Хорсабадский список ассирийских царей не был еще опубликован, и я датировал Зимри-Лима, современника Хаммураби, царя Вави-

* [Перевод Л. А. Ельницкого из BASOR, № 99(1945), стр. 9—18].

¹ Я приношу благодарность проф. Силу из Чикагского университета за то, что он прочел эту статью до ее опубликования. Я воспользовался целым рядом его тонких замечаний. Он не несет, разумеется, ответственности за какие-либо из моих утверждений, ни за форму, в которой они выражены. При чтении гранок я воспользовался также некоторыми полезными замечаниями д-ров Г. Е. Уинлока и Ледлов Буля, которым я и приношу мою сердечную благодарность за прочтение этой статьи.

² См. статьи в BASOR, № 67, стр. 26 сл., № 69, стр. 18 сл., № 77, стр. 20 сл., 25 сл., № 78, стр. 23 сл., а также статьи и замечания, разбросанные в последующих номерах. В этих статьях содержится обширная библиография.

³ «Syria», XX (1939), стр. 111 (Перевод этой статьи опубликован в ВДИ, 1940, № 1, стр. 34.—Ред.). Ср. BASOR, № 77 (1940), стр. 27.

⁴ Другое объяснение этого и менее длинных имен, содержащих элемент *ammu* (который должен в клинописи писаться как *am(m)u* или *ham(m)u*) было дано J. L e w y «The old West Semitic Sun God Hammu» в «Heb. U n. Col. Ann.», XVIII (1944), стр. 429 сл., чему, однако, противоречат как современные египетские транскрипции, так и некоторые из более поздних алфавитных, что было мною показано в рецензии в JBL, 1945, June, стр. 291 сл.

⁵ Пятый знак на втором скарабее Ньюберри (JEA, 1928, стр. 109), несомненно, каравай хлеба (*tis*), который встречается вместе с иероглифом *t* для образования слога *ti* в документах XIX и XVIII столетий: см. мою Vocalization of the Egyptian Syllabic Orthography, 1934, стр. 10, § 19; 26, § 54; 32, II. A. 1 и т. д.

лона, лет на 70 древнее, чем должно¹. В результате, при попытках сопоставления полученного синхронизма с известными фактами получалась значительная натяжка, которую я стремился устранить необоснованным уменьшением интервала между концом XII династии и царствованием Нефер-хотепы (см. ниже)². После опубликования Пибелем в 1942—1943 гг. Хорсабадского списка, показавшего, что все предшествующие хронологические системы были завышены, я сократил мою хронологию (которая за истекший промежуток времени подвергалась незначительным изменениям для согласования с хронологией Сидней Смита из Британского музея)³ на 64 года, комбинируя данные наблюдений планеты Венеры в царствование Амми Садука [‘Ammi-Saduqa] в Вавилоне с датой Хорсабадского списка⁴. Эта последняя, сокращенная, хронология до такой степени точно соответствует археологическим и историческим данным, что в ней нет места, насколько я могу судить, для каких-либо заметных ошибок⁵.

В соответствии с новой, сокращенной, хронологией мы должны датировать Зимри-Лима временем около 1830—1700 гг. до н. э.⁶, так как Мари был взят Хаммураби на 32 г. его (Хаммураби) царствования⁷, в 1697 г. до н. э., и Зимри-Лима должен был уже сменить последний царь династии Эним-Даган. Из этого следует, что и Иантин-Амму еще царствовал в Вавилоне после 1730 г. до н. э., хотя он, должно быть, умер очень скоро после этого.

¹ См. BASOR, № 77, стр. 25 сл. Эта хронология была отвергнута по опубликовании Хорсабадского списка царей.

² Ср. BASOR, № 77, стр. 27 сл.; № 83, стр. 32. Реконструкция туринского папируса, произведенная Фариной, не могла еще быть мною использована, когда я писал эти статьи.

³ Sidney Smith, *Alalakh and Chronology*, 1940. Ср. мои замечания в BASOR, № 79, стр. 36; AJA, 1943, стр. 491 сл.

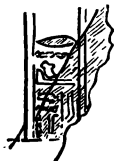
⁴ BASOR, № 88, стр. 28 сл.

⁵ Сидней Смит выступил недавно в защиту своей хронологии 1940 г. (см. примечание 3 на стр. 3). Я тоже следовал этой же хронологии, например в моей книге «From the Stone Age to Christianity», против Пибеля и меня в AJA, XLIX (1945), стр. 1—24. Главным его аргументом является дата толоса В в Платане, в долине Мессары на южном Крите, так как там керамика I среднеминойского периода засвидетельствована вместе с характерным вавилонским цилиндром-печатью времени Хаммураби и с двумя египетскими скарабейми XIII династии. У меня нет возражений по поводу замечания Смита касательно гематитового цилиндра (op. cit., стр. 15), о котором там идет речь, и я согласен, что этот тип появляется в эпоху Рим-Сина, царя Ларсы (по моей хронологии, 1758—1698 гг.), около середины XVIII ст. Оба скарабея могут быть датированы первой половиной того же столетия, как это уже было признано Ньюберри и Смитом (loc. cit.), но их форма явно предостерегает против отнесения прекращения захоронений в толосе В ко времени ранее середины XVIII ст. Как известно, керамика I среднеминойского периода прекращает свое существование лишь с появлением на острове Крите керамики III среднеминойского периода, тогда как керамика II среднеминойского периода сосредоточена лишь в богатых северокритских дворцах Кносса и Феста. Переход от I среднеминойского периода к III среднеминойскому (совпадающему с концом гиксосского владычества в Египте) датируется Smith'ом (op. cit., стр. 24) около 1700 г. до н. э. Я предпочитаю дату на 100 лет позже, в согласии с Шефффером («Ugaritica», 1939, стр. 53 сл.). II среднеминойский период, современный (см. выше) позднему времени I среднеминойского периода, связан в Угарите с сосудами, характерными для XVIII ст. в Сирии и Палестине. Перечитывая хронологические соображения в образцовой книге Пендельбери (Pendelbury, «The Archaeology of Crete», 1939), я был поражен путаницей, какую вносила в эгейскую историю устаревшая высокая хронология Вавилона, в силу которой период Хаммураби датировался против установленной ныне даты столетия на три или четыре древнее, а период каппадокийских табличек—даже на шесть столетий. Я не сомневаюсь, что археологи-эгейсты, если они примут соответствующую перестановку в обоих случаях, найдут новые месопотамские даты в полном соответствии с разумной интерпретацией их стратиграфических и типологических данных.

⁶ Известно около 30 названий лет его царствования: Dossin, «Syria», XX (1939), стр. 105 (ВДИ, 1940, № 1, стр. 39).

⁷ Thureau-Dangin, *Symbolae Paulo Koschaker dedicatae*, Leiden, 1939, стр. 119 сл.

Существование царя Энтина в Библосе было установлено Ньюберри, купившим два скарабея с этим именем у торговца древностями в 1924 г. и опубликовавшим их в начале 1928 г.¹ Оба скарабея происходят, вероятно, из раскопок Монтэ в Библосе. На них ясные надписи *h'ty-'n Kpn' ntn* (вариант: *'-nti-n*), «царь Библоса, Энтин». Ньюберри, являющийся лучшим знатоком скарабеев вообще, датировал их «временем, непосредственно следующим за XII династией». Позже, в том же самом году, Пьер Монтэ опубликовал большой фрагмент монументального барельефа, найденного незадолго перед тем в Библосе Морисом Дюнаном и содержащего то же самое имя². О первоначальном размере рельефа можно судить по тому, что фрагмент его имеет 1,7 м высоты. Монтэ убедительно показывал, что остаток египетского царского картуша во второй колонне принадлежит фараону Нефер-хотепу, наиболее известному из правителей XIII династии. Этот памятник был недавно вновь опубликован с приложением фотографии Дюнаном³. К сожалению, имя отца Энтина повреждено; открывший его ученый читал его как *R-y-n*, но возможно, что следует читать *Y-k-n* (см. мой реконструирующий рисунок), в особенности

Изображение конца вертикальной колонны надписи перед сидящей фигурой на рельефе Энтина; текст читается: *'rn h'ty-'Yk (?) n m'hrw*, «Рожденный царем *Y k (?) n*, умер». Изображение основано на фотографии, опубликованной Дюнаном, с которой были тщательно сопоставлены рисунки Монтэ и Дюнана. *Y* и *n* видны отчетливо; в семитическом имени, начинающемся с *Y* и кончающемся на *n*, только *k* соответствует остающемуся пространству и имеющимся следам.

потому, что нормально в начале ханаанского имени следует ожидать *y*. Этого *Y-k-n* я идентифицирую *предположительно* с *Yakin-ilum'*ом (или *Yakin-El'-em*), на цилиндре Карнаврона, опубликованном Ньюберри в 1921 г.⁴, который был ханаанским вассалом Сехотеп-уб-ра, предположительно четвертого царя XIII династии⁵; это предположение, однако,

¹ JEA, XIV (1928), стр. 109.

² «Kemi», I, стр. 90 сл.

³ «Fouilles de Byblos», I, стр. 197 сл. и табл. XXX (атлас).

⁴ JEA, VII, стр. 196 сл. В отношении чтения этого имени см. мои замечания в JPOS, II, стр. 120 сл. и *Sidney Smith, Alalakh and Chronology*, 1940, стр. 15, прим. 52. Значение *ya-yi-yi* для *PI* часто встречается в текстах Мари конца XVIII ст. до н. э. Следует прибавить, что имя это должно читаться с юссивом *yakin*, а не с изъяснительным *yakīn* (*u*); оно означает: «Да утвердит бог (или Эл)». То, что это лицо было царем Библоса, вытекает естественным образом из акадского *warad*, «слуга» «исполнитель» и египетского *mry Nthr nb[t Kbn]*, «возлюбленный Гатор, владычицы Библоса». Последнее выражение обычно для египетских надписей XII династии (см. также Dupand, op. cit., I, стр. 417). Цилиндр Карнаврона находится в Метрополитенском музее в Нью-Йорке.

⁵ Сидней Смит отмечает, что клинописный текст цилиндра древнее, нежели лапидарный шрифт, характерный для времени Хаммураби (loc. cit.). Когда цилиндр был опубликован, он был прочтен Пинчесом, но дата его, в соответствии с тогдашней вавилонской хронологией, получилась не позже, чем около 2000 года до н. э. Таким образом, Сехотеп-уб-ра египетского текста, повидимому, должен был быть идентифицирован с Аменеммесом I (по хронологии Вуда, 1991—1961 гг. до н. э.). Однако Ньюберри был затруднен подобной хронологической атрибуцией (op. cit., стр. 198), ибо цилиндры печати первых двух царей XII династии—Аменемхета I и Сенусерта I неизвестны, в то время как от царей XII династии известно их много. Некоторые из них—весьма тонкой работы». Мы можем теперь с уверенностью отнести эти цилиндры к четвертому или восьмому царю XII династии, так как оба они имеют этот преномен. Ввиду того, что Сехотеп-уб-ра II (около 1762—61 г. до н. э.) царствовал более одного года и, видимо, оставил по себе памятники в Египте, мы можем с вероятностью отнести цилиндр к его царствованию. Как мы увидим ниже, подобное предположение вполне совпадает с библосскими данными.

не имеет существенного значения для выставленного в этой статье тезиса. В 1934 г. Эмиль Форрер нашел третий скарабей того же библосского царя Энтина во время зондажных работ в Калат эр-Рус, на сирийском побережье, в 25 км южнее Угарита; я присутствовал при этом и отметил тот факт, что скарабей имел на себе ту же самую надпись, что и два опубликованных Ньюберри¹. Ввиду того, что Калат эр-Рус находится приблизительно в 150 км к северу от Библоса, эта находка указывает на весьма широкое распространение упомянутых скарабеев.

Семитический характер имени 'ntn был признан Монтэ, который предложил вокализировать его как еврейское Yinnaten², но начальной согласной является aleph, а не yodh, и эта форма совершенно не имеет параллелей. Я думал, что это имя не семитическое, и сравнивал его с угаритскими именами, оканчивающимися на *ena*, которые, по мнению Тьюр-Данжена и др., считались тогда несемитическими³. Разумеется, ныне ясно, что эти угаритские имена являются северо-западно-семитическими и что их странный вид объясняется сокращением и фонетическими изменениями⁴. Библосское имя *Entin* — это просто сокращенное *Yantin* от первоначального *Yantin'ammu*. Подобные сокращенные имена чрезвычайно часты в документах, содержащих списки северо-западно-семитических имен II тысячелетия до н. э. Мало того, некоторые затруднения, чинимые отсутствием начального *yodh'a* в египетской транскрипции, ныне совершенно устранены наблюдениями Жана, Доссена и др., обративших внимание на регулярное изменение *i'a*, *iya* и *ya* в *e* в народном произношении того времени⁵. Примеры — многочисленны. Они встречаются не только в текстах мари, но также и среди северо-западно-семитических имен в одновременных вавилонских документах, так же точно, как и в несколько более поздних амарнских табличках. Вынужденный ограничиться немногими примерами, я укажу лишь на *Zimredda* и *Zimrêda* вместо древнего *Zimri-Hadda* (*Hadda*)⁶; *Niqmêpa* вместо *Niqmi-yapa*⁷, *Erah* вместо (*Y*)*arah*, имя аморейского лунного божества (евр. *yerah*)⁸; *Emutbal(um)* вместо *Yamutbal(um)* — название области (собственно племени) в районе к востоку от Тигра, занятой амореями⁹; *Ezrah-Dagan* вместо *Yazra'-Dagan*¹⁰; *Enbami* вместо *Yanbami*, имя ханаанейского наместника Египта в Палестине около 1375 г. до н. э.¹¹ Последний пример в особенности подходит, так как имя представляет собой характерное сокращение, совершенно подобное *Yantin-Entin* по форме.

Выше было показано, что Энтин был еще на престоле Библоса приблизительно в 1730 г. до н. э. или вскоре после этого. Теоретически при этом возникает возможность установления косвенного синхронизма, относящегося к трем правителям, один из коих царствовал неопределенное вре-

¹ См. Форрер, в приложении у М. Н. Эрриха, *Early Pottery of the Jebel Region*, Philadelphia, 1939, стр. 120 сл.

² «Kemi», I, стр. 92, по Дюссо.

³ JPOS, XV (1935), стр. 226, 229.

⁴ См. пока что мои замечания в «Studies in the History of Culture», «Leland Volume» Menasha, 1942, 22, прим. 27.

⁵ Ср. Jean, RAS, XXIV (1937), стр. 169 сл.; Dossin, «Syria», XX (1939), стр. 169—176, (где приведено много примеров, хотя фонетический характер изменений не может быть установлен с точностью); Albright, BASOR, 77, стр. 25, прим. 26. Ср. также Theodor Bauer, *Die Ostkanäanaer*, 1926, стр. 63.

⁶ Ср. Albright, loc. cit.

⁷ Это имя известно теперь как в египетской, так и в клинописной транскрипции: см. Dossin, «Syria», XX, стр. 174 и Albright, BASOR, № 83, стр. 34 сл., прим. 14.

⁸ См. список имен у Бауера, op. cit., и обратите внимание на имя *Yarahum*, приведенное для объяснения первоначального мужского имени *Yarhum Yazah*.

⁹ См. Bauer, op. cit., стр. 28.

¹⁰ См. Bauer, op. cit., стр. 24, 63.

¹¹ См. Amarna, № 285:10; 286:28 (изд. Knudtzon'a), пишется *E-en-ha-mu*.

мя. К счастью, впрочем, для нас; Нефер-хотеп царствовал только одиннадцать лет (туринский папирус), а ряд обстоятельств реально ограничивает возможный хронологический отрезок для документальных источников Мари и Библоса. Как мы увидим, египетские источники указывают на вероятность того, что Нефер-хотеп вступил на царство примерно около 1740 г. до н. э., тогда как по азиатским данным было бы чрезвычайно затруднительно полагать, что он был в живых приблизительно после 1730 г. до н. э.; когда Зимри-Лим стал царем Мари.

Документы Мари не дают нам опорных точек и не содержат никаких указаний на отношения с Египтом или на приобретенные египетские товары. Зато еще в 1939 г. Доссен сообщил, что он встретил к тому времени шесть указаний на Угарит, восемь на Библос, четыре на кипрскую медь и четыре на критские товары¹. Если даже, что весьма вероятно, при дальнейшем изучении этих документов появится некоторое количество упоминаний о Египте, то и этого будет чрезвычайно мало, если мы представим себе широкое распространение египетских изделий в западной Азии в другие периоды эпохи средней бронзы, не говоря уже о политическом престиже, которым пользовался Египет. Это чрезвычайное обстоятельство указывает на то, что Египет был уже охвачен анархией, возникшей в гиксосский период, вскоре после смерти Нефер-хотепа (см. ниже). Благодаря этому датировать смерть Нефер-хотепа после 1730 г. до н. э. в свете данных документов Мари было бы в высшей степени неправдоподобно.

Обращаясь к Египту, надо заметить, что в отношении хронологии мы находимся теперь в несравненно лучшем положении, нежели десять лет назад. Мы основываем наши исследования на убедительной дате Буда для восшествия на престол Сенусерта III в 1879 г. до н. э. (см. его статью, помещенную в BASOR, № 99, «The Kahun Papyrus and the Date of the Twelfth Dynasty»). Принимая весьма вероятную относительную хронологию XII династии², установленную Эджертоном, мы получаем 1778 г. до н. э. как последний (неполный год XII и первый год XIII династии). Благодаря публикации туринского папируса, принадлежащей Фарине³, при поддержке со стороны других современных ему памятников, мы располагаем теперь значительно большими возможностями для реконструкции хронологии XIII династии, чем несколько лет назад⁴.

В нижеследующей таблице первые 26 из 50 слишком царей XIII династии перечислены в соответствии с результатами пересмотра текста туринского папируса, предпринятого Ибшером и Фариной:

1. Ху-тави-ра (Вегаф) [Khu-tawi-re' (Wegaf)]⁵ 2 | 3 | 24⁶. Известно много памятников⁷.

¹ «Syria», XX, стр. 110 сл.; (ВДИ, 1940, № 1, стр. 44 сл.).

² JNES, I (1942), стр. 306—14.

³ «Il Papiro del Re restaurato», Rome, 1938. Материальная реставрация произведена Гуго Ибшером, наиболее опытным из современных специалистов в этой области. Эту книгу я получил лишь в 1941 г.

⁴ Мне известно, что доктор Г. Е. Уинлок работает над хронологией XVI династии, так что следует ожидать от него вскоре выдающихся исследований в области хронологии второго междинастического периода.

⁵ Там, где вокализация отличается от обычных форм, я следовал данным поздних вокализаций и транскрипций, например для 'ub—«сердце», см. JEA, XXIII, стр. 201, прим. 4; для kuz—«двойник, гений», см. мою «Vocalization», 1934, стр. 60 сл.

⁶ Три следующие друг за другом числа представляют годы, месяцы и дни царствования по туринскому папирусу. 0 + означает царствование, продолжавшееся некоторое количество лет от нуля, в тех случаях, когда папирус сохранил только знаки, означающие «лет» и ничего другого. 1 + означает царствование, продолжавшееся по крайней мере один год, но не более четырех, так как более высокие цифры выражаются в иероглифическом письме совершенно другими знаками. Вопросительный знак (?) означает, что не сохранилось никаких следов знаков, указывающих продолжительность царствования.

⁷ Смешение между этим царем и № 15 ныне устранено.

2. Сехем-ку-ра (Амен-ем-хет-сенбеф) [*Sekhem-ku-re' (Amen-em-ḥet-sen-bef)*] 0 + |?|¹. Известно некоторое количество памятников. Его третий год засвидетельствован в Кахуне.

3. Амен-ем-хет. [*Amen-em-ḥet*] 3 + |?|². Идентификация этого царя еще весьма сомнительна.

4. Сехетеп-уб-ра II [*Sehetep-ub-re'*] 1 |?|³. Известно много памятников⁴.

5. Эвеф-ни [*Eweḥ-ni*]. (?) Достоверных памятников не сохранилось.

6. Сханх-уб-ра (Амени-Энтеф-Аман-ем-хет) [*S'ankh-ub're' (Amenī-En-tef-Amen-em-ḥet)*] (?) Известны многочисленные памятники.

7. Семен-ку-ра [*Semen-ku-re'*] ? |?| Памятники неизвестны.

8. Сехотеп-уб-ра III [*Sehetep-ub-re'*] ? |?| 4. Достоверные памятники неизвестны.

9. Севадж-ку-ра [*Sewadj-ku-re'*] ? |?| 6. Достоверные памятники неизвестны.

10. Неджем-уб-ра [*Nedjem-ub-re'*] 0 |1 + |?| Достоверные памятники неизвестны.

11. Себек-хотпе [*Sebek-ḥatpe*], сын Мانت-хотпе [*Mant-ḥatpe*]. 2 + (?)⁵. Памятники сомнительны.

12. Рин-сенеб [*Rin-seneb*] 0 |4| 0. Памятники неизвестны.

13. Эвет-уб-ра [*Ewet-ub-re'*] 0 |9| 0. Неясно, должны ли быть ему приписаны некоторые памятники⁶.

14. Седжефа-ку-ра [*Sedjefa-ku-re'*]. 0 + ? |?|. Документация памятниками сомнительна⁷.

15. Сехем-ра-ку-тави (Себек-хотпе II) [*Sekhem-re'-khu-tawi Sebek-ḥatpe II*] 0 + |?|? Многочисленные памятники⁸. Наиболее поздний датируется годом его царствования.

16. Васер-ку-ра Хинджер [*Waser-ku-re' Khendjer*] 0 + |?|? Известна его пирамида и некоторые другие памятники⁹. Наиболее поздний датируется его четвертым годом.

17. Семенх-ку-ра [*Semenkh-ku-re' Mr-mnfytyw («Mer-mesha»)*] (?). Известны большие статуи в Танисе и недостроенная пирамида, датируемая его третьим годом, близ Мемфиса¹⁰.

¹ В конце строки здесь птица *djefa* красными чернилами, за которой следует «шесть лет» черными чернилами. Эта заметка ранее или считалась указанием на продолжительность, или ее просто оставляли без внимания; значение ее — «междоцарствие» или нечто подобное, в согласии с Фариной, по Борхарду. В сохранившейся части папируса встречаются еще 3 таких заметки, все во втором междинастическом периоде.

² Относительно печати-цилиндра, вероятно из Библоса, см. выше прим. 1 на стр. 6.

³ Значение остатка цифры неопределенно.

⁴ К этому царю относится, вероятно, загадочная могила в Дахшуре, которую некоторое время относили к XII династии. См. подробное обсуждение у Weigall, «A History of the Pharaohs II», стр. 147 сл.

⁵ Тот же преномен, *Sedjefa-ku-re'*, с личным именем Куа Амен-ем-хет встречается вместе с *Khu-tawi-re' Wegaf* (№ 1 в списке XIII династии туринского папируса) на монументе из Медамуды, детально рассмотренном у R. Weill «Revue de l'Égypte Ancienne», II (1929), стр. 156—163.

Вейль выводит из этого, что туринский папирус смешивает имена № 1 и 15, так что *Wegaf* должен быть номером 15, однако это решение вызывает больше сомнений, нежели их устраняет.

⁶ Число известных памятников значительно возросло благодаря находкам в Медамуде.

⁷ Jequier, Deux pyramides du Moyen Empire, Cairo, 1933, стр. 3 сл., 26 сл. и «Douze ans de fouilles dans la nécropole memphite, Neuchâtel, 1946, стр. 140—149.

⁸ Jequier, Deux pyramides, стр. 55 сл., 67 сл.; «Douze ans de fouilles», стр. 149—155. Имя царя, погребенного в пирамиде, не упомянуто, но полдюжины иератических граффити на строительных камнях содержат указание на третий (и ни на какой другой) год, так что выводы Жюлье в отношении идентификации царя представляются весьма основательными. Сооружение тщательно спроектированной пирамиды, очевидно, должно было начаться не ранее третьего года и было прервано до начала

18. Сенефер-ку-ра [Senefer-ku-re']. (?) (?) Данные неопределенны.
19. [] Сутах [Sutakh]. (?) По другим источникам неизвестен¹.
20. Сехем-ра-севадж-тави Себек-хотпе III [Sekhem-re'-sewadj-tawi Sebek-hatpe III]. 3 | 2 | ? Многочисленные памятники.
21. Ха-сехем-ра Нефер-хотеп [Kha'-sekhem-re' Nefer-hetep]. 11 | ? | . Много памятников во всех областях египетской державы, включая Библиос.
22. Си-хатхар [Si-hathar]. 0 | ? | 3. Только скарабеи.
23. Ха-нефер-ра Себек-хотпе IV [Kha-nefer-re' Sebek-hatpe IV] (?). Много памятников во всех частях Египта.
24. Ха-хотеп-ра (Себек-хотпе V) [Kha'-hetep-re' (Sebek-hatpe V)]. 4 | 8 | 29. Скарабеи.
25. Вах-уб-ра А-уб [Wah-ub-re' A'-ub] 10 | 8 | 18. Немногочисленные памятники.
26. Мер-нефер-ра Айя [Mer-nefer-re'Aya]. 13 | 8 | 18. Практически неизвестно ничего, кроме скарабеев.

В соответствии с весьма вероятным восстановлением текста туринского папируса, произведенным Фариной, далее следуют еще 28 правителей XIII династии, эфемерных и в большинстве случаев подчиненных гиксосским царям Верхнего Египта. Всего же к этой династии могут быть отнесены 54 фараона. № 52, Нехаси (Nehasi), засвидетельствован документально как гиксосский вассал. № 36 [Деде]мес ([Dede]mes) с известной долей вероятности считается Вейлем и другими за Тимея, при котором, по Манефону, закончилось гиксосское владычество над Египтом². К этому мы еще вернемся ниже.

Обращаясь прежде всего ко времени, истекшему между концом XII династии, недавно фиксированным Вудом 1778 г. до н. э.; и восшествием на престол Нефер-хотепа, необходимо подчеркнуть, что реконструкция Фарины, поддержанная в фактическом отношении новейшими открытиями Жекье и др., совершенно изменила нашу точку зрения. Мы не

четвертого; этот факт сам по себе делает весьма затруднительной идентификацию с другим единственно возможным фараоном—Себек-хотпе II, так как он был еще жив на четвертом году своего царствования.

¹ Имя []Sutah чрезвычайно интересно как доказательство того, что это божество приобрело популярность среди прирожденных египтян непосредственно перед нашествием гиксосов или что семиты уже идентифицировали Сета (древнего Сутеха) со своим собственным грозным божеством—Баал-Хададом. Последняя альтернатива представляется мне более вероятной. Дюссо недавно обратил внимание на тот факт, что имя *Undr* (Khendjer) похоже на угаритское *hnzr* (возможное значение «кабан») до такой степени, что первое, вероятно, было нормальной египетской транскрипцией последнего. В качестве иллюстрации семитического влияния при Нефер-хотепе—фараоне, царствовавшем через одного после вышеназванного, считаю возможным указать на слово *mtnt* «награда» в сороковой строке его абидосской надписи, в отрывке, переведенном Зете (у Pieper'a «Mitt. Vord.-Aeg. Ges.», 32, 2, стр. 43), как «награда исполнителю в том, что он сделал». Слово встречается в том же самом значении «подарок, награда», как существительное *mtn mtnt* и как глагол, образованный от него в текстах XV и XIV вв. (WB, II, 1, стр. 170); написание *mtnt* возникло, вероятно, вследствие смешения с *mtnt*, «топор», которое появляется в среднеегипетских текстах. Северо-западно-семитическим оригиналом является, естественно, *mattanu*, *mattantu*, «дар, подарок».

² Это место из Манефона, сохраненное Флавием Иосифом (с. Apion., I, 75), к сожалению, сильно испорчено; Исидор Леви и Вейль предполагают читать Touti-maios, которого первый из названных авторов предполагает эквивалентным *Ddw-ms* у Weill'я, JAs, 10 сер., 16, стр. 315, 323). Следует заметить мимоходом, что греческая транскрипция *Tinaios*, может быть, вполне правильная, несмотря на ее эллинистический облик; гипокористическое сокращение **Ddmy* может служить параллелью к хорошо известному *Pthemy* (амарнские *Tahmaya* и *Atahmaya*) = *Ptah-mase* и *hmy* (амарнское *Ja'amaya*, правильно прочтенное Винклером в EA 62:42, 45, но ошибочно Кнутцоном и до сих пор ни разу не отождествленное (J'ah-mase (Amosis, Яхмос)).

можем более считаться с попытками Р. Вейля пересмотреть порядок имен, записанных в туринском папирусе¹. Место Хенджера ныне известно точно, так же как и положение обоих царей, именуемых Себек-ем-саф, из XVII династии². К сожалению, некоторые годы царствований утрачены, но надо заметить, что почти все эти утраты относятся к эфемерным правителям, вовсе или почти не оставившим после себя документальных памятников. Восемь из двенадцати предшественников Нефер-хотепа засвидетельствованы как царствовавшие не менее года каждый. Семь из них хорошо документированы надписями. Видимость отсутствия документации для № 3, вероятно, объясняется тем обстоятельством, что нам неизвестен его преномен, и мы не можем поэтому с уверенностью судить, какой из возможных правителей, именуемых «Амен-ем-хет», имеется в виду.

Если же мы выведем сумму для первых двадцати царствований, то получим, как минимум, 31 год (включая и шестилетнее междуцарствие, засвидетельствованное туринским папирусом) и, как вероятную сумму, 38 лет, распределяющиеся следующим образом:

цари 1 — 4	минимальная	продолжительность	15 лет,	вероятная	— 17 лет
» 5 — 11	»	»	2 года	»	— 5 »
» 12 — 20	»	»	14 лет	»	— 16 »

Начиная счет наших вероятных 38 лет от установленной Вудом даты конца XII династии, мы получаем приблизительно 1740—1729 гг. до н. э. для Нефер-хотепа. Принимая во внимание правильность данных, переданных туринским папирусом, мы не имеем возможности датировать начало царствования Нефер-хотепа ранее примерно 1740 г. до н. э. Комбинируя данные туринского папируса и других памятников, было бы очень трудно отнестись всерьезу к престолу этого царя ко времени примерно после 1735 г.

Более того, приурочение смерти Нефер-хотепа ко времени около 1730 г. до н. э. прекрасно согласуется с доступным ныне свидетельством египетских памятников для последующего периода, хотя нам все еще недостает точных данных для того, чтобы прийти к прочным заключениям. Со времени находки рельефа Нефер-хотепа в Библосе стало невозможно датировать начало гиксосской оккупации Нижнего Египта ранее конца его царствования. № 23, Себек-хотпе IV, оставил по себе надписи в Нижнем Египте, но территория последующих царей была ограничена Верхним Египтом, исключая случайное проникновение скарабеев и других мелких предметов, содержащих их имена. Сверх того, незначительность этих поздних царей хорошо иллюстрируется чрезвычайной малочисленностью памятников, относящихся, например, к №№ 24 и 25, хотя они и царствовали оба около 16 лет. Считается общепринятым, что египтяне утратили контроль над Нижним Египтом около этого времени, не позже, чем около 1720 г., как позволяет судить знаменитая «стела четырехсот-летия»³. Если предположение Пипера, принятое многими египтологами

¹ Вейль оперировал почти исключительно с группами царей, соответствующих друг другу по именам или по характеру памятников и т. п. Метод в принципе правилен, но он становится крайне рискованным, если промежуток времени, имеющийся в виду, столь мал.

² См. Winlock, JEA. 10, стр. 217 сл. и Smither, ib., 25 (1939), стр. 36.

³ Текст и его интерпретация см., в особенности, Sethe, «Zeits. Aeg. Spr.», LXV (1930), стр. 85 сл. и Montet «Kemi», IV, стр. 191—215. Ср. также мои замечания в BASOR, № 58 (1935), стр. 16.

и историками, правильно; мы можем отнести начало XV династии, первый царь которой, Салатис, овладел всем Египтом, ко времени Деде-меса, вероятно, 36 царя XIII династии. Годы правления девяти из четырнадцати царей между Нефер-хотепом и Деде-месом известны. Это в сумме — 40 лет и несколько месяцев. За исключением царствования Себек-хотпе IV, нет никаких оснований для того, чтобы положить более чем по несколько месяцев на каждого из пяти остальных правителей, в сумме это дает около 5 лет, в общем же интервал занимает 45 лет, в течение которых Нижний Египет определенно находился в руках гиксосов. Тридцать или тридцать с лишним лет, вероятно, окажется достаточно для древнегиксосских правителей; каковы Анат-гар [*Anat-har*,] Иакуб-гар [*Ya-qub-har*] и Самукена [*Samukena*], которые предшествовали XV династии, как это показано на археологическом материале Петри и автором этих строк¹ и подтверждено новым восстановлением туринского папируса. Благодаря Фарине ныне известно, что XV династия, к которой принадлежат Салатис, Апопи I и Хиап [*Salitis, Aporphis I, Khaupa*], царствовала около 108 лет², но ее хронологическое положение остается неопределенным до тех пор, пока не будет найден пункт, с которым могла бы быть прочно увязана собственно египетская хронология. Салатис; возможно, еще не владел Верхним Египтом на протяжении значительной части своего царствования, и мы не знаем, какое время следует отвести двум Апопи (и другим гиксосским царям), которые правили по окончании XIV династии, но до того момента, приходящегося, повидимому, на один из поздних годов царствования Яхмоса I³, когда гиксосы были окончательно изгнаны из Египта. Принимая в расчет все вышеизложенное, не будет ошибкой поместить XV династию приблизительно между 1690 и 1580 гг., тогда как Салатис мог овладеть Верхним Египтом около 1685 г. до н. э.⁴

Эти двусторонние расчеты делают, таким образом; вероятным, что Нефер-хотеп царствовал приблизительно в 1740—1729 гг. до н. э.; и достоверным, что он находился на троне в течение части, по крайней мере, декады 1740—1730 гг. до н. э. Это заключение находится, как мы видели, в поразительном согласии с данными документов Мари. Если Иантин-амму, царь Библоса, находился у власти между 1740 и 1720 гг.; он должен был быть современен обоим — Нефер-хотепу, царю Египта, и Зимри-

¹ Ср. мои замечания в JPOS, 1935, стр. 226 сл.; Annual, XVII, стр. 44 сл. Относительно имени *Samukena* (*S m q n*), которое позже встречается в Угарите, ср. Thureau-Dangin, «Syria», XV, стр. 139 (написано: *Sa-mu-ge-na*). Относительно одно-временного *B b n m-B a b l i m m a* (в документах Катны) см. JPOS, 1935, стр. 227, прим. 107.

² Верно, что единицы не были видны на фоторепродукции туринского папируса, но так как Фарина сообщил о своем открытии за несколько лет перед тем (см. P a h o r Cladios Labib, Die Herrschaft der Hyksos in Ägypten, 1936, стр. 22), то можно себе представить, что остатки знаков для «восьми» или стерлись перед тем, как произошло фотографирование, или были обнаружены позже. Добросовестность Фарина не может быть ни в коем случае поставлена под сомнение, равно как не остается места и для какого-либо скептицизма.

³ Принимая хронологию Edgerton'a, AJSL, LIII, стр. 196, мы можем датировать Яхмоса I приблизительно 1570—1546 гг. до н. э.

⁴ Следуя годам царствований, восстановленным у Фарина («Papiri dei Re», стр. 56), мы можем датировать Апопи I (царствовавшего более 40 лет) приблизительно 1645—1605 гг., а Хиапа приблизительно 1605—1508 (считая его царствование предположительно в 25 лет). В этом случае он должен быть отчасти современен Амми-дитане (приблизительно 1619—1583 гг. до н. э.).

Лиму, царю Мари (приблизительно 1730—1700 гг.), и это уже без малейших натяжек¹.

В этом косвенном синхронизме мы получаем еще один аргумент в подтверждение хронологии, установленной по Хорсабадскому списку.

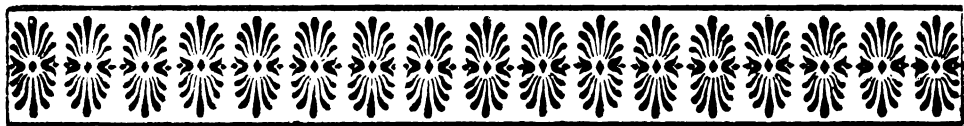
¹ Сколько известно из опубликованных документов, всего насчитывается четыре библосских царя, правивших на протяжении этого периода, имена которых устанавливаются на основании местных надписей. Если опустить сомнительного Илум-иапа (ср. аморейское *Yara-ilum* в клинописных текстах того же времени), середина правления которого должна была совпадать с началом XIII династии (см. Montet, *Byblos et l'Egypte*, стр. 196 сл. и мои замечания, в JPOS, 1928, стр. 226, прим. 1; 1935, стр. 226, прим. 103), останется три. Иакин-илум прекрасно укладывается в их последовательности, как это видно из нижеследующей таблицы:

Аби-шему [Abi-shemu], (также Аби), современник Аменемхета III (1840—1792)—прибл. 1810;

Иапа-шему-аби [Yapa-shemu-abi], его сын, современник Аменемхета IV (1792—1783)—прибл. 1790;

Иакин-илум [Yakin-ilum], (также Yakin?), современник Сехетеп-уб-ра II (прибл. 1763)—прибл. 1765;

Иантин-амму [Yantin-ammu], (также Eutin), его сын (?), современник Нефер-хотепа (прибл. 1740—1729)—прибл. 1740.

Акад. Р. Ю. Виппер

ПРОСВЕТИТЕЛЬНЫЙ ВЕК РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

Со времени политического господства христианской церкви историки привыкли рассматривать христианство как протест против античной культуры, который опрокинул все ее творения и поставил на ее место вполне ей чуждое мировоззрение и практику жизни.

Проводя все исследования и изображения идей и быта христианства с этой односторонней точки зрения, многие историки и богословы забыли о том простом и естественном факте, что христианство только в своем окончательном, вполне сложившемся виде принялось за отвержение и уничтожение античной культуры, а по своему началу было порождением той самой культурной среды, которую оно заклеямило потом именем тьмы язычества. Отвлекаясь от теологических условностей, историк должен помнить, что хотя христианство и возникло из соединения оппозиционных египетско-сирийских, иудейских, греко-римских течений, религиозно-философских и социально-моралистических, но во всяком случае оно было плодом коренных, глубоких явлений внутреннего развития в том самом обществе, которое оно потом, сложившись в самостоятельную силу, осудило как скопление сатанинских грехов.

Христианство представляло собой совершенно новую фазу религиозного развития. Однако оно вполне соответствовало политическому, экономическому и духовному уровню Римской империи. Именно потому оно и вытеснило все прочие религии античного мира. Христианство пропагандировало в народных массах новые идеи, создало новый тип религиозной идеологии и религиозной организации. Но элементы этого нового мировоззрения оно заимствовало из окружающей среды. В этом смысле христианство было не только отрицанием, но и продолжением, подражанием, заимствованием идей, философских и литературных форм и приемов предшествующей античной культуры.

Нет ничего более грубого и исторически неверного, как противопоставлять античность и христианство в виде тьмы и света, упадка и возрождения. Напомню только один факт, служащий опровержением этого устарелого и для нас непригодного взгляда. Современником авторов греческих новозаветных книг (посланий и евангелий) был великий римский юрист Гай, крупнейший из реформаторов римского права, завещавший потомству учение о *ius naturale* (естественном праве), прирожденном равенстве и свободе всех людей.

Для христианства это сопоставление может быть только почетным. Тогда становится понятным, в каком родстве с античностью находится

заявление автора послания к коринфянам (I кор.; 12, 13): «все мы одним духом крестились в одно тело, иудеи или эллины, рабы или свободные, и все напоены одним духом». Как и *ius naturale* римского права, эта религиозная формула, утверждающая равное достоинство всех людей, восходит к стоической философии. Нужно ли более ясное доказательство той простой истины, что Римское право (в его реформированном виде) и Новый завет принадлежат одному и тому же веку, одному и тому же обществу?

То и другое — последний, «осенний» цвет античности, немислимо более разъединять эти явления, необходимо рассматривать их в органической связи. В наше время, когда политическое господство церкви сломлено, когда христианство выступает перед лицом науки, как великая историческая категория, как предмет объективного; делового, технического исследования, мы, историки XX века, должны понять и оценить его как одно из важнейших и оригинальнейших явлений просветительного века Римской империи. Хронологически я определил бы этот век так: от Флавиев до Северов, с конца I столетия н. э. до начала III в., от эпохи великих иудейских восстаний до начала больших вторжений германцев.

I. Апогей рабовладельческого права

Нет ничего опаснее для исторического исследования, как применение в нем с первого же приступа больших сплошных историко-теоретических схем и выводов.

В данном случае дело идет о большой категории «рабовладельческого общества» конца античного мира. Мы ошибемся, если будем представлять быт и идеологию этого общества в состоянии неподвижности застоявшейся воды или окаменевшей глыбы.

Весь I век до н. э. и большую часть I в. н. э. можно обозначить, как время бурного развития рабовладельческих форм и рабовладельческой идеологии. В результате крупнейших завоевательных войн Рима, которые привели к основанию Римской империи, следовавших за ними еще более кровопролитных и разорительных гражданских войн, торговля рабами и рабский рынок разрослись непомерно. Никогда жизнь невольников, никогда каторжный труд не ценились так низко, никогда раб не стоил более дешево. И никогда не было такого презрения к трудовому люду, такой жестокой дисциплины в отношении невольников. Напомню только, что это эпоха составления знаменитых руководств Варрона и Колумеллы, из которых мы узнаем, что в хозяйстве существуют три вида орудий: немые (плуги, мотыки), полугласные (рабочий скот) и одаренные голосом (рабы); узнаем об устройстве эргастула, подземного, «здорового», по мнению Колумеллы, помещения для скованных рабов, служившего мастерской, спальней и лазаретом, где окна так высоко расположены, что до них нельзя достать рукой.

Очень характерно для эпохи обозначение состава колоссальных наследств богатейших сенаторов того времени: *villae, fenus, servi* — т. е. загородные усадьбы, денежные суммы для отдачи в рост и рабы. Количество рабов, их изобилие и разнообразие — вот показатель богатства, благополучия сильных мира сего. Но в то же время это — и проклятие жизни, источник вечной опасности для обладателей земного рая.

Тацит дал нам незабываемые по своему драматизму сцены из эпохи наибольшего подъема рабовладения, рассказавши под 62 г. о волнениях в Риме в связи с пытками и казнью 400 рабов, составлявших домашнюю челядь убитого в своем доме префекта (градоначальника) Рима, сенатора

Педания Секунда; с великим мастерством историк нарисовал нам положение рабовладельцев в речи высококонсервативного сенатора Кассия, оправдывающего террор в отношении рабов тем обстоятельством, что господа живут в вечной тревоге; окруженные толпами чужестранных рабов (по тогдашней терминологии — *nationes*); которые или вовсе не имеют религии, или исповедуют чуждые римлянам верования.

В рассказе Тацита необычайно ценны все детали; каждое слово. Нам важно узнать, что свободное плебейство Рима оказалось на стороне рабов, что столичная толпа осадила сенат с самыми угрожающими намерениями и что принцепсу (это был Нерон) пришлось вмешаться и послать своим коллегам по рабовладению военную помощь. Узнаем мы еще, что в сенате; при обсуждении вопроса о применении террористического закона было высказано мнение о смягчении его, отвергнутое большинством после пламенной речи Кассия.

Не трудно догадаться, что поборником этого мнения мог быть Сенека, бывший воспитатель молодого императора, находившийся тогда уже в немилости. Так, по крайней мере, приходится думать, судя по моралистическим трактатам Сенеки (особенно *de beneficiis*), по его письмам к Луцилию, где автор выхваляет простое и благодушное, даже дружеское отношение господина к рабам, беседы с ними, приглашение к своему столу и т. п. и где развивает то положение, что рабы ведь от природы такие же люди, что и господа.

II. Отношение к рабам по «Дидахе» и «Пастырю»

Совсем недалеко по времени от столичных событий 62 г. отстоит резкий памфлет великого иудейского восстания, известный нам из Апокалипсы (Энгельс приурочивает его к 69 г.), где призываются все громы небесные, все проклятия на зазнавшихся владык мира, на утопающих в богатстве торговцев и судовладельцев римских; где Рим называется великой блудницей вавилонской; где непобедимые легионы его зовутся сатанинским воинством, армией чудовищного зверя.

Эти образы, правда, созданы моментом исключительного ожесточения, как отголосок восстания против римлян, но документ исходит не от палестинских борцов, а от их единомышленников из Малой Азии. Он дает понятие о том, каковы были чувства и сознание обширных кругов обывателей восточных областей империи, захваченных силой римского оружия и римского ростовщического капитала.

Среди покоренной обывательской массы по культурности и интеллигентности первое место занимала старинная страна Нила с ее смешанным египетско-эфиопско-греко-иудейским населением. Каким-то чудом уцелели два документа из этой страны, которые теология запрятала в категорию послеапостольского века (так называемых «мужей апостольских»), но которые на самом деле восходят к самому раннему периоду христианства, представляют свидетельства морально-религиозной мысли передового иудейского сектантства. Это «Учение двенадцати апостолов» и «Пастырь» Гермь.

Первое — катехизис, общедоступный и популярный, особенно в замкнутой среде ремесленников, обучаемых и вдохновляемых переходными апостолами и пророками; второе — моралистический, религиозно-философский трактат для образованной публики в форме видений и притч, главная цель которого — подготовить людей к предстоящему суду божью в конце времен, воспитать к святой жизни будущих граждан божьего государства.

Сейчас приведу из этих двух произведений только мысли о рабах, обращении с рабами и социальной роли рабов для того, чтобы показать разницу в моральном сознании двух больших национальных и культурных групп.

Когда Сенека впервые открыл глаза своих вельможных коллег, представителей праздного великосветского слоя, на человеческое достоинство, таящееся в телах приниженной челяди, у него самого эти мысли явились как результат чтения на досуге, углубления в литературу более культурных, чем римляне, греков. В общинах ремесленных мастеров египетских те же мысли о равенстве рабов и свободных в моральном достоинстве вырастают из самой жизни: рабов тут сравнительно немного, они питаются и одеваются так же, как хозяева, в свою очередь пребывающие так же, как рабы, в непрерывной работе. Тут незачем тратить диалектическое искусство на доказательство тезиса о моральном равенстве людей; материальная обстановка давно внушила обывателю с детских лет эту простейшую истину: катехизис ставит домашних рабов на одну доску с детьми хозяина, напоминает, что у рабов и свободных один и тот же бог на небесах, что страх перед божеством должен быть не слепым ужасом, а благоговейным почтением к бесконечно милостивому покровителю всех людей одинаково.

Еще и еще раз нужно напомнить, что у Сенеки тема о моральном равенстве рабов со свободными есть предмет светской беседы где-нибудь в тенистом саду после хорошего обеда, тогда как в «Учении двенадцати апостолов» это—правило обихода в среде, где объявлена и строго проводится неукоснительная трудовая повинность, от которой не свободны даже духовные руководители общины, пророки и учителя.

В том же катехизисе встречаем мы необычайную по своей мотивировке формулу теснейшего содружества, идеального сообщества людей: «если вы—сотоварищи (συνχωῖνοι) в делах вечности, то насколько же больше должны вы быть таковыми в здешней жизни».

В другом египетском произведении—«Пастыре» Гермы мы встречаем единственную во всей религиозной литературе первых веков н. э. идеализацию рабского труда и возвеличение рабского звания. В центральной притче этой книги рассказано, как господь бог (в образе хозяина) поручает попечению раба виноградарник (земную паству, или род человеческий), как, приведенный в восторг самоотверженным трудом раба, после совещания с сыном своим, решает освободить раба и сделать его своим наследником. По другой версии той же книги, усердный, весь отдавшийся своему тяжелому, глубоко плодотворному труду раб и есть не кто иной, как сам сын божий; ниспосланный на землю; спасает он род человеческий от одолевających его пороков, похотей и грехов не кровавой жертвой (это идея более поздняя, вызванная кризисом восстания и социальной войны), а именно подвигом своего великодушного, исполненного бесконечной любви к людям труда.

Автор «Пастыря» заявляет себя вышедшим из рабского звания, вольноотпущенным богатой госпожи, образ которой он возносит до небес на манер обращения Данте к Беатриче. Достигнув свободы, он не только не забыл своих старых товарищей по судьбе, но он изобразил рабский труд как моральную основу мироздания.

Вот социально-идеологические контрасты середины I в. н. э. К двум противоположным сторонам неприменимы традиционные обозначения «язычество» и «христианство». Христианства в эту пору еще нет, есть секты, есть разбросанные общины, есть мечтания и надежды, но далеко нет ни организации, ни догматов.

Противоположность тут—между властным Римом и подчиненным Востоком и еще—между идеологией господствующих привилегированных

классов и мировоззрением обывателей, отодвинутых от водоворота общественной жизни, от борьбы честолюбий, — массы обремененных работой простолюдинов.

III. Разоружение. Кружки, товарищества

Контраст становится понятным, если принять во внимание характер и условия образования Римской империи.

Самым наглядным и решающим явлением римского завоевания была демилитаризация населения, превратившая граждан в обывателей. Никто из подданных Рима не смел ни носить оружие, ни хранить его, ни пользоваться им. Трудно в достаточной мере оценить все физические, моральные и социальные последствия разоружения. Росли поколения хилые и слабые; спорт, связанный в старину с подготовкой к военной службе, пришел в упадок. Вялость, пассивность стали как бы нормой жизни. У молодежи исчез задор, но вместе с тем потерялось чувство чести; не мужество, а смирение было возведено в добродетель: отсюда недалеко было до проповеди прощения врагам и претерпения обид. Сократились случаи и формы проявления энергии, стало скучно. Завидовали беспокойным предкам, которые хотя и на шумели много, но зато много пережили, перечувствовали; вспоминая славные дела прошлого, люди сознавали свое бессилие. Наступил век созерцателей, мечтателей, меланхоликов и юродивых.

Разоружению вполне отвечало истребление политики. Никакие сходки, собрания, публичные дебаты не допускались более. Государственные дела, войны с другими народами, посольства и другие сношения с посторонним миром не должны были касаться обывателей; им предоставлялось копошиться в своей узко-профессиональной и домашней жизни.

Общество силой вещей стало отделяться от государства, широкая общественность была запрещена, но социальный инстинкт, потребность общения нашли себе другой выход: люди стали группироваться в кружки, содружества, товарищества по профессиям, по соседству, по интеллектуальным склонностям, по религиозным исканиям и обрядностям.

Кружковой жизни античности, описанию во всех деталях греческих *ἑταῖραι*, *θίαισσι*, римских *collegia* посвящено немало ученых работ, но все они рассматривают этот сюжет как материал антикварной витрины, в порядке обозрения «древностей» наряду с портиками, термами, акведуками. А между тем ведь кружки, товарищества, замкнутые общины составляли самую существенную долю социального и культурного быта эпохи. Тут крылась вся неофициальная, религиозная жизнь; тут неслышно, раздробленно, но неудержимо и могущественно пробивалось сектантство, из которого выросла вселенская церковь.

Разоружение, отстранение от политики, уход обывателей в замкнутую общинность — все это были толчки и побуждения к развитию религиозной жизни; религия вступила на опустевшее место, которое образовалось от принудительного сокращения военной, политической, публично-правовой, спортивной — так или иначе актуальной — жизни; вместо деятельности — созерцание, вместо забот о здешнем, нынешнем — мечты о будущем, желанном, немирском, бестелесном. Товарищеское общение (по-гречески *κοινωνία*) и религиозная практика незаметно и тесно сплетаются друг с другом в одно целое. Какова бы ни была классовая или профессиональная основа товарищества — будь это кружок плотников, виноградарей, ткачей, портных, певцов, артистов — в нем с самого начала заключался религиозный элемент; у товарищей, названных братьев (*κοινωνοί, ἀδελφοί*)

был свой божественный патрон, отличный от официальных богов, — один из второстепенных богов, полубог или герой (Дионис, Асклепий, Орфей, Геракл, Гермес-пастырь); все они чтили обычаи вечерних братских трапез, скреплявших содружество, носивших характер священного обряда, принятие в свою среду новых членов происходило при соблюдении религиозной символики.

Религиозная община уже готова в такой койнонии; ей остается только в дальнейшей эволюции принять имя еkkлeсии, которое, впрочем, есть не что иное, как традиционное название старинных народных собраний (мы переводим «ekklesia» как «церковь», хотя словесно церковь идет от *choros* «молеельня», «часовня») — и относится к внешнему помещению, где собирались для поминовения по умершим сочленам общины).

IV. Кризис конца I в., реформы II в., новая религия

В I в. еще нет христианства как системы вероучения и общецерковной организации; нет еще легенд о Христе и апостоле Павле, которые возникают во II в. в образованных литературных кругах и составляют предмет искусственного мифотворчества. Но в I в. уже обозначились те две великие группировки, те две противоположные социально-исторические категории, которые столкнутся потом как враждебные друг другу силы под названием «языческого государства» и «христианской церкви», одна — правящая и оберегающая интересы привилегированных классов, и другая — материально пока бессильная оппозиция, руководители которой слышат «святыми» вестниками божьими (апостолами и пророками) и обещают массам, что после великого суда божия, после истребления нечестивых наступит новая жизнь, где первые будут последними, а последние станут первыми.

Эти два мира не остаются неподвижными. В том и другом происходит своя эволюция. Начиная с династии Флавиев и особенно при династии Антонинов, имперская власть вступает на путь реформ; слабеет римское высокомерие, чванство и ростовщическая жадность, распространяется право римского гражданства, и утрачиваются черты старой римской национальности; происходит сближение центра с провинциями, к администрации привлекаются местные силы. Правительство проникается филантропическими идеями (напомню алиментарные учреждения, увековеченные Панегириком Плиния). Императорский двор сближается с передовой интеллигенцией, применяет культурных деятелей, философов, писателей в администрации: Тацит, Светоний, Плиний, Арриан, Лукиан занимают служебные посты по управлению; Дион Хрисостом, лучший лектор конца I и начала II в., начертавший в *Borysthenica* (Приднепровье уже тогда было известно в античной литературе) идеальный образ «натурального человека», преследуемый при Домициане, действует при Траяне в качестве как бы педагога общественной морали, поощряемого высшей властью проповедника филантропии. В виде могущественного орудия просвещенной монархии вырастает ученая школа юристов, вырабатывающая реформу права. В университетах Нового времени их систематические работы, их сборники законов и комментарии к ним, их ученые руководства изучались как «римское право вообще». Историк античности особенно ценен в сочинениях Гая, Ульпиана и других деятелей II и III вв. реформаторский порыв, философский гений. Это были преобразователи, создатели моральной основы права, своего рода проповедники общественной морали. Для иллюстрации этой их роли достаточно привести титул I Институций, оза-

главленный «De iustitia et iure»: «Iuris praecepta sunt haec: honeste vivere, alterum non laedere; suum cuique tribuere». Эта формула современна Нагорной проповеди и ее заповедям. Вот превосходный случай для сравнения двух моралей: античной, так наз. «языческой», и раннехристианской.

В лице императоров Антонина Пия и Марка Аврелия (138—180) мы встречаем представителей просвещенного абсолютизма, которые хотят быть наставниками общественной морали, сознают себя обязанными руководить духовной жизнью народа. Антонин Пий своей религиозной политикой напоминает индийского царя Ашоку (III в. до н. э.). У него стремление возродить старину, вдохновить народные массы примерами древней доблести ярко выразилось в замечательной системе монетной чеканки, полной исторической символики. Поразительны также его указы по охране рабов, представляющие собою достижение крайнего предела филантропии при сохранении принципа рабовладения.

Одновременно с этими прогрессивными движениями в верхах, в правительственной, чиновной, придворной великосветской и провинциально-аристократической среде, происходят крупнейшие перемены в оппозиционных кругах в широких народных массах, в среде отодвинутых от политики народностей, в среде плебейства и близкого к нему невольничества.

Восток кипит и волнуется, далеко не замиривший после побед Помпея, Цезаря, Антония и Августа. Особенно непокойны семитические народности — иудеи, сирийцы, арабы.

С первых десятилетий I в. н. э. в иудейском мире, широко раскинутом по всей Передней Азии, Египту и Киренаике, поднимается волна восстаний, предводители которых идут под знаменем мессианизма. Все общественные организации и все религиозные направления, все секты, начиная от узконациональных, консервативных и кончая радикально-мистическими, охвачены ожиданием прихода великого царя-освободителя (по-арамейски «мешиха», в греческом произношении «мессия»; в греческом переводе «христос»), который одним рисуется в виде могучего национального героя, воздвигнутого богом для истребления сатанинской силы Рима, другим — в виде архангела или сына божия, ниспосланного с неба, чтобы совершить на земле суд божий и водворить царство святых.

Бурный период трех иудейских восстаний (66—135) закончился крушением политического мессианизма и усилением мессианизма мистического, одной из разновидностей которого было христианство. Мирные сектанты в начале движения частью были оттеснены, частью сами увлеклись революцией (на это есть определенные намеки в Евангелиях и в Деяниях апостольских). С подавлением восстаний мирное сектантство как бы очнулось от страшного сна, спохватилось от своего заблуждения: «не было в бурях восстаний Христа, было его искажение — Антихрист. Истинный Христос был раньше, мелькнул мимолетно, погиб страдальческой смертью, скоро вновь придет во славе вечной».

В их лагерь бежали спасшиеся от разгрома и преследований, разочарованные в революции; в национальном восстании; разбитые, смиренные, отчаявшиеся (вспомните обилие в ранних христианских общинах юродивых, восторженных идиотов, несвязно бормочущих пророков (глоссолалистов), бесноватых, т. е. страдающих психическим расстройством).

Опять новый толчок к образованию оппозиции, к уходу от активности, к созерцанию, тем более, что за подавлением революции следует новое усиленное разоружение. Вместе с тем происходит и окончательный разрыв между консервативным националистическим иудейством и радикальным космополитическим сектантством, которое теперь, с 30-х и 40-х г. II в., можно называть христианством (сами сектанты зовутся «братьями» или

«учениками Христа»; учениками апостолов или просто «верующими», «уверовавшими»). В огромном количестве сектанты покидают родные места, уходят на запад, распространяются среди греко-римского мира (очень характерно, что главные послания апостола Павла адресованы к Римлянам и к Коринфянам).

Христианство, возникшее из иудейского сектантства, становится эллинистическо-римской религией. В этом этапе своего развития христианство не только по времени совпадает с филантропической политикой династии Антонинов, но и находится в тесной связи с реставрационно-религиозными течениями тогдашнего язычества. Оба направления — и в правящих, господствующих, и в оппозиционных кругах общества — представляют собой две стороны большого просветительного движения эпохи.

V. Honestiores — humiliores

Для того чтобы понять связь культурных явлений II в. н. э., необходимо начать с социального строения эпохи. Мы видели, что в I в. между властным Римом и затерянной в глуши оппозицией разверзалась бездна, не было промежуточных слоев и переходов. Во II в. социальная картина эпохи значительно изменяется. Старые римские сословия вымирают, их место заступает провинциальная аристократия.

В столицу приливает массой восточная иммиграция; какой красноречивый факт представляет собой появление в Риме в 30-х г. II в. целого ряда выдающихся гностических преподавателей: Маркиона из Понта, Басилида из Египта, Кердона из Сирии! Ведь эти лекторы, организаторы школ и церковных общин выступают открыто, авторитетно наряду с официальными и традиционными «языческими» учителями.

В новоевропейской науке до сих пор, сколько мне известно, не уделяли внимания социальной стороне новозаветных книг, вопросу о том, из каких общественных слоев вышли авторы Посланий и Евангелий и к какой публике они обращались. В новозаветных книгах не мало демократических черточек: Иисус — сын плотника назаретского, первые апостолы — простодушные рыбаки, в Нагорной проповеди комплименты нищим, притча о Лазаре обещают увечному бедняку прямой доступ в рай.

Все это звучит красиво и великодушно, но пишется и говорится в поучение богатым. Если «Дидахе» можно было назвать катехизисом мелких ремесленников, то евангелие от Луки заслуживает имени Домостроя богатых мытарей. А «Послание апостола Иакова», этот резкий памфлет против зазнавшихся богачей, как будто написанный каким-то проповедником кинической школы, разве не указывает на то, что в христианских общинах водворилась новая плутократия? Очень характерно также, что в послании апостола Павла к Филиппийцам отправитель письма просит передать поклон от находящихся в «доме Кесаря», т. е. при дворе.

Из всех этих примеров ясно, что новая религия, пришедшая с востока, захватила зажиточные слои. О Маркионе известно, что он был сыном богатого судовладельца в Синопе; Юстин и другие апологеты, поскольку они получили философское образование, несомненно, принадлежали к кругам, материально обеспеченным.

Несмотря на примирительную филантропическую политику правительства, несмотря на сближение общественных слоев, снижение аристократических классов и возвышение классов средних, все-таки остается неизгладимая черта, разделяющая господствующие верхи и оппозицион-

ные низы. Общество Римской империи сохраняет свой иерархический характер, титулы сиятельных, превосходительных и высокоблагородных сановников и чиновников, сохраняются привилегии и почет, коснется попрежнему презрение господ к труду, богатых к бедноте.

Остается разделение на «почитаемых» и «презираемых», «благородных» и «низкородных» — роковое, неустрашимое наследие рабовладельческого строя. Только что приведенные термины (по-латыни *honestiores* и *humiliores*) появляются в законодательстве, как обозначение двух сословных групп, различных по своему правовому положению: *honestiores* были свободны от пытки и от позорной казни распятия.

«*Humiliores*» не означало непременно «бедные», «неимущие»; в этой среде могли быть очень богатые люди, например вольноотпущенники, занимавшиеся торговлей и ростовщичеством, но к ней относились все те, кто был близок по занятиям или по рождению к рабству, а с вольноотпущенника никакое богатство не могло смыть пятна рабского происхождения.

Для образования церкви, резко отделенной от государства и языческого (т. е. великосветского) общества, деление на *honestiores* и *humiliores* имело огромное, можно сказать, решающее значение. Новозаветные книги с преувеличенным ударением отмечают принадлежность христиан к разряду *humiliores* (в евангелиях для них весьма прозрачная маскировка: они — смиренные мытари в противоположность чванным фарисеям, в которых символизирован разряд *honestiores*). В свою очередь для людей сенаторского или всаднического звания, как представителей высшей породы, вступать в состав христианских общин, принимать веру *humiliorum* было неприлично.

VI. Раскол рабовладельческого общества

Как ни сильна была связь возникающего христианства с социальной группой *humiliores*, однако образование церкви не предвещало реформы рабовладельческого общества. В окружении Христа и апостолов не видно вовсе рабов, к невольникам не обращено ни одного доброго, утешительного слова, напротив, в евангелиях преобладают притчи, благоприятные вкусам рабовладельцев, где с ударением говорится о необходимости самой суровой дисциплины в отношении рабов.

Образование христианской церкви, далекое от того, чтобы стать социальной реформой, было расколом в среде рабовладельческого общества. Отодвинутые от привилегированной службы, отверженные от пир жизни, ставшие смиренниками по принуждению, христиане возвели смирение и унижение в добродетель, но зато стали мстить уклонением от государственных повинностей, изъятием своих достатков и бережений из ведения и распоряжения государства, посвящением себя внегосударственным, негражданским, «духовным» (т. е. внутриобщинным) целям.

В отколовшемся «божьем царстве» есть своя аристократия, своя администрация, свои финансы, своя интеллигенция. Руководители нового общества сеют вражду и ненависть к языческому, сатанинскому государству, но в то же время усердно подражают противнику во всем: в формах управления, в эпистолярном стиле, в применении литературных метафор. Евангелиям предшествуют, как видно из Апологии Юстина, «Воспоминания апостолов» (*Ἀπομνημονεύματα τῶν ἀποστόλων*). Кто не узнает в этом заголовке результат чтения Ксенофоновых *Memorabilia*, «Вос-

поминаний о Сократе»? Вместе с тем это литературное заимствование свидетельствует о том, что Христа представляли себе в это время, наподобие Сократа, основателем религиозно-философской школы.

Отмечу факт, еще более существенный, из области заимствований. Как возникла евангельская концепция изображения земного пребывания и страданий сына божия, воплотившегося в личности Иисуса Христа? Как решились авторы евангелий соединить «Воспоминания апостолов» с «Изречениями Христа» в эпико-драматический очерк, придавши ему форму биографии? В своем исследовании «Возникновение христианской литературы» я решился выставить такое объяснение: евангелия представляют продолжение того литературного жанра, который получил столь яркое выражение в *Bioi paráλληλοι* Плутарха. Евангелисты пристально изучали Плутарха, работали по его методу, заимствовали у него множество сравнений, метафор, стилистических черточек. Можно выделить те биографии Плутарха, которые привлекли особое внимание евангелистов: это, с одной стороны—жизнеописания бого-человеков, Тесея и Ромула, а с другой—биографии социальных реформаторов-мучеников, страдальцев за свой народ—спартанских царей Агиса и Клеомена и римских трибунов Тиберия и Кая Гракхов; и опять здесь литературное заимствование одновременно обнаруживает оттенок эстетического вкуса и направление исторического воображения: евангелисты мыслили себе Иисуса Христа как самоотверженного проповедника, пострадавшего за свой народ, замученного злобой и ненавистью косных приверженцев старины.‡

VII. Сближение греко-римской и восточной религиозной мысли

Новый Завет возник на греко-римской почве. В евангелиях очень мало иудейского, почти одни имена: Иисус Христос, апостолы (но и то *Πέτρος* и *πέτρᾱ*—каламбур, понятный только на греческом языке); фарисеи, Галилея, Понтий Пилат хотя взяты из иудейского писателя—Иосифа Флавия, но применены в условном, романическом духе, автор сам никогда не видел Палестины.

Евангелия и Послания, хотя и составляют произведения оппозиционной, враждебной империи литературы, но принадлежат целиком просветительному веку Римской империи. Сопоставим несколько имен: на одной стороне—Эпиктет-Арриан, Авл Геллий, Гай, Апулей, Марк Аврелий, Лукиан, Цельс; на другой—Маркион, псевдонимный апостол Павел, Юстин, псевдонимные евангелисты: Ириней, Афинагор, Татиан. Тот и другой ряд—современники и конкуренты, представители блестящего талантами пятидесятилетия от 130 до 180 года, эпохи правления Антонина Пия и Марка Аврелия.

На первый взгляд может казаться, что между идеологией языческих и христианских авторов нет ничего общего, что у них совсем разная публика, с разными интересами и понятиями. Мы не должны, однако, исходить от условного традиционного деления общества на язычников и христиан. Эти термины взяты из полемики и дают лишь поверхностное определение партиям, составляют вывески в теологических пререканиях. В действительности в этой и другой среде много общих переживаний, одинаковых страхов, радостей и горя, забот и тревог, надежд и упований, чаяний и ожиданий.

Одна общая черта имеется во всяком случае в той и другой среде—сознание слабости, хилости живущих поколений, упадка энергии, физи-

ческой и умственной. Отсюда делается вывод; что недалек конец существования человечества. Но если так, то бесполезно строить широкие планы будущего, накапливать огромные запасы, делать сложные расчеты. С другой стороны, моралисты отмечают скучность, однообразие, низменность общественной жизни, мелочность, суетность, пустые дразги и свары, разъедающие благородные задатки человеческой природы.

Такова приблизительно была психика поколений, к которым обращались Плутарх; Эпиктет, Тацит; Ювенал, Дион Хрисостом. Но именно эти крупнейшие умы эпохи стремились преодолеть упадочность окружающего их общества, вдохнуть новые силы в истощенный его организм, внести движение в заглохшую среду.

В эту пору замирания; социального и культурного, жил и действовал Плутарх; величайший из педагогов всех времен. Он собрал невероятный по размерам и разнообразию содержания исторический материал и организовал его в виде монументального строения «Параллельных жизнеописаний». Главная цель этой исторической энциклопедии — дать основу для морального воспитания ныне живущих и вновь вырастающих поколений на примерах доблести; мужества, честности; великодушия, самоотвержения; широты помыслов и глубины чувствования героев греко-римской старины.

Заботе о моральном возрождении общества посвящена лекторская и литературная деятельность стоиков, Эпиктета и его школы: избавить, спасти людей от одолевающих их страстей и похотей, от чванства, пошлости, корыстолюбия; от грязной порочности; внушить филантропию, побудить к взаимному сближению. Такие же задачи ставят себе авторы христианских Посланий. У них отличная от стоиков терминология: они называют пороки греховностью, а нравственное совершенство — святостью.

Есть сходство и различие в моральных принципах и правилах стоицизма и христианства. Бонхеффер написал замечательную по беспристрастию книгу под заглавием «Epikтет und das neue Testament». Он изложил самостоятельно и отдельно моральную философию стоиков и моральную теорию Посланий и Евангелий, а затем добросовестно отметил сходство и различие между той и другой системой понятий. От суждения о том, повлияли ли стоики на христиан или христиане на стоиков, автор отказался, предоставляя читателю самому сделать свое заключение. Но спрашивается, стоит ли ломать голову над вопросом о влияниях? Для нас ведь достаточно сравнения двух систем, как свидетельства того важного факта, что оба они принадлежат одному и тому же веку, одному и тому же культурному движению. Они не только современники, но и конкуренты, соперники. Есть аналогия в роли руководящих деятелей: как Арриан был популяризатором лекций Эпиктета, так распространителем учения псевдонимного апостола Павла был Маркион. В той и другой школе — забота о выработке совершенного человека; стоики называют идеальное состояние равновесием души; христиане — святостью.

Характерно расхождение между двумя школами в понимании свободы или связанности человеческой воли: у стоиков еще осталась вера в свободную инициативу личности, в способность свободного выбора поведения — точно традиция старой греческой предприимчивости и широких дерзаний эллинской нации; у христиан скорее появился наклон к фатализму, популярному вообще у семитических народов, выразившийся так отчетливо в учении о предопределении, возведенном посланиями апостола Павла.

Без сомнения; на этой почве происходили оживленные споры между представителями стоической и христианской школы. Их не разделяла вовсе непреходимая черта. Юстин, воспитанный в греческой философии, пере-

шел в христианство, но сохранил недоверие к теории предестинации. Однако, автор, скрытый под псевдонимом апостола Павла, любит блеснуть своей философской выучкой: для того чтобы характеризовать три восходящие ступени проникновения верой или три типа иерархии верующих, он прибегает к платоновскому делению человечества на три породы: плотских (*σαρκικοί*) низменных, погруженных в животное существование, душевных (*ψυχικοί*), средних по степени укрепленности в вере, и духовных (*πνευματικοί*), обладающих высшим даром проникновения истиной. Для прославления этого высшего разряда людей у автора Посланий есть формула, звучащая гордым сознанием силы человеческого разума: духовный человек всех может судить, но не может быть судим никем.

VIII. Плутарх, демонология

Христианство, как религия новая, провозглашало решительный разрыв с прошлым; традиционные «языческие» религии, естественно, были консервативны. Однако нельзя видеть в языческом мире исключительно косность, застой, окаменение, относя к христианству целиком активность, новаторство, пылкость религиозной пропаганды. В античном греко-римском обществе еще до наплыва в центральные области восточных религиозных сект: малоазийских, сирийских, иудейских, египетских, намечилось сильное движение в пользу возрождения религии.

Развивается новая ученость—богоискательство, изыскания и построения в области религиозной философии, собирание и издание древних пророчеств; входят в моду богомолья к святым местам, археологи устремляют свои заботы на восстановление разрушенных или пришедших в упадок памятников религиозной старины. Павсаний совершает систематический объезд святынь Греции, обстоятельно и с чувством благоговения описывает храмы, алтари, священные дороги, холмы и пещеры, изваяния богов и героев, дает к этому материалу комментарий—теологический и исторический. Плутарх, исполненный не меньшего преклонения перед религиозной стариной, очень огорчен злоупотреблениями и пошлостью современных ему оракулов, но старается найти глубокий таинственный смысл в этом древнем учреждении; также оправдать хочет он и традиционную мифологию, сквозь ее грубо-чувственные очертания проникнуть до извечной религиозно-философской истины. Не довольствуясь кругом греческих сказаний, он обращается к мудрости Египта и составляет замечательный религиозно-философский очерк в связи с истолкованием мифа об Исиде и Осириде.

Трактат Плутарха любопытен сам по себе и представляет большой интерес по сравнению с возникающим христианством. Ведь здесь развивается сюжет о земной жизни божества, его страдании, смерти и воскресении. Нельзя не видеть, что Плутарх излагает свою тему, не имея ни малейшего представления о Христе; чуждый всякой христологии. Вот, если нужно; лишнее доказательство того, что Плутарх старше христианства, что христология Посланий и Евангелий более позднего происхождения, чем время деятельности греческого историка-моралиста (46—120 гг. н. э.). Я уже указал на оригинальность Плутарха в изображении бого-человеков и на подражание его литературным приемам в этой области со стороны евангелистов. Теперь, в заключение характеристики Плутарха как просветителя; я укажу еще на его учение о демонах, составляющих промежуточную сферу между миром богов и земной жизнью людей.

Вопрос этот разбирается в диалоге «Об оракулах». По поводу одного печального случая с Пифией, когда она вместо вдохновенного пророчества поддалась припадку эпилепсии и упала на землю в конвульсиях, автор старается устранить с поля зрения возможность какого-либо участия высших богов, которые должны в глазах верующих оставаться безгрешными и всеблагими в своем небесном величии. Ответственны в данном скандале осквернения дельфийской святыни демоны, существа промежуточные между небом и землей, наделенные качествами божественными и человеческими, непосредственно сносящиеся с людьми, тогда как богам принадлежит только общее высшее управление миром; среди демонов различаются добрые и злые, благодетельные, великодушные и греховные, преступные; в зависимости от характера их натуры действуют люди, находящиеся под внушением, вдохновением демонов или угнетаемые ими.

Необходимо обратить внимание на то, какую огромную роль играет в раннем христианстве вера в непрерывное всепроникающее участие демонов в жизни людей. Они носят в христианской литературе название духов (*πνεύματα*) и резко разделяются на добрых и злых (*πνεύματα ἄγια* и *πνεύματα πονηρά*): первым приписывается внушение пророчеств, вторым — болезни, злое наваждение, припадки безумия. Христос и апостолы заняты борьбой с бесами; истреблением их, исцелением людей от злой напасти; именем Христа потом изгоняют злых духов особые специалисты этой своеобразной психиатрии. Апологеты христианства, начиная с Юстина, приписывают внушению бесов как преследование христиан со стороны светской власти, так и уклонения верующих в ереси и лжеучения.

Можно сказать, что, сравнительно с Плутархом, у христиан демонология обратилась в демономанию. Нам надо удержать из этого сравнения фактическое сходство в одном очень важном пункте между язычеством и христианством, а также отметить хронологическую последовательность и преемство в развитии новой религиозной теории.

Теологи приучили нас видеть коренное расхождение христиан с язычниками по вопросу о едином боге или многих богах. Но «монотеизм» и «политеизм» — термины отвлеченные, пригодные преимущественно для богословских трактатов и катехизисов. В практической жизни верующих гораздо важнее, чем идея о высшем мироправителе начале, были отношения к более близким, благодетельным или вредоносным полубожественным существам — духам, ангелам и бесам. В этом смысле христиане в массе стояли на одной почве с язычниками. Господствующей системой веры рядовых обывателей была демонология. Делом писателей, проповедников, философов было приводить в порядок страхи и восторги, мрачные и радостные настроения, воспоминания и ожидания и водворять их группировки под сводами теоретических построений, которые, в свою очередь, примыкали то к старой консервативной греческой и римской теологии, то к новаторству, черпавшему свои идеи из иудейской, египетской, иранской и индийской философии.

IX. Гностицизм

Плутарх в своих религиозных исканиях стоит на пороге открывающегося просветительного века. Для него просвещать умы — задача совершенно иная, чем та, которую ставил себе за 150 лет до того Лукреций, считавший религию вредным предрассудком, источником бедствий для человечества (*tantum religio potuit suadere malorum*). Времена и нравы глубоко изменились. Исчез воинственный напор, славолубие и высоко-

мерие римлян, счастливая звезда их померкла; римская национальность растворилась в море покоренных народов, также утративших свою личность; мировоззрение покоренных народов заполонило умы; утешения, спасения от страхов и болезней—вот чего жаждали сердца.

В состязании на открытие всемирного спасителя все больше и больше брали верх мудрецы; прибывавшие с востока. Кличем эпохи, целью интеллигентных богоискателей становится $\gamma\upsilon\beta\omicron\varsigma$ —глубокое, проникновенное познание божественной истины. Гностицизму в его законченном виде предшествует его подготовка: в иудейском мире здесь более всего выдается александриец Филон; есть черты гносиса и у Иосифа Флавия, идеализирующего теософию национальных героев—Моисея, Иисуса Навина, Давида и Соломона. Можно и в Плутархе признать своего рода предшественника гностицизма; поскольку он старается из старинной наивной и колдовской мифологии вывести элементы возвышенного богопознания. Из продолжателей плутархова гностицизма, которых было, без сомнения, не мало, мы знаем только одного Цельса, случайно уцелевшего в полемическом против него трактате Оригена.

И иудейских и греческих гностиков оттеснили в литературе и публичной проповеди более передовые, более смелые, как новаторы, малоазийцы, сирийцы, египтяне, иранцы. С появлением в Риме Маркиона из Синопы в литературном мире центра узнали о замечательном произведении малоазийского писателя, скрытого под псевдонимом апостола Павла. Послания апостола Павла дошли до нас лишь в весьма испорченном редакторами и цензорами виде. Это не мешало новейшим исследователям разглядеть в этом произведении характерные черты гностической теологии.

Просветительный век Римской империи разворачивается во всей силе с конца 30-х гг. II в. Во главе культурного движения идут два представителя высшей власти—императоры, которых еще современники прозвали—одного Благочестивым, другого Философом. Между ними есть сходство, есть и различие в направлении идей, а различие, пожалуй, больше, чем сходство. Антонин Пий хочет просвещать религией, подать утешение слабеющим умам и сердцам. Марк Аврелий ищет педагогических путей без религии; пытаясь воскресить мужество в самом внутреннем существе людей, поэтому его соратник в борьбе с предрассудками—атеист Лукиан.

С этими морально-философскими течениями, идущими сверху, соперничает пропаганда оппозиционных мыслителей, писателей и проповедников: современник Антонина Пия и своеобразный конкурент его—Юстин. Для Лукиана, сатирика и беспощадного отрицателя, христиане на первых порах служат попутчиками: они $\alpha\theta\epsilon\iota\varsigma$ —поскольку отрицают богов, как создания первобытного дикарского мировоззрения, осужденные разумом и наукой; но в то же время они смешат его как педанты, медлители и схоласты со своим аппаратом священных книг, со своим упорством в догматах.

Детальное исследование культурных явлений просветительного века Римской империи—глубоко интересная задача для историка и для литературоведа. Моей целью было указать на связь фактов, которые по традиции постоянно разъединялись по двум якобы чуждым друг другу категориям—«язычества» и «христианства».

Проф. А. В. Мишулин

ВИТРУВИЙ И ИСТОЧНИКИ X КНИГИ ЕГО ТРАКТАТА

Проблема источников трактата Витрувия «Об архитектуре», как уже было показано автором в предыдущей статье¹, является сложным вопросом для исследователя. Но если в отношении трактата в целом эти источники могут быть установлены благодаря собственным указаниям Витрувия, то в отношении X книги возникают отдельные вопросы, требующие специального изучения. Эта книга, содержащая изложение военной техники, издавна привлекала внимание ученых как по своему материалу, так и по характеру источников, использованных в ней автором.

I. «Афинеев вопрос»

При изучении источников Витрувия в главах X книги, посвященных описанию осадных сооружений, необходимо прежде всего выяснить отношение этих глав к параллельному тексту греческого трактата «Περὶ μηχανικῶν», приписываемого Афинейу Механику².

Вопрос об отношении Витрувия к Афинейу не является новым в исторической литературе. Уже Гаазе в статье о Филоне Византийском в старинной энциклопедии Эрша и Грубера (стр. 429; прим. 14) признает данные главы Витрувия определенно заимствованными у Афиней. Хотя Афиней считался долгое время автором александрийской эпохи, однако Дильс³ в своей статье о натурфилософии Стратона утверждает, что по языку и стилю автора трактата «Περὶ μηχανικῶν» следует отнести ко II или III в. н. э. Но в этом случае получается, что Витрувий, современник Августа, в то же время комментирует произведение более поздней эпохи.

Выход из этого затруднения, казалось, нашел молодой филолог Тиль⁴, который предположил, что общим источником является механик Агеси-

¹ См. А. В. Мишулин, «Источники трактата Витрувия «Об архитектуре», ВДИ, 1946, № 4, стр. 76—91; см. также перевод Витрувия под ред. А. В. Мишулина, 1936 г.

² Текст—у C. Wescher'a, *La poliorcétique des Grecs*, Paris, 1867. См. сравнение этого текста Афиней с Vitruv., X, 13—15 у R. Schneider'a, «*Griechische Poliorcetiker*», III, Berlin, 1912. К вопросу о греческих полиоркетиках см. А. Мишулин, ВДИ, 1940, № 3—4, стр. 385.

³ SBAW, 1893, I, 101—107.

⁴ M. Thiel, *Quaeratio intercedat inter Vitruvium et Athenaeum Mechanicum*, Diss., Lipsiae, 1895.

страт; упоминаемый как Афинеем, так и Витрувием, сочетавший, по отзыву Афиней, в своем лице выдающегося практика и теоретика. Тиль не отвергает доводов Дильса относительно языка и стиля Афиней, которые изобличают его позднее происхождение. По этим же соображениям датский ученый Уссинг¹, разбирая текст Афиней со стороны стиля и содержания отдельных пассажей, старался представить их показательными для риторической софистики, процветавшей во II и III вв. н. э. Но, доказывая на наш взгляд совершенно правильное положение об Афинее, Уссинг все же переносил Витрувия и его трактат на время после Афиней и потому неверно разрешал вопрос об источниках Витрувия в описании осадных сооружений. Уссинг считает, что, независимо от вопроса об языке, Афиней Механика можно отождествить с Афинеем Византийским, которого упоминает Требеллий Поллион в биографии Галлиена (SHA, Gall., XIII, 6). Между прочим, это было указано еще 300 лет тому назад французским филологом Исааком Казаубоном², замечание которого было оставлено без внимания.

Что касается Витрувия, Уссинг рядом аргументов литературного и технического порядка пытается установить, что автор трактата «Об архитектуре» по языку не мог быть современником Августа, а по своим техническим знаниям не мог быть архитектором. Витрувий был просто компилятором, включившим в свое сочинение между прочим и выдержку из Афиней.

В глазах Рудольфа Шнейдера; автора ряда работ по греческим полиоркетикам и истории военных метательных орудий, вопрос об Афинее как авторе не играет роли. Никакой цены не придает Шнейдер и старому предположению Казаубона. Шнейдер³ считает и Афиней компилятором, интересным лишь постольку, поскольку он передает отголоски раннеалександрийской традиции (ib.). В примечаниях к тексту Афиней (ib., 8—39) Шнейдер старается открыть эти отголоски. Но это ему кажется недостаточным, и он, считая, что Витрувий почерпнул значительную часть своей X книги из того же источника, что и Афиней, и даже, как он выражается, «буквально списал» (ib., 2), дает сравнение параллельных текстов обоих авторов. По замечанию Шнейдера, общий источник использован у Афиней в связи с общим контекстом, а у Витрувия он как бы механически вставлен в текст. Механизмы, описанные у обоих авторов, по числу и существу тождественны и описываются в одинаковом порядке. Сперва рисуются и тут и там последовательные этапы образования той осадной машины, которая называется «бараном»: ствол дерева, раскачиваемый на одних руках, служит в качестве тарана (ib. 3). Следующим этапом усовершенствования тарана является подвешивание его на опоре; далее следует постановка этой опоры на колеса и прикрытие ее кровлей. Затем у Афиней идет очень беглая заметка о «баране на катках», которой нет у Витрувия.

При переходе к изображениям Диада Витрувий умалчивает о заслугах Дионисия Старшего, в остальном же замечания Витрувия и Афиней вполне совпадают друг с другом. У обоих описывается конструкция башен по Диаду, затем диадова «барано-черепаха», далее «таран-бурав», потом приводятся замечания Диада о бесполезности «вбрана», и, наконец, оба текста говорят о том, что Диад только упоминал о перекидных мостах и корабельных механизмах, но не давал их описания. После этого оба автора объявляют, что следующие затем описания делаются ими по свобод-

¹ I. L. U s s i n g, *Observations on Vitruvii de Architectura libri decem*, London, 1898 (англ. пер.)

² C a s a u b o n u s, *Historiae Augustae scriptores*, II, Leyden, 1671, стр. 221.

³ R. S c h n e i d e r, *Griechische Poliorketiker*, III, Berlin, 1912, стр. 2, прим. 4.

ному выбору. На самом деле, по словам Шнейдера, оба просто списывали со своего источника. Разница заключается только в том, что в дальнейшем Витрувий ввел измерение на футы, тогда как раньше он сохранял измерение на локти. Афиней же ведет счет неизменно только по локтям и их частям. Лишь в трех местах, где речь идет о толщине, последняя обозначается, как «футовая» — *ποδῆος*, однако слово *ποῦς* нигде у Афиней не встречается. В остальном параллелизм текстов остается прежним. Следуют описания «черепахи» для заполнения рвов с различными вариациями ее конструкции, «черепахи для подкопов» и «черепахи Гегетора» (ib., 3).

Следующее описание — гелеполы Эпимаха — у Афиней примыкает непосредственно к предыдущему, тогда как у Витрувия оно оказывается на отлете в виде дополнения или же в виде воспоминания.

Таков параллелизм текстов Афиней и Витрувия. Естественно было использовать его для выправления рукописной традиции обоих текстов. Первый опыт такого исправления был сделан Г. Шнейдером еще в начале XIX в. и, по отзыву Р. Шнейдера, пошел вырок тексту обоих авторов. Во всяком случае позднейшие издатели Витрувия и Афиней (Вешер и Розе) ничего в этом отношении не прибавили. И только у М. Тиля даны некоторые, по мнению Р. Шнейдера, удачные исправления.

Однако Шнейдер не говорит ничего определенного об источниках Витрувия в отношении осадных сооружений, возводя его, как и Афиней, к какому-то раннеалександрийскому трактату.

Иначе ставит проблему источников Витрувия в связи с афинесвым вопросом Л. Зонтгеймер¹. Он протестует против правки текста Витрувия по Афиней. У Зонтгеймера гораздо более выгодное представление об отношении Витрувия к своим источникам. Он не соглашается признавать Витрувия компилятором одинакового пошиба с Афинеем («Kompilator gleichen Schlages», Schneider, 4) и принимает гипотезу Тиля об Агесистрате как общем источнике Витрувия и Афиней. Затруднения, вызывавшие возражения Шнейдера и других, Зонтгеймер устраняет предположением о двух редакциях одного общего источника, из которых одна имела место в эпоху Витрувия, другая — в эпоху Адриана. Витрувий пользовался первой редакцией, Афиней — второй. Однако выводы Зонтгеймера нельзя назвать совершенно неуязвимыми². Конкретных доказательств он не дает, в силу чего против него и выступает Р. Шнейдер. Следует отметить лишь следующие положительные моменты в критике Витрувия Зонтгеймером: 1) его тенденцию установить отношение Витрувия к Афиней в исторической перспективе; разницу в числовых данных у обоих авторов (в конструкции осадных сооружений) он объясняет эволюцией этих осадных сооружений от времени Витрувия ко времени Афиней (Schneider, 4); 2) весьма плодотворный вывод о двойственности первоисточника.

Эти два момента как раз и явились центральными пунктами последующей работы по источникам Витрувия, хорошо представленной в новом труде Заккура³.

Заккур дает достаточно убедительное историческое и техническое обоснование утверждениям Зонтгеймера. Он не только резко расходится со Шнейдером в критике текста, особенно в техническом отношении, но и совершенно разрушает главную опору интерпретации последнего — его веру в подлинность и техническую ценность уцелевших в различных рукописях рисунков военных сооружений. Шнейдер, в частности, считал

¹ L. Sontheimer, Vitruv und seine Zeit, Diss., Tübingen, 1908.

² L. Sontheimer (стр. 39) вынужден признать в заключение своих выводов, что «allerdings fehlt uns das nötige Beweismaterial».

³ W. Sackur, Vitruv und die Poliorketiker, Berlin, 1925.

несомненным, что при почти дословном совпадении обоих текстов иллюстрации афинеевой рукописи должны подходить и к Витрувию (Schneider, 5). Заккур выступает против предположения Шнейдера, что «у Афиней мы нашли ряд рисунков к Витрувию, которых у Витрувия, к сожалению, нам не сохранилось» (ib.). Путем тщательного сопоставления всех мест Витрувия, где говорится о прилагаемых к тексту иллюстрациях, Заккур решает, что первоначальный текст Витрувия не имел вовсе при себе иллюстраций в собственном смысле слова¹. У Витрувия были лишь схематические чертежи, притом только в тех местах, где в тексте об этом говорится. У Витрувия насчитывается десять мест², где, ссылаясь на эти рисунки, он сам называет их схемами—*σχῆμα*, *forma*, *διαγράμμις*. Нельзя не посчитать с данным положением Заккура прежде, чем допустить, что мнение Шнейдера насчет иллюстраций является скольнибудь вероятным.

Затем Заккур подробно рассматривает «полиоркетику» самого Витрувия³ с целью установления ее источников. Он сличает текст 13, 14 и 15 главы Витрувия с текстом Афиней. Заккур констатирует, что этот текст у Витрувия распадается на четыре отдела. Сперва Витрувий дает короткую историю развития осадной техники вплоть до Диада и Хария—инженеров Александра Македонского. Затем следует довольно сжатое изложение тематики труда Диада по осадным сооружениям. Эта часть дает самые необходимые сведения об осадных сооружениях, не вдаваясь в их конструктивные детали. Третий отдел трактует о черепахах без таранов, причем манера изложения совершенно меняется. Витрувий описывает, как основной тип осадных сооружений, «черепаху» для заполнения рвов, совершенно, как это устанавливает Заккур, в манере Аполлодора—современника Траяна и Адриана, т. е. с поразительной и рассчитанной непосредственно на практику точностью. Четвертый—заключительный—отдел представляет собой описания опять-таки отдельных сооружений более значительного характера, именно «барано-черепах» (*aries*) Гегетора Византийского, причем точность во всех технических деталях остается прежней.

По словам Заккура, «швы этих составных частей легко распознаваемы» (Sackur, 65 сл.). В самом деле, третий и четвертый отделы дают все измерения в единицах римского фута, тогда как второй—в локтях. И далее, третий отдел отличается от всех других, между прочим, тем, что он, благодаря применению *coniunctiv*'a, приобретает характер наставления (ib.).

Совершенно ясно, что выделенные Заккуром третий и четвертый отделы относятся к тем *particulae errabundae*, собрание которых для Витрувия, по его словам, представляло главную задачу. При этом третий отдел как бы выхвачен из какой-то теории строительного дела, которая, по мнению Заккура, предназначалась, скорее всего, для инструктирования. И можно вполне верить словам Витрувия, которыми он эту часть присоединяет к темам из Диада: «Теперь я буду излагать так, как я воспринял от своих наставников и как мне это представляется целесообразным» (X, 14, 8).

Эти четыре отдела при всей своей разнохарактерности стоят в известной внутренней связи, которая находит себе объяснение в расположении всей этой части книги Витрувия: сначала историческая часть, потом точное описание обоих главных типов античных черепах на двух примерах—черепах без таранов и черепах-таранов.

¹ W. Sackur, op. cit., 12—22: «Die handschriftlichen Bilder».

² Vitruv., I, 1, 12; III, 3, 13; 4, 4; 5, 8; V, 5, 6; VIII, 5, 3; IX, praef. 5, 8; 7, 2—3; X, 6, 4.

³ Sackur, op. cit., «Die Poliorketik des Vitruv» (cp. Vitruv., X, 13—16).

Отсюда Заккур делает чрезвычайно важный вывод, что совершенно невозможно предполагать, чтобы Витрувий исходил целиком из одного греческого источника. Оригинальность редакции Витрувия до такой степени несомненна и очевидна, что никому бы не пришло в голову подвергать ее сомнению, если бы Афиней Механик не дал как раз к этому месту Витрувия почти сплошного параллельного греческого текста. Это ставит афинеев вопрос и перед Заккуром, который приступает к разрешению его путем тщательного анализа технической сущности конструкций, описанных у Афинейя и Витрувия параллельно.

В результате этого анализа (Sackur, 67—85) удастся установить, что Афиней пользовался текстом Витрувия, но неудачно дополнил и изменил его на основании другого источника, следы которого имеются у Анонима Византийского¹.

Таким образом, и Заккур склонен фиксировать для Витрувия более древние источники, которые потом могли быть использованы Афинеем и, наконец, позднейшим Анонимом Византийским.

Решение проблемы об источниках Витрувия возвращает нас снова к афинееву вопросу.

Прежде всего любопытно сопоставить сведения Анонима Византийского об использованных им источниках с соображениями Заккура. Аноним Византийский приводит их перечень (Schneider, II, 45), указывая главным образом тех авторов, которые посвящали свои трактаты высокопоставленным лицам своего времени. Сюда относятся следующие источники: 1) записка Аполлодора, предназначенная для императора Адриана, посвященная осадному искусству²; 2) представляющий для нас особый интерес трактат Афинейя, адресованный им какому-то высокопоставленному лицу, которого зовут Марцелл, с изложением теории осадного искусства по сочинениям Агесистрата и других специалистов в этой области³; 3) записка о баллистике греческого автора Битона⁴, предназначенная для пергамского царя Аттала.

В данном случае важно указание византийского компилятора на то, что текст Афинейя, по его мнению, составлен из нескольких разных источников.

Именно это впечатление мозаичности текста Афинейя и служит исходным пунктом для строго методического исследования как текста, так и технического содержания трактата, проведенного Заккуром⁵.

Как уже было сказано выше, Заккур приходит к выводу о положительном характере редакторской работы Витрувия в отношении сведений данных разных источников под одним углом зрения. Что же касается Афинейя, то Заккур отказывается признать наличие единого плана изложения или какой-либо общей точки зрения в трактате. На основании анализа части трактата, которая носит характер письма, обращенного к Марцеллу, Заккур приходит к заключению, что она принадлежит какому-то другому

¹ Текст трактата Анонима Византийского «Παρὰ γυῖματὰ πολιορκητικὰ» см. у Schneider'a «Griech. Pol.», II, Berlin, 1908. И Заккур и Шнейдер этого автора относят к X веку н. э. Его трактат представляет собой компиляцию античных источников, дополненных собственными домыслами. Русский перевод — ВДИ, 1940, № 3—4. Там же статья проф. А. Мишулина об источниках греческих полиоретиков.

² Записка Аполлодора под заголовком «Πολιορκητικὰ» издана у R. Schneider'a, «Griech. Pol.», I, Berlin, 1908.

³ An. Byz., 188, 1; изд. Schneider'a.

⁴ Трактат Битона (II в. до н. э.) дошел до нас под заголовком «Πολιορκητικὰ». Текст — у Wescher'a, «La pol. des Grecs», Paris, 1867.

⁵ W. Sackur, op. cit., стр. 86—98: «Athenaeus Mechanicus, ein literarischer Doppelgänger».

Афинею, которого он называет Афинеем Механиком «Старшим» в отличие от Афинея Механика «Младшего»; именно последнему Заккур и приписывает известный текст, заимствованный почти дословно у Витрувия.

Отсюда следует, что Афинею Механику «Младший» является тем компилятором, который соединил записку неизвестного греческого автора (по Заккуру—Афинею «Старшего») с переводом эскипсов из Витрувия. Здесь возникают два весьма важных вопроса для исследования источников Витрувия: 1) кто мог быть этим неизвестным греческим автором и к какой эпохе он относился, 2) к какой эпохе мог относиться перевод Афинею «Младшим» заимствованной у Витрувия части.

Ответ на первый вопрос во многом зависит от того или иного толкования обращения к лицу, к которому Афинею «Старший» адресуется. У Афинея сказано: «Ὁ σεμνότετε Μάρκελλε». Шнейдер указывает, что в греческом употреблении такая титулатура не имеет примеров и потому ее можно принять лишь за перевод с латинского. Это обращение может быть переводом простого *venerabilis*—«достопочтенный», безотносительно к титулу или должности адресата. Его можно отнести к более ранней эпохе, для которой титулатура остается недостаточно исследованной.

Во всяком случае это обращение совсем не подходит ко времени Адриана, к эпохе которого все исследователи склонны относить Афинея. Кроме того, компиляторский характер работы Афинею Младшего исключает возможность предполагать в авторе инженера подобного Аполлодору, представившему Адриану записку на ту же тему, связанную строгим планом и единством содержания.

Так как на такие записки в эту эпоху был известный спрос, то вполне вероятно, что какой-нибудь грамматик-антиквар мог предпринять составление соответствующего сборника из уцелевших источников времен расцвета военной техники эллинистического периода. На это указывает, между прочим, особое внимание, уделяемое Афинею известному инженеру Агесистрату, принадлежащему к родосскому кругу. Компилятор мог взять целиком старинный источник, относящийся к далекому времени, но не потерявший для техников своей актуальности, и оставить его без всяких изменений, сохранив, между прочим, и старое посвящение.

Приблизительно мы можем ответить на вопрос о том, кем и в какую эпоху была написана та часть Афинея, в которой находится обращение к Марцеллу. Это мог быть автор эпохи эллинизма, расцвета военного искусства, Афинею «Старший», труд которого, по Заккуру, сохранился в сочинении Афинея «Младшего» вместе с эскипсами из Витрувия.

Вопрос о времени перевода Витрувия в передаваемой Афинею части весьма детально и убедительно исследован Заккуром. Заккур, хотя и является инженером по образованию, но в работе над текстом Витрувия сумел применить все приемы филологической критики. Это—крайне редкое явление, как указывает один из лучших археологов Г. Булле¹; давший обстоятельный разбор исследования Заккура. Заккур дает обстоятельный технический и филологический анализ Витрувия и в этом отношении стоит выше Шуази², об издании которого Заккур говорит, что хотя оно дает иногда интересные археологические указания, тем не менее в нем лишь очень немного такого, что могло бы считаться подлинной интерпретацией текста, и во многом оно вносит путаницу. И это потому,—говорит Заккур,—что Шуази «оставил без надлежащего внимания проделанную до него работу по критике и установлению текста» (Sackur, 122). И в техническом отношении Шуази, соединяющий в своем лице инженера

¹ H. Bulle, *Antike Techniker und Architekten*, NJWB, 1927, H. 2.

² O. Choisy, *Vitruv.*, vv. I—IV, Paris, 1909.

и искусствоведа, далеко не везде отвечает требованиям серьезной научной критики. Между прочим Заккур указывает на малосостоятельность даваемых Шуази схематических иллюстраций к Витрувию и, главным образом, к его полиоркетике; дающих, по замечанию Заккура, целый «паноптикум технических несообразностей» (ib.; 120)¹. В этих несообразностях большую роль сыграло легковое отношение Шуази к сохранившимся в рукописях Афинея иллюстрациям. Он, как и Р. Шнейдер, считал эти иллюстрации идущими от античности, тогда как при ближайшем рассмотрении их Заккуром они оказываются почти сплошь продукцией византийской эпохи². Но Заккур, проделав большую критическую работу, ограничил свой кругозор строго техническими вопросами и, конечно, не мог проследить всех бесконечных сплетений их с филологическими моментами. А между тем филологи, по его собственным словам, сильно затруднили анализ технического содержания произвольными конъектурами. Все же Заккур настолько сумел овладеть критикой текста, что внес коррективы, необходимые для устранения несоответствий между филологическим исследованием текста и техническим его содержанием.

Однако датировка окончательной редакции трактата Афинея; предлагаемая Заккуром, является натяжкой. Исходя из того, что текст Афинея местами совпадает с текстом Витрувия, местами же отличен от него, но параллелен тексту Анонима Византийского, Заккур заключает, что окончательный редактор афинея трактата жил позже X в., к которому относится обычно Аноним Византийский. Отсюда следует, что перевод Витрувия Афинеем мог быть сделан лишь в византийскую эпоху. Именно такой вывод и делает Заккур. Новейший издатель Витрувия Крон высказал другое предположение³. Он думает, что трактат Афинея принадлежит самому Витрувию и был им преподнесен Марцеллу, мужу Октавии; сестры Августа. В этом случае текст Витрувия, совпадающий с той частью афинея трактата, которая содержит обращение к Марцеллу, являлся бы латинской редакцией, написанной первоначально по-гречески полиоркетикой. Подобная интерпретация является такой же натяжкой, как и гипотеза Заккура. Предположение Крона Заккур считает настолько произвольным, что совершенно не останавливается на нем. Обе гипотезы противоречат характеру афинея текста, двойственность которого не подлежит сомнению. Весь трактат «περί μηχανικῶν» объединен общим интересом к раннеэллинистическим источникам; каковыми являются Афинея «Старший», Агесистрат, которого автор цитирует, и, наконец, приводимые в извлечениях у Витрувия Диад и Каллий. Возникает вопрос, когда мог пробудиться интерес к подобного рода источникам, и мог потребоваться их обратный перевод на греческий язык. Для этого надо уяснить взаимоотношения между греческой и римской литературой, существовавшие на протяжении ряда столетий.

Как известно, римская проза сформировалась поздно, и долгое время римская прозаическая литература пользовалась греческим языком (Фабий Пиктор). Отсюда ясно, что технические сочинения, на которые появился спрос впервые в эпоху Пунических войн, могли появиться сперва лишь на греческом языке. Приурочивание именно к этой эпохе обращения

¹ В силу этого, как и других обстоятельств, следует считать мало пригодным русский перевод Витрувия и комментарии к нему в издании Академии архитектуры, что в свое время было отмечено в печати (см. «Историк-марксист», 1938, № 3).

² В литературе всегда вызывало удивление, как Шуази, инженер по образованию, мог признать подлинными не имеющие цены иллюстрации к Витрувию, вопреки указаниям самого трактата.

³ «Vitruvii de architectura libri decem» (изд. F. Krohn'a, Leipzig, 1912).

к Марцеллу и всего связанного с ним греческого текста настолько же естественно, насколько невероятно предположение, что он написан в эпоху Августа; да еще римским инженером, как думает Крон. Ссылаясь на содержание адресованной Марцеллу записки (конечно, за исключением текста самого Витрувия), Заккур вполне основательно отождествляет Марцелла афинеева трактата с завоевателем Сиракуз. Отсюда очевидно, что Афиной «Старший» — автор обращения к Марцеллу — писал в конце III и начале II вв. до н. э., тогда как Афиною «Младшему» в дошедшей до нас рукописи «περὶ μηχανημάτων» принадлежит перевод на греческий язык полиоркеттики Витрувия. Когда же мог понадобиться этот старый документ, адресованный к Марцеллу, представляющий древнейшее свидетельство о греческой технике на римской почве?

У Анонима Византийского упоминание этого документа непосредственно следует за упоминанием другого, сходного с ним, а именно, записки Аполлодора, поданной императору Адриану. Эти два произведения знаменуют два важнейших момента развития римской техники.

Первый момент — из эпохи Пунических войн — характеризуется приспособлением достижений греческой техники к потребностям и запросам римской практики, — таков именно смысл записки, адресованной Марцеллу, где выделяются инженеры-практики и авторы технической литературы, ориентирующие теорию на практику. Инженеры, перечисляемые в записке, — Диад, Агесистрат и др. — указываются и Витрувием именно как инженеры-практики. Это был особый этап развития техники, которая от Афины «Старшего» до Витрувия находилась под эллинистическим влиянием.

Второй момент вырисовывается лучше всего в эпоху Адриана и характеризуется как резкий поворот в истории римской техники после ее некоторой эмансипации от греческой обратно в сторону смычки с греческой технической мыслью. От Витрувия до Аполлодора римская техника в своем развитии имела одну задачу — превращение Рима в мировую столицу, выражение в архитектуре идей римского владычества. Уже в силу одной этой идеи технические задачи не укладывались в старые греческие архитектурные рамки. Отсюда становится понятной некоторая эмансипация римской техники от эллинистической, эмансипация, стремление к которой выражено и в литературе от Витрувия до Аполлодора. В какой степени намечался спрос в этот период на литературу по военной технике, видно из текста записки Аполлодора, адресованной Адриану, в которой Аполлодор указывает, с одной стороны, на новизну (*καύτης*) данного ему поручения написать инструкцию по части осадного дела и, с другой стороны, на затруднения, которые стоят на пути быстрого удовлетворения такой настоятельной потребности¹. Единственный выход из этого затруднения при отсутствии специальной литературы Аполлодор находит в описании своей практики за период собственной службы в качестве военного инженера, имевшего под своей командой легион солдат. Аполлодор не мог так быстро подыскать новые источники для своей работы. Старые же источники относились к эллинистической литературе, которая как раз в эпоху Витрувия, под влиянием восторжествовавшего аттицизма², прекратила свое существование. И если в эпоху Витрувия еще можно было достать эллинистические руководства по военной технике, то позднее, в эпоху Аполлодора, это сделать было уже труднее.

¹ «Ἀπολλοδώρου πολιορκητικά», 138, 6; изд. Schneider'a, I, стр. 8—9.

² Dion. Hal., Περὶ ἀρχαίων ῥητόρων, III. Специально о значении победы аттицизма для развития римской литературы см. работу E. Norden'a, «Die antike Kunstprosa», Leipzig—Berlin, 1909, стр. 155.

Отсюда ясно, что, во-первых, приходилось извлекать из архивов некоторые описания тех же эллинистических техников и, во-вторых, при отсутствии новых греческих источников в эпоху от Витрувия до Аполлодора составлять сводки различных старых извлечений, присоединяя сюда даже переводы с латинского.

Именно в эту эпоху мог появиться приписываемый Афиней трактат.

Что касается Анонима Византийского, то вероятнее всего предположение, что он имел под руками текст Афиней в редакции эпохи Адриана. Это прежде всего видно из того, что Аноним, перефразируя Аполлодора со вставками и вариантами из других источников, в том числе и из записки к Марцеллу, называет вместо имен авторов, фигурирующих в этой записке, совершенно других, за исключением Аристотеля, встречающегося и тут и там; при этом как пример автора-теоретика, непригодного для использования в практической работе¹. Таким образом, источники у Анонима и у автора записки к Марцеллу были совершенно различные. Далее, у Анонима в качестве авторов, не имеющих практического значения, упоминается еще Филолай, который как теоретик фигурирует и у Витрувия (I; 1, 17), а затем и совсем не имеющие никакого отношения к технике ритори и грамматики — Аристофан, Исократ, Аполлоний и др. (An. Byz., 202, 1—2). При сопоставлении же Анонима с Афинеем видно, что у последнего фигурируют имена таких авторов, которые писали по механике и труды которых едва ли дошли до Анонима Византийского. Во всяком случае Аноним их не называет. Стало быть, Афиней, несомненно, писал раньше Анонима Византийского. Да и вообще те источники, из которых складывается парафраз Анонима; являются как раз излюбленными трактатами эпохи расцвета военно-технической литературы при Адриане. Сюда относятся, главным образом, Аполлодор и Герон. Несомненно, что и Афиней относился к этим авторам адриановой эпохи и был наряду с Аполлодором, Героном и еще более ранними Филоном и Битоном использован в парафразе Анонима. Обращает на себя внимание то, что в парафразе Анонима, как это установил Шнейдер (II; 82—3), имеется 29 общих мест с текстом Аполлодора; 7 — с текстом Герона и 18 мест — с текстом дошедшего до нас трактата «περί μηχανικῆς» Афиней Механика.

Если бы Афиней писал, как это предполагает Заккур, после Анонима, то он не мог бы не знать Аполлодора и Герона; если не в рукописях, то, по крайней мере, в парафразе Анонима. В тексте же Афиней нет на это никаких указаний.

Если же Афиней Механик, называемый Заккуром «Младшим», писал свою компиляцию раньше Анонима; то мы можем составление ее отнести к эпохе Адриана, когда особенно требовались наставления как раз по части осадных сооружений. Самый характер трактата, приемы и тематика работы связывают Афиней с Адриановой эпохой. Не случайно, что современники Аполлодор, Герон и Афиней писали на одну и ту же тему. Конечно, все они могли писать лишь в обстановке спроса на подобные руководства, Аноним же² прямо указывает на Адриана, которому посвящались подобного рода руководства; причем среди них называются и сочинения Аполлодора и Афиней³.

¹ An. Byz., 202, 1—2; изд. Schneider'a, II.

² An. Byz., 197, 9; 198, 1; изд. Schneider'a, II, стр. 4—5.

³ Заккур считает, что Аноним Византийский имеет здесь в виду только Афиней «Старшего», его записку к Марцеллу, а не дошедший до нас трактат «Περὶ μηχανικῆς» Афиней Механика. Однако для таких предположений нет никаких оснований, ибо текст Афиней «Старшего» до нас не дошел. В то же время очевидно, что Аноним мог пользоваться запиской к Марцеллу только в изложении Афиней «Младшего», ибо он говорит о Диате и Харии, как об учениках Полида. Эти же имена как раз встречаются у Афиней «Младшего». Совершенно ясно, что Аноним имел перед собой трактат

В эпоху Адриана потребности в сведениях по военной технике были столь велики, что совершенно не удивительно, если снова был поднят на сцену Афиней «Старший» и его записка к Марцеллу. С другой стороны, неудивительно и то, что пришлось обратиться и к Витрувию, к греческому переводу его полиоркетики.

Двойственность содержания дошедшего до нас текста Афиней понуждает нас сделать единственное предположение, что это—поздняя компиляция двух совершенно различных источников: записки Афиней «Старшего» к Марцеллу и греческого перевода отрывка о полиоркетике из X книги Витрувия.

Для римской техники; особенно от Витрувия до Аполлодора, характерно то; что авторы технических руководств, особенно по военной технике, пренебрегают теоретическими построениями и делают больше упор на практическую эффективность тех или иных изобретений. Вот почему эти технические наставления; как у Витрувия в X книге; иногда приобретают характер настоящей инструкции к тому или иному типу деятельности. Так это получается и при описании осадных сооружений (X; 13—16). Имея практические задачи, Витрувий в подборе материала исходит преимущественно из опыта военных сооружений, которые ему приходилось видеть во время военных походов в различных местах Римской империи.

II. Источники Витрувия в описании осадных сооружений

Афинеев вопрос является узловым для установления источников Витрувия в описании осадных сооружений (X, 13—15), а вместе с тем и для решения вопроса об источниках Витрувия вообще. Решение «афинеева вопроса» дает одновременно возможность проследить главные этапы развития римской техники. Первоисточниками для Витрувия являются не столько литературные данные об осадных сооружениях, сколько традиции римской практики. До объединения Италии римская строительная техника находилась под этрусским влиянием. Толчком к некоторого рода сдвигу послужило столкновение Рима с эллинистическим миром в лице Пирра, трактат которого имеется среди источников Витрувия (VII, praef., 14). Римляне не могли не почувствовать превосходства эллинистической техники, тем более, что ею овладели и главные противники Рима—карфагеняне. Именно в морском деле появляются впервые греческие инструкторы, сохраняющие свое греческое название *architecti*. Это слово уже в эпоху Пунических войн входит в обиходную речь; как это видно из комедий Плавта, где слово *architectus* употребляется впервые как раз в смысле мастера кораблестроения. Другое употребление этого слова у Плавта встречается неоднократно в смысле демиурга, т. е. универсального строителя, *architectus mundi*. Как раз в этих двух значениях и трактует слово *architectus* Витрувий.

Витрувий в I книге разворачивает широкое понятие архитектора в смысле универсального мастера-строителя. В заключительной книге он дает понятие об архитекторе как о таком знатоке своей специальности, который умеет мобилизовать свои знания по требованию момента, в том числе и для военного дела. Такое представление об архитекторе создавалось в результате длительных взаимоотношений римской и эллинистиче-

«Περὶ μηχανικῶν» Афиней, через который он и мог узнать о них. Это положение становится тем более вероятным, что Аноним, пользуясь Витрувием, берет только те места, которые есть и у Афиней «Младшего».

ской военной техники, достигшей своего зенита в лице приводимых Витрувием соратников Александра—Диада и Хария [Vitr., VII, praef., 14; X, 13,3 (bis); X, 13,8]. Но в то время, как эллинистическая военная техника, развившаяся до возможных пределов баллистику и осадное дело, со времени осады Родоса существенно уже не прогрессировала, римская техника использовала ее достижения и развивалась, доказав свое превосходство рядом побед.

К сожалению, у нас нет подробных данных о ходе развития римской военной техники до Мария, которого считают реорганизатором римской армии и который хвастал тем, что он не интересуется греческими руководствами, но опирается лишь на римскую боевую практику и на свой военный опыт (Sall., Jug., 85). Так как об этом периоде есть сведения лишь отрывочного и косвенного порядка, то тем более ценен такой документ эпохи взятия Спракуз, как трактат Афиней «Старшего», который обращен к Марцеллу и был, таким образом, современником Архимеда. От Марцелла до Мария не только военная техника, но и техника вообще быстро прогрессировала; что отмечено и Витрувием, упоминающим таких мастеров как Коссаций и Муций. Но, как со скорбью отмечает Витрувий (VII, praef., 17), от этих мастеров не осталось ни строчки. Если так было в архитектуре, то тем более это касается военного дела. Все достижения были достоянием лишь боевой традиции и непосредственного преемства от ветеранов к новичкам. У Саллюстия в его «Югуртинской войне» Марий сопоставляет себя как демократического полководца, возвысившегося благодаря своим заслугам и опыту, с полководцами аристократических фамилий (*multarum imaginum*); которые получают назначения до приобретения ими необходимого опыта, *nullius stipendii* (Sall., Jug., 85). Такому полководцу приходилось брать себе учителя из ветеранов (*aliquem ex populo, monitorem officii*), который указывал бы ему, что ему следует делать. «Таким образом,—говорит Марий у Саллюстия,—по большей части бывает так, что тот, кому вы приказываете командовать, тот сам себе ищет еще другого командира. И я отлично знаю, граждане, что эти господа, когда их сделают консулами, тогда только и начнут подчитывать документы, оставшиеся от предков, и тут же и военные наставления греков. Это люди, у которых все идет шиворот-навыворот, ибо на самом деле следует сначала проявить себя в известной деятельности, а потом уже занимать известный пост» (ib.). Это замечание Мария интересно потому, что в круге этих представлений вращается и Витрувий; как это видно из *praefatio* к VII книге, где связываются между собой *acta maiorum et Graecorum militaria* праесерта (Vitr. VII, praef.).

Как раз ко времени Югуртинской войны относится и путеоланская надпись, которая является свидетельством входившего в обычай, по примеру греков; фиксирования проводимых технических работ. В этой надписи упоминается сородич приводимого Витрувием первого римского писателя по архитектуре Фуфиция, если не он сам. К сожалению, Витрувий ничего не говорит о содержании его трактата. Как широко брал Фуфиций область архитектуры—неизвестно, но, ввиду тесного взаимоотношения римской военной техники с римской техникой вообще, вряд ли Фуфиций мог оставить эту область без внимания.

Реорганизация войска Марием имела целью создать технически оснащенные кадры, которые могли бы сохранить свои навыки до нового набора. Эти навыки могли быть использованы, как замечает Корнеманн¹, и в городской жизни, в цехах (*collegium fabrum*). Реформы Мария не могли пройти бесследно для римской военной техники, отразившейся, в свою

¹ K o r n e m a n n, J Fabri, RE.

очередь, на гражданской технике ремесленников. Но борьба Мария и Суллы замедлила развитие, Марию не удалось изменить аристократическую привычку — доверять наемным грекам более, чем римским мастерам. Если на демократическом Авентине Марию удалось построить храм Чести и Доблести руками римского мастера Муция, то в аристократических кварталах Рима создание храмов поручалось исключительно грекам, вроде того саламинца Гермодора (Vitruv., III; 2, 5), которого Витрувий называет строителем храма Юпитера Статора и храма Марса.

В дальнейшей истории Рима не складывается никакой собственной литературной традиции по вопросам техники, как военной, так и всякой другой. Римская аристократия продолжает по-старому обращаться к греческим архитекторам и их данным, тогда как в военном деле продолжают господствовать свои боевые традиции, которые сохраняются у ветеранов и которые носят на себе вполне римский отпечаток.

Цезарь был первым, кто попытался свести воедино данные римской традиции по военной технике и этим самым литературно оформил технические сведения предшествующей эпохи. Его «*de bello Gallico*» и «*de bello civili*» являются попыткой сведения в одно технических сведений, вытекающих из опытов больших военных предприятий и представляющих собой свод наставлений для любого полководца в каждом новом военном предприятии. Знал ли Витрувий римскую традицию по Цезарю или изучал ее на практике — неважно. Важно то, что эта традиция была одним из важнейших источников Витрувия. С другой стороны, в описании осадных сооружений Витрувий использовал греческие источники. Витрувий избегает говорить о вещах общеизвестных — о данных римского опыта или о том, что достаточно известно из Цезаря.

Посвящая свой трактат Цезарю, Витрувий старается дать ему лишь те сведения, которые могли быть интересны для него. По ссылкам Витрувия на источники в описании осадных сооружений видно, что и при Цезаре живо интересовались военными достижениями Александра и его сподвижников. С другой стороны, Витрувия интересует и история осадных сооружений, ибо у него берутся три момента развития осадной техники: 1) до Александра (Полиид), 2) эпоха Александра (Диад и Харий) и 3) эпоха после Александра, когда военная техника совершенствуется мало и только старается поразить чудовищными размерами осадных машин (Эпимах, Гегетор).

Витрувий использует прежде всего труды сподвижников Александра — Диада и Хария, извлечения из которых он приводит не один раз. Еще и позднее эти источники были достаточно известны, даже Афиной «Младший» приводит большие выдержки из Диада. Но у Витрувия были и другие литературные источники, которые дошли до Витрувия в устной традиции. Так, например, данные Агесистрата, выдержки из которого приводит Афиной «Старший», были использованы и Витрувием, хотя он лишь глухо упоминает его (Vitruv., VII, praef., 14).

Через устную традицию Витрувий получил большое количество сведений о родосской школе военных мастеров. Между прочим Витрувий описывает знаменитую осаду Родоса; состязание доведенных до высшего размера осадных сооружений (гелепола Эпимаха) с такого же рода грандиозными контрмерами осажденных родосцев. При этом Витрувий выявляет то положение, которое занимали инженеры в Родосской республике.

Он называет родосского архитектора Диогнета; который постоянно работал у родосцев и получал годовое содержание. Этого Диогнета разжалокали было родосцы, когда к ним явился другой архитектор Каллий и демонстрировал модели такого механизма, которым он предполагал

захватывать гелеполу при подходе ее к стенам города, поднимать на воздух и переправлять через стену. Однако на практике это не оправдалось, и пришлось обратиться снова к Диогнету, который, выручив город, был восстановлен в прежнем положении.

Витрувий, рассказывая об этом примере, хочет подчеркнуть отличие настоящих архитекторов от различного рода прожекторов, против которых он не раз выступает и которые в эпоху после Александра были не редким явлением.

Из конца X книги Витрувия видно, что в его глазах Родос, Хиос, Аполлония и Массалия были центрами известных технических сооружений. Сведения о Родосе и о всех применявшихся там приемах осады и борьбы с ней дошли до Витрувия через родосскую школу, необычайно популярную в республиканский период. Другим центром греческой техники Витрувий называет Хиос, который оставался автономной республикой. Оба острова в глазах римлян императорской эпохи считались оазисами самобытной греческой культуры. Во времена Витрувия на Родосе и Хиосе достижения военной техники имели прочную и продолжительную традицию. Вот почему, демонстрируя осадные сооружения и контрмеры против них; Витрувий (X; 16) приводит и оттуда соответствующие примеры греческих достижений в военном деле.

Другими наиболее близкими центрами греческой культуры являлись в глазах римлян Аполлония и Массалия, куда римляне при Цезаре и позже ездили для того, чтобы усовершенствоваться в научно-технических знаниях. Об известности Аполлонии можно судить по отзывам Цицерона; а также из того, что Октавий там завершал свое образование. Аполлония была издавна важным источником греческих влияний на Рим. Позднее она стала опорным пунктом Рима в борьбе с Македонией, в военной технике которой были очень сильны эллинистические традиции. Именно через Аполлонию Рим получал все сведения об эллинистической технике осадных сооружений. Поэтому Витрувий не случайно при описании осадных сооружений приводит примеры и из Аполлонии.

Витрувий имел и более новые факты из военной практики Аполлонии. Осада города Брутом могла дать не один эпизод образцового отпора местного гарнизона римским войскам, который, став потом общеизвестным по своим оригинальным приемам; мог оказаться у Витрувия в качестве наглядного примера борьбы во время осады городов. Другим примером использования военной техники в гражданской войне Витрувий берет осаду Массалии. Сам Цезарь указывает на удивительное искусство осажденных массалиотов. Это неудивительно, ибо Массалия издавна и до конца Римской империи была значительным центром греческой культуры. Подобно Родосу в республиканский период и Аполлонии при Цезаре, Массалия, начиная с эпохи Августа, становится притягательным центром для образования молодых людей. Массалиотская школа, несомненно, давала Витрувию свежие данные по военной технике, которыми он и заключает свой трактат.

Посвящая свой трактат Цезарю; Витрувий; таким образом, и заключил его эпизодом из цезаревой победы над Массалией.

Все построение трактата «Об архитектуре» показывает, что хотя Витрувий и исходил из правил и приемов греческой техники, тем не менее, заканчивая свое повествование эпизодом из осады Массалии; он стремится показать превосходство римской техники над греческой.

В написании своего трактата Витрувий шел своеобразными путями. Будучи военным, он больше всего интересовался военной техникой и уделял ей значительное внимание. Однако с концом военных кампаний, с началом строительства в Риме, при широких планах Цезаря, Витрувий

не мог не мечтать о гражданской карьере архитектора, к которой он готовился еще в молодости (Vitruv., VII, praef.). Это он и выражает в своем обращении к Цезарю (ib.; I, praef.; 1—3). Смерть Цезаря оборвала и намерение Витрувия и широкие строительные планы самого диктатора в Риме.

Витрувий в силу этого попадает в очень затруднительное положение, о чем он говорит в другом месте (ib.; I, praef., 3), ссылаясь на «timor inopiae», который толкал его на самые разнообразные занятия. Из архитектуроники трактата видно; что Витрувий был знаком и с технологией материалов, и с архитектурой в собственном смысле, и с водопроводным делом, и с военной техникой; сталкиваясь с живой практикой этих различных профессий, он старался поднять их на научную высоту, дать им некоторого рода теорию.

Возникает вопрос, что имел в виду сообщить Витрувий при первоначальной наметке своего трактата, прежде чем timor inopiae не отвлек его к другим занятиям.

Построение трактата показывает, что он имел несколько редакций, причем первоначально Витрувий имел в виду очень скромную задачу: суммировать сведения, которые касаются лишь возведения зданий и устройства механизмов (de aedificiis et machinis, X, praef., 14). Остальные части, куда относятся все сведения по технологии материалов, по водопроводному делу, а также астрономические данные под влиянием Варрона были введены позднее. Именно последующая редакция трактата имела своей задачей поставить гражданскую технику на уровень военной. Но особенности последующего развития Римской империи не дали осуществиться этому. После Витрувия только Фронтин дал кое-какие сведения по гражданской технике, которые носили характер практических наставлений. Старые традиции военной техники ослабевали, но позднее, начиная с эпохи Клавдия, по мере изменения состава и организации армии, стали требоваться новые наставления.

Трактат Витрувия приобретал все большее значение как единственный компендиум, вмещавший в себе данные по самым различным областям техники, тем более, что, по мере допущения со времени Клавдия в состав армии провинциалов, а затем и совершенно чуждых Риму варварских элементов, самая система тренировки и обучения войск должна была совершенно измениться. Уже непосредственно вслед за Витрувием можно проследить некоторый интерес к его трактату, особенно к военной части X книги. Причины интереса к Витрувию в позднейшие времена вскрываются до некоторой степени историей римской армии.

III. Витрувий как источник для последующей истории античной техники

Трактат Витрувия был рассчитан на передачу общих сведений из разных областей техники и не вдавался в подробности, известные тогда каждому специалисту и трудные для понимания широкому кругу читателей.

По отношению к военной технике Витрувий прямо говорит, что он не намерен описывать то, что знают сами и умеют проделывать все тренированные солдаты-легионеры: «Non necesse habui scribere, quorum rationes sunt imbecilliores. Milites per se solent facere. Neque ea ipsa omnibus locis neque eisdem rationibus possunt utilia esse» (ib., X, 16, 1).

В этих словах выражена как нельзя лучше школа Цезаря, которая стремилась поставить военную подготовку людей в зависимость от обстоя-

тельств; а не пользоваться какими-либо канонизированными правилами, которые Витрувий избегает давать. По мере изменения состава армии, начинает ощущаться потребность в различного рода наставлениях, поскольку преемственность традиций римской военной техники начала разрушаться. Появляются такие сочинения, как руководство для всадников римской армии, составленное Плинием Старшим («*de iaculatione equestri*»)¹, «*Strategemata*» Фронтин² и его же руководство по тактике, не дошедшее до нас, но упоминаемое с похвалой Элианом.

Но уже в эпоху Траяна изменение состава армии и соответственно способов обучения стало настолько резко выявляться, что последние оказались совершенно противоположными тем, которые применялись прежде. Плиний Младший в «Панегирике Траяну» рисует следующими чертами изменившуюся войсковую обстановку: «Боевая подготовка от рук перешла к глазам, от напряженного труда к легкой потехе... на наших современных военных упражнениях руководителем является не какой-нибудь ветеран с отличием за подвиги по осаде городов или за спасение граждан, а инструктор из услужливых греков» (13, 5).

При Адриане замечается новое явление, характеризующее своеобразное взаимоотношение военной и гражданской техники. Адриан, воображавший себя великим архитектором и не находивший применения своим замыслам в отстроенном Риме, развернул строительную деятельность в провинциях. Он облагодетельствовал даже Афины водопроводом римского типа и сформировал настоящие когорты и легионы из строителей: «*fabros, perpendiculatores, architectos, genusque iunctum extruendorum moenium, seu decorandorum, in cohortes centuriaverat*» (Aur. Vict., Hist. Rom. ep., 14, 5). Все это делалось не только для развертывания строительства, но и в определенных политических целях: очевидно, было не совсем желательно, чтобы эти *architecti* и *perpendiculatores* постоянно находились в столице.

Исследование архитектурных надписей показывает, что военные архитекторы во всех отмеченных случаях были солдатами и полноправными гражданами, тогда как социальный состав гражданских архитекторов крайне неоднороден. Итальянский ученый Промис³ выводит следующее соотношение: на 29 гражданских архитекторов в Риме приходится 13 римских граждан, происхождение которых к тому же неизвестно, 13 вольноотпущенников и 3 раба⁴.

Римская гражданская архитектура точно так же, как и военная, держалась на непосредственно передаваемой из поколения в поколение традиции. Поэтому неудивительно, что по гражданской архитектуре, так же как и по военной, нет никаких сводок после Витрувия, и те сведения, которые, например, сообщает позднее Плиний в своей «Естественной истории», оказываются анахронизмом. Классическим примером этого является техника строительной керамики. Если в эпоху Витрувия техника изготовления обожженных кирпичей была еще настолько мало развита, что Витрувий о ней не упоминает, то в эпоху Плиния уже существовали большие мастерские. Между тем Плиний (N. H., XXXV, 170), как и Витрувий, говорит только об изготовлении сырца, пользуясь традиционными литературными источниками. Никаких новых сводок по технике перед собой он не имел.

¹ Этот трактат Плиния до нас не дошел.

² Frontini, *Strategematon libri IV*, изд. Gundermann'a, Leipzig, 1888.

³ Promis, *Gli architetti e l'architettura presso i Romani*, «Memorie dell' Accademia di Torino», с. II, т. XXVII, 1873, стр. 1—187.

⁴ Привожу данные из Friedländer'a, *Sittengeschichte Roms*, III, 1910, стр. 206.

Единственное исключение представляет водопроводное дело, которое, достигнув высокого уровня ко II в. н. э., начинает интересовать многих инженеров. Более того, в строительстве водопроводов видят апогей развития римской архитектуры. Именно в этой области римского строительства появляется трактат Фронтин *«О водоснабжении города Рима»*. Некоторые ученые считают произведение Фронтин шедевром античной технической литературы¹.

Подводя итоги римской техники водопроводного дела, Фронтин, между прочим, упоминает и Витрувия (*F r o n t.; de aquis urb. Romae*¹).

Хотя отношение Фронтин к последнему неясно, но несомненно, что Фронтин не мог не упомянуть автора трактата *«Об архитектуре»*, в котором VIII книга посвящена как раз водопроводному делу. Следует отметить, что Витрувий, как источник технических сведений, впервые упоминается Фрontiном.

В эпоху Фронтин положение *architecti* в римских условиях определилось уже как служебное; причем они были подчинены магистратам. Сам Фронтин упоминает об архитекторах как о подсобном техническом персонале. Такое положение архитекторов приводило к тому, что в архитекторы шли теперь из провинции, из средних слоев, из греков, даже из среды вольноотпущенников. В архитектуре, как и в военном деле, где это можно проследить особенно точно, стал выдвигаться пришлый элемент.

После того, как положение архитекторов стало приниженным, из римлян перестали выдвигаться люди, способные дать что-либо интересное в этой области. Фронтин был исключением, поскольку он являлся магистратом, обязанностью которого был надзор за римскими водопроводами.

Именно в данных условиях трактат Витрувия мог возбудить интерес и стать своего рода руководством для тех архитекторов, которые, придя в Рим со стороны, пытались усвоить римский стиль. С другой стороны, римская архитектура стала переходить и в провинцию и даже на Восток. Это тоже вызывало интерес к Витрувию.

Таким пришлым архитектором был Аполлодор из Дамаска. Ему удалось выдвинуться, заняв соответствующее положение при дворе Домициана, а потом Адриана. Домициану он построил Одеон; потом был в армии при Траяне и, уже как авторитет по военной технике, написал дошедший до нас трактат *«Πολιορκητικά»*, посвятив его императору Адриану, при котором он командовал легионом.

Данный трактат представляет собой свод военных наставлений в стиле, прямо противоположном Витрувию. Витрувий избегает говорить о вещах всем известных и не входит в детали. Напротив, Аполлодор излагает старую римскую практику, которую он применял в армии. При этом характерно, что Аполлодор не имел перед собой римских литературных источников, в том числе и Витрувия.

В другом отношении к Витрувию, как источнику, стоял Афиней *«Младший»*. Его задача была совсем иной, — он стремился придать сведениям по военной технике литературную форму, снабдив их историческим обзором и комментарием. В то же время Афиней *«Младшему»* нужно было заинтересовать читателя, а также восполнить его недостаточную осведомленность в военном деле. Этой двойной цели и отвечала его компиляция, составленная из трактата Афиней *«Старшего»*, посвященного Марцеллу, и данных X книги Витрувия. В какой степени Витрувий был источником

¹ Gercke—Norden. *Einleitung in die Altertumswissenschaft*, 1910, изд. Teubner'a, стр. 525: *«Das Promemoria des Frontinus über die Wasserleitungen Roms ist die beste aller technischen Schriften in lateinischer Sprache und es gibt keine andere, die nach Inhalt und Anlage... ein so spezifisch römisches Gepräge trägt»*.

для Афиней «Младшего»; видно из сопоставления трактата «περί μηχανικῆς» и X книги Витрувия¹. При этом легко заметить, что Афиней прямо списывает у Витрувия.

Афиней был первым греческим автором; который использовал Витрувия, причем не случайно он заимствовал у него именно военную часть, в чем выразился интерес эпохи к военным наставлениям. При этом такой интерес особенно проявлялся в среде высших военных командиров; которые сами обучались у греков и читали по-гречески. Если сперва появился интерес к военной технике, то к концу II и началу III вв. стали интересоваться и гражданской частью сведений Витрувия. При этом гражданская техника занимала преимущественно рядовых представителей плебейского населения Рима. Такой интерес к Витрувию проявляет Целий Фавентин, который, как это установлено Нолем², относится к эпохе; более ранней, чем Палладий. Если, как думает Вельман³, посредствующим звеном между Фавентином и Палладием является Гаргилий Марциал⁴, автор большого трактата по сельскому хозяйству, живший в первой половине III в. н. э., то извлечение Фавентина из Витрувия было сделано не позже начала III в. Как правильно доказывает Вельман (стр. 3—4); Гаргилий Марциал знал Витрувия и не только по эксцерптам Фавентина, но и непосредственно.

Так как для Палладия трактат Марциала явился одним из главных источников⁵ в его «*Agri cultura*», то можно согласиться с предположением Вельмана, что Палладий, ссылаясь на Витрувия, пользовался последним, главным образом, в передаче Фавентина, который эксцерпировал у Витрувия основные сведения по гражданской архитектуре.

Фавентин, по своим собственным словам, предлагает извлечения из Витрувия для практиков. Свое внимание он останавливает; главным образом, на сооружении частных зданий и в заключении говорит; что тот, кто интересуется строительством общественных зданий, пусть ищет сведений у более высоких и умудренных голов. Это практическое руководство, составленное по Витрувию, быстро оттеснило на задний план полный текст самого трактата, упоминания о котором начинают встречаться все реже.

Упоминает Витрувия на Западе в V в. только Сидоний Аполлинарий (IV; 3), причем не как автора трактата «Об архитектуре», а как такого же идеального планировщика-архитектора, каким был Архимед в качестве математика и чертежника. У Аполлинария Сидония Витрувий фигурирует в перечне специалистов, представленных каждый со своим специфическим атрибутом, причем Витрувий держит в руках «перпендикуляр», т. е. ватерпас..

Что касается Исихора Севильского, жившего на грани VI и VII вв. н. э., то в его этимологии или «*Origines*», судя по сопоставлениям ее Поппе⁶ и Нолем, нет почти никаких совпадений с полным текстом Витрувия. Те места, которые указывают на Витрувия, могут быть объяснены только заимствованиями из Фавентина и Плиния. Эти случайные совпадения не могут быть доказательством наличия на Западе в эпоху Исихора рукописей Витрувия. Напротив, все говорит за то, что все отголоски текста

¹ См. Ath., 9, 4—27, изд. Schneider'a; Vitruv., X, 13—15.

² Н. N o h l, Palladius und Faventinus in ihrem Verhältnis zu einander und zu Vitruvius, «*Comit. Momms.*», стр. 64 сл.

³ М. V e l l m a n n, Palladius und Gargilius Martialis, «*Hermes*», XLIII (1908), стр. 1 сл.

⁴ Об этом Марциале говорится в надписи CIL, VIII, 9047.

⁵ См. S c h n e i d e r, Scriptores rei rusticae, IV, 1, 168.

⁶ P o p p e, Vitruvquellen, Kiel, 1909, стр. 58—62.

Витрувия сохраняются только благодаря Плинию, который был источником и для Исидора.

Распространение римской строительной техники на Восток привело к тому, что здесь появился интерес к трактату Витрувия. По справедливому предположению Заккура, именно благодаря этому, полные рукописи получили там распространение, в то время как на Западе, в связи с общим кризисом Римской империи, они могли затеряться, тем более, что ходивший по рукам Фавентин мог до некоторой степени заменить Витрувия.

Из рукописи Анонима Византийского, относимой к X в., известен целый ряд новых архитекторов (например, строитель Софийского храма), которые появились на Востоке. Сюда относятся такие имена, как Анфемий из Тралл, Исидор из Милета, которые по поручению Юстиниана восстановили храм Софии в Константинополе после пожара 532 г.

Без сомнения Витрувий был известен этим архитекторам, которые должны бы усвоить римские традиции строительства базилик, тем более, что их деятельность имела большой размах. Трудно представить, чтобы в Восточной империи достижения греческих и римских архитекторов, в том числе и Витрувия, оставались неиспользованными.

Только наличие развитой строительной традиции на Востоке, о которой можно судить по тексту Анонима Византийского¹, могло помочь сохранению здесь Витрувия в то время, когда на Западе нет никаких сведений о нем. Но если о знакомстве с Витрувием на Востоке можно говорить только предположительно, то на Западе с IX в. внезапно происходит возрождение Витрувия как источника для изучения архитектурной техники. Полный текст Витрувия появляется здесь впервые в эпоху Карла Великого; когда последний начинает большое строительство силами византийских архитекторов и мастеровых. Заведующий этим строительством Эпихарит², впервые после пятисотлетнего молчания о Витрувии на Западе, упоминает его имя. Полная рукопись Витрувия относится как раз к IX в.³. В это время окончательно восстанавливается авторитет Витрувия на Западе в качестве источника для всего последующего развития науки и техники.

¹ An. Byz., 199, 1 (Schneider, II, 7).

² V. Rose, Praefatio к «Vitruvii de architectura libri decem, Leipzig 1867, стр. IV.

³ V. Rose, loc. cit.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ЛГУ, вып. 78 за 1941 г.

Великие и грозные события последних лет помешали своевременному распространению, а тем более обсуждению в печати настоящего сборника, вышедшего в свет в первые месяцы Великой Отечественной войны. Он включает восемь статей семи авторов, рассматривающих отдельные вопросы истории социально-экономических отношений стран древнего Востока. С глубоким сожалением приходится отметить, что одного из них—Николая Александровича Шолпо нет более в живых. Он пал в боях за Родину на подступах к Ленинграду.

Часть статей: В. И. Евгеновой, Ю. Я. Перепелкина, Н. В. Пигулевской и Н. А. Шолпо представляют собою обзоры или даже справки, как, например, обе заметки Ю. Я. Перепелкина, посвященные частным вопросам. Иной характер имеют статьи М. Э. Матье, Ю. А. Солодухо и В. В. Струве, стремящиеся разрешить важные и принципиальные проблемы, недостаточно исследованные или дающие повод для расхождения во мнениях между учеными. Естественно, что они притягивают к себе внимание в первую очередь, и именно с них поэтому целесообразно начать рассмотрение настоящего сборника.

В статье «Термины родства в древнем Египте» М. Э. Матье на большом материале многочисленных и разнообразных документов дает сводную таблицу всех древнеегипетских названий, определяющих родственные отношения. По вполне убедительным соображениям автора, «приведенные термины, несомненно, показывают, что система египетского родства являлась чисто описательной» (стр. 25). Вместе с тем отмечаются и пережитки, говорящие о существовании до того системы классификационной, связанной со столь характерными и частыми для долины Нила пережитками матриархата. Далее М. Э. Матье останавливается на толковании трех древнеегипетских терминов: *whj. t. b. t. mhw. t.* обозначавших понятия племени, рода и семьи, которым основной словарь древнеегипетского языка, изданный Эрманом и Граповым, дает далеко не достаточное толкование. Сравнением со сходными обозначениями других народов (арабов, евреев, негритянских племен и т. д.) обосновывается отражение в языке смены материнского рода отцовским, благодаря чему три только что упомянутые термина приобретают более осмысленное содержание и становятся более понятными. Приведя существенные наблюдения, увязывающие слово *hntm*, которое словарь Эрмана и Грапова толкует как «друг», с родственными отношениями, автор все же воздерживается от определения содержания этого пока еще не вполне ясного понятия.

Очень интересны подмеченные автором в некоторых изречениях текстов пирамид и саркофагов отзвуки родового строя.

Спорным представляется заключение статьи, посвященное вопросам брака и положению женщины. Конечно, едва ли подлежит сомнению, что положение женщины в древнем Египте было выше, чем в иных странах древнего Востока. Тем не менее, утверждение, что «египетская женщина юридически равноправна мужчине» (стр. 35), слишком радикально. Лучшим доказательством неравноправия между полами служит довольно распространенная среди египтян полигамия, случаи которой документы

подтверждают даже для низших слоев населения—рабочих фиванского некрополя¹. Фактов полиандрии пока не отмечено. Даже в эпоху I династии некоторые обычаи при погребении царей напоминали о времени, когда жены должны были следовать в могилу за мужьями².

Ю. А. Солодухо в статье «Социально-экономическая структура еврейского общества Ирака и Сирии во II—V веках н. э.» стремится выяснить вопрос о производственных отношениях на Ближнем Востоке в первые века нашего летосчисления, которые, по утверждению автора, еще недостаточно изучены. По его убеждению, некоторые недостающие материалы можно взять из Талмуда, так как еврейское население Сирии и Ирака было довольно многочисленным и его социально-экономический и политический уклад мало отличался от уклада местного коренного населения. Результаты своей, видимо большой, работы Ю. А. Солодухо излагает в очень конспективной форме, давая ссылки на соответствующие места Талмуда, почти совершенно не приводя цитат, что, возможно, оправдывается размерами сборника, но сильно затрудняет читателя. Поэтому вызывают сомнения или, в лучшем случае, остаются неясными отдельные выдвигаемые им положения. Например, на стр. 50 встречается важное утверждение, что евреи во многих районах Ирака составляли большинство населения. На основании каких цифровых или иных данных оно основывается? В равной мере подобный вопрос возникает и по поводу другого ответственного суждения на той же странице,—что во время войн Рима с Сассанидами «отношение еврейского населения Ирака к той или другой из воюющих сторон могло оказаться решающим». Столь важные положения следовало подкрепить конкретными фактами.

Автор вполне убедительно доказывает, что основным занятием еврейского населения Ирака и Сирии было земледелие и скотоводство. В начале рассматриваемого периода крупная земельная собственность преобладала. Аристократы в лице эксилархов автономно управляли еврейским населением. Постепенно выдвигается новый слой—средних землевладельцев, интенсивно стремящихся к власти, что приводит к столкновению этих двух социальных прослоек. Особенно важное наблюдение Ю. А. Солодухо касается роли рабов, труд которых преобладал в крупных поместьях, в то время как средние землевладельцы предпочитали сдавать землю в аренду. Арендаторы в ту пору еще не были прикреплены к своим участкам. Более того, их под разными предлогами согнали, чтобы воспользоваться результатами их трудов и вложенными средствами. Отмечается тяжелая участь батраков, часто страдавших от безработицы.

Что касается ремесленников, то в их среде отмечалась значительная дифференциация. Наряду с предпринимателями, в мастерских которых эксплуатировали труд рабов или наемных рабочих, имелись ремесленники, зарабатывавшие хлеб, собственными руками и владевшие жалкое существование.

Начало крепостническим отношениям кладет прикрепление рабов к земле к концу исследуемого периода, а также превращение свободных арендаторов в зависимых крестьян, прикрепленных к земле. Таким образом, и здесь, на Востоке, процесс феодализации в своих основных чертах протекал так же, как и в Римской империи той эпохи. Как и на Западе, процесс закрепощения сопровождался острыми социальными конфликтами, вооруженными восстаниями. В частности, еврейская беднота принимала участие в движении мавдака (VI в. н. э.).

«Классовая борьба между крупными землевладельцами и непосредственными производителями осложнялась противоречиями среди самих землевладельцев. В Ираке все более усиливались противоречия между земельной знатью, сановной аристократией и откупщиками податей, с одной стороны, и вновь появившимися зажиточными землевладельцами—с другой. В то время как первые являлись представителями отсталого, рабского производства, последние пользовались, главным образом, трудом арен-

¹ Т. Е. P e e t, The Meyer Papyri A and B., London, 1920, 13 C[6 f.

² А. E r m a n u n d H. R a n k e, Ägypten und ägyptisches Leben im Altertum, Tübingen, 1923, стр. 179.

даторов-издольщиков и наемных работников» (стр. 61), т. е. были носителями более прогрессивного способа производства.

Работа Ю. А. Солодухо очень интересна, ибо она посвящена почти неизученной области. Поэтому особенно желательно, чтобы она была дополнена сведениями о социально-экономических отношениях и остального населения Ирака и Сирии.

Нельзя не отметить некоторую нечеткость отдельных формулировок. Автор путает понятия профессии и ремесла, благодаря чему в ремесленники попадают прачки, рыбаки и оросители (стр. 59).

Академик В. В. Струве поместил в сборнике новую главу труда о Манефоне и египетской хронологии «шодлинный Манефононский список царей Египта и хронологии Нового царства». Начиная с XII династии, как указывает В. В. Струве, можно подвергнуть точной проверке все основные даты Манефона, сопоставляя их со свидетельствами египетских памятников. Попытки современных ученых, в частности Брестеда, построить хронологию Нового царства, отличную от Манефононской, являются по существу искусственными и не имеют достаточного основания. Так, Брестед растягивает время правления Тутмеса I до тридцати с лишним лет, базируясь на том, что указанный царь справлял юбилейный праздник «Хебсед». Однако этому противоречит незначительное количество памятников, оставшихся от названного фараона. Автор доказывает, что египетские фараоны часто праздновали юбилей «Хебсед» не только через 30 лет после вступления на престол, а гораздо раньше, если этого требовали обстоятельства. Они присчитывали к годам своего правления годы правления предшественника. Выкладки Брестеда, устанавливающего дату вступления на престол Тутмеса III на 30 лет позже, чем Манефон, мало убедительны, ибо астрономические данные, при более точном и глубоком их изучении, вполне совместимы с хронологической канвой Севекнитского жреца.

Большое принципиальное значение имеет наглядно и остроумно доказанная В. В. Струве новая датировка Телль-Амарнского периода, продолжительность которого удлинняется до 76 лет—с 1418 по 1342 гг. до н. э., за счет сокращения сроков времени правления фараонов начала XVIII династии. Свои выводы автор строит на анализе Телль-Амарнской переписки и надписи Меса.

Новелла о сие царя Нектанеба (XXX династия) дает В. В. Струве возможность уточнить дату окончательной потери Египтом независимости. Она падает на 341 г. до н. э., а не на 343 г. до н. э., как полагали прежде.

Приложенная к статье таблица, указывающая время и продолжительность правления египетских фараонов, начиная с XII династии, чрезвычайно поучительна и значительно облегчает анализ запутанной и сложной египетской хронологии. В статье имеются погрешности технического порядка: ссылка на I том сборника «Язык и мышление», где помещена другая статья автора, неверна. Эту статью—«Списки Манефона царей позднего Египта» следует искать в V томе названного сборника. Другая опечатка, искажающая смысл,—упоминание о 30-летнем царствовании Тутмеса I (стр. 71); в других местах работы В. В. Струве говорится о 13 годах.

Первая из статей обзорного характера—В. И. Евгеновой «О меновых отношениях Ливийского времени в древнем Египте» оставляет впечатление некоторой недоработанности. Остается непонятным, какие задачи, кроме описания ряда фактов, автор себе поставил. В статье нет ясного плана: отсюда—повторения и нечеткость в распределении материала. Так, о цене рабов говорится на страницах 9 и 15 и т. п. Как видно из заголовка, В. И. Евгенова пыталась проследить развитие денежного хозяйства в позднем Египте. Действительно, ею собрано большое количество интересных примеров, которые, к сожалению, недостаточно связаны и не приведены в единое логическое целое.

Одним из важнейших является вопрос о стоимости рабов в Египте, ибо с ним связана оценка степени развития рабовладения. Поэтому здесь требуется сугубая осторожность и точность выводов. В. И. Евгенова пошла по линии наименьшего сопротивления, механически воспользовавшись положениями И. М. Лурье¹, которые, по ее соб-

¹ И. М. Л у р ь е, Стоимость раба в древнем Египте, ВДИ, 1938, № 4.

ственному признанию, «противоречат богатому фактическому материалу эпохи Нового царства, свидетельствующему о широком и разнообразном использовании рабов как в царском, храмовом и домашнем хозяйстве, так и лицами различного имущественного положения, не говоря о возможности более дешевой стоимости раба» (стр. 17, прим. 1). Если внимательно проанализировать материал, приведенный в статье, то невольно напрашивается заключение, что рабы в Египте стоили не так уж дорого и во всяком случае дешевле, чем в некоторых других странах древнего Востока, например Вавилонии и Ассирии. Так, рабы оценивались в Египте, как пишет В. И. Евгенова, в 42,5 грм серебра (стр. 9) и в 43 грм серебра (стр. 17). Даже указанную в другом месте цену в 60 грм серебра едва ли можно назвать высокой. Ведь в Ассирии в эпоху Саргонидов раб стоил не дешевле 20—30 сиклей (около 170—250 грм серебра)¹. Бык в Египте обходился в 2 дебена серебра² (182 грм серебра), т. е. втрое дороже неквалифицированного раба, в Вавилоне цена такого же раба равнялась стоимости быка или осла³.

Бездоказательна догадка, что в Египте начало чеканки монеты связано с развитием наемничества в ливийскую эпоху. Ведь наемники, и притом в значительном количестве, появляются гораздо раньше—еще в эпоху XVIII династии.

На странице 5 Смендес назван царем, а на следующей странице «правителем Севера». Последнее правильнее, ибо речь идет о времени путешествия Унуамона в Финикию.

Две краткие справки Ю. Я. Перепелкина: «О Сети-Менептахе, сыне Менептаха» и «Абидосский обломок плиты с «указом» Харемхеба», устанавливают: первая, что «царевич (будущий Сети II) на деле был соправителем Менептаха, если только не действительным правителем государства за преклонным возрастом фараона» (стр. 39), а вторая—«тождество обломка плиты № 3 4162 Каирского музея с концами 16—20 строк «указа» Харемхеба». Отсюда делается вывод, что «указ» был начертан на больших плитах и выставлен не только в Фивах, но и в Абидосе и, надо думать, в других городах Египта, и что фараон тем самым придавал своим мероприятиям исключительное значение» (стр. 41). В обеих заметках чувствуется большая эрудиция автора и его превосходное знакомство с первоисточниками и специальной литературой.

Очерк «Угасающий Вавилон» Н. В. Пигулевской прослеживает судьбы великого города после смерти Александра Македонского в период борьбы между Антигоном и Селевком и в годы правления Антиоха I Сотера. С этой целью привлекаются отрывки двух клинописных хроник, мало исследованных до сих пор историками. Первая из них охватывает период 321—312 гг. до н. э. и повествует о бедственном положении Вавилона, пострадавшего от грабежей и пожаров в междоусобных войнах Эпигонов, и об отдельных событиях этого периода. Вторая хроника описывает 276—274 гг. до н. э., т. е. время обостренной борьбы между птолемеевским Египтом и Селевкидами за господство на сирийском побережье. Расходы, связанные с ведением этой войны, тяжело отозвались на экономическом положении городов Междуречья, откуда выкачивались огромные средства. Хроника дает ценные указания, на основании которых «можно говорить о безусловной принадлежности земли царю... город мог лишь условно, временно пользоваться дарованной царем землей» (стр. 46). Антиох I отобрал эти посевные земли, угодья, а также скот и весь инвентарь и присоединил к царским имениям. «Города, таким образом, теряли основную базу своего существования». На Вавилоне очень тяжело отозвалось принудительное переселение его жителей в новую столицу—Селевкию. Правда, деловая жизнь продолжалась в нем довольно долго, о чем свидетельствуют частноправовые акты той эпохи, но ее темп был уже гораздо слабее. Древняя столица Междуречья не могла оправиться от понесенных потрясений и, как выражается автор, постепенно угасала.

¹ В. Meissner, *Babylonien und Assyrien*, I Bd., Heidelberg, 1920, стр. 365.

² А. Erman und Н. Ranke, *op. cit.*, стр. 590—591.

³ В. Meissner, *op. cit.*, стр. 364—365.

Н. В. Пигулевская несколько упрощает причины переселения жителей Вавилона в Селевкию, считая, что «положение древнего города было настолько трудно и тягостно, что к строительству Селевкии царь был вынужден, так как поднять общий уровень благосостояния Вавилона было уже невозможно» (стр. 44). Огромную роль сыграло, конечно, стремление ослабить политические и экономические позиции туземных оппозиционных кругов, центром которых был опальный город. Доказательством тому могут служить примеры из более ранней истории Двуречья и даже Египта.

Для упоминаемого в статье города «Кутах» (или Кутха, ныне Телль-Ибрагим) (стр. 44) более обычно написание Кута¹.

Н. А. Шолпо в статье «Ирригация в древнем Египте», заключающей настоящий номер «Ученых записок», останавливается на технике орошения, применявшейся в долине Нила. Используя свидетельства древних памятников письменности и материальной культуры, иконографии, античных авторов и данные современных исследователей, он описывает виды и типы оросительных и осушительных сооружений и водоподъемных приспособлений: так называемый «ментал» или «наталех», «шадуф» и «сакие». При этом приводятся любопытные сведения о их технической производительности. Далее прослеживается история орошения Фаюмского оазиса и устанавливается местоположение Меридова озера. Все ирригационные работы, утверждает Н. А. Шолпо, производились иноземцами, рабами, однако, «пользуясь своей деспотической властью, царь мог в экстренных случаях привлекать все население Египта к ирригационным работам» (стр. 96). Заканчивается обзор описанием нилометров и указанием на огромное значение орошения и регулирования разливов Нила для жизни Египта.

Статья эта оставляет впечатление некоторой недоработанности в деталях, что, может быть, объясняется желанием втиснуть большой материал в ограниченные рамки. Приводя свидетельства античных авторов об истоках Нила, Н. А. Шолпо упустил наиболее важных из них — Эратосфена и Птолемея², которым было известно, что Нил вытекает из озер, находящихся далеко на юге и юго-востоке, и с «Лунных гор», т. е. с гор Абиссинии. Таким образом, Эратосфен был осведомлен лучше, чем последующие поколения вплоть до XIX в. Не согласованы и не приведены в систему показания тех же источников относительно необходимого для урожая уровня разлива Нила, и поэтому не сразу становится ясно, на сколько локтей должна была подняться вода, чтобы избавить население страны от голода. В таблице на стр. 97, показывающей интенсивность половодья за 150 лет, при подсчете общей суммы процентов, падающих на каждую из четырех перечисленных категорий разливов, получается не 100, как это полагается в подобных случаях, а всего лишь 71.

Грубый технический недосмотр на стр. 98, прим. 1 приводит к тому, что «Эфиопика» Гелиодора становится произведением Маркса и Энгельса, напечатанным в IX томе их Сочинений. Вообще, ссылки на литературу составлены небрежно, и упрек этот должен быть отнесен ко всему сборнику. Названия книг и журналов настолько урезаны, что без таблицы сокращений разобраться трудно, а таблица отсутствует. Не легко догадаться, особенно неспециалисту, что «Gressmann ATB» означает книгу Н. Gressmann «Altorientalische Texte und Bilder zum Alten Testament» (стр. 99, прим. 1). Кстати, сокращается она обычно AOTB. Отсутствуют, как правило, даты выхода в свет цитируемой литературы.

Отмеченные отдельные недочеты некоторых статей, вошедших в данный номер «Ученых записок», отнюдь не снижают его научного значения и достоинств в целом. Остается пожелать, чтобы Ленинградский государственный университет в ближайшее время выпустил очередной сборник, посвященный истории и культуре стран древнего Востока.

И. С. Кацнельсон и Д. Г. Редер

¹ B. Meissner, op. cit., стр. 7, 38, 141 и др.

² Eratosthenes, Geographische Fragmente hrg von H. Berger, Leipzig, 1880.
E. H. Bunbury, A History of Ancient Geography, vol. 2., London, 1879 стр. 614—618.

А. БЕРНШТАМ. *Социально-экономический строй орхон-енисейских тюрок VI—VIII веков. Восточно-тюркский Каганат и Кыргызы.* Изд. АН СССР, М—Л., 1946, 207 стр. + 2 карты

А. Н. Бернштам уже с середины 30-х годов работает над вопросами истории Средней и Центральной Азии. Ему принадлежат, в частности, и ряд статей, посвященных орхон-енисейским памятникам.

Рецензируемая книга писалась автором еще в 1934—1935 гг. и была закончена в 1937 г. Полученные с тех пор новые данные о тюрках, главным образом археологические, включались в текст «по мере возможности».

Книгу составляют две части, из которых первая посвящена историографии и обзору источников. Первая глава—«Место древнетюркского общества в историческом процессе Центральной Азии» представляет как бы введение ко всей книге. В ней заключены четыре основных положения:

1. «Гуннский племенной союз» был эпохой господства военно-демократического строя.

2. «Господство племен сяньби и тоба—переходный этап к формированию рабовладельческих отношений в среде кочевников».

3. «Общество жужан представляет собой примитивную форму рабовладельческих отношений у кочевников Азии».

4. «В недрах тюркского каганата, завершающего собой рабовладельческие отношения у кочевников Центральной Азии в системе феодализирующихся обществ Китая послеэвэйского периода и Средней Азии периода арабского завоевания, получают свое первоначальное развитие новые, феодального типа отношения».

Таким образом, на четырех страницах первой главы трактуются исключительно важные вопросы. Можно признать закономерным, что характеристику тюркского каганата автор формулирует в виде тезиса—доказать ее призвана вся книга. Но три других тезиса также оставлены без доказательств. Повидимому, А. Н. Бернштам считает, что в советской историографии все ясно по отношению к гуннам. Между тем, хотя гуннами относительно больше занимались, но и в этом вопросе еще далеко до возможности тезисных формулировок. В еще большей степени это касается сяньби, тоба и жуань-жуаней. Если о последних еще есть у нас отдельные этюды (например, две интереснейших странички приложений к «Тирании Абуры» С. П. Толстова), то о сяньбидцах и тоба нет даже такого краткого исследования. Если же заглянуть в зарубежную новейшую историографию, то и там мы не найдем твердо установленных взглядов. Короче говоря, первая глава в книге Бернштама, несмотря на интерес выставленных в ней тезисов, кажется нам излишней. Она бездоказательна в отношении характеристики ближайших предшественников тюрок. А ведь выдвинутые в ней тезисы определяют направление всего дальнейшего исследования...

Главы II и III, посвященные истории вопроса и источникам, можно считать самыми удачными в книге. Интересно изложена история открытия, сборов и дешифровки рунических текстов, критически рассмотрены буржуазные концепции о древнетюркском обществе. Источники, особенно рунические тексты, расценены весьма внимательно. При этом автор сделал ряд очень важных наблюдений.

Исключительное значение имеет анализ надписи на стеле в урочище Суджи, открытой в 1909 г. Рамstedтом. А. Н. Бернштаму удалось доказать, что ханом енисейских кыргызов, победившим уйгуров и подчинившим Центральную Азию кыргызскому господству в 40-х гг. IX в., был хан Яглакар, упоминаемый в Суджинской надписи. Это весьма плодотворное открытие позволило А. Н. Бернштаму выступить с рядом интересных этюдов по истории киргизского народа и его эпоса «Манас»¹.

¹ А. Н. Бернштам, Историческое прошлое киргизского народа, Фрунзе, 1942 и он же, Эпоха возникновения великого киргизского героического эпоса «Манас» («Киргизстан», литературно-художественный альманах, Киргизгосиздат, 1946).

Весьма существенно также обоснованное отождествление упоминаемого в надписи в честь Кюль-Тегина похода тюрок на Согдиану с аналогичным походом, упоминаемым в надписи Кули-Чура, и отнесение этого похода не к 701, но к 712 г. При анализе «мелких надписей» Монголии, Тувинской и Хакасской областей также привлекает внимание ряд удачных наблюдений. Укажу, например, на сопоставление упоминаемого в надписи Чакуль (Тува) Барс-тегина с предводителем кыргызов Барс-бегом, известным из орхонских текстов. Заслуживает внимания упоминаемый анализ одной тувинской надписи на Кули-Кеме (а не на Бегре, как пишет автор), где, вопреки В. В. Радлову, А. Н. Бернштам «tarlygum» переводит не «мой Тарлыг», а «пашня моя». Не нужно пояснять всей важности нового толкования текста. Однако совершенно необходимо опубликовать все основания, приведшие автора к новому переводу. К сожалению, этого пока для столь ответственного места не сделано (стр. 68).

Однако далеко не всегда сопровождают А. Н. Бернштама удачи при толковании и переводе текстов. Так, нельзя не привести, как пример ничем не оговоренной неопределенности, перевод в одном и том же отрывке слова «эль» то как «племенной союз», то как «народ» (стр. 138). Весьма важен для построений А. Н. Бернштама текст из надписи Бегре (Тува) «jatda tünürimä adyryldum». Автор переводит это место—«от стоянки тестя моего я отделился», и видит в нем указание на «парцелляризацию» у тюрок VIII в. Он заявляет: «Здесь мы наблюдаем прямое (?—С. К.) указание на отдельную (?—С. К.) стоянку свойственника, тестя, т. е. отца жены, на территории которой, возможно, жил умерший» (154). Автор сам чувствует необоснованность своего вывода, но слово «возможно» едва ли может исправить дело. Между тем необходимо было рассмотреть, по крайней мере, два других возможных варианта перевода. Во-первых, перевод В. В. Радлова «Von meinem Schamanentrommel in Yat bin ich getrennt» (АТИМ, стр. 316). А. Н. Бернштам отводит этот перевод заявлением: «слово tünür мы читаем tünür так как в тексте стоит Ч üñür по МК (Махмуду Кашгарскому.—С. К.), стр. 224: «Schwieger Vater, Schwiegermutter und Schwäger der Frau» (стр. 153). Создается впечатление, что Радлов не заметил Ч транскрибировал его как п и слово tünür перевел «шаманский бубен». Однако это не так: в словаре на стр. 371 своего труда (АТИМ) В. В. Радлов как «шаманский бубен» переводит слово tünür. Следовательно, для своего перевода А. Н. Бернштам должен был привести иные доказательства. В. В. Радлов не ошибся в транскрипции Ч.

Но возможен и другой вариант перевода. Если А. Н. Бернштам докажет законность своего перевода tünür по Махмуду Кашгарскому, все же возможно толкование, близкое к переводу В. В. Радлова: «от тестя моего в Yat я отделился». В этом случае будет просто указание на место кочевки (может быть, на место смерти). Как же можно делать ответственный вывод о «парцелляризации», не оценив свой перевод с необходимой объективностью!

Не менее поспешны выводы, сделанные А. Н. Бернштамом из своего перевода второй надписи Барлыг (Тува): «Я Куни-Тириг трех лет без отца остался, Кулуг Тутук, мой старший брат, человека (из меня) сделал». В. В. Радлов переводил конец этого отрывка: «mein älterer Bruder Külug-Tutuk zog mich auf» (АТИМ, 309). Если подходить к обоим переводам без предвзятой идеи, смысл обоих аналогичен—дело идет о воспитании младшего брата старшим. Однако А. Н. Бернштам по этому поводу пишет: «Здесь бесспорно (?—С. К.), по моему, явствует, что сирота Куни-Тириг попал в положение клиента. Выражению kiši qyldu мы не думаем придавать значение в современном «гуманном» смысле этого слова—«сделал человека», т. е. воспитал. По моему, здесь можно предполагать, что старший брат сделал из него просто kiši (полураба), человека для услуг, ибо слово kiši подразумевает, во всяком случае, в древнетюркских текстах, сравнительно низкое общественное положение» (стр. 156). При анализе текста никогда нельзя игнорировать цель его написания. Надпись Барлыг II—типичная поминальная стела умершего аристократа. Сомнительно, чтобы Куни-Тириг хвастался

тем, что был рабом своего брата. Это тем более невероятно, что самое имя Куни-Тириг, как правильно подметил А. Н. Бернштам, может быть, свидетельствует о несколько более низком его происхождении (Куни-Тириг—«рожденный рабыней»). Невероятно, чтобы родные сына наложницы, которому все же удалось утвердиться среди знатных своих родственников, из всей биографии покойного на поминальной стеле запечатлели период самого приниженного его состояния.

Вольное отношение к письменному источнику А. Н. Бернштам допускает и при пользовании китайскими хрониками. Приведя известное сообщение хрониста о стремлении Мочжо-Кагана получить из Китая сельскохозяйственные орудия, автор считает, что они были отданы крестьянству и «послужили причиной еще большего развития зависимости от бегства» (стр. 181—182). А. Н. Бернштама не смущает отсутствие каких-либо намеков хроники на передачу сельскохозяйственных орудий крестьянам; самое наличие крестьян-земледельцев у орхонских тюрок необходимо еще доказать (сравнивая тюрок с кыргызами, автор склонен отрицать его. Он даже забывает при этом только что сделанное им менее категорическое предположение, что «эта попытка эмансипации от Китая сопровождалась, вероятно, стремлением посадить на землю *либо рабсв, либо свсю общину*» (курсив мой.—С. К.) (стр. 181). Вообще для книги А. Н. Бернштама характерен прием доказательств через построение гипотезы и превращения ее затем в факт.

Нельзя не рекомендовать А. Н. Бернштаму внимательнее относиться к работе своих предшественников по комментированию рунических текстов. Касаясь походов тюрок на кыргызов, наш автор допускает такое заключение: «По нашим предположениям тексты отражают наиболее значительное событие 711 г., в то время как В. Радлов предполагал, что по текстам события можно отнести на 721 г.» (стр. 167). Здесь приводится ссылка на АТМ, стр. 426. Однако совершенно напрасно А. Н. Бернштам не упоминает о том, что еще в 1899 г. П. Н. Мелиоранский на стр. 123 (примечание 56) и на стр. 140 в хронологической таблице, помещенной в его исследовании памятника в честь Кюль-Тегина, прямо указывал, что «Поход кыргызов падает на 711 год».

Специальный раздел посвящает А. Н. Бернштам рассмотрению археологических материалов «от гуннов до тюрок». В нем также очень много спорного в подходе к вещественным источникам. Автор прежде всего заявляет, что его не могут удовлетворить могильные материалы, так как они дают искаженное представление о действительности. Но это не мешает ему без всякого анализа строить самые широкие выводы именно на находках в погребениях.

Не удовлетворяют А. Н. Бернштама «и те конструкции, которые отдельные культуры превратили в хронологические. друг за другом следующие стадии» (стр. 66). Недовольственность возникла у нашего автора потому, что конструкции типа классификации С. А. Теплоухова не учитывают пережитков. Замечание само по себе, может быть, и правильное, но совершенно недостаточное для того, чтобы сбросить со счетов хронологические классификации. И это тем более нельзя считать оправданным, что А. Н. Бернштам лишь заменяет «конструкции стадий-культур» совершенно неконкретными, чрезвычайно широкими «стадиями», объединяя в их пределах факты, разделенные почти тысячелетием и относящиеся к различным странам и племенным группам. Наименования этих «стадий» крайне неопределенны, например, «стадия таштык». Наименование взято у С. А. Теплоухова, в «конструкции» которого «таштыкский этап» имеет совершенно определенный культурно-исторический, хронологический и географический объемы (переход от курганной культуры, на рубеже нашего летосчисления, в Минусинской котловине). У А. Н. Бернштама же «стадия таштык»—это гунны Монголии, таштык Минусинска и Алтай около начала нашей эры. При этом ставится даже знак равенства между термином «таштык» и гуннами (ср. «Высшая ступень варварства таштык (повидимому, гунны) связана с грабительскими войнами и крупными передвижениями», стр. 67). А несколькими страницами дальше А. Н. Бернштам еще более расширяет объем этой стадии: «Эта общая стадия связывает культуры, начиная с таштык и кончая могильниками тюрок Тавской эпохи» (стр. 78). Подобная расширительная трактовка ступеней исторического процесса, не сопровождаемая конкретным анали-

зом материала, приводит автора к убеждению, что вполне возможно «наряду с явно тюркскими могилами рассматривать и дотюркский материал» (стр. 66). В результате возникают социологические конструкции, весьма далекие от конкретной истории. С необыкновенной легкостью на стр. 70 объединяются в общую характеристику памятники Монголии (Наинте Суме и Ихэ-Алык), Алтая (Кудырге) и Минусинской котловины (Чаатас). При этом автора совершенно не интересуют их хронологические, географические и этно-генетические различия. Зато создается новое обобщение—«общество тюрков», в котором стусшевываются конкретные проявления исторического процесса на огромных пространствах Центральной Азии и Южной Сибири на протяжении более чем 500 лет. Собственно только этой сомнительной цели и служит у А. Н. Бернштама археологический материал. В тех же случаях, когда А. Н. Бернштаму приходится поконкретнее подойти к археологическому источнику, обнаруживается несостоятельность его методики. Описывая каменные бабы под углом зрения своего «общества тюрков», А. Н. Бернштам делает вывод: «Этот тип каменных баб более характерен для центра тюркского государства, чем для его окраин, каковой была, например, территория ныне Минусинского края» (стр. 74). Между тем здесь дело вовсе не в окраине, а в том, что в Минусинской котловине жили кыргызы, для которых характерно отсутствие обычая ставить каменные бабы. Единичные же бабы, найденные на среднем Енисее, поставлены в память иностранцев. Ярким примером этого является изваяние старика, стоявшее у с. Знаменки. На спине статуи имеется руническая надпись, свидетельствующая о том, что здесь изображен тюркеш (АТІМ, стр. 344).

Приведенные примеры приемов работы А. Н. Бернштама с письменными и археологическими источниками заставляют с осторожностью отнестись к его историческим построениям во второй части книги.

В начале рецензии уже отмечалось, что первая глава, несмотря на декларативность ее тезисов, заставляет А. Н. Бернштама показать, что «в недрах тюркского каганата, завершающего собой рабовладельческие отношения у кочевников Центральной Азии, получают свое первоначальное развитие новые, феодального типа отношения». Кроме того, уже при рассмотрении археологического материала наш автор сформулировал еще одно утверждение: «что предшествующие тюркам гунны находились на стадии, аналогичной тюркам VI—конца VII в. и монголам X—XII вв., т. е. стадии военно-племенной демократии» (стр. 66). Этот новый тезис не согласуется с характеристикой каганата как завершающего собой рабовладельческие отношения. Из него вытекает вывод, что до Гудулу-хана у тюрков—родовой строй; после него—«первоначальное развитие новых, феодального типа отношений». Чтобы доказать этот вывод, А. Н. Бернштам предпринял исследование древнетюркских текстов и «обнаружил значительные следы патриархальной и даже матриархальной терминологии. Однако весь этот анализ никак не может доказать основного,— что все отмечаемые А. Н. Бернштамом родовые институты у тюрков господствовали вплоть до конца VII в. Он не считает с тем, что формы родового строя могли быть господствующим явлением вовсе не в VI—VII вв., а гораздо раньше; в эпоху же первых тюркских каганов они вполне могли быть уже пережитками. Впрочем А. Н. Бернштам и не удерживается на занятой позиции. Стремясь доказать, что государство у тюрков сложилось только в эпоху Гудулу-Ильтереса, он тут же разрушает это построение нижеследующим переводом отрывка из надписи в честь Кюль-Тегина: «Он (Ильтерес-Каган.—А. Б.) привел в порядок народ, утративший свой эль (т. е. свое независимое-государственное устройство) и своего кагана» (стр. 137). Из этого перевода и его комментирования явствует, что А. Н. Бернштам признает наличие «государственного устройства» у тюрков и до Гудулу-кагана.

Что касается самого анализа пережиточных норм родового строя, то в целом он очень интересен. Можно, однако, отметить, что, исследуя систему родства тюрков, А. Н. Бернштам умалчивает о так называемых урало-алтайских системах родства, хотя подмеченные им факты, являются весьма характерными их особенностями.

Обратимся теперь к вопросу, что собой представляло тюркское общество и государство в эпоху Гудулу, Мочжо и Билгэ каганов. А. Н. Бернштам уже предупредил читателя, что это—общество, в котором «получают свое первоначальное развитие новые, феодального типа отношения». Глава VI «Классы и классовая борьба» призвана доказать этот тезис.

Осуществлено это довольно просто.

Из известного текста о волнениях (о ссорах младших братьев со старшими), приведших к ослаблению тюркского государства, делается вывод, «что характер этой борьбы скорее напоминает ранние феодальные восстания, свойственные генезису феодализма, чем восстания рабов»...; «по упоминанию об основных субъектах классовой борьбы мы и выводим заключение, что классовая борьба имела здесь скорее феодальный характер» (стр. 131).

На первый взгляд такой вывод кажется теоретически вполне приемлемым. Но возникает вопрос: только ли для раннефеодального общества характерна борьба аристократии и свободных масс? Ранняя история Греции и Рима характеризуется ожесточенной классовой борьбой именно в среде свободных, но много ли данных о восстаниях рабов на заре сложения рабовладельческого полиса? Если же учесть сведения о значительном количестве рабов у орхонских тюрков и полную нашу неосведомленность относительно их роли в классовой борьбе конца VII в., категоричность заключения А. Н. Бернштама станет беспочвенной.

Еще менее убедительны другие аргументы Бернштама в пользу феодализма у орхонских тюрков. Рассматривая институт клиентелы—явление, характерное прежде всего для рабовладельческого общества (ведь и изучена-то была клиентела на примере республиканского Рима!), автор неожиданно ставит клиентелу в тесную связь с «генезисом феодальных отношений» (стр. 117). Правда, спустя несколько страниц А. Н. Бернштам разъясняет, что, по его мнению, у тюрков «была развита клиентела, перерастающая в коммendaцию», но в чем выразилось это «перерастание», так и остается секретом. Нужно также отметить одну ошибку автора в вопросе клиентелы. На стр. 156 он усвоение и адаптацию приравнивает к клиентеле. Между тем и исторический и этнографический материал заставляет различать оба эти института.

В поисках доказательств феодального характера «общества тюрков» А. Н. Бернштам объявил на стр. 135 «показателями уже феодальных междоусобий» военные походы каганов против племен и их каганов, этнически принадлежавших к тюркам. Однако войны между государствами и племенами одного этнического происхождения велись постоянно и в античное время и поэтому сами по себе доказательством феодализма служить не могут. Не приемлемо также самое употребление здесь термина «междоусобие». «Междоусобие» в русской историографии обозначает борьбу князей внутри Рюрикова дома, но никто до сих пор не называл междоусобием войну Ярослав Мудрого с Болеславом Храбрым, хотя оба они и «принадлежали к славянам».

Наконец, совсем излишним является привлечение А. Н. Бернштамом юридических документов, найденных в Турфане, с целью доказать относительную слабость рабства и наличие кабальных сделок у... орхонских тюрков. Турфанские документы принадлежат поздней истории уйгуров, написаны на уйгурском языке и составлены в XII—XIV вв. Каковы бы ни были выводы, сделанные на основании этих документов, они никакого отношения к общественному устройству орхонских тюрков VII—VIII вв. иметь не могут, как не могут иметь писцовые книги Руси XVI в. отношения к истории Польши X в.

В связи с неправильной постановкой проблемы о феодальных отношениях у орхонских тюрков стоит и своеобразная характеристика А. Н. Бернштамом отношений бегов и кагана. Каганская «часть» знати, говоря словами автора, «была сторонницей консервативного государственного строя» по сравнению с «бегами, для той эпохи занимавшими более прогрессивные (?—С. К.) позиции» (стр. 45).

Можно подумать, что каганы были представителями давно одряхлевшей системы варварского государства, а беги—носителями новых идей феодализма. Однако на деле было не так. Поскольку феодальные отношения были еще далекой перспективой,

конечно, ведущей силой было «каганство», сумевшее обеспечить единство тюркского государства, ослабить военными успехами внутренние противоречия, защитить бегов от возмущения их соплеменников, раздраженных обогащением знати и ее претензиями на их имущество (в виде дани, подарков и т. п.). И, безусловно, прав А. Н. Бернштам, когда, вопреки своим заявлениям о коренном различии «каганства» и бегства, все же приходит к выводу, что «Каган является выразителем интересов основной фигуры растущего класса—бегов» (стр. 114).

Чем же тогда объяснить зафиксированную источниками борьбу бегов против кагана? Ответ на этот вопрос наметил сам автор, но ему помешало превращение им бегов в феодалов, уже сделавших большие успехи в закреплении общин. А. Н. Бернштам правильно отметил, что беги «были тесней связаны с непосредственным производителем, с общиной» (стр. 135), но он ошибочно сделал их независимыми от общины. В ходе классовой борьбы в тюркском каганате создавались такие положения, когда беги вынуждены были считаться с массой свободных и примыкать к их борьбе против политики кагана, если она слишком задевала интересы этих масс.

А. Н. Бернштам явно недооценил роль рабства у орхонских тюрков. Он не пожелал совершенно считаться с глубоким анализом этого вопроса, данным прежде всего в работах С. П. Толстова, отмахнувшись от них незначительным замечанием на стр. 145. Между тем в тех случаях, когда нашему автору пришлось высказать свою точку зрения на проблемы, связанные с рабством, например, по тому же вопросу клиенты, он дал гораздо менее убедительное построение. Что же касается его стремления во что бы то ни стало преуменьшить значение рабства у тюрков, изображать под наименованием *qal* «всяких подчиненных» (стр. 126), то для этого А. Н. Бернштаму пришлось прибегнуть, с одной стороны, к мало убедительному анализу термина *qal*, а с другой—к явно неприемлемому привлечению уйгурских документов, написанных спустя 500 лет, в 2500 километрах от Орхона.

С. П. Толстов прав, указывая на значительность роли рабства у орхонских тюрков. О феодальных формах эксплуатации данных нет. Самое большее, что можно констатировать на основании текстов,—это даннические отношения¹. Выступления же бегов против старой свободы первобытнообщинного строя встречали сильный отпор со стороны рядовых кочевников. В силу таких причин развитие собственного хозяйства знати, обслуживание бесчисленных стад и табунов «шестиногих коней» могло быть обеспечено только за счет несвободного труда. Каков был источник рабства, лучше всего говорит надпись в честь Кюль-Тегина: «Каган (тюркшей.—С. К.) был убит, а народ его стал невольниками и рабами»². О количестве рабов у тюрков можно составить себе представление хотя бы по двум сообщениям китайской хроники. В 623 г. Хелихан только в одном из походов «в плен взял 5000 мужчин»³. А в 630 г. у того же Хелихана «по повелению императора, выкуплено было на золото и шелковые ткани до 80000 душ обоего пола»⁴. При этом нужно учесть, что в хронике идет речь только о судьбе китайцев, а тюрки брали полон и на севере, и на востоке, и на далеком сибирском западе.

¹ Ср. в надписи в честь Билгэ-кагана: «Против него я двинулся, так как он не послал каравана... прогнал его назад, многочисленные... я доставил домой» или «Их караван не приходил, чтобы наказать их, я выступил» (В. Радлов и П. Мелников, Древнетюркские памятники в Кошо-Цайдаме, Спб., 1897, стр. 25 и 32); в надписи Тонъюкука: «Я, мудрый Тонъюкук, наступая в этой стране, привозил... дань без числа». (АТМ, Neue Folge, стр. 49); на донце серебряного сосуда из погребения VII—VIII в. у с. Туяхта (Алтай): «Тюрк-Ша серебро подать» («Труды Гос. ист.-этногр. музея», вып. XVI, стр. 113).

² В. Радлов и П. Мелников, Древнетюркские памятники в Кошо-Цайдаме, стр. 24.

³ Иакинф, Собрание сведений и т. д., ч. I, стр. 307.

⁴ Там же, стр. 269.

Усиление тюркской знати произошло не столько за счет эксплуатации соплеменников, сколько за счет войн и применения рабского труда. Однако возросшее имущественное различие и сосредоточение в руках знатных реальной силы, позволявшей все в большей мере не считаться с рядовым населением, установление в связи с этим даннических отношений привели к углублению общественных противоречий. Дошло до того, что «турецкий народ эльствовавший эль (т. е. знать.—С. К.) уничтожил, ханствовавших ханов истребил»¹.

Эти данные дают возможность подойти и к решению вопроса о природе древнейшего тюркского государства. Оно было орудием защиты интересов знати не только от рабов, но и от свободных соплеменников. И это ясно видно из анализа эля орхонских тюрков. А. Н. Бернштам прав, приходя к выводу, что «äl олицирует аристократию племен. Äl—выражение государственной организации, это господствующий класс» (стр. 145). Эль—организация хана и бегов, противостоящая рабам и простым свободным, выступающая, однако, в старых формах родоплеменной традиции.

Ранняя форма этой организации существенно отличается от государства на его развитой стадии. Государство здесь не только орган аристократии, но и форма ее организации. Такое понимание эля подтверждается орхонскими и енисейскими текстами².

А. Н. Бернштам близко подошел к правильному решению вопроса о государстве орхонских тюрков. Однако до конца он видит в беге феодала, «эксплуатирующего в первую очередь общину, во вторую—раба» (стр. 146). Это не позволяет ему дать определение тюркского государства как государства дофеодального, хотя анализ эля представил нашему автору все возможности это сделать³.

Необъясненной осталась и политика этого государства, непрерывные войны в погоне за добычей и рабами. Между тем это была не раннефеодальная политика, и не «внутрифеодальная распря» лежала в основе войн тюрков. В основе лежала необходимость компромисса с еще незакабаленными массами свободных. Это осуществлялось путем организации военных походов, успех которых временно глушил внутреннюю борьбу, доставляя участникам походов, знати и рядовым воинам, богатую добычу.

В главе VII, посвященной енисейским кыргызам VII—IX вв., многие вопросы, там затронутые, решены так же, как и в главе VI, и нет нужды повторять их разбор, уже сделанный в отношении орхонских тюрков. Остановимся поэтому на другой группе вопросов.

На стр. 148 А. Н. Бернштам утверждает, что «явления социального строя... у кыргызов более архаичны», чем у тюрков. Однако уже на стр. 150 он говорит применительно к кыргызам об эпохе «сравнительно развитых классовых отношений». Дальше же мы узнаем, что у кыргызов было «подвластное» бегам, «возможно, податное население» (стр. 155), что «можно утверждать о частном хозяйстве бега, об известной парцелляризации, выразившейся в выделении в первую очередь частного надела бега» (стр. 154). Наконец, на стр. 158 оказывается, что кыргызы имели «развитую оседлость и интенсивный характер скотоводства».

Приведенные цитаты показывают, что А. Н. Бернштам нашел у кыргызов черты общественного строя, совпадающие с описанными им у орхонских тюрков, а в хозяй-

¹ В. Радлов и П. Мелиоранский, Цит. соч., стр. 18.

² П. М. Мелиоранский, Памятник в честь Кюль-Тегина (ЗВОРАО, т. XII, Спб., 1900, стр. 67); В. Радлов и П. Мелиоранский, Цит. соч., стр. 27; С. В. Книселев, Общество и государство енисейских кыргызов в VI—X веках («Известия АН СССР, Серия истории и философии», т. III, № 1, стр. 69). Близкую точку зрения высказал и С. П. Толстов, считая для äl «наиболее адекватный перевод термином «государство» в античном понимании этого слова—в политическом, а отнюдь не территориальном значении» (см. Тирания Абрау, стр. 54).

³ Вместо этого древнетюркское государство А. Н. Бернштам называет «феодальным образованием, начало которого относится нам к концу VII в.» (стр. 80).

ственной сфере кыргызы даже превосходили своих южных соседей. К сожалению с этим никак нельзя увязать тезис стр. 148 о большом архаизме «явлений социального строя» кыргызов. К тому же с точки зрения А. Н. Бернштама никак уже не может являться показателем архаизма вторая отмечаемая им отличительная черта кыргызов — большее значение у кыргызов бегов. На стр. 157 так и написано, что у кыргызов «центральная власть была в значительной степени еще фиктивной, и основной силой была сила бега». Однако с этим нельзя согласиться.

Достаточно вспомнить надпись на скале Кая-Баши (Тува), где знатный Чигиш-бег с гордостью заявляет, что он — державный бег, «согласно письма Кыргызского хана» (АТМ, стр. 326—327).

Впрочем А. Н. Бернштам настаивает на этом втором отличии кыргызов от тюрок, указывая на стр. 158, что «в кыргызском обществе имел место «верховный сюзерен».

Третий вопрос, который необходимо обсудить, вызван утверждением А. Н. Бернштама, что кыргызы были частью государства тюрок. На стр. 80, перечислив Монголию и Забайкалье, Алтай, Южную Сибирь и Семиречье, А. Н. так прямо и пишет: «Для нас пока несомненны эти четыре основных района древнетюркского государства».

Такое утверждение совершенно не соответствует действительности. Нигде нет положительных сведений о принадлежности кыргызов к тюркскому государству. Исключение составляет только поход 711 г., когда тюрки убили хана кыргызов и «покорили его народ». Однако уже в 715 г. кыргызы были самостоятельны, и тюркам вновь пришлось сражаться с войсками их племени Аз. А в 731 г. на похороны Кюль-Тегина пришел посол уже от кыргызского кагана. Впрочем А. Н. Бернштам и сам не настаивает на первоначально показавшейся ему несомненной принадлежности кыргызов к тюркскому государству, оговариваясь, что во всех текстах нет прямых указаний на долгое подчинение кыргызов тюркам и что «временное поражение кыргызов не уничтожило их самостоятельного существования» (стр. 167).

Можно было бы и не останавливаться на этом утверждении А. Н. Бернштамом вхождения кыргызов в государство тюрок, поскольку ему самому оно показалось недоказуемым, однако оно не случайно, но связано с другим положением книги.

А. Н. Бернштам правильно связывает сложение народа с возникновением государства. Однако искусственно обобщая процесс возникновения государства у тюрок и у кыргызов, наш автор находит возможным говорить «о древнейшем тюркском народе на берегах Орхона и Енисея в VI—VIII вв.» (стр. 86).

Это неправильно. Если бы А. Н. Бернштам попытался выйти из крайне ограниченного круга материалов, привлеченных им в разделе «Происхождение орхон-енисейских тюрок» (стр. 82—86), и решал бы этот важнейший вопрос на основе не только лапидарных, но также письменных, археологических и палеоантропологических источников, ему бы стало очевидным значительное различие в путях возникновения тюрок и кыргызов. Задачей историка является прежде всего конкретное отображение прошлого. Изучение же источников уводит далеко от конструкции единого тюркского народа, якобы населявшего огромные пространства Южной Сибири и Центральной Азии.

Я остановился так подробно на основных положениях книги А. Н. Бернштама, потому что она трактует о важнейших проблемах истории тюркоязычных народов Азии. Естественное желание, чтобы автор еще раз взвесил свои «конструкции». Необходимо также поработать и над языком, чтобы не резали ухо «экзотические» словопотребления: «сползание знати гуннов в сторону китайского двора» (стр. 8); «Комментарии переводчика Г. Дестуниса Прокопия на русский язык» (стр. 61); «Стелы... не являются обычным для каждого члена рода предприятием. Не являются обычным предприятием и мелкие стелы — енисейские памятники» (стр. 109).

Необходимо также избегать разнобоя в датах, а то на стр. 40 Гудулу-хан умирает в 693 г., а на стр. 45 то же событие происходит, «как известно, между 690 и 693 гг.».

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИИМК, вып. XII—XIII

С выходом в 1946 г. очередных XII и XIII выпусков КСИИМК возобновляется издание этой начатой незадолго перед войной ценной серии публикаций ИИМК¹. КС XII и XIII в значительной мере содержат информации об археологических исследованиях и докладах военного времени и посвящены светлой памяти тех членов дружной семьи советских археологов, которые погибли на фронтах Великой Отечественной войны и в осажденном Ленинграде. Ряд статей в этих выпусках КС принадлежит перу ушедших и отмечен траурной каймой.

КС XII и XIII отличаются от предшествующих 11 выпусков как своим значительным объемом, так и богатством и разносторонностью публикаций. В XII выпуске 184 страницы и 68 рисунков, в XIII—206 страниц и 36 рисунков. Из краткого информационного бюллетеня, каким были первые выпуски, теперь КС фактически превратились в крупный печатный орган советской археологии, с большой полнотой отражающий различные специальности этой быстро растущей исторической науки. КС XII содержит почти исключительно статьи и публикации, в КС XIII, наряду со статьями, помещен ряд информационных отчетов о полевых исследованиях и серия тезисов диссертаций, защищенных в дни Великой Отечественной войны. Последний отдел особенно актуален и важен—опубликованные тезисы по темам от палеолита до Руси XVI в. свидетельствуют о крупных монографических исследованиях, созданных советскими учеными в годы войны, когда временно прервалась их полевая, раскопчная работа. Предельная сжатость изложения опубликованных материалов и насыщенность статей конкретными новыми данными и кратко сформулированными выводами чрезвычайно затрудняет задачу настоящей статьи—дать краткий обзор и без того кратких сообщений.

Ряд статей освещает работу в области исследования палеолита; карта его памятников вновь обогащается новыми пунктами. Неутомимым исследователем древнейшего прошлого крайнего севера Сибири А. П. Окладниковым впервые обнаружены следы палеолитического стойбища в бассейне Лены (Пономаревская стоянка), датированного временем Афонтово III (XII, 7—9); дополнительные данные о ленском палеолите и, в частности, наскальном изображении дикой лошади автор сообщает в своем сводном отчете (XIII, 99—100). Обследование Г. П. Сосновским палеолитических стоянок по Енисею около Красноярска подтвердило данные о наличии их не только по берегам самого Енисея, но и о проникновении их в глубь его долины—из равнины в предгорья (XIII, 95—98). Заметка М. В. Талицкого знакомит с находкой орудий позднемустьерского времени в урочище Пещерный лог на р. Чусовой, по соседству с открытым в 1938 г. Островской стоянкой (XII, 9—14). Работами Деснинской экспедиции (1940 г., рук. М. В. Воеводский) обнаружен ряд новых палеолитических местонахождений и проведена работа по установлению геологического возраста стадий развития палеолита. Можно утверждать, что мустьерская эпоха совпадает с первой половиной рисской стадии оледенения; стоянки конца ориньянской и солютрейской эпох, представляющие обширные поселения—до 40 000 кв. м, с большими постоянными жилищами, залегают в различных горизонтах надморенных лёссовидных суглинков; поселения мадленской поры связаны с верхними горизонтами лёсса и датируются вюрмской стадией оледенения. Экспедицией обнаружены также новые интересные остатки небольших стоянок переходной поры—мезолита и раннего неолита (XII, 89—94). Тезисы диссертации С. Н. Бибикова, посвященной поселениям азийско-тарденуазской эпохи в Крыму—Шан-Коба и Мурзак-Коба, знакомят с итогами монографического изучения этих памятников, освещающего хозяйство этой переходной поры и ее прогрессивный сложный характер (XIII, 126—130).

Статья Т. С. Пассек и Е. Ю. Кричевского «Трипольское поселение Коломийщина» XII, 14—22) посвящена реконструкции первоначального облика поселка и его жилищ

¹ Вышедший в 1945 г. КС XI, посвященный итогам археологического исследования древнерусских городов, был подготовлен еще до войны. См. обзор этого выпуска в «Вопросах истории», 1945 г., № 2.

на основе пятилетних раскопок, вскрывших огромную площадь в 13 000 кв. м. Безупречная точность раскопочной методики и детальность наблюдений обеспечили редкую убедительность предлагаемой реконструкции, окончательно решающей давний вопрос о знаменитых «загадочных глиняных площадках». 39 жилищ поселка располагались двумя концентрическими кругами, образуя центральную площадь для загона скота и празднеств. «Площадки» оказались остатками больших многоочажных прямоугольных в плане домов, площадью до 150 кв. м; их конструкция и техника прослежены с большой тщательностью. Особое внимание уделяли строители сооружению полов, включавших расколотые дубовые плахи, перекрывавшиеся глиной и затем обжигавшиеся. Другим типом настила был плитчатый пол из предварительно обожженных глиняных плиток. Открытие стоек, поддерживавших кровлю, определило ее двухскатную форму; материал перекрытия—солома. Внутреннее членение жилищ обнаруживает два различных принципа, определяемых авторами как «коллективистский» и «парносемейный».

Изучение эпохи бронзы отражено тезисами двух кандидатских диссертаций. А. П. Круглов сделал попытку исторической систематизации памятников II—I тысячелетия до н. э. северо-восточного Кавказа и сформулировал предварительные выводы по истории этого района (XIII, 130—134). Подобную же задачу поставил Г. В. Подгаецкий относительно памятников Среднего Дона предскифской поры (XIII, 135—137). Заметка П. А. Дмитриева (XII, 22—26) сообщает об исследованном им в 1940 г. селище ананьинской эпохи на мысу Толстик на западном берегу Исетского озера. Вышедшая перед войной книга Д. Н. Эдинга «Резная скульптура Урала» («Труды ГИМ», вып. X, М., 1940) нашла интересный и богатый новыми мыслями отклик в двух рецензиях В. В. Гольмстен (XII, 168—173) и С. В. Киселева и В. Н. Чернецова (XII, 173—176). Первая рецензия останавливается на вопросе о правах формально-искусствоведческого и историко-археологического методов в рассмотрении проблемы «первобытного искусства» и в вопросе об автохтонности «звериного стиля» в сходных исторических условиях различных мест Восточной Европы и Азии. Вторая рецензия, также протестуя против деления произведений горбуновской резьбы на «художественные» и «ремесленные», посвящает основное внимание связи реалистической, уходящей в неолит стадии звериного стиля с более поздним степным, скифского типа.

Большой принципиальный интерес представляет (опубликованная в форме тезисов) статья Е. Ю. Кричевского «О роли межплеменных сношений в древнейшей истории» (XIII, 3—9), посвященная теоретическому освещению проблемы автохтонности и миграций. Автор своевременно и правильно указывает опасность наметившегося одностороннего понимания автохтонности культурного развития—«гипертрофированного автохтонизма» и недооценки роли племенных связей, передвижений и скрещений. Автор напоминает о необходимости правильного понимания учения Н. Я. Марра о стадильности, указывая, что «стадильность означает не всеобщую независимость, а всеобщую связанность и взаимную обусловленность». «Гипертрофированный автохтонизм», как показывает автор, является одной из предпосылок расизма, а с другой стороны, сближается с буржуазным эволюционизмом. Далее автор анализирует научное содержание археологического понятия «культуры», устанавливает принципиальные основы определения фактов влияний и заимствований и говорит об их различии.

Античные древности юга СССР, естественно, занимают видное место в КС XII и XIII. Заметка С. И. Капошиной (XII, 26—30) констатирует интересный факт окрашивания костяков ряда погребений Ольвийского некрополя, прержитично восходящий к погребальному обряду еще доскифской стадии и сближающий Ольвийский некрополь со скифскими и его погребальный ритуал с культом смежных племен. Эта же тема возникает из античных материалов раскопок 1940 г. в Херсонесе (статья Г. Д. Белова, XII, 57—63), некрополь которого, V—IV вв. до н. э., свидетельствует о существовании на месте Херсонеса местного догреческого поселения; об этом говорят наличие скорченных погребений, обилие лепной керамики и каменных орудий. Общий исторический очерк Херсонеса Таврического дает диссертация того же автора (тезисы, XIII, 142—143).

П. Н. Шульц опубликовал в КС XII свой блестящий по тонкости и остроте анализа этюд о скульптурных портретах скифских царей Скилура и Палака (XII, 44—57). Эта статья по своему значению стоит большой монографии—столь убедительно автор подводит читателя к своей математически точной атрибуции знаменитых рельефов из Керменчика-Неаполиса. В обоих рельефах автор видит не отвлеченные, но портретные изображения, подтверждая это сопоставлением с головой Скилура на монете и разбором особенностей костюма, который обнаруживает во всадниках скифов, вступивших на путь эллинизации, но не порвавших еще с бытовыми традициями своего народа; тот же образ эллинизированного варвара, не забывшего старых кочевых напевов, дает портрет Палака. Исключительно интересен художественный строй этой скульптуры, сочетающий наследие античной Греции и местного скифского искусства. «Очень долгий и сложный путь,—замечает автор,—ведет от памятника скифского Неаполя к всадникам народной украинской и русской игрушки и к всадникам на белокаменных рельефах Киевской и Владимиро-Суздальской Руси. И там и здесь мы наблюдаем органическое слияние народного реалистического чувства натуры с условностью декоративных форм». Портрет Палака, по мнению автора, исполнен скифским скульптором, ларный же портрет Скилура с сыном—причерноморским греком. Работа П. Н. Шульца—большое событие в археологической науке, приобретающей точно паспортизованные памятники, знакомящие с обликом скифских царей и имеющие, таким образом, не только историко-художественный, но и широкий исторический интерес.

В отличие от работы П. Н. Шульца исследование В. Д. Блаватского, посвященное атрибуции головы юноши из собрания антиков Ялтинского музея, носит целиком искусствоведческий характер (XII, 63—72). В итоге тонкого анализа автор приходит к заключению, что оригинал названного фрагмента по своему стилю восходит к последним десятилетиям V в., т. е. предшествует творчеству великого Скопаса, стиль которого, таким образом, не является абсолютным новшеством, но развивает наметившиеся до него тенденции.

Исследование боспорских древностей отражено информацией М. М. Худяка о раскопках 1939—1941 гг. в Нимфее (XIII, 119—125). Как позволяет думать материал раскопок, Нимфей был основан еще в середине VI в. до н. э., вероятно, выходцами с острова Самоса; в середине IV в., во время похода архонта Боспора Левкона на Феодосию, город был разрушен; в конце IV в. он подвергся вторичному разрушению и надолго запустел; в римское время (I—III вв. н. э.) город был связан с малоазийскими центрами. Тезисы диссертации Л. П. Харко о культе Афродиты на Боспоре (XIII, 137—141) освещают историю этого культа в ее связи с историей Боспорского царства.

Особый интерес представляют краткие отчеты о длительных археологических исследованиях территорий, являвшихся до недавнего времени сплошными белыми пятнами на археологической карте Союза.

Проведенное А. П. Окладниковым в 1940—1943 гг. предварительное обследование долины р. Лены на протяжении более 4 000 км от верховьев до Ледовитого океана, привело к открытию многочисленных памятников, от палеолита до позднего железного века, позволяющих теперь нарисовать историю местного населения на протяжении 10—15 тысячелетий вместо 3—4 веков, которыми ограничивалась до сих пор история северных племен¹. Вопреки расистским теориям об извечной застойности их культуры оказывается, что и здесь, как и в передовых областях земного шара, наблюдается смена тех же культурно-исторических этапов, отражающая многовековую борьбу северных племен с суровой природой. В числе выдающихся памятников прошлого Севера особо выделяются многочисленные писаницы и рунические надписи, документирующие развитие автохтонной письменности, неолитическое поселение около озера Уолба, многослойное поселение у о. Сиктиях и ряд памятников железного века. Проблемы, возникающие из изучения новых материалов, имеют не только местное, сибир-

¹ См. очерк А. П. Окладникова «Исторический путь народов Якутии», Якутск. 1943 и рецензию на эту книгу С. В. Киселева, КС, XII, 176—178.

ское, значение, но и затрагивают древнейшее прошлое народов американского континента. Открытые памятники свидетельствуют о древнейшей связи глубинной Сибири с внешним миром и в западном направлении вплоть до Прибалтики времен неолита. Значительно продвигается решение вопроса о культуре предков якутского народа, обнаруживающей более высокий уровень, чем тот, который застали казаки в XVII в. (XIII, 99—107).

Истории другого района Сибири—Приобья посвящена диссертация В. Н. Чернецова (тезисы, XIII, 153—156), устанавливающая основные вехи развития местного населения и культуры от позднего неолита до X в. н. э. Особое внимание посвящено автором памятникам полуострова Ямала и устья р. Полюя и проблеме формирования обско-югорских племен.

Статья А. Н. Бернштама «Некоторые итоги археологических работ в Семиречье» (проведены автором в 1936—1940 гг. на территории Киргизии и Казахстана) суммирует почти в тезисной форме основные исторические выводы изучения нового огромного фонда археологических памятников Семиречья от эпохи бронзы до XIX в. Установлены локальные особенности бронзовой культуры Семиречья, на почве которой вырастает скифская-сакская культура, в свою очередь сменяющаяся усуньской; памятники саков и усуней расчленяются на ряд местных вариантов и хронологических этапов от V в. до н. э. до II в. н. э. Вторжение гуннов положило начало сложению тюркской кочевой культуры. Иммиграция согдийцев (V в.) резко изменяет облик Семиречья; его культура VI—VIII вв. носит синкретический характер—культура тюркских кочевников входит в связь с культурой согдийских колоний. В это же время Семиречье испытывает влияние Центральной и Средней Азии, Дальнего и Ближнего Востока, синтезируя и перерабатывая их. Карлукский период (VIII—X вв.) связан с зарождением городов и усилением оседлости. Экспедиция изучила многочисленные памятники караханидского государства XI—XII вв., значительно уяснившие его социально-экономическую и культурную жизнь. Особо интересно открытие каракитайской культуры в столице каракитаев Баласагуне (на месте бывшей столицы караханидов). Значительно беднее представлена находками эпоха после монгольского завоевания: в их числе интересно тимуридское кладбище воинов на реке Кызыл-Су (XIII, 110—118).

Анализу археологических материалов, добытых раскопками 1936—1940 гг. на согдийском городище Тали-барзу в долине Зеравшана, посвящена диссертация Г. В. Григорьева (тезисы, XIII, 150—153), освещающая историю Согда от IV в. до н. э. до VIII в. н. э. Специальный этюд автора о художественном ремесле домусульманского Согда (XII, 94—103), публикуя замечательные произведения гончаров Кафир-Калы VI—VII вв., ставит вопрос о роли Согда в истории искусства и культуры Передней и Центральной Азии. Статья Р. Гиришмана о раскопках французской археологической экспедицией города Беграма в Афганистане, основанного греко-бактрийскими царями и существовавшего до IV в. н. э., дает интересные параллели к материалам Тали-Барзу (XIII, 10—16).

Историческое обобщение огромного археологического материала Хорезмской экспедиции 1937—1940 гг., руководимой С. П. Толстовым, представлено тезисами его докторской диссертации «Древний Хорезм», к которым приложена исключительно интересная и выразительная таблица хронологической классификации памятников древнего и раннесредневекового Хорезма, в которой сочетаются разнообразные вещественные памятники—от керамики, монет, бытовых предметов до произведений монументальной архитектуры (XIII, 143—150). Информация С. П. Толстова о работах хорезмской экспедиции 1940 г. (XII, 90—93) знакомит с ее выдающимися открытиями, заполнившими пробелы в хронологической шкале культур Хорезма с IV тысячелетия до н. э. до XIV в. н. э.

Статья Л. А. Евтюховой и В. П. Левашевой о раскопках китайского дома близ Абакана в Хакасии (XII, 72—84) дает обстоятельное описание одного из интереснейших открытий сибирской археологии за последние годы. Раскрытое еще частично здание с мощными глинобитными стенами и полами было, видимо, значительным по пло-

щад; оно имело центральную отопительную систему, дополнявшуюся переносными жаровнями. Установленная по найденным фрагментам черепицы и аналогиям конструкция кровли, китайская надпись на торце черепичного жолоба и другие признаки характеризуют дом как китайскую постройку. Развалины этого богатого жилища относятся к I в. до н. э.; автор высказывает предположение, что оно принадлежало внуку знаменитого китайского полководца Ли-Гуан-Ли—Ли Лину, который сдался хунну и получил во владение землю «хягас». Выводы авторов уже вызвали отклики специалистов (см. стр. А. Н. Бернштама в ИОИО, 1946, № 5. Характерный китайский тип жилища и отсутствие в его архитектуре местных черт делают эту гипотезу весьма правдоподобной.

Рассмотрение одного раннесаманидского фельса дало А. Ю. Якубовскому отправную точку для интересного этюда из ранней истории Саманидского дома (XII, 102—112); мастерское сочетание данных нумизматики и письменных источников позволило автору охарактеризовать роль династии Саманидов в управлении Средней Азией в период с 821 по 873 гг.

Значительное место в КС XII и XIII занимают вопросы этногенеза славян и смежных народов и темы истории культуры древней Руси и ее соседей. Сжато изложенный доклад П. Н. Третьякова «Восточнославянские племена в свете археологических исследований последних лет» (XIII, 39—44) знакомит с важнейшими вопросами изучения славянской этногонии. Советской наукой установлен ряд отправных положений: автохтонность славян в области Среднего Поднепровья; расширение территории славянского этногенеза на бассейн Верхнего Днепра; расчленение этногонического процесса на два этапа: 1) эпоху «полей погребений» и консолидации южных славянских племен и 2) время консолидации северных и южных племен во второй половине I тысячелетия и оформление этнической карты «Повести временных лет». Исследование памятников южной группы племен показало, что в это время в Среднем Поднепровье обитали две племенные группы: в Правобережье обитали древние местные племена—потомки племен эпохи «полей погребений», они выступили на Дунае и Балканах в конце V—начале VI в., в их среде выросли первые побеги восточнославянской государственности; в Левобережье жили родственные правобережным племена, но они оказались в стороне от всемирноисторических событий V—VI вв., вне магистральных путей эпохи «переселения народов», их общественный строй и экономика, запечатленные материалом «роменских городищ», были более примитивными. Далее автор сопоставляет этот вывод с вопросом об «антах» и «росах» и полагает, что «антами» следует называть племена Правобережья, левобережным же племенам принадлежало имя «рос», связанное в древнейших упоминаниях именно с Восточным, а не Западным Поднепровьем. Восточные племена Поднепровья, выступившие, как новая могучая сила в жизни Причерноморья VIII—IX вв., сыграли огромную роль в возникновении древнерусской государственности.

И. И. Ляпушкиным (XII, 117—127) опубликован новый памятник роменско-борщевского типа—городище у с. Опошня Полтавской области. Интерес памятника состоит в том, что это—пока наиболее южное поселение данного типа. В отличие от Монастырища и Гочевского Опошнянское городище более архаично и может быть датировано VII—началом IX в.

Статья Л. А. Динцеса «Изучение русского народного искусства и наследие Н. Я. Марра» (XII, 141—152), кроме методологических вопросов исследования народной старины, интересна констатацией на ряде примеров глубокой автохтонности ее образов, созвучной выводам исследователей славянского этногенеза.

Интересные материалы содержат КС XII и XIII по этногонии и истории народов Волго-Камья. Докторская диссертация А. П. Смирнова «Волжские болгары», переданная, к сожалению, слишком краткими тезисами (XIII, 158—159), заполняет большой пробел в нашей исторической литературе; это капитальный труд, излагающий историю болгарского царства с VI в. до его падения в XV в.; половина исследования посвящена гражданской истории болгар, половина—истории болгарской культуры: военного дела, торговли, архитектуры, городов. В специальном этюде (XIII, 26—32)

автор опубликовал реконструкцию открытой его раскопками болгарской бани XIV в., памятника исключительно интересного по своему историческому значению. История тесно связанного с болгарской державой района Верхней Камы освещена в кандидатской диссертации М. В. Талицкого «Верхнее Прикамье в X—XIV вв.». Тезисы (XIII, 156—158) излагают основные выводы исследования автором верхнекамских древностей и в особенности раскопанного им замечательного своей сохранностью и содержательностью Роданова городища. С большой детальностью автор изображает социальный строй, хозяйство и быт населения, связанного еще племенными узами и являющегося, по его мнению, предками коми-зырян—«Пермью-Великой»; для более раннего времени автор считает возможным отождествлять население Верхней Камы с «вису» арабов (XIII, 156—158). В статье В. В. Гольмстен «Буртасы» (XIII, 17—25) на основе сопоставления письменных и археологических источников решается давний вопрос о загадочных буртасах арабских авторов, отождествляемых теперь с одним из мордовских племен—мокшей.

Тезисы докторской диссертации Б. А. Рыбакова «Ремесло древней Руси» (XIII, 162—164) излагают содержание одного из интереснейших трудов в области русской археологии. На основе пересмотра и изучения колоссального фонда памятников русского ремесла автор впервые в русской науке дал широкую картину истории ремесла, детальную характеристику его отраслей, техники и организации труда, выделил сферы деятельности и особенности городского и деревенского ремесла, наконец, по-новому осветил социальное лицо ремесленников и их профессиональную организацию.

Колоритная страничка древнерусского быта вскрывается статьей Б. А. Рыбакова, реконструирующей надпись русского гончара на корчаге-амфоре XI в.: «благодатна полная эта корчага» (XII, 134—138). Частному вопросу русского ювелирного дела X—XII вв. посвящена работа Г. Ф. Корзухиной (XIII, 45—54), устанавливающая приемы стандартизации в технике тиснения и перегорчатой эмали.

Тезисы докторской диссертации Н. Н. Воронина «Владимиرو-Суздальское зодчество XI—XIII вв.» (XIII, 165—167) подводят итоги многолетнего изучения этой темы автором. Им показано развитие архитектуры на северо-востоке от начальной фазы—времени Мономаха—до монгольского ига, границы и характер деятельности пришедших зодчих, роль сложившейся русской школы в расцвете искусства XII—XIII вв., значение владимирского наследия для русского национального зодчества. Статья Н. Н. Воронина «Боголюбовский киворий» (XIII, 55—66) посвящена детальному описанию и реконструкции открытого раскопками автора интересного памятника Боголюбовского дворца—восьмиколонной ротонды над белокаменной чашей. К кругу владимирской культуры XII в. принадлежат и два памятника станковой живописи—оглавные Деисусы Г. Т. Г., освещенные мастерским исследованием В. Н. Лазарева (XIII, 67—76). Автор вскрывает самостоятельный путь русской художественной мысли XII в. в разработке системы иконостаса—важнейшей особенности русского храма. Он присваивает одну из изучаемых икон владимиросуздальскому мастеру и предполагает знание им балканских образцов. На русском северо-востоке начала впервые кристаллизоваться и новая русская иконография, выделяющаяся из византийской; популярность и ведущее значение в русской иконописи темы Деисуса были связаны с глубоким морально-этическим содержанием этой композиции. Статья А. Д. Варганова «Из ранней истории Суздаля (IX—XIII в.)» (XII, 127—134) знакомит читателя с результатами археологических наблюдений автора при земляных работах военного времени в черте Суздаля. Собранные материалы, по его мнению, показывают, что первоначально на территории города было несколько отдельных поселений сельского типа, слившихся в дальнейшем в город; уточнена также хронология его роста: валы кремля датированы концом XI в., вал острога—концом XII—началом XIII в. Несколько особняком в кругу ранней тематики стоят тезисы диссертации М. А. Ильина «Русское зодчество XVI в.», дающей впервые развернутую картину истории расцвета архитектуры «царственной Москвы» (XIII, 167—170), и заметка С. А. Таракановой о крепостных сооружениях Пскова (XIII, 77—80).

Существенная для истории русской и византийской архитектуры тема разработана в диссертации А. Я. Якобсона (тезисы, XIII, 160—162), посвященной зодчеству средневекового Херсонеса V—XIII вв.; рассматривая его развитие в тесной связи с историей Херсонеса, автор дал четкую картину эволюции херсонесской архитектуры и показал ее своеобразные черты. Небольшой этюд того же автора «Из истории армянского средневекового зодчества» (XIII, 33—38) посвящен проблеме влияния гражданской архитектуры Армении на церковную—вопросу, поставленному еще Н. Я. Марром.

Интересны фактические публикации отдельных находок: бронзовых статуэток V в. до н. э. из горного Дагестана (статья А. П. Круглова, XII, 31—40); куйбышевской каменной бабы первых веков н. э. (статья А. П. Смирнова, XII, 40—43); великолепных вещей Молотовского и Чердынского музеев, в том числе сассанидского бронзового котла и прекрасной серебряной чаши кушанского или раннесассанидского времени (статья Н. А. Прокошева, XII, 84—90); печати Багратида Ашота, найденной в Зеленчукском храме (статья В. А. Крачковской, XII, 112—117); поливного сосуда из Билпра (статья Н. П. Сычева, XII, 138—141).

Отдел текущей информации о жизни ИИМК в связи с чрезвычайным запозданием выхода в свет XII и XIII выпусков КС имеет сейчас лишь «историческое» значение. В КС XII помещена информация о работе ИИМК в 1943 г., в КС XIII—материалы научных заседаний 1944 г., посвященных 25-летию советской археологии (XIII, 171—202); они освещают важнейшие достижения науки за четверть века по основным разделам. Особенно интересен обстоятельный доклад Л. М. Славина об итогах археологических работ Украинской Академии Наук (XIII, 81—88).

Как показывает сделанный беглый обзор XII и XIII выпусков КС ИИМК, кажущаяся на первый взгляд пестрота и разнородность их содержания подчиняются ряду крупных объединяющих проблем истории культуры и этногонии народов СССР. Как отдельные статьи, так, в особенности, тезисы диссертаций свидетельствуют о большом росте советских археологов, совершенствовании их методики, развитии полевых исследований, а вместе с ними и о расширении территориальных и хронологических рамок исторических обобщений.

Н. Воронин

EGYPT. Photographed by Hoyningen-Huene with text by George Steindorff. New-York, J. J. Augustin, 1945, 172 стр., 109 фотографий

Среди популярных работ о Древнем Египте «Egypt» занимает несколько особое положение. Подзаголовок книги правильно определяет то, что является ее подлинной ценностью: это интересные и чрезвычайно эффектные снимки памятников египетского искусства, сделанные одним из лучших фотографов Америки—Hoyningen-Huene. к которым Георг Штейндорф написал популярный обзор истории Египта от архаики до персидского завоевания. Написанный легким и доступным языком и лишенный всякого научного аппарата, этот обзор, в котором автор исходит из обычных для западных египтологов исторических концепций Мейера—Брестеда, для специалиста, естественно, не представляет никакого интереса. Повидимому, популярным характером книги объясняется и та вольность, с которой Штейндорф иногда использует здесь материал; так, иллюстрации «Книги Мертвых» периода XXI династии и даже птолемеевского времени даны в разделе Среднего царства.

Фотографии рецензируемой книги интересны не столько по содержанию, сколько по исполнению. Основным стремлением автора было добиться максимального эффекта от сочетания неожиданных точек съемки и резких контрастов бликов света и тени.

В итоге—все снимки действительно эффектны и интересны, хотя и далеко не все полезны для специалиста. Очень красивы и необычны снимки пейзажей Египта с чер-

ным небом, на котором резко выделяются архитектурные памятники. Большое впечатление производят фотографии всего комплекса Саккара, пирамид Гизэ и, в частности, тени от пирамиды Хеопса, падающей на деревню Кафр-эль-Самман (стр. 36—37), храма Дейр-эль-Бахри, обелисков Карнака, колонн зала Анналов с эмблемами Северного и Южного Египта, колоннады Луксора и, в особенности, Большого Сфинкса в Гизэ (фронтиспис), снимок которого следует признать, пожалуй, наиболее удачным из всех имеющихся его воспроизведений. Очень интересен и снимок головы Сфинкса снизу (стр. 53 и обложка).

Прекрасно переданы некоторые вещи: голова из Гизэ в Бостонском музее, группа Менкаура и царицы, группа Менкаура, Хатор и богини гермопольского нома, ваза Среднего царства в виде двух уток, ювелирные вещи XII династии, статуэтка газели из слоновой кости XVIII династии, голова статуи Рамсеса II, амулет из золота и горного хрусталя XXV династии. Однако погоня за чисто внешними эффектами в ряде случаев приводит к тому, что очень оригинальные по своим свето-теневым контрастам снимки не дают в сущности подлинного представления о вещах, как это случилось с воспроизведением группы Сахура и бога нома (стр. 55), статуэтки мальчика XVIII династии (стр. 102—103), головы осирической статуи Хатшепсут (стр. 88) и др.

Как положительную черту книги следует отметить опубликование большого числа предметов из американских музеев, в ряде случаев воспроизводившихся ранее в мало доступных изданиях, а подчас и вообще публикуемых впервые.

Книга получила высокую оценку в американской прессе и в течение трех лет вышла двумя изданиями.

Проф. М. Матье

ANCIENT EGYPT AS REPRESENTED IN THE MUSEUM OF FINE ARTS, by William Stevenson Smith. Museum of Fine Arts, Boston, 1942

Имя американского египтолога Вильяма Стивенсона Смита до сих пор еще остается почти неизвестным в нашей науке. Меж тем В. С. Смит является одним из ведущих историков египетского искусства и культуры. Что в основном определяет его место в данной науке? Это прежде всего широкий исторический фон, на котором он раскрывает явления искусства. Во всех возможных случаях он привлекает многообразные письменные источники и данные материальной культуры, а также археологические условия находок, позволяющие автору дать объективную оценку памятников искусства и правильную их периодизацию. Нигде у Смита факты художественной культуры не осмысливаются только со стороны формальной. Поэтому его наблюдения объективны, они лишены модернизации. Изложение интересно и живо. В то же время Смит и очень тонкий аналитик памятника. Двух-трех, подчас как бы мимоходом брошенных, замечаний достаточно, чтобы сделать далеко идущие выводы. Есть еще одна особенность в творчестве Смита, придающая особый характер его исследованиям: это интерес к мало или совсем еще неизученным и неизвестным памятникам. Потому-то его книга так интересна и свежа.

Исследование Смита—краткий очерк египетского искусства на материале Бостонского музея. Этим в значительной мере и определяется характер книги. В ней есть пропуски, так как целые периоды и группы памятников не представлены в данном музее. Напротив, весь круг скульптур «Гизехской школы» периода IV династии и, особенно, египетские памятники из Эфиопии, начиная с эпохи Среднего царства и кончая произведениями Мероитского периода, освещены особенно полно и интересно. Как известно, многолетние раскопки Рейснера в Гизехском некрополе и экспедиции Бостонского музея в Эфиопию дали этому музею ценнейшее собрание египетских древностей.

Книга разбита на 5 глав, следуя обычной исторической периодизации. Далее каждая эпоха членится на периоды. Столь же строгая и последовательная конструкция соблюдается в изложении: сначала дается исторический обзор эпохи с указанием важнейших первоисточников, затем автор касается различных сторон культуры и, наконец, уже сосредоточивается на вопросах искусства, тесно связанных с предыдущим изложением. Книга заканчивается подробнейшей и тщательно разработанной хронологией, где особое место отводится Эфиопии. Столь детально разработанной периодизации эфиопской культуры, в соответствии с египетской историей, особенно начиная с эпохи Среднего царства и кончая позднееллинистическим периодом в Мероэ и Напате, мы до сих пор не имели. С этой точки зрения для каждого египтолога, занимающегося поздним Египтом, книга В. С. Смита имеет особо важное значение.

Разделы додинастической и архаических эпох не содержат чего-либо принципиально нового. Можно лишь согласиться с интересным наблюдением автора, что рельеф в архаической эпохе стоит на более высоком качественном уровне по сравнению со скульптурой. Значительно более полна интересная глава, посвященная Древнему царству. Центр внимания здесь, естественно, сосредоточен на памятниках скульптуры из Гизехского некрополя времени Хеопса-Хефрена, в частности же на великолепных так называемых запасных головках, украшающих ныне собрание Бостонского музея. Весь круг этой скульптуры сделался достоянием науки сравнительно недавно. Несмотря на ряд нерешенных еще вопросов, связанных главным образом с установлением генеалогии всех этих остро портретированных лиц—ближайших членов семьи и придворных Хеопса-Хефрена,—можно с уверенностью сказать, что весь круг этой скульптуры образует вполне своеобразное художественное направление, целую школу.

Автор данной рецензии, поставивший уже в свое время этот вопрос (В. В. Павлов, Скульптурный портрет в древнем Египте, М.-Л., изд. «Искусство», 1937) рад был найти у Смита подтверждение некоторых из своих гипотез. Но в трактовке вопроса В. С. Смита находится много свежего и неожиданно-нового. Он старается, исходя не только из портретного сходства, но и из условий находок, из характера архитектуры мастаб и их топографии, разрешить сложный и запутанный вопрос родственных отношений между многими из этих портретированных лиц. Так, например, автор предполагает, что голова мужчины, воспроизведенная на стр. 32 (рис. 10), является портретом вельможи, женатого на одной из дочерей Хеопса, стела которой сохранилась. Данная портретная голова, как и многие ей подобные, отличается, по мнению автора, от выразительного портрета царского казначея Нофера с ломаным профилем его крупного носа, с энергичным и сильным лицом (рис. 12). Столь решительная и реалистическая характеристика отличала, по мнению В. С. Смита, голову Нофера, не принадлежавшего к царской семье, от всей остальной серии несколько идеализированных придворных портретов. Но и в этих, казалось бы, обобщенных и отвлеченных головах автор подмечает неуловимые индивидуальные черточки. Перед нами проходит целая цепь портретов, целая «скульптурная галлерея» неизвестных лиц, властных и безвольных, выточенных и грубых,—блестящая характеристика двора Хеопса, картина эпохи, воссозданная мастером, тонким и чутким исследователем. В трактовке бюста Анх-Хафа—этого шедевра египетской скульптуры, самой поразительной находки последних лет—автор также находит новое. Он сопоставляет его с гигантским алебастровым портретом Микерина (рис. 21), тем самым несколько приближая датировку названного памятника. На других известных статуях Микерина автор мало останавливается. Его больше интересуют еще необследованные памятники как, например, рельеф из гробницы Ка-Ваба, свидетельствующий о тонкой манере мало изученного рельефа времени «строителей пирамид». Из памятников V дин. внимание автора привлекает скульптурная группа Пен-мерува (рис. 26), вполне оригинальная по своей иконографии.

Хотя бы только регистрация подобных неизвестных нам до сих пор типов существенна, ибо она расширяет наши знания дренеегипетского искусства. С этой точки зрения интересна и экспозиция скульптурного материала периода VI дин. (рис. 32—35).

Автору и здесь удается показать процесс постепенного художественного и технического оскудения, наступившего с конца V дин. Ведь этот период от цветущей поры V дин. к Среднему царству в конце концов так мало изучен!

Разделу искусства эпохи Среднего царства предпослан интересный и содержательный исторический обзор, в котором большое место занимает анализ сложившейся обстановки в промежуточный период между VI и XI династиями. Это позволяет автору вскрыть и генезис архитектурных форм, в частности же должным образом проанализировать и храм Ментухотепов в Дсир-эль-Бахри. Памятник этот, нашедший ряд крупных исследователей в обширной египтологической литературе, был тем не менее по-новому освещен Смитом. Автору хорошо удалось показать оригинальные особенности его стиля, особенно по сравнению с архитектурными планами ряда памятников промежуточного периода от Древнего к Среднему царству. Новые ноты появились и в характеристике этого часто пропускаемого промежуточного периода при рассмотрении пластики. Такова безусловно интересная деревянная статуэтка чиновника из Ассиута, с большой долей вероятности относимая автором ко времени X дин. (рис. 48). Не менее любопытна и публикуемая другая неизвестная деревянная статуэтка фараона, датируемая Смитом временем XIII—XIV дин. Автор совершенно правильно усматривает в статуэтке, особенно в ее пропорциях, назревающий стиль Нового царства. Исследования Смита помогут перекинуть мостик от Древнего к Среднему и от последнего к Новому царству, тем самым пополнив материал для более достоверной реконструкции процесса развития египетского искусства. С этой точки зрения главный интерес II главы—в рассмотрении вопроса об египетской экспансии в Нубии. Систематические раскопки в Керме приоткрыли завесу, скрывавшую этот период деятельности египетских фараонов в Эфиопии, в частности же освещая деятельность правителя Хепцефая, переехавшего туда из Ассиута с многочисленным штатом мастеров в царствование Сенусерта I.

Общий очерк не позволяет, разумеется, автору должным образом исследовательски осветить все возникающие здесь вопросы, но сделанные им наблюдения свидетельствуют о двух художественных комплексах, сложившихся в Керме: один с преобладанием местных элементов и другой—египетский, но также подвергшийся в большей или меньшей мере местному воздействию. Так, хорошо известная элегантная статуя Сенуи—жены Хепцефая, одна из жемчужин бостонского собрания, выполнена привезенными из Египта мастерами. Художник воспользовался здесь лишь местным камнем. Напротив, такие вещи, как пестрая расписная керамика, фаянсовые кубки волнообразного профиля, любопытнейшие инкрустации из слоновой кости, изображения птиц и животных, первоначально украшавшие деревянные лежа, говорят о локальных художественных особенностях. В этом пестром и наивном, по сравнению с Египтом, искусстве безусловно сильны элементы фольклора. Из очень многообразного по своему составу и технике собрания памятников художественной промышленности отметим воспроизводимый автором серебряный урей из Шейх-фарага (рис. 59). Памятники подобного стиля почти уникальны.

Не менее существенны как для изучения искусства, так и для исторической науки, находки эпохи Нового царства, обнаруженные Рейснером в Эфиопии. Такова гранитная стела, откопанная близ Напаты, содержащая отчет о походах Тутмоса III и являющаяся параллелью к карнакским анналам фараона. Экспедиция музея обнаружила около Семнеха остатки храма периода Тутмосидов.

В книге Смита воспроизводятся и другие мало или же совсем неизвестные памятники из раскопок музеев. Это также значительно пополняет наши знания культуры и искусства эпохи Нового царства. Однако в освещении этой эпохи автором отсутствуют те принципиально новые точки зрения, те новые гипотезы, которые приводятся им при изложении других периодов. Все же заслуживает отдельного упоминания голова фараона из красно-коричневого кварцита из Гебель Баркала (рис. 74) и царская голова из песчаника (рис. 79). Можно вполне согласиться с автором, видящим в первом из этих памятников—Аменхотепа III, во втором же Тутанхамона. Еще интереснее деревянная статуэтка пантеры (рис. 66) времени Тутмоса IV. Предположе-

ние автора о том, что данный памятник мог служить своего рода цоколем, как и в однотипной известной статуэтке Тутанхмона на черной пантере, не лишено большой доли вероятия. В этом случае найден еще один прототип и далеко не изученной иконографии памятников Тутанхамоновской гробницы. Интересно подан и материал художественной промышленности эпохи Нового царства.

Но все же наибольший интерес представляет последняя, V глава, посвященная культуре и искусству позднего времени. Материал здесь чрезвычайно дифференцирован: сперва разбирается культура периода XXI—XXV дин. в целом, второй раздел начинается с обозрения Саисского периода XXVI дин. и кончается эллинизмом; в заключение разбираются (хотя и кратко) памятники позднееллинистического периода, переходящие уже в коптское искусство. Самое пристальное внимание уделено автором искусству XXV, эфиопской, династии, и надо прямо сказать, что столь полного и многообразного разбора искусства этой поры мы до сих пор не имели ни в одной из известных нам работ. Наука первой четверти нашего века все еще оперировала общим понятием «позднего времени» (*Spätzeit*), объединяя под этим и хронологически и стилистически колоссальный по своему многообразию художественный комплекс. В последнее десятилетие памятники периода XXV дин. выделены в науку в особую группу, под влиянием главным образом ряда публикаций в западноевропейской науке. В. С. Смит в своих смелых гипотезах и острых наблюдениях идет еще дальше. Раскопанный американцами богатейший материал, главным образом из Напаты, Мерое и других мест, позволяет исследователю сделать следующий шаг. Не вообще памятники XXV дин. интересуют его, но памятники, которые можно уже хронологически фиксировать, приписать времени того или другого царя. Совершенно правильно с самого же начала локализуется скульптурный портрет времени XXV дин., столь отличный от Саисского периода. Убедительно намечены в нем и две основных тенденции: стремление к архаизации и резкий, своеобразный реализм. Под знаком последнего развивается ряд воспроизведенных автором памятников. Еще более интересен, часто неожиданный огромный по своему многообразию материал прикладного искусства, по преимуществу погребального инвентаря. Упомянем хотя бы хрустальный шарик, увенчанный золотой головкой Исида времени Пианхи (рис. 92), бронзовое зеркало с золотой ручкой в форме пальмовидной колонны с 4 божествами эпохи Шабаки (рис. 96.), маленький сфинкс с головой овна из электра на колонке, инкрустированный цветными камнями (рис. 93). Особенно выразительна алебастровая ваза, как полагает автор, для благоволий, в форме связанной по ногам лани из ранних гробниц Мерое. Хотя бы этот один памятник свидетельствует о нашем пока еще незначительном знакомстве с искусством Эфиопского периода. Однако уже сама экспозиция всего этого материала ставит ряд вопросов и подсказывает их решение. Как и в эпоху Среднего царства, здесь встречаются и скрещиваются две линии: традиционно-египетская и местная. К ним примешивается еще третий элемент—чисто эллинистического понимания формы в нубийской «транскрипции», придающей, например, поздним памятникам из Мерое прелесть и своеобразие.

Есть безусловно и спорные места в работе автора. В. С. Смит недооценивает, как нам кажется, оригинальное своеобразие памятников художественной промышленности эпохи Нового царства. Находки из гробницы царицы Хетеп-Херес периода IV дин. кажутся ему проникнутыми «хорошим и серьезным вкусом», передающим «ясную простоту линий», чего недостает «пламенеющему» искусству Нового царства. Сравнивая же памятники последнего с ювелирными изделиями Среднего царства, Смит высказывает свою мысль с еще большей решительностью. Вещи этого рода в Новом царстве представляются ему тяжелее и витиеватее по сравнению хотя бы с знаменитыми коронами и пекторальями из Лахуна и Дашура. Между тем художественная промышленность переживала в эпоху Нового царства небывалый расцвет, вершину которого представляют непревзойденные по своему качеству памятники из гробницы Тутанхмона.

Нельзя согласиться и с слишком упрощенным объяснением появления «запасных голов» в период IV дин. По словам автора, они предназначены были заменить голову

мумии в случае ее разрушения. Но ведь опасение подобного разрушения существовало позже, обычай же изготовления портретных голов независимо от статуи исчез со времени IV дин. Совершенно очевидно, что аргументация автора недостаточна для истолкования столь сложного явления. Не всегда и не во всех случаях Смит делает выводы, подводя к ним самим подбором памятников.

Общие тенденции книги В. С. Смита прослеживаются и в двух его статьях, вышедших в 1941—1942 гг. (AJA, 1941, № 4, стр. 514—528; AJA, 1942, № 4, стр. 509—531).

В первой из этих статей автор ставит своей задачей выяснить происхождение ряда рельефов из саккарских гробниц эпохи Древнего царства, до сих пор оставшихся не атрибутированными и ныне рассеянных по разным музеям мира.

По небольшим иногда фрагментам автору удалось составить ансамбль, различить стиль и почерк тех или иных мастеров. Совершенно очевидно, что подобные атрибуции, основанные на всестороннем изучении памятника в его исторической обстановке, стоят на более высоком уровне, отмечая уже иную ступень развития египтологической науки. Из установок В. С. Смита понятна и его полемика с немецким египтологом А. Шарфом во второй из названных статей¹. Спор сводился к вопросу о существовании в Египте Древнего царства скульптурного портрета, который отрицал Шарф. Египетское искусство, по мнению этого исследователя, обезличено, оно имперсонально. Не отрицая традиционности и каноничности искусства в Египте, Смит совершенно справедливо восставал против такого рода трактовки. И здесь дело сводилось отнюдь не к более дифференцированной расшифровке памятников искусства и культуры американским ученым. Дело касалось гораздо более принципиальных основ мировоззрения. В первом случае вопрос решается формально, в лучшем случае устанавливается лишь стиль как отвлеченная закономерность, исторический процесс механизмуется, живое человеческое начало расплавляется в бездушной и отвлеченной концепции. Для Смита же египетское искусство есть часть живой исторической ткани. Многие наблюдения и выводы В. С. Смита могут быть приняты советской наукой и осмыслены ею в еще более глубоком социальном разрезе.

В. В. Павлов

WILLIAM C. HAYES. Ostraca and Name stones from the tomb of Sen-Mut (N. 71) at Thebes. Metropolitan Museum of Art, Egyptian Expedition Publication, vol. XV, New-York, 1942, VIII+57 стр., XXXIII фототип. табл.

В 1930—31 и 1935—36 гг. экспедиция Метрополитенского музея в Нью-Йорке производила раскопки фиванской гробницы Сенмута—крупнейшего сановника и фаворита царицы Хатшепсут (1525—1503 гг. до н. э.), строителя храма Мут и части Карнака, а также известного заупокойного храма царицы в Дейр-эль-Бахри.

В этой гробнице было найдено большое число памятников письменности, публикации которых и посвящена рецензируемая книга. Она распадается на два основных раздела, из которых первый посвящен публикации остраков, второй—обломков камней с именами Сенмута.

В первом разделе книги автор издает 153 остракона, найденных либо в самой гробнице, либо в прилегающих к ней окрестностях. Из числа тех остраконов, которые были найдены вне самой гробницы Сенмута, здесь издаются лишь те, которые с достаточной долей вероятности можно считать связанными с могилой Сенмута.

В числе остраконов имеется 42 с рисунками, набросками или чертенками, 19 с иероглифическими и 92 с иератическими надписями. На приложенных к тому таблицах

¹ A. Scharff, Egyptian Portrait Sculpture, «Antiquity», 1937, June, стр. 174—182; также JEA, vol. 26, стр. 41.

(табл. I—XXIV) помещены хорошие воспроизведения всех этих остраконов, а в тексте дано их полное описание; надписи не только транскрибированы¹, но и переведены, снабжены комментарием и указателем редких слов, в котором можно найти ссылки на те тексты, где встречаются эти же термины.

По своему содержанию остраконы весьма разнообразны. Среди рисунков имеются эскизы портретов самого Сенмута, выполненные, видимо, уверенной рукой мастера (в том числе один, разделенный на клетки и служивший, вероятно, образцом при росписи гробницы), наброски различных ритуальных сцен, эскиз композиции притолоки и косяка прохода в гробницу Сенмута, красочные образцы орнамента и росписи для потолка, чертежи гробничных помещений (на одном из них указаны размеры помещения) и др.

Наряду с уверенно выполненными эскизами и набросками имеются совершенно ученические рисунки животных и людей.

Иероглифические тексты на найденных здесь остраконах содержат титулатуру царицы Хатшепсут, имя ее дочери Нефрура, гимны и заупокойные формулы, составленные на имя Сенмута, и списки жертвенных даров. Один из этих остраконов содержит отрывок из гимна, обращенного к царским диадемам, который встречается затем в иератическом остраконе, найденном в той же могиле. Это послужило автору основанием высказать остроумную и убедительную догадку о том, что назначение иероглифических остраконов состояло в том, чтобы дать композицию расположения различных надписей на стенах гробницы.

Еще разнообразнее содержание иератических надписей: тут и списки ремесленников, работавших над устройством гробницы, записи о выходе их на работу, поденные записи выполненной работы, перечень выданных им материалов и пищевых рационов, пометки о проверке хода работ и др. Имеются и обломки сосудов, на которых сохранились названия некогда находившихся в них материалов. На некоторых иератических остраконах имеются отрывки из религиозных текстов (гимны, Книга Мертвых) и литературных произведений. Часть этих произведений автору удалось отождествить: 4 из них содержат отрывки из поучения Аменемхета I², два — из поучения Дуауфа, а на одном дано начало рассказа о приключениях Синухета.

Последний из изданных остраконов содержит расчеты, устанавливающие соотношения между долями локтя и пядями (меры длины).

Второй раздел книги посвящен обломкам камней с вырезанными или написанными на них именами и титулами Сенмута, найденными частью в кладке опорной стены, подпирающей площадку, на которой расположена его гробница, частью же в осыпи, образовавшейся из камней, составлявших некогда ее верхние ряды.

Хейс указывает, что эти камни по своей форме ничем не отличаются от всех остальных, вложенных в ограду. Здесь было найдено 79 таких камней, и, вероятно, сотни им подобных заключены в сохранившейся части кладки, которую нельзя было разобрать полностью без риска повредить всю площадку. На 76 камнях были вырезаны или написаны имена Сенмута и его различные титулы. Два камня сохранили имя брата Сенмута — Аменемхета, а на одном, кроме имени и титула Сенмута, упомянуты «начальник дома Небнтер» и «начальник строителей Тутмес».

Касаясь назначения этих камней, подробно описанных в работе (фотографии некоторых из них помещены на табл. XXX—XXXII), и отмечая, что они были уложены в ограду надписями внутрь, Хейс высказывает вполне вероятное предположение об их назначении: по его мнению, они должны были магически закрепить вечную собственность Сенмута на его гробницу.

Таков материал, помещенный в этой хорошо оформленной книге. Он представляет интерес и для историка, и для историка литературы, и для искусствоведа, и те замеча-

¹ В этом трудном деле автор пользовался консультациями А. Гардинера и Н. Черного.

² Любопытно, и это отметил издатель, что имя фараона Аменемхета первоначально было написано в картуше как Амени.

ния, которыми снабдил издаваемый им материал Хейс, увеличили его значение. Особое значение книги Хейса состоит в том, что она представляет собой первый случай монографического издания остраконов, связанных с одной гробницей¹. Благодаря этому, например, имеется возможность,—и на это указывает сам Хейс,—проследить ход работ по устройству могилы, выявить некоторые стороны организации труда занятых в ней ремесленников, проследить различные этапы творчества художников, расписывавших стены гробницы, и др.

Однако, правильно отметив некоторые из тех вопросов, которые выдвигают опубликованные материалы², Хейс уклонился от их разрешения. Возможно, конечно, что часть из них будет разрешена в подготавливаемом Метрополитэнским музеем издании самой гробницы, о предстоящем выходе которого сообщает Хейс (там, в частности, будут сопоставлены наброски росписей с теми, которые были затем выполнены в самой гробнице). Пока же книга Хейса является собранием интересного материала, ждущего своего полноценного исследования.

И. Лурье

H. MICHELL. The economics of ancient Greece. Cambridge. At the University Press, 1940, XII+415 стр.

Книга Мичелла, профессора политической экономии в одном из канадских университетов, имеет целью дать общий обзор экономического развития греческого мира в классическую эпоху. Мичелл анализирует в основном хозяйственную жизнь собственно Греции, прежде всего Аттики, в период расцвета полисов—вплоть до Александра Македонского.

«Экономика древней Греции» не является оригинальным исследованием. Автор, повидимому, хотел написать научно-популярное введение в историю хозяйственного развития Греции, используя последние достижения буржуазной историографии античности. Труд его состоит из следующих девяти глав, каждая из которых является фактически почти самостоятельным очерком: «Основа греческой экономики», «Земледелие». «Горное дело и минералы», «Труд», «Промышленность», «Торговля» (две главы), «Деньги и банки», «Финансы». Избранная библиография (стр. 394—398) доведена до 1938 г. В конце книги дан довольно подробный указатель. В каждой главе перечислены основные, не решенные еще в современной науке вопросы, дано изложение различных точек зрения на спорные проблемы. В частности, очень много места уделено разбору теории Газебрэка (стр. 224—230), менее обстоятельно критикуется «истмийская» теория торговых путей Берара и др. В примечаниях даны краткие ссылки на источники и современную историографию по отдельным вопросам.

В книге Мичелла читатель найдет почти исчерпывающую сводку материалов по отдельным видам хозяйственной деятельности древних греков. Так, в главе «О с н о в ы г р е ч е с к о й э к о н о м и к и» затрагиваются следующие вопросы: «Географический фактор», «Экономическая жизнь Греции», «Население» и «Экономические учения греков».

В главе «З е м л е д е л и е» излагаются: «Аграрный вопрос», «Хлебопашеские территории», «Урожай зерновых культур», «Изучение почвы», «Применение удобре-

¹ Конечно, и раньше при издании остраконов указывалось место, где они были найдены, но у исследователя их никогда не было уверенности, что ему известны все остраконы, которые были найдены в той или иной гробнице.

² Совершенно не затрагивает автор, например, вопроса о том, почему имена ремесленников, работавших в гробнице Сенмута, не встречаются на остраконах, найденных в других одновременных гробницах; чем вызвана столь большая популярность поучения Аменемхета и для чего писались отрывки из него на остраконах, найденных в гробнице Сенмута, и др.

ний», «Сев», «Лен», «Животноводство», «Рогатый скот», «Лошади», «Овцы», «Свиньи», «Ослы и мулы», «Козы», «Пчеловодство», «Птицеводство», «Оливки», «Фиги», «Виноградники», «Вырубание лесов», «Продуктивность греческого земледелия», «Земледелие после Пелопоннесской войны» и «Рабский труд в земледелии».

В главе «Горное дело и минералы» мы находим следующие подразделения: «Золото», «Серебро», «Лаврийский район», «Сдача рудников в аренду», «Труд в горной промышленности», «Предложение Ксенофонта», «Горное законодательство», «Медь», «Асфальт», «Асбест», «Олово», «Цинк», «Ртуть», «Железо», «Уголь» и «Соль».

В главе «Труд» разбираются темы: «Гражданин», «Труд в строительной промышленности», «Заработная плата», «Стоимость жизни», «Женский труд», «Обучение ремеслу», «Торговые гильдии», «Государство и труд», «Метеки», «Рабы», «Окупалось ли рабство».

В главе «Промышленность» Мичелл рассматривает отдельные отрасли производства: «Дубление кож», «Гончарное дело», «Прядение и ткачество», «Полотно и шелк», «Швейная промышленность», «Красильное дело», «Виноделие», «Оливковое масло», «Пищевая промышленность», «Стеллярное дело и обработка дерева», «Кораблестроение», «Строительство», «Обработка металла».

В главах о торговле рассматривается сначала торговля в историческом развитии, а затем отдельные ее отрасли: «Торговля в Гомеровское время», «Объекты торговли в Гомеровское время», «Греческая колонизация», «Греческая колонизация и торговля», «Объем и характер греческой торговли», «Греческие торговцы», «Греческая торговля после Персидских войн», «Эгина, Коринф, Навкратиды», «Милет», «Торговые пути», «Истмийская теория», «Сухопутный транспорт», «Транзитный порт—Афины», «Сборы с торговли», «Торговля хлебом», «Афины и торговля хлебом», «Клеомен и торговля хлебом», «Торговля лесом». После краткого обзора менее значительных отраслей торговли Мичелл останавливается на торговле керамикой и затем переходит к торговым взаимоотношениям между греками и финикийцами, обсуждая следующие темы: «Ранние финикийские торговцы», «Конкуренция между греками и финикийцами», «Карфаген», «Греки, карфагеняне, римляне», и, наконец, указывает на значение пиратства.

В главе «Деньги и банки» рассматривается следующий круг вопросов: «Развитие монетарных форм», «Появление монеты в Греции», «Спартанская денежная система», «Греческий монометаллизм», «Соотношение металлов в монетах», «Ухудшение качества монет», «Банковое дело», «Банковое дело в Афинах», «Обмен монет», «Корабельные займы», «Существовал ли Государственный банк в Афинах».

В последней главе «Общественные финансы» Мичелл останавливается на следующих вопросах: «Афинские общественные финансы, бюджет», «Откупы», «Гражданские службы в Афинах», «Расходы государства», «Внутренняя администрация», «Общественные работы», «Расходы государства на граждан», «Оплаты за общественные службы», «Фонд феорий», «Сумма регулярных расходов», «Регулярные внутренние доходы», «Доходы от судопроизводства», «Прямые налоги», «Литургии», «Триерархия», «Эйсфора», «Косвенные налоги», «Дань союзников», «Сумма доходов города», «Заключение».

Такая подробная рубрикация придает изложению стройность и ясность; ссылки на литературу и источники могут быть полезны даже специалисту.

Мичелл не ограничивается простым описанием явлений и сводкой существующих в науке мнений, но пытается вскрыть основные причины развития и последующего упадка экономики античной Греции. И здесь мы наблюдаем столь характерное для современной буржуазной историографии явление: как только Мичелл отрывается от описания фактов, тотчас же у него проявляется непонимание основных законов исторического развития и качественного своеобразия античной рабовладельческой формации.

Мичелл начинает изложение своих взглядов с утверждения, что объяснить прошлое столь же трудно, или даже невозможно, как предвидеть будущее. «Мы можем,—говорит

он,—только отмечать события и с некоторой уверенностью определять обстоятельства, вызвавшие их к жизни, но не в состоянии сделать ничего больше» (стр. 1). Противопоставляя греческое искусство, философию и поэзию греческой политике, социальной системе и экономике, Мичелл подчеркивает, что мы можем приблизиться к вечным творениям греческого духа, но не в состоянии полностью понять характер столь далекой от нас эпохи. Таким образом, Мичелл заранее уже предполагает невозможность определения законов, управляющих экономическим развитием древнего мира, и сводит задачу историков к голому описательству, к фактологии. Как же быть в таком случае с вопросом, который поставил сам Мичелл,—вопросом о причинах падения древней Греции? Из идеологического тупика, в который завела его неокантианская точка зрения на теорию исторического познания, он видит только один выход: отбросив в сторону правильную мысль о качественном различии античности и современности, перенести, по обыкновению буржуазных историков, категории, присущие капитализму и даже империализму, на античность. Так, например, он говорит: «Доктрина тоталитарного государства является возвращением к греческой концепции» (стр. 26, прим. 1). Мичелл, говоря об *anachoreseis* в птолемеевском Египте, называет их даже итальянскими забастовками («sit-down strikes»).

В этой же плоскости Мичелл пытается решить и основную проблему, поставленную им в данной книге: Основной причиной падения древнегреческой демократии он считает не внутренние противоречия рабовладельческой формации, а финансовые трудности, именно чрезвычайные расходы полисов на социальное обеспечение. «Для граждан (полисов.—Я. Л.) было в высшей степени привлекательным присутствовать на прекрасных зрелищах и интересно сидеть в театре или на судебных заседаниях, да к тому же и получать оплату за это сидение. Но, в конце концов, это и привело к разорению» (стр. 19).

В этом отношении Мичелл не является оригинальным. Он и сам признается в родстве с Андреадисом, автором книги «История греческого народного хозяйства» (книга вышла в 1922 г.—есть немецкий и английский переводы 1929 и 1933 гг.). «Андреадис считает,—и многое можно сказать в защиту его точки зрения,—что греческая система государственных финансов была столь порочной по существу (*so radically unsound*), что ее политические учреждения были осуждены на неминуемую гибель. Именно они породили застой и вызвали болезнь государства, которая развратила всю общественную жизнь... Греческая демократия была неспособной решить задачу управления и сама себя разрушила своей внутренней слабостью» (стр. 36—37).

В принципиальном для оценки античности вопросе о роли рабства Мичелл выступает против цитируемого им же Тарна, который вполне правильно подчеркивал, что рабство было спинным хребтом античности и что вся «греческая цивилизация опиралась на рабство и стала возможной только благодаря рабству»¹. Мичелл, всячески преуменьшает значение рабства в древности и заявляет, что разговоры о пагубной роли рабства являются «общим местом» и «трюизмом». «Мы,—пишет он,—не можем приписать падение Греции только рабству» (стр. 168).

О том, сколь тенденциозна теория Мичелла, пожалуй, лучше всего свидетельствуют его мечты о сильной власти. «Несомненно, можно было бы избежать многих ошибок, если бы имелось (в древней Греции.—Я. Л.) сильное руководство» (стр. 19). Как будто бы эллинистический Египет или Македония пали вследствие отсутствия сильного руководства!

Таковы общие идеологические установки Мичелла. Справедливости ради необходимо отметить, что работа Мичелла, наряду с положительными отзывами, получила даже в англо-американской литературе довольно критический прием². Критики Мичелла указывают прежде всего на явное преувеличение значения финансовых трудностей,

¹ W. Tarn, *The Greeks in Bactria and India*, стр. 33.

² См., например, рецензию Линда в «*The Classical Journal*», vol. XXXVIII, Novem. ber 1942, стр. 102—104.

как основной причины падения Афинского государства, на «некорректное (unfair) сравнение» современного тоталитаризма с греческим, на ошибочность противопоставления государства и личности в древней Греции и на необоснованность ряда аналогий между учреждениями древней Греции и современности.

Все же некоторые главы книги Мичелла читаются с интересом. Это касается прежде всего глав о земледелии и финансах. Первая из них написана легко и со знанием дела, в частности, разделы о земельных отношениях, геологическом строении почвы, использовании удобрений и подробный обзор состояния скотоводства по отдельным отраслям (стр. 59—73). Особенно интересны, хотя иногда и вызывают сомнения, подсчеты численности населения и урожая во всей Греции (стр. 20—21 и 50—52).

ЗаклЮчительная глава «Финансы» дает сводный обзор имеющихся данных и бюджета Афин в V—IV вв. до н. э. на основании исследований Бака и Андреадиса.

Я. А. Ленцман

THE OXYRHYNCHUS PAPYRI. Part. XVIII, edited with translation and notes by E. Lobel, C. H. Roberts and E. P. Wegener. With a portrait and 14 plates, London, 1941, VII (общий руководитель серии «Graeco-Roman Memoirs» Н. J. Bell снабдил книгу предисловием. — С. Л.)

Вышедший в 1941 г. XVIII том «Оксиринхских папирусов» — один из наиболее интересных томов этого собрания. В этот том вошли и отрывки из литературных произведений, и отрывки из деловых документов римского и византийского времени. Не будучи специалистом в правовых отношениях римско-византийского времени, я коснусь здесь преимущественно папирусов первой группы.

Оба знаменитых издателя «Оксиринхских папирусов» Гренфелль и Хант в настоящее время в могиле (к книге приложен портрет Ханта). Издание литературных папирусов (исключая лишь № 217, о котором мы скажем особо ниже) было поручено Э. Лобелю, известному своим изданием отрывков Алкея и Сапфо. При этом он пользовался консультацией Марри, Фрэнкеля, Пфейффера и Доддса. В связи с этим очень резко изменился весь характер издания. Гренфелль и Хант (при постоянной помощи Виламовица-Меллендорфа) вносили свои дополнения во всех тех случаях, где общий смысл не возбуждал сомнения, прекрасно отдавая себе отчет в провизорном характере своих дополнений, т. е. в том, что в будущем они могут быть заменены другими, лучшими, дополнениями. В соответствии с этим и дополненным таким способом отрывкам присоединялся и английский перевод, также, разумеется, носивший провизорный характер. Принцип, положенный Лобелем уже раньше в основание своего издания Алкея и Сапфо, а теперь в основание издания литературных текстов XVIII тома «Оксиринхских папирусов», совершенно иной: он дополняет лишь отдельные слова в тех случаях, когда это дополнение совершенно очевидно и несомненно, и только в редких несомненных случаях дает перевод; в основном же он довольствуется точной расшифровкой дошедших отрывков с тщательным описанием формы начертания каждой сколько-нибудь сомнительной буквы, позднейших исправлений на папирусе и т. д.

Вот что пишет сам Лобель в письме, адресованном Бэдли (приведено последним в его предисловии на стр. VI): «При издании «Новых классических текстов» необходимо отметить следующие отступления от практики предыдущих томов. Значительно уменьшен объем вступлений и комментариев. Никакого перевода целых текстов не дается. С другой стороны, apparatus criticus особенно тщательно разработан с целью дать возможность читателю проявить максимум осторожности в определении сомнительных букв, и каждый публикуемый фрагмент дается также в фотографическом изображении на одной из 12 таблиц (в конце тома). Эти нововведения частью обусловлены ограниченной компетентностью издателя, частью самими задачами editio princeps папируса».

Все это чрезвычайно затрудняет работу рецензента, ибо, прежде чем охарактеризовать тот или иной документ, он вынужден сделать собственную попытку его доплевания.

Том начинается (№ 2157, 2158) с двух текстов богословского характера: отрывка из I главы «Послания к Галатам», не дающего ничего существенного для восстановления истории новозаветного текста, и небольших двух отрывков неизвестного сочинения Филона Александрийского.

Что касается отрывков из классической поэзии, то сравнительно многочисленные отрывки из Эсхила настолько малы и фрагментарны, что новых перспектив для изучения Эсхила пока не открывают.

С другой стороны, тексты Эсхила и Гиппонакта, опубликованные в этом томе, находятся еще потому в особом положении, что обрывки рукописей, на которых они написаны, попали частью в руки итальянцев и опубликованы в IX—XI томах «*Parigi greci e latini della società Italiana*», частью в руки англичан и опубликованы здесь.

В XVIII том вошли отрывки из трагедий Эсхила *Γλαῦκος Πόντις* (№ 2159) и *Γλαῦκος Περσέης* (№ 2160), опознанные благодаря имеющимся цитатам из античных авторов и по содержанию, и, что еще важнее, большой отрывок (№ 2161) из сатировской драмы Эсхила *Δικτυοῦλοι*, «Рыбаки» (как указывает стихометрическая пометка на поле папируса,—это стихи 765—827 этой пьесы; два других отрывка из этой драмы опубликованы в PSI; в них рассказывается, как ящик, в который были заключены Данае и Персей, был замечен и вытащен рыбаками на берег). Содержание нового отрывка таково: серифский царь Диктис обещает Данае защиту и почет, а затем поет колыбельную песню заплакавшему младенцу Персею, чтобы его успокоить, рисуя ему его счастливое будущее. Интересны развлечения, которые он обещает ребенку. Мальчиком он будет играть с кошками (ласками), оленятами и ежами. Затем он подрастет, будет ходить на охоту, убивать и ловить зверей, лучшие куски он будет подносить матери (размер: гликоinei и ферекратей). Затем хор (в анапестической партии) говорит о будущем браке между Диктисом и Данаей. Два других больших отрывка (№ 2162, 60 стихов), написанные тем же почерком, как и предыдущие и как отрывки в PSI, несомненно, также принадлежат Эсхилу. Фрэнкель и Лобель склонны видеть здесь отрывки из сатировской драмы Эсхила «*Θεωροί ἢ Ἰσθμιασταί*». В дошедшей до нас сцене группа людей, может быть, сатиров, направляется в храм Посейдона, чтобы принести ему в обетный дар картину прекрасной работы (*εἰδωλὸν εἶναι τοῦτ' ἐμῇ μορῇ πλεον τὸ Δαίδιλου μίμη, α' φωνῆς δὲ μοῦνον... εὐχταῖα κόσμον ταῦτα τῷ θεῷ φέρω... καλλιγραπτόν εὐχάν*). Вышедший навстречу хору человек обвиняет хоровтов в том, что они, вместо того чтобы делать свое дело—плясать, увлеклись Истмийскими состязаниями.

Ничего интересного не содержится в небольшом и очень поврежденном отрывке (№ 2163) из «Мирмидонян» Эсхила (от каждого стиха сохранилось лишь по несколько букв); принадлежность его «Мирмидоньянам» случайно установлена, ибо сохранившиеся 5 букв в начале второго стиха папируса: *δερ:λ...* совпадают с началом 2-го стиха пролога «Мирмидонян», цитированным в «Лягушках» Аристофана: *δερ:λ[ομάντους Δαναῶν μόχθους]*. Далее следует три отрывка (№ 2164) из «Чесальщиц» Эсхила; из них интересен один, содержащий 30 стихов, из которых некоторые сравнительно хорошо сохранились. «Чесальщицы» были, повидимому, последней пьесой трилогии о Пенфее; здесь рассказывалось (несколько иначе, чем в «Вакханках» Еврипида), как Пенфей отправился на Киферон, чтобы силой заставить своих вакханствующих теток вернуться домой, но они в экстазе разорвали его на части. Неожиданным в новом отрывке является появление богини Геры, переодетой в нищенствующую жрицу и произносящей большой монолог гексаметрами.

Настоящим событием в истории античной литературы является опубликование двух больших и хорошо сохранившихся отрывков (№ 2165) из Алкея; повидимому, из его «Песен мятежа». Чтение этих отрывков облегчается тем, что в том же томе опубликованы небольшие отрывки из другого экземпляра тех же стихотворений (№ 2166) и что на полях сохранились небольшие отрывки античных схолий. Первое из этих стихотворений (col. I) написано алкеевыми строфами и построено по классическому

образцу античных заклятий: сначала (ст. 1—9) перечисляются (как, например, в заклании жреца Хриса в I кн. «Илиады») заслуги просителя перед богами, к которым обращено заклание: лесбийцы выделили им *τέμενος*, расставили алтари и провозгласили им славословие, за что боги должны притти им на помощь в нужде. Любопытна верховная троица, к которой обращаются (ст. 5—9): это Зевс Милосердный (*ἀντιάς*), Гера, называемая без имени «Эолийской богиней» (до сих пор Гера была известна только как «Аргосская богиня») и «родилицем всех» (или «всего» *πάντων γενέθλην*¹), и, наконец, Дионис *Κερήλιος* (смысл этого эпитета пока не ясен).

Алкей (ст. 9—14) просит трех богов спасти его и его товарищей от «этих страданий и тяжкого изгнания» (*τῶν δὲ μόχθων ἀργαλέας τε φύγας*) и обрушить Эриннию на сына Гирры. (т. е. Питтака) за то, что он, поклявшись быть верным товарищем по заговору, нарушил клятву и стал «жрать город» (ст. 23, выражение уже известное нам—оно применено к Питтаку в строке 48 Diehl, где говорится о союзе Питтака с Мирсилом). Интересно и содержание этой клятвы (ст. 14—19): либо пасть в бою, либо, перебив противников, освободить народ от страданий (*ἄμρον ὑπὲς ἀγέων ῥύσασθαι*). Итак, аристократы VI в. выступали как спасители и освободители «народа»—важнó, конечно, что именно они понимали под этим словом *ἄμρος*.

Для меня несомненно, что эта клятва сформулирована под влиянием «Илиады» Гомера (III, 103 сл., IV, 157 сл.; выражение ст. 22: *πῶσιν ἐμβαίης* = II, IV, 157: *κατὰ δ' ὄρκια πιστὰί πίττησιν*). Точно также я считаю несомненным, что ст. 14—16 надо дополнить: *ἀπόμνησεν, τόμοντες ἄρνας μὴ προΐη|ν | μηδ' αἶμα μηδ' ἐνα τῶν ἐσθίων*, ср. II, III, 103: *εἴσατε δ' ἄρν'... ὄφρ' ὄρκια τέμνῃ*, II, IV, 158: *οὐ μὲν πῶς ἄλιον πέλει ὄρκιον αἶμα τε ἀρνῶν*.

Интересно также (ст. 20—21) обвинение «пузана» (*φύσκων*) Питтака в том, что он прежде, чем совершить подлость, не «побеседовал со своей душой» (*οὐ διελέξατο πρὸς θυμόν*). Это один из многочисленных «разговоров с душой» в греческой литературе, которые, быть может, восходят к египетскому источнику и о которых я буду говорить в особом сообщении в «Институте Востоковедения»².

Еще более интересен отрывок второго стихотворения (col. II), которое можно было бы озаглавить «Алкей в монастыре». Оно написано размером, напоминающим горациево «O, pavis referent...». В начале дошедшего до нас отрывка (ст. 6—9) говорится, если верно мое дополнение и понимание, что кто-то обязан «в этом месте» (*ἐνθάδ' ἐς*), пав ниц на землю (*καππέων-καταπέσων*), провести ночь наедине (*κατασείω αὐτό[ς]*)³, а затем, поселившись в *Τεῖχος Βασιλῆιον* (как указывает схолия, так называлось святилище Геры), вести там целомудренную жизнь (согласно моему дополнению: *κ' [ἐ]ῶντο κατασείω | αὐτό[ς] ἐνθάδ' ἐς καππέων, <κῆς> | ἐχει κατὰ Τεῖχος Βασιλῆιον | ἄγνο[ι]ς [τοῖς] βίωσις*). Такую-то жизнь и принужден (ст. 9—19) вести Алкей, которому приходится жить, как мужику, в деревне, и с тоской мечтать о том, как он услышит голос глашатая, зовущего на народное собрание или в совет. Его отец и дед слышали эти призывы, дожив до глубокой старости среди этих сограждан, причиняющих зло друг другу (*ἀλλήλοκακῶν*), а Алкей лишил себя этих радостей, так как бежал на окраину от междоусобной войны (дополняю на основании такого же места в строке 43 Diehl,

¹ Вполне возможно, что эта безымянная «Эолийская богиня» была первоначально божеством типа малоазиатских «Матерей богов» (ср. *γένεθλα πάντων*) и лишь затем была отождествлена с Герой. Следует отметить, что в стихотворении «Антологии» (9, 189), посвященном лесбийской Гере, она названа не *βοῶπις*, как Аргосская Гера, а *γλαυκῶπις*, «сововидная»: повидимому, териоморфическим образом этой богини была, как и у Афины, сова. Ср. храм *Γλαυκῶπιον*, лежавший против Лесбоса на суше, в Сигее.

² С языковой точки зрения интересна прочитанная мною в схолии на полях поправка *ζέθηκαν* (= *διέθηκαν*) вм. *έθηκαν*; до сих пор было засвидетельствовано только *ζα*—вм. *δι*—, но не *ζ*—вм. *δι*.

³ См. Nesych: *καταείας κατακοιμηθείς* (указание И. М. Тронского), Suid., Phot.: *άίσα!... σημαίνει καθυπνώσαι*. Ср. гомеровское *ἄσσα*—я провел ночь (*νόκτα*), сокр. *ἄσα*, π 367.

ἐμφύλῳ... μίγας : φαύλῳ... [ἐμφύλῳ] [π]όλῳ. Далее идет трудный стих 20, неправильно понятый и дополненный Лобелем: думаю, что здесь говорится о том, что нехорошо поднимать борьбу между людьми, пьющими воду из одних и тех же источников (ср. Arist., *Lyss.*, 1129; οἱ μίγας ἐκ ὑέρινος βωμοῦς περιρραίνοντες); я дополняю: στίχῳ γὰρ πρὸς κρ[ούσιον] οὐκ ἄμεινον ὀννεῖν.

Та же мысль повторяется и в следующей строфе (от 21—24): сойдя с корабля на черную землю (очевидно, из Митилены в этот храм плыли на корабле!), Алкей живет на участке блаженных богов, освободившись от всех тревожений: единственное его наслаждение—это религиозные собрания в храме. Здесь (ст. 25—29) собираются лесбийские женщины на состязание в красоте, пляшут и танцуют. Итак, мы здесь имеем новое свидетельство о лесбийских καλλιτεῖα, о которых так много писалось в литературе (в частности, Узенером).

Ввиду исключительного интереса отрывков Алкея мною будет им посвящено особое исследование.

Другие мелкие отрывки Алкея (№ 2166) дают новые чтения к уже известным ранее фрагментарным стихотворениям—к гимну в честь Диоскуров, к знаменитому стихотворению о соглашении с лидийцами и т. д. Мелкие отрывки новых стихотворений, к сожалению, слишком фрагментарны. В одном из них подробно описывалась одежда персидского сатрапа.

Относительно содержащихся в этом же томе (№ 2167—2173) сравнительно многочисленных (20 страниц текста) и не плохо сохранившихся отрывков из Αἴτια, Ἐπιδόι и Βράγχοι Каллимаха я ничего не могу сказать, так как не занимался ими.

Тридцать страниц текста XVIII тома (67—96) занято новыми отрывками Гиппонакта (№ 2174—2176) и античными комментариями к ним.

Из дошедших до нас отрывков часть (№ 2174, fr. I—II) относится к стихотворениям мифологического содержания, как, например, к «Возвращению Одиссея», к стихотворениям бытового, в частности порнографическо-скатологического, содержания. Так, в отрывке 16 мы читаем в последовательных стихах: «на земле», «раздевшись», «кусали», «смотрели через дверь, чтобы нас не застigli голыми», не говоря уже о других, совсем уже нецензурных выражениях. Наиболее интересный отрывок 24 (большая часть которого была опубликована в 1929 г., PSI, IX, № 1089) настолько хорошо сохранился, что мне удалось его дополнить почти целиком и, как мне кажется, с большой достоверностью. Цитировать его я не могу ввиду его совершенно obscene характера, но он представляет большой историко-литературный интерес. Он является, несомненно, прототипом для целого ряда замечаний о навозном жуке в «Мире» Аристофана. Самая тема искусственного возбуждения половой потенции и неудачного окончания полового акта вследствие забавного стечения внешних причин впоследствии повторяется в «Сатириконе» Петрония. Интересен отрывок и с историко-религиозной точки зрения, как новое свидетельство об обрядах симпатической магии, сопровождающих смерть фармака. Любопытно это свидетельство и с точки зрения поэтики. У Аристофана часто obscene выражения и вообще слова низкого стиля сближаются с географическими названиями: κόρυς с Κορύνθιος («Облака», ст. 710), κροῖω с Καρύστιος («Лисистрата», ст. 1058, 1181), τῆς κροῖω с Τριχορύστιος («Лисистрата», ст. 1032), πέλλα с Πελλήνη (Лисистрата), 996), πέος с демотиконем Παοιδής («Лисистрата», ст. 851) и т. д. Мы узнаем, что подобным же образом Гиппонакт называет πῆγῃ—Πυγῆσις (гражданин города Пигел). Много интересного и в других отрывках, где упоминаются различные мифические имена (феаки, кабирь, Гермес, Лернейская гидра, Пандора), исторические имена (Милет, Крез, Даскилий), обряды, связанные с фармаком, и т. д. Из античного комментария (№ 2176) мы вправе заключить, что стихотворение «Возвращение Одиссея» носило пародический характер. В X песне «Илиады» (ст. 274 сл.) говорится о

¹ Слово ἄμεινον, дошедшее на папирусе, нарушает размер. Вероятно, это порча предания вместо ἄμεινον.

цапле, посланной Афиной Одиссею и его товарищам, как доброе предзнаменование. Гиппонант в связи с этим влагает в уста одного из этих героев, обращающегося к другому, такие слова (Addenda на стр. 184): «Твое горло раскрыло глотку, как цапля (*λαίπεξ δὲ σσι τὸ χυλὸς ὡς ἐρωδιῶ*). Комментатор замечает по этому поводу (вероятно, передавая мысль Гиппонанта): Афина потому послала грекам эту птицу в качестве предзнаменования, что цапля любит похищать и грабить, а греки тоже шли грабить. Далее в этом комментарии упоминается Аристофан. Тщательное изучение и дополнение отрывков из Гиппонанта и из комментария к нему требует большого времени, а я им не располагаю.

Следующий затем отрывок (№ 2177) из так называемого «языческого мартирия», издан уже не Лобелем, а Робертсом. Он посвящен судебному разбирательству перед лицом императора Адриана или Антонина Пия (в нем цитирован эдикт императора, именующего себя [*Τραιανὸς Σεβαστοῦ*] *Γερμανικός*), т. е. либо Траяна, либо Адриана; значит, судебное разбирательство происходило перед лицом следующего за этим императора). Евреи в этом документе вовсе не упоминаются; это подтверждает взгляд, согласно которому не все произведения этой группы были направлены против евреев. Оба защитника александрийцев здесь, как это ни неожиданно, не александрийцы, а афиняне. Это Афамант и известный по имени уже из Р. Оху 1242 Афинодор. Император спрашивает у них: «Так вы послы не своего, а чужого государства?» — Афамант отвечает: «Мы послы не чужого, а своего собственного государства, ибо наш город родственен¹ (Александрии)». Император говорит: «Пусть позовут ко мне Афинодора».

А ф и н о д о р: «Я здесь, государь, и внимаю твоим распоряжениям».

И м п е р а т о р: «Разве афиняне и александрийцы пользуются одними и теми же законами?»

А ф и н о д о р: «Эти законы сильнее всех других законов, ибо в них заключена гармоническая мера (*εὐκρασία*) человеколюбия».

Это место подтвердило предположение, сделанное уже давно на основании текста *Δικαιώματα*, что в основу александрийских законов легли афинские. Теперь мы находим в папирусе утверждение о т о ж д е с т в е н н о с т и тех и других законов; более того, из нового текста можно сделать вывод, что между Александрией (вернее, александрийской греческой общиной) и Афинами существовала во II—III вв. н. э. симпозиция, спроецированная при помощи консервативной юридической фикции в далекое прошлое. Содержанием этого произведения было, согласно догадке Робертса, ходатайство о возвращении каких-то знатных александрийцев, задержанных в качестве заложников в Риме.

Новый памятник интересен и в другом отношении. Как мы узнаем из знаменитого эдикта императора Клавдия, одним из главных преступлений александрийских евреев считалось то, что они «принимают в свою среду евреев, прибывающих из Сирии и Египта, и тем вынуждают императора относиться к ним с серьезным подозрением»; льготы, предоставленные александрийским евреям уже в более раннее время, имели в виду только их, а не их палестинских и египетских сородичей, так что включение их в состав александрийской общины было незаконным. Мы видим теперь, что александрийские греки поступали точь-в-точь, как евреи, включая в свой состав афинян. Очевидно, сплочение людей одной и той же национальности, не считавшееся с государственными границами, было характерной чертой этого времени и вовсе не свойственно только евреям.

Небольшие отрывки из «Агамемнона» (№ 2178) и «Семи против Фив» (№ 2179) интереса не представляют; зато большие отрывки (№ 2180) из «Эдипа-царя» Софокла (ст. 100—121, 292—298, 397—532, 574—586, 972—974) содержат несколько интересных различий; в ст. 297 *οὐξ ἐλέγ[ε]ων* вм. обычного *οὐξ ἐλέγ[ε]ων*; Mss в ст. 417: *καὶ σ' ἀμφίπλ[η]ν [μ]ητρὸς τ[ε]*

¹ *συγγενής*. В папирусном тексте последние слова, несомненно, ошибочно, приписаны императору.

καὶ ἀπὸ τοῦ πατρὸς в м. чтения рукописей μητρὸς τε καὶ τοῦ πατρὸς; из чтения стиха 507 видно, что Диндорф и Германн понапрасну зачеркивали слова ἐπ' αὐτῷ; в 511 стихе дано новое чтение τῶν, значительно более убедительное, чем чтение τῶ рукописей; в ст. 528 подтвердилась правильность чтения Свида: ἐξ ὁμμάτων δ' ὀρθῶν τε в м. рукописного ἐξ ὁμμάτων ὀρθῶν δὲ (или τε). Довольно большие отрывки (№ 2181) дошли также от Платонова «Федона» (75а—117с с перерывами). Отметим несколько интересных чтений: 82с ἀλλ' ἢ в м. обычного ἀλλ' или ἀλλ' ἢ; 99а—περὶ Βσιωτοῦς в м. Βσιωτοῦς; 100 d: остатки—αγο—впервые дали документальное подтверждение предложенному Виттенбахом уже в XVIII в. чтению προσχρησμένη (это чтение поддержал в своем издании Бёрнет) вместо единого чтения рукописей προσχρημένη. Наконец, в 104а отметим чтение περπίζ в м. рукописного περπίζ.

Переходим к официальным документам. № 2182 представляет собой письмо стратега одного из отделов Арсинойского нома к Дионисию, стратегу Оксиринхского нома (166 г. н. э.). Из этого письма видно, что трудно было, несмотря на все угрозы префекта, реквизировать в Оксиринхском номе и снарядить в путь достаточное количество ослов для перевозки хлеба в Фаюм. Не менее интересно письмо стратега Менелайского нома (№ 2183) от 181 г. н. э. Бывший стратег этой области Филиск получил при продаже конфискованной собственности 212 драхм 5 оболов, но не внес их в казну. Теперь новый стратег этого нома Немесиан ищет эту сумму с наследников Филиска. Такое же письмо стратега представляет собой № 2184 (215г. н. э.), но оно дошло в сильно поврежденном состоянии. № 2185 (92 г. н. э.) представляет собой распоряжение стратега Оксиринхского нома ситологам о выдаче зерна Гераклиду, обрабатывающему γῆ σόβακη. № 2186 (260 г. н. э.)—заявление гимнасиарху и совету города Оксиринха об учете (ἐπίκρισις) лиц, входящих в высшую категорию (прошедших гимнасий). № 2187 (304 г. н. э.) представляет собой спор о наследстве. Интересна в правовом отношении приписка в конце документа: «Заявление Аристиона я переслал 18-го числа через служителя Фония вышеуказанной Фаэсии, но она не пожелала принять документ (ἀπογράφαι)». № 2288 (107 г. н. э.) и 2189 (200 г. н. э.) представляют собой договоры об аренде. № 2190 и № 2191—частные письма I и II в. н. э. Приведем здесь второе из них, сообщающее о благополучном прибытии из Александрии в Италию (в Путеолы) некоего Антония с семьей: «Сойдя на землю в Итальянской земле, я счел необходимым сообщить им, что я и все мои здоровы. Плавание было медленным, но не тяжелым, и мое бременное тело (τὸ σφάγιον) не испытало ничего из тех неприятностей, которые обычно случаются, особенно с теми, которые плывут в первый раз» (приветы и подпись).

Далее следуют 5 документов византийской эпохи, на которых я здесь не могу остановиться ввиду полного незнакомства с этой эпохой. Укажу только на два интересных греко-латинских письма (№ 2193—2194). В обоих этих письмах слово «бессмертный» передается не как «immortalis», а как «unamortis», тогда как «смертный» передается словом «commortis». Никак невозможно вместе с издателем видеть здесь просто неграмотность или опisku; поэтому замечание редактора: «we must emend the *una* to *im* and assume that *al* has fallen out in ll. 1 and 3» мне кажется совершенно неосновательным. Думаю, что эти написания должны заинтересовать лингвистов.

Документы 2195—2197 относятся к известной из уже ранее опубликованных папирусов семье Апионов и представляют собой счета на поставленное зерно и кирпичи.

Обращу еще внимание читателей книги на интересные добавления (Addenda) в конце ее, содержащие новые отрывки и чтения.

С. Я. Лурье

Краткий обзор папирологических изданий

W. PEREMANS en J. VERGOTE. Papyrologisch Handboek, Leuven, 1942 (Katholieke Universiteit de Leuven, Philologische Studien. Teksten en Verhandelingen — IIe Reeks: Deel I.), XX+330 pp.+XVI pl.

Изданное Лейденским университетом введение в папирологию Переманса и Вергота представляет несомненный интерес. В нем тщательно отобран и подан в простой и ясной форме очень сложный и разнообразный материал, размещенный в 15 главах, стремящихся исчерпать содержание современной папирологии. Это деловая учебная книга, не претендующая на открытие чего-либо нового. Первая глава определяет греческую папирологию, как специальную дисциплину. Во второй главе дан список изданий греческих, демотических и коптских папирусов, изданий остраков и надписей, касающихся Египта. В дальнейших главах авторы останавливаются на материалах для письма: папирусе, черепках (остраки) и т. п., на способах нахождения и сохранения папирусов, на палеографии, хронологии, метрологии и т. д. Глава VI посвящена истории папирологии, причем с 1880 г. эта история рассматривается по отдельным странам. В гл. VII дана подробная хронологическая таблица в виде изложения основных фактов истории Египта в птолемеевскую, римскую и византийскую эпохи. В VIII главе дается очерк истории языка, употреблявшегося в папирусах. В последующих главах рассматриваются администрация, налогообложение, юриспруденция и право, религия и культы, положение и взаимоотношения представителей различных народностей и социальные отношения. Глава XIII посвящена экономике. На этом заканчивается основной текст пособия. К каждой главе на нескольких страницах приложена подробная библиография, перечисляющая по возможности всю основную литературу. Две последних главы, XIV и XV, состоят только из библиографии. Книга снабжена индексами, облегчающими ее использование. На отдельных листах даны иллюстрации и фотографии папирусов. Книга снабжена картой Египта и специальной картой Файюма. Тщательность издания несомненно обеспечит книге читателей, изучающих эллинистический, римский и византийский Египет. Идеалистические установки авторов были причиной того, что обзору экономики Египта оказалась посвященной лишь последняя глава основного текста.

PAPYRI IN THE PRINCETON UNIVERSITY COLLECTIONS, ed. with notes by A. C. Johnson and by H. B. van Hoesen (v. I), XXIV+146 pp., Baltimore, 1931; v. v. II, ed. by E. H. Kase, XII+130 pp.+X pl., Princeton, 1936; v. III, ed. by A. C. Johnson and by S. P. Goodrich, XII+124 pp., Princeton, 1942

Три тома папирусов из коллекции Принстонского университета содержат 191 документ. Они распределены следующим образом: в I томе опубликованы 14 больших папирусов, которые все относятся к римскому периоду, к царствованию императора Тиберия, и охватывают небольшой промежуток времени с 20 по 35 г. н. э., кроме последнего документа, относящегося к 23—40 г. н. э., т. е. падающего уже частично и на царствование Калигулы.

Папирус № 1 является журналом, регистрирующим недоимки, № 13 содержит счета. Остальные папирусы — длинные регистры налогов. Том снабжен деловым введением, посвященным вопросам налогообложения. Все папирусы снабжены вводными статьями и прокомментированы. Наиболее важные регистры подробно объяснены, и некоторые данные, извлеченные из них, сведены в таблицы.

II том содержит №№ 15—107. Это небольшие папирусы разного содержания. № 15 содержит два фрагмента послания апостола Иакова в копии V в. н. э., №№ 16—19 являются документами эпохи Птолемея, №№ 20—76 относятся к римскому времени. Это, во-первых, официальные документы: фрагмент эдикта префекта, декларации и про-

шения, договоры, счета и т. п. и, во-вторых, частные письма, магические и астрологические тексты. №№ 77—107 относятся к византийской эпохе и по типам своим тождественны с вышеупомянутыми документами римского периода. Том заканчивается индексами и фотографиями характерных папирусов.

III том содержит №№ 108—191. Это документы римской эпохи. Больше всего документов I и II вв. н. э., на втором месте по количеству представлены папирусы III, IV и V вв. н. э. Несколько документов относятся к византийской эпохе и три документа — к эпохе Птолемея. №№ 108—115 — классические тексты; №№ 116—140 — официальные документы: прошения, утверждения в должности, документы по налогообложению; №№ 141—170 — частные документы по займам, откупам, продажам, счета, магические тексты и частная переписка; №№ 171—191 — описания.

В III томе многие папирусы переведены на английский язык. Заканчивается том индексами.

MICHIGAN PAPYRI, v. V, 1944 (Papyri from Tebtunis, p. II, by E. M. Husselman, E. K. Boak, W. F. Edgerton, XX+446 pp.+VI pl., Michigan, 1944).

Первая часть папирусов из Тебтуниса была издана в 1933 г. во II томе Мичиганских папирусов и состояла из 8 больших документов (№№ 121—128) — канцелярских журналов, в которые заносились дела. Документы эти относятся к 42—49 гг. н. э. и дают интересные сведения по организации канцелярского дела в Египте.

Вторая часть папирусов из Тебтуниса также относится к раннему римскому периоду, до 60 г. н. э., главным образом к 20—40 гг. Она состоит из 131 документа, №№ 226—356, из которых шесть являются демотическими текстами. Деловые вступления и комментарии к каждому номеру содержат интересные указания для сравнений. Почти все папирусы переведены на английский язык.

Папирусы, относящиеся ко второй части, значительно меньше по размерам и более разнообразны. Это прошения к стратегу, клятвенные заверения, документы по налогообложению, канцелярские журналы, краткие содержания договоров и извлечения из них, уставы различных корпораций, например, устав торговцев, документы, связанные с продажей, арендой, в том числе демотические документы по разделу владений, откупные документы, заемные и ссудные, а также различные договоры. Как видно из краткого перечня, это обычные папирусные материалы, которые обогащают наши знания ценными сведениями по экономике, социальным и бытовым условиям и административной практике в Египте I в. н. э. Некоторые документы найдены и в оригинале и в приложенной к оригиналу копии, число дубликатов значительно.

В общем введении говорится о вопросах делопроизводства, грамматики и орфографии, прономенок. Отдельная глава введения посвящена демотическим текстам. Подробные индексы завершают том. В приложении даны снимки с характерных папирусных оригиналов.

THE TEBTUNIS PAPYRI, v. III, p. II. Edited by Arthur S. Hunt and J. Gilbert Gmyly and C. C. Edgar. University of California Publications, Graeco-Roman Archaeology, vol. IV, London, 1938, XXIV+346+4 coll. pl.

Вторая часть третьего тома тебтунисских папирусов завершает растянувшееся на 36 лет лондонское издание знаменитых греческих папирусов, найденных Гренфеллем и Хентом на юге Файюма, на месте древнего Тебтуниса. Издание первого тома

в 1902 г. было важным событием в истории папирологии по значению документов, предложенных вниманию исследователей. В свое время тебтюнисские находки увеличили примерно в два раза количество греческих папирусов птолемеевской эпохи. В 1907 г. вышел второй том тебтюнисских папирусов, относящийся, за исключением пяти документов, к римскому времени. После 26-летнего перерыва в 1933 г. вышла 1-я часть разросшегося третьего тома, в числе публикаций которой находится такой важный документ, как папирус № 703.

Рецензируемая нами вторая часть третьего тома издана в 1938 г. и состоит из последней группы греческих папирусов из Тебтюниса. Отдельные документы в этой части прокорректированы и прокомментированы Хентом. После его смерти работа была завершена Смайли и Эдгаром. Третий том, как и первый, состоит из документов птолемеевской эпохи. Если документы первого тома относятся преимущественно к концу II и к первой половине I в. до н. э., то документы третьего тома принадлежат главным образом к более раннему периоду—к первой половине II в. до н. э. Несколько документов относятся к середине и концу III в. до н. э. Изучение тебтюнисских папирусов птолемеевской эпохи возможно теперь за период до 150—180 лет, если не принимать во внимание отдельных документов, еще более расширяющих хронологические рамки изданий. План построения третьего тома аналогичен с системой, принятой в двух первых томах, но более детально разработан. В соответствии с этим первые пять разделов первого тома разрослись в первой части третьего тома в 9 (литературные фрагменты, царские распоряжения, различные официальные документы, частная переписка, прошения и т. п.). Всего во второй части 268 папирусов, в том числе—198 небольших фрагментов. Содержание делится на 6 больших разделов с X по XV и начинается описью земель. Затем следуют налоговые квитанции и прочие документы, связанные с налогообложением, и частные счета. Сборник завершается большим разделом фрагментов, также разделенных на подразделы по содержанию. Подробные и разнообразные индексы к обеим частям третьего тома заключают издание. В приложении на 4-х отдельных листах даны снимки характерных почерков оригиналов.

Во второй части третьего тома собраны с большой заботливостью остатки тебтюнисского фонда. Поэтому здесь уже нет папирусов особенной важности. Тем не менее в большинстве документов имеются интересные и неизвестные ранее детали. Некоторые из них, несомненно, могут служить материалом для серьезных обобщений. Первые же документы сборника из раздела, посвященного описанию земель (№№ 826—827, 834, а также ряд фрагментов из последнего раздела) фиксируют уже для начала II в. до н. э. большие пространства непроизводительной земли и запустение значительного населенного пункта, название которого, к сожалению, не сохранилось. Эти явления, очевидно, связаны с социальной борьбой египтян, которая в широких размерах началась со времени Филопатора, и указывают на начало все углублявшегося хозяйственного кризиса в государстве Лягидов, о чем мы можем судить и по другим источникам. № 828 тоже говорит о запустении земель, но он относится к более позднему времени. №№ 829—832 сообщают о размерах арендной платы. Ряд документов из второй части третьего тома сходен с уже давно известными документами первого тома. Сборник дает примеры известных ранее переговоров чиновников с пассивно сопротивляющимися царскими земледельцами (№ 927). В № 1020 упомянут новый разряд царской земли: *ἱερὰ καὶ ἐκτετατά*. Ряд документов посвящен перевозкам зерна в Александрию. В документах по налогообложению встречаются несколько новых названий деревень. Эти же документы сообщают нам и названия некоторых ранее неизвестных или не вполне ясных налогов, в том числе один в пользу храма бога Суха (№ 1063).

Интересен счет под № 853, в котором упомянуто залоговое обеспечение своей должности ситологом. Как часть залога здесь фигурируют и тридцать «литургийных дней» нашего чиновника.

Весьма интересен № 890, который издатели отнесли, не уточняя, ко II в. до н. э. Это самый длинный папирус в сборнике, он состоит из 230 строк и содержит журнал текущих финансовых операций местного банка в Файюме. Интересна практика безна-

личных расчетов в финансовых делах вкладчиков банка — мелочных торговцев и ремесленников, отмечающая высокое развитие обмена в египетской *хóра*.

Различные частные документы изобилуют полезными сведениями: ценами на товары, перечнем различных бытовых предметов. № 894 представляет счета одного «клуба», как озаглавили документ издатели.

Важным нам представляется также упоминание в фрагментарном папирусе № 874 от 179 г. до н. э. термина *ἰδίος λόγος*. Издатели указывают, что это — наиболее древнее упоминание учреждения, о котором до сих пор не было упоминаний ранее 162 г. до н. э.

Еще много можно было бы привести примеров для характеристики обильного содержания интересного сборника. Изучение его, несомненно, конкретизирует и уточняет многие вопросы истории эллинистического Египта III и II вв. до н. э. Ярким примером такой конкретизации может служить, например, № 844 от 256 г. до н. э. Это фрагмент счета мастерской, вырабатывающей растительное масло. Папирус современен Податному уставу и дает ценную иллюстрацию практики монополии растительного масла.

Издатели проделали трудную редакционную работу, издав очень фрагментарный и изобилующий сокращениями материал. Они по возможности облегчили его использование прекрасными деловыми комментариями и вводными замечаниями почти к каждому номеру. Они не только перевели на английский язык наиболее характерные и важные места документов, но и составили в отдельных случаях сводные таблицы из папирусных данных (см. № 854). Следует отметить также богатый материал для сравнений, подобранный издателем из других собраний папирусов и в особенности из собрания папирусов Зенона.

Н. Н. Пукс

RONALD SYME. *The Roman Revolution*. Oxford at the Clarendon Press, 1939, XII+568

Из монографий, вышедших в последнее десятилетие и посвященных истории падения республики и установлению принципата, особое внимание исследователей привлекла книга Рональда Сайма, охватывающая период от 60 г. до н. э. до 14 г. н. э. (от установления первого триумvirата до смерти Августа). Разбору выводов и основных положений Сайма посвящен ряд рецензий, из которых наиболее значительными и основательными являются рецензии Момильяно в *Journal of Roman Studies* за 1940 г. (1, 75—80), Майфайдена в *Classical Journal* за 1942 г. (№ 1, 38—40), Ламбрека в *Antiquité classique* за 1942 г. (XI, 1, стр. 147—151). Особое внимание рецензентов привлекло то, что в своей монографии Сайм широко пользуется так называемым просопографическим методом исследования, сущность которого сводится к систематическому использованию данных, касающихся отдельных лиц и отдельных фамилий, упоминаемых в наших источниках. Просопографические исследования приобрели особенное значение в связи с изданием справочных пособий (например словаря *Pauly-Wissowa*); ряд исследователей (Гельцер, Мюнцер, Леви и др.), пользуясь этим методом, предложили ряд объяснений тех или иных явлений римской истории.

Особенность работы Сайма состоит в том, что просопографические данные применяются им при разрешении одного из основных вопросов римской истории. Содержание книги сводится к следующему: политические партии в Риме основывались, по мнению Сайма, на иных принципах, чем в новое время. Спор шел не между сенатом и народом, оптиматами и популярами, нобилиями (*nobiles*) и новыми людьми (*homines novi*); борьба велась за власть, богатство и славу. Родственные, дружеские, клиентские, а часто и личные связи — вот то, на чем выжидали римские партии. После Суллы правящая аристократия переживает кризис. Некоторые патрицианские фамилии исчезли совсем, другие перестали играть роль и не давали даже консулов, то же произошло и с некоторыми выдающимися плебейскими семьями. Правящая олигархия не выдвинула из своей среды

вождя и вынуждена была признать превосходство Помпея, которое установилось благодаря союзу его с Цезарем и Крассом. Впоследствии, однако, происходит сближение Помпея с сенаторской знатью, и это вызывает конфликт его с Цезарем, перешедший в гражданскую войну. Цезарь вначале отнюдь не стремился к диктатуре, был истинным союзником Помпея и выступил против него потому, что не хотел стать его жертвой. И Помпей и Цезарь в одинаковой мере стремились к господству; если бы битва при Фарсале имела иной исход, через несколько лет Помпей, вероятно, был бы диктатором и был бы убит перед своей статуей. Однако партия Помпея и партия Цезаря состояли из различных социальных элементов. Опорой первого были *nobiles*¹, защищавшие достоинство (*dignitas*) своих домов; среди сторонников Помпея можно было редко встретить новых людей (*homines novi*). Иной состав был партии Цезаря. К нему примкнули некоторые сенаторы, принадлежавшие к старым патрицианским семьям, молодые *nobiles*, среди которых были даже дети консуляров, поддерживавших Помпея и Катона Младшего. На стороне Цезаря находились «деловые люди», из которых хорошо известны нам неутомимые Опций и Бальб, могущественный банкир и финансист Рабирий Постум. Цезаря поддерживали всадники и римские плебеи, ему были преданы солдаты галльских легионов, особенное значение имела поддержка италийской муниципальной знати; наконец, на стороне Цезаря были видные провинциалы. Цель партии Цезаря—создание нового правительства, «правительства национальной концентрации». После победы над помпеянцами Цезарь пополнил сенат новыми членами. Лишь незначительное меньшинство новых сенаторов принадлежало к демократическим элементам—вольноотпущенникам или провинциалам. Бывшие центурионы, посаженные в сенат, были теми же представителями италийской муниципальной аристократии. Нет оснований приписывать Цезарю стремление к осуществлению монархии восточного типа. Цезарь неповинен в своем обожествлении после смерти. Современники Цезаря, в частности Цицерон, ничего не говорят о религиозном обосновании его власти. Попытки видеть в его политике стремление утвердить монархию эллинистического типа—домыслы современных ученых. Цезарь—реалист и оппортунист, римлянин и консерватор по своим убеждениям. Диктатура вполне обеспечивала проведение его политической программы. Заговор против Цезаря был составлен *nobiles*, не мирившимися с его программой. Большую роль в подготовке заговора играли родственные и династические связи.

После смерти Цезаря происходит борьба между различными социальными элементами. В сенатском соглашении 17 марта 44 г., благодаря коалиции цезарианцев и республиканцев, Рим снова получил конституционное правление. Сайм считает, что Антоний был лоялен по отношению к республиканским учреждениям. Инициатива гражданской войны исходила от консервативных сенаторов, среди которых особенно большую роль играл Цицерон. Они соединились с Октавианом, который использовал имя отца и завербовал цезарианских солдат, привлек на свою сторону подозрительных финансистов, беспринципных вольноотпущенников, молодых и честолюбивых представителей италийской знати. Выступление Октавиана Сайм считает революционным. Второй триумvirат рассматривается им как стремление террористическими методами подавить противников цезарианской партии. Во время гражданских войн решающее значение имели солдаты, вышедшие по преимуществу из низших слоев италийского общества, поэтому передел земель италийских городов характеризуется как социальная революция, вызвавшая протест имущих классов—Перузинскую войну, во время которой сказались сепаратистские тенденции италийских городов. Это—до известной степени продолжение Союзнической войны. Брундизийское соглашение между Октавианом и Антонием (40 г.) положило начало преобладанию Антония. К последнему присоединяются бывшие республиканцы и наиболее видные цезарианцы. На стороне же Октавиана, кроме некоторых близких людей из видных цезарианцев,—преимущественно демокра-

¹ M. Gelzer, (*Die Nobilität der römischen Republik*, Leipz.-Berl., 1912) устанавливает, что к *nobiles* относились те сенаторские семьи, которые в числе предков имели консулов. В этом смысле употребляет понятие *nobiles* и Сайм.

тические элементы: плебс и солдаты. Октавиан в это время—вождь революции. Его спасало счастье, имя Цезаря, цезаревы ветераны и дипломатия друзей. После соглашения между триумвирами и Секстом Помпеем в Путеолах в Италию возвращаются многие из помпеевцев. Секста Помпея, успешно проводившего вначале свою дипломатическую политику, под влиянием цезарианской агитации считают теперь авантюристом и пиратом. Политическое влияние Октавиана растет постепенно. На его стороне были сенаторы из разряда *homines novi*, но решающую роль в повороте общественного мнения в его пользу сыграло то, что ветераны и солдаты, получавшие землю, так же как и спекулянты, разбогатевшие на проскрипциях, жаждали порядка. В партии Октавиана появляются *nobiles*, но Антоний, находившийся на Востоке, пользуется еще большим влиянием. Внешнюю политику Антония Сайм считает продолжением традиционной римской политики на Востоке. Он идет по пути Помпея и Цезаря. Брак Антония и Клеопатры объясняется исключительно дипломатическими соображениями римского полководца и эллинистической царицы. Клеопатра не отличалась ни юностью, ни красотой. Брачного союза требовал церемониал египетского двора.

Обвинение Антония в том, что он без разбора дарил римские земли, основано на излишнем доверии к той агитации, которую повел против него Октавиан. Агитация эта имела успех среди италийской муниципальной аристократии, которая была недовольна тем, что возвращение земель восточным династам лишало ее возможности бесконтрольно распоряжаться в провинциях. Партия Октавиана одерживает верх. Против Антония составил единый фронт. Октавиан выступил как вождь (*dux*) всей Италии, и борьба его с Антонием закончилась Актийской победой. Поражение Антония объясняется не внезапным бегством Клеопатры, а тем, что Октавиану, вернее Агриппе, удалось провести блокаду; кроме того, полководцы Антония не были подготовлены к морской войне.

Победа Октавиана и его партии привела к изменению политики. Сам Октавиан, названный Августом, превратился из вождя в принцепса. 13 января 27 г. не внесло ничего принципиально нового в политический строй. Коренные изменения произошли позднее.

Сайм считает схематизмом и страшным заблуждением выдвигать на передний план юридические основания власти Августа и искать политические прецеденты ее в республиканском государственном праве; тщетны были бы наши попытки реконструировать и философское обоснование принципата.

После победы над своими политическими противниками Август не был уже революционным вождем, каким он был во время гражданских войн, и, чтобы удержать власть, он должен был иметь поддержку собственников, активное содружество правящих классов. Наряду и выше всех его полномочий стояла его *auctoritas*, то особое влияние, которым пользовался в римском обществе сенат и выдающиеся его члены. Не вся аристократия перешла на сторону Августа: среди *nobiles* было немало врагов Августа. Первые годы принципата характеризуются преобладанием монархических тенденций в политике Августа. Однако это встречает противодействие руководителей его партии и вызывает кризис партии. Разрешению кризиса способствовали близкие к Августу люди: его жена Ливия, Меценат и Агриппа. Особенно большую роль сыграли Ливия, заботившаяся об укреплении влияния своих сыновей, и Агриппа, который, несмотря на свою верность Августу, сохранил республиканские убеждения. Затруднения во внешней политике, заговоры на жизнь Августа и его болезнь способствовали тому, что в 23 г. совершился *coup d'état*, и этот год с большими основаниями можно считать началом принципата, чем 27-й. Октавиан отказывался от консульства, и власть его с этого времени базировалась на проконсульском империи (*imperium proconsulare*) и трибунской власти (*tribunicia potestas*); *nobiles* избираются на высшие должности, и в консульских фастах этого времени встречается немало представителей старой знати с выдающимися фамилиями, устанавливаются семейные связи, но опорой Августа, его партией остаются *homines novi*, италийская муниципальная аристократия, а главным образом—армия. Ветераны, поселенные в Италии и провинциях, также были прочной опорой его власти, бывшие центурионы выходят во всадники, из них комплектует

ся императорский аппарат. Политика Августа по отношению к сословиям изменяется в различные периоды его правления, но общей чертой его политики было привлечение новых людей. Это обусловлено не только их талантами и заслугами новой знати, большую роль играют патронаж и протекция как самого Августа, так и близких к нему людей, например Ливии. К концу правления Августа, особенно с 4 г. н. э., усиливаются монархические и династические тенденции в его внутренней политике.

Победа Августа над Антонием при Акции считалась национальным и религиозным торжеством: итальянские боги одержали победу над звероподобным божеством Нила. С первых дней принципата возвещается национальная программа, главными лозунгами которой были: установление мира (*pax Augusta*), возвращение свободы (*restitutio libertatis*) и восстановление обычаев предков (*mos maiorum*). Эти лозунги находят отражение в законодательстве Августа. Организации общественного мнения было уделено большое внимание, и эта задача возложена была на поэтов и историков. Большинство их пострадало во время революции, но было вознаграждено Августом. Нет оснований видеть в их отношениях к Августу только придворную лесть. Поэты этого времени—уроженцы Италии, они отражают взгляды итальянских классов. Характерными чертами августовской поэзии было преодоление александринизма и эллинизма, возвращение к образцам классической Греции и римской традиции. Все это способствовало созданию национальной римской поэзии.

Август встречал сопротивление главным образом со стороны потомков старой знати. Консерваторы находили поддержку в его семье. Одно время клику консерваторов поддерживал его пасынок Тиберий, какие-то неясные и непонятные политические мотивы вызвали ссылку сначала старшей, а потом и младшей Юлии. Но оппозиция старой сенатской знати не была действенной. Для эпохи Августа и последующих периодов характерно вымирание старой знати, вызванное экономическими и политическими причинами. Сайм останавливается подробно на судьбе различных родов, игравших большую роль во времена республики. После социальной революции *nobiles* остались лишь благодаря поддержке и субсидиям военного вождя, врага их класса, но они ничего не забыли и ничему не научились во время революции. Политическая активность уступает место стремлению к покою (*quies*), что раньше характерно было для всадничества. *Pax et principis* получают всеобщее признание. Победа Августа объясняется не его способностями и талантами, а поддержкой его партии. В конечном счете это была победа «неполитических классов». Принципат может в известном смысле рассматриваться как триумф Италии над Римом. «Римское государство, твердо базирующееся на единой Италии и связанное со всей империей, полностью обновилось благодаря новым институтам, новым идеям и новой литературе, ставшей классической».

Таково в общих чертах содержание книги Сайма. Появление ее внесло немало нового в историографию принципата. Автор базируется на новейшей литературе и всесторонне использует данные источников. Наиболее ценными следует считать главы, посвященные анализу состава различных политических партий. Систематическое использование просопографических изысканий позволило Сайму решить ряд важных частных вопросов римской социальной истории. Несомненное значение имеют его выводы, касающиеся состава сенатского сословия во времена Цезаря и Августа. Многое из того, что прежде было лишь гипотезой, получило полное подтверждение. Так, например, Стюарт Джонс, один из авторов «Кембриджской древней истории», утверждал, что во времена Августа была открыта дорога новым людям, но в подтверждение своей мысли Джонс ссылался лишь на примеры Агриппы и Статилия Тавра¹. В настоящее время благодаря работе Сайма мы получили отчетливое представление о «новых людях», окружавших Августа, всем ему обязанных и во всем его поддерживавших.

Достоинством работы Сайма является то, что на первый план выдвинута социальная история. Это одна из немногих работ, в которой на передний план выдвинуты социальные отношения в период после смерти Цезаря и во времена Августа. Из новых прие-

¹ Cambridge ancient history, vol. X, 1934, стр. 177.

мов исследования обратим внимание на анализ значения различных политических лозунгов. Сайм показывает, как меняли свое значение или приспособлялись к различным политическим условиям такие понятия, как *libertas*, *concordia*, *consensus Italiae*, *mos maiorum*, которые представляют собою своеобразные политические лозунги (catchwords). Автор протестует против сведения истории принципата к анализу юридических понятий. В одном месте он замечает, что Тацит и Гиббон лучше понимали многие вопросы истории принципата, чем современные историки (стр. 3). Интересное изложение, мастерские характеристики, большой материал не только по политической истории, но и по истории быта—все это позволяет назвать книгу Сайма одной из наиболее интересных и живых книг из той необозримой литературы, которая посвящена принципату.

Критики Сайма обратили главное внимание на то значение, какое придает Сайм просопографическим данным. «Сайм и его предшественники,—пишет Макфайден,—своими просопографическими изысканиями внесли, несомненно, новое в наше понимание курса римских политиков; нельзя, однако, признать результаты этих исследований какими-то революционными, как сами исследователи склонны это допустить» (стр. 38). «Просопографические исследования,—пишет Момильяно,—имеют большое значение, когда дело идет об отдельных личностях и отдельных группах, но... история есть история проблем, а не индивидуумов или групп» (стр. 77, 78). Ламбрек, более сдержанный в своих возражениях Сайму, соглашается с последним, что партия Помпея не что иное как коалиция четырех фамилий: Метеллов, Сципионов, Клавдиев Марцеллов и Корнелиев Лентулов (стр. 147). Но в данном случае это не обосновано. Сайм и его рецензент не опираются на данные источников, и их положение относится к числу домыслов ученых «просопографического» направления. Мы считаем, что, соглашаясь с принципами Сайма, рецензент преувеличивает значение брачных союзов. Укажем хотя бы на то, что чуть ли не решающее значение в истории Цезаря придается тому, что не состоялся брак Марка Юния Брута и дочери Цезаря Юлии. Просопографический метод помог Сайму при изучении состава сената, партии Цезаря и Августа, но чрезмерное увлечение им привело автора к тому, что острая социальная борьба позднереспубликанского периода растворяется в анализе семейных коалиций, борьбы между фамилиями, династических браков и т. д. В рабовладельческом Риме с аристократическим его строем семейные связи играли, несомненно, большую роль, но переоценивать роль этих связей не приходится. Нельзя игнорировать то обстоятельство, что наши источники (Тит Ливий, Цицерон, Цезарь, Саллюстий) не придают им почти никакого значения. Однако не в переоценке просопографии видим мы основные недочеты книги Сайма. Критики его оставили без внимания те исходные положения, на каких базируются выводы Сайма. Книга его называется «Римская революция». Понятием «революция» Сайм постоянно оперирует. Попытаемся определить, как оно у Сайма трактуется. Мы находим у него замечание, что Брут и Кассий со своими сторонниками, или, как называются они у Сайма, «освободители» (*liberatores*), готовили настоящую революцию (стр. 103). Революцией называется и вербовка Октавианом цезаревых ветеранов (стр. 128). Захват восточных провинций Брутом и Кассием называется революционными изменениями на Востоке (стр. 172). Другими словами, под революцией понимается в этих случаях всякое деяние, не оправданное законами и политической традицией. Пользуется часто Сайм и термином «социальная революция». Под этим понятием он имеет в виду всякое выступление против собственности и против господствующих классов. Носителями социальной революции в 44 и последующих годах считаются цезарианские солдаты, которые характеризуются как вооруженный пролетариат Италии (стр. 180 слл., 352 и др.). Октавиан, как мы видели, называется революционным вождем, а Сальвидиен Руф—маршалом революции (стр. 220). Революция имела свои лозунги (стр. 155), осуществление их привело к тому, что в Италии одно время водворилась анархия и тирания (стр. 156). Закрепление земель за ветеранами, имущества проскрибированных за разбогачившимися спекулянтами и утверждение власти наследника Цезаря характеризуется как стабилизация революции (стр. 320). Революция привела к тому, что Италия одержала победу над Римом, но это, и по Сайму, не означало еще изменений социальных

порядков: одна олигархия (олигархия нобилей) сменилась другой. И вообще, по Сайму выходит, что обширной империей не может править демократия, ею не в силах управлять один человек, неизбежной всегда является олигархия (стр. 296). Суть только в том, из каких элементов она составляется. Таким образом, смена одной олигархии другой олигархией и является, по Сайму, революцией.

Такой взгляд на революцию свойственен не только Сайму, но и многим другим представителям немарксистской историографии. Из историков Рима следует назвать Моммзена, говорившего о революции Гракхов¹, Сульпиция Руфа² и Цинны³. Ближе всего Сайм к М. Ростовцеву, который говорит об Октавиане как революционном вожде, а об его армии как о революционной⁴. Из новых работ сошлемся на популярную книгу Евы Санфорд, у которой идет речь о революции 120—60 г.⁵ Основное положение Сайма вызвало возражения со стороны Момильяно. Последний соглашается с Саймом относительно определения последнего периода республики как революции, но склонен отнести начало этой революции к 80 г.⁶

Историка-марксиста не может удовлетворить такое понимание революции. «Революция,—говорит Ленин,—есть такое преобразование, которое ломает старое в основном и коренном». Сталин называет революционным такое движение, которое ставит своей целью «в корне уничтожить старые порядки и внести в жизнь качественные изменения, установить новые порядки»⁷. Между тем ни Октавиан, ни его союзники не ставили своей целью установление нового социального строя. Прокрипции, наделение земель—все это средства упрочения военной диктатуры, которая ставила своей целью не преобразовать общество, а подавить сопротивление трудящихся классов. Солдаты и ветераны Цезаря, избивавшие проскрибированных и отбиравшие землю у жителей итальянских городов, характеризуются у Сайма как вооруженный пролетариат Италии. В этом отношении автор не оригинален, он развивает мысль Ростовцева⁸. При таком толковании интересы определенной социальной группы определяются исключительно социальным происхождением ее представителей, что ведет к неправильным выводам, к искажению действительности. Солдаты Цезаря и его преемники принадлежали к низшим классам итальянских жителей, но служба в армии отрывала их от родной почвы и превращала их, как указывает Энгельс, в «ландскнехтов», в деклассированную группу, положение которой зависело от успехов того полководца, которому они служили. Ни в одном из источников не найдем мы указания, что солдаты поддерживают римскую или итальянскую бедноту. Наоборот, все гражданское население ненавидит «безбожных воинов», главных виновников гражданской смуты.

Неправильное определение понятия революции не дало Сайму возможности обратить должное внимание на действительно революционные выступления в Риме и Италии против военной тирании. Сайм упоминает о них вскользь и не отделяет их от действий разнузданной солдатчины. Недостаточное внимание уделено и роли рабов во время гражданских войн. Исключение составляют лишь беглые упоминания о рабах в войске Секста Помпея (стр. 228, 231) и замечание о том, что социальная революция могла и рабов заключить в свои объятия (стр. 255); в связи с этим не отмечена и роль Августа в укреплении рабовладения.

Большую роль играет в настроении Сайма понятие партии. Но применяется оно механистически. По Сайму выходит, что никогда не было противоположности между

¹ М о м м з е н, История Рима, т. II, 1937, стр. 87, сл.

² Ibid, 207.

³ Ibid, 287.

⁴ M. R o s t o v z e f f, the Social and economic history of the Roman Empire, Oxford, 1926, стр. 40.

⁵ E. S a n f o r d, The Mediterranean World in Ancient times, New-York, 1938.

⁶ Reviews and discussion, JRS, vol. XXX, p. I, 1940, стр. 75.

⁷ С т а л и н, Соч., т. I, 1946 г., стр. 300 сл.

⁸ Rostovtzeff, op. cit., стр. 29.

оптиматами и популярями; дело сводилось к борьбе между «фамильными» кликами. Выступление Тиберия Гракха, например, было инспирировано группой влиятельных консуляров антиципионовской ориентации. Отношения между различными семьями так или иначе определяют и другие драматические события римской политической истории. Ошибка Сайма заключается в том, что понятие «партия» трактуется им неисторически. Время Гракхов и последующий порядок—это период напряженной борьбы римской демократии против аристократического режима. Происхождение и фамильная принадлежность Гракхов не имели значения. Борьба определялась объективными условиями: восстаниями рабов, обезземелением крестьянства, недовольством сенатским управлением средних кругов населения, влиянием греческих политических теорий. В последующие периоды, особенно после Суллы, понятия «*optimates*» и «*populares*» имеют иное значение. Политическая борьба получает иное направление: в конце концов она сводится к борьбе за военную диктатуру. Когда автор говорит о «партии Цезаря», о «партии Октавиана», он имеет в виду те социальные круги, какие оказывали Цезарю (или Октавиану) поддержку. Никакой о р г а н и з о в а н н о й партии Цезаря или партии Октавиана не было.

Спорными считаем мы заключения автора о партийных группировках во время принципата. Нигде нет указаний, что Ливия, Агриппа и Меценат были инициаторами политических новшеств 23 года. Не находит подтверждения в источниках и высказанное еще Ферреро положение, что Тиберий был главой аристократической партии¹.

Вызывают возражения и отдельные выводы Сайма. Положение, что Цезарь не стремился к царской власти и не заботился о своем обожествлении, осталось недоказанным. Эд. Мейер привел достаточно убедительные данные, доказывая противоположное². Их не опровергает тот *argumentum e silentio*, к которому прибегает Сайм,—ссылка на то, что об этом не говорится в переписке Цицерона (стр. 54). Нельзя забывать, что в последний период, когда особенно отчетливо сказались абсолютистские и теократические тенденции Цезаря, Цицерон был на его стороне и возлагал даже надежды на реформаторскую деятельность диктатора. Об этом говорится, между прочим, и у самого Сайма (стр. 53). Роли религиозных идей Сайм, как это отмечает и Момильяно³, не уделяет должного внимания, им не учтена работа Гаже, посвященная анализу так называемых иррациональных моментов⁴, способствовавших утверждению принципата, совсем не упомянута также интересная книга Линдсея о Марке Антонии, где религиозные вопросы этой эпохи связаны с социальными течениями⁵. Сравнительно мало уделяется внимания внешней политике, несколько в тени осталась провинциальная жизнь, взаимоотношения с подчиненными Риму государствами.

Взгляды Сайма на роль Марка Антония, несомненно, оригинальны. Можно согласиться с автором, когда он говорит, что брак Антония и Клеопатры объясняется политическими мотивами, но нельзя принять его положения о том, что Антоний был лояльным республиканцем и проводил традиционную римскую политику на Востоке. Не имея возможности анализировать подробно всю его аргументацию, отметим лишь, что нет оснований игнорировать данные источников, относящиеся к последнему периоду деятельности Антония (подготовка к Акцию и после Акция), как это делает автор. В других случаях Плутарх и Дион Кассий привлекаются Саймом как достоверные источники, здесь же они обходятся. Не считается Сайм также с нумизматическими данными, сви-

¹ Ферреро, Величие и падение Рима, русск. пер., М., 1923, стр. 141.

² E d. M e y e r, *Caesars Monarchie und das Principat des Pompejus*, Stuttg. u. Berl., 1922, стр. 508 сл.

³ Рец. в JRS, 1940, I, стр. 76.

⁴ G a g é, *De César à Auguste*, «Revue historique», t. 177, Paris, 1936, стр. 279—342.

⁵ J. L i n d s a y, *Marc Antony, his world and his contemporaries*, Lond., 1936.

действующими об авторитарных тенденциях Антония¹. Не разделяем мы и взгляд Сайма на *Res gestae divi Augusti*, как на исторический источник. По мнению Сайма, этот памятник не дает даже представления о конституционном положении Августа, и «было бы неблагоприятно использовать этот документ как надежный путеводитель по истории» (стр. 523). Это, может быть, естественная реакция на книгу Вильгельма Вебера, где *Res gestae* характеризуется не только как исключительный по своей ценности исторический источник, но и как своеобразный религиозный памятник и в то же время произведение, выдающееся по своему стилю и даже ритмическому сочетанию отдельных слов². Но все же *Res gestae*—политическая программа, официально выраженный взгляд Августа на свою власть, и наши суждения о принцепате должны прежде всего базироваться на этом памятнике. Мы отметили, что в книге использована обширная литература по данному периоду, появившаяся в последние годы, но автор не прав, игнорируя некоторые выдающиеся старые исследования. Незаслуженно обойдена объемистая монография Гардтгаузена *Augustus und seine Zeit*.

Считаем необходимым отметить, что автор с большим вниманием отнесся к фактическому материалу, и во многих отношениях книга Сайма может служить надежным справочником, особенно по вопросам, касающимся происхождения и деятельности отдельных лиц. Момильяно, правда, отмечает, что на стр. 422 неправильно указано, что П. Эмилий Лепид был женат на старшей Марцелле, в действительности же он был женат на младшей Марцелле, и это указывается у того же Сайма на стр. 378, прим. 3³. Ламбрек, основываясь на исследовании де Лэ, отмечает, что Юний Поллиен и Гн. Домитий Афер начали карьеру не при Августе, а при Тиберии⁴. Кроме того, основываясь на данных того же де Лэ, Ламбрек указывает, что при Августе можно насчитать восемь сенаторов-провинциалов⁵. Мы, в свою очередь, заметим, что неправильно указана дата смерти Лепида—12 вместо 13 года (стр. 469)⁶. Кроме того, на стр. 313, где речь идет о 27 годе, Октавиан назван С. Julius Caesar Octavianus, но с 40 г. он официально именуется просто Imperator Caesar⁷.

Книга Сайма с многообещающим заглавием, использующая большое количество источников и обширную литературу, содержащая много ценных частных исследований, наблюдений и выводов по специальным вопросам, оказывается в конечном счете несостоятельной в объяснении падения республики и установления принцепата. Ни эрудиция автора, ни тщательность его работы, не могут возместить основного методологического порока автора и его книги—неумения видеть за фактами политической и социальной борьбы их скрытой пружины, их глубокой социально-экономической основы.

Н. А. Машикин

Происхождение плебейской организации

F. ALTHEIM. *Lex sacra*. Pantheon., Akad. Verl., Amsterdam, 1940, 44 стр.

Древнейшая история римского плебса принадлежит до сих пор к числу наиболее сложных исторических проблем. Возникновение и развитие плебейской организации,

¹ САН X, 67, 69, 72, 78, 80; Gardthausen, *Augustus und seine Zeit*, I, 1891, стр. 333; II, 1891, 163.

² W. Weber, *Princeps*, I, стр. 102 ff.

³ Momigliano, *JRS*, 1940, 75.

⁴ Lambrecht, *Antiquité Classique*, 1942, стр. 149.

⁵ Ibid.

⁶ Об этой дате Gagé, *Res gestae divi Augusti*, стр. 91.

⁷ W. Liebenam, *Fasti consulares imperii Romani*, 1909.

приведшее к тому, что плебс становится «государством в государстве», введение народного трибуната, этого, по словам Ed. Meyer'a, самого загадочного и самого странного явления в истории государственных учреждений,—все эти вопросы не получили в исторической науке удовлетворительного объяснения и в настоящее время.

Историк римской религии и специалист по ранней истории Рима F. Altheim в своей работе «*Lex sacrata* (Die Anfänge der plebeischen Organisation)» делает попытку обосновать новый взгляд на происхождение плебейской организации.

Для этого F. Altheim считает необходимым привлечь к изучению данные исторической традиции о внеримской Италии. Из нее мы можем почерпнуть сведения о *lex sacrata*.

В 432 г. эквы и вольски проводили набор против Рима. Это было сделано в форме *lex sacrata*. Подобная же *lex sacrata* встречается у этрусков в 310 г. при наборе войск тоже против римлян. В последний раз *lex sacrata* появляется в 191 г. у лигуров.

Таким образом, упомянутый институт встречался у итальянских племен, живших на территории, простирающейся от западных областей верхней Италии до средних Апеннин. Поэтому его можно считать общеталийским.

Применение *lex sacrata* засвидетельствовано ранее всего для оскско-сабельских племен (эквы и вольски). Но примерно столь же древнее применение находит *lex sacrata* у родственных им самнитов.

Что же представляла собой *lex sacrata*, и в каких формах она осуществлялась? Для выяснения этого F. Altheim подробно излагает рассказ Ливия (10, 38, 2) о подготовке самнитов к походу 293 г., когда в чрезвычайно торжественной и устрашающей обстановке была проведена священная присяга, создана *legio lintheata*, всем способным носить оружие, но уклонившимся от участия в этом ритуале, угрожало проклятие, и голова их обрекалась Юпитеру. F. Altheim полагает, что это свидетельство Ливия восходит к какому-то хорошему греческому источнику, и даже считает возможным установить, что этим источником был автор *Κορυθαί* Гиперох.

Но какова же связь этого института, который мы пока встречаем лишь у итальянских племен, с Римом?

Еще K. Latte («*Göt. Gel. Nachr.*», 1934—36, 68) пытался показать связь *lex sacrata* с римской *coniuratio*. Однако это сопоставление нельзя признать удачным хотя бы уже потому, что, как указывает сам Latte, *coniuratio* покоится на добровольности. Таким образом, связей с Римом следует искать в другом направлении. В каком именно, об этом говорит сам термин *lex sacrata*—он ведет нас в Рим эпохи сословной борьбы.

Но здесь, как вынужден признать Altheim, перед исследователем встанут большие затруднения. Они заключаются в том, что традиция, излагающая нам историю борьбы между патрициями и плебеями, чрезвычайно недостоверна. Однако Altheim считает, что если восстановление исторических событий данного периода является делом слишком рискованным, то все же традиция должна верно передавать те общие представления, которые связывались для римлян с этими событиями. Если, например, 1-я сецессия и «выдуманна», то тот, кто ее выдумал, должен был все же оперировать известными и правдоподобными для своих читателей представлениями. Поэтому, если не внушает доверия хронология и самый рассказ о событиях, то вполне может иметь историческую ценность то, что говорится о существовании тех или иных институтов.

Далее F. Altheim устанавливает параллели и точки соприкосновения между древнеиталийской *lex sacrata* и плебейской организацией.

Согласно традиции, плебс конституировался как особая община при помощи *lex sacrata*. Этим же путем во время сецессии 494 г. трибуны были провозглашены *sacrosancti*. Еще ярче выступает характер присяги в 449 г., когда говорится о том, что голова всякого, кто нарушит неприкосновенность трибунов, обрекается Юпитеру, а его *familia ad aedem Cereris Liberi Liberaeque venum iret* (Liv., 3, 55, 7), т. е. у храма авентинской тройцы, которая была древнейшим плебейским культом.

Такое первое сопоставление с самнитским институтом. Плебс конституирует себя как особая часть общины путем присяги, наподобие самнитской *legio lintheata*. Как

самнитов, так и плебеев обязывает *religio*; характер проклятия для нарушителей одинаков в обоих случаях.

Но возможность сопоставлений простирается дальше. Она относится и к той форме, в которой сохранялась неприкосновенность трибунов. Пресловутый «суд Линча» плебеев выступает благодаря итальяскому *lex sacrata* в совершенно новом освещении.

Объединение плебса знаменует собой начало сословной борьбы. Но примеры подобной борьбы известны нам и из самнитской истории: борьба между греческим населением Неаполя и проникшими в город кампанско-самнитскими племенами, борьба между этрусским и самнитским населением Капуи. Altheim пытается доказать, что в приведенных примерах имела место не только вражда между различными этническими группами, но и борьба за политические права, борьба сословий.

И, наконец, возможно еще сопоставление в военном отношении. Как известно, традиция рисует сецессии чисто военными предприятиями. Следовательно, в Риме на основе *lex sacrata* возникла обособленная от всей общины военная группа. Из этого, говорит Altheim, становится ясным, что представлял собою плебс как организация. Он не был никогда особой гражданской общиной, но был, — во всяком случае в древнейший период, — военной организацией. И если самнитская *legio linteata* образовалась по распоряжению военных вождей (*imperatores*) и находилась под их командованием, то так же обстояло дело и у плебеев. Аналогичную роль здесь играли трибуны.

Исходя из этого, F. Altheim категорически восстает против основанного на свидетельстве Диодора и высказанного впервые Эд. Мейером мнения об основании трибуната в 471 г. и о функциях трибунов как представителей четырех триб.

Подвергая точку зрения Эд. Мейера критическому разбору и до азывая ее несостоятельностью, F. Altheim считает, что следует вернуться к предположению Моммзена, согласно которому *tribuni plebis* были созданы по образцу *tribuni militum*, тем более, что подобный взгляд подтверждается римской традицией.

Итак, римская традиция, как она ни хрупка и отрывочна в большинстве своих показаний, все же сохранила воспоминание о том, что плебс впервые выступил на арену политической борьбы как военная организация; ее прототипом были древнейшие итальянские военные союзы, созданные на основе *lex sacrata*. Согласно этому и понимание роли народного трибуната возможно лишь в смысле присоединения к античной традиции, в силу которой эта плебейская должность была создана по образцу военных трибунов.

Таковы общие выводы, к которым приходит F. Altheim в результате своего исследования. Заключительная часть его работы посвящена попытке датировать возникновение плебейской организации и начало сословной борьбы. На основе археологических и литературных данных, характеризующих введение в Риме гопплитской фаланги, F. Altheim приходит к выводу о возможности датировать возникновение сословной борьбы началом V в., т. е. по существу присоединяется к традиционной хронологии.

Положительной чертой работы F. Altheim'a является свежий подход к проблеме, хотя никаких новых источников автор не привлекает.

Потребность изучать историю Рима в возможно более тесной связи с историей восточной Италии назрела давно. Несомненно, что и изучение древнейших итальянских институтов может в ряде случаев пролить новый свет на происхождение и существо институтов римских. Так, например, «загадочный характер» и исключительность народного трибуната получают в работе Altheim'a довольно правдоподобное толкование. Общее представление автора о плебейской организации как о военно-сакральном союзе, возникшем в ходе восстания против патрициев, тоже ничем не противоречит тому, что нам известно относительно уровня развития римского общества, социальной природы плебса и т. п. Получается в целом довольно стройная картина.

Однако используемый Altheim'ом материал крайне противоречив и явно недостаточен для того, чтобы развиваемая в работе точка зрения могла считаться прочно обоснованной. Так, например, выясняя сущность *leges sacratae*, F. Altheim, как мы уже видели, оперирует только рассказом Ливия о подготовке самнитов к походу 293 г., сопоставляя отдельные детали описанного здесь самнитского ритуала о римской *lex*

sacrata. Но это сопоставление теряет в значительной мере свою силу, если принять во внимание, что при описании Ливием самнитского ритуала термин *lex sacrata* не употребляется вовсе.

Насколько же закономерно в таком случае сближение обоих институтов? Если Altheim относит самнитский ритуал к *leges sacratae* на основании совпадения отдельных деталей, то, пожалуй, можно привести не меньшее количество деталей и даже общих соображений, свидетельствующих о различии этих институтов.

Самнитский ритуал отмечен богатством культовых форм, носит чрезвычайно торжественный и вместе с тем мрачный характер (см. Liv. 10, 38, 2 etc). Все эти типичные детали отсутствуют в римском обряде.

У самнитов самый институт, включая и *legio lintea*, представляет собой явление временное, преходящее, он создан *ad hoc* и по истечении надобности распадается. У римлян же, по выводам самого Altheim'a, созданный ими институт оказывается прочным и долговременным. Об этом свидетельствует и постоянство места—авентинский храм плебейской троицы, и должность эдилов, и трибунат.

И, наконец, если самнитский ритуал вылился в чисто военные формы, приведи к кровопролитной борьбе в Кануе и Неаполе, чем объяснить отсутствие подобных же результатов в Риме? Поскольку о существовании сецессий могут быть высказаны лишь догадки, то истинный смысл их, как, впрочем, и историческая достоверность, остаются спорными.

На все эти вопросы работа F. Altheim'a не дает удовлетворительного ответа.

Достаточно шатким является и другое основное положение автора. Как мы убедились, он выводит плебейскую организацию из древнеиталийских *leges sacratae*. Он говорит: «Древнейшая организация плебса имела свое соответствие или даже свой прототип в древнеиталийских военных союзах, основанных на *lex sacrata*» (стр. 34). Но как эти древнеиталийские военные союзы могли быть прототипом римского института, если наиболее раннее применение *lex sacrata* засвидетельствовано для 432 г. (экви и вольски), а римский плебс, по мнению самого же Altheim'a, конституировался как самостоятельная организация путем *lex sacrata* еще при первой сецессии, т. е. в 494 году.

Предположение Altheim'a, что *lex sacrata* у италийских племен применялась значительно раньше, чем у римлян, не может быть доказано, ибо древнейшая история этих племен вообще «лежит во мраке» (стр. 35).

Таковы те противоречия и натяжки, которые значительно снижают интерес работы Altheim'a. Использованный им материал не дает возможности прийти к окончательным и обоснованным выводам.

С. Л. Утченко

Искусство древних этрусков

(Новые издания памятников)

1. L. GOLDSCHIEDER, *Etruscan Sculpture*, London, 1941.
2. M. A. GISELÄ RICHTER. *Handbook of the Etruscan Collection*, New-York, 1940.
3. P. J. RIIS. *Tyrrhenika*, An Arshaecological Study of the Etruscan Sculpture in the archaic and classical Periods, Copenhagen, 1941.

Для истории искусства обнаружение памятников, передающее хотя бы приблизительно их художественные достоинства, имеет огромное значение. Недостаточные репродукции штриховым рисунком или с помощью цинкографии, столь распространенные прежде, нередко, ввиду отсутствия последующих фототипических воспроизведений попадающие и в современные специальные и популярны издания, искажают представление о воспроизводимых памятниках, принося в репродукцию нечто отходящее

стиля времени воспроизведения или от стилизации, исходящей из общих понятий об «античном искусстве».

Сказанное в особенности относится к памятникам этрусского искусства—своеобразного, обладающего в скульптуре и живописи чертами специфически этрусского реалистического стиля, нередко утрачиваемого или искажаемого при неточном воспроизведении.

Не будет преувеличением утверждение, что репродукции во многом определяют возможности исследования.

Недостаток в хорошо изданных и общедоступных репродукциях памятников этрусского искусства продолжает ощущаться с большой остротой. Хорошие воспроизведения этрусской скульптуры и живописи разбросаны по малодоступным и редким изданиям. Таковы *Monumenti dei Lincei*, публикации юлианского и флорентийского музеев и др. Поэтому появление всякого нового издания, ставящего своей целью популяризацию памятников этрусского искусства, нельзя не приветствовать. К числу таких изданий принадлежит как раз и книга Гольдшейдера, представляющая собой альбом произведений этрусской скульптуры, подчас довольно редких или малоизвестных, но заслуживающих внимания.

В альбоме Гольдшейдера приятней всего то, что в центре внимания составителя находятся не столько произведения монументальной пластики, сколько различные мелкие произведения прикладного искусства, наиболее характерные для Этрурии, вообще небогатой монументальными памятниками: как известно, этруски почти не употребляли в качестве материала для скульптуры мрамора, пользуясь, кроме широко распространенной терракоты, известняком и мягкими вулканическими породами: туфом, пеперином и т. п.

В прикладной орнаментальной этрусской скульптуре большое место принадлежит литью из бронзы, которое представлено в альбоме, начиная от статуэток типа Вилланова через ориентализирующие украшения на сосудах, канделябрах, произведениях звериного стиля и т. п. до сильно эллинизированных монументальных портретных скульптур, украшений бронзовых ларцев, зеркал и т. д. Эти разнообразные произведения бронзовой пластики вместе со знаменитыми капитолийской волчицей и арретинской химерой акцентируют струю местного, в частности северо-италийского, искусства в этрусской бронзе, равно как и то обстоятельство, что содержание этрусской бронзовой скульптуры богаче пластики из терракоты или из камня.

Явно недостаточно представлены в альбоме чрезвычайно интересные кьюзинские канопы—эта основа,—наряду с некоторыми древнейшими образцами глиняной и бронзовой пластики,—для этрусского портретного искусства, в особенности расцветшего в III—II вв. до н. э. (рис. 1).

Канопы, так же как и портретные погребальные маски, из которых выработался этот своеобразный объект искусства, довольно разнородны в типологическом отношении—развитие их может быть прослежено от простой комбинации урны и маски до сосуда с тщательно моделированной головой и туловищем в виде человеческого туло-

Рис. 1. Голова канопы, с портретным изображением погребенного, из Кьюзи (VII в. до н. э.)

вида, с условными или весьма реалистически показанными руками. При весьма разнообразных художественных достоинствах, позволяющих все же констатировать неуклонную тенденцию к усилению портретно-реалистических черт, канопы дают возможность проследить на них известное влияние греческой (ионийской) пластики.

Однако и те воспроизведения кьюзинских каноп, которые содержатся в альбоме Гольдшейдера, являются весьма ценными, так как они позволяют судить о некоторых стилистических и технических деталях, недоступных для глаза в обычных воспроизведениях.

К числу недостатков издания необходимо причислить то, что оно лишено сопроводительного очерка истории этрусской скульптуры: автор ограничивается кратким,

Рис. 2. Деталь надгробной стелы из Болоньи, с изображением младенца, сосущего волчицу (V в. до н. э.)

справочного характера, комментарием к некоторым (даже не ко всем) таблицам. Комментарий этот к тому же не всегда точен—в нем имеются ошибочные указания провенанса, атрибуций и дат. Некоторые из ошибок исправлены в перечне опечаток и поправок, но некоторые так и ускользнули от внимания составителя.

Альбому предпослано довольно обширное введение, трагующее общие вопросы происхождения этрусской культуры.

Автор подчеркивает сложный характер этрусской цивилизации, сложившейся под воздействием сиро-финикийских и эгейско-греческих (критских и ионических) влияний. Особенно показательно, с точки зрения той эволюции, какую проделала современная этрускология в отходе от недавно еще столь модных миграционных теорий, убеждение автора в том, что этрусская культура питалась за счет общеталийских корней, с тем чтобы в свою очередь—в эпоху наивысшего расцвета в VII—VI ст. до н. э.—оказать самое разностороннее влияние на соседние италийские племена, частично оказавшиеся к тому же и в сфере политического влияния Этрурии.

Автор склонен признать, что этрусская культура, в качестве предшественницы культуры и государственности Рима, будучи распространена на обширной территории по обеим сторонам Апеннин, менее всего может быть истолкована как чуждое для Италии, привнесенное этрусскими колонистами явление, но скорей должна рассматриваться как определенная культурная стадия общеталийского развития, сложившаяся из местных и заимствованных с Востока и Балканского полуострова элементов.

Автор не договаривает, но его мысль необходимо продолжить в направлении признания за этрусским искусством и, в частности, за этрусской скульптурой общеталийских корней и общеталийского значения в эпоху, предшествующую началу самостоятельного развития Рима. Об этом свидетельствует собранный им в альбоме материал: бронзовые статуэтки геометрического стиля из Северной Италии и Этрурии эпохи Вилланова, бронзовая и орнаментальная скульптура с элементами звериного стиля, указывающая на проникновение в италийское искусство ориентализирующих мотивов, характерных для начальной эпохи этрусского искусства (VII ст.); перенесение подобных же мотивов на погребальную терракотовую и монументальную пластику (грифоньи головы на погребальных урнах, со скульптурными портретными изображениями на крышках, портретные скульптуры из Кьюзи типа каноп, надгробные стелы из Сев. Этрурии, с восточного типа звериными и человеческими изображениями) (рис. 2).

Этой же цели—популяризации неопубликованных или редко публиковавшихся памятников этрусского искусства—служит и вторая из рецензируемых книг, содержащая описание этрусской коллекции Метрополитенского музея в Нью-Йорке. Книга Рихтер составлена в виде краткой истории этрусского искусства с общим введением, рассматривающим вопрос о происхождении этрусков. В отличие от альбома Гольдшейдера, *Handbook Жизель* Рихтер сопровождается обстоятельным текстом, суммирующим результаты новейших исследований в области истории этрусского искусства.

Наряду с достижениями этрускологии в книге нашли свое отражение и ее слабые стороны. Ж. Рихтер, подобно многим другим ученым, является сторонницей теории переселения этрусков из М. Азии, согласно версии Геродота. В то же время она принимает наиболее краткую и подтянутую хронологию культуры эпохи раннего иелеза в Италии—для нее история этрусков начинается не ранее середины VIII в. до н. э., что противоречит традиционной хронологии, относящей переселения этрусков к X—IX ст. до н. э.

Нельзя обойти и другое обстоятельство, также отражающее в себе недостатки формально-типологических построений в этрусской хронологии. Принимая для архаических этрусских погребений наиболее поздние датировки (иногда, на наш взгляд, даже чрезмерно поздние), Рихтер принимает без всяких изменений установленные еще Монтелиусом и Блинкенбергом и основанные на совершенно другой хронологии этрусской архаики даты ранних типов бронзовых и железных фибул, позволяющие относить начало культуры Вилланова чуть ли не к XII ст. до н. э.

Все эти недоразумения не умаляют, однако, для нас значения изданного Рихтер альбома (содержащего около 200 фототипий и рисунков), ценность которого заключается

Рис. 3. Терракотовая статуя этрусского воина в натуральную величину (VI в. до н. э.)

прежде всего в обнаружении и во введении в научный обиход неизвестных или мало-известных памятников.

Таковы прежде всего архаические глиняные скульптуры воинов, приобретенные в обломках и реставрированные в Метрополитенском музее. Одна из них изображает воина (гоплита) в шлеме, в наступательной позиции, в натуральную величину (рис. 3), другая, в полтора раза превышающая натуральную величину, имеет около 2,5 м высоты, и, наконец, третья, от которой уцелела лишь голова, должна была иметь 5,3 м высоты (рис. 4).

Рис. 4. Голова колоссальной терракотовой статуи воина (культовая статуя Марса?) (VI в. до н. э.)

В то время как первая (наиболее древняя из трех, относимая автором к концу VI ст., к той эпохе и школе, которую представлял единственный известный по имени этрусский скульптор, работавший в Риме, — Вулька) и вторая скульптура могли быть вотивами, третья, колоссальная, статуя являлась, вероятно, культовым изображением, находившимся в каком-либо из храмов Марса (этр. *Maris*). Традиция подобных колоссальных культовых статуй у этрусков засвидетельствована Плинием (NH, XXXIV, 43). Все три статуи являются полихромными и, так же как фигуры на известном глиняном саркофаге из Цере, стилистически сближаются с архаической бронзовой пластикой коринфской школы. Зависимость от греческих образцов не заслоняет, однако, типически этрусских черт, присущих этим скульптурам и сказывающихся в тяжелых пропорциях, в резкости черт лица и линий мускулатуры, в известной грубости и примитивной «деревянности» всего физического облика.

Для изучения этих любопытнейших образцов античной пластики большим подспорьем является специальная публикация того же автора¹, содержащая, помимо многочисленных репродукций, подробное описание статуй, опыты их реконструкции и стилистическую характеристику.

Этруская коллекция Метрополитенского музея, помимо многочисленной и разнообразной керамики, обладает прекрасным собранием прикладной скульптуры (бронзы и терракоты). Отдельные малоизвестные экземпляры заслуживают всяческого внимания: такова миниатюрная группа из амбры с изображением Афродиты и Адониса, возлежащих наподобие мужских и женских фигур на крышках урн и саркофагов, всецело в традициях ионийской архаической пластики (рис. 5).

Воспроизведения скульптур из коллекции Метрополитенского музея чрезвычайно полезны при чтении скудной на иллюстрации третьей из рассматриваемых книг, специально посвященной изучению массового материала из области этрусской скульптуры,

¹ Gisela M. A. Richter, *Etruscan terracotta warriors*, N.-Y., 1937.

значительно углубляющей привычные представления о стилистических школах и традициях в древнеиталийской скульптуре и об их географических границах.

В центре внимания этого исследования—преимущественно терракота и бронза: архитектурные украшения, украшения предметов быта и культа, вотивы. Оно вводит нас в самую гущу этрусского прикладного искусства. К сожалению, оно ограничивается эпохой архаики и классики, сознательно отстраняясь, таким образом, от начала этрусского искусства периода геометрического стиля и от проблемы его происхождения.

Автора интересуют прежде всего художественные школы и центры их, с тяготеющей к ним периферией. Он подразделяет сферу распространения этрусской скульптуры

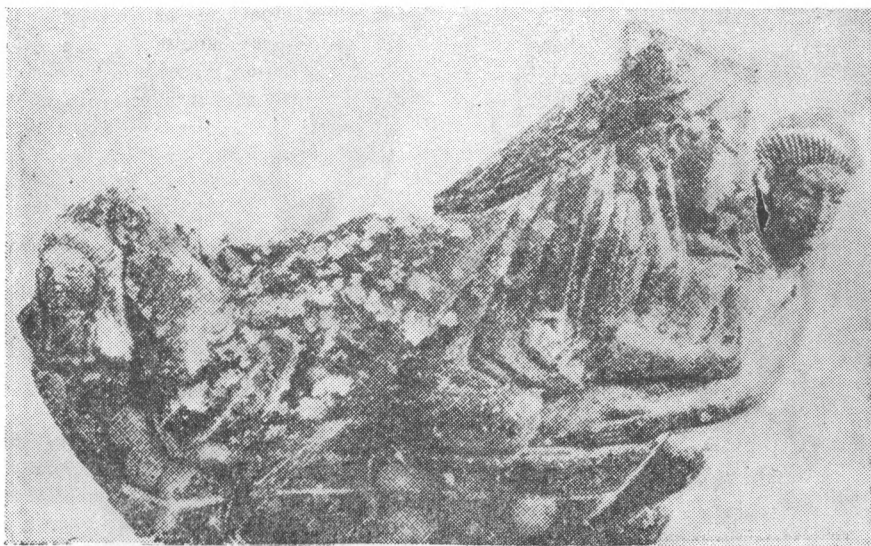

Рис. 5. Фигурная пиксида в виде саркофага с возлежащей парой (Афродитой и Адонисом?) (VI в. до н. э.)

на три района, имеющие, по его мнению, особую художественную физиономию: южно-этрусский, с центром в Цере и с тяготеющими к нему Фалериями, Лацием и Вейями; среднеэтрусский, с центром в Вульчи и с тяготеющими к нему Тарквиниями и Вольсиниями; наконец, североэтрусский, с центром в Кьюзи и с огромной периферией, включающей в себя Ветулонию, Популонию, Вольтерру, Перузию, Флоренцию и еще более отдаленные (приальпийские) места находок этрусской скульптуры.

Южноэтрусский круг наиболее подвержен воздействию греческих художественных влияний; скульптура среднего и северного районов более архаична, примитивна, хотя и ее автор возводит к тем же греческим образцам.

Несомненно, он сам хорошо понимает всю условность произведенного им деления, но, даже и принимая это во внимание, оно представляется произвольным и лишенным опоры в комплексном археологическом материале, разделяющемся внутри Этрурии на совершенно иначе очерченные географически культурные округа.

Южная Этрурия имеет определенную культурную физиономию. Но из ее круга нельзя исключить Тарквинии, в то время как Вейи отличаются значительно, примыкая к Фалериям и Лацию, хотя и родственным Тарквиниям и Цере в культурном отношении, но все же обладающим и значительными от них отличиями.

Район Кьюзи (*ager Clusinus*) обладает ярко выраженными культурными особенностями, делающими из него некое своеобразное целое; значительным своеобразием обладает и Ветулония с Популонией, с тяготеющей к ним Вольтеррой. Промежуточное положение занимает Вульчи, находившийся под перекрестным южным и северо-запад-

ным этрусским влиянием. Районы северо-восточной Этрурии, в том числе и заапеннинская Болонья, находились под культурным воздействием как приморской Этрурии, так и района Кьюзи.

Художественную физиономию намеченных им районов автор определяет по совокупности относящегося к данной местности паспортного материала. Однако заведомо можно сказать, что далеко не все найденное на определенной территории было на ней же и создано. Для определения мест производства разрозненных образцов массового и прикладного искусства недостаточно одного лишь стилистического анализа; для этого необходим также и анализ технологический—определение, например, сорта и состава глины, характерного для терракоты той или другой местности. Автор оговаривает

Рис. 6. Край бронзового сосуда из южной Этрурии с изображением возлежащей пары (VII—VI в. до н. э.)

иногда сходства или различия в материале, но в чем они состоят и на какой круг памятников распространяются—этого мы у него так и не узнаем.

Тем не менее топографическое изучение этрусской пластики дает интересную картину распределения произведений скульптуры на территории Тосканы и позволяет делать некоторые заключения о господствовавших в эпоху архаики художественных тенденциях и влияниях, в частности о мощном влиянии искусства Кьюзи на всю область средней и северной Этрурии, что особенно отчетливо прослеживается на художественных изделиях из бронзы.

Подобный географический обзор позволяет более отчетливо представить себе сферу распространения коринфского и аттического влияний в Этрурии, ту область, которая находилась под действием художественных импульсов, исходивших из Великой Греции (главным образом из Кум), так же как и более отчетливо проследить тенденции консерватизма, цепкость художественных форм геометрической эпохи, особенно сильных в северной части территории распространения культуры Вилланова.

Этот географический обзор показывает весьма отчетливо, как формы греческой пластики подчиняют себе, применительно к наиболее распространенным архаическим типам скульптуры—курса и коры, местные формы, как эти типы позднее проникают в те районы Этрурии, которые далеки от сферы непосредственного греческого влияния, и как на образцах искусства Кьюзи, Вольтерры, Флоренции особенно легко следить за борьбой в причудливых сочетаниях местных геометрических и привнесенных ориентализирующих тенденций.

Предпринятое автором распределение этрусской скульптуры по типам показало, с одной стороны, что распространенные в Греции пластические типы не так уж многочисленны в Этрурии, с другой же стороны, что некоторые из этих типов, считавшиеся греческими по происхождению, прослеживаются в Этрурии в чисто геометрических формах, каковы, например, изображения погребального пиршества и возлежащих на погребальном ложе мужчины и женщины, известных в южной Этрурии в качестве скульптурных украшений изделий из глины и из бронзы (рис. 6). Все это проливает

Рис. 7. Этеокл и Полиник, убивающие друг друга. Фреска погребальной камеры в Вульчи (IV в. до н. э.)

некоторый новый свет на вопросы происхождения художественных типов, считавшихся заимствованными с Востока, чем подготавливается материал и для решения вопроса о происхождении этрусской культуры в целом.

Не меньший интерес приобретает и произведенная автором проверка хронологии тех погребальных комплексов этрусских некрополей, которые имеют непосредственное значение для датировки памятников скульптуры.

Этот пересмотр, подкрепляя недавние работы Сундвала, Мак-Ивера и др., показывает с очевидностью, что начало ориентализирующего влияния в Этрурии не может быть отнесено далеко в глубь времен—за пределы VII ст. до н. э., что прямо противоречит утверждениям Шахермайра (а отчасти и Дукати), удрежняющего начальную дату. Шахермайру было необходимо отнести начало этрусской культуры в глубокую древность, чтобы связать древнюю историю этрусков с данными египетских источников о *tigurscha* и для «выведения» их из М. Азии не позже X ст. до н. э.

Изучение хронологии массовой этрусской скульптуры показывает также, что распространение ионического влияния в Тоскане связано преимущественно с деятельностью фокейцев; оно проявляется особенно сильно в конце VII ст. и прекращается

во второй половине VI в., после битвы при Алалии, лишившей фокейцев обладания о. Корсикой.

Аттическое влияние начинает давать себя чувствовать с последней четверти VI в. до н. э., но сказывается (на памятниках скульптуры) не столь глубоко и не столь последовательно, как влияние ионическое.

Рассматривая вопросы школы и стиля, господствующего в том или ином районе, автор апеллирует неоднократно к монументальной, а изредка и к керамической живописи. Путь довольно опасный, поскольку история этрусской монументальной живописи содержит значительно более лагун, чем история скульптуры.

Рис. 8. Голова Мастарны. Деталь фрески из погребальной камеры IV в. до н. э., из Вульчи

Все сказанное выше о скульптуре в значительной степени относится и к живописи, находившейся под еще более сильным и непрерывным влиянием ионийского (и сиропфиникийского) искусства, а также искусства островной и материковой Греции.

Этруская живопись VII—VI вв. до н. э. заставляет говорить о наличии в некоторых центрах Этрурии этого времени, и прежде всего в Цере и Тарквиниях, греческих мастеров-живописцев. Однако, если всепроникающее греческое влияние определило стиль и ход развития этрусской живописи, оно не могло уничтожить черт ее известной самобытности, которая дает себя отчетливо почувствовать в находившейся под сильным ионическим и коринфским влиянием этрусской керамике—церетанских вазах и вазах типа «Полледрара» (VI ст. до н. э.).

Характерны, как наиболее ранние, фрески из вейентской *tomba Campana*, напоминающие раннеэтрусские сосуды в стиле протогеометрической критской и мелосской керамики.

Еще более соответствуют этрускому канону более поздние (VI в. до н. э.) изображения на терракотовых стелах одной из могил в Цере. Стремление к реализму сказалось в том, что, используя греческие мифологические сюжеты, этрусские мастера воспроизводили их с натуралистическими деталями (изображение борьбы Этеокла и Полиника в Вульчи IV в. до н. э.—рис. 7) и дополнениями из собственной легендарной традиции—сцена борьбы Мастарны и Вибенны с Гнеем Тарквинием (из той же могилы—рис. 8).

То, что известно о южноиталийской живописи эпохи процветания этрусского искусства, свидетельствует об общности тех черт, которые обычно считаются специфически этрускими. В этом смысле очень ценны изображения из Чентурипе в Сицилии (рис. 9), лишь недавно ставшие предметом научного внимания, образец

Рис. 9. Портретные изображения из Чентурипе в Сицилии (III в. до н. э.)

греческого искусства эпохи эллинизма на почве Сицилии. Эти аллегорические изображения, исполненные реалистического индивидуализма, с трудом отделимы от искусства Этрурии. Они помогают осмыслить место Этрурии в кругу искусства соседних культурных народов.

Л. А. Ельницкий

J. A. MC GEACHY, «*Quintus Aurelius Symmachus and the senatorial aristocracy of the West*», Chicago, 1942, III+203 стр.

В своей диссертации Мак-Гичи рисует нам образ Симмаха, язычника-сенатора конца IV в., отстаивавшего перед императором Грацианом привилегии старого Рима, оратора, которого современники и даже противники ставили выше Цицерона; он обещает также изучить его «в качестве представителя знати поздней Римской империи» (стр. 3). Письма, доклады и речи Симмаха служат Мак-Гичи средством, чтобы исследовать различные стороны жизни италийской аристократии.

Для Симмаха именно римские сенаторы—это лучшая часть человеческого рода (*pars melior humani generis*, стр. 29). Но Мак-Гичи подчеркивает, что претензии сенаторов на какое-то независимое поведение беспочвенны и пусты. Сам Симмах одобряет обычай избирания императора армией, а не сенаторами, а назначение консулов счи-

тает лучше коррупции времен республики (стр. 34—35). Теряя свою роль в имперской администрации, сенаторы все более превращаются в земельную знать (стр. 42), предпочитая бремени службы досуг в своих огромных поместьях (стр. 44). Они коротают время на охоте или в неторопливых путешествиях, когда путь из Рима в Неаполь занимает целые полгода (стр. 116).

Впрочем, итальянские сенаторы еще не превратились в хозяев, полностью поглощенных интересами поместья, подобных тому галльскому землевладельцу, которого изобразил Паулин из Пеллы (стр. 58). Сдавая свои земли кондукторам и колонам, сенаторы проявляют интерес к городскому хозяйству (стр. 86). Симмах, будучи префектом Рима, заботился о коллегиях, и из его писем встают перед нами коллегии снабжающие город овцами и свиньями, дровами, хлебом для бань, коллегии ремесленников и владельцев гостиниц (стр. 76).

Рим живет в постоянном страхе голода (стр. 71). Однажды из-за голода пришлось изгнать из города всех чужеземцев, при этом ученые были изгнаны, а хористок сенаторы позаботились оставить (стр. 75).

Крупные земельные собственники стремятся создать себе и привилегированное социальное положение, — «Проступок доброго человека (*vir bonus*) не имеет значения», — говорит иммах. И, действительно, суды сплошь да рядом решают дела в пользу сенаторов (стр. 87). Жестокие к рабам и гладиаторам (стр. 92), презирающие шумную толпу (стр. 94, 112), сенаторы отгораживаются от других групп населения, затрудняют доступ в сенаторское сословие: тот, кто рекомендует кого-либо в качестве нового члена этого с лавия, рискует подвергнуться наказанию, коль скоро его протекже будет признан недостойным (стр. 88).

Сохраняя верность язычеству, аристократы не склонны были становиться мучениками из-за религии отцов, они охотно шли на компромисс с христианством. Симмах говорит, что к столь великой тайне нельзя притти единым путем (*uno itinere non potest perveniri ad tam grande secretum*), т. е. провозглашает терпимость. И, действительно, несмотря на свое знаменитое выступление в защиту алтаря Победы, он не раз хлопотал за епископов и был в близких отношениях с таким поборником христианства, как Амвросий Миланский (стр. 130—131).

Так, проследивая различные стороны жизни римской аристократии, Мак-Гичи осуждает сенаторов за жестокость, за безразличие к государству и религии (стр. 195). Но дальше моральных оценок автор не идет. «Есть что-нибудь хорошее в Симмахе и его сотоварищах-аристократах?», — вот как формулирует Мак-Гичи тему своего исследования.

Мак-Гичи не пытается объяснить нам причины падения империи и ничего в сущности не дает для понимания природы римской аристократии и ее особенностей по сравнению с аристократией восточной.

А между тем вопрос этот уже поставлен в западной историографии. Уже E. Stein («Geschichte des spätrömischen Reiches», Bd. I, Wien, 1928, стр. 342—343) старался выяснить отличие западной аристократии от восточной; эта его попытка была продолжена в работе С. Н. Coster «The Judicium Quinquievirale in Constantinople», («Byz. Z.», XXXVIII, 1938, стр. 124).

Симмах мог оказаться источником не только для изучения своеобразия административных функций итальянских сенаторов. Он дает материал и для социально-экономической истории поздней Римской империи. Но, верный своему морализующему принципу, Мак-Гичи рассматривает рабство лишь как объект проявления жестокости аристократов (стр. 91).

Столь же бегло он касается положения колонов. Аристократы обижали колонов, — вот что представляется ему важным. Не приходится говорить, что своеобразие итальянского колоната осталось вне поля зрения Мак-Гичи.

То обстоятельство, что Мак-Гичи проходит мимо важнейших социальных явлений IV в. и ограничивается лишь филистерским осуждением «Симмаха и его сотоварищей-аристократов», объясняется в первую очередь, надо полагать, ограниченностью исторического кругозора автора. Но есть и более простая причина: внимательно изучив

лишь такой скудный источник, как творчество Симмаха, Мак-Гичи, помимо него, обращается почти исключительно к Аммиану Марцеллину. Естественно, что такая работа не может дать исчерпывающего понимания характера и роли западной сенаторской аристократии.

Все же систематическое изложение взглядов одного из крупнейших деятелей этого сословия в IV в. может оказаться полезным тому, кто не хочет или не может читать Симмаха в оригинале.

А. Каздан

Обзор иностранных журналов по древней истории

Bulletin of the American schools of Oriental research—1943—1945 гг.

Antiquity—1944—1945— гг.

The Classical Journal—1941—1945 гг.

Philological Quarterly—1944—1945 гг.

American Journal of Philology—1944—1946 гг.

«Bulletin of the American schools of Oriental research»

No 89, February 1943

Nelson Glueck, Jabesh—Gilead, стр. 2—6.

В статье изложены результаты топографического обследования долины Вадиябиса (Wādi-Yābis) в северном Гилеаде. Автор доказывает, что упоминаемый в Библии II Самуила, 2, 5—6) Jabesh был расположен на месте современного селения Megbereh.

W. F. Albright, Two little understood Amarna letters from the Middle Jordan valley, стр. 7—17.

Новая транскрипция и перевод двух амарнских писем—№№ 256 и 274, отправленных, по мнению автора, из Пеллы (Pella) и Цафона (Zaphon), в долине Иордана, примерно в 1380—1370-х годах до н. э. (во времена Эхнатона).

M. S o l o m i a c, The Northwest line of the third wall of Jerusalem, стр. 18—21.

На основании новых наблюдений и раскопок автор подтверждает правильность данного Робинсоном описания и плана третьей стены Иерусалима.

M. S t e k e l i s, Further observations on the chronology of Mughâret Abū Uṣbaʿ, стр. 22—24.

На основании дальнейшего рассмотрения керамики из Abū Uṣbaʿ, автор приходит к выводу, что культура Abū Uṣbaʿ относится к началу неолитического периода, и помещает ее между культурами Верхний Натуф и IX—XII слоями Иерихона.

W. F. Albright, Remarks on Dr. Stekelis's Late Prehistoric Chronology, стр. 24—25.

Автор оспаривает датировку культуры Abū Uṣbaʿ, предложенную Stekelis'ом.

I. M e n d e l s o n, Free artisans and slaves in Mesopotamia, стр. 25—29.

Исследуя вопрос о роли квалифицированного рабского труда в экономической жизни Вавилонии и Ассирии, автор приходит к выводу, что число квалифицированных рабов в древнем Вавилоне было меньше, чем в нововавилонский и ассирийский периоды, но что оно никогда не было велико и большая часть квалифицированных ремесленников всегда состояла из свободных людей. Причиной этого явления автор считает, во-первых, то, что при небольшом количестве рабов (от 2 до 3) у рядового рабовладельца ему было крайне невыгодно отпускать раба на несколько лет в учение, и, во-вторых, тем, что стоимость содержания квалифицированного раба была не намного меньше оплаты свободного ремесленника, и поэтому работодатель предпочитал труд свободных.

W. F. Albright, An archaic Hebrew proverb in an Amarna letter from Central Palestine, стр. 29—32.

Автор дает новую транскрипцию и перевод амарнского письма № 252, смысл которого остался неясным для издателей.

No 90, April 1943

Nelson Glueck, *Three Israelite towns in the Jordan valley: Zarethān, Succoth, Zaphon*, стр. 2—23.

Сопоставляя результаты археологических раскопок последнего времени с данными библии, автор идентифицирует городища в Tell es-sa'dich, Tell el-ds и Tell Deir celā, обнаруженные в восточной части долины Иордана, с библейскими городами Zarethān, Succoth и Zaphon. Приложена карта раскопок. Основываясь на новейших раскопках, автор опровергает мнение G. A. Smith'a, утверждавшего, что восточная часть долины Иордана была мало обитаема («The Historical Geography of the Holy Land», 1931).

Theophile J. Meck, *Four Syrian Cylinder Seals*, стр. 24—27.

Публикация четырех сирийских цилиндрических печатей из Музея изящных искусств в Монреале (Канада), датированных 1700—1350 гг. до н. э. Изображения на печатях интересны, между прочим, и тем, что среди них встречается египетский иероглифический знак «анх» и, может быть, еще два-три египетских иероглифа.

Sarah Elisabeth Freeman, *A copper dagger of the Middle bronze age in Baltimore*, стр. 28—30.

Публикация медного кинжала, недавно приобретенного Музеем в Балтиморе. По словам продавца, он был найден вблизи Hamā (Сирия). Отмечая сходство кинжала с египетскими образцами, автор датирует его XVII в. до н. э.

G. Sevi Della Vida, *Some notes on the stele of Ben-Hadad*, стр. 30—37.

Автор возражает против высказанного Олбрайтом предположения, что упоминаемый в древнеарамейской надписи Бен-Хадада I из Дамаска бог Мелькарт является в данном случае не городским богом Тира, а только космическим божеством, почитавшимся арамейскими подданными Бен-Хадада. К статье приложен постскриптум Олбрайта, в котором он разбирает возражения Della Vida и других, приславших в редакцию письма с замечаниями о толковании этой надписи, и отстаивает свою точку зрения.

G. R. Driver, *Notes on some recently recovered proper names*, стр. 34.

Замечания о транскрипции собственных имен, данной Глюком (BASOR, № 80, стр. 9—10) и Гинзбергом (там же, стр. 12). Автор предлагает читать их как Slp, сопоставляя это имя с библейским Šelph, и набатейским Slpw, и Šm^{cl}l, сопоставляя это второе имя с древнеизраильским, встречающимся в надписи печати из Buṣairah (Harding в «Quar. State», 69, стр. 255).

W. F. Albright, *The copper spatula of Byblus and Proverbs 18: 18*, стр. 35—37.

Автор сопоставляет вновь переводимый им текст надписи на медном ноже из Библи с текстом книги Притч Сол. 18:18.

No 94, October 1943

Nelson Glueck, *Some ancient towns in plains of Moab*, стр. 7—26.

Краткий отчет о результатах археологического обследования восточной части долины Иордана, предпринятого в 1943 г.

Floyd V. G. Filson, *Where was Asophon?*, стр. 27—28.

На основании анализа текста Иосифа Флавия («Древности», XIII, 12, 5) автор опровергает предположение Глюка (BASOR, № 90, стр. 2—23), что город Цафон (Zaphon), идентифицируемый Глюком с греческим названием Асофон, находился на месте нынешнего Tell-el-Qds.

J. L. Kelly, *Some sixteenth-century copper objects from Tell Beit Mirsim*, стр. 28—36.

Результаты химического анализа двух предметов из раскопок в Телль Бейт Мирсим, показавшего, что эти предметы были изготовлены почти целиком из меди, один с примесью никеля, другой—железа, что указывает на два различных сорта медной руды.

A. Lео Oppenheim, *Assyriological gleanings*, I, стр. 36—39.

Три заметки, в первой из которых автор дает интерпретацию собственного имени Ša-pi-kalbi (нововавилонский период). Во второй Оппенгейм дает транскрипцию и перевод одного из вавилонских текстов проклятий, содержание которого отклоняется от общепринятого стандарта. Этот текст показывает, что по представлениям вавилонян в потустороннем мире души людей из одного рода будут находиться вместе. В третьей автор дает интерпретацию текста ассирийского письма, приведенного у Harper, ABL, 555.

W. F. Albright, *The furniture of El in Canaanite mythology*, стр. 39—44.

Перевод и интерпретация отрывка из угаритского эпоса о Баале, оставшегося неясным Виролло (строки 31—44). В отрывке описывается трон, стол, кровать и другие вещи, употреблявшиеся в ритуале культа бога Эла.

№ 92, December 1943

Nelson Glueck, *Ramoth-Gilead*, стр. 10—16.

В результате археологических и топографических наблюдений автор приходит к выводу, что библейский город Ramoth-Gilead был расположен на месте современного Tell Rāmīth.

W. F. Albright, *The Gezer Calendar*, стр. 16—26.

Транскрипция и перевод текста календаря, найденного в 1908 г. в Гезере. Автор дает новую датировку этого текста—приблизительно 925 г. до н. э.

Nelson Glueck, *On the site of Asophon in the Jordan valley*, стр. 26—27.

Автор возражает профессору Фильсону на его заметку о местоположении Асофона, указывая, что последний неправильно понял его статью. Глюк утверждает, что он идентифицирует с Tell-el-Qds'ом только Zaphon, касательно же Асофона предполагает, что он был расположен (в эллинистическое время) в Khirbet Beweib.

W. F. Albright, *A tablet of the Amarna age from Gezer*, стр. 28—30.

Автор дает новую транскрипцию и перевод клинописной таблички, найденной в Гезере в 1908—09 г., устанавливает, что текст таблички представляет собой письмо какого-то египетского должностного лица к правителю Гезера, и датирует его XV в. до н. э.

№ 93, February 1944

Th. J. Meek, *Ancient Oriental Seals in the Redpath Library*, стр. 2—13.

Публикация 18 древневосточных печатей. Среди них две египетских, датированных автором протодинастическим периодом; шесть происходят из Месопотамии и датируются автором 3500—1960 гг. до н. э.; три—ассирийских (800—612 до н. э.); две—сирийских (1400—1200 до н. э.); одна—финикийская (I тысячелетие до н. э.); одна—индийская (I в. до н. э.), одна—сассанидская и одна—трудно поддающаяся локализации (I тысячелетие до н. э.). Большая часть печатей было уже опубликована ранее.

A. Goetze, *Peace on earth*, стр. 17—20.

Автор доказывает, что текст из евангелия от Луки «Слава в вышних богу, на земле мир» ведет свое происхождение из древнефиникийского эпоса (текст La déesse 'Anat в издании Ch. Viroilleaud, *Mission de Ras Shamra*, IV, 1938).

T. H. Gaster, *The furniture of El in Canaanite mythology*, стр. 10—13.

Полемизируя с интерпретацией Олбрайта, данной в BASOR, Nr. 91, стр. 39—44, автор предлагает новый перевод отрывка из угаритского эпоса о Баале (II i 24—38).

W. F. Albright, *In reply to Dr. Gaster's observations*, стр. 23—25.

Разбирая возражения, выдвинутые доктором Гастером против данной автором интерпретации текста III, 24—38 из эпоса о Баале, Олбрайт соглашается с некоторыми из положений Гастера и возражает против других.

A. L. Oppenheim, *Assyriological Gleanings*, II, стр. 26—27.

Три заметки, в первой из которых автор приводит данные нововавилонских документов об обычае клеймения рабов. Во второй Оппенгейм отмечает, что один текст из Нузи (R. Pfeiffer and S. R. Lacheman, HSS XIII, 165, стр. 27, табл. V) свидетельствует о существовании у хурритцев обычая кремации (в данной фразе речь идет о кре-

мации царя Šurattarna). В третьей заметке автор дает интерпретацию нововавилонского текста (H. F. Lutz, *Neo-Babylonian Administrative Documents from Erech*, II, № 58), содержащего, по его мнению, перечисление названий дней недели.

№ 94, April 1944

S. N. Kramer, *The death of Gilgamesh*, стр. 2—12.

Публикация с транскрипцией, переводом и комментарием шумерского текста одной части эпоса о Гильгамеше, называемой «Смерть Гильгамеша». Автор скомпановал шумерский текст на основании фрагментов, опубликованных ранее, и 21 фрагмента не опубликованных до сих пор табличек ниппурских коллекций университетского музея в Стамбуле. В введении к публикации автор доказывает, что вновь открытый текст является прототипом вавилонского текста эпоса, но не идентичен последнему. Приложен рисунок, изображающий табличку UM 19—16—86.

W. F. Albright, *A prince of Taanach in the fifteenth century B. C.*, стр. 12—27.

Новый перевод и интерпретация четырех клинописных писем, адресованных на имя Rewašša, неким египтянином Аменофисом. Тексты писем найдены в Таанахе (в пяти милях к югу от Меггидо) и датируются автором серединой XV в. до н. э.

Louis Finkelstein, *A talmudic note on the word for cutting flax in the Gezer calendar*, стр. 28—29.

Сопоставляя слово «š-d» из текста гезерского календаря со словом «osed» из мидраша к книге Левит («Sifra» или «Torah kohanim»), автор доказывает, что слово «š-d» значит «жечь».

W. F. Albright, *A vow to Asherah in the Keretepic*, стр. 30—31.

Новый перевод отрывка из угаритского эпоса о Kerete (I:197—106), оставшегося непонятным Виролло.

W. F. Albright, *The «natural force» of Moses in the light of Ugaritic*, стр. 32—35.

Интерпретируя заново два отрывка из угаритского эпоса о Dan'el (II, IV: 28), автор находит в них доказательства в пользу своего толкования слова «leḥ» в кн. Второзакония, XXXIV, 7 как «natural force».

№ 95, October 1944

W. F. Albright, J. L. Kelso and J. Palin Thorley, *Early-bronze pottery from Bâb ed Drâ' in Moab*, стр. 3—13.

Публикация керамики, найденной в Bâb ed Drâ' в Моабе экспедицией 1914 г. при участии авторов, и датируемой 23—21 вв. до н. э. Во второй части статьи Kelso и Thorley дают анализ техники изготовления этой керамики. Приложены три таблицы.

J. L. Kelso and Alfred Powell, *Glance pitch from Tell Beit Mirsim*, стр. 14—18.

Albrecht Goetze, *Divers names in an Old-Babylonian Pay-list*, стр. 18—24.

Публикация фрагмента таблички из Иельской коллекции, содержащей список платежей за работы. Автор предполагает, что текст происходит из Ларсы и относит его к XVIII в. до н. э. В комментарии автор обращает особое внимание на собственные имена, среди которых он находит аккадские, шумерские, амморейские и хуррийские.

H. L. Ginsberg, *Baal's two messengers*, стр. 25—30.

Автор доказывает, что упоминаемое в части V AB 3—4 и II AB 7:52—8:47 угаритского эпоса имя Grp-w-ʾUgr представляет собой два имени посланцев Баала—Grp и ʾUgr, а не одно двойное имя, как считали раньше. Это положение автор считает новым аргументом в пользу своей интерпретации текста I AB col.¹ (BASOR, N 84, Dec. 1941, стр. 12—13) и аргументом против интерпретации этого же текста, предложенной Олбрайтом (BASOR, № 33, Oct. 1941, стр. 39—42 и № 84, Dec. 1941, стр. 14—15).

W. F. Albright, *An unrecognized Amarna letter from Ugarit*, стр. 30—33.

С помощью филологического анализа автор устанавливает, что фрагментарно сохранившееся письмо № 45 (по изд. Кнудтона) Амаринского архива и, возможно,

также письма № 46—49 происходят из Угарита. Он доказывает, что имя отправителя письма № 49 надо читать как Niqmadda и датировать его 1370 г. до н. э.

Julius Lewy, Neo-Babylonian names of the days of the week?, стр. 34—36.

Автор статьи возражает против интерпретации текста таблички K. 6012—K 10684 (H. F. Lutz, Neo-Babylonian Administrative Documents from Erech, «Univers. of California Publications in Semitic Philology» IX, № 1; Berkeley, 1927, стр. 81 сл.), предложенной A. L. Oppenheim'ом (BASOR, № 93, стр. 16 сл.).

№ 96, December 1944

Nelson Glueck, Wādī Sīrhān in North Arabia, стр. 7—17.

Краткий отчет о совместной археологической экспедиции Американской школы востоковедения в Иерусалиме и Смитсоновского института в Вашингтоне 1944 г. в Северную Аравию. Экспедиция обследовала ряд развалин городов северной части Набатейского царства в Umm ej-Jemāl, Ba'eij, Sabkhah, Sabkhiyeh, Dafyāneh, Deir el-kahf, Umm el-Qe'īnu Burqa'ah и долину Wādī Sīrhān. Были найдены фрагменты римской, византийской и средневековой арабской керамики и одна набатейская надпись. Автор приходит к выводу, что эта часть Набатейского царства не была его органической частью, а только контролируемой территорией. Большое внимание уделено в отчете описанию природных условий и топографии обследованного района. Статья снабжена многочисленными фотографиями.

S. N. Kramer, Dilmun, The Land of the Living, стр. 18—28.

На основании анализа данных шумерской мифологии, известных ранее, и новых, недавно вошедших в научный оборот (шумерский текст части эпоса о Гильгамеше—«Gil-Gamesh and Ħuwaḡa»), автор доказывает, что «благословенная страна», «страна жизни», Dilmun шумерской мифологии, мыслилась расположенной в юго-западном Иране. Сопоставляя эти данные с данными вавилонской мифологии, автор заключает, что и вавилоняне также помещали свои «елисейские поля» в юго-западном Иране, а не в Испании, как это было принято считать ранее.

A. J. Sachs, Some metrological problems in Old-Babylonian mathematical texts, стр. 29—39.

Исследование о способах измерения емкости и объема в древнем Вавилоне и полемике по этим вопросам с H. Lewy (продолжение полемики см. в BASOR, № 97).

№ 97, February 1945

H. L. Ginsberg, The North-Canaanite myth of Anath and Aqhat, I, стр. 3—9.

Первая часть статьи, в которой автор дает новую интерпретацию угаритского мифа об Анат и Ахате. Продолжение статьи опубликовано в BASOR, № 98, April 1945, стр. 15—24.

Nelson Glueck, A Chalcolithic settlement in Jordan valley, стр. 10—22.

Краткий отчет о раскопках, произведенных экспедицией Американской школы востоковедения в Иерусалиме и Смитсоновского института в Вашингтоне в Tell Umm Ḥamād esh-Sherqī (долина Иордана к северу от места слияния его с рекой Яббок). Здесь были найдены многочисленные фрагменты керамических изделий, датируемые 3400—3200 г. до н. э. Типы сосудов идентичны с типами керамики, находимыми в Бет-Шане (XVIII, XVII, XVI), Иерихоне (VIII,) Мегиддо (VII—V-XIX). Напротив, керамика типа Teleilāt Ghassûl не встречается. На основании сопоставления типов керамики, встречаемых в этих пунктах и в Tell Umm Ḥamād esh-Sherqī, Glueck заключает, что культуры Иерихона IX, Телейлат Газзуля, Иерихона VIII, Бет-Шана XVII—XVI, из Телль Умм Хамад эш-Шерки и Иерихона VII—VI, являются последовательными этапами развития единой культуры Иорданской долины. Статья снабжена многочисленными фотографиями.

Herbert Gordon May, Lachish letter, IV: 7—10, стр. 22—25.

Ряд замечаний к вопросу о реконструкции текста указанного письма из Лахиша.

W. F. A l b r i g h t, Postscript to professor May's article, стр. 26.

Дополнения к предыдущей статье, с основными положениями которой автор соглашается.

A. L. O r p p e n h e i m, Assyriological gleanings, III, стр. 26—27.

В небольшой заметке автор дает реконструкцию конца письма Ašarīdu младшего, астролога одного из ассирийских царей (возможно, Ашшурбанипала) к своему повелителю (письмо опубликовано R. C. Thompson 'ом в «Reports of the Magicians», № 274 C).

A. L. O r p p e n h e i m, The Neo-Babylonian week again, стр. 27—29.

Автор статьи возражает своему оппоненту профессору Леви (см. BASOR, № 95, стр. 34 сл.) и приводит новые соображения в пользу своей интерпретации текста, перечисляющего, по его мнению, названия дней недели в нововавилонском языке.

No 98, April 1945

C. S. M c C o w n, The long-room house at Tell en Naṣbeh, стр. 2—15.

Публикация конечных результатов раскопок трех зданий, обнаруженных в Телль-эн-Насбехе (Палестина) в 1927 и 1932 гг. В противовес ранее принятым мнениям автор считает, что эти здания представляли собой складские помещения, и датирует их IX, VIII и VII вв. до н. э. Публикация сопровождается photographиями и планами раскопок.

H. L. G i n s b e r g, The North-Canaanite myth of Anath and Aqhat, стр. 15—23.

Продолжение статьи, опубликованной в 97 номере BASOR.

W. F. A l b r i g h t, A new Hebrew word for «glaze» in Proverbs 26 : 23, стр. 24—25.

Автор приводит дополнительные аргументы в пользу предложенного Гинасбергом (BASOR, № 55, стр. 21) перевода термина ḥrṣ spṣg как «(расплавленное) стекло».

Hildegard L e w y, A propos of Babylonian metrology, стр. 25—26.

Полемика с A. J. Sachs (см. BASOR, № 96): замечания о соотношении измерений емкости, объема и длины в вавилонской математике.

A. J. S a c h s, Rejoinder, стр. 26—27.

Продолжение полемики с Г. Леви по вопросам вавилонской метрологии.

«Antiquity», Vol. XVIII

No 69, March 1944

G. C l a r c, Water in Antiquity, стр. 1—15. Статья о водоснабжении в древности. Автор исследует, в основном при помощи археологических данных, технику строительства колодцев, останавливаясь особенно подробно на римских колодцах в Англии. Интересна оригинальная табличка, иллюстрирующая различные способы использования воды человеком в зависимости от развития производительных сил.

E. G. B o w e n, The Travels of the Celtic Saints, стр. 16—28. Автор исследует культурные связи кельтского мира в свете путешествий кельтских христианских святых IV—VII вв. н. э. По его мнению, существует тесная связь между распространением однообразных мегалитических погребений в кельтском мире во II тысячелетии до н. э. с радиусом действия кельтских христианских святых. Статья иллюстрирована 5-ю картами, показывающими распространение культа отдельных святых в различных районах Англии, Ирландии и Нормандии.

V. G. C h i l d e, The Cave of Parpalló and the Upper Palaeolithic Age in southeast Spain, стр. 19—35. Статья об итогах археологических раскопок в пещере Парпальо (вблизи Гандии, район Валенсии), произведенных в 1929—31 гг. В пещере обнаружено 9 культурных слоев, относящихся к верхнему палеолиту. Статья иллюстрирована 6 рисунками (образцы наконечников, стрел и наскальные рисунки).

N. J. G. P o u n d s, Cornish Fish Cellars, стр. 36—41. Статья о корнуэльских погребах для засолки рыб.

W. F. G r i m e s, Museums and the Future, стр. 42—49. Статья посвящена вопросу

об организации музеев и музейной работы в послевоенной Англии. Автор подчеркивает необходимость планирования сети музеев в общегосударственном масштабе и считает необходимым создать специальное министерство музеев.

№ 70, June 1944

C. A. Wainwright, *Early Tin in the Aegean*, стр. 57—64.

Статья о распространении олова в районе Эгейского моря является продолжением исследования того же автора о находках олова в Библосе и Египте (см. «Antiquity», XVII, 96—8). Автор развивает тезис Олбрайта о том, что под страной «Апакки», упоминаемой в ассирийских текстах времени Саргона, надлежит понимать Грецию. Термин «Апакки» может означать свинец или олово. По мнению автора, является неоспоримым, что уже в начале II тысячелетия до н. э. имел место экспорт олова из Криссы и Лесбоса в Месопотамию.

C. M. Piggett, *The Grim's Ditch Complex in Cranborne Chase*, стр. 65—71. Автор доказывает, что комплекс земляных сооружений в Крэнборн-Чейз относится не к послеримскому, а к бронзовому или раннежелезному периоду. К статье приложена большая карта района с нанесенными на ней земляными сооружениями.

J. W. Shilson, *Weighing Wool in the Gods of South India*, стр. 72—77.

J. Hornell, *The Ancient Village Gods of South India*, стр. 78—87.

Автор анализирует процесс развития религиозных понятий в древней Индии. Он доказывает, что ведущие божества доарийского пантеона—Кали и Шива были впоследствии включены в сонм арийских богов. Особенной силой отличались доарийские религиозные традиции в Южной Индии. Следом их влияния является весьма распространенный на юге культ змей. Статья иллюстрирована четырьмя таблицами.

A. W. Seaby, *Some Berkshire Interlacings*, стр. 88—94.

Sir C. Fox, *Life in Anglesey 2000 years ago*, стр. 95—97. Статья о крупном археологическом открытии раннежелезного века в Англеси в Уэльсе. Здесь в 1943 г. было найдено свыше 90 предметов из бронзы и железа; все они датируются периодом 100 г. до н. э.—50 г. н. э.,—временем максимального расцвета доисторической кельтской культуры. Большинство найденных вещей—оружие, монеты и предметы бытового значения. Статья иллюстрирована двумя таблицами, к ней приложена редакционная статья «Таймс» об этом открытии.

S. Piggett, *A Cylinder-Seal from South India*, стр. 98—99. Краткая заметка о недавно найденной цилиндрической терракотовой печати в Маски под Гайдерабадом (Индия). На печати изображен человек и слон. Автор считает, что эта находка является еще одним свидетельством культурных связей южной Индии с Месопотамией в конце III тысячелетия до н. э.

№ 71, September 1944

B. H. J. O'Neil, *The Silchester Region in the 5-th and 6-th Centuries A. D.*, стр. 113—122. Автор выступает против общепринятого до последнего времени среди историков мнения о том, что города римской Британии существовали только до начала V в. н. э. Археологический анализ сети дорог, раскопанных в районе Сильчестер (Гемпшайр), приводит автора к выводу, что в течение всего V и первой половины VI в., вплоть до саксонского проникновения в этот район, Сильчестер был довольно густо населен. К статье приложена карта района.

F. W. Robins, *The Ferry*, стр. 123—129. Статья о пароме в древности и средневековье.

E. C. Cugwen, *The Problem of Early Watermills*, стр. 130—146. Обстоятельная технико-историческая статья о водяных мельницах. Автор различает 2 типа мельниц: с вертикальной осью вращения—преимущественно деревенского типа, и с горизонтальной осью, описанную Витрувием. Статья снабжена 5 рисунками-чертежами, картой распространения водяных мельниц и 4 таблицами.

A. J. Arkell, *Archaeological Research in West Africa*, стр. 147—150. Автор обосновывает необходимость проведения крупных археологических работ в Западной Африке, подчеркивая ее культурные связи с Южной Европой, а в особенности с Испанией.

R. E. M. Wheeler, *The Rebuilding of London*, стр. 151—152. В связи с планами восстановления и реконструкции Лондона автор отмечает необходимость произведения соответствующих археологических работ, особенно в слоях, относящихся ко II в. н. э.—периоду расцвета римского Лондона. К статье приложен план Лондона с заштрихованной территорией, подлежащей реконструкции (около четверти всей площади города).

A. Fox, *The Place of Archaeology in British Education*, стр. 153—157. Автор доказывает необходимость введения археологии в число предметов обучения в средних учебных заведениях Англии.

The Council for British Archaeology, стр. 158. Редакционная статья о плане работ Совета по британской археологии.

The Revival of Ancient Traditions, стр. 159—160. Замечка об обучении мастеров архитектуры в Узбекистане.

No 72, December 1944

The War and Classical Remains in Italy, стр. 169—172. Статья правительственного советника по делам археологии о состоянии памятников античности в Италии после изгнания немецких фашистов.

S. Piggett, *Prehistoric Copper Hoards in the Ganges Basin*, стр. 179—182. Описание и обследование археологических находок в бассейне Ганга. Особое внимание обращено на медные предметы, в частности оружие, орудия труда и монеты. К статье приложены 4 рисунка, карта и алфавитный список находок.

W. J. Hemp and C. A. Gresham, *Hut-circles in North-West Wales*, стр. 183—196. Статья об огороженных каменных хижинах в северо-западном Уэльсе.

E. H. Minns, *The Wisby Armour*, стр. 197—200.

D. Mackay, *Beads from Taxile*, стр. 201—204. Статья о находках жемчужин в Таксиле (Индия).

Я. Л.

«*Antiquity*», Vol. XIX

No 73, March 1945

W. E. Le Gros Clark, *Pithecanthropus in Peking*, стр. 1—5. В связи с недавно появившейся монографией Weidenreich'a «*The Skull of Sinanthropus pekinensis; a comparative study on primitive hominid skull*» («*Palaeontologia Sinica*», New Series, 1943, № 10) дается общий обзор развития древнейших антропологических типов. Автор предлагает заменить термин *Sinanthropus pekinensis* термином *Pithecanthropus pekinensis*, считая, что различие между двумя типами первобытных людей не настолько велико, чтобы относить их к разным родам.

W. F. Grimes, *Maiden Castle*, стр. 6—10. Автор дает характеристику методам раскопок Wheeler'a в Мэди-Кэсле в дорсетшире и изданным им материалам и в связи с этим делает ряд общих выводов по методике раскопок, настаивая, в частности, на необходимости социологического подхода, ставящего своей целью реконструкцию жизни первобытных общин, подлежащих изучению.

B. H. St. J. O'Neil, *Grey Ditch Bradwell, Derbyshire*, стр. 11—19. Автор дает характеристику римского форта Анавиона, остатки которого находятся в Дербишире, и расположенных близ него земляных укреплений позднеримской и британской эпохи.

N. J. G. Pounds, *Lanhydrock Atlas*, стр. 20—26. Автор рассматривает Лэнхидрокский атлас Корнуола, составленный в 1696 г. и содержащий подробные карты отдель-

ных мэноров, и указывает, что он имеет большое значение для истории земледелия, поскольку система распределения полей, принятая в конце XVII в., сохраняет следы раннесредневековой системы, а иногда даже восходит ко времени римской оккупации. Кроме того, атлас имеет известный интерес для местной топонимики.

W. H. Riddell, *Tiger and Dragon*, стр. 27—31. Автор исследует древнейшие китайские живописные изображения тигра и дракона—двух чудовищ космогонии Дальнего Востока, относящиеся к I в. н.э., и считает, что поскольку эти животные являются обычно символами стран света, то можно предполагать, что данные изображения символизируют карьеру чиновника Ванг-Хсю, в гробнице которого они были найдены.

G. H. Doble, *Saint Congar*, стр. 32—43. Статья не окончена. Автор пытается показать, что незначительная ферма St. Ingonger в среднем Корнуоле дает ключ к подлинной истории общекельтского святого Конгара, участника монашеского и миссионерского движения, зародившегося в V в. в Уэльсе. В этом номере автор исследует места почитания святого и приводит сокращенный перевод жития святого Конгара, написанного в XI—XII вв. в Сомерсете.

No 74, June 1945

G. Clark, *Farmers and Forests in Neolithic Europe*, стр. 57—71. Автор выступает против распространенного взгляда, что неолитический человек, изобретший земледелие и приручивший домашних животных, населял преимущественно безлесные пространства, и доказывает, что в неолитическую эпоху заселялись, главным образом, лесистые территории, обладавшие более плодородной почвой, причем расчистка леса велась методом годичного земледелия.

J. H. H. H. Floats and Buoyed Rafts in Military Operations, стр. 72—79. Автор дает обзор различных способов переправы армий через реки—плотов, паромов, плетеных лодок и т. д.—на протяжении всей истории человечества, основываясь в значительной мере на общеисторической литературе.

A. H. A. Nogg, *Gwynedd and the Votadini*, стр. 80—84. Автор отвергает возможность движения населения во время, предшествующее IV в., из Вотадинского района в Gwynedd (в северо-восточном Уэльсе).

G. H. Doble, *Saint Congar*, стр. 85—95. Во второй половине статьи рассматривается вопрос об авторе жития святого Конгара. Автор статьи приходит к заключению о необходимости связать агиографию с топонимикой для изучения раннего уэльского христианства и ранней истории Англии вообще.

T. K. Penniman, *Origins of Civilisation in the Afrasian Dry Zone*, стр. 96—99. В связи с выходом книги Mackay'a, «*Chanhu-daro Excavations 1935—36*», 1943, автор дает общий обзор деятельности знаменитого археолога, характеристику его работы и более подробно останавливается на последних раскопках в Чанху-Даро¹.

No 75, September 1945

J. W. Crowfoot, *Dura-Europos*, стр. 113—121. Автор дает краткую историю Дуры-Эвропос и затем рассматривает по материалам экспедиции Ростовцева агору и ее постепенную застройку частными зданиями, характер городских укреплений и храмы.

H. Mattingly, *Sarausius: his Mints and his Money System*, стр. 122—125. Автор рассматривает монеты «британского» императора Караусия, устанавливает местоположение его монетных дворов и характеризует монетную систему узурпатора, показывая, что Британия еще в 287 г. отказывалась признать монетную реформу Аврелиана и что только соглашение с Римом заставило Караусия пойти на уступки.

B. Tilly, *Vergilian Cities of the Roman Campagna*, стр. 125—134. Автор дает подробный историко-археологический комментарий к последним шести книгам «Энеиды», рассматривая по данным раскопок и указаниям древних авторов старинную судьбу и современное Вергилию состояние Остии, Ардеи и Лавиния.

¹ См. ВДИ, 1946, 1 (15), стр. 115 сл.

D. M a s k a y, *Ancient River Beds and Dead Cities*, стр. 135—144. Автор показывает постоянную зависимость древних городов в Ираке и Синде от рек, на которых они находились, причем зависимость эта была настолько сильна, что изменение русла реки заставляло покидать древний город, который обращался в развалины.

D. N. R i l e y, *Aerial Reconnaissance of the Fen Basin*, стр. 145—153. Автор сообщает о результатах применения воздушной разведки и аэрофотосъемки к изучению болотистой местности (Fenland) в окрестностях Кембриджа, которые позволяют выявить пригодность ландшафта для первобытного человека, помогают находить древние земляные укрепления, дороги и т. д.

No 76, December 1945

W. F. G r i m e s, *Early Man and the Soils of Anglesey*, стр. 169—174. Автор настаивает на необходимости изучения первобытного человека в связи со средой его обитания и приводит в качестве примера исследование им почв острова Энглеси с точки зрения заселенности их в различные периоды первобытной истории. Наиболее плодородные почвы, в настоящее время покрытые древесной растительностью, были заселены всего гуще, что показывает способность неолитического человека бороться с лесом.

E. C. B o w e n, *The Settlements of the Celtic Saints in South Wales*, стр. 175—186. Автор показывает связь между распространением культа ряда кельтских святых и определенными культурными ареалами различных эпох в Южном Уэльсе, что позволяет дать более точную датировку отдельным этапам христианизации страны.

H. I n g r a m s, *Life in Ancient Hadhramaut*, стр. 187—193. На основании археологических данных, заимствованных из книги Caton-Thompson, «*The Tombs and Moon Temple of Hureidha (Hadhramaut)*» и известий древних авторов Ingrams дает характеристику жизни древнего Хадрамаута. Автор сравнивает ее с жизнью современного Хадрамаута (он сам является путешественником, причем в некоторых областях страны помимо него не был ни один европеец) и приходит к заключению, что ничего не изменилось, за исключением некоторых маловажных деталей. Статья содержит также краткий географический очерк Хадрамаута, снабженный картой.

W. H. R i d d e l l, *Concerning Unicorns*, стр. 194—202. Разбирая известия древних западных и восточных писателей о единорогах и изображения последних в китайском и японском искусстве, автор приходит к заключению, что прототипом единорога является антилопа нильгау (*Boselephas tragocamelus*), в пользу которой говорит и внешний вид и ее индийское происхождение. Представление о единороге развилось вследствие смешения ее с носорогом.

V. C h i l d e, *Tripil's'ka Kultura*, стр. 203—206. Автор дает сочувственный отзыв на книгу «Трипільська культура», вышедшую в 1940 г. Автор особенно подробно останавливается на исследовании трипольского жилища, присоединяясь к взгляду советских археологов на назначение глиняных площадок, отмечает исследования во Владимировке под руководством Т. С. Пассек, сопровождавшиеся открытием трипольских землянок, и затрагивает ряд других частных вопросов.

O. G. S. C r a w f o r d, *Corpus Inscriptionum Insularum Celticarum*, стр. 207—209. Автор дает рецензию на изданный Macalister'ом *Corpus Inscriptionum Insularum Celticarum*, отмечая, как недостаток, отсутствие надписей, принадлежащих пиктам, а также предлагая ряд своих соображений в области чтения и транскрипции надписей.

O. R.

«The Classical Journal»

Vol. XXXVI, No 4, January 1941

H. F. L o w r y; *The old and new Humanities*, стр. 197—210.

V. L. P e a c o c k; *The Roman Tradition in French Literature*, стр. 211—219.

S. M. B r o o k s, *The Green Baize Bag*, стр. 219—225.

J. J. Savage, *Catiline in Vergil and in Cicero* стр. 225—226. Автор анализирует мотивы, в силу которых Вергилий поместил на щите Энея образ Катилины в Тартаре, и считает, что это было вызвано совпадением дня рождения Октавиана Августа с днем заговора Катилины.

W. S. Messer, *Martial IX*, 15, стр. 226—229. Юридический анализ термина «*fecisse*» в эпиграмме Марциала на Хлою, которая отравила семь своих мужей.

H. G. Mullens, *The Aeschylean Interpretation of «Hercules Furens»*, стр. 229—232. Исследование мировоззрения Эсхила и его влияния на Эврипида на материале указанной трагедии. По мнению автора, Эврипид стремился «не только к внешнему сходству с произведением более раннего поэта, но также попытался выразить в одной пьесе идею целой трилогии Эсхилового типа».

Vol. XXXVI, No 5, February 1941

Ch. Ch. Mierow, *Two Roman Emperors*, стр. 259—275. Большая статья, посвященная оценке диаметрально противоположных характеристик Тиберия в произведениях римских историков, главным образом у Тацита и Светония. Автор объясняет эти противоречия прежде всего политической враждебностью Тацита к Тиберию.

J. C. Plump, *Roman Elements in the Cicero's Panegyric on the Legio Martia*, стр. 275—289. Анализ раздела из 14 Филиппики Цицерона, посвященного Legio Martia. Автор подробно разбирает значение таких терминов, как *fides*, *pietas*, *honos*, *gloria*, *virtus* и др. Он приходит к выводу, что все эти понятия являются составными элементами древнеримского характера—*Romanitas*.

W. H. Alexander, *Hic aquatio. Cicero «De officiis», III, 14, 15*. Разбор значения слова *aquatio* в указанном произведении Цицерона.

S. Johnson, *A Note on Tibullus, I, 1, 1—4*, стр. 295—297. Грамматический разбор и перевод содержания первого четверостишия первой элегии Тибулла.

Vol. XXXVI, No 6, Marth 1941

M. E. Pense, *Satire in St. Jerome*, стр. 322—336. Краткая историческая характеристика и исследование сатирических приемов у бл. Иеронима. Интересны ядовитые характеристики римских матрон. обстоятельно анализируются литературные источники Иеронима, в частности влияние Ювенала и Вергилия.

J. N. Hough, *Caesars Camp on the Aisne*, стр. 337—345. Сравнение описания лагеря в B. G., II, 8,3—5 с данными археологических раскопок Гольмса в Mauchamps. Статья иллюстрирована планом лагеря.

B. Menuez, *Longinus on the Equivalence of the arts*, стр. 346—353. Разбор теории искусств у Лонгина.

G. Norwood, *Vergil «Georgics», IV, 453—527*, стр. 354—355. Анализ структуры речи Протея.

Vol. XXXVI, No 7, April 1941

J. Erskine, *Vergil*, стр. 390—400. Автор анализирует мировоззрение Вергилия в свете современности, особенно подчеркивая его этико-религиозные взгляды: в частности, подробно разбирается вопрос об отношении христианской церкви к Вергилию.

D. S. White, *Broadcasting the Classics*, стр. 401—402. Разбор классической тематики американского радиовещания на примере радиопередатчика университета Айова.

C. Murley, *Plato's Republic, Totalitarian or Democratic?* стр. 413—420. Разбор взаимоотношений между индивидом и государством в «Республике» Платона. По мнению автора, эта проблема решается у Платона в его идеальном государстве тем, что руководство страной находится в руках идеальных правителей.

G. Norwood, *Мох*, стр. 421—423. Замечка о значении латинского слова «мох».

H. C. Montgomery, *A Supplement to «Herodotus confirmed once again»*, стр. 424. Краткая полемическая заметка о достоверности рассказов Геродота.

L. W. Daly, *Cura corporis*, стр. 452—426. Разбор описания утреннего туалета римлян по *Hernementa Pseudo-Dositheana* (источник, вероятно, начала III в. н. э.).

Vol. XXXVI, No 8, May 1941

R. S. Rogers, *Augustus the Man*, стр. 449—463. Автор пытается дать характеристику личности Августа. В качестве источников использована в основном Светониева биография Августа и переписка Цицерона. Много внимания уделено семейной жизни Августа.

H. W. Hewitt, *The Gratitude of Horace to Maecenas*, стр. 464—472. Статья посвящена взаимоотношениям Горация с Меценатом. Автор считает, что Гораций, будучи искренне благодарным Меценату за поддержку, все же старался не проявлять ее чересчур ярко в своих произведениях.

M. H. Griffin. *Thomas Gray, Classical Augustan*, стр. 473—482.

Vol. XXXVI, No 9, June 1941

J. W. D. Skiles, *The Commercial Vocabulary of Early Latin as shown in the Comedies of Plautus*, стр. 519—536. Лингвистическое исследование торговой терминологии в произведениях Плавта и, частично, Теренция. Автор считает, что его выводы свидетельствуют об очень медленном развитии ранней римской торговли. Вся торговая терминология вращается вокруг понятий «давать», «получать», «помещать» и «отбирать». Характерно, что одно и то же слово *pendere* означает «взвешивать» и «платить».

D. H. Greene, *Lady Lumley and Greek Tragedy*, стр. 537—548.

Vol. XXXVII, No 1, October 1941

E. F. Claffin, *Lingua viva*, стр. 7—16. Автор доказывает, что латинский язык не является мертвым, но и теперь остается живым языком, продолжая свое существование в виде французского, испанского и других романских языков, являющихся одной из фаз развития латыни.

O. C. Crowford, *Laudatio funebris*, стр. 17—27. Исследование посвящено содержанию и стилю надгробных речей. В основном использованы тексты из Лукяна, Цицерона и Тацита. Частично анализируется также и эпиграфический материал.

R. M. Hallowood, *Integer vitae and Propertius*, стр. 28—32. Анализ 22 оды I книги Горация. Автор, вопреки установившемуся в литературе мнению, считает, что 22-я ода совершенно не связана с Проперцием.

N. W. Dewitt, *Pro, prope, procul*, стр. 32—34. Разбирая смысловое значение слова «procul», автор доказывает, что оно употребляется в двух противоположных смыслах: а) близко, перед глазами и б) далеко. «Procul» происходит от «pro». «Prope» является видоизмененной формой «proque» (отсюда *proximus* из *proq + simus*).

Vol. XXXVII, No 2, November 1941

J. M. Rife, *The language-situation in Greece today*, стр. 65—72. Автор анализирует грамматические и стилистические формы современного греческого языка в его связи с древнегреческим.

N. J. Dewitt, *A Classicist's Manifesto*, стр. 73—86.

L. R. Shero, *Augustus and his Associates*, стр. 87—94. Автор исследует ближайшее окружение Августа, дает характеристики активных его помощников и приходит к выводу, что Август обладал важнейшим организаторским качеством—подбора подходящих помощников.

Vol. XXXVII, No 3, December 1941

K. E. Corver, *Straightsning out the Latin Sentence*, стр. 129—138. Дидактическая статья о порядке слов в латинском предложении.

D. Armstrong, *The Blitzkrieg in Caesar's Campaigns*, стр. 138—143. Автор, полковник американской армии, находит в стратегии Цезаря все элементы молниеносной войны и считает, что именно быстрота передвижений и неожиданность нападения обеспечили Цезарю все его победы, притом очень «малой кровью».

E. P. Trammell, *The Mute Alcestis*, стр. 144—148.

M. F. Tenney, *Tacitus in the politics of Early Stuart England*, стр. 151—163.

Vol. XXXVII, No 4, January 1942

C. J. Allison, *Cicero's «De officiis» and the Social Studies Program*, стр. 193—200. Автор анализирует произведение Цицерона с точки зрения его воспитательной ценности для нашего времени и считает, что «*De officiis*» является целой энциклопедией правил благородного поведения также и для нашей эпохи.

G. H. Thompson, *Pliny's «Want of Humor»*, стр. 201—209. Исследование чувства юмора у Плиния Младшего. Автор считает, что джентльменский характер Плиния был чужд яда сатиры, но обладал чувством умеренного юмора.

M. Kretschmer, *A Portrait in Marble*, стр. 210—212. Статья описывает мраморный бюст неизвестного римлянина времени Калигулы, находящийся в Metropolitan Museum в Нью-Йорке.

H. I. Trasy, *Notes on Plutarch's Biographical Method*, стр. 213—221. Автор считает, что «биографический талант Плутарха складывался частично из дара нахождения ярких подробностей, характеризующих внутренний облик его героев, и, с другой стороны, в способности взаимного противопоставления героев в параллельных биографиях».

W. H. Alexander, *In hoc nosse profuit: Seneca, «Dialogi», IV, 20, 2*, стр. 228—230. Стилистический разбор указанного в заглавии предложения. Автор предлагает читать «*profuerit*» вместо обычного «*profuit*».

Vol. XXXVII, No 5, February 1942

J. A. Notopoulos, *Socrates and the Sun*, стр. 260—274. В статье исследуется вопрос о роли солнца в философии и жизни Сократа. По мнению автора, Сократ рассматривает солнце с двух точек зрения: религиозной и научной. Доказательства культа солнца у Сократа имеются в «Апологии» и в «Пире»; космологическая роль солнца освещена в «Тимее». Синтез взглядов Сократа на солнце дан в «Республике».

M. Dean, *Curriculum Revision and the Latin course*, стр. 275—280. В связи с предстоящим пересмотром учебных планов в американских колледжах автор пересказывает взгляды сторонников классического образования и их противников.

N. Nelson, *The Value of Epigraphic Evidence in the Interpretation of Latin Historical Literature*, стр. 281—290. Автор исследует, насколько правильна установившаяся в науке оценка достоверности Светония в свете эпиграфических данных. За основу исследования взята биография Нерона. По мнению автора, многие утверждения Светония, подвергавшиеся до последнего времени резкой критике, полностью подтверждаются рядом надписей.

Vol. XXXVII, No 6, March 1942

J. A. Sacke, *An Admirer Look at the Horsemen of Ancient Greece*, стр. 323—333. Статья об истории коневодства и техники конной езды в древней Греции. Автор подчеркивает высокий уровень искусства конной езды в Фессалии и Македонии.

W. L. Carr, *By their Fruits*, стр. 334—350. Статья об итогах лингвистического обследования, проведенного в 1938 г. в публичных школах Филадельфии.

L. B. Lawler, *The Dance of the Holy Birds*, стр. 351—361. Исследование танца священных птиц, упоминаемого в одном из фрагментов Алкмана (*Fragm.* 23, Bergk.).

N. W. Dewitt, *Orbis Terrarum*, стр. 362—363. Заметка о значении указанного термина в ранней римской литературе.

W. F. Stanford, *The Ending of the Eighth Pythian*, стр. 364—368. Автор обращает внимание на минорный тон эпилога восьмой Пифийской оды и объясняет это обстоятельство зависимостью Пиндара от его слушателей.

Vol. XXXVII, No 8, May 1942

N. H. Chouh, *Nausicaa and Dido*, стр. 453—462. Автор сравнивает гомеровский рассказ о Навзикае с песней Вергилия о Дидоне и пытается объяснить их различие в зависимости от читательской среды, на которую они были рассчитаны.

G. B. Beach, *Wither and Why?* стр. 463—467. Автор анализирует содержание билетов, составленных для проверки знаний преподавателей латинского языка в штате Коннектикут, и дает резкую характеристику ответов во время контрольной сессии.

R. J. W. Westgate and P. L. Mackendrick, *Juvenal and Swift*, стр. 468—482. Сравнение биографий и характера творчества двух великих сатириков.

K. Hankins, *A Tacitean Parallel*, стр. 483—485. Сравнение высказываний Черчилля за период 1939—1942 гг. с речами Калгана по биографии Агриколы Тацита.

J. P. Turley, *Hic Aquatio, Cicero, «De officiis», III, 14, 15*. Полемическая заметка о значении термина *aquatio* (см. «Cl. J.» XXXVI (1941), 290—293). Автор считает, что термин *aquatio* у Цицерона означает не садок для ловли рыб, а просто место черпания воды, согласно значению этого же слова у Цезаря и Ливия.

Vol. XXXVII, No 9, June 1942

E. J. Messmer, *The Double Burial of Polynices*, стр. 515—526. Исследование о двойных похоронах Полиника в «Антигоне» Софокла. Автор считает, что вторичные похороны были предприняты с целью защиты тела, покрытого лишь тонким слоем земли.

W. Smith, *A Course in Tragedy—Greek, Renaissance and Modern*, стр. 527—530. Автор доказывает необходимость введения в колледжах систематического курса истории древнегреческой трагедии.

Vol. XXXVIII, No 1, October 1942

W. F. Kaulfers, D. P. Lembi and W. F. Meribbon, *Latin Expressions found in English*, стр. 5—20. Краткий словарь с комментариями латинских слов и выражений, употребляемых в английском языке.

N. L. Schank Daley, *Some Reflections on the Scholarship of George Gissing*, стр. 21.

S. Johnson, *Note on Martial, VI, 82, 4—6*, стр. 31—35. Конъектура к 82-й эпиграмме VI книги Марциала; вместо принятого *habebat* (или *habeat*) *avam*, автор предлагает читать *habet Batavam*, учитывая большой интерес римлян к батавам во время экспедиции Домициана.

W. C. McDermott, *Glandes Plumbeae*, стр. 35—37. Заметка о содержании прописных инициалов на метательных снарядах древних греков и римлян.

Vol. XXXVIII, No 2, November 1942

S. Kate, *The Gracchi, An Essay in Interpretation*, стр. 65—82. В статье дан подробный разбор состояния изучения вопроса о Гракхах в современной историографии. Автор доказывает, что и Тиберий и Гай в общем были настроены консервативно. Тиберий стремился к частным реформам в социальной структуре государства, Гай же преследовал наряду с социальной также и умеренную политическую реформу.

Только сопротивление их предложениям ожесточило Тиберия и Гракха и вынудило их вступить на путь конституционных и социальных новшеств.

H. L. S t o w, *Aristophanes Influence upon public opinion*, стр. 83—92. Автор анализирует силу воздействия Аристофана на общественное мнение Афин и приходит к выводу, что оно было значительно слабее, чем это принято думать в современной историографии.

H. M o n t g o m e r y, *Thukydidēs and Geopolitics*, стр. 93—96. Заметка о «геополитических моментах» у Фукидида.

Vol. XXXVIII, No 3, December 1942

R. E. C o l e m a n, *Puer Ascanius*, стр. 142—147. Литературная характеристика образа Аскания в «Энеиде». Автор подчеркивает жизненность и реализм приемов литературного творчества Вергилия.

H. C. M o n t g o m e r y, *Some Later Uses of the Greek Tragic Chorus*, стр. 148—160.

L. W. L o w l e r, *Dancing with the Elbows*, стр. 161—163. Анализ термина *ἐπαχωνισμός* (Афиней, XIV, 630 A).

Vol. XXXVIII, No 6, March 1943

W. D. G r a y, *The Role played by the Classical Temple in Secular Life*, стр. 324—336. Статья о способах использования греческих и римских храмов в светской жизни. Автор анализирует общественное значение различных религиозных обычаев и довольно подробно останавливается на технике храмового строительства.

W. H. A l e x a n d e r, *Adaptive Translations of the Classics*, стр. 337—346. Автор выступает против «приличных» переводов классиков, в частности Катулла, и считает необходимым переводить сочинения древних писателей буквально.

V. C o n t a n t, *General Language and the Latin Teacher*, стр. 347—359. Автор ратует за более широкую пропаганду древних классиков в курсе истории английской литературы.

Vol. XXXVIII, No 7, April 1943

F. R. K r a m e r, *The Implications of the Delian Confederacy for «Union Now» Movements*, стр. 391—400. Автор анализирует мировое положение в начале 1943 г. в свете опыта Афинской державы в V в. до н. э. и приходит к выводу, что Соединенным Штатам суждена роль Афин, в то время как «положение России в значительной степени аналогично положению Спарты».

R. V. S c h o d e r, *The Artistry of the First Pythian Ode*, стр. 401—412. Литературный анализ первой Пифийской оды Пиндара с эстетической точки зрения.

M. D e a n, *Basic Ideas for our Latin Course*, стр. 413—419.

B. L. U l l m a n n, *«Sine ira et studio»*, стр. 420—421. Автор сравнивает Тацитовское *sine ira et studio* с Цицероновским изречением в *De oratore* о беспристрастии, правдивости и продуманности работы историка.

Vol. XXXVIII, No 8, May 1943

R. E. J o n e s, *Brutus in Cicero and Shakespeare*, стр. 449—457. Автор анализирует, насколько исторически верно охарактеризована фигура Брута Шекспиром, и приходит к выводу, что Цицерон является более ценным источником для биографии Брута, чем Плутарх, данными которого воспользовался Шекспир.

Abstracts of Papers Read at Chicago. April 22—24, стр. 458—471. Рефераты докладчиков Чикагского съезда преподавателей древних языков. На съезде было зачитано 23 доклада, преимущественно методического характера.

W. L. G r a n t, *Cicero on the Moral Character of the Orator*, стр. 472—478. Анализ взглядов Цицерона на воспитание оратора и ценность красноречия.

Vol. XXXIX, No 1, October 1943

F. A. Sullivan, *Intimations of Immortality among the Ancient Romans*, стр. 15—24. Автор считает, что мысль о бессмертии души была широко распространена среди римлян, но что формы веры в бессмертие были различны в зависимости от уровня развития отдельных слоев населения. В христианстве осуществилось слияние различных верований о бессмертии.¹

H. C. Montgomery, *Remarks on «Adaptive Translations of the Classics»*, стр. 25—28 и B. Ph. Armitage, *Adaptive Translations—Have They Any Literary Merit?* стр. 28—29. Авторы полемизируют с Александером, автором статьи об адаптированных переводах классиков («Cl. J.», XXXVIII, 6 (1943)).

H. J. Haskell and M. Radin, *The Senate's Summons to Brutus*, стр. 29—30 и 30—31. Две заметки по вопросу о том, были Брут весной 43 года до н. э. вызван специальным сенатус-консултом из Македонии в Италию.

H. G. Robertson, *Thucydides on War Aims*, стр. 31—32. Автор анализирует афинские и спартанские методы и содержание общегреческой пропаганды во время Пелопоннесской войны и приходит к выводу, что Фукидид не дал общеполитической формулировки военных целей Афин просто потому, что афиняне не имели общегреческой программы борьбы за демократию.

Vol. XXXIX, No 2, November 1943

R. F. Nunnely, *What Every Young Latin Teacher should Know*, стр. 67—75.

R. Hetzmann, *Latin Meets the Challenge of the Present World Crisis*, стр. 76—87.

J. W. D. Skiles, *The Teaching of the Reading of Latin in the Latin Word-Order*, стр. 88—104.

J. Wha t m o u g h, «*Quid Expedivit Psittaco?*» стр. 105—113. Статьи в основном посвящены методике обучения латинскому языку в средних и высших школах США.

Vol. XXXIX, No 4, January 1944

J. D. Spaeth, *The Humanities in Peace and War*, стр. 193—200. Статья об отношении научного мира вообще, а ученых-классиков в частности, к войне против германского фашизма. Автор считает необходимым крепить тесную связь между учеными США и Англии в области не только техники, но и гуманитарных наук «для сохранения общей культуры, которой угрожает полный развал в Европе».

L. R. Lind, *Toward New Frontiers in the Classics*, стр. 201—213. Автор анализирует тенденции развития в программах американских университетов за последние 60 лет и приходит к тому выводу, что классическое образование переживает теперь период упадка. Необходимо усилить пропаганду классического воспитания, особенно на английском языке.

B. Dunham, *For Nicholas Vlachos*, стр. 214—222. Статья посвящена памяти умершего в апреле 1944 г. профессора Николая Влахов.

F. D. Crane, *Euripides, Erasmus and Lady Lumley*, стр. 223—238. Разбор латинских переводов Эразма из Эврипида.

Vol. XXXIX, No 6, March 1944¹

J. P. Harland, *Gustave Adolphus Harrer* (стр. 323—326).

F. B. Jones, *The Role of the Classics in the Emancipation of Women*, стр. 326—342.

H. C. Lipscomb, *Rolfe Humphries, Classicist and Poet*, стр. 343—351.

K. Han k i n s, *Vergil to College Freshmen*, стр. 352—359.

¹ Февральский номер 1944 г. аннотирован в ВДИ № 3(17).

D. K. Hill, *The Temple above Pompey's Theater*, стр. 360—365. Описание археологических данных о первом каменном театре в Риме. Автор подробно исследует вопрос о надстройке Помпеем храма Венеры над театром.

E. L. Highbarger, *Graeco-Roman Shepherds and the Art*, стр. 366—368. Автор исследует, насколько сильны чисто итальянские мотивы в «Буколиках» Вергилия, и считает, что греческие имена часто являются только своеобразной «маской» для итальянской действительности.

Vol. XXXIX, No 7, April 1944

M. V. Braginton, *Exile Under the Roman Emperors*, стр. 391—407. В связи с ростом числа случаев добровольной и вынужденной эмиграции, начиная с 30-х годов нашего века, автор заинтересовался изгнаниями в период принципата. Особое внимание уделено автором условиям жизни в изгнании. Автор считает условия быта древних изгнанных значительно более мягкими, чем современные.

Vol. XXXIX, No 8, May 1944

M. E. Hutchison, *Some recent Research in the Teaching of Latin*, стр. 449—465. Обширная статья об итогах методического обследования различных способов преподавания латинского языка в средних учебных заведениях.

E. H. Brewster, *Poster Politics in Ancient Rome and later Italy*, стр. 466—483. Исследование о способах политической пропаганды при помощи объявлений и кратких лозунгов в древнем Риме и в фашистской Италии.

J. C. Morgan, *Some Comments on Reading Latin as Latin*, стр. 484—487.

J. Dughart, *The Early Roman Calender*, стр. 487—490. Автор дает исследование о десятимесячном римском календаре, подчеркивает его лунный характер и доказывает, что календы, ноны и иды первоначально совпадали с лунными фазами.

Vol. XXXIX, No 9, June 1944

W. Ch. Greene, *Some Ancient Attitudes towards War and Peace*, стр. 513—529. Статья об отношении античных писателей к войне и миру. Автор анализирует в первую очередь высказывания греческих классиков от Гомера до стоиков, подчеркивая в основном пацифизм ведущих умов древности.

S. G. Emilie, *Cicero and the Roman Pietas*, стр. 536—542. Анализ термина *pietas* в произведениях Цицерона. Автор исследует *pietas* в трех аспектах: *erga patriam*, *erga parentes*, *erga amicos*. Автор подчеркивает, что не только в теории, но и в жизни Цицерон всегда руководствовался принципами этой тройной *pietas*.

Vol. XL, No 1, October 1944

E. C. Taylor, *The Classics in a Hostile World*, стр. 4—9.

S. Johnson, *A French Solution of a Famous Crux in Catullus*, стр. 10—18. Разбор и новые конъектуры одного неясного места из Катуллы (68, 155—160).

J. W. Speath, Jr., *Verbe Translations and Imitations of Horace; an Index*, стр. 19—23. Список последних изданий английских переводов из Горация по отдельным произведениям и издателям.

Vol. XL, No 3, December 1944

J. A. Nottopoulos, *Aristophron, or Platonism and the Poetic Mind*, стр. 129—147. Модернизированный текст диалога Сократа с Аристофроном применительно к условиям США.

Vol. XL, No 5, February 1945

W. H. Alexander, *War in the Aeneid*, стр. 261—273. Анализируя текст второй половины Энеиды, автор статьи обращает особое внимание на батальные описания у Вергилия. Несмотря на 2000 лет, отделяющие нас от эпохи Вергилия, автор находит в Энеиде значительное количество актуальных моментов и замечает, «что очень много технических терминов, считаемых сверхсовременными, на самом деле покрыто сединой веков».

G. C. Richards, *Polybius of Megalopolis, the Greek Admirer of Rome*, стр. 274—291. Статья посвящена в основном биографии Полибия и только частично характеризует Полибия как историка.

В разделе «Notes» опубликованы следующие заметки: Ch. S. Rayment, *A curious side light on Roman History*, (о технике плавки металлов во время империи).

N. W. de Witt, *Against the belief in a tenmonth Calendar* (анализ названий именных месяцев римского календаря).

W. Clausen, *The scorched earth policy, ancient and modern* (сравнение тактики «сожженной земли» у Фабия и в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.)

Vol. XL, No 6, March 1945

H. H. Chamberlin, *Classics or Chaos*, стр. 321—331. Статья доказывает необходимость и актуальность классического образования в современной Америке.

W. L. Grant, *The shorter Latin Poems of George Buchanan 1506—1582*, стр. 331—349.

Ch. S. Rayment, *Varro versutus*, стр. 349—359. Автор дает краткую биографию Варрона и затем подробно анализирует с формальной точки зрения содержание *Res rusticae*. В конце дан перечень параллельных мест *Georgica* и *Res rusticae*.

В разделе «Notes» помещена заметка: E. S. McCartney, *Picturesque Ways of Estimating and Suggesting the Size of Huge Armies*, стр. 358—363 (анализ техники описания крупных армий греческими и римскими авторами).

Vol. XL, No 7, April 1945

J. A. Field, J. *The Purpose of the Lex Julia et lex Porpaea*, стр. 398—416. Автор считает, что вышеуказанные законы Августа были продиктованы вовсе не фискальными, но евгеническими соображениями. Ошибочная оценка этих законов с чисто финансовой точки зрения была вызвана односторонней трактовкой их римскими юристами.

F. S. Dunham, *The Younger Pliny Gentleman and Citizen*, стр. 417—427. Автор пытается дать характеристику Плиния Младшего на основании его обширной переписки, но делает это вне условий времени. Его вывод: Плиний «был очаровательным джентльменом, с которым мы бы охотно познакомились лично».

В разделе «Notes» дана заметка I. D. Kadison, *Juvenal, III, 184 f* (характеризуется личность доносчика Veiento).

Vol. XL, No 8, May 1945

G. D. Hadzsits, *A Great Roman Rebel*, стр. 449—466. Статья посвящена жизни и творчеству Лукреция. Автор неправильно расценивает философию Лукреция как эклектичную, но он очень высокого мнения о личности Лукреция, «который оставил одно из самых благородных произведений в мировой литературе протеста».

T. S. Duncan, *Plato and Poetry*, стр. 481—494. Автор считает, что, несмотря на внешнее отрицание роли поэтов в произведениях Платона, сам Платон был глубоко поэтической натурой.

В разделе «Notes» помещены заметки: M. M. Westington, *On segregation of the sexes* и Ch. S. Rayment, *Macrobius, Erasmus and Dali Carnegie*.

Vol. XL, No 9, June 1945

H. Nibley, *Sparsiones*, стр. 515—543. В обстоятельной статье анализируются три стороны римского обычая разбрасывания предметов среди толпы: 1) какие предметы разбрасывались; 2) в каких случаях имели место *sparsiones* и 3) как конкретно производилось разбрасывание. Автор приходит к выводу, что в основном разбрасывались предметы, символизирующие жизнь, здоровье и богатство; *sparsiones* производились царствующими лицами и символизировали собой небесный дождь, являясь, таким образом, «прямым наследием золотого века».

E. M. Sanford, *The Learned Professions in the Theodosian Code*, стр. 544—553. Очерк истории научной подготовки кодекса Феодосия от Константина до начала V в.

Vol. XLI, No 1, October 1945

B. L. Ullmann, *We want a Virgilian Peace*, стр. 1—3. Автор анализирует понятие *paх aeterna* у Вергилия и доказывает, что этот термин означает не простое пребывание в мирной обстановке, а активную борьбу за мир.

A. Feldman, *Thoughts on Thales*, стр. 4—6. Краткий, весьма популярный очерк философии Фалеса. Автор подчеркивает тормозящую роль рабства в развитии греческой философии.

N. F. Steinlaht, *What is American History?* стр. 7. Автор указывает на глубокую связь американской истории с классической древностью.

William Abbot Goldfather, стр. 8—11. Некролог крупнейшего американского историка античности.

Vol. XLI, No 2, November 1945

O. J. Todd, *Poets and Philosophers*, стр. 49—71. Общий обзор философских взглядов греческих и римских классиков. Особенно подробно анализируются взгляды Вергилия.

B. M. Allen, *The Calendar and Early Roman Birth Control*, стр. 79—80. Автор полемизирует с выводами статьи де Витта о древнеримском календаре (см. «Cl. J.»), XLII, 2 (1945).

Vol. XLI, No 3, December 1945

R. E. Deutsch, *The Ancient and Modern Atom*, стр. 97—103. Анализ натурфилософских взглядов Лукреция с точки зрения современного естествознания. Автор поражен гениальностью догадок Лукреция.

G. E. Duckworth, *Vergil and War in the Aeneid*, стр. 104—107. Автор исследует отношение Вергилия к войне и к миру и полемизирует с выводами Александра по этому вопросу [«Cl. J.» XL, 2 (1945)], считая, что Вергилий был принципиальным противником всяких войн.

B. Meinecke, *The Medical Conceptions of a Roman Layman*, стр. 113—118. В статье дано описание взглядов Цицерона и Авла Геллия на вопросы гигиены и здравоохранения.

Vol. XLI, No 4, January 1946

S. H. Toliver, *Studs Lonigan and Oedipus*, стр. 145—150. Сравнение судьбы героя одной из нашумевших в последнее время в США книг Фарреля—Лонигана—с Эдипом Софокла.

H. M. McHughan, *An Ancient Quarrel in Modern America*, стр. 156—162. Краткое изложение полемики, разгоревшейся во время войны в США, в связи с пересмотром программ учебных заведений.

E. S. McCartney, *Looking back at the War News*, стр. 168—173. Подбор цитат из классиков для оценки положения США на отдельных этапах второй мировой войны.

Vol. XLI, No 5, February 1946

F. M. C o m b e l l a s k, Achilles—Bar of Foot? стр. 193—198. Статья о греческой обуви в гомеровский период.

H. L. T r a s y, Aeneid IV: Tragedy or Melodrama, стр. 199—202. Автор считает что Вергилий избрал формы трагедии для описания несчастной любви Дидоны к Энею, но, по мнению автора, вместо трагедии получилась мелодрама.

G. E. M y l o n a s, The Eagle of Zeus, стр. 203—207. Исследование вопроса о том, когда впервые у греков встречается ассоциация Зевса с орлом. Автор считает, что это имело место еще в VIII в. до н. э. при ликийском алтаре Зевса.

L. A l e x a n d e r, The Origin of Greek and Roman Artillery, стр. 208—212. Автор исследует происхождение отдельных видов римской и, частично, греческой «артиллерии» и считает, что древнейшим видом были катапульты, употреблявшиеся Дионисием Старшим, тираном Сиракуз, в 400 г. до н. э. На востоке, в Иудее, древнейшая запись о метательных орудиях относится к царствованию Узии—около 750 г. до н. э.

E. S. M c C a r t n e y, Looking Back at the War News, стр. 221—225. Продолжение статьи того же характера из январского номера.

Vol. XLI, No 6, March 1946

L. B. L a w l e r, Portrait of a Dancer, стр. 241—247. Обстоятельная биография Пилада, крупнейшего танцора Римской империи.

O. E. N y b a k k e n, The Moral Basis of Hospitium Privatum, стр. 248—253. Анализ термина «hospitium». Статья написана в основном на эпиграфическом материале. Характерно противопоставление Hospitium Publicum и Hospitium Privatum.

R. V. S c h o d e r, Revitalizing Beginners Greek Through Homer, стр. 254—265. Автор считает, что преподавание греческого языка надлежит начинать не с Ксенофонта и аттических писателей, а с Гомера, мотивируя это привлекательностью имени автора и самого текста, легкостью его понимания, частыми повторениями и т. д.

Vol. XLI, No 7, April 1946

L. A u s t i n, The Caerelia of Cicero's Correspondence, стр. 305—319. Статья посвящена жизни Церелии и ее роману с Цицероном.

A. S. C o o l e y, Where Was Homer's Pylos? Автор пытается уточнить местонахождение гомеровского Пилоса и считает, что древний Пилос был раскопан в 1939 г. Куруниотисом и Бледженом вблизи мессенского Пилоса [см. AJA, 46 (1942), 538—545].

L. F. S m i t h, Aeneas Fleet, стр. 328—331. Статья о составе флота Энея. По мнению автора, Эней располагал 15 кораблями.

«*Philological Quarterly*»

Vol. XXIII, No 4, October 1944

A. P. D o r j a h n, On Aristotle Ath. pol. XXXVIII, 3, стр. 289—297. В статье анализируются противоречивые высказывания Аристотеля и Ксенофонта о событиях, происходивших в Афинах после свержения тирании тридцати. Автор считает правильными сообщения Аристотеля о существовании двух «коллегий десяти», однако предполагает возможность того, что во второй коллегии участвовало несколько или большинство членов первой коллегии.

Vol. XXIV, No January 1945

S. M. P i t c h e r, Aristotle's good and just heroes, стр. 1—12. Анализ термина в «Поэтике» Аристотеля. Автор считает, что ошибки положительных героев в греческих трагедиях служат только для подчеркивания их хороших качеств.

«American Journal of Philology»

Vol. LXV, 1, January 1944

E. B. Stevens. Some Attic Commonplaces of Pity, стр. 1—25. Анализируя речь Клеона по Митиленскому вопросу (Фукид. III, 36, 2), автор находит там три общих места, часто встречающихся в произведениях аттических писателей, посвященных проблеме милосердия. Эти общие места: милосердие как таковое; гуманитарная риторика софистов и ссылки на мягкость характера афинян—прослеживаются автором на большом количестве примеров в произведениях греческих трагиков и Аристотеля.

H. W. Miller, Repetition of Lines in Aristophanes, стр. 26—36. В статье анализируются 55 строк, повторяющихся в комедиях Аристофана. По мнению автора, Аристофан сознательно повторялся, рассчитывая вызвать смех у слушателей.

L. B. Lawler, The Lily in the Dance, стр. 75—80. Анализ одной из фигур греческих танцев.

L. A. Post, A New Reading of the Germanicus Papyrus, стр. 80—82. Попытка новой интерпретации одного из мест в известном папирусе Германика. Автор подчеркивает необычный стиль речи Германика и доискивается в нем скрытых уловок по адресу Тиберия. Прикрываясь внешней скромностью, Германик хотел отвести недовольство масс за тяжелое состояние Египта от себя на Тиберия.

Vol. LXV, 2, April 1944

H. A. Sanders, Suetonius in the Civil Service under Hadrian, стр. 112—124. Примечания к биографии Светония. Вопреки Моммзену и автору последней монографии о Светонии—Масэ, Сандерс доказывает, что Светоний родился в 70—71 г. н. э. Служебная карьера Светония в Риме длилась свыше 20 лет: от 100—101 до 121 г. н. э.

M. Dillon, Italic and Celtic, стр. 124—134. Автор анализирует связи между италийскими и кельтскими языками, привлекая археологические материалы, полемизирует со сторонниками теории Мейе о существовании единой итало-кельтской этнической языковой группы в периоде около XIII в. до н. э.

A. K. Michels, Lucretius and the sixth book of the «Aeneid», стр. 135—148. Разбор влияния Лукреция на творчество Вергилия на примере VI песни Энеиды. Вопреки установившемуся в истории римской литературы мнению о постепенной эволюции Вергилия от эпикуреизма к стоицизму, автор находит в языковом материале и образах VI песни следы сильного влияния Лукреция. Все же идейное содержание VI песни, особенно нисхождение Энея в Аид, означает идейный отход от Лукреция к эпикуреизму.

J. A. Nottopoulos, The Method of Choosing Archons in Athens under the Empire, стр. 149—167. Анализируя методы выборов афинских архонтов, преимущественно во II в. н. э., автор приходит к выводу, что определенный порядок чередования различных фил постепенно все более и более нарушается. По мнению автора, это явление свидетельствует о росте синкретизма в императорский период.

В кратких заметках даны следующие сообщения: W. E. Blake, Cicero's Greek text of Herodotus, I, 31, стр. 167—169. F. Mezege, Latin Uxor, стр. 170—171. P. Lattemor, Notes on Greek poetry, стр. 172—175. E. Capps, Did Menander nod? Epitrepontes, 53, стр. 175—178. C. A. Lynch, Tacitus Annals, IV, 12, стр. 179—180 (о взаимоотношениях между Сеяном и Юлием Постумом).

Vol. LXV, 4, October 1944

A. W. Gomme, Athenian Notes, стр. 321—339. Две заметки под названиями «Афинская политика в 510—483 гг. до н. э.» и «Калиев мир». В первой из них на основании нескольких недавно найденных надписей и острakov анализируются связи между Писистратидами, Алкмеонидами и персами, а также дан обзор политической борьбы

в Афинах того времени. Во второй заметке—«Каллиев мир» автор считает недостоверными свидетельства Исократ и Феоппомпа о Каллиевом мире. По его мнению, оба эти свидетельства относятся не столько к политической истории V в., сколько к литературной истории IV в.

M. P i t c h e r, *Epic as I here define her*, стр. 340—354. Анализ отрывка из «Поэтики» Аристотеля (I, 1447 а 28-bg).

F. M e z g e r, *Latin Dii Indigetes, Dii Novensides and the Designation of E kinship*, стр. 364—367. Лингвистический анализ указанных терминов приводит автора к выводу, что *dii indigetes* были «местными, домашними, семейными богами», в то время как термин *dii novensides* (*nov-en-sides*) обозначал чужеземные, внесенные извне божества.

R i c h a r d M. H a y w r e d, *On the unity of the Miles Gloriosus*, стр. 382—385). Автор защищает тезис о едином источнике этой комедии Плавта.

G. R. M o r r o w, *A Note on the Nicomachean Ethics*, стр. 386.

Vol. LXVI, 1, January 1945

G. B. A. F l e t c h e r, *Notes on Tacitus*, стр. 13—33. Статья представляет собой собрание отдельных мест из Тацита с краткими указаниями на аналогичные синтаксические конструкции у других латинских авторов. Попугно исправляются ошибочные указания различных комментаторов Тацита.

F. W. L e n z, *The monkeys of Archilochus*, стр. 34—49. Автор анализирует смысл указанного выражения из апологии Аристида, посвященной защите четырех крупнейших деятелей афинской демократии—Перикла, Мильтиада, Кимона и Фемистокла—в «Горгий», и считает, что текст его взят из недошедшей до нас песни Архилоха.

C. P h a r r, *The Text and Interpretation of the Theodosian Code*, 6, 4, 21, стр. 50—58. Исследование Фарра представляет собой попытку восполнения одного из мест кодекса Феодосия, посвященного порядку, назначению и разбору функций одной из категорий городских чиновников, так называемых *temonarii*.

A. K. M i c h e l s, *The Golden Bough of Plato*, стр. 59—63. Исследование посвящено происхождению известного выражения *aureus ramus* в VI песне Энеиды. Автор считает, что Вергилий, передавая Энею золотую ветвь, желал вызвать у читателей эпопеи ассоциацию с платоновым мифом об Эроте.

В разделе «Reviews» дана рецензия де Ласу на I том советской «Истории философии» (стр. 64—66).

Vol. LXVI, 2, April 1945

V. E h r e n b e r g, *Pericles and his colleagues between 441 and 429 B. C.* стр. 113—134. В связи с последним открытием Ленца, что список афинских стратегов на 441/40 г. до н. э. содержит не 10, а 11 имен, автор подвергает пересмотру весь вопрос о стратегах времени Перикла. В приложении даны имена всех дошедших до нас стратегов с 441/40 по 429/8 гг.

C. H. V. S u t h e r l a n d, *Aerarium and Fiscus during the Early Empire*, стр. 151—170. Автор возвращается к вопросу о взаимоотношениях между государственной и императорской казной в период от Августа до Траяна. Исследование состоит из следующих четырех разделов: 1) Август и *Aerarium*, 2) централизация во время Юлиев-Клавдиев, 3) Флавий и Траян и 4) вывод.

S. W i l c o c k, *Isocrates Fellow-Rhetoricians*, стр. 171—186. Исследование посвящено полемике Исократ с современными риториками. Основное различие между ними автор видит в том, что Исократ был прежде всего воспитателем, в то время как другие риторы в основном занимались судебной деятельностью. Возмущение автора вызывают «нечестные» приемы полемики Исократ с его противниками.

J. A. S c o t t, *Homer and Hector*, стр. 187—189. Ответ на полемическую статью Комбесакна (AJPh, июль 1944) о роли Гектора в «Илиаде».

D. M a s n a u g h t o n, Note on the Alexandrian Calendar, стр. 189—192. Автор занимается вопросом синхронизации египетского и юлианского календаря в 33—26 гг. до н. э.

P. A. C l e m e n t, Moralia, 614 E, стр. 192—196. Путем сравнения текста басни Федра о лисице и журавле с греческим текстом Эзопа, сохранившимся у Плутарха, автор устанавливает размеры лакуны в греческом тексте басни.

Vol. LXVI, 4, October 1945

P. F r i e d l ä n d e r, Socrates enters Rome, стр. 337—351. Доклад о глоснии философии Платона на кружок Сципиона Эмилиана. Подробно анализируется рассказ Полибия о воспитании Сципиона. Вопреки утверждению Моммзена, автор всемерно подчеркивает роль Платона и Аристотеля в воспитании молодых римлян.

B. M. M a r t i, The meaning of the Pharsalia, стр. 352—376. Литературный анализ схемы построения произведения. Автор полагает, что «Фарсалия» была задумана Луканом в качестве эксперимента. Лукан стремился создать эпос без главного героя.

F. L. S h i s l e r, The Use of Stage Business to portray Emotion in Greek Tragedy, стр. 377—397. Статья о технике представления эмоций в греческой трагедии. Автор отмечает, что из трех великих трагиков Эврипид чаще всего использовал в своих трагедиях момент плача.

H. W. M i l l e r, Comic iterations in Aristophanes, стр. 398—410. Автор анализирует методы творчества Аристофана и доказывает, что наиболее часто употребляемым приемом в комедиях были комические повторения.

J. A. N o t o r o u l o s, The conciliar and civil Calendar in IG, I², 324, стр. 411—414. Заметка об афинском календаре во второй половине V в. Надпись проливает некоторый свет на афинский бюджет данного периода и уточняет размеры займов Полиса из храмов Афины Nike и Полиады.

Vol. LXVII, I, January 1946

Ch. M. D a w s o n, An Alexandrian Prototype of Marathus, стр. 1—15. Анализ текста и перевод одного из отрывков Р. Оху, содержащего третью поэму из цикла «Ямбы» Каллимаха. Автор считает ее прототипом Маратовых поэм Тибулла.

C. P h a r r, The Text and Interpretation of the Theodosian Code, 7, 20, 2. Продолжение статьи того же автора в AJPh, LXVI (1945), стр. 50—58. Исследование указанного в заглавии места из кодекса Феодосия уточняет политику императора Константина по отношению к ветеранам, в частности освобождение их от повинностей и налогов.

E. R. P a r k e r, The Education of Heirs in the Julio-Claudian Family, стр. 19—50. Приводятся данные о домашнем воспитании и обучении наследников в Юлио-Клавдиевой династии. Более подробно исследуются методы воспитания Октавиана, Гая и Люция, Клавдия и Нерона.

G. V l a s t o s, On the Prehistory in Diodorus, стр. 51—59. Исследование источников одного из отрывков Диодора Сицилийского (I, 7—8). Автор считает этот отрывок пересказом из Демокрита через посредничество Гекатея.

H. H i l l, The History of pignoris capio, стр. 60—66. Юридическая статья, анализирующая содержание термина pignoris capio и обстоятельства его применения. Автор считает, что pignoris capio применялось только в период завоевания Италии до начала III в. до н. э.

Ph. W. H a r s h, Aridum Argentum in Plautus Rudens, 726, стр. 67—70. Краткий филологический анализ термина, указанного в заглавии статьи.

Амфоры древнегреческого Херсонеса

(IV—II в. до н. э.)

Древнегреческий Херсонес являлся, несомненно, крупным керамическим центром. Одним из наиболее распространенных видов керамического производства являлись остродонные амфоры. Доказательством этого могут служить, например, открытая в 1900 г. керамическая обжигательная печь с десятками раздавленных амфор¹ и те многочисленные амфорные ручки с клеймами херсонесских астиномов, большинство которых уже издано Ив. Маховым² и Е. М. Придином³. Однако амфоры эллинистического Херсонеса все еще недостаточно изучены, как, впрочем, и амфоры других древнегреческих керамических центров. Между тем херсонесские эллинистические амфоры, как памятники материальной культуры, имеют большое значение не только для изучения эллинистического Херсонеса, но, несомненно, для исследования и других греческих колоний Причерноморья.

Исходя из внешних признаков амфор, я распределил их по условным группам с подробным описанием каждой амфоры в отдельности. В конце каждого описания дается датировка, которую устанавливаю на основании клейм и связанных с амфорами археологических комплексов. После описания материала, которое представляет собой своего рода каталог херсонесских амфор, дается несколько обобщенных замечаний; сами клейма на амфорных ручках и черепицах здесь оставляю в стороне: им будет посвящена специальная работа.

Группа I

Для первой группы херсонесских амфор характерны: широкий конический корпус, короткая массивная ножка и широкое короткое горло. По своему типу они очень сходны с синопскими амфорами.

I. Амфора ($\frac{10}{49}$ —1937 г.) была обнаружена во время раскопок 1937 г. среди некрополя и содержала детский костяк (погребение № 16); склеена из мелких обломков. Части горла и стенок корпуса недостает. Общая высота от ножки до верхнего края около 72 см, высота горла с плечом 22 см, высота ручки 16 см, наибольший диаметр корпуса ниже ручек (под плечом) 36 см, внутренний диаметр горла 9 см. Особенность этой амфоры заключается в том, что она очень толстостенная и заканчивается массивной кольцевидной ножкой. Глина хорошего обжига, светлокрасная, плотная, с незначительным вкраплением мелких известняковых частиц.

II. Амфора ($\frac{4809}{36}$ —1936 г.) аналогична первой амфоре, но имеет более правильный

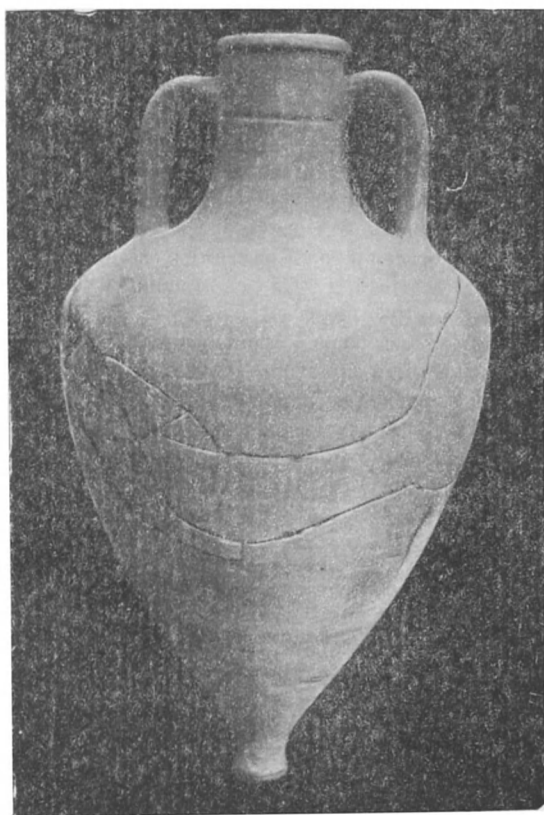
¹ Подробнее в моей статье «Обзор керамических мастерских эллинистического Херсонеса», ВДИ, 1946, № 2.

² Амфорные ручки Херсонеса Таврического с именами астиномов, ИТУДК, вып. 48 (1912).

³ Инвентарный каталог клейм на амфорных ручках и горлышках и на черепицах Эрмитажного собрания, стр. 130 и 140.

конический корпус и по величине несколько меньше первой. Обнаружена во время раскопок 1936 г. в некрополе и содержала детский костяк (погребение 82). Высота от ножки до верхнего края горла 71 см, высота горла с плечом 22 см, высота ручки 15,5 см, наибольший диаметр корпуса ниже ручек (под плечом) 34 см, внутренний диаметр горла 9 см. На стенке плеча имеется *graffito*—«К». Склеена из многочисленных мелких обломков. Части горла и стенок корпуса недостает.

Точное совпадение этих двух амфор по форме и глине с клейменными херсонесскими амфорами не оставляет никакого сомнения в том, что и они обе херсонесского произ-

Г.ас. 1. Остродонная амфора, найденная при раскопках некрополя в 1914 г.

водства. По мнению Г. Д. Белова, некрополь, где были найдены эти амфоры, относится к концу V—первой половине IV в. до н. э.¹ Стало быть, и амфоры относятся ко времени не позже IV в. до н. э. Подтверждением этого может служить и тот факт, что все амфоры, найденные в некрополе, не имеют клейм, так как, судя по всему, клейменные амфоры появились в Херсонесе, как и в подавляющем большинстве других античных керамических центров, только в конце IV в. до н. э.²

III. Большой интерес представляет амфора, найденная во время раскопок некрополя 16/IV 1914 г. в склепе № 10, у западной оборонительной стены. В древности амфора была использована в качестве урны³. Амфора отличается большой раздутостью

¹ «Отчет о раскопках в Херсонесе за 1935—36 гг.», стр. 194.

² Б. Н. Граков, Тара и хранение с.-х. продуктов в классической Греции VI—IV в. до н. э. «Известия ГАИМК», вып. 108 (1935), стр. 177.

³ Архив Г.Х.М., дело № 97. По описи 1914 г. № 417.

корпуса, приплюснутого сверху и слегка вытянутого вниз (рис. 1). Горло короткое, сдвоенное со стороны ручек и постепенно расширяющееся книзу, посередине же имеет круговую бороздку. Венчик в виде полувалика с горизонтальным срезом снизу. Ручки плавно согнутые, овальные в сечении; на нижних основаниях имеются углубления, сделанные пальцами. Днище заканчивается короткой ножкой с кольцевидным утолщением на конце и с небольшим углублением снизу. Глина красного цвета с желтоватым оттенком, плотная, с вкраплением мелких известняковых и черных кристаллических частиц. Наружная поверхность амфоры покрыта светлой обмазкой. Общая высота 68 см, внутренняя высота от края горла до дна—62 см, высота горла с плечом 22,5 см, высота ручки 14,5 см, ширина ручки 4,5 см, наибольший диаметр корпуса 38 см, наибольший диаметр горла 10 см. На одной из ручек имеется клеймо с именем херсонесского астинома.

[KPA] QNOΣ
[A] CTYNOMOY

(см. Махов, № 53)

Это имя в сокращенном виде встречается на херсонесских монетах (KPA), относящихся к концу IV в. до н. э.¹ Его же носил сын Кратона—Сокрит, упоминаемый в декрете в честь феоров припонтийских и других городов, который датируется Б.Н. Граковым 263—266 гг. до н. э.² Дата эта относится к Сокриту, следовательно, деятельность отца его—Кратона относится к более раннему времени. Таким образом, эта амфора не только по своей форме, но и по эпиграфическим данным может быть датирована концом IV или временем не позднее начала III в. до н. э.

IV. Амфора по форме и по размерам аналогична предыдущей. Покатое плечо округленно переходит в широкий корпус со слегка выпуклыми стенками. Короткая кольцевидная ножка имеет круглое неглубокое углубление снизу. Глина коричневатокрасного цвета, плотная, с незначительным вкраплением белых и черных частиц. Высота амфоры, по видимому, была около 68 см, высота ручки 15 см, наибольший наружный диаметр корпуса около 35 см. На ручке имеется клеймо херсонесского астинома:

ΑΓΟ ΛΑΑ
ΧΟΡΕΙΟΥ
ΑΣΤΥΝΟΜΟΥ

(см. Махов, № 11а)

Херсонесские монеты с именем таких чиновников А. Л. Бертье-Делагард датировал временем с половины III в. и до середины II в. до н. э.³ Амфорную ручку с клеймом «Аполла» по характеру букв О. О. Крюгер относит к IV или III в. до н. э.⁴ Кроме того, имя «Аполла» встречается и в надгробных памятниках Херсонеса, относящихся к II в. до н. э.⁵ Исходя из этих фактов, время изготовления амфоры не выходит за пределы III—II в. до н. э. Форма ее позволяет сузить эти пределы и отнести ее приблизительно ко второй половине III в. до н. э.

Группа II

Эта группа амфор по своей форме в основном сходна как с первой, так и со следующей группой. От первой они отличаются лишь сравнительно узкими корпусами, от амфор III группы—несколько короткими горлами. Такие амфоры в Херсонесе являются наиболее распространенными. По некоторым внешним признакам, а также в хронологическом отношении их можно распределить на три подгруппы. К первой подгруппе относятся амфоры с правильно коническим корпусом, ко второй—амфоры с таким же корпусом, но с тенденцией к округлению, к третьей подгруппе относятся амфоры с яйцевидным корпусом.

¹ А. Н. Зограф, *Две группы херсонесских монет с заимствованными типами*, «Изв. ГАИМК», 1927, т. V, стр. 384—85.

² «Материалы по истории Скифии в греческих надписях», ВДИ, 1939, № 3, стр. 247.

³ ЗОО, т. XXVI, стр. 244—245.

⁴ «Известия ГАИМК», вып. 104 (1934), стр. 131.

⁵ Латышев, JOSPE, т. I, № 411, 487.

Подгруппа А

I. Это стройная красивая амфора (инв. № 3192). Цилиндр горла плавно переходит в округленное плечо, корпус имеет почти правильно коническую форму (рис. 2). Ручки, мягко согнутые наверху, овальные в поперечном сечении и слегка подогнуты к горлу внизу. Венчик валиковидный, полукруглый в сечении. Массивная ножка имеет удлиненно-биконическую форму, плоско срезанную снизу. С внутренней и наружной стороны амфоры хорошо заметны следы обработки на гончарном круге. Амфора хорошей сохранности.

Поверхность—без облицовки, местами лощеная. Глина светлокрасная, плотная, с вкраплением мелких и крупных известняковых частиц. Общая высота их 73 см, высота горла с плечом 23 см, высота от ножки до плеча 50 см, длина ручки 17 см. Наибольший диаметр корпуса 30 см, внутренний диаметр горла 9 см. По форме и по отдельным признакам (отсутствие клейма и облицовки, форма ножки и др.) эту амфору можно отнести к концу IV в. до н. э.

II. Верхняя часть амфоры (инв. № 32906) по форме подобна I. Она найдена в 1910 г. во время раскопок у западных оборонительных стен. В описи зафиксировано, что «верхняя половина амфоры с неясным клеймом, покрывала детский костяк». Плечо амфоры широкое, покатое, корпус суживается книзу в виде конуса. Венчик валиковидный в сечении, полукруглый. Глина красного цвета с желтоватым оттенком и серозеленоватой прослойкой. На наружной поверхности имеются следы светлой облицовки.

Наибольшая высота сохранившейся части этой амфоры 37 см, средняя высота горла с плечом 21 см, высота ручки—16,5 см, наибольший диаметр под плечом 29 см, внутренний диаметр горла 9 см. На горле имеется клеймо в виде вертикально вытянутого прямоугольника. Вследствие плохой сохранности букв с большим трудом удастся восстановить имя астинома.

ΗΡΑΚΛΕΙΤΟΥ
ΑΣΤΥΝΟΜΟΥ

(у Махова и Придика нет)

Херсонесские монеты с такими именами А. Л. Бертье-Делагард относил к началу III в. до н. э.¹ Если считать, что способ клеймения на горле амфор в Херсонесе практиковался в более раннее время (для чего имеются некоторые данные), то эту амфору можно отнести к первой половине III в. до н. э.

III. Верхняя часть амфоры аналогична предыдущей². Горло ее со стороны ручек сдавлено, венчик в виде круглого валика, слегка сплюснутого сверху. Глина светлосерого цвета, с вкраплением белых и черных частиц (рис. 3). На горле имеется вертикально поставленное прямоугольное клеймо херсонесского астинома:

Рис. 2. Остродонная амфора, № 3192, найденная при раскопках Херсонеса

¹ ЗОО, т. XXVI, стр. 246—247.

² Была обнаружена мною в фондах Севастопольского музея Крымской войны.

ΓΡΥΤΑΝΙΟΣ
 ΤΟΥ ΑΡΙΣΤΕΥΟΝΟΣ (у Махова и
 ΑΣΤΥΝΟΜΟΥΝΤΟΣ у Придика нет)

Наибольшая высота горла вместе с плечом 21 см, высота ручки 14,5 см, внутренний диаметр горла 9 см. Верхняя часть амфоры с таким же клеймом на ручке имеется в фондах Керченского археологического музея. Она найдена при раскопках Зеленского кургана; по мнению В. В. Шкорпила, комплекс материалов, найденных там, датируется концом IV и началом III в. до н. э.¹ В Херсонесском музее с таким же клеймом имеются черепицы, амфорные горла и ручки, о чем ниже. По комплексу находок их можно уверенно отнести к первой половине III в. до н. э.

IV. Верхняя часть амфоры без одной ручки с остатками стенки корпуса (№ 1489—40 г.). Горло ее со стороны ручек сдавлено и постепенно расширяется книзу. Широкое, четко выраженное плечо слегка округленно переходит к коническому корпусу. Ручка массивная, овальная в поперечном сечении, венчик в виде круглого валика. сплюс-

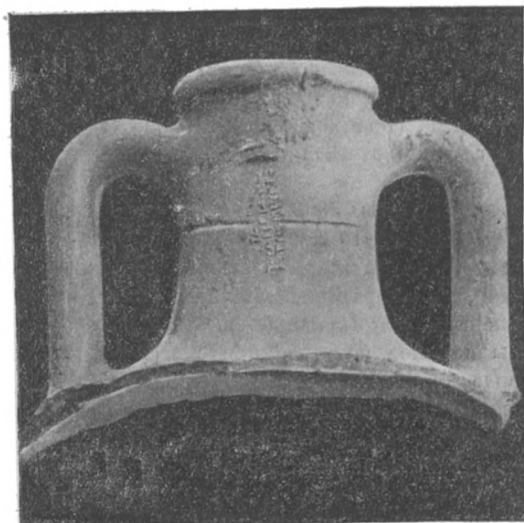

Рис. 3. Херсонесская амфора, найденная при раскопках Зеленского кургана с клеймом на горле

нутого сверху. Глина коричневатая-серая с красной прослойкой, плотная, с примесью мелких известняковых частиц. Высота горла с плечом 22 см, высота ручки 16 см, высота амфоры, повидимому, была около 68 см; наибольший наружный диаметр 30 см, наибольший внутренний диаметр горла 10 см. Она найдена во время раскопок 1940 г. в Херсонесе в эллинистическом колодце, относящемся к III—II в. до н. э. Вместе с ней найдены обломки двух других херсонесских амфор, из которых одна имеет клеймо на ручке:

ΓΡΥΤΑΝΙΟΣ
 ΤΟΥ ΑΡΙΣΤΕΥΟΝΟΣ
 ΑΣΤΥΝΟΜΟΥΝΤΟΣ (№ 1499—1940 г.)

другая (№ 1496—1940 г.) на горле:

ΓΑΣΙΩΝΟΣ
 ΑΣΤΥΝΟΜΟ ΑΓΟ

¹ В. В. Шкорпил, Датированные керамические надписи из Зеленского кургана, ИАК, вып. 51, стр. 122.

По всем данным, оба эти клейма относятся к первой половине III в. до н. э. Учитывая сходство данной амфоры с вышеописанными (I—III), можно и ее отнести к тому же времени.

Подгруппа Б

I, II. Как видно из рисунков, эти амфоры по форме и размерам в основном одинаковы. Горла и ручки у них фрагментированы; вероятно, они были короткие, плечики покатые, корпуса слегка округленные и вытянутые книзу. Разница между обеими амфорами заключается лишь в том, что у первой из них заметен небольшой изгиб при переходе от плечика к корпусу, у второй из них этот переход плавный (рис. 4). У пер-

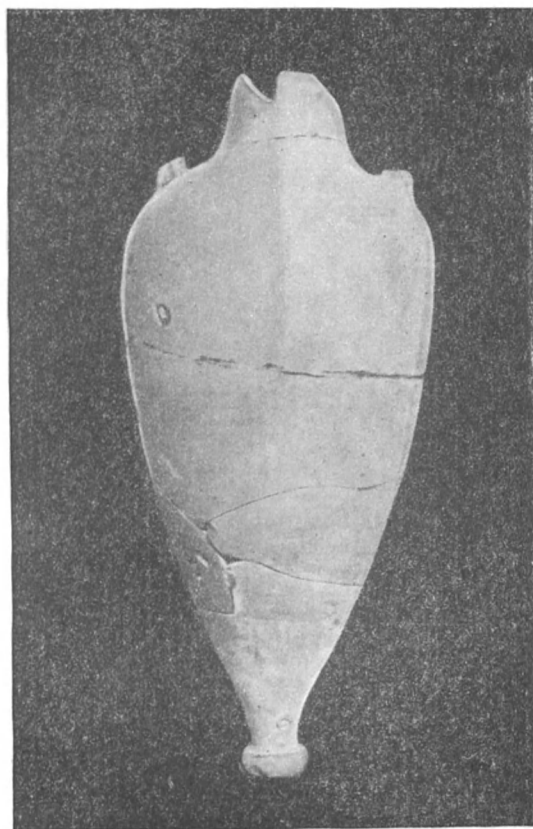

Рис. 4. Остродонная амфора, найденная при раскопках Херсонеса

вой амфоры узкая ножка заканчивается кольцевидным утолщением с небольшим углублением снизу, у второй амфоры конец ножки отбит. Плавные контуры при переходах горлышка в плечи и плечей в корпус, может быть, отчасти объясняются тем, что их горла и плечики во время обработки на гончарном круге сделаны были не отдельно, как у других амфор, а вместе с корпусом, т. е. без отрыва от него. Об этом свидетельствует отсутствие следов соединения плеча с корпусом, обычно заметного у других амфор. Глина светлокрасная с желтоватым оттенком, с примесью большого количества известняковых и с незначительным вкраплением черных частиц. Наружная поверхность покрыта хорошей бледножелтой обмазкой.

Наибольшая высота амфор до фрагментированной части горла 64,5 см, а высота цельной амфоры, повидимому, была 67—68 см, наибольший диаметр корпуса 29 см, высота от ножки до плеча 50 см. Отсутствие клейм (которые могли быть на ручках) и беспаспортность амфор лишает нас прямых указаний для датировки. Однако сравнение с нижеследующими амфорами позволяет с несомненностью отнести их ко времени, начиная со второй половины III в. до начала II в. до н. э.

III. Верхняя часть амфоры ($\frac{3914}{3}$ —1936 г.). Глина с желтоватым оттенком красного цвета, с незначительным вкраплением известняковых частиц. Наружная и внутренняя

Рис. 5. Остродонная амфора, найденная при раскопках керамической печи у башни Зенона в Херсонесе в 1900 г., с клеймом на ручке

поверхности покрыты желтовато-светлой облицовкой. Внутренний диаметр горла 8 см, высота ручки 14 см. На стенке горла имеется graffiti—A. Амфора найдена в 1936 г. при раскопках эллинистической улицы. Вместе с нею найдено горло такой же амфоры с клеймом на ручке:

ΔΙΟΥΣ [ΚΟΥΡΙΔΑ]
ΑΣΤ [ΥΝΟΜΟΥ]

(№ 3979—1936 г.)

Судя по комплексу археологических находок, к которому принадлежат амфоры, их можно отнести ко времени, начиная со второй половины III в. до начала II в. до н. э.

IV. Верхняя часть одной из 28 раздавленных амфор, найденных в обжигательной печи в 1900 г.¹ с клеймом одного и того же астинома: ΙΣΤΡΩ ΝΟΣΤΟΥΑΓΟΛΛΩΝΙΔΑ (ив. № 31471). Венчик амфоры валиковидный, несколько уплощенный. Глина красно-кирпичного цвета с желтоватым оттенком и небольшой примесью белых известняко-

¹ ИАК, вып. 2, стр. 23.

вых и черных кристаллических частиц. Наибольшая высота горла с частью плеча 21 см, высота ручки 14 см, наибольший диаметр горла 9 см, диаметр ниже ручек, повидому, был около 29 см (рис. 5).

Херсонесские монеты с именем такого чиновника А. Л. Бертье-Делагард датировал временем с половины III и до половины II в. до н. э.¹ Так как обжигательная печь, где найдены эти амфоры, была разрушена и прекратила существование, по всей вероятности, не ранее середины II в. до н. э. (если не позже?), то, следовательно, и эту амфору следует отнести к тому же времени, т. е. приблизительно к середине II в. до н. э.

V. Верхняя часть амфоры, такого же типа и размера, найденная вблизи гончарной печи, открытой в 1900 г. у башни Зенона (инв. № 31579). Венчик в виде плоского ободка, не примыкающего в нижней части вплотную к стенке. Глина плотная, хорошего замеса, светлокрасного цвета с желтоватым оттенком и с редко разбросанными крупного размера песчинками белого цвета и с черным вкраплением. Наибольшая высота горла вместе с плечом 20,5 см, высота ручки 14 см, диаметр горла 9 см., наибольший наружный диаметр ниже ручек около 29 см. На одной ручке имеется клеймо херсонесского астинома:

ΗΡΟΓΕΙΤ [ΟΥ]
ΑΣΤΙΝΟΜ [ΟΥ] (см. Махов, № 41).

На другой ручке—клеймо с начальными буквами имени фабриканта.

Это имя на херсонесских монетах неизвестно, но зато встречается в эпиграфических памятниках: в договоре Херсонеса с Фарнаком, относящемся к первой половине II в. до н. э., и в декрете в честь Синопейца; относящемся ко второй половине того же века². Если учесть, что Гирогит в обоих случаях упоминается в качестве отца Аполлодора, то приходится думать, что он жил раньше. Таким образом, не только по условиям находки, но и по эпиграфическим материалам эту амфору можно отнести к середине или первой половине II в. до н. э.

VI. Амфора (инв. № 31142) небольшого размера, по форме, по облицовке и по глине аналогична с предыдущими амфорами. Часть горла, одна ручка и ножка отбиты. Общая высота, повидому, была около 44—45 см, наибольший диаметр корпуса—18 см.

Подгруппа В

I. Амфора характеризуется яйцевидным корпусом с плавно округленными плечами. Глина красная с вкраплением черных и белых частиц. Высота амфоры 67—68 см, наибольший наружный диаметр 28 см. Найдена в 1938 г., при зачистке участка раскопок 1937 г., в эллинистическом помещении «С» дома III. Условия находки и весь комплекс археологических материалов, куда входила амфора, позволяют отнести ее к середине или ко второй половине II в. до н. э.

II. Верхняя часть аналогичной амфоры ($\frac{680}{10}$ 1936 г.). Венчик в виде плоского ободка, округленного внутри. Высота горла около 16 см, высота ручки 16 см. Найдена в 1936 г. в цистерне во дворе эллинистического дома I. Найденные здесь предметы относятся в большинстве случаев ко II в. до н. э. Там найдена верхняя часть второй амфоры с клеймом херсонесского астинома на ручке:

ΑΣΤΥΝΟ
ΜΟΥΝΤΟΣ
ΣΙΜΑΙΟΥΤΟΥ
ΠΑΡΘΕΝΟΚΑΕ
ΟΣ

Имя ΣΙΜΑΙΟΣ встречается в позднеэллинистическом надгробном памятнике³; ΠΑΡΘΕΝΟΚΑΕΟΣ встречается в декрете в честь Синопейца, который датируется концом II в. до н. э.

¹ ЗОО, т. XXVI, стр. 241—42, стр. 244—45.

² IOSPE, I², № 351, 402.

³ IOSPE, I², № 492.

По условиям находки и по клеймам эти амфоры можно отнести ко II половине II в. до н. э.

Группа III

Как сказано выше, эти амфоры в основном сходны с амфорами предыдущей группы, но имеют длинные горла. Вследствие этого они как бы сочетают два типа амфор: синопский и гераклейский.

I. Амфора ($\frac{6}{39}$ — 1937 г.) содержала детский костяк, найдена во время раскопок некрополя в 1937 г. на северном берегу Херсонеса (погребение № 12). Она была склеена из мелких обломков, части стенок корпуса и ножки недостает (рис. 6). Общая высота

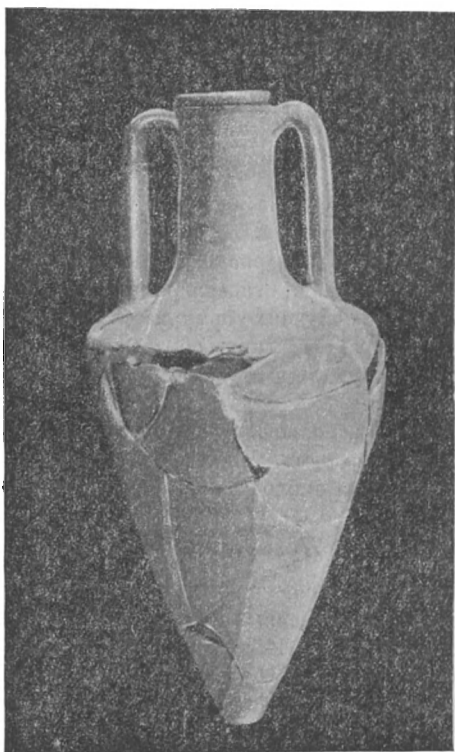

Рис. 6. Остродонная амфора ($\frac{6}{39}$ 1937 г.), найденная при раскопках некрополя Херсонеса в 1937 г.

амфоры без ножки 73 см, высота горла с плечом 25 см, высота ручки 21 см, наибольший диаметр корпуса 32 см, внутренний диаметр горла 9 см. По условиям находки датируется IV в. до н. э.¹

II. Амфора херсонесского производства; находится в экспозиции Ялтинского краеведческого музея (инв. № 3105). По размеру она меньше других и отличается тщательностью и аккуратностью отделки. Горло амфоры сравнительно длинное, узкое и имеет правильную цилиндрическую форму. Плечо достаточно выделенное, покатое. Конический корпус заканчивается высокой ножкой (конец ее отбит). Плавные согнутые наверху ручки параллельно спускаются вниз к плечикам. Глина красная с желтоватым оттенком и мелкими черными вкраплениями. Наружная поверхность покрыта светлой

¹ Г. Л. Белов, Отчет о раскопках в Херсонесе за 1935—36 гг., стр. 194.

обмазкой. Общая высота без ножки 53 см, высота горла вместе с плечом 20,5 см, высота ручки 15,5 см, наибольший диаметр корпуса 22,5 см, диаметр горла 6 см. На одной ручке имеется клеймо херсонесского астинома:

ΑΓΟΛΛ[ΩΝΙΟΥ]

ΑΣΤΥΝΟΜΟΥΝ[ΤΟΣ]

(см. Махов, № 16 «б»)

Это имя встречается в акте о продаже земель, относящемся к концу III или нач. II в. до н.э.¹, а также в декрете об увенчании Херсонеса, относящемся к началу II в. до н.э.². Херсонесские монеты с такими именами А. Л. Бертье-Делагард датировал временем с половины III и до половины II в. до н.э.³. Возможно, что и эта амфора относится к концу III или к началу II в. до н.э.

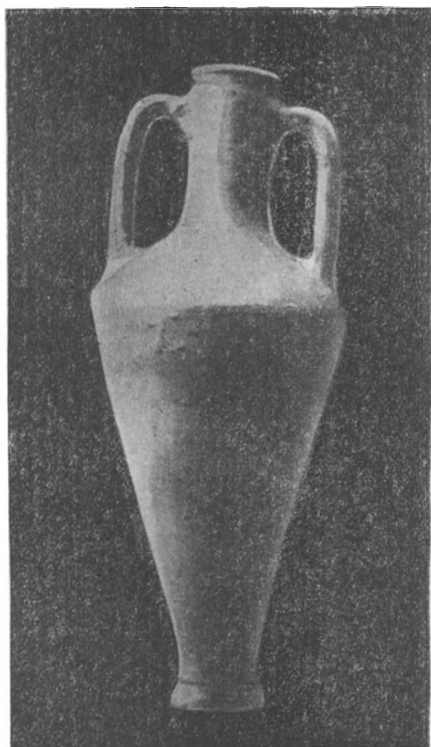

Рис. 7. Остродонная амфора № 3285, найденная при раскопках Херсонеса.

III. Амфора (инв. № 3285) так же, как и предыдущая, имеет четко выделенное плечо, конический корпус и сравнительно длинную ножку с расширением в нижней части (рис. 7). Общая высота 52 см, высота горла с плечом 19 см, наибольший диаметр корпуса 21 см, внутренний диаметр горла 6 см. В фондах Херсонесского музея имеются два горла с клейменными ручками таких же амфор. На ручках одной из них клеймо астинома:

ΜΑΤΡΙΟΥ

ΑΣΤΥΝΟΜΟΥ

и клеймо мастера: ΑΠ; на ручке другой амфоры клеймо астинома:

ΗΡΑΚΛΕΙΟΥ

ΑΣΤΥΝΟΜΟΥΝΤΟΣ

¹ IOSPE, — I² 1916, № 40.

² Б. Н. Граков, Материалы по истории Скифии в греческих надписях. ВДИ, 1939, № 3, стр. 255.

³ ЗОО, т. XXVI, стр. 244—245.

Группа IV

Эта группа херсонесских амфор характеризуется сравнительно высоким горлом и узким коническим корпусом. По форме они очень сходны с гераклейскими амфорами.

I. Амфора ($\frac{7}{40}$ —1937 г.) с сравнительно высоким горлом, нешироким покатым плечом и с коническим корпусом, слегка округленным в верхней части; венчик в виде плоского ободка. Глина светлокрасная, плотная, с включением белых и черных частиц. На

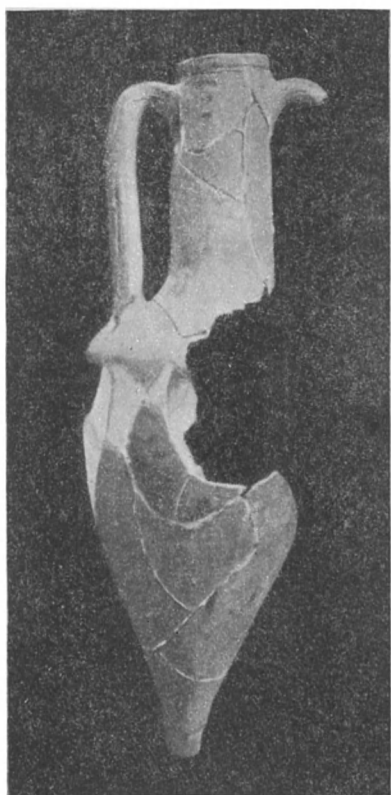

Рис. 8. Остродонная амфора, найденная при раскопках некрополя Херсонеса в 1937 г.

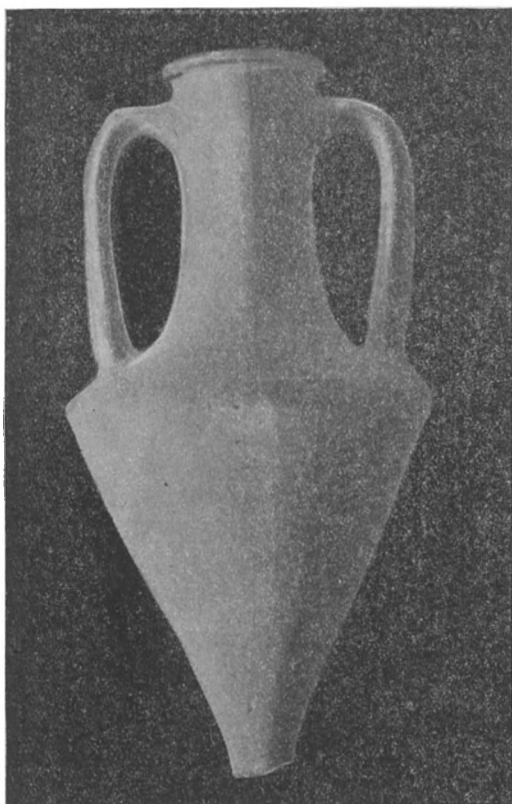

Рис. 9. Херсонесская амфора № 1332 с клеймом астинома, найденная в г. Керчи

наружной поверхности имеются круговые бороздки, быть может, следы гончарного ножа (рис. 8). Высота без ножки 79 см, высота горла с плечом 31 см, наибольший диаметр корпуса 29 см, внутренний диаметр горла 8 см. Амфора заключала детский костяк; найдена в 1937 г. во время раскопок некрополя на Северном берегу Херсонеса (погребение № 14). Следовательно, по условиям находки амфора датируется IV в. до н.э.¹ По форме она является как бы копией привозной, т. е. не херсонесской амфоры, обнаруженной на том же некрополе. Особенно близкое сходство наблюдается в верхней части; она лишь более груба по внешности и меньше по размеру.

II. Большой интерес представляет херсонесская амфора, найденная в Керчи и хранящаяся в фондах Керченского музея (инв. № 1332). Высокое горло при низких плечах и крутой переход к коническому корпусу очень характерны для этого типа

¹ Г. Д. Белов. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1935—1936 гг., стр. 194.

амфор. Цилиндрическое горло посередине слегка сужается, а длинные ручки плавно выгнуты. Венчик с внутренней стороны выгнут под прямым углом, а снаружи округлен. Конец ножки не сохранился (рис. 9). Наружная поверхность амфоры покрыта желтовато-светлой обмазкой. Глина красная с желтоватым оттенком. Общая высота до облома ножки 47 см, высота от облома ножки до плеча 25 см, длина горла вместе с плечом 22 см, длина ручки 17 см, наибольший диаметр корпуса 23,5 см, диаметр гор-

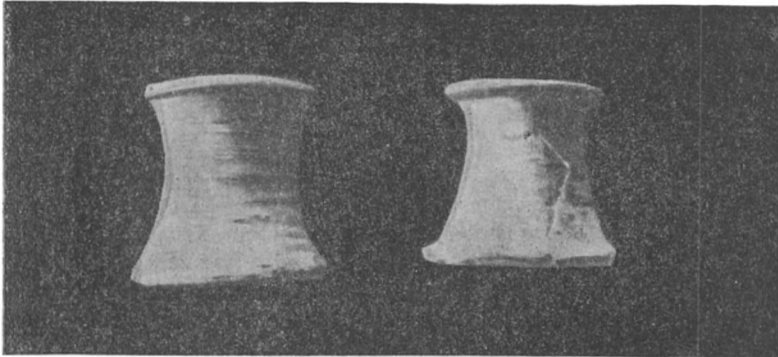

Рис. 10. Подставки для остродонных амфор, найденные при раскопках Херсонеса

ла 8,5 см. Таким образом, высота горла вместе с плечом составляет почти половину высоты этой амфоры. На ручке имеется клеймо, несомненно, херсонесского астинома

[Α]ΣΤΥΝΟΜΟΥ

К сожалению, неудачная штамповка не позволяет установить имя этого чиновника. По своей форме сосуд этот очень близок к амфорам гераклеяского типа.

III. Верхняя часть амфоры, повидимому, того же типа (№ 1044—1935 г.). Цилиндрическое горло с постепенным расширением переходит в узкое, сильно выделенное плечо, а последнее, в свою очередь, крутым изгибом соединяется с коническим корпусом. Фрагментированность горла и неполная сохранность корпуса затрудняют точную реконструкцию амфоры. Судя по наличным остаткам, она имела сравнительно высокое горло и неширокий конический корпус. Глина красная с желтоватым оттенком и значительным вкраплением белых известняковых и черных частиц. Наружная поверхность покрыта желтоватой, хорошего качества, обмазкой. Наибольший наружный диаметр 22 см. Она найдена при раскопках на Северном берегу Херсонеса в 1935 г. Условия находки и сопровождающий материал не дают основания для ее датировки.

Подставки для амфор

Как известно, для установки остродонных амфор в эллинистическое время, кроме углублений в скале и глинобитных гнезд на полу помещений, применялись еще специальные подставки, сделанные на гончарном круге. В фондах Херсонесского музея, кроме многочисленных обломков таких подставок, имеются два целых экземпляра (инв. №№ 3289 и 23268). По форме они напоминают цилиндры с вогнутыми в середине стенками и отогнутыми верхним и нижним краями (рис. 10), причем стенки подставок, повидимому, для большей устойчивости, книзу утолщаются. Глина у них плотная, светлокрасного цвета, с вкраплением мелких известняковых частиц. Оба экземпляра покрыты желтовато-светлой обмазкой. Высота первой подставки 16,5 см, высота второй подставки 14,5 см.

Синопские амфоры

Серьезным препятствием для изучения амфор других керамических центров является то, что они в большинстве случаев встречаются только в обломках. Из целых амфор синопского происхождения пока опубликован лишь экземпляр, найденный в Зеленском кургане¹. Вторая (неопубликованная) и, несомненно, также синопская амфора имеется в фондах Феодосийского музея. В целях сравнения с херсонесскими я даю ее описание и рисунки. Общая высота амфоры без ножки 66 см, высота цельной амфоры, повидимому, была 70—71 см, высота горла вместе с плечом 26 см, наибольший диаметр корпуса 34 см, диаметр горла 9 см. Глина светлорозоватого цвета с вкраплением черных частиц. На одной ручке имеется клеймо астинома:

ΡΟΥΕΙΛΩΝΙΟΥ
ΑΣΤΥΝΟΜ[ΟΥ]
- - - ΟΝ - - -

Неудачная штамповка не позволяет восстановить нижнюю строку надписи клейма и эмблему. Важно отметить, что ниже венчика этой амфоры нацарапана надпись в виде graffiti: Σ...ΝΟΙΑ. Сделана ли эта надпись в древности или впоследствии, установить мне не удалось. Аналогичные амфоры и по форме и по глине, но без клейма, имеются в фондах Херсонесского музея (инв. № 3194 и № 413—14). Все эти амфоры подтверждают предположение Б. Н. Гракова о том, что синопские сосуды этого рода по форме в основном были однотипными, зато они различались по размерам, что видно из нижеследующей таблицы:

Место хранения	Общая высота	Наиб. дм. корпуса
1. Амфора, найденная в Зеленском кургане (в фондах Керченского музея)	65 см	22—23 см
2. Амфора, хранящаяся в фондах Феодосийского музея	70—71 см	34 см
3. Амфоры, хранящиеся в фондах Херсонесского музея:		
а) инв. № 3194	62 см	29 см
б) № описи 431—1914 г.	—	30 см

Гераклейские амфоры

Исчерпывающую характеристику амфор с английским клеймом дал Б. Н. Граков², убедительно показавший, что они составляют совершенно особую группу, происходящую из одного керамического центра. Однако в одном отношении характеристика Б. Н. Гракова может быть пополнена и уточнена. Имеющийся в нашем распоряжении материал позволяет установить, что по формам гераклейские амфоры, как и херсонесские, не представляют единого стандартного типа. Хранящиеся в Херсонесском музее гераклейские амфоры дают основание различить три вида их.

Амфора № 158—38 г. имеет биконическую форму с плавным переходом плечей в корпус и точно совпадает с одним из типов хиосской амфоры³. На горле имеется клеймо

¹ Б. Н. Граков, Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов, «Труды секции археологии Института археологии РАНИОН, М., 1929, стр. 65.

² «Труды Гос. истор. музея», вып. I, 1926.

³ Б. Н. Граков, Тара и хранение с.-х. продуктов в классической Греции VI—IV вв. до н. э. «Известия ГАИМК», вып. 198, 1935, стр. 181.

в форме треугольника с именем фабриканта: ΔΙΟΝΥΣΙΟ[Σ]. Найдена в 1938 г. при зачистке некрополя на участке раскопок 1937 г., содержала детский костяк. По условиям находки амфора может быть датирована второй половиной IV в. до н. э.¹

Амфора инв. № 9220 характеризуется узким коническим корпусом с резким переходом в узкие плечи и аналогична с амфорами, опубликованными Б. Н. Граковым. На горле—полукруглое клеймо: ΝΟΕΘ.....ΠΣΙ и эмблема в виде сердцевидного листа. По форме сходна с херсонесской амфорой IV группы.

Амфора инв. № 9212 имеет более широкий корпус с хорошо выраженными приподнятыми плечами. На горле клеймо: ΚΑΛΔΙΑΣ и эмблема в виде палицы Геракла. По форме эта амфора отличается как от первой, так и от второй; сходна с херсонесской амфорой III группы.

Размеры описанных форм следующие:

	Высота	Наиб. дм. корпуса
Амфора № 158—38 г.	67 см	25 см
» инв. № 9220	без ножки 64 см	23 см
» » № 9212	64 см	27 см

Приведенный материал позволяет сделать некоторые заключения. Повторяем: производство амфор в эллинистическом Херсонесе являлось наиболее ранним и наиболее распространенным видом гончарного производства: вряд ли случаен тот факт, что в наиболее древних археологических комплексах изделия других видов гончарного производства здесь пока еще не установлены. Начало производства амфор в Херсонесе, как показывают раскопки некрополя в 1936—1937 гг. на северном берегу, относится ко времени не позднее середины IV в. до н. э. В начале III в. до н. э. оно приобретает массовый характер, резко сокращаясь лишь в середине II в. до н. э., а в конце его, по всей вероятности, в основном прекращается.

По форме и по размеру херсонесские амфоры, как мы видели, весьма различны. Характерно именно отсутствие единого стандартного типа в противоположность изделиям некоторых других керамических центров эллинизма. Это объясняется, главным образом, производством амфор в разных керамических мастерских и подражанием привозным амфорам из различных центров².

Херсонесские амфоры, по их внешним признакам, тяготеют в основном к двум типологическим группам: к амфорам синопского и гераклейского типов. Эта типологическая близость характерна как для раннего, так и для позднего времени древнегреческого Херсонеса. Это, конечно, еще не значит, что херсонесские мастера непосредственно заимствовали типы амфор из Синопы и Гераклеи. Не исключена возможность, что сходство между херсонесскими типами амфор, с одной стороны, и синопскими и гераклейскими, с другой стороны, является результатом того, что те и другие восходят к общему прототипу. Среди материалов раскопок 1936—37 гг. нам удалось выделить ранние привозные типы амфор, которые могли служить образцами не только для херсонесских мастеров, но и для синопских и гераклейских. По условиям находки эти амфоры могут быть отнесены ко времени от конца V до конца IV в. до н. э. Так,

¹ Г. Л. Белов, Отчет о раскопках в Херсонесе в 1935—36 гг., стр. 194.

² Этой особенностью, как указывалось, обладают и гераклейские и хиосские амфоры (см. Б. Н. Граков, Тара и хранение с.-х. продуктов в классической Греции VI—IV вв. до н. э., стр. 177—178.

например, одна из амфор¹ по форме сходна с синопскими, а также и с херсонесскими амфорами (см. I и II группы). Своеобразная трактовка венчика, характер глины и наличие на горле этой амфоры метки, нанесенной красной краской в виде знака N, не позволяют считать ее херсонесской или синопской. По мнению Н. П. Кивокурцева, эта амфора происходит из Самоса и датируется второй половиной V в. до н. э.

Вторая амфора², с цилиндрическим горлом, толстым валиком на венчике и довольно высокой ножкой, также имеет сходство с херсонесскими (см. III группу). Аналогичную амфору, найденную в 1940 г. вблизи Керчи, Н. П. Кивокурцев связывает с Хиосом и датирует 380—360 гг. до н. э. Третья амфора³—другого типа, не исключено, что подобные сосуды могли служить образцом для херсонесских мастеров, в пользу чего свидетельствует амфора херсонесского производства, которая является как бы грубой копией этой привозной амфоры. С другой стороны, последняя, по форме и по опоясывающей ее по горлу красной полоске под венчиком, совпадает и с гераклейскими амфорами. Аналогичную амфору, найденную в 1940 г. вблизи г. Керчи, Н. П. Кивокурцев считает также хиосской и относит приблизительно к 330 г. до н. э.⁴ Предположение Н. П. Кивокурцева о месте происхождения этих амфор косвенно подтверждается тем, что они по глине отличаются не только от херсонесских, но и от родосских, фазосских, синопских и гераклейских амфор. Поэтому место производства вышеуказанных типов амфор нужно искать где-то в других керамических центрах—скорее всего, именно в Хиосе, может быть в Самосе.

На подражание гончаров Синопы и Гераклеи хиосским образцам указывает также Б. Н. Граков⁵, основывающийся при этом на сходстве типов синопских и гераклейских амфор с амфорами, изображенными на хиосских монетах 440—400 гг. до н. э. Дальнейшее исследование материалов дает, несомненно, возможность более полно осветить этот интересный историко-культурный вопрос. Таким образом, воспроизведение привозных образцов, происходящих из других керамических центров, имело место в Херсонесе не только в области художественной керамики (терракота и чернолаковая посуда), но и по отношению к амфорам. По технике изготовления херсонесские амфоры не отличаются ни аккуратностью, ни изяществом: в большинстве случаев на них лежит печать торопливости и небрежности исполнения. Несомненно, что херсонесские амфоры, как и в других местах, изготавливались на гончарном круге. Внутренние стенки их имеют параллельные желобки, идущие спиралью снизу вверх и представляющие собой следы пальцев мастера, натягивавшего глину вверх, чтобы придать желаемую форму амфорам при вращении гончарного круга. На наружной поверхности некоторых амфор имеются узкие и неглубокие круговые бороздки—следы гончарного ножа. Горло амфор делалось отдельно и затем присоединялось к туловищу, шов этот хорошо виден на внутренней стороне сосудов.

¹ Амфора ($\frac{3}{6}$ —1937 г.) с сильно выступающим венчиком. Она найдена при раскопках 1937 г. на северном берегу Херсонеса в некрополе, содержала детский костяк (погребение № 6). Высота 81 см, высота горла с плечом 31 см, наибольший диаметр корпуса 39 см, диаметр горла 10,5 см.

² Эта амфора ($\frac{4805}{32}$ —1936 г.) найдена при раскопках 1936 г. в некрополе, содержала детский костяк (погребение № 70). Высота 88 см, высота горла с плечом 31 см, наибольший диаметр корпуса 36,5 см, диаметр горла 9 см. Ножка высокая, с глубоким углублением снизу. Глина—с вкраплением блестящих золотистых частиц.

³ Она (4757—1936 г.) также содержала детский костяк (погребение № 1). Высота ее 95 см, высота горла с плечом 39 см, наибольший диаметр корпуса 36 см, диаметр горла 9,5 см, глина—с вкраплением золотистых частиц.

⁴ Как уже было указано, тип хиосской амфоры не оставался постоянным.

⁵ «Тара и хранение с.-х. продуктов в классической Греции VI—IV вв. до н. э.»; «Известия ГАИМК», рис. 25, стр. 170—180.

Несколько слов о глине херсонесских амфор. Даже беглый обзор их показывает, что по составу и по качеству глины они не однородны, что свидетельствует о различных источниках сырья, которыми пользовались гончарные мастерские древнего Херсонеса. В настоящее время установлены три таких источника: один из них находится на северной стороне г. Севастополя, далее, высококачественная глина имеется в окрестностях г. Балаклавы и, наконец, в устье реки Бельбека. В последних двух местах керамические предприятия существуют и в настоящее время. Характерная особенность глины всех без исключения херсонесских амфор заключается в наличии вкрапления известняковых частиц. Другой отличительной чертой, хотя и не обязательной для всех амфор, является вкрапление черных кристаллических частиц. Эти два элемента в различных амфорах имеют различные количественные соотношения с преобладанием той или иной примеси. Помимо того, в составе глины некоторых амфор встречается примесь песка белого или желтоватого цвета. В зависимости от степени обжига и сорта глины последняя приобретает различные оттенки красного, коричневого или даже желтовато-серого цвета. Несомненно, что выбор сорта глины и качество ее прежде всего зависели от назначения и характера изготавливаемой продукции. Например, глина терракотовых изделий и чернолаковых сосудов по составу гораздо чище и плотнее, чем глина амфор и черепиц: херсонеситы не только умели производить замечательные художественные, удивительно разнообразные гончарные изделия, но и в совершенстве владели мастерством предварительной обработки глины для них.

Наконец, следует отметить свойственную херсонесским амфорам обмазку их поверхности (ангобу). В отличие от синопских амфор и черепиц, которые покрывались темно-красной краской¹, большинство херсонесских амфор, черепиц и массивных блюд имеют светлую обмазку с желтоватым оттенком. Большой частью амфоры покрыты только по наружной поверхности, а некоторые и с наружной и с внутренней стороны. Светло-желтоватую обмазку начали применять с конца IV в. до н. э., традиция эта оказалась очень устойчивой: она удержалась в керамическом производстве и римского и средневекового времени. Назначение ее—предохранять сосуд от влияния атмосферных осадков².

Таковы в общих чертах характерные особенности херсонесских амфор.

Подведем некоторые итоги. Прежде всего следует подчеркнуть, что херсонесские амфоры, при всем сходстве с синопскими и гераклейскими, составляют самостоятельную группу.

Несколько слов о назначении херсонесских эллинистических амфор. Широкий размах этого вида гончарного производства был вызван, конечно, хозяйственными потребностями эллинистического Херсонеса, прежде всего потребностью в таре для перевозки и хранения сельскохозяйственных продуктов: вина, масла, зерна и т. д., а также для хранения и засолки рыбы. Таково, несомненно, основное назначение эллинистических амфор. Таким образом, они представляют собой ценнейший материал не только для изучения самого гончарного производства, но и для изучения сельского хозяйства (виноградарства, виноделия) и торговли. Можно думать, что амфоры в основном были связаны с виноградарством и виноделием, продукция которого составляла предмет той обширной торговли, которую вел Херсонес с другими эллинистическими городами. Найденные в Ольвии, Керкинитиде, Неаполисе, Феодосии, Пантикапее, Фанагории и в Танаисе херсонесские амфорные ручки являются вещественным подтверждением этого. Они найдены даже в далеких Афинах. С другой стороны, археологические находки в горной и степной частях Крыма свидетельствуют о торговых связях Херсонеса и с племенами, населявшими северное Причерноморье. Всюду нужны были амфоры в качестве тары для перевозки. Не исключено, что в отдель-

¹ Б. Н. Граков, Древнегреческие керамические клейма с именами астиго-мов, М., 1929, стр. 69.

² В. Ф. Гайдукевич, Строительные керамические материалы Боспора, «Известия ГАИМК», вып. 104 (1934), стр. 235.

ные пункты горной и степной части Крыма херсонесские амфоры вывозились и в качестве товара.

Своеобразным способом употребления амфор в Херсонесе является применение их для детских погребений и в качестве урн. Так, например, при раскопках 1936—1937 гг. на северном берегу Херсонеса, в некрополе были найдены различные эллипстические амфоры, содержащие детские костяки. В 1936 г. их было найдено 18, в 1937 г.—9. Следовательно, такой способ употребления амфор для древнегреческого Херсонеса не являлся случайным, наоборот—вполне обычным и нормальным. Вряд ли можно сомневаться, что крупного масштаба производство амфор в Херсонесе в основном обеспечивало потребности внутреннего рынка. В большом количестве встречаемые фрагменты амфор из Синопы, Родоса, Фазоса и Гераклеи Понтийской (о чем можно судить по клейменым ручкам) прежде всего связаны, несомненно, с импортом из этих стран в Херсонес вина или масла. Использование этих амфор в хозяйстве Херсонеса несколько не противоречит сказанному, так как они попали в Херсонес именно в виде тары, а не в качестве товара.

П. Б. Азмероз

Древние культуры северо-востока Азии по данным археологических исследований 1946 г. в Колымском крае

Среди очередных задач советской археологической науки, достигшей за последнюю четверть века блестящих успехов в изучении древностей нашей родины, немаловажное место занимают вопросы, связанные с изучением отдаленного прошлого северо-востока Азии. Значение их определяется уже тем, что внимание виднейших ученых, преимущественно этнографов, антропологов, археологов, издавна привлекали исторические судьбы и своеобразные культуры таких северных племен, как эскимосы (юнты), чукчи (луораветланы), коряки (нымылланы), юкагиры (огулы) и родственные им чуванцы. Этим племенам посвящены капитальные труды В. Г. Богораза, В. И. Иохельсона, Ф. Боаса, они продолжают живо интересовать советских и зарубежных ученых нашего времени.

Если в XIX в. исследователи занимались главным образом описанием общего состояния этих племен и их культур в статике, то сейчас наибольшее внимание уделяется их историческим судьбам, происхождению и развитию. Именно в этом плане строились, например, многолетние исследования американских ученых в Аляске. Важность этих исследований для американских ученых определяется прежде всего тем, что, как полагают, именно Аляска является теми «воротами», через которые впервые должен был проникнуть человек из Старого Света в Новый.

В чисто историческом плане определяются исследовательские интересы на северо-востоке и советских ученых, которых, однако, занимает не только уже поставленная американцами проблема первичного заселения американского континента человеком, но и другие темы такого же всемирноисторического характера. Едва ли не важнейшая из них—о своеобразии культурно-исторического развития на Севере, о его специфических путях, формах и темпах, т. е., в конечном счете, о том, какое место занимают его коренные обитатели в общечеловеческом процессе культурного творчества, в великом движении человечества от низших ступеней культуры к более высоким.

Как известно, северные племена к моменту своей первой встречи с европейцами резко отстали от них во всех отношениях. Их техника, экономика, общественные отношения и все проявления культуры в большей или меньшей степени приближались к тому первобытному состоянию, которое в Европе целиком лежит за пределами писанной истории и отделено от современности даже не веками, а тысячелетиями. Отсюда не трудно было сделать общий вывод, что на севере и не существовало никакой истории, а северные племена являются своего рода «живыми окаменелостями», что они всегда находились в стороне от общего исторического развития человечества.

Однако тщательное и глубокое изучение фактов привело более внимательных и прогрессивно настроенных ученых к иным взглядам. Фр. Нансен, например, одним из первых заметил, что даже такой маленький и, казалось бы, чрезвычайно первобытный народ Крайнего Севера, как эскимосы, на самом деле занимает весьма оригинальное и в этих конкретных условиях даже почетное положение. Им выпало на долю, говорит Нансен, быть авангардными представителями человечества в его борьбе с мраком полярной ночи, льдами и пургами арктических пространств. Еще в условиях каменного века, продолжает Нансен, имея невыразимо мало средств для борьбы с враждебной человеку природой Арктики, они тем не менее устояли против нее. Более того, этот маленький арктический народец, вооруженный только камнем и костяными орудиями, сумел создать своеобразную и характерную культуру, которая по праву должна занять особое место в ряду других племенных культур земного шара.

Такие выводы, основанные на знакомстве с живой этнографической действительностью Крайнего Севера, нашли неожиданно яркие подтверждения и дополнительную опору в новейших археологических исследованиях на территории Аляски, где удалось проследить последовательную историю эскимосского племени и его культуры на протяжении примерно трех тысячелетий. Именно в данном общесторическом плане строятся и те археологические исследования на Севере, которые в течение ряда лет осуществляет Институт истории материальной культуры им. Н. Я. Марра Академии Наук СССР в сотрудничестве с другими научными учреждениями—Арктическим научно-исследовательским институтом Главсевморпути, Научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории при Совете Министров ЯАССР, Якутским республиканским музеем и некоторыми другими научными учреждениями.

Если в предшествующие годы эти работы ограничивались последовательным изучением одной из величайших водных артерий Азии—реки Лены, то в 1946 г. они были перенесены в долину р. Колымы и отчасти на прилегающие к ней районы Дальнего Востока, где и явились составной частью широко задуманных исследований чукотской (Северо-восточной) экспедиции Института этнографии и ИИМК. Ближайшей задачей их являлось прежде всего выяснение общего характера тех древних культур, которые существовали в прошлом на северо-востоке, и их отношений к уже известным культурам других областей как Старого, так и Нового Света.

Археологические исследования 1946 г. в Колымском крае начаты были в районе Магадана—столицы обширного и бурно растущего молодого края, поражающего темпами своей индустриальной жизни.

В рекордные сроки и с максимальной эффективностью были осуществлены заранее намеченные рекогносцировочные исследования в четырех пунктах: на о. Завьялова (Ольском), на м. Алевина, п/о Кони и в местности Атаргана вблизи Олы.

В двух пунктах—на о. Завьялова (Ольском) и в Атаргане—уже имели место предварительные разведки, осуществленные в свое время на о. Завьялова известным исследователем северо-востока геологом А. В. Цареградским, а затем также М. Г. Левиным и В. И. Левиным, а в Атаргане Охотско-Колымским Краеведческим музеем (ОККМ). М. Г. Левин произвел в 1930—1931 гг. весьма тщательные и довольно широкие по масштабам разведочные раскопки на Ольском острове, в результате которых там были обнаружены поселения двух различных эпох—неолитические и более поздние, коряцкие.

Вместе с результатами предшествовавших исследований новые наблюдения 1946 г. дали отчетливое представление о той своеобразной древней культуре, которая принадлежала предкам коряков, заселявших эти места до проникновения сюда оленеводов-эвенов (в XV—XVI вв. н. э.). В уютных бухтах, огражденных скалистыми мысами, около бурных речек, изобиловавших рыбой, на фоне девственной природы Охотского побережья стояли настоящие деревни каменного века. Это были обширные полуподземные жилища коряцкого типа, от которых остались высокие бугры с углублением посередине, сплошь заросшие высокой и пышной травой. Бугры эти образованы из мощных наслоений раковин и костей морского зверя. Основным занятием жителей таких приморских поселков были, следовательно, охота на морского зверя, собиратель

ство и рыбная ловля. Они успешно занимались и охотой на сухопутного зверя, в том числе на медведя. Смелые охотники каменного века являлись, вместе с тем, и отважными мореходами, о чем свидетельствуют их поселения на морских островах. Внутри жилищ остались многочисленные изделия из кости и камня, в том числе разнообразные гарпуны для охоты на морских зверей, наконечники копий, остатки луков и даже части составного панциря из костяных дощечек, а также образцы разнообразной домашней утвари.

Весь этот обильный материал свидетельствует об очень сложной истории древней корякской культуры и ее связях с различными племенами прошлого. Круглодонная форма сосудов и орнаментика сближает их, например, как с Северной Америкой, так и с сибирскими культурами; каменные и костяные орудия (гребни для расчесывания волокон дикорастущих текстильных растений, миндалевидные топоры с линзовидным сечением) ближе всего к изделиям, известным на Амуре и на соседних островах Восточной Азии. Предки коряков, издавна заселивших узкий прибрежный коридор между Америкой на востоке и Якутией на западе, представляли, таким образом, звено в единой цепи культур приморских зверобоев каменного века, тянувшейся от айнов на Курильских островах, Сахалине и Хонсю, а также алеутов, к эскимосам и чукчам. В то же время они исторически связаны были, повидимому, и с глубинными культурами двух величайших континентов, испытывая их влияние.

Продолжение разведочных работ в долине реки Колымы привело затем к неожиданному заключению: верховья этой реки с их относительно мягким климатом, со своеобразной и гораздо более богатой, чем в соседней Якутии, природой оказались почти целиком лишенными следов древней человеческой культуры. Единственными археологическими памятниками, встреченными на пространстве от овечьего юкагирскими легендами скалистого острова Столб вблизи устья р. Коркодон до Среднеколымска оказались удивительные «мастерские», расположенные не на высоких речных террасах, как обычные древние поселения, а прямо на древних галечных валах. «Мастерские» эти, где обработка камня ограничивалась отбором подходящей гальки, опробованием ее и грубой подтеской, живо напомнили описанные Йохельсоном периодические путешествия древних юкагиров на плотках вниз по Колыме. Останавливаясь на подходящих местах у низких берегов реки, предки этих позднейших колымских путешественников могли собирать гальку и наспех обрабатывать ее как полуфабрикат, который должен был впоследствии пойти в дело.

Следы настоящей стоянки каменного века, и даже не одной, а по крайней мере трех, впервые оказались значительно ниже по Колыме, уже в нижнем ее течении—в местности Лабуя. На живописном скалистом мысу около речки Лабуя уцелели пожевидные пластинки из прозрачного вулканического стекла—обсидиана, скребки, нуклеусы резцы, многочисленные отщепы и обломки глиняной посуды. Такие же стоянки и в одинаковых условиях—вблизи речек, на скалистых мысах—оказались затем в Помазьино, Нижних Крестах и Петушках.

Исследование этих стоянок окончательно доказало, что верховья Колымы никогда не были густо заселены человеком и не служили главным путем его расселения. Вместе с тем стало ясно, что заселение этой части северо-востока Азии шло в ином направлении. На стоянках каменного века в низовьях Колымы встречены наконечники стрел специфической формы и техники—из частично отделанных ретушью тонких пожевидных пластин. Там обнаружена и столь же специфическая по типу керамика—обломки небольших тонкостенных сосудов с поверхностью, характерно отделанной штрихами и шахматными вдавлениями в виде сетки. Совершенно такие же наконечники стрел и керамика характерны для весьма ранних неолитических стоянок Нижней Лены (Уолба). Оттуда, с запада, очевидно, и явились около 4 тысяч лет назад в низовья Колымы ее древние обитатели—озерные рыболовы и бродячие охотники лесотундры, имевшие какую-то связь не только с Нижней Леной, но и с более западными областями Севера. Об этом свидетельствует наличие оригинальных наконечников стрел из тонких пластин с черенком, лишь частично оформленных ретушью, и наконечников иного рода—трехгранных стержней в виде «подшпка», сплошь ретушированных со всех трех сторон.

Наконечники первого рода известны из могил на Южном Оленьем Острове в Карелии и из скандинавских могил с ходами. Наконечники второго типа сменяют их в скандинавских могилах с каменными ящиками, причем такая же, как в Прибалтике, последовательность в хронологический смене этих наконечников отмечена и для Якутии. Столь далеко идущее соответствие, конечно, не может быть объяснено одной только конвергенцией или диффузией изолированных культурных элементов.

Нижнеколымские находки, таким образом, рельефно показали необычайно широкое распространение этой древнейшей субарктической культуры Северной Азии, а вместе с тем осветили и особо важную ее роль в истории первоначального освоения человеком нашего Крайнего Севера.

Но и эти стоянки древнего субарктического неолита Северной Азии обрываются в долине Колымы вместе с узкой полосой лесотундры. За крайними островками лесов

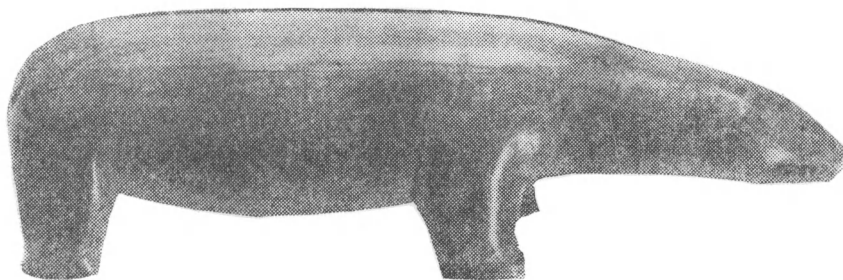

Рис. 1. Изображение белого медведя. Баранов мыс. Восточная бухта

расстилается уже настоящая голая тундра и одновременно вновь начинается незаселенная в древности человеком область, подобная той, которая находится в таежных верховьях Колымы.

Тем интереснее новые археологические памятники, обнаруженные на самых берегах Ледовитого океана в таких же примерно условиях, как и древнекоряцкие поселки Охотского побережья, но далеко севернее их и на фоне гораздо более суровой природы. Памятники эти замечательны уже тем, что с ними связаны первые в истории Арктики археологические раскопки с научной целью. Более 150 лет назад, в конце XVIII в., внимание русского моряка исследователя Арктики Г. Сарычева привлекли «обвалившиеся земляные юрты» в одной из бухт к северу от Баранова Камня, примерно в 70 км к востоку от устья Колымы. Вместе с костями северного оленя и морского зверя он нашел в них «черепья от разбитых глиняных горшков» и два каменных ножа.

Специальные поиски места раскопок Г. Сарычева привели нас в маленькую бухту, расположенную к северу от высокой столовой горы, увенчивающей Баранов мыс. Гора эта и была, очевидно, «Барановым Камнем» наших мореходов XVIII в., а бухта, действительно, во всем напоминала описанную Сарычевым долину, представлявшую, по его словам, «лучшее место по всему Ледовитому морю».

Вдоль небольшого ручейка с чистой пресной водой на пологом склоне возвышенности здесь уцелели и отмеченные Сарычевым остатки пяти древних земляных юрт, одна из которых была им раскопана. Раскопки двух таких древних жилищ, находившихся в «бухте Сарычева», и третьего жилища в соседней бухте дали чрезвычайно обильные и разнообразные находки. Все эти древние юрты представляли собой остатки своеобразных деревоземляных сооружений, устроенных на естественных возвышениях. Крыша их была засыпана толстым слоем земли, а стены были устроены на наклонно вкопанных в глинистую почву тундры и плотно примыкавших друг к другу в виде «частокола» тонких столбов. Нижние концы столбов обработаны были совсем не так, как столбы нашего времени. Древние строители оставили на них явственные следы не острого металлического, а тупого каменного топора. Именно такие постройки

Рис. 2. Наконечники гарпунов. Жилище № 5. Баранов мыс. Бухта Сарычева

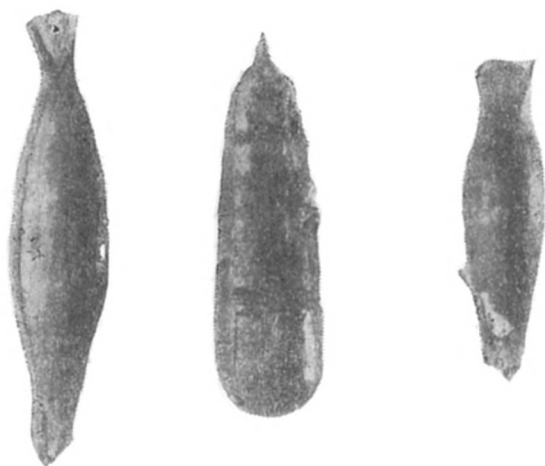

Рис. 3. Изображение тюленей и костяной грузик. Жилище № 5. Баранов мыс. Бухта Сарычева

видел в начале XVIII в. на соседних Медвежьих островах сержант Андреев, по образу выражению которого дерево было там скорее «зубами грызено», чем рублено в нашем смысле этого слова. Тем не менее древние обитатели «бухты Сарычева» сумели построить своими каменными топорами достаточно внушительные по тем временам жилища: одно из них по своей площади превышало в общей сложности 100 кв. м и состояло из собственно жилища и двух хозяйственных пристроек, расположенных по бокам туннелеобразного входного коридора. Внутри жилища, не считая бесчисленных костей животных, остались сотни различных предметов—остатки домашней утвари, охотничьего снаряжения и оружия.

Больше всего здесь было найдено в 1946 г., как и 150 лет назад Сарычевым, черепков глиняной посуды. Жители Баранова мыса имели большие, тяжелые, с чрезвычайной толстыми стенками глиняные сосуды. Дно их было не плоским, а круглым, стенки же покрыты широкими рубчиками и штрихами. Столь же часты шиферные и шлифованные ножи, о которых писал Сарычев. Они двух видов: для домашних работ—полукруглые, принадлежавшие женщинам, и кинжаловидные—мужские. Нашлись здесь и многочисленные каменные скребки для обработки шкур и каменные тесла или топоры. Едва ли не самыми замечательными находками среди всего этого множества вещей являются целиком сохранившиеся тяжелые деревянные рукояти для каменных и костяных топоришков или тесел. Из костяных вещей первое место по праву принадлежит наконечникам гарпунов поворотного типа с острыми вставными лезвиями из камня в специальных боковых желобках.

Нельзя не отметить, наконец, и еще одной специфической группы находок—миниа-турного лучка с тетивой, таких же стрел, блюд-корытцев, байдарки и весел, а также крошечной юлы-волчка. Эти игрушечные по размерам изделия, несомненно, и на самом деле служили детскими игрушками. Жители приморских поселков, существовавших много веков назад, берегли и любили своих детей.

Что касается образа жизни и занятий прежних владельцев всего этого разнообразного имущества, то достаточно было одного только взгляда на него, чтобы сразу стало ясно, что здесь жили такие же, как на Охотском побережье, морские охотники-зверобой, в промыслово-хозяйственном инвентаре которых первое место принадлежало именно тем видам охотничьего вооружения и снаряжения, которые предназначены для охоты на морского зверя. О масштабах этого промысла свидетельствует обилие костей морских животных в жилищах;—в них повсюду встречались кости тюленя и моржа. Иногда, очевидно, жители поселков на Барановом мысу добывали и кита. В одном жилище найден позвонок кита, в другом—целое ребро, заменявшее стропило или балку; во всех жилищах встречался китовый ус.

Но во всех своих частных признаках культура эта резко отличалась от древней коряцкой. Она, несомненно, принадлежала совершенно другой этнической группе, совсем иному племени. Почти все находки на Барановом мысу обнаруживают поразительное сходство с такими же по типу и технике изделиями, найденными в Аляске и на Чукотском полуострове вдоль Берингова пролива. Это была чисто эскимосская, по всем ее отличительным признакам, культура. Резьма важно при этом то обстоятельство, что уже впервые наши находки на Барановом мысу по американским масштабам имели довольно глубокий возраст, датируясь гарпунами типа бирнир и гуле; когда же было вскрыто третье жилище, в соседней к востоку

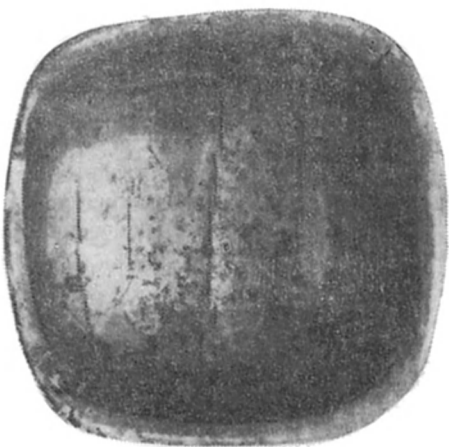

Рис. 4. Чашечка, вырезанная из клыка моржа. Баранов мыс. Восточная бухта

бухте, там оказались и еще более древние вещи. Два найденных там гарпуна покрыты тончайшим резным узором в особом орнаментальном стиле, совершенно таком же, как на оригинальных изделиях из древнейших эскимосских поселений на берегах Аляски и Чукотского полуострова. Как форма гарпунов, так и орнамент характерны для древнеберингоморской стадии («первый берингоморской стиль»). В руинах того же дома сохранилось и еще одно замечательное по его типичной художественной

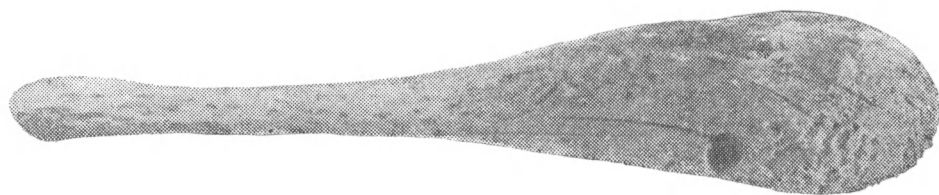

Рис. 5. Рукоятка для костяного или каменного топорика. Жилище № 1. Баранов мыс. Бухта Сарычева

форме изделие—вырезанная из клыка моржа скульптурная фигурка белого медведя. Подобные реалистические изображения белого медведя также известны в классических памятниках древнеэскимосской культуры на Аляске.

Раскопки в районе Баранова Камня вместе со старыми случайными находками Свердруп на Медвежьих островах со всей очевидностью показали, таким образом, что та древняя приморская культура охотников на морского зверя, с которой генетически связаны позднейшие эскимосы и, повидимому, сидячие чукчи, простиралась в древности вплоть до устья реки Колымы, но вместе с тем она имела здесь много особого, была своеобразным локальным вариантом.

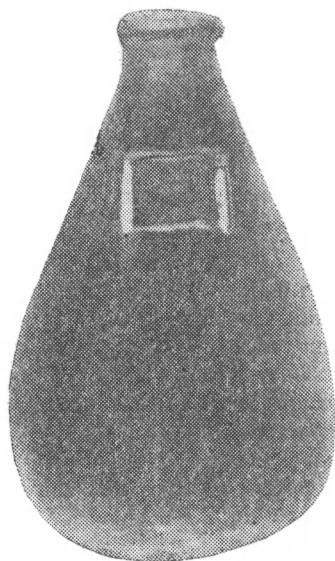

Рис. 6. Изделие из клыка моржа. Баранов мыс. Восточная бухта

Существовавшая на протяжении ряда веков в районе устья Колымы древняя приморская культура не обнаруживает пока прямой связи с той континентальной субарктической культурой, которая была распространена по соседству с ней, в зоне лесотундры. Между ними, повидимому, не только большой хронологический, но и культурно-этнический разрыв. Можно предполагать, что в долине Колымы встретились две различных по культуре и происхождению племенных группы. Одна из них уже с древнейших времен двигалась с запада по лесотундре. Это были охотники на дикого оленя и рыболовы. Позднее вдоль берегов океана и по морским островам, с востока на запад, в пустыню до этого приморском пространстве стали расселяться охотники на морского зверя—предки эскимосов и оседлых чукчей. В таких, пока еще общих, контурах на-

чинает раскрываться на основе археологических данных навсегда, казалось бы, утраченная и забытая история Северо-востока, отдаленное прошлое населявших его с глубокой древности племен. Прямая обязанность советских археологов и этнографов перед русской и мировой наукой—продолжать археологические и историко-этнографические работы в этом плане на столь же обширных, как и слабо изученных пространствах нашего Северо-востока, включая сюда район Амура, где, вероятно, и лежит ключ к многим важнейшим проблемам древней истории Северо-востока.

А. П. Окладников

Обзор полевых археологических исследований ИИМК в 1946 г.

Летом и осенью 1946 г. Институт истории материальной культуры им. Н. Я. Марра Академии Наук СССР провел ряд археологических экспедиций, посвященных изучению прошлого нашей Родины в различные исторические периоды. Сейчас уже имеется возможность дать предварительные сообщения о большинстве из них.

Как и в предшествующие годы, Институт привлекал к участию в этих экспедициях другие заинтересованные учреждения, как центральные, так и местные.

*

Деснинская экспедиция, руководимая М. В. Воеводским, продолжала исследование района Сейма и Десны, ведущиеся еще с 1936 г. Детальному обследованию подверглись палеолитические стоянки Погон—около села Пушкири (поздний ориньяк—ранний солютрэ), Авдеевская—недалеко от Курска (солютрэ, типа Костенок 1), и городища роменского типа—около с. «Песочный ров». На этом городище вскрыта большая землянка с ходами, ведущими в другие помещения, с сохранившейся обшивкой стен. Под городищем лежит культурный слой мезолитической эпохи.

Кроме того, на обследованной территории обнаружено восемь стоянок эпохи неолита и бронзы. Можно уже говорить о характерных чертах, присущих неолитическим и бронзовым культурам Деснинско-Днепровского района и отличающих эти культуры от неолита ямочно-гребенчатого типа и от южнорусской бронзы.

Памятниками более позднего времени являются обнаруженные на той же территории 20 городищ с мощными золистыми культурными слоями. На большинстве городищ культурные слои идут непрерывно от второй половины I тысячелетия до н. э. до времени Киевского государства. Это говорит о непрерывности и преемственности жизни на этой территории от скифского до монгольского времени. Наиболее значительным является городище у села Кветунь, Трубчевского района, где найдены строительные остатки времен Киевской Руси. К городищу примыкает большое селище, и вокруг него расположено более 500 курганов разной величины. Повидимому, это городище является остатками какого-то значительного города, еще неизвестного из литературы. Подобные же городища и селища обнаружены и на территории самого Трубчевска.

*

Вологодская экспедиция, возглавляемая А. Я. Брюсовым, закончила в этом году многолетние раскопки свайного поселения на р. Модлоне Чарозерского района Вологодской области¹. Здесь вскрыты остатки еще одного домика на сваях, видимо сгоревшего во время пожара, целый ряд деревянных переходов, соединяющих здания, и прекрасной сохранности мостики или настил. Рядом с домом найден человеческий череп с вбитым в него деревянным колом. В нижнем культурном слое (торф) собрано около ста зерен какого-то растения (какого—еще не определено). Эти зерна, пролежавшие несколько тысяч лет в торфе, неожиданно дали ростки. Сейчас эти семена исследуются специалистами-ботаниками.

Вологодская экспедиция закончила также раскопки Караваевского могильника на р. Еломе. Открыто еще пять погребений, два из которых лежали ниже культурного слоя, а три—в культурном слое.

¹ См. А. Я. Брюсов, Археологические работы в Вологодской области, «Краткие сообщения ИИМК», в. X (1941), стр. 99.

*

Экспедиция, руководимая М. Е. Фосс, производила раскопки дюнной стоянки «Умиление» на берегу Галичского озера, в Галичском районе Костромской области. являющиеся продолжением работ прошлого года. В этом году раскопана часть стоянки Галичской культуры с землянками и очагами. В наиболее высокой части дюны открыты остатки литейной мастерской, устроенной здесь более поздними пришельцами. Глубокие очажные ямы, в которых плавилась руда, прорезали древние слои галичской культуры и доходили до 1,80 м глубины. Нижняя часть этих ям была заполнена углем, в котором обнаружены глиняные плоскодонные сосуды («сетчатая» керамика), служившие тиглями. Найдены в большом количестве шлаки и орудия, с помощью которых дробилась руда. Около одной очажной ямы найдено бронзовое женское украшение, представляющее собою большого размера булавку, сделанную из толстой проволоки, с головкой в виде петли, с прикрепленными к ней шишечками. Полученный материал позволяет впервые детально восстановить примитивный процесс плавки руды в первобытных стоянках переходной эпохи от камня к металлу. Литейная мастерская может быть датирована примерно VIII—VII вв. до н. э.

*

Л. Я. Крижевская производила разведочные работы в Вышневолоцком районе по берегам озер Тубоо, Пудоро и Коломенское. Здесь обследовано до 12 неолитических поселений, одно из которых (на оз. Пудоро) было раскопано. Культурный слой его имеет 20—25 см толщины и лежит непосредственно под слоем дерна. Инвентарь поселения (кремневые наконечники стрел, копий, скребки, тонкостенная орнаментированная керамика) имеет большое сходство с инвентарем верхних слоев Бологовской стоянки, что позволяет сближать их хронологически.

*

Колымская экспедиция, возглавляемая А. П. Окладниковым, продолжала многолетние исследования в долине р. Лены и на Чукотском полуострове. Многочисленные находки дали раскопки неолитического поселения в Хахсыке на р. Кулгаты, в 40 км от Якутска. Обследование древних поселений Охотского побережья, на о. Ольском, в Атаргане и на мысе Олевина обнаружило кухонные отбросы, каменные и костяные изделия и обильную керамику, принадлежащие культуре древних коряков. Изучение неолитических мастерских и поселений в долине р. Колымы, от Средникана до устья, обнаружило, что неолитическая культура, известная ранее только на севере Ленского края, распространяется и южнее—до Колымы. Наконец, были раскопаны три жилища в приморских поселениях на Барановом мысу, в 70 км к востоку от устья Колымы.

*

Сотрудником ИИМК Н. Н. Гуриной на Кольском полуострове начато археологическое изучение побережья Белого моря в пределах Кандалакшского и Терского районов и впадающих в него рек (Лувенга, Умба и др.). До сих пор этот район почти совершенно не был исследован и оставался белым пятном на археологической карте. На обследованном пространстве обнаружены 15 мест поселений, принадлежащих примерно к одной эпохе. Эти прибрежные рыбацкие поселения имеют однотипную керамику с примесью асбеста. Все они относятся ко времени раннего металла и свидетельствуют о несколько более позднем, по сравнению с соседней Карелией, заселении этого района. Особый интерес представляют поселение близ г. Кандалакши, давшее богатый материал и остатки жилищ, лабиринт около с. Умба и стоянки, связанные с Кандалакшским лабиринтом.

*

Камская экспедиция под руководством А. В. Збруевой вела раскопки на территории Луговской стоянки конца бронзовой эпохи в пос. Луговом, Елабужского р-на. Татарской АССР. Были продолжены раскопки комплекса жилищ, начатые еще до Отечественной войны. Вскрыто четыре прямоугольной формы жилища, связанные между собой узкими коридорами. В одном из жилищ обнаружены остатки деревянных креплений стен; почти в каждой землянке имеются один или два очага, вокруг которых и сосредоточивается основная масса находок: кремневые орудия, плоскодонная керамика, кости животных.

*

Среднеднепровская экспедиция, во главе с С. Н. Бибиковым, обследовала шесть верхнепалеолитических стоянок на правом берегу Днестра и провела стационарные раскопки на территории дотрипольского поселения Лука Врублевская в Каменец-подольском районе. Здесь обнаружены остатки жилищ, пол которых был вымощен речными раковинами. Среди инвентаря наибольший интерес представляет керамика с углубленным и канелированным орнаментом и глиняные статуэтки (их найдено больше сотни), в большинстве своем разбитые. Мужских статуэток немного, большинство женские, многие орнаментированы. Верхний культурный слой поселения содержит остатки очагов и вещевой материал, относящийся ко времени полей погребений (II—IV в. н. э.). Экспедиция открыла также дотрипольское поселение Брага, ряд трипольских поселений и несколько поселений эпохи полей погребений.

*

Трипольская археологическая экспедиция, руководимая Т. С. Пассек, возобновила прерванные войной раскопки трипольского поселения у с. Владимировки, Подвысоцкого района, Кировоградской области¹. В этом году открыто 15 жилищ. Все они оказались наземными глинобитными постройками из дерева и хорошо обожженной глины. Жилища—прямоугольных очертаний, по площади равные 120—150 кв. м. Поперечные перегородки разделяли дома на отдельные помещения, в каждом из которых имела печь. В целом, трипольские жилые постройки у Владимировки с несколькими живущими в них парными семьями представляют пример «большого дома» эпохи родового общества. Особый интерес вызвали открытия на поселении четырех больших жилищ, выстроенных почти вплотную друг к другу и представлявших вместе определенное хозяйственное целое.

В 1946 г. во владимировских жилищах открыты части стен в разрушенном состоянии, причем они были из нетолстых кольев, соединенных плетением из лозы.

Наиболее замечательными в этих жилищах являются открытые около печей из глины лежанки, а также четырехугольные возвышения, представляющие в домах особые культовые места, где происходили жертвоприношения. Кроме того, в 1946 г., как и ранее, были открыты вылепленные из глины крестообразные жертвенники². Особенно богатый материал из раскопок 1946 г. представляет керамика. В каждом доме открыто до 50 глиняных сосудов прекрасной выделки, с черной росписью (часто целых). Найдены также глиняные женские статуэтки и изображения домашних животных (быка, барана). Еще больший интерес представляют находки изделий из рога оленя—мотыг, проколов из кости, а также каменные зернотерки и многочисленные орудия из кремня (кремневые ножи, наконечники стрел, разнообразной формы скрепки). В жилищах обнаружены кремневые отщепы, осколки и нуклеусы, показывающие, что изготовление кремневых орудий, так же как и посуды, в ту эпоху производилось каждым хозяином у себя дома. Кроме наземных жилищ, во Владимировке открыта сильно разрушенная и по времени более древняя трипольская землянка. Около трипольского поселения на правом берегу реки Синюги была изучена стоянка с 8 культурными напластованиями. Обнаруженный кремневый инвентарь и остатки фауны позволяют предварительно датировать стоянку эпохой верхнего палеолита и эпипалеолита.

¹ Т. С. П а с с е к, Трипольские поселения у с. Владимировка, ВДИ, 1941, № 1.

² Т. С. П а с с е к, Трипольские модели жилища, ВДИ, 1938, № 4.

*

Археологическое обследование Южной Подолии производилось экспедицией, возглавляемой М. И. Артамоновым. Небольшие раскопки, произведенные на известном Немировском городище, показали, что древнее поселение занимало лишь площадь внутреннего укрепления на мысу, образованном оврагами и небольшой речкой. Здесь вновь были найдены остатки поселения трипольского типа, представленного, главным образом, фрагментами расписной керамики. Здесь же позднее существовало и поселение скифского времени. Собрано большое количество скифской керамики и другого инвентаря, а также несколько фрагментов родосских расписных сосудов конца VII—начала VI в. до н. э. Большинство этих находок сделано при раскопках зольника, находящегося около вала во внутреннем укреплении. На этой же территории обнаружены остатки небольшого славянского домонгольского поселения. В окрестностях Немирова, Винницы и Могилева-Подольского экспедицией обследовано еще несколько трипольских, скифских и славянских поселений и городищ. Наиболее интересный материал дали разведки Матерьского и Дерешовского городищ. Оба они, подобно Немировскому, имеют двойное кольцо укреплений, причем только внутреннее укрепление, находящееся на мысу, при слиянии двух рек, было заселено. Таким образом, по своей структуре оба городища принадлежат к скифскому типу городищ, но они совершенно не дали скифской керамики. На них найдена желобчатая керамика, обладающая, по мнению М. И. Артамонова, некоторыми признаками, свойственными трипольской и скифской керамике. Это позволяет руководителю раскопок сделать заключение о преемственности трипольской и скифской культур Западной Украины и рассматривать городища Матерьского типа как переходную ступень, связывающую Триполье и скифов. Интерес представляет также городище в Нижнем Ольгедаеве. Здесь, наряду с остатками скифского поселения, обнаружен и трипольский материал, причем среди трипольской керамики замечены те же черты перехода к скифским формам, что и в керамике Матерьского и Дерешовского городищ.

*

Никопольская экспедиция, возглавляемая Б. Н. Граковым, производила работы в нескольких местах в районе г. Никополя. Около станции Серко произведены раскопки 6 небольших курганов, в которых было вскрыто всего 33 погребения. Большинство этих погребений относится к бронзовой эпохе и принадлежит ямной, катакомбной и срубной культурам. Обнаружено одно погребальное сооружение, являющееся переходным типом между ямной и катакомбной культурой. Основными находками являются острорезервные сосуды баночного типа, один из коих имеет на внутренней стороне доньшка рельефный орнамент; в одном из катакомбных погребений найдены бусины из просверленных волчьих клыков.

В одном из курганов основное погребение может быть неолитическое (погребение ничком типа кубенинского).

Скифские погребения в большинстве своем ограблены, тип их обычен для царских курганов с катакомбным захоронением. Один курган дал совершенно новый тип погребения в яме с каменным поясом вокруг основания кургана и с каменной выкладкой над могилой. Датируется это погребение бронзовыми стрелами эллинистического времени.

Раскопки скифского городища у села Покровки Чкаловского р-на Днепропетровской области показали, что оно относится к эллинистическому времени. Здесь найдена местная керамика, отдельные железные вещи и кости домашних животных.

На Каменском городище вскрыт один курган в целях выяснения датировки курганов на этом городище и соотношения времени курганов и городища. Курган оказался разграбленным еще в древности. Захоронение было произведено в катакомбе с дромосом ольвийского типа. Находки очень немногочисленны. Найдены остатки тризны с фрагментами эллинистических амфор и местной керамики. В грабительской яме найдены латевская фибула, серебряный перстень спиралью и наконечник бронзовой четы

трехгранной стрелы. Курган был насыпан тогда, когда городище перестало уже бытовать, т. е. во II в. до н. э.

Работа в цитадели Каменского городища обнаружила культурный слой мощностью около 1 м. Находки здесь фрагментов чернолаковой посуды и амфор IV—III вв. немногочисленны, но керамика позднеэллинистического и раннеримского времени более обильна; кроме того, встречено много лепной и лощеной керамики, костей рыб и домашних животных.

Разведки по р. Белозерке обнаружили 5 селищ, 3 из которых относятся к скифскому периоду и 2—к бронзовой эпохе. В районе станции Марганец, около Никополя, зафиксировано много новых курганных групп и отдельных курганов. У села Балки Белозерского района Запорожской области найден новый, незарегистрированный курган типа царских скифских курганов, 10—11 м высоты. Были осмотрены также курганы Солоха и Чмырева могила и сделано несколько наблюдений, касающихся конструкции кургана Солоха.

•

Тавро-скифская экспедиция под руководством П. Н. Шульца продолжала раскопки Неаполя Скифского¹. В пределах города было исследовано крупное здание с большим подвалом, высеченным в скале. К зданию примыкает обширный двор с зерновыми ямами. Здание возникло еще в III в. до н. э. Оно было разрушено во время захвата Неаполя войсками Дифонта и херсонесцев на рубеже II и I вв. до н. э. Поздняя римская эпоха—III—IV вв.—представлена на данном участке зданиями из мелкого рваного камня. Синопская черепица и многочисленные амфоры наглядно свидетельствуют об интенсивных связях Неаполя в эллинистическую эпоху с греческим миром. Позднейшие находки на территории города относятся к VI в. н. э.

Раскопки на южной окраине города установили структуру и мощность оборонительной стены Неаполя. Стена представляла собой величавое сооружение, возведенное по принципу циклопической кладки из крупных глыб рваного камня. Толщина стены достигала на данном участке 8,4 м. Как показали раскопки, стена возникла в III в. до н. э. и неоднократно укреплялась во II в. до н. э., в эпоху грозных столкновений греков со скифами в Крыму.

В центральной части южной стены, там, где она образует поворот в виде тупого угла, в 1946 г. экспедиция обнаружила пристенный каменный мавзолей. Мавзолей представляет собой почти квадратное в плане монументальное сооружение из хорошо отесанных квадров. В постройке мавзолея, возведенного в III в. до н. э., приняли участие, наряду с греческими зодчими, и скифские мастера. Об этом говорит сочетание греческой кладки с местной скифской фактурой в обработке поверхности камня. Из нижнего этажа в верхний вела каменная лестница. Хорошо сохранился дверной проем. В пределах мавзолея находились многочисленные погребения представителей скифской знати. Раскопками мавзолея обнаружено 72 человеческих погребений и 5 погребений коней. В верхних ярусах костяки заключены в деревянные «гробах» в виде ящиков. В нижнем ярусе обнаружена крупная каменная гробница. Верхние погребения относятся к I—III вв. нашей эры, нижние—к II в. до н. э. В центре мавзолея находился резной деревянный позолоченный и раскрашенный саркофаг. Углы ножек саркофага обработаны в виде сфинксов. Следы розовой, голубой краски и позолоты хорошо прослеживаются на досках саркофага и его резных колонках. По сторонам саркофага найдены глиняные урны, выполненные на круге, позолоченные и расписанные. К саркофагу с запада примыкают конные погребения.

Инвентарь погребений мавзолея богат. Найдено немало целых греческих и скифских сосудов, мечей, стрел, бронзовых украшений, бус из драгоценного и полудрагоценного камня, финикийского стекла и египетской пасты. Особую ценность

¹ См. П. Н. Шульц, Тавро-скифская археологическая экспедиция в Крыму, сб. «Советский Крым», вып. 2, Симферополь, 1946.

представляют многочисленные греческие и скифские золотые изделия, выполненные из золотых пластин набивной техникой. В мавзолее найдено 1312 золотых украшений. Особой пышностью отличалось погребение военачальника в каменной гробнице с большим количеством вооружения (шлем, горит, мечи, копья, стрелы) и золотых украшений, нашитых на одежду. Золотые нашивки в виде звезд, пчел, львиных головок, щитов, капель, волны создавали на одежде военачальника блестящий, почти сплошной узор. Руки и ноги были перевиты золотыми спиралями. Наличие в погребальном обряде старых скифских традиций и присутствие греческого инвентаря проливает яркий свет на быт и обычаи эллинизированной скифской знати Неаполя.

Неоценимое значение имеют открытые экспедицией в 1945 и 1946 гг. погребальные склепы Неаполя со стенной скифской живописью. Склепы вырублены в скале и представляют собой, как правило, прямоугольные камеры с нишами. Пять из найденных склепов имеют стенную живопись. Особенно интересен склеп № 9, возникший на рубеже эллинистической и римской эпох. Он имеет скульптурную и живописную орнаментацию свособразного стиля. На лицевой стене изображен ковер в виде шахматной доски, скиф с лирой в руках, всадник и охота на кабана. Роспись полихромная, живая, реалистичная.

Открытия Тавро-скифской экспедиции знакомят нас с совершенно еще не исследованной, своеобразной, яркой городской культурой поздних скифов в Крыму, создавших свое монументальное зодчество, свою скульптуру и живопись.

Бахчисарайский отряд экспедиции открыл много новых памятников культуры горных тавров, в частности, на реке Бодрак обнаружил таврское городище с хорошо сохранившейся оборонительной стеной.

Перекопский отряд Тавро-скифской экспедиции начал исследование Перекопского рва и вала в целях выяснения времени его возникновения, его древнейшей истории и структуры.

*

В Керчи экспедиция В. Д. Блаватского продолжала раскопки, начатые в 1945 г.¹. Был продолжен раскоп в районе Эспланадной улицы с целью выяснения истории этой части древнего Пантикапея. Раскопки дали следующую картину. Непосредственно на материке лежит культурный слой конца VI—начала III вв. Сравнительно небольшая насыщенность этого слоя вещественными находками и полное отсутствие архитектурных остатков в нем позволяют сделать заключение, что в классическую эпоху этот район находился вне городской черты и представлял собой пригородный пустырь. Выше лежит мощный эллинистический слой, содержащий кладки, вымостки и другие остатки городского строительства, свидетельствующие об интенсивной городской жизни здесь в эллинистическую эпоху. Большое количество фрагментов цветной штукатурки, обломков мраморных деталей и т. п. доказывает, что в этом районе были преимущественно жилые дома. Выше этого эллинистического слоя на вскрытом участке лежит цементный пол винодельни I в. н. э. Может быть, в силу каких-то причин, этот район города перестал быть жилым районом и обратился в производственно-хозяйственную слободу. Этот производственный характер участка сохраняется и позднее, о чем убедительно свидетельствует большое количество зерновых ям, обнаруженных на этом же участке (всего их найдено в 1945—1946 гг. до 10) и относящихся к III—IV вв. н. э. Некоторые из этих ям достигают 4 м глубины при объеме в 18 м³. Назначение их не подлежит никакому сомнению: в этом году в них обнаружены хлебные зерна. Из отдельных вещей находок на этом участке наибольший интерес представляют штамп для клеймения керамики с монограммой (вероятно, Перисада), изготовленный из обломка амфорной ручки, и фрагмент формы для выделки мегарских чаш.

Второй раскоп был заложен на южном склоне горы Митридат, примерно на половине ее высоты. Раскопки обнаружили здесь классические слои V—IV вв. Выше них лежит мощный 3-метровый слой, содержащий материальные остатки III—I вв. до н. э. Совер-

¹ В. Д. Блаватский, Раскопки в Пантикапее в 1945 г., сб. «Советский Крым», вып. 2, Симферополь, 1946.

шенно очевидно, что этот слой не имеет естественного происхождения, а является искусственной насыпью античного времени. Эта засыпка была произведена при перепланировке всего этого района в I в. до н. э.; совершенно такой же насыпной слой обнаружен раскопками прошлого года и на восточном склоне Митридата. Выше этой засыпки лежат римские слои, давшие очень интересные открытия. Здесь обнаружен небольшой уголок римского города с остатками сооружений и вымостками. Можно различить небольшую улицу (около 3 м ширины) и расположенный под прямым углом к ней переулок (1,5 м ширины). Другим концом переулок, вероятно, переходил в лестницу, поднимающуюся по склону Митридата вверх. Улица и переулок вымощены камнем и снабжены водостоками, заложенными в более позднее время. По сторонам переулка находятся остатки жилых домов с дворами, мощенными камнем. В раннесредневековое время этот район уже не является местом поселения, и здесь располагается некрополь, о чем свидетельствует несколько погребений в каменных ящиках, обнаруженных здесь.

*

Раскопки Тиритаки, производившиеся экспедицией, руководимой В. Ф. Гайдукевичем, обнаружили несколько новых винодельческих комплексов. Древнейший из них относится к III в. до н. э., другие — к римской эпохе. От виноделни в восточной части городища полностью сохранились деревянные давяльные площадки с каменными сливами и резервуары. Открыт также большой дом-усадьба III—IV вв. н. э. очень хорошей сохранности. Стены дома сохранились в высоту до 3 м. Дом состоит из 7 помещений, расположенных вокруг мощеного двора. Над частью помещений был и второй этаж. Усадьба погибла в огне, видимо, при вторжении в Крым гуннов в IV в. н. э. Под слоем пожара в помещениях найдено много различных бытовых предметов, в том числе рыболовные принадлежности (грузила, костяные иглы), амфоры, зернотерки и жернова, стекло и местная керамика. В усадьбе, несомненно, преобладают изделия местного, боспорского, производства, импортные вещи весьма немногочисленны. Особенный интерес представляет находка в одном из помещений спрятанного в очаге глиняного сосуда с монетами. Среди нескольких сот бронзовых монет находятся позолоченные серебряные серьги. В другом помещении обнаружен мраморный алтарь кубической формы.

Исследования центральной части городища Мирмекия, произведенные той же экспедицией, показали, что особенно интенсивно жизнь здесь протекала в эллинистический период, особенно в III в. до н. э. Культурный слой, относящийся к этому времени, достигает 3 м толщины. Найдено не менее 200 амфорных клейм, большинство из которых принадлежит Родосу и Синопе. Заслуживают упоминания находки миниатюрного terracottного рельефа IV в. до н. э., изображающего Посейдона, и рельефного медальона на дне чернолаковой чашки III в. с изображением какого-то восточного божества. Римская эпоха в этой части городища представлена зерновыми ямами II—III вв. н. э.; стенки одной из них покрыты глиняной обожженной обмазкой.

*

Е. И. Крупнов во главе Северо-Кавказской экспедиции производил исследования Нестеровского могильника и связанного с ним поселения VI—IV вв. до н. э. у входа в ущелье р. Ассы. На могильнике вскрыто 13 погребений, что составляет, вместе с раскопанными в предыдущие годы, более полусотни вскрытых могил. Наиболее интересными являются погребения № 5, где обнаружен женский скелет, скорченный, на правом боку, сопровождаемый бронзовыми браслетами, височными кольцами и посудой, а также погребение № 13, в котором мужской костяк лежит на спине в вытянутом положении и имеет при себе железный меч, наконечник копья и оселок. Последняя могила, так же как мужское погребение № 11, окружена кольцом из булыжных камней. Вещественные находки и обряд погребения связывают Нестеровский могильник, с одной стороны, с местной горной кобанской культурой, а с другой — со степными скифскими и даже таврскими культурными влияниями. Поселение, расположенное в $1\frac{1}{2}$ км

от могильника на верхней террасе р. Ассы, органически с ним связано. Здесь найдены крицы, шлаки и поделки из железа. Обнаружены также остатки двух очагов или горнов, но сохранность их очень плохая.

Разведки северных степных районов Грозненской области обнаружили огромное количество курганов самых разнообразных форм и размеров, иногда весьма значительных, до 10—12 м высоты. О значении этих курганов можно судить по обилию и разнообразию подъемного материала. В песках в огромном количестве встречаются культурные остатки разных эпох—от кремневых стрел бронзового века до стекла и монет нашего времени. Видимо, эта территория, занятая теперь сыпучими песками, была раньше цветущим и населенным районом, но передвижение песков и трансгрессии Каспия обратили его в полупустыню или в девственную степь.

*

Сотрудник ИИМК Б. Б. Пиотровский возглавлял экспедицию, производившую раскопки Урартской крепости VII—VI вв. до н. э. на холме Кармир-Блур. В 1946 г. заканчивалось выяснение общего плана цитадели крепости и дворца урартского наместника, производились расчистка и исследование жилищ у фасада дворца и некоторых помещений внутри самого дворца. Около северо-западных ворот цитадели, с внутренней стороны стены, обнаружены остатки нескольких небольших жилищ, служивших, вероятно, помещением для гарнизона и обслуживающего персонала дворца. Жилища эти были подожжены и разрушены во время общего разгрома города скифами в начале VI в. н.э., о чем свидетельствуют следы пожара, обвалившиеся крыши и множество бронзовых наконечников стрел скифского типа, застрявших в каменной кладке. Внутри жилищ найдены предметы хозяйственного назначения и оружие: каменные яернотерки и ступки, разнообразные сосуды, частью наполненные зерном (ячмень, просо, пшеница), железные серпы и ножи, а также железные кинжалы, листовидные черенковые наконечники стрел и остатки щитов, сплетенных из ивовых прутьев и снабженных бронзовыми умбонами. Раскопки внутренних помещений дворца дали очень богатый вещевой материал. Среди находок следует отметить египетскую фаянсовую подвеску-амулет, изображающую богиню Сохмет, семь цилиндрических каменных печатей с мифологическими изображениями, гиревидную печатку с изображением птицы и т. д. Особенно много находок сделано в помещении, служившем кладовой. При расчистке дверного проема здесь найден бронзовый болт от дверного запора, на кольце которого можно прочесть: «Русы сына Аргишти эта кладовая города Бога Тейшебы (Тейшебамни)». Надпись эта дает нам и датировку дворца, и древнее название самого города. В кладовой обнаружено много бронзовых предметов: чаши, фалалы, сосуды, украшенные бычьими головками, браслеты, колокольчики, ременные пояса и части инкрустированной костью мебели. В соседнем помещении, сильно нарушенном позднейшими постройками, найдены три обломка глиняных табличек с клинописью, что свидетельствует о наличии в городе архива. Две из этих табличек содержат перечни имен, третья относится к какому-то хозяйственному документу. Кроме того, следует упомянуть, что при обработке прежних находок из Кармир-Блура на бронзовом щите обнаружена двустрочная клинообразная надпись, представляющая собой посвящение этого щита богу Халду царем Аргишти.

*

Хорезмская экспедиция под руководством С. П. Толстова продолжала раскопки дворца в Топрак-Кала Шаббазского района Кара-Калпакской АССР. В трех этажах дворца вскрыто до 28 комнат. В большинстве комнат обнаружены многоцветные художественные росписи по глиняной штукатурке, относимые к III в. н. э. Наряду с богатыми орнаментальными композициями из растительных и геометрических элементов открыты фрески с изображением двух сидящих человеческих фигур—мужской и женской, с изображениями арфистки и сборщицы винограда. Выполнены эти фигуры с большим вкусом, в своеобразной реалистической манере. В зале второго этажа сохранились остатки колонн, облицованных сырцовым кирпичом с росписью.

Экспедиция производила также авиаразведки в Шаббазском и Турткульском районах с целью выяснения системы древних оросительных сооружений. В результате этой работы составлена карта оросительных каналов и других сооружений древнего Хорезма; открыто много новых памятников, произведены фотосъемки с воздуха.

Было обследовано также, при помощи авиации и на автомашинах, плато Усть-Урт. Открыто несколько памятников X в. и два раннесредневековых торговых пути, один из которых, оборудованный в X в. караван-сараями из тесаного камня, вел в Волжскую Булгарию. Это, видимо, путь Ибн-Фадлана. На этом пути (200 км вглубь Усть-Урта) открыто прекрасное каменное здание караван-сарая с барельефами львов сасанидской традиции—древнейший и единственный в своем роде памятник каменной архитектуры азиатского средневековья. Обнаружен также оборонительный вал Хорезма X в., состоящий из каменных крепостей, запиравших спуски Усть-Урта, и системы сигнальных башен.

*

Тяньшано-Алайская экспедиция (руководитель А. Н. Бернштам) производила разведку археологических памятников в предгорьях Туркестанского, Алайского и Ферганского хребтов, в долине Алая, в Кетменьтюбинской котловине и в южных предгорьях Чаткала. По отрогам Туркестанского хребта обнаружены следы культуры типа Анау, а также памятники эпохи средней бронзы, причем последняя культура обнаружена в двух вариантах: пастушеском и оседло-земледельческом. В горных долинах, особенно в Чон-Алае, найдены курганы сако-усуньской эпохи, также в двух вариантах. В равнинной части Ферганы обнаружены оседлые поселения даваньской культуры, и зарегистрировано наличие здесь поселений кушанского периода и смена их средневековыми. Довольно ясно прослеживаются связи скотоводческого Тянь-Шаня с земледельческим западом Средней Азии с эпохи бронзы до усуней. В Кетменьтубе обнаружена древняя, уходящая еще в скифскую эпоху и затем самостоятельно развивающаяся до XVI в. н. э. своеобразная местная культура, имевшая очень слабые связи с окружающим миром. На севере Ферганы обследована домусульманская столица, г. Касан, и ряд крепостей и городищ. Здесь же встречены следы согдийской эмиграции. Таким образом, экспедицией собран материал, характеризующий основные этапы культурного развития Ферганы и пути культурного взаимодействия между Тянь-Шанем, Ферганой и Памиром.

*

Таджико-согдийская экспедиция, возглавляемая А. Ю. Якубовским, проводила работы в составе трех отрядов. Заравшанский отряд обследовал около двадцати горных замков (кала) по рекам Заравшан, Фан-Дарья, Ягноб-Дарья и др. Некоторые из этих замков восходят еще ко времени Ахеменидов, а расцвет их относится к VI—VII вв. н. э. Этот же отряд обследовал деревянные резные колонны в горных селениях, минареты из сырцового кирпича X—XII вв. в Рарзе и в Фатмеве, а также развалины древнего Пянджикенда. Вахшский отряд экспедиции производил раскопки на возвышенности Тук-хана, где обнаружено было городище III—VI вв. н. э., и обследовал античное городище Хок-и-Сафед около Гиссара, а также комплекс построек XVIII—XIX вв. в самом Гиссаре (так наз. «Бегский Гиссар»). Кроме того, этим отрядом была произведена разведка городищ Кала и Шадмон и городища Кабадиан около Микоянабада. Кафирганский отряд установил, что остатками средневекового города Вашгорда является городище Тал-и-Козжурд у кишлака Сари-Мазар. Произведенные здесь раскопки дали богатый вещевой материал: стекло, керамику и т. д. На месте современного кишлака Шахр-и-Минга были обнаружены развалины города Минка, столицы Хутталаяна, и здесь также были произведены небольшие раскопки.

*

Саяно-Алтайской экспедицией под руководством Л. А. Евтюховой и С. В. Киселева были завершены раскопки развалин дворцового здания древнекитайской архитек-

туры близ города Абакана Хакасской авт. обл., начатые в 1940 г.¹ Удалось выяснить планировку здания, имевшего свыше 1500 кв. м жилой площади. Его 25 комнат были расположены двойными анфиладами вокруг центрального зала площадью в 132 кв. м. Массивные глинобитные стены дворца были украшены узорчатыми кирпичными карнизами над дверьми. Двери, ведущие в центральные парадные помещения дворца, украшены бронзовыми ручками в виде массивных рогатых личин духа-охранителя входа, сделанными с необыкновенным искусством местными мастерами. Каналы подпольного отопления удалось проследить еще во многих комнатах, причем была открыта помещавшаяся также под полом печь и выход канала под стеною в стоявшую снаружи, очевидно, деревянную вытяжную трубу.

Большое количество черепицы от крыши дало новые варианты местных счетных знаков и большое количество оттисков древнекитайской надписи ханьской эпохи, уже расшифрованной акад. В. М. Алексеевым и профессором Гоможио.

Многочисленные находки обломков посуды принадлежат к образцам древнекитайской (эпохи Хань), гуннской и одновременной им местной таштынской керамики, еще раз подтверждающая дату постройки дворца около начала н. э.

Тем же временем датируются и другие изученные развалины в 390 м к западу от дворца. Здесь оказались остатки недостроенной крепостной стены с башнями, которая, очевидно, должна была оградить обширную площадь вокруг центрального дворцового здания, принадлежавшего какому-то выдающемуся деятелю «владения хягя» в эпоху господства в Центральной Азии гуннов.

Кроме этих работ, Саяно-Алтайская экспедиция посетила Тувинскую авт. обл., где изучались древние рисунки и неизвестные до сих пор древнекыргызские надписи.

*

Днепровская экспедиция, руководимая П. Н. Третьяковым, обследовала свыше 20 городищ в среднем течении р. Роси и в низовьях ее притока Россавы с целью изучения славянских древностей середины и второй половины I тысячелетия н. э., предшествующих эпохе древнерусского государства. Однако все обследованные городища оказались более поздними, возникшими не ранее XI—XII вв. Большинство из них—сторожевые укрепления эпохи Владимира.

После этого работы были перенесены южнее, в бассейн Тясмина, и здесь, около г. Смелы, в с. Залевках, было обнаружено городище VI—VII вв., принадлежащее, очевидно, одному из антских племен.

Наиболее эффектной находкой, сделанной на городище, явился клад, состоящий из бронзового сосуда, в котором находились разнообразные характерные для VI—VII вв. бронзовые украшения и некоторые другие вещи. В состав клада входил также большой глиняный фрагментированный сосуд, сделанный без помощи гончарного круга и вполне соответствующий керамическому материалу городища. Клад был найден вблизи остатков наземного жилища, от которого сохранились развалины глинобитной печи и другие культурные остатки.

Кроме этого, Днепровская экспедиция обследовала ряд других городищ и селищ, относящихся, в частности, к эпохе «полей погребений» (начало н. э.) и др. Было осмотрено также известное Пастерское городище, на котором были сделаны интересные находки.

*

Изучению древнейшего прошлого Полтавы была посвящена работа экспедиции, руководимой И. И. Ляпушкиным. Раскопки, произведенные на территории самого города (Красная, б. Соборная площадь), показали, что на этом месте существовало поселение еще до X в. Одно из жилищ, открытых здесь, относится к типу жилищ роменско-боршевской культуры и принадлежит VIII—IX вв. На этой же территории обна-

¹ См. Л. А. Евтюхова, Древнекитайское здание на Среднем Енисее, ВДИ, 1946, № 1; Л. А. Евтюхова и В. П. Левашова, Раскопки китайского дома близ Абакана, «Краткие сообщения ИИМК», вып. XII (1946).

ружены следы еще более раннего поселения VI—II вв. до н. э. типа поселений культуры зольников, широко распространенной в бассейне р. Ворсклы. Проведенные экспедицией разведки по нижнему течению Ворсклы обнаружили памятники трех типов: поселения зольничного типа VI—II вв. до н. э., поселения II—V вв. н. э. типа пошей погребений и славянские поселения VIII—X вв.

*

Муромская экспедиция (руководитель Н. Н. Воронин) производила раскопки в г. Муроме Владимирской обл. и в его окрестностях. Небольшие раскопки на городище «Чаадаев-городок» обнаружили полное отсутствие культурного слоя и опровергли таким образом предположение о том, что Чаадаев-городок является местом древнейшего Мурома. Зато раскопки на территории самого города Мурома (в Муромском кремле и за его пределами, у Николы-набережного) дали культурный слой очень большой мощности (в кремле до 4 м). Нижние горизонты этого слоя относятся к IX—X вв. и содержат большое количество грубой лепной керамики так называемого «муромского типа». Выше идут последовательно городские слои, доходящие до нашего времени. Среди находок обращают на себя внимание изделия из резной кости, стеклянные браслеты, пряслица розового шифера, невыделанный янтарь—свидетельство значительной и разносторонней торговли древнего Мурома. Раскопки показали, что на месте позднейшего Мурома существовало значительное поселение еще дославянской эпохи. Эта культура древней «муромы» была тем не менее очень близка к славянской культуре. Такой вывод подтверждают и разведочные раскопки нескольких сельских поселений вокруг Мурома. Они обнаружили, что город был окружен большим количеством селений, часть из которых принадлежала, вероятно, муроме, а часть была поселениями славян. Однако это сосуществование двух культур продолжалось недолго, и с X в. в Муроме славянская культура полностью господствует.

Другим объектом работ Муромской экспедиции была катастрофически разрушающаяся Панфиловская стоянка на берегу р. Илимны. Здесь работами, проведенными под руководством Е. И. Горюновой, были открыты две землянки, соединенные между собой переходом. Находки каменных и костяных орудий, а также керамики, близкой по своему типу к посуде неолита (Волосовская стоянка), с одной стороны, и к керамике эпохи бронзы—с другой, подтверждают отнесение Панфиловской стоянки к переходному периоду между неолитом и бронзой.

*

Псковская археологическая экспедиция работала под руководством С. А. Таракановой. Произведены раскопки на площади в 208 кв. м в Псковском кремле и обследование городищ Старый Изборск, Порков, Воронич.

Раскопками 1936 г. было установлено, что поселение на месте Псковского кремля существовало с VI в. н. э. Исследование этого года значительно отодвинуло эту дату в глубь веков, установив факт существования здесь поселения с конца I тысячелетия до н. э. Кроме того, здесь же найден материал, относящийся к эпохе бронзы.

Что касается этнического состава населения, то здесь была найдена только славянская культура (кривичей).

Находки большого количества костей рыб, диких и домашних животных дают представление о хозяйственном облике поселений I тысячелетия н. э. Особенно ценными являются находки хлебных зерен и обломков серпов, свидетельствующие о прочной и продолжительной земледельческой культурной традиции в этом районе. Из других находок следует отметить большое количество костяных поделок: гребней, ножей, прокопок, пряслиц. Жилища, открытые здесь, распадаются на 3 типа: 1) деревянные избы с такими же полами, датируемые VIII—IX вв.; 2) жилища с глинобитным полом, относимые к более раннему времени; 3) землянки начала I тысячелетия н. э. Культурные слои XI—XII вв. дали богатый материал для изучения Псковского кремля уже в историческую эпоху. Находки остатков амбаров и обгорелого зерна подтверждают сообщение летописей о наличии здесь обще-

ственных складов зерна. Кроме того, найдены железные крицы, кузнечные инструменты и остатки кузнечных горнов, указывающие на развитие кузнечного ремесла и на деятельность ремесленников на территории кремля.

*

Московская экспедиция (руководитель А. В. Арциховский) продолжала раскопки курганного могильника вятичей у села Беседы Царицынского района Московской области. У западной окраины села раскопано 19 курганов 2—3-метровой высоты. Все они дали вятичские погребения с типичным для этого племени инвентарем. В нескольких курганах обнаружены двойные погребения, как правило, мужские и женские. При женских погребениях в большом количестве встречаются браслеты, перстни, сердоликовые бусы, серебряные монетовидные привески, бубенцы и т. п. Мужские костяки сопровождаются ножами, замками, посудой (часть горшков снабжена клеймами). Раскопки доказали большую длительность существования Беседского могильника: ряд курганов дал вещи XII в., в других встречаются предметы XIV в. Особое значение имеют раскопки большого кургана (более 4 м высоты), стоящего одиноко на южной окраине села. Раскопки этого кургана еще не закончены, но некоторые признаки позволяют предполагать, что этот курган относится к V—VI вв. и предшествует вятичским курганам обычного типа.

*

Рязанская экспедиция под руководством А. Л. Монгайт продолжала раскопки Старо-Рязанского городища. В северной его части вскрыта большая площадь в 500 кв. м; здесь обнаружено несколько жилищ с глинобитными печами, подпольными ямами и разнообразным инвентарем. До сих пор жилища Старо-Рязанского городища датировались только суммарно домонгольским периодом. Теперь получена возможность установить разновременность этих жилищ: впервые на Старо-Рязанском городище обнаружена полуземлянка, относящаяся к более раннему времени, чем наземные срубы.

*

Сотрудник ИИМК А. Л. Монгайт руководил также археологическими работами Новгородской экспедиции Академии архитектуры (Институт истории и теории архитектуры), производившей раскопки в Софийском соборе. Эти раскопки дали новые материалы по истории постройки и последующих перестроек собора. Особенно интересны результаты раскопок внутри собора: здесь под полом Мортиревой паперти найдено 7 погребений в каменных саркофагах XII в., в одном из которых хорошо сохранились одежда, обувь, парча. Любопытна находка поливной зеленой чашки среднеазиатского происхождения. Среди строительного мусора, оставшегося от прошлых перестроек и реставраций храма, найдены фрагменты древнейших фресок с изображением князя, может быть, строителя храма Владимира Святославича.

*

Черниговская археологическая экспедиция во главе с Б. А. Рыбаковым производила раскопки Благовещенской церкви в Чернигове, воздвигнутой в 1186 г. Святославом Всеволодовичем. В ходе раскопок на берегу реки Стрижень были обнаружены остатки древнеславянских поселений VII—VIII вв., представленных остатками землянок и очагов, грубой лепной керамикой. Выше этих древнейших слоев встречаются предметы X—XII вв.: стеклянные браслеты, шиферные пряслица, посуда с линейно-волнистым орнаментом и т. п. От самой Благовещенской церкви сохранились только фундаменты и незначительные части стен. Но и эти остатки ясно свидетельствуют о том, что церковь была крупнейшим зданием древнего Чернигова и памятником высокой художественной культуры. Церковь имела пять нефов (или 3 нефа и обрамляющую их галлерею) и, очевидно, 5 куполов. Материалом для постройки служил плитчатый

кирпич двух форматов. Для художественной отделки здания, помимо красного и желтого кирпича, были применены шифер, резной камень, фресковая живопись. Особенно интересно открытие мозаичного пола в центральной части храма с изображением павлина. Раскопки Благовещенской церкви пополняют наш материал по истории русской культуры конца XII в. и свидетельствуют о большом культурном значении древнего Чернигова в эту эпоху.

Шестовицкой экспедицией (руководитель В. Я. Станкевич) вскрыто 7 курганов в юго-западной части большого курганного могильника у с. Шестовицы Черниговского района. Большинство раскопанных курганных насыпей содержали кострища, оставшиеся от трупосожжений на материке. Только в одном кургане встречен иной обряд погребения, характерный для X в., — захоронение воина-дружинника, сопровождаемое погребением убитых рабыни и коня. При мужском костяке найдены боевой топор, наконечники копья и стрел, скрамасакс, ножи, кресала и кремь, а также набор стеклянных шариков и железных обручей, видимо составлявших принадлежности какой-то игры. При женском костяке найдены только стеклянные бусы и колечко. Конь был похоронен в сбруе для верховой езды. Городище, расположенное в половине километра от кургана, также подверглось раскопкам. Здесь было обнаружено несколько землянок овальной формы с остатками глинобитных печей. Среди вещевого материала много фрагментов разнообразной посуды с линейным, волнистым и ногтевым орнаментом, железные ножи, наконечники стрел и т. д. Большое значение имеет определение синхронности городища и могильника, сделанное в этом году.

*

М. К. Каргер во главе Киевской экспедиции производил исследования некоторых участков древнейшего Киева. Раскопками вскрыта часть древней улицы, примыкавшей к Батыевым воротам так называемого Владимирова города. В этом районе в 1240 г. происходили ожесточенные бои киевлян с ворвавшимися в город татаро-монгольскими ордами Бату-хана. Тут обнаружены обломки сгоревших при общем пожаре города жилищ и под ними остатки различной утвари и скелеты воинов и горожан, погибших при разгроме города. Ниже уровня пола этих жилищ найдены остатки более древнего жилища XI—начала XII вв. На полу его открыты остатки амфор и свинцовые печати с греческими надписями. Еще ниже под этим жилищем найдено погребение, относящееся к началу X в. Это—погребение воина дружинника в подземной камере с деревянными стенами и потолком, над которой был насыпан высокий курган. С воином была погребена рабыня. Раскопки возле Софийского собора открыли развалины большой керамической печи для обжига кирпича и огромный котлован, заполненный обломками бракованного кирпича. Эти объекты были связаны со строительством собора; кроме того, обнаружено много других архитектурных фрагментов: куски мозаики, фресок, полов и т. д.

*

Раскопки в Москве, у устья р. Яузы, производились экспедицией под руководством М. Г. Рабиновича. Находки пряслица из розового шифера, датируемого домонгольским временем, и керамики курганного типа свидетельствуют о вероятности существования здесь поселения еще в начальный период истории Москвы, хотя культурный слой этого времени в нетронутом виде обнаружить не удалось.

Наиболее интересный и обильный материал относится к XV—XVII вв. и дает представление о ремесленном производстве этого периода. Открыта гончарная печь и огромное количество целой и фрагментированной керамики, вышедшей из одной гончарной мастерской, о чем говорят керамические клейма. Раскопана яма, куда мастер выбрасывал бракованную посуду. Интересна находка гончарных тиглей со сгустками поливы внутри. Открытый в раскопках хозяйственный комплекс (амбар и часть двора XVI в.) дал ряд находок, важных для изучения сельского хозяйства того времени (зерна ржи, пшеницы, проса и т. п.).

Экспедиция, кроме того, раскопала курганный группу на р. Яузе, близ ст. Яуза Северной ж. д., где были открыты два мужских и одно женское славянские погребения. В женском погребении найдены украшения: браслеты, перстни, трехбусинные височные кольца. Дата группы по витому браслету и керамике, ориентировочно, определяется XVI вком.

*

Раскопки Булгарского городища проводила Булгарская археологическая экспедиция, руководимая А. П. Смирновым. Работы велись на нескольких участках. В районе «Греческой Палаты» производились раскопки некрополя конца XIV в. В могильных ямах прямоугольной формы с закругленными углами сохранились гвозди и скобы от деревянных гробов, имевших вид ящиков с узким дном и двускатной кровлей. Покойники клались вытянуто на спине. Вещей, как правило, при умершем не клалось. Исключения составляют лишь отдельные могилы, в которых встречены височные серебряные или золотые кольца, бусы, бубенчики. В ряде могил обнаружены куски парчи, шелка, позументы, иногда богато орнаментированные. Типы вещей и орнаменты тканей наиболее близки к могильнику у Белореченской станицы на Сев. Кавказе того же времени. На территории могильника обнаружены также остатки какого-то здания, видимо хозяйственного назначения, относящегося к концу XIII или началу XIV в. Для выяснения структуры оборонительных сооружений производились раскопки и зачистки валов и рвов городища в нескольких местах. Эти работы показали, что вал насыпан на культурном слое XIII—XIV вв., а сам перекрывается русским культурным слоем. Возникновение его надо относить к середине или второй половине XIV в. Он состоит из двух напластований, насыпка которых произведена была в одно время. По гребню вала шли два ряда бревен, вкопанных на расстоянии около 3 м друг от друга, расстояние между этими рядами около 0,8—1,0 м. Вероятно, эти ряды были зашиты досками или горизонтальными бревнами, и пространство между ними было засыпано землей, как при укреплениях русских городков. Перед валом шел ров, дно которого было утыкано кольями. Надолбы из бревен были врыты и с внешней, напольной, стороны рва, затрудняя подход ко рву и подвоз осадных машин. Такая система укреплений аналогична принятой на Руси. Раскопки вала Малого городка дали глубоко лежащие остатки деревянных конструкций, которые как будто лежали в основании вала, но сохранность этих конструкций очень плоха. Открыты фундаменты башен, состоящие из сложенных насухо камней. Но работы по исследованию валов Малого городка не были закончены. Интересные результаты дали раскопки в центральной части городища, где была изучена последовательность культурных напластований. Самые древние культурные слои относятся здесь к X—XI вв. и содержат обломки посуды—простой и лощеной желтой, желто-бурой и желто-красной. Датировочным материалом является желто-лимонная двойная бусина, характерная для XI в. Выше лежат слои домонгольского периода—XII—XIII вв., датированные находками пряслицы розового шифера, керамикой с черной поливой и другими предметами. Еще выше лежат мощные культурные пласты болгаро-татарского времени—XIV в. Эти слои, хорошо датированные краснокирпичной керамикой, витыми стеклянными браслетами и другими находками, дали многочисленные архитектурные остатки, в том числе развалины дома № 1, относящегося, вероятно, к началу XIV в. Этот дом представляет собой сруб, рубленный в обло, с деревянным настилом пола из широких досок. Внутри дома открыты остатки глинобитной печи, а снаружи—неширокий деревянный настил, может быть крыльцо, провалившийся вниз, так же, как и пол (дом стоял на столбиках, и под ним находилось подполье). Золотоордынский слой конца XIV—XV вв. прослежен не везде и мало насыщен находками. Но все же он свидетельствует, что после разгрома 1430 г. в городе продолжало оставаться население, хотя и немногочисленное. Наконец, еще выше лежит слой русский, древнейшие находки в котором относятся к концу XVI—XVII вв. Таким образом, раскопки доказывают факт существования города в течение долгого промежутка времени, причем расцвет его относится к XIV в.

Д. Шелов

Археологические раскопки в Греции за последние годы¹

За время войны в Греции археологические раскопки почти не производились. Основное внимание археологов в эти годы было обращено на сохранение уже открытых памятников. Описанные ниже археологические открытия имели место, главным образом, в период между 1939—1941 гг., и лишь единичные раскопки и в очень небольших размерах проводились между 1941 и 1945 гг.

Афины

Агора. Продолжались начатые в 1931 г. раскопки на агоре. В результате этих работ там были обнаружены остатки целого ряда построек архаического и классического времени, что внесло большую ясность в топографию места. Раскопки на площади вокруг толоса обнаружили основания целого комплекса архаических строений и позволили проследить историю булеверия с начала VI в. до н. э. до периода, следующего за греко-персидскими войнами, когда был построен толос. Обнаруженные в результате раскопок остатки зданий архаической эпохи, очевидно, являлись подсобными помещениями булеверия, а большая постройка на севере комплекса могла быть помещением для совещаний. На север от толоса лежали две длинные параллельные ямы, содержавшие большое количество золы вместе с костями животных, и, вероятнее всего, бывшие мусорными ямами. Одной из наиболее интересных находок был прямоугольный граненый камень на широкой стороне которого была надпись $\eta\rho\sigma\varsigma \epsilon\iota\rho\iota \tau\eta\varsigma \acute{\alpha}\gamma\omicron\rho\alpha\varsigma$ (JHS, LVIII, II, 218 сл.; «Hesperia», Suppl. IV, 1940).

Другим объектом работ был знаменитый источник Клепсидры. Вход в древний бассейн шел через шахту, спускающуюся от пола так называемой капеллы апостолов вниз на глубину 8,5 м. Дно резервуара размером 4,50×2,25 м было выложено прекрасно обработанными блоками пороса, так же как и стены, сохранившиеся почти неповрежденными. В стене было четыре впускных отверстия, которые питали источник. Имелся также и более легкий вход в пещеру через ущелье в скале с западной стороны источника. Проходящий через него дневной свет позволил более детально изучить конструкцию сооружения («Hesperia», 1943, № 3, стр. 191 сл.). За источником Клепсидры вдоль Валериановой стены была открыта мощеная дорога, связывающая агору с Акрополем (JHS, LVII, 120; LVIII, 219). Восточнее Валериановой стены, к югу от стои Аттала, раскопки обнаружили основание позднеархаической постройки длиной 15,60 м и шириной 8,70 м. Пристройки, возведенные одновременно с ней, удлиннили ее до 18,65 м и 11,10 м. Судя по блокам основания и найденным рельефам, эта постройка была сделана руками искусных мастеров. С южной стороны от нее обнаружены остатки римского круглого здания, сооруженного из блоков пороса. Из находок этой площади выделяются основание статуи с надписью, свидетельствующей, что на ней стояла статуя Архиппы, жены Клеодема из Эксоны, посвященная ей матерью и сделанная Праксителем, и основание бронзовой статуи, посвященной Геродом Аттиком его другу консулу Цивилу Барбару. На этой площади хорошо представлена позднегеометрическая и протоаттическая керамика, в том числе найдена одна позднегеометрическая амфора¹ с лепными змеями по ободку и плечам и горло гидрии с рисунком, изображающим 10 женщин, несущих пальмовые ветви.

Раскопки агоры в 1938—1939 гг. обнаружили два пограничных камня. Один из них, из гиметтского мрамора, с надписью $\theta\rho\varsigma \kappa\epsilon\rho\alpha\mu\iota\kappa\epsilon\iota\sigma\theta$, показал южную и юго-восточную границы Керамика. Другой, относящийся к VI в. до н. э., был найден близ Гефестейона. Наиболее интересным из открытий 1939 г. был большой склеп микенского времени, найденный у основания северного склона Акрополя. Его дромос хорошо сохранился и имел в длину около 40 футов. Каменный завал входа был не

¹ Обзор археологических раскопок до 1937 г. см. ВДИ, 1938, № 2, стр. 194 сл.

тронут, но несмотря на это могила была опустошена. Тело и содержимое гробницы были вынесены через потолок. В северной части гробницы сохранилась часть погребального инвентаря, в том числе более ста розеток и листьев из тонкого золота, бронзовое зеркало, несколько костяных булавок. Была найдена небольшая костяная пиксида диаметром 11 см, сделанная из целого куска слоновой клыка и покрытая рельефными изображениями лошадей, атакованных грифонами (рис. 1). На выступе, устроенном вдоль восточной стены, было найдено *in situ* шесть ваз различной величины, а на восток от входа, на полу, две больших амфоры и медный ковш.

Во время раскопок 1940 г. были открыты три могилы VI в. до н. э. и ряд предметов эллинистического времени, в том числе диск из пороса с рельефным изображением

Рис. 1. Пиксида из слоновой кости с агоры (Афины)

Деметры и Посейдона, а также впервые был найден остракон с именем Перикла, вероятно, 443 г. до н. э. (JHS, LXIV, 79; LIX, 189 сл.; AA, 1940, 155 сл.). Южнее стои Аттала открыта часть постройки раннеримского времени, лежащая на так называемой Панафинейской улице, которая поднималась на Акрополь с западной стороны Валериановой стены. Вновь открытую постройку считают библиотекой Тита Флавия Пантейна, чья надпись была найдена в Валериановой стене еще во время прежних раскопок (AA, 1940, 154 сл.).

Продолжались также раскопки на склонах Акрополя.

Площадь на северо-западном склоне Акрополя доставила большое количество керамики разных периодов — от поздненеолитического до среднеэллинистического (рис. 2). На северном склоне была расширена исследуемая площадь некрополя. В 1939 г. там найдены глиняные фигурки и каменные фаллосы из святилища Афродиты, а также группа маленьких скифосов типа IV в. до н. э. Всего было найдено около 200 скифосов, лежавших

на вырубленном в скале выступе вверх дном, группами по 4—6 штук. Скифосы были тщательно уложены рядами с направлением ручек по одной линии. Эта находка, вероятно, связана с соседним святилищем Эроса и Афродиты, и объяснение ее надо искать в культовых обычаях (JHS, LIX, 190 сл.; AA, 1940, 154 сл.). На восточном склоне Акрополя в 1938 г. была открыта часть мостовой, примыкавшей к театру Диониса. Весной 1939 г. работы продолжались и был расчищен длинный отрезок античной улицы. Она была около 6 м шириной и состояла из слоев камней, над которыми в известковом растворе лежали тонкие плиты, представлявшие поверхность мостовой. Чтобы уменьшить крутизну подъема, через определенные промежутки улицы были сделаны мраморные ступени. Была также найдена часть северной подпорной стены, которая тоже была облицована мраморными плитами. На северном склоне Акрополя был открыт дом римского времени и разрушенные могилы геометрического периода (JHS, LXIV, 79; AA, 1940, 154).

На северо-восточном склоне Акрополя зимой 1937/38 г. были расчищены 5 ям, которые были заполнены мусорными остатками в первой половине V в. до н. э. В них было найдено множество остатков чернофигурной и краснофигурной керамики, в том

числе несколько фрагментов от вазы стиля Вурва, чернофигурный лекиф с изображением Геры, Афины и Афродиты, несколько кусков вотивного диска с фигурой Афины, держащей сову, и другие.

Рис. 2. Афины. Среднеэлладийские вазы с северо-западного склона Акрополя

Из отдельных выдающихся находок этого сезона надо отметить голову из пороса, которая подходит к торсу Геракла в поросовой группе Геракла, борющегося с Тритоном, хранящейся в музее Акрополя (рис. 3.).

Рис. 3. Архаическая голова Геракла из пороса с северного склона Акрополя

Раскопки, проводившиеся в 1938—1939 г. на Акрополе по соседству с Парфеноном, позволили разбить ошибочную теорию Дерпфельда о том, что стена Пеларгикона продолжала быть защитной стеной Акрополя вплоть до постройки Парфенона. Они пока-

зали, что стена Пеларгикона была разрушена много раньше и не только не являлась оградительной стеной, но даже не явилась базой для фундамента Парфенона (JHS, LIX, 192).

На площади севернее и южнее Гефестейона, где уже раньше были открыты плавающие печи с их водостоками и цистернами, продолжались в 1937 г. дальнейшие раскопки. Была очищена лестница шириной около 6 м, колодцы и много керамики. Кроме того, была найдена незаконченная статуэтка Геракла, амфора с изображением процессии юношей в венках и кратер с изображением сцены жертвоприношения (JHS, LVII, 122).

Рис. 4. Керамик. Прото-геометрическая пиксида

К северо-западу от Эрехтейона раскопки обнаружили следы лестницы, ведущей к подземному водохранилищу, уровень которого находился почти на 35 м ниже Акрополя. Лестница датируется позднемикенским периодом. Она была сооружена из больших каменных плит, лежащих на галечной кладке. Деревянная обвязка лестницы сгнила вскоре после ее сооружения, а прежнее водохранилище стало употребляться как яма для свалки мусора и было заполнено главным образом обломками керамики позднемикенского периода (JHS, LVIII, 221).

Академия. В 1939 г. проводились также раскопки Академии. Была открыта группа построек, лежащих на запад, север и юг от двора «палестры». На небольшом расстоянии от нее к западу был раскопан маленький двор, окруженный перистилем. Севернее его было много маленьких помещений и большой зал, в котором находился ряд продолговатых, похожих на скамейки сооружений, сложенных из земли и маленьких камней; с одной стороны они были оштукатурены и были расположены параллельно, на расстоянии одно от другого около 0,4 м. Они, вероятно, служили подставками для скамеек. Из вновь открытой части гимназия сохранился только фундамент и лишь в одном месте самая нижняя часть стены.

В одном из помещений был обнаружен черепичный гипокауст римского времени, а рядом со двором найдена коринфская капитель этого же времени, дающие возможность датировать этот слой. Раскопки западнее гимназия показали, что культурный слой античного периода уходит вглубь под «палестру». (AA, 1940, 164 сл.).

Керамика. Продолжались начатые ранее (ВДИ, 1938, № 2, 196) раскопки Керамика в районе могилы Гегесо. Было вскрыто не менее 49 могил, относящихся к протогеометрическому и геометрическому периодам. Среди найденной керамики есть прекрасные образцы раннего протогеометрического стиля, в том числе небольшая пиксида (рис. 4), а также много образцов переходного стиля от позднего протогеометрического к геометрическому. Из находок более поздних периодов надо отметить стелу из пороса, датируемую первой половиной VI в. до н. э., с изображением стоящей мужской фигуры (рис. 5). Нижняя часть этой стелы была найдена в 1936 г. (JHS, LVIII, II, 221; AA, 1940, 308 сл.). Осенью 1939 г. при работах на кладбище VII в. было найдено много протоаттической керамики. Проводились также исследования стены, идущей вдоль Эридана, которые показали, что она была построена при Адриа-

Рис. 5. Керамик. Стела из пороса

не, а не в IV в. до н. э., как думали раньше. Кроме того, изучались керамическая печь с бассейном для промывки глины и баня, под которой была найдена детская могила 480 г. до н. э. В другой могиле были найдены бронзовые вазы и керамика Вуссего, вероятно этрусского происхождения, и черепки аттических ваз геометрического стиля. Кроме того, были найдены три надгробных памятника, посвященных павшим у Пирея в 404—403 гг. до н. э. В 1940—1941 гг. была вскрыта последняя часть площади под *Agia Trias* и были обнаружены могилы от VIII до IV вв. до н. э. На площади около памятника лакедемонянам нашли три керамических печи обыкновенной грушевидной формы, а над ними лежали могилы конца V и IV вв. до н. э. Была открыта группа могил не позднее II в. до н. э., принадлежащая одной семье. И мужские и женские погребения содержали мужские кольца; кроме того, в мужских погребениях были золотые диски с изображением совы Афины, а в одной из женских могил были серьги, оканчивающиеся козьими головами (JHS, LXIV, 79 сл.).

Н и ж н и й г о р о д. Раскопки 1940 г. южнее Олимпейона дали много бронзового литья V в. до н. э., кладбище домикенского и протогеометрического периода и колодцы с фрагментами протоаттической и краснофигурной керамики (JHS, XIV, 81).

Аттика

Г и м е т т. В раскопе, заложенном в лощине хребта горы Гиметт, были найдены остатки маленькой апсидальной постройки и небольшого сооружения, возможно алтаря Зевса Омбрия, упомянутого Павсанием (I, 32,2), а также множество керамики, начиная от эпохи геометрического стиля до позднеримского времени.

На Э л е в с и н е и ведущей к нему священной дороге археологические исследования продолжались в 1938 и 1939 гг. (см. ВДИ, 1938, № 2, стр.197 сл.). Была изучена вымостка Священной дороги, лежавшая на 80 см ниже современной поверхности почвы, и слой, по которому она проходила. Основные раскопки на Элевсине велись в районе группы построек, окруженных полигональной стеной. На этом участке имеются следы построек, относящихся к среднеэллиадскому времени, но религиозный характер они приобрели с конца геометрического периода, когда постройка этого периода была превращена в место для поклонения. Сосуды для жертвоприношений, содержащие золу, и остальные, главным образом вотивные, вазы свидетельствуют, что здание служило местом культа в VII в. до н. э. В VI в. до н. э. оно, вероятно, было уже разрушено, и на его месте в эпоху Пизистрата был построен небольшой храм (JHS, LIX, 192 сл.).

В 1940 г. на Элевсине продолжались исследования большой постройки, стоящей вне главных Пропилей. Было найдено основание этой постройки с апсидой, вероятно, VII в. до н. э. Кроме того, было найдено основание храма Диониса IV в. до н. э. и раннехристианская базилика (JHS, LXIV, 81)

Пелопоннес

О л и м п и я. С 1936 г. возобновились раскопки в Олимпии. Раскапывалась площадь севернее гимназия по направлению к левому берегу реки Кладей и площадь между сокровищницами вдоль северного края священной земли восточнее Герейона. Раскопки этого года были очень богаты находками бронзовых предметов, относящихся к VI и V вв. до н. э. Было найдено много вотивного оружия, посвящений победителей, двадцать два бронзовых шлема, много частей щитов, светильники, котлы, около 200 железных наконечников копий, лезвия мечей и др. Было откопано также несколько полос бронзовых рельефов «аргиво-коринфского стиля» с вертикально расположенными изображениями, которые прикреплялись с внутренней стороны щита. Эти находки, а также находка в следующем году 15 больших бронзовых щитов на стадионе, позволили установить устройство архаического щита. Деревянный щит был покрыт бронзо-

выми полосами по краям, а в центральной части к нему гвоздями прибывался бронзовый диск. С внутренней стороны бронзовые полосы имели рельефные изображения; прекрасные рельефы были также в местах прикрепления к щиту рукояти [JHS, LVII (1937), 129 сл.; JHS, LVIII, 224; JDAI, Bd. 56 (1941); III—IV, 1 сл.].

Среди найденных бронзовых статуэток имелась прекрасная фигурка лошади геометрического стиля, фигурки старика и бегуна. Из находок терракоты интересна расписная женская голова в одну треть натуральной величины, которая могла быть головой сфинкса от акротерия. Найден также камень с посвятителной надписью Акматиды-лакедемонянина, победителя в пятиборье. Все раскопочные работы последних лет имели своей задачей систематическое исследование стадиона. К 1941 г.

Рис. 6. Стадион. Трибуна судей с северо-запада

эта цель в значительной степени была достигнута. Было выяснено, что наиболее ранние земляные работы на территории стадиона проводились около 550 г. до н. э., когда был изменен естественный склон с северной стороны стадиона и была сделана небольшая насыпь с южной. Около 450 г. до н. э., когда был построен храм Зевса, были сделаны широкие и симметричные насыпи с обеих сторон стадиона, и он приобрел очертания, которые, в основном, сохранял всю последующую античную эпоху. Около 350 г. до н. э. обе насыпи были сильно увеличены и поверхность стадиона реконструирована. Еще раз насыпи были расширены между I в. до н. э. и I в. н. э., и, наконец, последние улучшения относятся к II в. н. э., после чего стадион постепенно начинает приходить в упадок (JDAI, Bd. 55 (1941), 1 сл.; JHS, LVIII, II, 222 сл.).

Раскопки позволили установить планировку стадиона и окружающих его построек. В 1939 г. восточнее линии старта был выявлен каменный фундамент деревянной трибуны, без сомнения, кафедры судей *ἑλλήνων δίκων* (Paus., VI, 20, 8, 10). Было заметно несколько строительных периодов в сооружении этой трибуны. В IV в. д. н. э. она была низкой и была окружена деревянной изгородью, от которой хорошо сохранились ямы для столбов и досок. В римское время ее основание было расширено и сделано более высоким, и, наконец, она была окончательно реконструирована, и были сделаны лавки для сиденья.

Предполагают, что в том месте, где во время раскопок 1937—1938 гг. было найдено большое количество оружия, главным образом архаического, и в том числе 15 бронзовых щитов, был сооружен Трофей. Он стоял на архаической южной насыпи,

в верхнем слое которой раскопанные работы следующего года обнаружили несколько нерегулярно расположенных отверстий для столбов. Во время реконструкции стадиона в V в. до н. э. при сооружении новой насыпи он был засыпан. Непосредственно к Трофею относились 7 щитов, из них некоторые имели посвятельные надписи, несколько девизов от щитов, среди них лежащая птица и дельфин, а также серия хорошо сохранившихся ручек щитов с прекрасными рельефами (JHS, LIX, 196).

Рис. 7. Терракотовый акротерий: Зевс и Ганимед

Оружие попадает в основном в ранних слоях стадиона в первой и второй насыпях. Находки последних насыпей, особенно четвертой и пятой, были много богаче, так как для их сооружения бралась земля со всей территории святилища. Выдающимися из этих находок являются остатки больших раскрашенных глиняных фигур: фигура Зевса, держащего Ганимеда (рис. 7), бывшая, вероятно, частью акротерия, и торс воина в хламиде. Судя по формам, они относятся к позднеархаическому периоду. Надо отметить также найденную на территории стадиона, но не связанную с ним, протому грифона, относящуюся к третьей четверти VII в. до н. э., и ручку лаконской гидрии с женской головой на месте ее присоединения к туловищу (JHS, LIX, 196).

Раскопки 1938 г. обнаружили подземный канал, построенный из больших блоков порося, служивший для отвода поверхностных вод от беговой дорожки в русло

р. Алфея. Кроме стадиона, в последние предвоенные годы раскапывались и другие объекты. Полностью было обнаружено основание большой южной стои и выявлены отдельные части ее постройки; среди находок было много черепков классического времени и некоторые крупные предметы. Встретились две надписи; одна на мраморном диске от основания статуи в честь Фериаса из Эгины, победителя в борьбе юношей в 464 г. до н. э., и другая в стиле IV в. до н. э., на ноже, посвященная Пану.

Раскопки, проводившиеся в южном конце стои Эхо, обнаружили архаический слой, находившийся на несколько метров ниже самой стои. Вместе со значительным числом черепиц и комплексом ваз этот слой содержал также различные бронзовые находки VIII и VII вв. до н. э., протому льва, протокоринфский рельеф с грифонами, два грифона, два сфинкса и 3 коринфских шлема (рис. 8). Эти предметы были найдены с большим количеством золы и пепла и, видимо, попали сюда, когда земля нивелировалась для возведения стои.

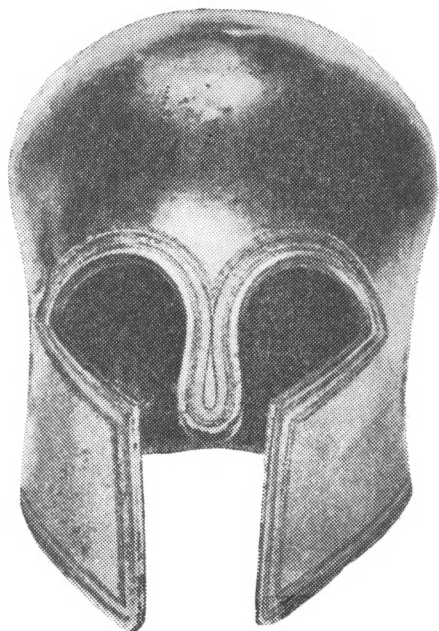

Рис. 8. Коринфский шлем

При исследовании южного подножья южной насыпи свая галлерей Эхо было открыто помещение с мозаикой, в котором нашли 3 хорошо сохранившихся котла, большую бронзовую фигуру лошади, прекрасный треножник, шлем, рельефы ручек от щита и др. Раскопки в южной галлерее дали много архитектурных фрагментов. Под ней были более ранние остатки, включающие хорошо сохранившуюся гончарную печь (рис. 9), а в нижнем основании слоя была найдена литая бронзовая фигурка лошади 23 см высотой, относящаяся к раннеклассическому времени. Многочисленные остатки глиняных сосудов различных периодов и типов пролили свет на неизвестную до сих пор олимпийскую керамику (JHS, LIX, II, 195 сл.; JDAI, 1941, II, 1 сл.).

В 1940—1941 гг. раскапывалась западная часть стадиона. Было найдено много щитов и ручек от них, а также шлемы, девизы и другие бронзовые пред-

меты. Один из щитов был посвящен гражданами Занклы, другой аргивянами из добычи, взятой у Коринфа. Также было найдено мраморное сидение лакедемонца Горга, проксена элейцев (JHS, LXIV, 83).

В Сикионе было обнаружено местоположение древнего храма Артемиды. Храм был сооружен в эпоху Деметрия Полиоркста из мягкого сикийского камня на месте, где до этого стоял архаический храм. В свою очередь, этот эллинистический храм был разрушен землетрясением, и на его месте в христианское время была построена церковь (JHS, LVIII, 224). Западнее храма Афродиты была открыта двойная стоя, а за ней два ряда домов. Южнее храма была найдена мраморная база со следами от бронзовых ступней ног, посвященная Суллой Марсу. В восточной части города был найден греческий дом конца V в.—начала IV в. до н. э.; в одной из комнат которого была чудесная мозаика, сделанная из белой и темно-синей гальки.

Была восстановлена южная часть бульвария и найдена мозаика IV в. до н. э. с растительными мотивами (JHS, LXIV, 82; LIX, 224).

В Гераклии раскапывалась базилика, построенная в V в. н. э. В последующие эпохи она перестраивалась и была значительно изменена. Возможно, что она функционировала даже до XV в. (JHS, LVIII, 224).

В Э п и д а в р е в 1939 г. были раскопаны три доисторических поселения с домами позднеэлладийского, среднеэлладийского и раннеэлладийского периодов и с укреплениями микенского типа, а вблизи Спарты в 1940—1941 гг. раскапывались неолитические и раннеэлладийские поселения (JHS, LXIV, 82).

В А с е е (Asea) в южной Аркадии проводились раскопки в течение 1936—1938 гг. Раскапывался холм между Триполи и Мегалополем, господствующий над долиной, где берут истоки реки Эврот и Алфей. В результате раскопок на этой площади был обнаружен интересный материал различных эпох, свидетельствующий о ее заселении с доисторического времени до эпохи эллинизма. Доисторические находки относятся к неолитическому, раннеэлладийскому и началу среднеэлладийского периода. Для раннего периода архитектурных остатков не найдено. Переход от неолитического периода

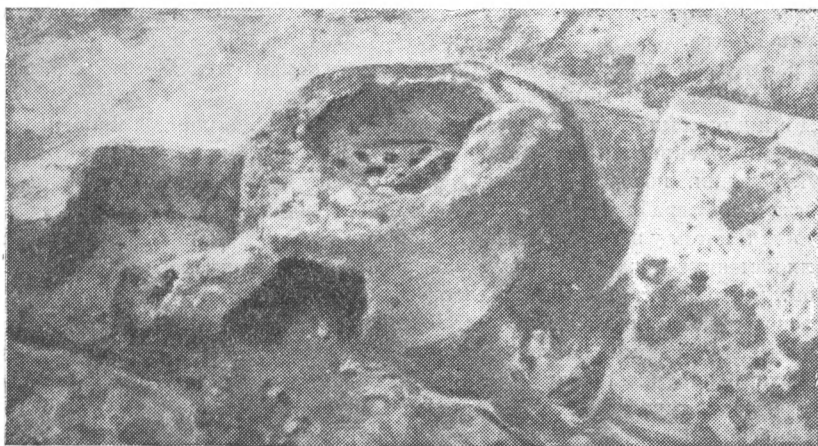

Рис. 9. Гончарная печь под «южным залом»

к раннеэлладийскому совершался постепенно, можно проследить развитие гончарной техники и ее постепенное усовершенствование к концу раннеэлладийского периода. Переходу к среднеэлладийскому периоду предшествовал пожар. Архитектурные остатки среднеэлладийского периода сохранились лучше, и можно проследить конструкцию зданий. Наиболее ранние дома представляли в плане сильно вытянутые прямоугольники и имели от 2 до 4 комнат. Более поздние дома в основном сохраняли ту же конструкцию.

Вся керамика была сделана без гончарного круга и была сходной с аргово-элладийской. Только сосуды с нарезным орнаментом пришли сюда из западной Греции. В конце среднеэлладийского периода поселение было разрушено и вновь восстановлено в середине VI в. до н. э.

В позднеклассическое и эллинистическое время в городе были построены высокие храмы, большие дома, покрывающие плато и спускающиеся к долине. Город был обнесен укреплениями (JHS, LXIII, 121).

А р к а д и я. В 1941—42 гг. в Гортис раскапывались стены, которые окружали место убежища.

Раскапывался также храм Асклепейон нач. V—IV в. до н. э., который был сильно разрушен, а также стоя и бани. Около реки Гортиния был найден маленький храм первой половины IV в., возможно посвященный тоже Асклепию (JHS, LXIV, 82).

В Паллантионе нашли три небольших архаических храма и часть стены Акрополя. Ниже Акрополя открыли периптеральный дорический храм с деревянными колоннами и кирпичными стенами (JHS, LXIV, 83).

П и л о с. Раскапывался холм Ано Энглианос, расположенный около 4 миль на север от Пилоса. Были обнаружены остатки большого позднемикенского дворца, раз-

мером 60×65 м со стенами из квадратных обтесанных блоков, оштукатуренных с внутренней стороны. Комнаты и коридоры имели гладкие полы, покрытые твердой штукатуркой. Там найдены фрагменты стенных фресок. Многие стены в центре постройки сохранились на высоту до 1 м. С западной и восточной стороны найдены круглые каменные базы колонн и два больших блока от антов, возможно от мегарона. С другой стороны на севере главная постройка имела ряд баз колонн из камня пурпурного цвета.

В южной части по тройки была небольшая комната, по трем стенам которой шла низкая глиняная полка. На ней и на полу было найдено 600 глиняных табличек, целых и разбитых, исписанных различными знаками минойской письменности, названными Эвансом «линейным письмом Б». Таблички двух основных типов: одни—прямоугольные, грубо закругленные сзади и плоские на исписанной стороне, другие—длинные, узкие, суживающиеся к закругленному концу. Они сходны с табличками, найденными в Кноссе.

На расстоянии мили к югу от дворца была раскопана толосная могила, совершенно разграбленная еще в микенское время (JHS, LIX, 195).

В Д е н д р е было вскрыто пять микенских гробниц. В первой, наиболее поздней, была найдена прекрасная коллекция бронзовых ножей, мечей и кубков из небольшого углубления, которая избежала разграбления. Вторая могила, двухкомнатная, была частично разграблена. Скелет находился в главной комнате с остатками деревянного гроба. В ногах у него был найден микенский бронзовый шлем. Кроме того, в могиле нашли каменную печать, кинжал с золотыми вставками, прекрасные вазы и еще ряд бронзовых вещей. Третья могила полностью разграблена. Четвертая могила сохранила неприкосновенным множество предметов редкой ценности. Судя по богатому инвентарю это была могила царицы, относящаяся к 1400 г. до н. э. Среди найденных в ней вещей были одноручный золотой ковш, большая золотая печать, восемь больших золотых розеток, пара тяжелых золотых подвесок, более двухсот золотых украшений, ожерелья, более 1 000 бусин из стеклянной пасты, 100 янтарных бус, прекрасные каменные печати, одна из которых была двусторонней и имела на одной стороне великолепное изображение двух лежащих коз, на другой—льва, хватящего козу.

Пятая из раскопанных могил содержала прекрасную позднеэлладийскую керамику (JHS, LIX, 194).

П е р а х о р а. Здесь раскапывался жилой квартал города. Остатки самого нижнего культурного слоя относятся к VII в. до н. э., когда это место уже было застроено частными домами. От VI в. до н. э. здесь найдены остатки дома с апсидой, на месте которого в V в. и первой половине IV в. до н. э. были построены два дома. Таким образом, раскопки показали, что Перахора жила интенсивной жизнью, уже начиная с VII в. до н. э. (JHS, LIX, 194).

М и к е н ы. В 1939 г. раскопки были сосредоточены на четырех основных объектах: исследовались развалины греческого храма на вершине горы, большой дом микенской эпохи с восточной стороны Акрополя, площадь, с внешней стороны Львиных ворот и сокровищница Атрея.

Основание греческого храма было детально изучено. Храм этот был построен в период эллинизма на месте храма, существовавшего здесь ранее. Ни первый, ни второй храмы не имели перистилей. Керамика, найденная на северной террасе храма, свидетельствует, что здесь в течение всего периода геометрического стиля находилось святилище и это место продолжало служить местом поклонения и позднее, вплоть до периода эллинизма.

На северной террасе была обнаружена часть толстой стены, вероятно служившей ранней оборонительной стеной Акрополя. Раскопаны также остатки двух помещений микенского времени, где было много интересных находок, как, например, оштукатуренного алтаря и терракотовых фигурок, уникальная группа, вырезанная из слоновой кости и хорошо сохранившаяся, представляющая двух сидящих женщин с ребенком, стоящим перед ними, голова раскрашенной гипсовой статуэтки (рис. 10), ряд золотых украшений, печать в виде цилиндра и пр.

К западу от Львиных ворот, с наружной стороны циклопических стен и как раз на север от Круглой могилы, раскапывалось доисторическое микенское кладбище и было вскрыто пятнадцать могил, относящихся к периодам среднеэлладийскому и позднеэлладийскому. Детально была изучена конструкция дромоса сокровищницы Атрея, сложенного из обработанных камней и представляющего собой большой конгломерат блоков известняка, хорошо связанных с задней необработанной стороны желтой глиной. Стена дромоса построена вплотную к скале. В 10 м от фасада могилы с северной и южной сторон дромоса найдено множество фрагментов керамики и других предметов, являвшихся отбросами жилого дома, стоявшего выше сокровищницы. Это обстоятельство позволяет точнее определить время постройки могилы, а именно не ранее 1350 г. до н. э., так как строители могилы прорезали при ее сооружении мусорный слой, относящийся к XIV в. до н. э. (Antiquity, 1940, XIV, 233, слл.; JHS, LIX, 210 слл.).

К о р и н ф. Все последние годы перед второй мировой войной американский Археологический институт продолжал свои раскопки в Коринфе на территории агоры. В результате ежегодных раскопок была обнаружена вся агора римского времени и частично очищены слои греческого времени. Основным районом раскопок попрежнему оставалась большая Южная стоя, которая была построена в IV в. до н. э. и до конца римского периода являлась южной границей агоры.

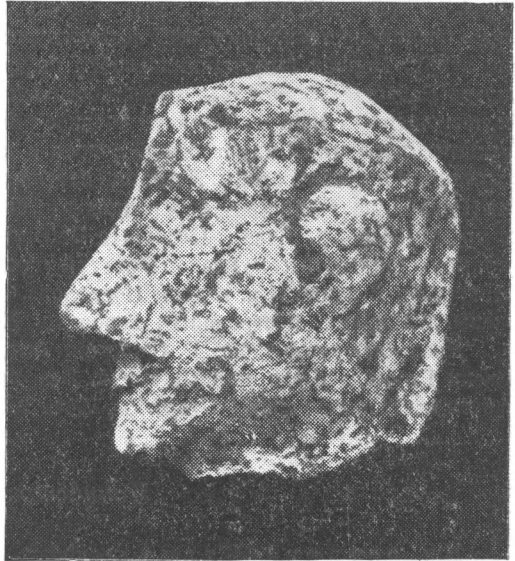

Рис. 10. Голова статуэтки из расписного гипса (Микены)

Раскопки западного угла Южной стоя обнаружили под ней остатки жилого квартала V в. до н. э. В этот слой в свою очередь, были врезаны 3 могилы, относящиеся к периоду поздней античности. Среди их инвентаря был длинный железный меч с бронзовым и серебряным орнаментом и один горшок грубой глины. Была найдена очень выразительная и хорошей сохранности мраморная статуэтка Пана, сидящего на скале. В ее нижней части было проделано отверстие. Это заставляет предполагать, что статуэтка служила украшением фонтана (JHS, LIX, II, 194). Раскопочные работы на площади между Южной стоей и центральным рядом лавок позволили обнаружить на значительном расстоянии слои с остатками сооружений греческого времени. В восточном конце агоры были обнаружены части подпорной стены IV в. до н. э., проходившей параллельно на расстоянии 3 метров от колоннады Южной стоей. Под стеной частично сохранилась вымостка V в. до н. э. При расчистке западной части центральных лавок были получены неожиданные результаты. Выяснилось, что с западной стороны бемя шел ряд из 15 лавок, причем первые 6 из них полностью соответствовали по размерам и конструкции 15 лавкам, открытым с восточной стороны. Седьмая лавка была превращена в фонтан, а остальные 8 лавок западной линии были худшей архитектуры и различных размеров. В северной части храма Аполлона была найдена керамика прекрасного качества. Она позволила установить дату постройки храма: третья четверть VI в. до н. э. («Hesperia», 1939, 8, 191 сл.; AJA 43 (1939), 592 сл.). Также там было открыто огромное количество строительного мусора: множество кусков стенных блоков и черепицы, принадлежавших постройке, которая предшествовала этому храму. Черепица тяжелая, архаического типа, блоки из прекрасно обработанного зернистого пороса, и многие из них носили следы огня.

Западнее музея была раскопана небольшая площадь. Насыпь классического времени дала массу керамики, терракоты и светильников, главным образом V в. до н. э. Было найдено около 150 хорошо сохранившихся ваз начала VI—середины V в. до н. э. Наиболее интересными находками на этой площади были куски стены дома и круглый очаг, связанные с керамикой субмикенского и протогеометрического периодов. Это явилось первым достоверным свидетельством того, что Коринф был уже обитаем в это время (AA, 1939, 251; JHS, LIX, 193). Раскопки на западной террасе коринфской агоры в 1940 г. позволили проследить изменение планировки агоры после восстановления города Цезарем в 43 г. до н. э. и появление вокруг и на террасе, выравненной над ней, новых красивых архитектурных сооружений. Раскапывалось несколько таких построек, воздвигнутых на верхней части террасы и выходящих на агору. Первая представляла собой круглое коринфского стиля здание, воздвигнутое Баббием. Южнее был храм, построенный одновременно с первым сооружением и посвященный Венере. Немного позднее рядом с памятником Баббия был сооружен орнаментированный скульптурой водоем с серией водных бассейнов, спускавшихся ступенями к уровню агоры. Павсаний видел над этим водоемом медную статую Посейдона (Paus. II, 28). Один храм был воздвигнут севернее круглой постройки, другой—рядом с храмом Венеры. Сзади монумента Баббия также заметны следы храма. Эта серия храмов и множеств монументов и статуй украшали западную террасу агоры во времена Павсания. В конце II в. водоем Посейдона был разрушен и на его месте были сооружены два храма, построенные, вероятно, Коммодом.

Последнее утверждает Р. Скраптон, основываясь на надписи, сохранившей следы имени Коммода и его полный титул. Эта надпись сохранилась на двух найденных в этом месте архитравах («Hesperia», 1944, XIII, 4, 315 сл.; AJA, 1941, XLV, 1, 88 сл.).

Ионийские острова

На острове Итака раскопки производились в нескольких пунктах. В Этосе в 1938 г. было обнаружено основание большой постройки, вероятно агоры, сооруженной в V в. до н. э. Эта постройка была воздвигнута выше основания храма,

Рис. 11. Итака. Протокоринфская ваза

разрушенного в VII в. до н. э. На одном из камней, упавших при его разрушении, лежала поздняя протокоринфская ваза, на стенках которой были два звериных фриза и на дне контурное изображение конской головы (рис. 11).

Под камнями были найдены фрагменты янтаря и бронзы, в том числе миниатюрная головка грифона на подставке.

Культурный слой ниже основания храма содержал геометрическую, протогеометрическую керамику и переходные между ними формы (JHS, LVIII, 225).

В Ставресе в слой, содержащий остатки доисторического поселения, были врезаны могилы II—III вв. до н. э. Некоторые из этих могил оказались нетронутыми. В составе найденного в них инвентаря были четыре бронзовых кубка, зеркало, около двенадцати маленьких ваз и несколько кухонных горшков.

Недалеко от Ставреса в Трис Лангадосе было открыто поселение микенского периода. Раскопки обнаружили несколько фундаментов микенского периода, прямоугольных и апсидальных, и большое количество микенской керамики плохой сохранности.

В Агиос Атаназиос раскапывалась постройка III—II вв. до н. э. К ней вела лестница, вырезанная в горной породе и проходившая по краю отвесной скалы. С северной стороны постройки в скале были вырезаны два бассейна, с западной стороны она вплотную подходила к вырезанной в скале еще в IV в. до н. э. комнате, в которой был найден аск в виде головы негра (рис. 12). Следов заселения этого места ранее IV в. до н. э. не найдено (JHS, LVII, II, 130; JHS, LVIII, 225).

Рис. 12. Итака, Агиос Атаназиос. Скульптурная ваза

В 1939 г. раскапывался дорический храм середины IV в. на северном берегу о. Корфу. Были найдены фрагменты мраморного акротерия и черепицы (JHS, LXIV, 89).

Центральная Греция

В Дельфах раскопки проводила Французская школа.

В районе за сокровищницей афинян раскопки обнаружили слой, содержащий большое количество бронзы и терракоты, времени протокоринфской керамики.

Под священной дорогой перед Платейским треножником была обнаружена стена и керамика микенского периода.

Раскопки дали также большое количество надписей и архитектурных остатков (AA, 1939, 54, 240 сл.).

В средней части Священной дороги, против Афинской стои, на глубине 0,40 м под вымосткой были найдены остатки пяти статуй хрисэлефантинной техники, две из которых были немного меньше человеческого роста. Были найдены головы и фрагменты рук из слоновой кости различной степени сохранности, локоны, которые у двух больших статуй были из чистого золота, и большое количество орнаментов из золота и слоновой кости и части украшений, окружавших статуи. Статуи, очевидно, относились в VI в. до н. э. Их рисунок и исполнение отличаются изысканностью. Слой, где были найдены статуи, носит следы пожара и, вероятнее всего, связан с разрушением первого каменного храма Аполлона в 548 г. до н. э. Среди находок имеются 2 прекрасные бронзовые статуэтки. Одна, строгого стиля, изображала Кору в пеплосе и являлась ножной чаши, другая—пару атлетов, сделанных в стиле Поликлета (JHS, LIX, 158 сл.).

Раскопками 1939 г., которые вскрыли вымостку Священной дороги и расчистили участок между сокровищницами сифийцев и храмом Аполлона, было установлено, что

фундамент сокровищницы, с северной и южной стороны представляет собой род бастиона. Основание стены не могло быть прочным, так как под ним проходило подземное течение р. Кассотис. Здесь, на глубине 1,8 м под вымосткой, был найден камень с надписью в честь Кассандра («Fouilles de Delphes», III, 1, 218); подобная же надпись была найдена выше вымостки. Под вымосткой был найден также обломок камня с надписью не ранее IV в. н. э.; [ἀ]ναχίσων τόπος («Fouilles de Delphes», III, 2, 143). Это дает основание для новой датировки вымостки и заставляет отнести ее к христианской эпохе, тогда как раньше ее считали гораздо более ранней (АА, 1940, 188 сл.).

При продолжении раскопок храма Аполлона в 1941—45 гг. было реставрировано 6 колонн в юго-восточном углу храма. Был изучен фонтан в юго-западном углу полигональной стены, а под целлой храма были найдены остатки микенского периода. Под лестницей ниже стой афинян были найдены мелкие предметы из слоновой кости, золота и серебра, связанные с протокоринфскими черепками. Было открыто основание и внутренняя часть сокровищницы потидеян. Под ней было найдено несколько культурных слоев. В нижнем из них был коринфский сфинкс середины VI в. до н. э. (JHS, LXIV, 91).

Фермопилы

Раскопки Маринатоса пролили свет на топографию битвы 480 г. до н. э.

Была раскопана фокейская стена, восстановленная и использованная Леонидом. Она шла зигзагами вдоль холма и хорошо сохранилась. На западном конце ее была прямоугольная башня, отделявшаяся от стены узким проходом. Следы этой башни были заметны, и она неоднократно раскапывалась, так как думали, что это могила 300 спартанцев. Вероятно, на восточном конце была еще подобная же башня, которая разрушена. Геродот говорит о наличии прохода в стене, и, действительно, были найдены 2 ворот, одни из них одновременно стене и засыпаны мелким камнем. Стена первоначально была сооружена из тяжелых крупных камней, сложена в стиле циклопических сооружений, а при позднейших исправлениях использовался мягкий камень.

Был исследован соседний холм, на который греки отступили после смерти Леонида и где они были перебиты. Удалось установить место битвы 480 г. по большому количеству бронзовых и железных наконечников копий и стрел, почти все из которых относились к типу V в. до н. э. и соответствовали найденным на месте Марафонского сражения, а также в наслоениях в колодце на афинской агоре. Найден только один, вероятно, персидский, наконечник копья и одно навершие копья, вероятно, греческое.

Северная Греция

Новый Анхал (Фессалия). Раскопки 1937 г. обнаружили здесь четвертую базилику. Был открыт атриум и мозаичные полы комнат, лежавших по обеим сторонам нартекса. Фигуры птиц, животных, рыб и ваз были искусно выложены цветной мозаикой (рис. 13). Но качество мозаики, так же как архитектурных и скульптурных орнаментов этой базилики, ниже, чем у базилик V и VI вв., открытых здесь раньше. Вероятно, вновь открытая базилика была построена уже в VII в. Раскопки велись также в центре агоры, где были открыты здания, относящиеся к римской и византийской эпохам (JHS, LVII, 132—133).

В Олинфе раскопки проводились америнанскими археологами с 1928 г.

В кампанию 1938 г. было раскопано более 30 домов и установлено месторасположение большого числа новых улиц. Это дает возможность дополнить планы Олинфа, данные Робинзоном на основании прежних раскопок («Olynthus», Baltimore, 1938, vol. VIII).

Десять связанных друг с другом домов представляли обычную для Олинфа жилую секцию. Но, кроме таких секций, раскопки обнаружили большое количество отдельно стоящих домов крупных размеров. Один из наиболее значительных и лучший в архи-

тектурном отношении имел около 10 комнат. Хорошо прослеживается и планировка этого дома: андрон, рабочая комната, кладовая, кухня, ойкос, летняя комната с водоемом и др. Можно проследить различные цвета штукатурки и узоры бордюров в отдельных комнатах. Этот дом был построен до 348 г. до н. э.

Был открыт также дом из одиннадцати комнат. В нем найдено много вещей, в том числе 2 раскрашенных мраморных алтаря, терракотовая маска, статуэтка, 598 сосудов, в том числе 6 больших кратеров IV в. до н. э. с изображением сцен дионисий и пиров, скифос с изображением сидящего Триптолема и других элевсинских божеств с факелами, цистами и скипетрами (JHS, LVIII, 227 сл.).

Рис. 13. Новый Анхиал. Мозаика

В Н и к о п о л е (Эпир) продолжались раскопки большой базилики, у которой были вскрыты нартекс, атриум и часть стои перед атриумом. Базилика находилась среди Юстиниановского города, правее дороги Превеса-Янина. В нартексе вели пять дверей, из которых самой красивой и широкой была средняя. Он имел прекрасно разработанные формы и мозаичный пол, там было найдено много архитектурных фрагментов, включающих коринфские капители, взятые из римских построек. Атриум является прекрасным образцом атриумов раннехристианской базилики. Он хорошей сохранности и, в отличие от обычно встречающихся типов, имеет с обеих сторон к югу и к северу от вымощенного мрамором открытого пространства мозаичные залы с колоннами. В атриум вел прекрасный вход, по обеим сторонам которого были колонны. Всю восточную сторону атриума занимала фиала: бассейн (12×1,50 м) с кирпичным полом и глубиной больше 1,10 м. Кроме того, на полу был ряд мраморных чаш диаметром 1 м для омовения рук и ног. Они наполнялись из фialsы с помощью металлической трубки. Кроме того, по обеим сторонам фialsы были два мраморных бассейна (1,10×2,80 м), служивших, вероятно, для священного омовения (JHS, LIX, 198; AA, 1939, 254 сл.).

Македония

С а л о н и к и. При постройке дома была найдена колоссальная статуя обнаженного Августа с хламидой, а вместе с ней статуя без головы, изображающая одетого в панцирь мужа, а на ее опоре был изображен сидящий на корточках варвар. Это, вероятно, была статуя Адриана. Кроме того, была найдена, тоже безголовая, фигура задропированного в тогу юноши. Перед западной частью городской стены открыт хорошей сохранности саркофаг III в., на сторонах которого изображены амазонки (AA, 1939, 255; 1940, 254).

Раскапывался дворец императора Галерия, где были расчищены мозаичный пол и мраморные ступени. В марте 1946 г. на римской Агоре была найдена мрам-

морная римская статуя, кроме того, было раскопано много могил эллинистической и римской эпохи, а также несколько могил VI—IV вв. до н. э., содержащих золотые вещи (JHS, LXIV, 92).

К а в а л л а. Здесь были открыты два погребения с кремацией. Они содержали кости, зоду, большое количество черепков и фрагменты статуэток. Керамика относилась к архаическому периоду и включала сосуды типов, характерных для восточной Греции, Аттики, Коринфа, Лаконии, Родоса, Навкратиса и Мелоса (JHS, LVIII, 229). Раскопки святилища Богини-Девы дали множество мраморных архитектурных фрагментов, принадлежавших большой ионической колоннаде храма. Верхние слои были перемешаны, а в самых нижних найдены остатки керамических сосудов архаических стилей: лаконского, коринфского, навкратийского, североионийского, главным же образом аттических чернофигурных. Аттические краснофигурные фрагменты почти не попадались. Здесь была также архаическая терракота. Вблизи Новой Гераклисты была открыта пещера нимф. Она разделялась на 3 помещения. Второе из них—треугольное, заполненное массивными скоплениями сталактитов и сталагмитов, служило для культовых обрядов. Его пол был покрыт слоем пепла, костями животных, раковинами и черепками. Наиболее ранние из найденных фрагментов керамики относятся к круглым, сделанным от руки сосудам неолитического периода, наиболее поздние—к раннеэллинистическим. Найдены были также сидящие женские терракотовые фигурки архаического периода. Имеются надписи, посвященные нимфам. Они заставляют предполагать, что ритуальные празднества проводились в пещере (JHS, LIX, 200; AA, 1939, 256).

К а с т о р и я. Осушительные операции на озере обнаружили большую группу свайных построек восточнее Кастории, вблизи Дупиаки. Было найдено около 500 столбов. Некоторые из них были исследованы, и удалось установить, что они из кедр, который растет на холме Дупиаки. Были найдены обугленные столбы и другие свидетельства пожара. Найдены также куски обсидиана, черепки лепных сосудов, полированные каменные орудия, сверленный топор и другие вещи (JHS, LIX, 200).

В Ф и л и п п а х продолжала проводить раскопки французская школа. Весной 1938 г. раскапывалась большая эллинистическая гробница ионического ордера в Палатце. Фасад ее был украшен четырьмя пилястрами, капителями, архитравом и фронтоном. Она была построена из камня, покрытого штукатуркой, но двери с их косяками и притолками были из мрамора. Гробница датируется III в. Размеры ее 8,63×6,47 м (JHS, LVIII, 229 сл.).

В Ф е с с а л о н и к е в 1935 г. группа археологов, изучая арку Галерия, пришла к заключению, что эта арка была построена как главный вход во дворец, который традиция связывает с императором Галерием и местоположение которого до тех пор было неизвестно.

Раскопки концентрировались на прямой, проходящей через арку Галерия и церковь Св. Георгия. Непосредственно за аркой Галерия был открыт мозаичный пол. Он относился к выступу—«вестибюлю», к которому из дворца веда мраморная лестница. Из «вестибюля» через арку и соответствующий монументальный дверной проход выходил на роскошную улицу. На основании найденной керамики было установлено, что этот выступ был в VI в. разрушен. Было установлено также, что ротонда церкви, связанная прямой дорогой с аркой, представляла собой культовую постройку, а впоследствии была превращена в дворцовую церковь.

Раскопки Серапейона дали возможность детально изучить две постройки, находящиеся внутри его границ, служившие для отправления культа египетских божеств и относящиеся к позднеимскому времени. Из отдельных находок этой площади надо отметить около 35 надписей на алтарях, базах и пластинах, которые имеют большое значение для изучения истории египетского культа в Фессалонике; кроме того, найдено 10 скульптур, среди которых были Серапис, Изида, Гарпократ, Афродита Гомоноя (с надписью 182 г.) и др., Гекатейон из мрамора, посвященный рельеф с надписью «освятил работы и верхняя часть статуи священника или миста прекрасной работы римского времени.

В Агия София в Фессалонике была открыта южнее церковной стены общественная постройка IV в., имевшая длину более 56 м. На ее стене были еще заметны следы красок, сохранился один цоколь и остаток стоявшей на нем короны.

Из отдельных находок надо отметить найденную севернее Серапейона статую императора Августа, у которой не хватает только левой ноги и части руки, и хорошо сохранившийся мраморный саркофаг с изображением битвы амазонок и лежащей супружеской пары на крышке.

Недалеко от Фессалоники у Сед (аэродрома Салоник) раскапывались эллинистические гробницы. Одна из них, подземная храмовая комната, с двускатной крышей из плит, еще в древности была ограблена. У входа в нее нашли краснофигурную пелику с изображением четверки лошадей и обломки тяжелого железного меча. В другой гробнице, имевшей форму саркофага с крышкой в форме фронтонов, были найдены части золотого венка и различные подарки умершему: маленькое круглое бронзовое зеркало, пятнадцать женских глиняных статуэток и т. д.

Наиболее богатым было содержимое третьей могилы. Она была выложена и перекрыта плитами песчаника и вместе с останками умершего содержала много золотых украшений и других вещей. Там была найдена богато украшенная костяная шкатулка с рельефами, к которой, вероятно, относилась также и золотая бляха с изображением Аполлона, Деметры и Керы, кроме того, позолоченные бронзовые венки, сосуды из металла и глины, в том числе чернолаковая пиксида и скифос, куски деревянной мебели и т. д. (AA, 1940, 254 сл.).

По соседству с Веррия был открыт ряд поздних могил, на многие из которых был употреблен мрамор более ранних памятников. Там была найдена часть латинского текста из законов Публия Лициния, часть письма императора Галлерия к македонянам в 276 г., а также много мраморных рельефов, фрагментов статуй, алтарей и т. д. (JHS, LXIV, 93).

Эгейские острова

На о. Лемнос раскопки велись в Гефестии. Раскапывался театр, и была установлена история его сооружения. Первый греческий театр был построен здесь в V или IV в. до н. э. В римский период театр был перестроен, и сцена была сооружена над орхестрой старой постройки.

Продолжались раскопки святилища кабиров на северном склоне мыса в окрестностях Гефестии. Была обнаружена часть большой мостовой, стоя длиной 32,70 м и шириной 6,10 м, с низкими базами колонн, стоящими на своих местах, и угол большой постройки, возможно эллинистического храма.

Раскопки большой базы из поросового камня в этом же святилище показали, что она первоначально принадлежала более ранней постройке и поддерживала, вероятно, тетрастильный храм III—II вв. до н. э., архитектурные остатки которого найдены во время раскопок. На этом же склоне была обнаружена базилика позднеримского времени с тремя боковыми приделами, а впереди стои найдены остатки террасной стены, относящейся к этому же времени и построенной уже после разрушения стои. Среди найденной керамики было много «тирренских» фрагментов. Остатки построек и подпорной стены, в свою очередь, указывали на существование здесь двух культурных периодов: «тирренского» и «эллинистического».

Длинная надпись, найденная в непосредственном соседстве со святилищем, свидетельствует о покровительстве, оказывавшемся храму со стороны македонского царского дома и особенно Филиппа V.

Кроме того, было найдено много надписей от V до II в. до н. э., фрагменты статуи эллинистического времени, а также остатки римских и византийских построек (JHS, LX, 202 сл., LVIII, 231).

На о. Самофрака севернее Арсинои было раскопано прямоугольное здание, позднеархаической даты, построенное на месте еще более ранней постройки. Это, возможно, был Анакторий. Было найдено много остатков керамики, фрагменты желе-

ного пита, Над развалинами нижнего «старого» храма и ниже «нового» была найдена архаическая рука, держащая патеру. В самом городе было вскрыто пять раннехристианских могил и найден диск с криптограммой. Южнее старой гавани раскопана раннехристианская церковь и позднеримская постройка из блоков туфа, взятых из разрушенного здания предшествующей эпохи. В том месте, где ранее была открыта эллинистическая могила, обнаружено еще двенадцать могил. Среди найденных в них вещей интересны большие арибаллы с резными украшениями. Особо надо отметить открытую во время раскопок 1939 г. безголовую женскую статую в натуральную величину из островного мрамора, датируемую V в. (JHS, LIX, 202).

В 1939 г. на о. Н а к с о с, при раскопках насыпи была найдена керамика Кикладских и соседних мастерских, из которых самая старшая была позднегеометрического стиля, терракотовая голова льва середины VII в. до н. э., костяной голубь VII в. до н. э. и др. вещи (JHS, LXIV, 89).

На о. М е л о с, в Кондили, во время полевых работ было вскрыто 20 могил с большим количеством керамики, в том числе полихромной (JHS, LXIV, 89).

И к а р и я. Раскопки 1938—39 г. в Кампос обнаружили бедные инвентарем могилы V в. до н. э. и саркофаг III в. до н. э., в Ракхес—кладбище V—III в. до н. э., в Нао—фрагменты мраморных скульптур, архитектуры и керамика (JHS, LXIV, 89).

Крит

К н о с с. Юго-восточнее базилики была открыта небольшая площадь римского мозаичного пола (5 кв. м) периода ранней Римской империи. Центральный медальон мозаики был сильно поврежден, но по краям мозаика сохранилась хорошо. Там же найдено небольшое количество керамики, скорее всего относящейся к эллинистическому времени. Расчищен колодец, находившийся за Малым дворцом. Верхние слои его заполнены эллинистической керамикой, в нижних найдены остатки архаического пифоса. Этот колодец был в употреблении какой-то период времени между 1400 и 600 гг. до н. э. (JHS, LVIII, 232).

Наиболее интересны были раскопки на хребте Кефала (Керпав), южнее Изапаты. Там раскапывалась толосная гробница, разграбленная еще в античное время. Раскопки обнаружили остатки нескольких погребений с большим количеством костей и черепков, относящихся к позднеминойскому периоду, когда толос, видимо, употреблялся как оссуарий. От ранних погребений сохранились: бронзовый нож, шляпка гвоздя и розетка, сделанные из золота, фрагмент слоновой кости, кусок каменной формы для литья и несколько бусин. От более позднего времени дошло несколько целых или почти целых ваз. Сама гробница особенно интересна тем, что она является первым монументом Крита, который можно сравнивать с толосами греческого материка. Эта могила может быть разделена на дромос, переднюю комнату и собственно толос. Но по размерам он сильно отличается от греческих толосов; его диаметр 5,5 м, а ширина передней комнаты и дромоса только 1 м. Можно предположить, что первоначально дромос не имел стен и лишь позднее для его стен были употреблены блоки от старых построек. Очень интересной находкой является надпись, состоящая из двух минойских букв и вырезанная на южном косяке входа в толос. Внутри толоса были 4 ямы, из которых три глубокие и прямоугольные и одна мелкая, с очертаниями ванны. Стены и потолок толоса были выложены хорошо обтесанным известняком, причем камни потолка имели форму трапециевидных плит, а стены были выложены из неровных по размеру камней. Постройка толоса относится, вероятно, к тому же времени, что и последний дворец Миноса, и он продолжал быть в употреблении до самого конца позднеминойского периода.

Во время прокладки дороги от Агиос Иоаннес к Меца Ангелиас между Гераклеоном и Кноссом была найдена могила, представлявшая собой вырезанную в скале круглую комнату без дромоса и крыши. В ней найдены 59 сосудов и следы кремаки. Среди других находок были бронзовый пояс, копье, 2 железных наконечника копья, три глиняных бусины и кратер с ручками в виде козлиных голов (JHS, LIX, 203 сл.).

Интересное открытие было сделано в 1941 году во время сельскохозяйственных работ вблизи Кносса. Там была найдена маленькая гробница позднего минойского II и III периодов. Ее дромос и часть стены были снесены раньше, но погребение сохранилось. В числе инвентаря было несколько каменных ваз, вероятно, критской работы. В самом Кноссе была открыта гробница из двух квадратных комнат с дромосом обычного типа и керамикой геометрического и ориентализирующего стиля. В гробнице по обеим сторонам входа в дромос были закрыты два маленьких кувшина с дорогими украшениями. Наиболее интересными из них являются: подвеска на золотой цепочке в золотой оправе с инкрустацией из янтаря, закругленная золотая подвеска с мужскими головами на концах и с четырьмя симметрично вставленными птицами, золотая диадема с повторяющимся штампованным изображением двух человеческих фигур между двумя львами, две пары серебряных шпилек с утиными головами и ряд других предметов.

Найденные вещи можно датировать серединой VII в. до н. э., но отдельные украшения (как, например, кристаллические бусины) могут относиться и к более раннему периоду. В гробнице найдена глиняная модель жилища с плоской крышей, с очагом, окнами, вентиляционными отверстиями и двери, разрисованные концентрическими кругами. Среди найденной керамики есть яйцеобразный пифос с геометрическим орнаментом, яйцеобразный полихромный пифос, модель щита, ойнохоя, кувшины, арибалы и другие сосуды.

В 1941 г. раскопки велись на месте неисследованного дома, около Малого Дворца. Но они дошли только до эллинистического слоя. В 1939—40 гг. раскапывался большой дом в Прассах, построенный в конце среднеминойского периода, затем разрушенный землетрясением и вновь выстроенный в позднеминойском периоде. В течение 1939—40 гг. был сделан еще ряд находок, в том числе найдены: место архаического храма в Русса Эклезия, неолитический женский идол из Апонокорно, эллинистические могилы в Олюс и Истрон, место архаического храма на акрополе Гортин и др. (JHS, LXIV, 83 сл.).

Н а р а в н и н е Л а з и т и производились раскопки дома архаического и классического периодов. Среди находок была фигурка терракотового льва, датируемая, вероятно, V в. до н. э., а также маленькая терракотовая статуэтка дельфина, несущего на спине человека с ребенком на руках, изображавшая, очевидно, спасение юного Диониса морским богом.

К а р п и. Раскапывалось место большого городского поселения Карпи. Оно было расположено на вершине холма, возвышающегося на 4 000 футов над уровнем моря. Поселение на этом месте существовало с субминойского протогеометрического периода. Был раскопан алтарь со множеством фигурок богини. Немного ниже вершины была раскопана группа могил—толосов. Они представляли собой самостоятельную постройку, окруженную каменной кладкой прямоугольной формы с дромосом, направления которого были различны. Погребение производилось через крышу, а дверной проход продолжал существовать как пережиток старых форм. Другая группа толосов была раскопана южнее Вилловрийского рудника. Среди находок были фрагменты простых круглых фибул, остатки железа, вазы с геометрическим орнаментом. В одной из могил было много костей животных, в том числе коровы, лошади, олени и овцы.

Кроме того, проводились раскопки на северном склоне седловины. Там, где к седловине подходила дорога, проход между скалами был искусственно расширен, и в этом месте раскопки обнаружили группу из 5 построек, стоявших вплотную около скалы. Судя по положению и простоте плана, это были сторожевые постройки. На месте самого поселения раскопки обнаружили ряд хорошо сохранившихся улиц и фундаментов домов. Улицы были вымощены, широкие ступени облегчали подъем в гору, наклонно положенные плиты ослабляли силу потока дождевых вод. В плане дома напоминали скорее «мегарон», чем здания минойского типа. Кроме специально сложенных домов, для жилья использовались также расщелины скал с искусственно сделанным покрытием. Среди многочисленных находок были фрагменты глиняных сосудов позднего минойского протогеометрического стилей, терракота, в том числе 3 женских фигурки, фигурка лошади и голова вола. Найдено несколько очень ранних каменных ваз, фрагменты бронзы и железа и прекрасная печать из яшмы с изображением льва.

В Ахладии около Ситейа была случайно обнаружена крестьянами могила—томос киклопической кладки. Там были найдены три пифоса, один из которых, рифленный, имел крышку в форме спины быка с головой и хвостом. Кроме того, там было найдено несколько домикенских сосудов и каменная лампа (JHS, LVIII, 232 сл.; LIX, 204 сл.).

В районе Ханея в Полирении были открыты две стены конца IV в. до н. э., тянувшиеся с востока на запад, протяженностью по 60 м. Расстояние между ними было 7 м, вероятно, это были остатки длинной стои. В Ханее найдено 2 пустых саркофага из пороса, относившиеся, вероятно, к эллинистическому времени.

А г и а Т р и а д а. Здесь в 1939 г. впервые на о. Крите был обнаружен пол из расписной штукатурки. Рисунок изображал трех дельфинов и группу рыб. Он принадлежал дому позднемойнойского периода, стены которого тоже были расписаны. Сохранились остатки рисунка, имитирующего мрамор с красными и голубыми жилками (JHS, LIX, 203 сл.).

В А м н и с е раскапывались места культа. Была обнаружена большая минойская стена из пороса. Против нее стоял большой алтарь и внутри огороженного пространства еще несколько маленьких стен. Последние огораживали место, предназначенное для остатков от жертвоприношений. Сохранившийся слой богат золотом, костями и другими предметами; в том числе были найдены бронзовый треножник, безголовая статуэтка обнаженной женщины, глиняная птица, маленький щит с протомой льва, остатки ваз геометрического стиля, кусочков золота и т. д. Это место продолжало служить для целей культа и в эллинистический период, от которого дошли остатки новой стены много обожженных костей ягнят и козлят и керамика. Найденная надпись свидетельствует, что здесь поклонялись Зевсу Тенату (JHS, LIX, 205 сл.).

Кипр

В К и р о к и т и раскапывалось неолитическое поселение. Были детально изучены жилые постройки различных периодов. При этом было отмечено, что основным видом жилища продолжала оставаться круглая хижина.

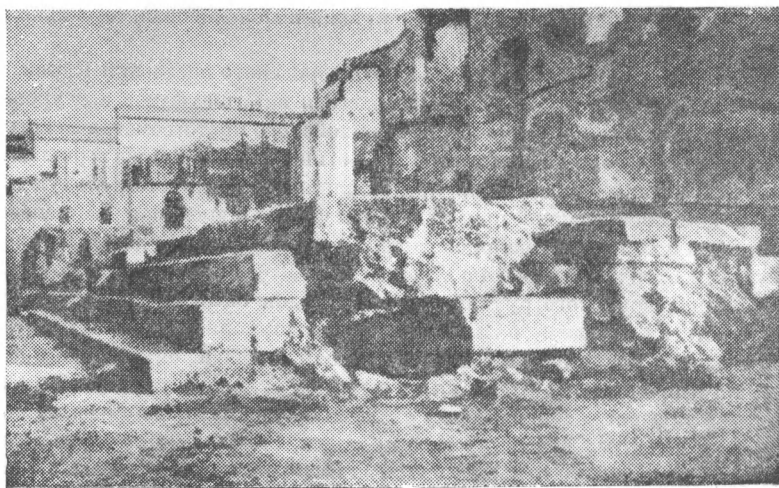

Рис. 14. Храм Аполлона в Сиракузах

Была также раскопана большая каменная стена, проходившая впереди башии на западу от которой были открыты две круглых постройки. Куполообразная крыша одной из построек в значительной степени сохранилась.

Интересен обычай жертвоприношения детей. В различных слоях было найдено более 26 детских захоронений. Все скелеты принадлежали детям не старше 1 года. Каждый лежал рядом со скелетом взрослого или над ним.

Среди отдельных находок выделялась глиняная головка человеческой фигуры, которая, если на нее посмотреть сбоку или сзади, представлялась в виде змей. Возможно, мы здесь имеем раннее свидетельство поклонения хтонической богине, атрибутом которой была змея (JHS, LIX, 208).

В К а р а м о л л о с е было открыто поселение бронзового века. Найдено большое количество медного шлака, свидетельствующее о знакомстве жителей с методами плавки руды.

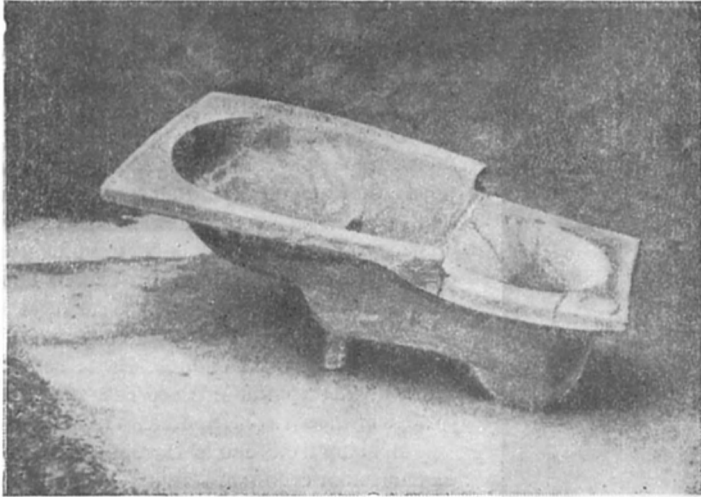

Рис. 15. Терракотовая ванна из Сиракуз

В К у р и и раскопки велись в святилище Аполлона. Открыта пятикомнатная постройка, два храма, мощеная площадь и ведущая к ней улица.

В Б а м б у л л е раскапывалась западная часть древнего поселения. Был открыт погреб с короткими туннелями, уходящими в скалу, там было найдено много керамики типа подобного найденным в Трое VI.

Там же велись раскопки большого дома V в. до н. э. Очистка глубокого колодца на вершине холма дала доказательства, что в этом месте было поселение уже в XIV в. до н. э.

Исследование некрополя дало много интересных находок. Среди них кратер позднеэлладийского периода с изображениями птиц, много золотых вещей, изделия из слоновой кости, прекрасная цилиндрическая печать из жировика, покрытого золотым листом (JHS, LIX, 208 сл).

Археологические находки в Сицилии и Великой Греции

В С и р а к у з а х продолжалась работа по расчистке храма Аполлона. Открыто 5 колонн южной части перистаса, сохранившихся до 2 м в высоту, со стилобатом и целла (рис. 14).

Большие работы продолжались вокруг К а с т е л л о Э в р и а л о. Уже около 50 лет, с некоторыми перерывами, ведутся там раскопки. Обнаружено пять башен, которые возвышались над вторым рвом. Хорошо выявилась вторая ограда города, сделанные в ней проходы и башни. В центральной части крепости обнаружен главный резервуар, куда собиралась вода по специальной системе труб.

Случайная находка могилы с краснофигурным кратером V в. до н. э., употребленным в качестве урны для пепла, заставила расширить работы по исследованию некрополя, который Орси относил к IV—III вв. до н. э. Все раскопанные могилы оказались ограбленными и интересного материала не дали. Но раскопки обнаружили остатки

большого построенного на некрополе здания ($35 \times 30 \times 23$), относящегося к концу III в. до н. э.

Присутствие очага, труб, бассейнов, вымостки, а также нескольких пифосов, амфор и глиняной ванны (рис. 15) заставляют думать, что это были купальни, хотя некоторые ученые предполагают, что здесь была красильня или кожевенное производство.

Из архитектурных фрагментов найдена колонна, карнизы, дорическая капитель и небольшой львиноголовый конец водосточной трубы. Помещение было крытым, что доказывается фрагментом упавшей черепицы, калиттеров и опайа (слуховые окна в крыше). (JHS, LIX, ч. II, 213 сл.).

В Селинунте раскапывалась большая храмовая площадь восточнее Акрополя. Там было открыто несколько культовых зданий. Барабаны колонн одного из них сохранили следы первоначальной штукатурки, а на метопах и триглифах заметны следы раскраски (красного и синего цвета). Колонны другого храма соединялись до определенной высоты стеной. Эта стена была сооружена из квадратных известняковых блоков. Была вскрыта вся площадь целлы храма, и с его северной стороны обнаружен стилобат. (JHS, LIX, II, 215 сл.).

В Марно, около Патерно, исследовалась неолитическая стоянка. Каменные орудия в виде узких изящных лезвий были, вероятно, импортными. Но разбросанные фрагменты обсидиана свидетельствуют о наличии там также и местного производства каменных орудий. Керамика очень редка, и найден только один черепок без орнамента. Рядом со стоянкой найдено несколько могил прямоугольной формы, в одной из них с покрытым красной охрой полом, было вместе положено 15 скелетов в скорченном положении, головой к северу. Посыпание дна могилы красной охрой могло быть совершено с ритуальными целями; до сих пор оно встречалось только в досикульском периоде (JHS, LIX., 216).

Рис. 16. Терракотовая статуэтка из Локр

Калабрия

Около города мамертинцев, на площади Кастелляццо, раскапывался доэллинический некрополь. Установлено существование двух ритуалов погребения:

в больших вазах, употребленных как урны для пепла, и в могилах, защищенных плитами из мягкого камня. Эти могилы с доэллинической кремацией напоминают некрополь Тиммари в Лукании. Среди вещей, найденных в некрополе, достойны особого внимания несколько бронзовых лавролистных наконечников копий, фибулы—простые и спиральные, бронзовое запястье. На этой же площади некрополь продолжал существовать в период эллинистический и, вероятно, даже римский.

Очень интересны терракотовые статуэтки типа ксоана, найденные в Персефонеоне в Локрах (рис. 16). Одна из них представляет собой женский культовый ксоан с полосом на голове и длинными локонами, спускающимися по обеим сторонам лица на плечи. Фигура ниже талии дана в форме правильного цилиндра, в нижней части которого показаны пальцы ног, как у Геры Самосской (JHS, LIX, 217 сл.).

Лукания

Работы проводились в районе Метапонта, южнее известного по старым раскопкам некрополя и недалеко от дороги, идущей от станции к храму Таволе Палатине. Был открыт погребальный гипогей из двух комнат, построенный из больших каменных блоков, на стенах его сохранились следы расписной штукатурки. В одной из комнат находилось погребальное ложе с рельефными деталями, в другой у подножья стены шел уступ из белого мела. Это мог быть вестибюль гробницы. Гипогей относится к эпохе

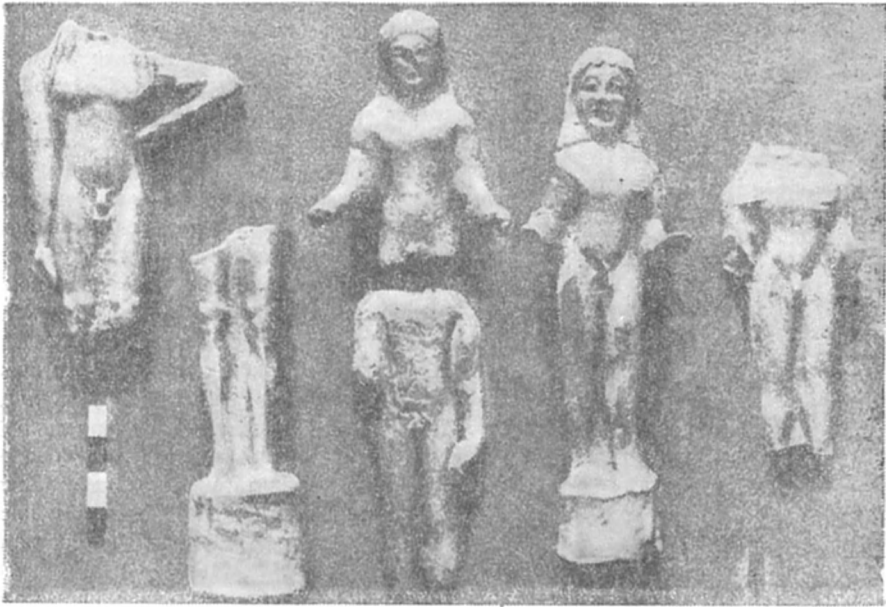

Рис. 17. Терракотовые фигурки из храма Аполлона (Метапонт)

эллинизма и является пока единственной монументальной погребальной постройкой открытой в Метапонте.

На территории некрополя найдены могилы конца IV и начала III вв. до н. э. с черепками апулийской и луканской расписной керамики, а также много эллинистических ваз без каких-либо украшений.

Но наиболее ценные находки были сделаны на площади храма Аполлона VI в. до н. э., открытого в 1937 г. Там было найдено несколько женских терракотовых фигурок с архаической формой типа дедалийского ксоана (рис. 17), общего для всего греческого мира конца VII и начала VI вв. до н. э., и несколько статуэток курсов тоже из терракоты, чисто ионийского стиля. Последние находки вновь поднимают вопрос, поставленный уже литературными источниками, — о влиянии ионийских элементов при основании городов на этой территории (JHS, LIX, II, 219 сл.).

И. Т. Кругликова

К 75-летию со дня рождения и 50-летию педагогической деятельности С. П. Кондратьева

В текущем году исполнилось 75-летие со дня рождения и 50-летие педагогической деятельности сотрудника нашего журнала Сергея Петровича Кондратьева. Полвека тому назад Сергей Петрович начал свою педагогическую деятельность в качестве преподавателя классических языков в одной из московских гимназий и с тех пор неутомимо работает на этом поприще. В отличие от большинства преподавателей Сергей Петрович никогда не замыкался в узком кругу своих педагогических обязанностей. Еще в студенческие годы он получил премию за сочинение «О дополнительных предложениях у Ксенофонта» и написал на латинском языке работу «О языке оратора Ликурга». По окончании университета Сергей Петрович был секретарем и постоянным сотрудником журнала «Филологическое обозрение» и принимал участие в журнале «Гермес».

Научные интересы юбиляра шли тогда в основном по линии педагогических исследований. Занимаясь углубленным изучением произведений, входящих в школьные программы, он составил научный комментарий к «Метаморфозам» Овидия и школьный комментарий к «*Anabasis*» Ксенофонта.

После Великой Октябрьской социалистической революции научно-педагогическая деятельность Сергея Петровича Кондратьева значительно расширилась. Начиная с 1934 г., он непрерывно работает в ведущих гуманитарных вузах столицы: в МГУ, МГПИ им. Ленина, МГПИ им. Либкнехта, участвует в методической работе Министерства высшего образования СССР. Лекции и практические

занятия Сергея Петровича всегда отличаются высоким научным уровнем и вместе с тем вполне доступны студенческой и аспирантской аудитории. Кроме того Сергей Петрович является постоянным сотрудником издательств «Academia», «Искусство» и «Советский писатель», принимает активное участие в хрестоматийных сборниках «Античная литература», «Античные поэты об искусстве», переводит «Дафниса и Хлою» Лонга, «Описание Эллады» Павсания и др. С 1943 года Сергей Петрович работает в качестве старшего научного сотрудника ИИМК АН СССР.

С основанием «Вестника древней истории» в 1937 г. Сергей Петрович является его активнейшим сотрудником. Он перевел для приложений «ВДИ» ряд важнейших исторических источников: Прокопия, Аппиана, Арриана, писал обзоры иностранных журналов и др. В настоящее время Сергей Петрович выполняет ответственную научную работу по сверке переводов античных авторов в «*Scythica et Caucasica*» Латышева.

Коллектив редакции «Вестника древней истории» желает дорогому юбиляру многих лет здоровья и плодотворной работы на поприще науки о древности.

В секторе древней истории Института истории АН СССР

Во второй половине 1946 г. члены сектора продолжали работу над большими монографиями, по темам пятилетнего плана работы сектора.

Профессор А. В. Мишулин закончил для печати свою работу над монографией в 40 печатных листов «Античная Испания до римского завоевания». В ходе работы над монографией А. В. Мишулин прочел на заседании сектора доклад «О надписи у Проккопия в «De bello Vandalico». Оживленные прения, в которых приняли участие академик В. В. Струве, профессора А. Б. Ранович, Н. Ф. Дератани и ряд других товарищей, развернулись, главным образом, по вопросу о критике традиции античных авторов и библии и методах проверки этой традиции с помощью археологических данных.

Профессор А. Б. Ранович ведет работу над монографией «История эллинизма» размером в 20 п. л., которую предполагает закончить в декабре 1947 г. В связи с этой работой А. Б. Ранович прочитал на заседании сектора доклад: «Зависимые страны в эллинистической Малой Азии».

Выступившие в прениях гг. Францов, Машкин и Мишулин единодушно отметили, что положения докладчика имеют большое принципиальное значение не только для истории эллинизма, но и для разрешения одного из основных и сложнейших вопросов истории Древнего Востока: вопроса о характере земельной собственности.

Профессор Н. А. Машкин работал над двумя вопросами своего монографического исследования: «Социальная борьба в Римской Африке в эпоху кризиса и в эпоху упадка Римской империи» и «Кризис III в. в Римской Африке». В связи с последней частью работы профессор Машкин сделал на заседании сектора доклад о проблематике вопроса и источниках его изучения. Выступившие в прениях участники заседания, в частности А. Б. Ранович, отмечали важность данного автором критического анализа теорий о характере и причинах кризиса III в. в Африке, господствующих в трудах буржуазных ученых. Профессор Ранович указал также, что основной вывод профессора Машкина о причинах неравномерности в развитии кризиса III в. в различных частях империи является правильным, но высказал ряд критических замечаний, в частности по вопросу о причинах децентрализации хозяйства империи.

Кандидат исторических наук О. И. Севастьянова заканчивала работу над первой частью своей монографии по истории социальных движений в греческих городах во время Митридатовых войн. Эта первая часть (объемом в 6 печатных листов) посвящена истории социальных движений в греческих городах Малой Азии. На заседании сектора О. И. Севастьяновой прочитаны два доклада:

- 1) «Социальная борьба в Эфесе во время 1-й Митридатовой войны».
- 2) «Эпиграфические данные о Стратонике Карийской» (надпись из Лагины). Особый интерес у слушателей вызвал вопрос об интерпретации декрета 81 г. и постановка вопроса о причинах проримской политики Стратоники во время 1-й Митридатовой войны.

Кандидат исторических наук О. Н. Юлкина прочитала доклад «Эпиграфические данные о восстании Аристоника», в котором подвергла анализу три надписи, ранее не привлекавшиеся ею в качестве источника. Выступившие в прениях гг. Ранович, Севастьянова и Мишулин отметили достоинства доклада, указав, что маловыразительные сами по себе надписи при сопоставлении их между собой и с другими источниками оказываются полезными при изучении восстания Аристоника.

Младший научный сотрудник сектора Н. М. Постовская сделала на заседании сектора сообщение о своей работе по анализу источников, современных I и II династиям древнего Египта. В настоящее время она заканчивает работу над темой «Архаические памятники, как источник для истории начальной стадии становления государства в древнем Египте», которую представляет в качестве кандидатской диссертации.

Докторант сектора П. Н. Тарков закончил свою работу и представил диссертацию на тему «Греко-эллинистический мир и Рим».

Для нового докторанта сектора С. П. Утченко утверждена тема диссертации «Политические учения в Риме в I в.». Аспирантка Т. В. Бороздина закончила свою диссертацию на тему «Греческие колонии Добруджи». Аспирант Я. А. Ленцман в основном закончил собрание материала и подготовил две первых главы своей диссертации «Торговля Делоса в III—I вв. до н. э.».

В связи с последними постановлениями ЦК ВКП(б) об усилении идеологической работы и докладом т. Жданова о журналах «Звезда» и «Ленинград» на особом заседании сектора был заслушан доклад А. В. Мишулина «Вопросы идеологической работы в области древней истории», собравший широкую аудиторию специалистов Москвы. Присутствовали в полном составе члены кафедры древней истории Московского университета, представители кафедр древней истории и классической филологии московских педагогических институтов.

Подробно остановившись на общих задачах поднятия уровня идеологической работы и задачах советских историков в этой области, А. В. Мишулин дал в своем докладе критику недостатков теоретической работы в области древней истории и наметил конкретные задачи, стоящие перед советскими историками древнего мира: усиление борьбы с буржуазными теориями в этой области, поднятие теоретического уровня наших работ, развертывание критики и самокритики и, в частности, особо отметил необходимость усиления исследовательской работы по актуальнейшим проблемам истории древнего мира: проблемам древней истории СССР, вопросам возникновения и падения рабовладельческих обществ и проблемам происхождения государства в странах древнего Востока. Особое внимание было обращено докладчиком на необходимость отделаться от эмпиризма в трудах советских историков. А. В. Мишулин указывал, что собранный учеными обильный фактический материал может двигать науку вперед только в том случае, если из него делаются глубокие принципиальные выводы, если ученый владеет методом диалектического материализма.

Доклад вызвал оживленное обсуждение. Выступившие в прениях профессора Ранович, Авдиев, Машкин, Францов и др. единодушно одобрили тезисы докладчика и выдвинули ряд предложений о методах поднятия теоретического уровня исследовательской работы. А. Б. Ранович остановился специально на вопросе об отсутствии единого плана в работе советских историков; он указал, что еще не все специалисты сознательно подходят к выбору тематики своих исследований и в результате у нас отсутствуют исторические исследования по ряду важнейших вопросов и, что особенно недопустимо, — по древнейшей истории СССР. Он обратил также внимание аудитории на положение дела в области подготовки кадров: тематика работ молодых специалистов и аспирантов выбирается без учета острейших нужд нашей исторической науки, и в результате получается такое положение, что наши учебные заведения в настоящее время очень мало готовят специалистов по истории древней Греции и Северного Причерноморья.

На вопросе о подготовке кадров остановился и Н. А. Машкин, указавший, что количество специалистов по истории древнего мира, имеющих в СССР, далеко не покрывает спроса наших высших учебных заведений.

Н. А. Машкин, Ю. П. Францов и О. Н. Юлкина особенно отмечали необходимость усиления борьбы с буржуазными теориями в области древней истории и одновременно необходимость критического освоения достижений западной науки, без чего советские историки не смогут выполнить указание товарища Сталина о том, что наша советская наука должна превзойти достижения западной науки.

В заключительном слове А. В. Мишулин указал, что обсуждение вопросов идеологической работы может оказаться плодотворным только в том случае, если все выдвинутые на заседании предложения будут претворены в жизнь.

Кроме докладов сотрудников сектора, на заседаниях сектора были заслушаны доклады академика Р. Ю. Виппера «Религия и политика, общество и государство в конце Римской империи» и Е. М. Штаерман «Политическая роль армии в кризисе III века», собравшие большую аудиторию и вызвавшие оживленные прения.

О работе кафедры древней истории МГУ в 1946 г.

Кафедра истории древнего мира Московского ордена Ленина государственного университета им. М. В. Ломоносова в начале II семестра 1945/46 учебного года занята была составлением плана научно-исследовательской работы на ближайшее пятилетие. После обсуждения ряда проектов решено было обратить внимание на разработку следующих тем:

1) история Северного Причерноморья в античную эпоху; 2) социальная история эллинизма и Римской империи; 3) история международных отношений в древнем мире; 4) история изучения древней истории в России и СССР.

Кроме того, кафедра предполагает продолжать работу над учебниками и учебными пособиями.

В течение семестра кафедра обсудила ряд научных докладов.

По истории древнего Востока Д. Г. Редер прочел обстоятельный доклад о культурных растениях в древнем Египте. Основываясь на специальных изысканиях, Д. Г. Редер дал периодизацию появления в сельском хозяйстве различных культурных растений: злаков, бобовых, плодовых деревьев и кустарников. Докладчик подчеркнул значение данного вопроса для изучения аграрной истории древнего Египта и для истории культурных связей его с другими странами древнего Востока.

Доцент Н. Н. Пикус прочел доклад на тему «Переломный период в истории эллинистического Египта в годы правления Филадельфа». Основной причиной внешнеполитического ослабления империи Лагидов при Птолемеях IV Филадельфе автор считает не личную бездарность царя, на которую указывает Полибий, а внутренний упадок Египта. При Филадельфе обостряется египетская реакция против греков и македонян, которая увлекла отчасти и самого Птолемея. Страна опустошалась туземными восстаниями (характеристику положения Египта дает отчасти Тебтунисский папирус № 703). Внутренняя эксплуатация, а не войны, была решающим фактором упадка Египта, следствием которого был отказ Птолемея IV от активной внешней политики.

Проф. А. Б. Ранович в своем докладе «Аграрные отношения в восточных провинциях Римской империи» обратил внимание на неравномерность развития восточных провинций, разнообразие форм земельной собственности и наличие нескольких общественно-экономических укладов в этой части империи. Проф. Ранович указал на пережитки общинной собственности и общинного самоуправления в восточной части империи, на роль храмового землевладения на Востоке (особенно большое значение имело оно в Египте). Для империи характерна тенденция к уравниванию; племенные и храмовые земли постепенно превращаются в городские и частновладельческие. Существенной чертой аграрной истории Римской империи является ломка старых отношений в восточных провинциях, изучение социальной истории которых опровергает мнение о неизменности социальных отношений на Востоке. В эпоху принципата начинают складываться совершенно новые отношения в виде колоната, который, по мнению докладчика, не был возвращением к старым, доэллинистическим формам, а подготавливал появление нового феодального строя; изучение колоната в восточных областях Римской империи должно помочь пониманию своеобразия восточного феодализма.

Академик Р. Ю. Виппер в своем докладе «О целях и методах изучения раннего христианства» дал большой историографический обзор по этому вопросу, особо отметив значение работ Энгельса при изучении истории раннего христианства, и, в частности, по вопросу о датировке главной части Апокалипсы. В докладе было уделено много внимания источниковедческим вопросам. Автор отметил влияние биографического жанра (биографии Агиса и Клеомена и братьев Гракхов у Плутарха) на раннехристианскую литературу и влияние иранского дуализма на христианскую догматику. Одну из своих основных задач автор видит в том, чтобы подойти к новозаветным сочинениям как к произведениям текущей литературы. Р. Ю. Виппер остановился также на социальных идеях «Пастыря» Германа, в которых, видимо, отразилось своеобразие египетского рабовладельческого права.

Специальное заседание кафедры посвящено было памяти проф. Д. Л. Крюкова,

сто лет со дня смерти которого исполнилось еще в 1945 г. Профессор Н. А. Машкин прочел доклад о жизни и деятельности Д. Л. Крюкова, одного из самых старейших русских ученых-античников. Биографические данные о Д. Л. Крюкове очень скудны, работы же его представляют большой интерес. Его диссертация о сочинении Тацита «Агрикола» стояла на уровне науки того времени. Оригинален его труд «Мысли о первоначальном различии патрициев и плебеев в религиозном отношении», изданный сначала на немецком, а потом на русском языке. Вопрос о различии религии патрициев и плебеев, не вызывающий сомнений у современных исследователей, был впервые поставлен Д. Л. Крюковым, который считал, что патриции имели религию символическую, а плебеи антропоморфическую. Он один из первых указывал на роль этрусского влияния как в области религии, так и в области военного искусства — положение, которое оспаривалось Моммзеном, а затем окончательно восторжествовало.

Оригинальные положения высказал Крюков о времени появления сочинений Квинта Курция Руфа, о характере сочинений Тацита. На основании рукописи, хранящейся ныне в Государственном историческом музее, Н. А. Машкин охарактеризовал общий курс Д. Л. Крюкова. Он был читан в 1838—1845 гг. и является первым оригинальным курсом по древней истории, составленным на основании источников и современной литературы. По словам современников, «его лекции оказали влияние на целое поколение».

Сотрудник Государственного исторического музея М. Ю. Барановская поделилась итогами своей работы над биографией Крюкова. Она указала на близость Д. Л. Крюкова к Грановскому и его прогрессивную роль в вопросах университетского преподавания. Можно считать доказанным, что Крюков был автором одного нелегального стихотворения, посвященного декабристам.

Наряду с исследовательскими докладами на кафедре делались критико-библиографические обзоры. Два таких доклада прочитал И. С. Кацнельсон. Первый доклад посвящен был разбору монографии Б. Б. Пиотровского «Урарту», второй касался брошюр сотрудницы Музея изобразительных искусств Лосевой «Искусство древней Месопотамии» и профессора Павлова «Искусство древнего Египта».

Проф. А. Б. Ранович для студентов III и IV курсов вел семинарий на тему «Политические теории эпохи эллинизма»; семинарий проф. К. К. Зельина был посвящен социальной борьбе в Греции в V и IV вв. до н. э.; проф. Н. А. Машкина — внутренней и внешней политике Римской империи в эпоху Юлиев-Клавдиев; кроме того проф. Н. А. Машкин вел для студентов II курса, специализирующихся по древней истории, семинарий по двум темам: а) римская культура эпохи Цицерона; б) принципат Августа.

Большое внимание уделялось кафедрой преподаванию вспомогательных дисциплин. Проф. А. Б. Ранович вел занятия по греческой эпиграфике, а К. К. Зельин — по папирологии. По кафедре древней истории окончили три студента; под руководством кафедры работало пять аспирантов.

В начале I семестра 1946—47 г. кафедра пересмотрела план научно-исследовательской работы в связи с решениями ЦК ВКП(б) о работе на идеологическом фронте и решила обратить большее внимание на разработку тем методологического характера; усилить работу по изучению истории территории СССР в античную эпоху; систематически ставить критические доклады о литературе, выходящей у нас и за рубежом. В связи с этим был заслушан специальный доклад проф. А. В. Мишулина, посвященный вопросам идеологической работы в области древней истории. Утверждены следующие темы аспирантов, оканчивающих аспирантуру в текущем и в следующем учебном году: М. Ю. Уманский — «Экономика и внешняя политика государства Урарту»; Н. И. Голубцова — «События 410 г. н. э. в оценке современников»; О. В. Кудрявцев — «Социальные движения в восточных провинциях Римской империи при последних Антонинах»; Е. С. Голубцова — «Римская политика в Северном Причерноморье в конце республики и начале империи».

Е. Голубцова

Памяти Д. Н. Эдинга

30 декабря 1946 г. после продолжительной тяжелой болезни скончался один из старейших сотрудников Государственного исторического музея профессор Дмитрий Николаевич Эдинг, проработавший в Музее 28 лет.

Д. Н. Эдинг родился в Ростове-Ярославском в 1887 г. Свое образование он получил в Московском археологическом институте и в Московском университете, который окончил по естественному отделению физико-математического факультета. Археологическую работу начал под руководством профессора В. А. Городцова в 1911 г. В 1914 г. он был избран членом-корреспондентом Московского археологического общества. В 1918 г. поступил в Государственный исторический музей, где работал до своей смерти. В 1924—1929 гг. назначен действительным членом Московского отделения Государственной академии истории материальной культуры и сотрудником Института этнических и национальных культур народов Востока.

К первому периоду деятельности Д. Н. Эдинга относятся раскопки Уницкой стоянки Ростовского района Ярославской области и Сарского городища, вошедших в основной фонд славянской археологии, без привлечения которых немислимо изучение древнейшей истории северных славянских племен. Начиная с 1926 г., он отдается археологическому изучению Урала, где им исследованы Кировоградский и Горбуновский торфяники, из которых последний прочно вошел в историю археологических открытий как образцово раскопанный памятник, обогативший Государственный исторический музей, Тагильский и Молотовский музеи рядом первоклассных экспонатов. Эти находки открыли блестящую страницу высокой художественной культуры древних обитателей Урала, а сам Горбуновский торфяник стал основным памятником при изучении бронзовой эпохи Урала.

Часть исследований Д. Н. была опубликована в «Материалах и исследованиях по археологии СССР» № 1, а художественные памятники, полученные в результате многолетних раскопок, — в книге «Резная скульптура Урала», изданной Государственным историческим музеем. Эти исследования явились фундаментальным вкладом в историю культуры народов нашего севера и, несомненно, занимают одно из первых мест по истории звериного стиля в искусствоведческой литературе. Будучи широко образованным человеком, Д. Н. Эдинг занимался и рядом других вопросов, к числу которых относятся исследования, связанные с проблемой этногенеза славян и псевдоготской культуры северного Причерноморья, написанные в дни Великой Отечественной войны.

Нельзя пройти мимо его большой работы по эвакуации коллекций Государственного исторического музея, всю тяжесть которой он вынес на своих плечах.

В лице Дмитрия Николаевича советская наука потеряла крупного исследователя и блестящего знатока археологии Урала.

А. П. Смирнов

НАРОДНЫЕ ВОЛНЕНИЯ В РИМЕ ПОСЛЕ УБИЙСТВА ЮЛИЯ ЦЕЗАРЯ

(*Март — апрель 44 г. до н. э.*)¹.

Заговор против Юлия Цезаря, убийство диктатора и последующие события издавна привлекали внимание многих исследователей древней истории. Однако изучение событий было весьма односторонним: тщательно рассматривались внешние события, связанные с действиями выдающихся личностей и правящих кругов и игнорировалось отношение к этим лицам и их действиям низов римского общества. В современной буржуазной историографии в истории времени до и после 44 г. до н. э. господствует биографический жанр. Например, в таких работах как Walter G é r a r d, *Brutus et la fin de la république*, 1938, Herbert E u l e n b e r g, *Cicéron*, 1935, Gelzer, *Caesar und Augustus*, 1922, H a s k e l l, *This was Cicero*, 1942, J u s t i n u s C l a s s, *Cicero und Caesar*, 1939, A n n a G l a u n i n g, *Die Anhängerschaft des Antonius und Octavian*, 1936,—личность показана вне связи с современными ей событиями.

В ряде случаев авторы, как, например, Хаскел² ограничиваются лишь глухим упоминанием о волнениях плебса, или видят в них не более как мятеж, а в их участниках—банду мятежников и авантюристов³. Подобная точка зрения совершенно недопустима, тем более, что эти волнения упоминаются в ряде источников. Данные о них можно найти у Аппиана, Кассия Диона, Цицерона и Николая Дамасского.

Сопоставление отдельных известий различных древних писателей дает картину самостоятельного выступления римского плебса на фоне той борьбы за власть, которая происходила между различными группировками правящего класса. Более того, в борьбу, которая происходила между цезарянинами и республиканцами после смерти Цезаря, народ вступил как третья сила, в значительной степени определившая дальнейший ход событий: его выступление повлияло и на поведение заговорщиков и сочувствующего им сената и на позицию главарей цезарианцев.

В состав населения города Рима в это время входила значительная часть ветеранов и легионариев Цезаря, его клиентов, вольноотпущенников и бывших провинциалов. Вся эта масса отнеслась к заговорщикам холодно, даже враждебно: замкнутая группа видных сенаторов-заговорщиков не внушала ей доверия; ветераны, получившие земли от Цезаря, боялись их потерять, а ожидающие наделов стояли перед угрозой отмены распоряжений полководца.

Поводом для открытого проявления раздражения послужило завещание Цезаря. Народ был возмущен тем, что в числе наследников был убийца Цезаря—Деций Брут; в то же время польщен тем, что ему, народу, даровались сады и денежные награды. С этого момента, вероятно, начинается идеализация Цезаря народом. Надгробная

¹ Глава из кандидатской диссертации, защищенной в марте 1941 г.

² H a s k e l l, *This was Cicero*, 1942, стр. 323—324

³ Ф е р р е р о, *Величие и падение Рима*, т. III, стр. 26, 28, 33, 34.

речь Антония еще более разожгла ненависть к заговорщикам; толпа бросилась к убийцам и упрекала сенаторов в том, что они позволили убить Цезаря (Dio, XLIV, 50). Затем тело Цезаря попало во власть толпы, которая сама хотела оказать ему почести погребения. Народ хотел сжечь его в храме на Капитолии и этим как бы возродить его среди богов (App., b. c., II, 148), чему, однако, помешали жрецы и солдаты, поставленные для охраны порядка. Тогда прах Цезаря был положен на форуме и сожжен на импровизированном погребальном костре, составленном из скамеек и других деревянных предметов, бывших под рукой. Приверженцы официальной религии не признали законность этих похорон: Цицерон называл этот акт беспогребальным погребением (Cic. Phil., I, 2; *insepultam sepulturam effecerant*), и сожжение Цезаря полусожжением (Cic. Phil. II, 36). Но этот обряд приблизил образ Цезаря к народу, так как толпа как бы по ее самой установленным законам совершила его погребение. В своей экзальтации она готова была вместе с Цезарем сжечь весь Рим, и многие окружающие здания пострадали бы, если бы тому не помешали солдаты и консулы, сбросившие с Капитолия наиболее мятежных. Однако эта расправа не охладила пыла и не остановила волнения народа; наоборот, с этого момента начались народные беспорядки. О них известно, главным образом, из Кассия Диона и Аппиана. У Аппиана дана неверная последовательность событий: у него сначала описываются волнение толпы и поджог домов, а лишь затем погребение Цезаря. У Кассия Диона последовательность событий обратная и более верная, что подтверждается и другими источниками—как Николаем Дамасским,¹ так и Плутархом.

Ход событий таков: после сожжения праха Цезаря народ хотел расправиться с убийцами, их искали по всему городу, но они в страхе тайно бежали из Рима (App., ib., II, 148). Тогда толпа с факелами бросилась к домам заговорщиков, чтобы их поджечь (App., ib.), по дороге встретила и растерзала трибуна Гельвеция Цинну, ошибочно приняв его за претора Цинну, который на следующий день после убийства Цезаря отрекся от него. Эти беспорядки были настолько большими, что Антоний вынужден был прибегнуть к расправе. Эти народные волнения в день похорон были стихийным проявлением мести убийцам за Цезаря, который после смерти сделался в глазах толпы ее защитником. Помимо этого, беспорядки имели еще и другую сторону: они были направлены против домовладельцев и ростовщиков и в этом смысле являлись продолжением народных волнений времен Целия Руфа и Долабеллы. Аппиан пишет, что люди толпы желали не только сжечь дома заговорщиков, но «хотели поджечь дома и других римлян, и лишь с трудом удалось удержать их от этого поджога, причем домовладельцы защищались, а их соседи упраскивали воздержаться от поджога. Тем не менее, толпа угрожала, что на следующий день она придет с оружием в руках» (App. ib., II, 147).

Вероятнее всего, это были доходные дома владельцев, сдающих квартиры плебсу. Источники не сообщают имен этих домовладельцев, только Цицерон во второй филиппике, обращаясь к Антонию, случайно проронил имя Беллиена: «Ты, ты, говорю я, зажг эти факелы, и те, которыми тот был полусожжен, и те, от которых сгорел дом Беллиена» (Cic. Phil., II, 36). Это имя почти неизвестно; есть только одно известие: на Делосе была найдена статуя с именем C. Bellienus C. f.; на одной стороне ее написано *πρεσβυτης*, на другой—*στρατηγος ανδρικος*; относится она ко времени Цицерона. Статуя Беллиену была поставлена купцами, из чего следует, что этот человек был с ними как-то связан.

В беспорядках принимали большое участие вольноотпущенники и рабы. Цицерон говорит Антонию: «Ты натравил на наши дома тех негодных людей, рабов по большей части, которых мы отражали силою рук» (Cic. Phil., II, 36). Угроза толпы пойти с оружием на дома, о которой сообщает Аппиан, а особенно слова Цицерона об обороне от рабов «силою рук», говорят об остроте волнений, о настоящих нападениях на дома сенаторов и ростовщиков. Возможно, что именно в это время зародились планы избиения

¹ Müller, FHG III, стр. 427—456.

сената, о которых вскользь сообщает Валерий Максим (IX, 15, 1). Однако действительность волнений в первые дни после убийства Цезаря в значительной степени унаследовала их стихийностью и тем, что у толпы не было никакого вождя «ἡγεμόνους μηδένος», как говорит Николай Дамасский. Тем не менее они продолжались и в следующие дни после 20 марта (вероятная дата похорон), когда вновь были осаждены дома заговорщиков (App., ib, III, 15). Последние сидели взаперти, выдерживая осаду.

Страхом перед народным восстанием было охвачено все высшее общество. Антоний, из опасения, как бы не вспыхнуло восстание (Dio, XLIV, 51), без промедления отправил в колонии тех, кому Цезарь обещал земли. Затем он, который вначале не признавал Долабеллу консулом, решил из-за того же страха перед восстанием признать его своим коллегой (Dio, XLIV, 53). Однако Долабелла нигде не показывался, боясь участия Цинны за свои хвалебные речи убийцам. Кассий Дион сообщает любопытный эпизод: известный народный трибун Гай Каска, который не был в числе заговорщиков, но видел, как погиб Цинна вследствие сходства имени с одним из убийц, велел написать по всему городу объявления, в которых просил не путать его с убийцей Сервием Каской и объяснял различие их настроений (Dio, XLIV, 52). Во время волнений сторонники двух противоположных лагерей—цезарианцы и сенаторы-республиканцы, с одинаковой поспешностью покидали Рим. Чтобы умирить волнения Антоний всем, кроме солдат (вероятно, тех, которые должны были охранять порядок), запрещает носить оружие. Страх перед народным восстанием на время сближает противников: Антоний идет на соглашение с оппозиционной частью сената. Для примирения со знатью он объявляет об уничтожении диктатуры навсегда. Но совместные действия Антония и сената оказались бессильными перед народными волнениями, которые не только не прекратились, но даже получили вождя в лице Герофила. Этот эпизод свидетельствует о том, что движение народных низов далеко еще не было окончательно подавлено, мажор того, оно в состоянии было принять весьма грозные формы.

Герофил (он же Марий и Аматион) становится во главе народного волнения в начале апреля. К сожалению, известия источников о нем очень немногочисленны. Это небольшой отрывок у Николая Дамасского, несколько писем Цицерона, несколько указаний в его первых филиппиках и немногие строки Валерия Максима и Аппиана. Однако, учитывая все эти данные, можно составить представление о Герофиле и характере возглавляемого им движения.

Вопрос о происхождении Герофила разрешается источниками неодинаково. Валерий Максим пишет, что Герофил был ветеринарным врачом (equarius medicus). Цицерон же произнес следующее по поводу Герофила: «Спустя несколько дней сенат был освобожден от опасности избиения: петля была надета на шею этого беглого раба, который присвоил имя Г. Мария» (uncus impactus est fugitivo illi, qui in C. Marii nomen invaserat, C i s., Phil., I, 2). У Аппиана тот же Герофил называется Аматием.

Герофил при жизни Цезаря присвоил себе имя Мария, объявив себя внуком знаменитого полководца, который был очень популярен в народе. Он добивался официального признания своего имени и принятия в род Мария, о чем он ходатайствовал перед родственниками Цезаря, перед Октавием и Цицероном. Николай Дамасский (op. cit., фрагм. XIV) так передает этот эпизод: Октавий, получив разрешение у Цезаря повидать свою мать, отправился в Рим. Когда он был около города на Яникульском холме, с ним встретился с большой толпой людей «так называемый сын Гая Мария, старавшийся быть записанным в этот род. «Граждане, бывшие с ним, пытались уговорить Октавия признать его сыном Мария. Октавий считал крайне неудобным оттолкнуть эту толпу, и, кроме того, этого человека столь уважаемого. Но он очень удачно вышел из затруднения, отправив Герофила к Цезарю, как к главе их рода и всей римской державы, сказав, что, если Цезарь его признает, тогда пусть он явится к нему». О таком же случае писал Цицерон Аттику в июне 45 г.: «Вчера, немного спустя после того, как ты ушел, какие-то, повидимому, граждане, принесли мне поручение и письмо от Г. Мария, сына Гая, внука Гая. Усиленно он просил меня во имя родства, которое у меня с ним есть, во имя того Мария, о котором я писал, во имя красноречия его деда М. Красса, чтобы я его защитил. И он описал мне свое судебное дело. Я ответил, что ему нет

надобности в каком-либо защитнике, потому что вся власть в руках Цезаря, его родственника, человека превосходнейшего и снисходительнейшего, но что я по силе возможности окажу ему содействие» (Cic., ad Att., XII, 49.)».

Из сообщения Николая Дамасского о том, что этот самозванец был окружен толпой граждан, которые просили признать Герофила внуком Мария, и из того, что также граждане пришли к Цицерону просить за него, можно заключить, что Герофил, очевидно, был не рабом, а скорее вольноотпущенником или даже свободным. Это подтверждается сообщением Аппиана о том, что Антоний, казнив его без суда, совершил крупное нарушение закона (App., ib., III, 3). Герофил завоевал большой авторитет среди граждан, вероятно, среди плебеев, членов коллегий и даже в муниципиях, о чем сообщает Валерий Максим: «Герофил, ветеринарный врач, приобрел такое уважение, называя себя внуком Г. Мария, бывшего семь раз консулом, что многие колонии ветеранов и крупные муниципии и почти все коллегии признали его своим патроном. Когда Цезарь, после поражения молодого Гнея Помпея в Испании, открыл свои сады народу, этот Герофил, отделенный от него лишь проходом между колоннами, был приветствуем с таким же рвением. Но если бы божественные силы Цезаря не пошли против этой бурной настойчивости, которая должна была вызвать краску стыда у всякого, то республика получила бы такую же рану, как тогда, когда он был приставлен при табуне» (Val. Max., IX, 15, I).

Это пребывание Герофила в Италии и в Риме, судя по Валерию Максиму, относится еще ко времени существования коллегий, так как Герофил завоевал настолько большой авторитет в Италии, что коллегии признали его своим патроном. Вследствие этого Цезарь специальным декретом выслал Герофила не только из города Рима, но вообще из Италии (Val. Max., IX, 15, I). Своей популярностью среди низших слоев населения Герофил был опасен Цезарю. Быть может, это послужило поводом Цезарю для закрытия коллегий, ибо объединение их около единого вождя могло свидетельствовать о каком-то назревшем движении.

После смерти Цезаря Герофил, услышав о мятежном настроении римского народа, вновь появляется в Риме; о его планах сообщает Валерий Максим: «Когда Цезарь был взят на небо, он (Герофил) вернулся в город и поддерживал решение перебить весь сенат» (*et consilium interficiendi senatus capere sustinuit*; Val. Max., IX, 15,1). Это же подтверждает и Цицерон, когда он говорит, что казнью Герофила «сенат был освобожден от опасности избиения» (Cic., Phil., I,2). Однако избиение сената не было предложено самим Герофилом. Валерий Максим пишет, что он поддержал это решение (*sustinuit*), откуда следует, что решение было принято народом до него. Это говорит о том, насколько далеко зашло народное волнение ко времени появления Герофила.

К стремлению перебить весь сенат присоединилась месть за Цезаря его убийцам, вернее это был лозунг, под которым было удобнее всего расправиться с сенатом. Эту опасность понимали сами заговорщики: Децим Брут, например, пишет Марку Бруту и Кассию: «В каком мы положении, вы сами знаете. Вчера у меня был Герутий. Он рассказал о намерениях Антония: не может быть ничего худшего и более неопределенного—он сказал, что не может мне дать провинцию и что никому из нас не безопасно быть в Риме, потому что солдаты и плебс сильно возбуждены» (Cic., ad fam., XI, 1). Цицерон, как бы вторя ему, пишет, что «Брут и Кассий не герои, а боги в будущем... встречают сейчас ненависть и опасность» (Cic., ad Att., XIV, 11). Герофил и его сторонники пытались устроить засаду Бруту и Кассию, которые были тогда преторами, но в дело вмешался Антоний, арестовав Герофила (App., ib., III, 3). Следует заметить, что расправы с убийцами хотели не только солдаты и ветераны, бывшие в Риме, но также солдаты, находившиеся в провинциях. По этому поводу Цицерон в это время пишет Аттику, что из Галлии на Рим идут легионы, настроенные против заговорщиков, и что так же, видимо, настроены и испанские легионы (Cic., ad Att., XIV, 5). В том же письме он пишет: «Ты видишь магистратов, которые являются приспешниками тирана, такое же войско и ветеранов у нас под боком. Все это может взорваться!».

Движение Герофила, кроме того, отличалось своеобразной религиозной окраской. Оно проходило под знаком обожествления Цезаря. Этому много способствовал еще сам Цезарь, который заставлял воздавать себе божеские почести и ставить свои изображения в храмах. Рим в это время, по меткому определению Квинта Цицерона, представлял собой стечение всех народов (*Cic., de pet. cons., XIV, 54*). Здесь было много иностранцев, в том числе много людей с Востока, которые привыкли называть своего царя богом и оказывать ему божеские почести. Восточная культура и элементы восточной религии в то время уже оказывали значительное влияние на римское общество. Поэтому нет ничего удивительного в том, что Цезарь после своей смерти был причислен к сонму богов «не только устами лиц, сделавших такое постановление, но и внутренним убеждением простого народа» (*Suet., Div. Jul., 88*). Простой народ, вольноотпущенники, рабы были убеждены в божественности Цезаря. Источники сообщают, что на месте сожжения Цезаря ему был сооружен алтарь. Кассий Дион пишет: «На месте костра воздвигли алтарь (кости были взяты вольноотпущенниками Цезаря и положены на памятник его отцов), там намеренно совершали религиозные обряды и приносили жертвы Цезарю, как богу» (*Dio, XLIV, 51*). Алпиан называет Герофила инициатором сооружения алтаря: «Аматий выражал чрезмерную скорбь по поводу его смерти: он соорудил алтарь на месте сожжения Цезаря» (*App., ib., III, 2*). Светоний рассказывает, что на форуме впоследствии была воздвигнута колонна нумидийского мрамора в 20 футов высотой с надписью: «отцу отечества». У этой колонны народ «еще много времени спустя ревностно совершал жертвоприношения, давая обеты и улаживая тяжбы, принося клятвы именем Цезаря» (*Suet., Div. Jul., 85*).

Это почитание Цезаря, принесение ему жертв на специально воздвигнутом алтаре, был, таким образом, введен народом. Цицерон называл этот культ безбожным и нечестивым. Этот своеобразный религиозный характер движения Герофила наносил, таким образом, ущерб официальной римской религии.

В составе участников движения Герофила Цицерон называет рабов и вольноотпущенников (*Cic., Phil., I, 2*). Последним он придает особенно большое значение: «Если бы Антоний почувствовал необходимость правильного пути, то заговор вольноотпущенников был бы легко подавлен» (*Cic., ad Att., XIV, 5*). Вольноотпущенников упоминает и Кассий Дион (*XLIV, 51*). В волнениях принимали участие также ветераны Цезаря, которые более всего были заинтересованы в мщении заговорщикам. Свободных граждан, как сообщников Герофила, называют Николай Дамасский (*XIV*), Цицерон (*Cic., ad Att., XII, 49, Phil., I, 2*). Светоний сообщает, что во время беспорядков после убийства Цезаря возродились коллегии (*Suet., Div. Aug., 32*), которые, вероятно, и приняли участие в волнениях. Таким образом, участниками движения были рабы, вольноотпущенники, ветераны и свободные—члены коллегий. Руководящая роль, весьма возможно, принадлежала вольноотпущенникам. Гладиаторы в движении не принимали участия, так как были подкуплены заговорщиками.

Народные волнения в Риме, связанные с именем Герофила, терроризовали все высшее общество, а особенно заговорщиков. Многие сенаторы бежали из Рима, чтобы укрыться в своих виллах. Заговорщики также готовились бежать. В это время Деций Брут пишет Марку Бруту и Кассию: «Так как мы находимся в таких стесненных обстоятельствах, мне кажется, что следует для меня и всех нас просить почетного назначения, чтобы иметь приличную причину для отъезда. Но я не верю тому, что это возможно: таковы человеческое высокомерие и гонения на нас. Но, если и дадут то, что мы просим, то спустя немного времени нас объявят врагами и изгнанниками. А каков мой план?—все предоставить судьбе. Нужно уйти из Италии, уехать на Родос или в какое-нибудь другое место. Если положение улучшится—вернемся в Рим, если оно будет посредственным—проживем в изгнании, если будет очень плохим—прибегнем к крайним средствам» (*Cic., ad fam., XI, 1*).

В это же время Цицерон, считая свое пребывание в Риме опасным, отправился в деревню, где он с нетерпением ждал от Аттика сведений о Герофиле: «Я жду известий о Марии, я думаю, что он был выслан Цезарем» (*Cic., ad Att., XIV, 6*),—пишет он нанануне апрельских ид и 15 апреля: «Я видел Павла. Он мне говорил о Марии и

республике самое худшее» (Cic., ad Att., XIV, 7). В том же письме он сообщает Аттику, что Брута видели вблизи Ланувия, а Требоний, по его словам, отправился в свою провинцию окольными дорогами (*itineribus deviis*).

Так в очень короткое время, буквально в несколько дней, Герофил сумел выгнать из Рима наиболее видных заговорщиков, а других так запугать, что они готовы были отказаться от всех своих «заслуг» и пойти на переговоры с Антонием; последнее одобрял даже Цицерон: «Беседа Антония с нашими героями при создавшемся положении—дело величайшее» (Cic., ad Att., XIV, 6). Он торопил сенат и Антония прибегнуть к решительным мерам для расправы с Герофилом (Cic., ad Att., XIV, 5—6). Наконец, Антоний, боясь явного народного восстания, арестовал Герофила накануне апрельских ид, 12 апреля, и без судебного разбирательства казнил (App., *ib.*, III, 3). С точки зрения римских законов Антоний совершил почти такое же беззаконие, за которое в свое время пострадал Цицерон, расправившийся с катилинарцами. Однако на это никто не обратил внимания. По словам Аппиана, «сенат, смотря на такое дело, как на крупное нарушение закона, однако с удовольствием извлекал из него то, что ему полезно: сенаторы думали, что без этого смелого шага не удастся добиться устойчивого положения в деле Брута и Кассия» (*ib.*).

После казни Герофила заговорщики, казалось, свободно вздохнули. Тотчас же посыпались похвалы Антонию: «Относительно Мария—это хорошо, писал Цицерон,—...наш Брут весьма одобряет Антония» (Cic., ad Att., XIV, 8). Но радость была все же преждевременной. Неожиданная казнь вождя не прекратила полностью народное волнение. Народ, как сообщает Аппиан (App., *ib.*, 111, 3), занял форум и, негодуя на Антония, требовал от магистратов, чтобы они вместо Амата посвятили алтарь и принесли жертвы Цезарю. Для восстановления порядка Антоний выслал солдат, но это не помогло. Толпа возмущалась тем, что были убраны статуи Цезаря. Когда ей показали мастерскую, где эти статуи переделывались, она ее подожгла. Антоний вынужден был послать дополнительный отряд солдат, в результате чего произошло столкновение: одни из толпы были убиты, другие—схвачены. Расправа Антония была суровой: рабы были распяты, а свободные сброшены со скалы.

Однако и эти меры не нанесли разрядки обстановке; положение в Риме оставалось напряженным. Пребывание Брута и Кассия в городе было невозможно; поэтому под благовидным предлогом закупки хлеба Антоний удалил их из Рима. Союз Антония и республиканцев продолжался: Антоний даже поднимал вопрос о переговорах с Секстом Помпеем. Цезарианцы так же, как и заговорщики, боялись оставаться в Риме и отправились в деревню. О некоторых из них упоминает Цицерон, в письме из Путеол: «Здесь со мной Бальб, Гирций, Панса» (Cic., ad Att., XIV, 11). Сам Цицерон, подавленный народными волнениями, опять впал в пессимизм: «Боясь,—писал он,—что мартовские иды ничего нам не дали, кроме радости и чувства мести... О, прекрасное дело, но бесполезное» (Cic., ad Att., XIV, 12). Солдаты и ветераны Цезаря не давали покоя сенаторам: «Кто смел не притти в сенат в дни либералий? А когда мы пришли, могли ли мы высказывать свое мнение?,—писал Цицерон,—неужели там нужно было защищать вооруженных ветеранов, тогда как сами мы защиты не имели» (Cic., ad Att., XIV, 14).

Народные беспорядки, тем не менее, продолжались. Атик писал Цицерону о разграблении храма Опы. Беспорядки продолжались со дня казни Герофила до конца апреля, т. е. еще целых полмесяца. Видимо, только в последних числах апреля Долабелла окончательно расправился с ними, так как Цицерон пишет в своих письмах об этом в начале мая. Дальнейшая расправа производилась Долабеллой. Он разрушил колонну, а место, где она стояла, приказал замостить. Вновь масса рабов была распята, а свободные сброшены со скалы. Восторгу сенаторов не было предела: «О, мой замечательный Долабелла!,—писал Цицерон Аттику,—теперь я называю его моим, а раньше, верь мне, я сомневался. Теперь можно будет смотреть широко открытыми глазами; свержение со скалы, распятие на кресте, уничтожение колонны и даже места, где она была. Что еще можешь желать? Все это героично. Мне кажется, что он уничтожил притворство любви к Цезарю, которое все время проскальзывало и которое, я боялся, могло быть опасным для наших тираноубийц» (Cic., ad Att., XIV, 15). О том же он вспоминает

и в сентябре: «Когда у нас в городе распространилось это бесконечное зло и со дня на день разрасталось все шире и шире, те самые люди, которые сделали на форуме костер и совершили это непогребальное погребение, каждый день эти потерянные люди с рабами, им подобными, угрожали домам и храмам нашего города. Столь велико было наваждение, совершенное Долабеллой по отношению к нечистым свободным и безбожным людям: он совершенно разрушил эту проклятую колонну, и мне кажется удивительным, как ему удалось ее навсегда ликвидировать» (Cic., Phil., I, 2).

Окончательное подавление волнений более всего обрадовало республиканцев. Цицерон писал Долабелле, что к нему ежедневно приходили благонамеренные люди с поздравлениями, так как они считали его вдохновителем этой расправы (Cic., ad fam., IX, 14). Однако более дальновидные цезарианцы, вероятно, боялись, что эта расправа приведет к еще более сильной вспышке мятежа. Недаром Цицерон говорил Антонию: «Когда тебе донесли об этом, то, как это знают бывшие с тобой, ты обомлел» (Cic., Phil., II, 42). Панса же очень неодобрительно отнесся к поступку Долабеллы (Cic., ad Att., XIV, 19).

Однако беспокойства были неосновательны; волнение, которое длилось полтора месяца, на этот раз было окончательно подавлено.

Главной отличительной чертой народного движения после убийства Цезаря было то, что народ выступал совершенно самостоятельно и на некоторое время имел своего вождя—Герофила. Однако движение возникло и проходило стихийно, казалось, оно не имело ни целей, ни смысла. Все же среди этой стихийности ясно выявились следующие моменты:

1) Поджоги домов, грабеж торговцев придавали волнениям характер борьбы против владельцев доходных домов и ростовщиков-торговцев, характер борьбы с римской плутократией, что, по существу, являлось продолжением прежнего движения за уничтожение долгов и квартирной задолженности. Только на этот раз борьба проходила под знаком мести убийцам Цезаря, причем большое значение имели солдаты и ветераны, отстаивавшие свои права на земельные владения.

2) В волнениях участвовали самые низшие слои римского населения: вольноотпущенники, рабы, ветераны Цезаря, ремесленники, члены возродившихся коллегий.

3) Продолжительность волнений была довольно значительной, если приваить во внимание их неподготовленность и неорганизованность. Они длились почти два месяца—с 15 марта до начала мая.

4) Еще одной отличительной чертой волнений была их религиозная окраска: они проходили под знаком почитания и обожествления Цезаря, в чем сказались влияние восточных религий, которым были особенно заражены низшие слои римского населения. Но и в этом движении было оригинальным, так как масса настойчиво вносила свой культ в официальную римскую религию. Движение было демократичным и по своему составу и целям.

Эти волнения сыграли большую роль в разворачивании дальнейших событий: господствующий класс римского общества, напуганный волнениями, еще острее осознал необходимость новых методов правления для сохранения власти. Это дало направление всей дальнейшей борьбе за власть, независимо от того, кто в ней имел в дальнейшем временный успех: вожди сенатской аристократии или главари цезарианцев.

Г. А. Цветаева

НАЧАЛЬНАЯ СТАДИЯ РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО АППАРАТА В ДРЕВНЕМ ЕГИПТЕ

(По данным источников, современных архаическому периоду).

Источниками для начальной стадии развития государства в Египте служат две основные категории материалов: 1) архаические памятники и 2) ретроспективные данные. К первой категории относятся надписи и вещественные памятники, современные изучаемому периоду; ко второй—памятники египетской исторической традиции (Палермская хроника, списки царей, сочинения Манефона), религиозные тексты, восходящие к архаическому периоду (Тексты Пирамид, камень Шабак и т. п.) и данные мифологии, сведения о пережиточно-сохранившихся архаических социально-экономических и юридических институтах и материалы сравнительной этнографии.

Данные обеих этих категорий источников, часто далеко неясные сами по себе, взаимно освещают и дополняют друг друга. Однако данные ретроспективных источников в том случае, если они рассматриваются без учета данных первой категории памятников, могут привести исследователя к ложным выводам. Зато сведения, черпаемые из источников, современных изучаемому периоду, как бы ни были они скудны, составляют всегда те вехи, которые позволяют историку идти правильным путем.

Между тем, несмотря на то, что со времени археологических открытий Амедино, де-Моргана, Петри, Квибелля, обнаруживших основную массу известных нам памятников архаического периода, прошло уже полвека, до сих пор в египтологической литературе не появлялось работ, специально посвященных анализу и оценке всех этих памятников, как исторического источника.

В единственной работе подобного типа, книге «Les origines de l'Égypte pharaonique» Раймонда Вейля обзор архаических памятников дается только начиная со времени II династии, но и эта работа в значительной степени устарела.

Другая работа, рассматривающая архаические памятники, книга знаменитого бельгийского египтолога Капара «Les débuts de l'art en Égypte» (Bruxelles, 1904) ограничивается рассмотрением только памятников искусства. Все же труд Капара вместе с дополняющей его книгой «Les origines de la civilisation égyptienne» (Paris, 1914) по исключительной тщательности и полноте собранного материала и библиографических указаний до сих пор представляет собой незаменимое пособие для всякого изучающего архаические памятники.

Две другие крупные работы, посвященные источниковедению изучаемого периода: Зете «Beiträge zur ältesten Geschichte Aegyptens» и Байера «Religion der ältesten ägyptischen Inschriften» («Anthropos», Bd. XX, Heft 5—6 (1925); Bd. XXII, Heft 3—4 и 5—6 (1927); Bd. XXIII, Heft 3—4 (1928) также рассматривают только одну категорию памятников, а именно памятники письменности, и также не всесторонне, а только под специальным углом зрения. Работа Зете посвящена анализу данных архаических памятников для решения проблемы относительной хронологии этого периода, а работа Байера—анализу сведений архаических памятников для истории религии архаического Египта.

Наконец, ряд исследований посвящен интерпретации отдельных групп памятников¹.

Что касается общих работ по истории Египта, то только две из них уделяют достаточное внимание архаическому периоду и источникам, современным этому периоду.

Первая из них—«History of Egypt»² принадлежит перу Флиндерса Петри, которому мы обязаны открытием важнейших архаических памятников и установлением основ системы относительной хронологии этого периода. В первых главах своей работы

¹ Статьи Навилля, Ньюберри, Вейля, Лежже, Флиттнер, Бороздиной—Козьминой.

² W. M. Flinders Petrie, History of Egypt, London, 1921.

Петри впервые в историографии дал краткий последовательно-хронологический обзор всех важнейших архаических надписей и суммарную, сжатую, но весьма полную характеристику вещественных памятников и надписей, современных архаическому Египту. Но как очерк истории архаического Египта эта работа совершенно не достигает своей цели, так как автор не дает никаких исторических выводов.

Второй работой общего характера, уделившей должное внимание архаическому периоду и архаическим источникам, была «Geschichte des Altertums» Эдуарда Мейера. В ней архаическому периоду посвящено 38 параграфов (120 страниц в издании 1926 г.), т. е. приблизительно столько же, сколько и периоду Древнего царства. Эти 38 параграфов занимают в историографии вопроса исключительное место, как первая и по существу единственная работа, связно и подробно излагающая социальную, политическую и культурную историю этого периода на основании анализа источников различного рода. Работа Мейера подвела итог результатам изучения архаического периода до 1912 г. и учла все достижения того времени в оценке исторического значения этого периода: во-первых, установление генетического единства династической и додинастической истории Египта, во-вторых, установление историчности сведений Манефона о царях и событиях периода I—II династий и относительной хронологии этого периода и, в-третьих, установление непосредственной связи архаического периода с периодом Древнего царства. Большим достоинством работы Эдуарда Мейера было также и то, что он сделал попытку охарактеризовать политический строй архаики на основании анализа источников, современных этому периоду.

Но для настоящего времени значение работы Мейера снижается тем, что в последующих изданиях «Geschichte des Altertums» эта часть первого тома перепечатывалась без каких-либо изменений и дополнений, без учета новых археологических открытий и исследований.

Так обстоит дело с изучением интересующей нас группы источников. Как же обстоит, с другой стороны, дело с историографией проблемы возникновения государства?

В буржуазной историографии древнего Египта проблема возникновения государства вообще не занимает самостоятельного места. Одна группа исследователей, как, например, Петри, де-Морган, Зете, отделяется от этой проблемы путем утверждения, что «монархия» была привнесена в Египет извне, в качестве этнической особенности каких-то завоевателей долины Нила. А так как археологические открытия XX в. сделали очевидным генетическое единство культуры и расового типа «додинастического» и «династического» Египта, то эти ученые стали относить момент этого завоевания и культурных взаимодействий, в результате которых якобы возникла «монархия», к незапамятным временам неолитического периода. Другие, как, например, Эд. Мейер, Брестед, Тураев, признающие самобытность развития древнеегипетской культуры, обходят, однако, полным молчанием вопрос о причинах и путях возникновения государства, довольствуясь замечанием, что государство существовало в Египте уже задолго до «исторического времени» («Geschichte des Altertums, I Bd., 2. Abt., S. 176).

Исключительное место в буржуазной историографии вопроса о развитии государства в Египте занимает небольшая работа Александра Морэ, написанная в сотрудничестве с Дави (A. Moret et G. Davy, Des clans aux empires. L'organisation sociale chez les primitifs et dans l'Orient ancien. Paris, 1923). В противоположность Масперо, Эд. Мейеру и Зете, Морэ специально ставит вопрос о возникновении государства, считая, что оно появилось в результате процесса социального развития родового («кланового», по выражению автора) строя. Но, что касается характеристики социальной структуры этого общества, причин происхождения и путей развития государства, то и Морэ, так же как другие буржуазные ученые, просто игнорирует эту проблему.

Характерной особенностью всех исследований буржуазных ученых, посвященных периоду архаики является пренебрежение со стороны этих ученых данными источников, современных изучаемому периоду. Такие работы, как «Urgeschichte und älteste Religion der Aegypter» (1930) Зете и «Aegypten als Feld für anthropologische Forschung» (1924)

Ньюберри, несмотря на то, что их авторы являются крупнейшими знатоками архаических памятников, основываются почти исключительно на гипотетическом толковании данных мифологии и других ретроспективных источников. Тем самым в значительной степени обесцениваются выводы этих работ, остающиеся лишь гипотезами, что признают и сами авторы. Причина такой недооценки значения архаических памятников кроется в характерной для многих буржуазных историков тенденции рассматривать исторические явления не в их изменениях, в их развитии, в их движении, но как явления статические, что позволяет им злоупотреблять сведениями из истории более поздних периодов при характеристике явлений более ранних и пренебрегать методом последовательно-хронологического изучения источников.

Но даже и те буржуазные историки, которые, как, например, Эд. Мейер и Хэлл, обращаются в своих исследованиях к источникам, современным изучаемому периоду, рассматривают данные этих источников только как составные части реконструируемой ими на основании ретроспективных данных статической картины общества и государства в период I—II династий. При таком методе изучения исторических явлений от внимания исследователей неминуемо ускользает проблема генезиса государства, в частности проблема становления государственного аппарата. Подлинно научное разрешение проблемы происхождения государства вообще было впервые дано в трудах Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина. В трудах основоположников марксизма также впервые был дан и глубочайший научный анализ природы древневосточного государства, его особенностей, обусловленных экономическим строем древневосточных обществ¹.

Исходя из этих основных положений авторы светских курсов истории древнего Востока академик Струве и профессор Авдиев впервые в специальной литературе дали научную постановку и общее суммарное разрешение проблемы происхождения государства на древнем Востоке.

Специально вопрос о происхождении государства в древнем Египте затрагивается в работе В. И. Авдиева «Сельская община и искусственное сращивание в древнем Египте»², в которой был исследован вопрос о сохранении в системе государственного аппарата времени Древнего царства институтов, восходящих к родовому строю. Но вопрос о возможности проследить формирование государственного аппарата в древнем Египте в период архаики на основании источников, современных этому периоду, до сих пор еще не затрагивался в литературе. Исследование этой стороны проблемы и составляет задачу настоящей статьи.

Какие же данные можно почерпнуть из источников, современных изучаемому периоду, для характеристики социально-экономического строя Египта в период от появления древнейших (из известных науке) надписей и до конца периода II династии?

Анализ погребального инвентаря некрополей, относящихся к этому времени, свидетельствует о наличии в этом обществе резкого имущественного неравенства; в то время как погребения рядовых египтян представляют собой простые ямы со скудным погребальным инвентарем³, другие погребения того же времени являются сложными

¹ К. Маркс, *Формы, предшествующие капиталистическому производству*. ВДИ, 1940, № 1, стр. 8—26.

К. Маркс и Ф. Энгельс, *Соч.*, т. XXI, стр. 501.

К. Маркс, *Капитал*, т. I, изд. 8-е, стр. 270—271.

² «Историк-марксист», 1934, № 6, стр. 70—83.

³ См. публикации раскопок некрополей в Эль-Амра, Тархане, Нага-ед—Дер, абидосского городища и некрополя в Саккара: D. Randall-Maciver and A. Mace, *El-Amrah and Abydos*, 1899—1901, London, 1902; W. M. Flinders Petrie, *Tarkhan I and Memphis V*, London, 1913; он же, *Tarkhan II*, London, 1914; G. Reisner and A. Mace, *The early dynastic cemeteries of Naga-ed-Der*, vol. I—II, Leipzig, 1908—1909; W. M. Flinders Petrie, *Abydos*, vol. II, London, 1902; «Chronique d'Égypte», № 24 (1937), стр. 165—166.

архитектурными сооружениями и содержат сотни предметов погребального инвентаря, исполненных с высоким техническим мастерством и часто из драгоценных, редких материалов¹. В погребении последнего рода уже часто присутствуют надписи, в то время как в рядовых погребениях они совершенно не встречаются. О наличии этого имущественного неравенства также свидетельствуют и различия во внешнем облике людей, изображенных в полупиктографических надписях, рельефах и скульптуре этого времени: рядовые египтяне изображаются почти без всякой одежды, с просто остриженной головой и с бородкой, а представители имущего класса —

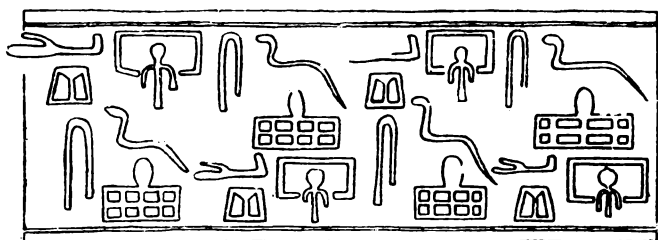

Рис. 1. Оттиск печати из гробницы Мернейт в Абиdose (RT, I, № 40)

длинных, иногда вышитых одеяниях, париках и бритыми или, иногда, с искусственной бородой.

О существовании института рабства свидетельствуют архаические надписи, перечисляющие военную добычу, скот и пленных²; перечисление пленных наряду со скотом показывает, что они рассматривались как материальная ценность, т. е. как рабы.

Существование института рабства подтверждается также и надписями на погребальных стенах из гробниц, окружающих кенотаф царя Дена в Абиdose³, владельцы

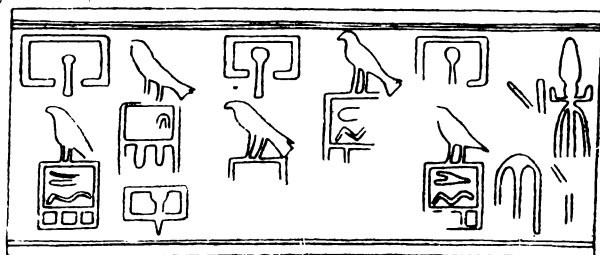

Рис. 2. Оттиск печати из гробницы Мернейт в Абиdose (RT, I, № 36)

которых называют себя «пленницами царя Семти» (s'kr). Таким образом, архаические

¹ См. публикации раскопок царских гробниц в Абиdose, Nezlet Batran и Саккара: W. M. Flinders Petrie, Part I—«The royal tombs of the first dynasty», Part II—«The royal tombs of the early dynasties», London, 1900—1901 (RT); он же, Abydos, vol. I—II, London, 1902; G. Daresy, Un édifice archaïque à Nezlet Batran. «Ann. du Service», VI, стр. 99—106; Chronique d'Égypte, № 26 (1938), стр. 283—285; ILN, 12 февр. 1938 г., стр. 247—151; «Chronique d'Égypte», № 28 (1939), стр. 263—264; и гробниц знати в Тархане (ук. соч.) и Саккара: «Chronique d'Égypte», № 24 (1937), стр. 165—166; там же, № 26 (1938), стр. 283; JEA, XXIV (1938), стр. 243; AOF, XII, Heft 4/5, стр. 303 сл.; AJA, XLVI, 4 (1942); W. B. E m e r y, The Tomb of Hemaka, Cairo, 1938. Последняя работа пока еще в СССР не получена, см. предварительные сообщения о раскопках в ILN, 15 апр. 1936 г., стр. 722; AOF, XI, Heft 3, стр. 178—179; «Chronique d'Égypte», № 22 (1936), стр. 369—372.

² Победные надписи Нармера и Хасехемуи.

³ RT, II, XXVII, 120—125.

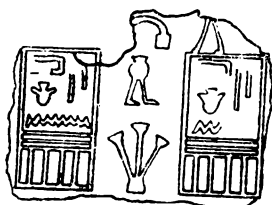

Рис. 3. Оттиск печати из гробницы Перибсена-Сехемиба в Абидосе (RT, I, № 184)

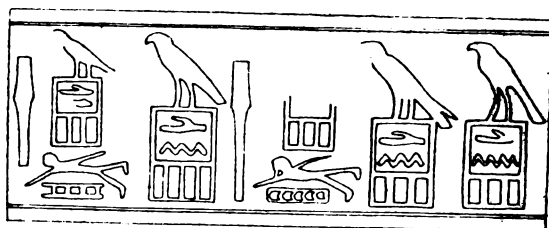

Рис. 6. Оттиск печати из гробницы Дена в Абидосе (RT, II, № 147)

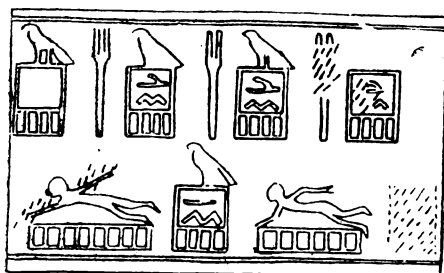

Рис. 4. Оттиск печати из гробницы Мернеит в Абидосе (RT, I, № 21)

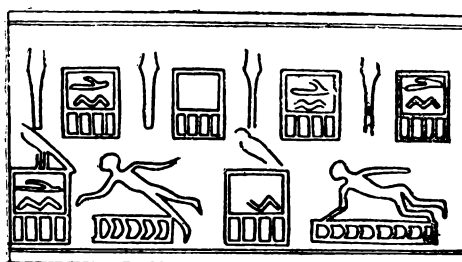

Рис. 5. Оттиск печати из гробницы Дена в Абидосе (RT, II, № 146)

Рис. 7. Оттиск печати из гробницы Дена в Абидосе (RT, II, № 148)

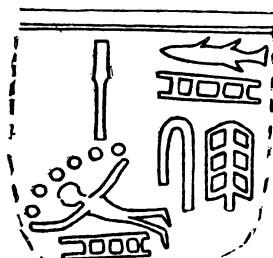

Рис. 10. Оттиск печати из гробницы Анджиба в Абидосе (RT, I, № 67)

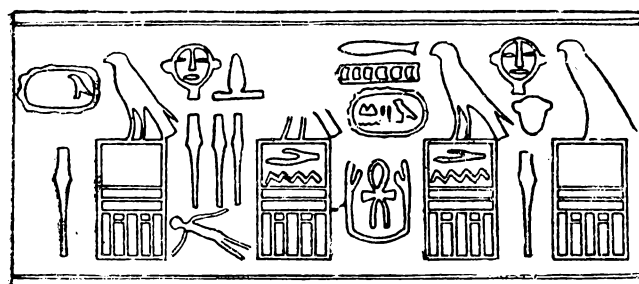

Рис. 8. Оттиск печати из гробницы Дена в Абидосе (RT, II, № 149)

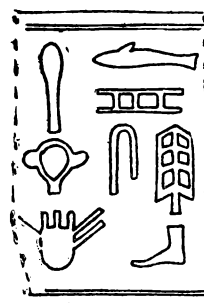

Рис. 9. Оттиск печати из гробницы Анджиба в Абидосе (RT, I, № 66)

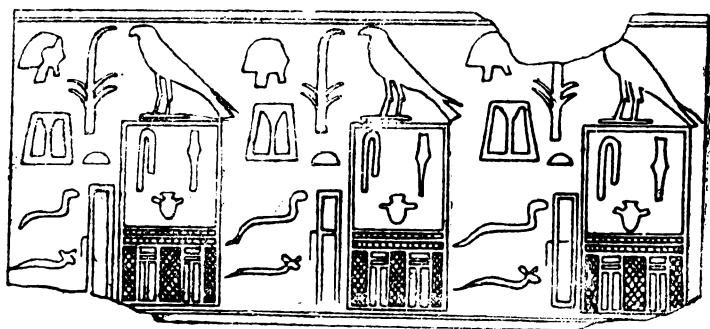

Рис. 11. Оттиск печати из гробницы Перибсена-Сехнеба в Абидосе (RT, II, № 165)

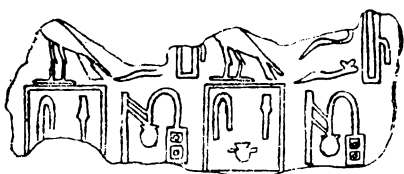

Рис. 12. Оттиск печати из гробницы Перибсена-Сехнеба в Абидосе (RT, II, № 166)

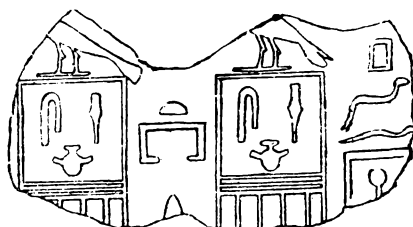

Рис. 13. Оттиск печати из гробницы Перибсена-Сехнеба в Абидосе (RT, II, № 167)

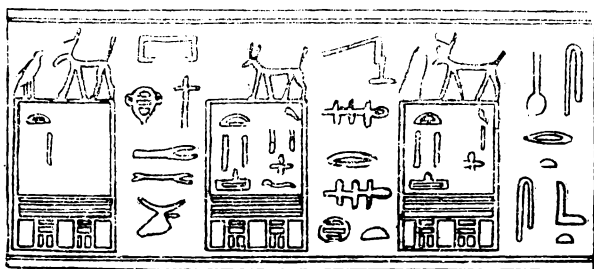

Рис. 14. Оттиск печати из гробницы Хасехемун в Абидосе (RT, II, № 198)

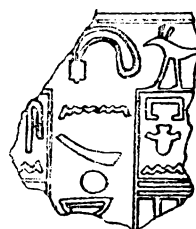
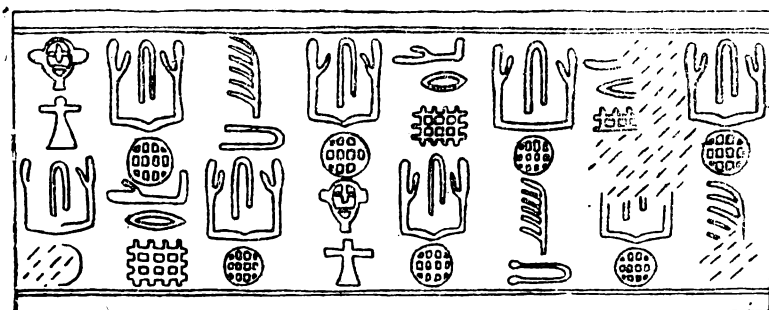

Рис. 16. Оттиск печати из гробницы Перибсена-Сехнеба в Абидосе (RT, II, № 185)

(6) У

Рис. 15. Оттиск печати из гробницы Мернейт в Абидосе (RT, I, № 30)

памятники дают точные сведения о наличии одного из видов рабства—рабства военнопленных. Существовали ли в то время другие виды рабства, и какое место занимал институт рабства вообще в социально-экономическом строе архаического Египта? На этот вопрос рассматриваемые здесь источники прямого ответа не дают.

Все эти данные свидетельствуют о классовом характере египетского общества в период архаики. Но факт разделения общества на классы, составляющий предпосылку возникновения государства, сам по себе еще не доказывает существования последнего. Критерием существования государства может служить только наличие «отделенной от народа общественной власти»¹.

В надписях времени I—II династий мы встречаем ряд названий ведомств и должностей государственного аппарата, свидетельствующих о существовании такой власти. Таковы названия «сокровищница» (pr-ḥd)², «хранитель печати ведомства сбора дани Севера» (ḏ²st(?) inj mḥjt,)³ начальники ведомства ирригационного управления (изображение человека, стоящего в воде и ḥnd-mr)⁴ (см. рис. № 4—8), ведомство продовольственного снабжения (pr-ḥd df) и писец этого ведомства⁵, ведомство управления мукомольнями (pr-ḥr-nd) и управляющий мукомольней (ḥr-nd)⁶, начальник ведомства по откорму быков (ḥnd iḥ)⁷, хранитель печати для ежедневного (?) клеймения скота (ḏ²st(?) n ḥb r^c nb)⁸, резник (ššm)⁹, виноградодавильни отдельных областей и специально царского дома¹⁰ (см. рис. № 18, 19 и 20), «сехедж» винного погреба¹¹ (см. рис. № 21), надзиратель за возделыванием царских садов при Красном доме¹². Упоминание в наших источниках, уже начиная со времени Нармера, должности писца¹³ свидетельствует о существовании ведомств учета—органов, характерных для государственной организации и чуждых родовому строю. Уже во времена Нармера и I династии писцы занимали высокое положение в системе государственного управления: на

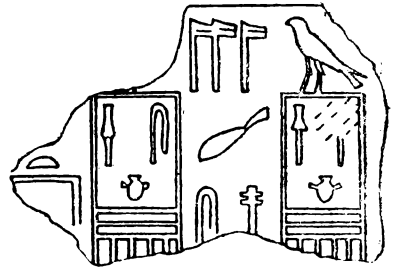

Рис. 17. Оттиск печати из гробницы Перибсена-Сехемиба в Аби-досе (RT, II, № 168)

¹ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, 1937, стр. 100. В другом месте Энгельс говорит также: «Главной отличительной чертой государства является общественная власть, отделенная от массы народа» (стр. 113).

² RT, I, печати №№ 36 и 40. Название pr-ḥd обычно переводится как «сокровищница», но соединение этого названия со словом df (см. ниже) показывает, что под названием pr-ḥd понимался не склад драгоценностей, а вообще всякое хранилище государственных запасов.

³ RT, II, печать № 184.

⁴ RT, I, печати №№ 6, 14, 21, 46, 66, 67, 69, 81; RT, II, печати №№ 121, 146, 147—150; RT, I, печати №№ 6, 14, 24, 25, 49, 53, 55, 56, 64—66, 84. Термин ḥnd-mr Бругш переводит, как «инспектор каналов». Эрман, для времени Древнего царства, — «Verwalter eines Gaues». Перевод Бругша принимает и В. Авдиев.

⁵ RT, II, печати №№ 167, 183, 121, 123 и печать № 166.

⁶ RT, II, печать № 198 и RT, I, печать № 30. Толкование Масперо (Études Égyptiennes II, стр. 259).

⁷ RT, II, печать № 198. Толкование Петри в «Anc. Eg.», 1925, 4, стр. 109.

⁸ RT, II, печать № 185. Перевод Петри в «Anc. Eg.», 1926, I, № 1287.

⁹ RT, I, XXXI, 24 и RT, II, печать № 168.

¹⁰ RT, I, печати №№ 37, 38, 73, 74, 77; RT, II, печати №№ 191—193, 202.

¹¹ RT, I, печать № 29.

¹² RT, I, печать № 68.

¹³ Таблица Нармера, см. J. S a p a r t, Début de l'art. фиг. 167—168.

таблице Нармера писец с классическим письменным прибором в руках изображен в числе лиц, наиболее близких к царю; в надписи на стеле времени конца I династии должность писца (*šš*) упоминается в числе двух других высоких должностей, также исполнявшихся этим лицом (*dʿšt(?)bjt* и *семер*)¹.

Все перечисленные названия ведомств и должностей свидетельствуют о существовании специальных органов сбора дани, т. е. о существовании аппарата, осуществлявшего главную функцию деятельности государства: функцию эксплуатации большинства населения страны. В то же время эти надписи указывают на существование широко разветвленного аппарата власти, который был совершенно неизвестен родовому строю с его самодействующей организацией населения.

Вторая, внешняя (не главная), функция государства—расширять территорию своего господствующего класса за счет территории других государств или защищать территорию своего государства от нападений со стороны других государств—нашла наглядное отражение в таких надписях, как победные надписи Нармера, Дена, Семерхета, Хасехемуи (или, если это разные лица, Хасехема), перечисляющие поверженных врагов, присоединенные территории и захваченную добычу².

Таким образом, на основании изучения источников, современных изучаемому периоду, мы можем констатировать факт существования государства.

Но констатация факта существования государства в период I—II династий еще не вносит ничего принципиально нового в историю изучения этого вопроса. Сам по себе факт существования государства в этот период не вызывает никаких сомнений у большинства исследователей, как советских³, так и буржуазных. Вопрос заключается в том, чтобы установить, каковы характерные особенности государства в данных конкретно-исторических условиях. Этот вопрос до сих пор еще в литературе пока не затрагивался. Большинство буржуазных историков Древнего Египта в силу своего метафизического метода исследования игнорируют эту проблему вообще и рассматривают систему государственного управления в период I и II династии и Древнего царства, в сущности, как одно целое. Поэтому они находят возможным безоговорочно привлекать данные эпохи Древнего царства для характеристики системы государственного управления периода I и II династий. В результате такого метода Эд. Мейер, Зете, Брестед, Дикманс⁴ и многие другие совершенно упускают из виду данные о динамике развития государственного аппарата. Эд. Мейер, например, безоговорочно считает, что должность «хатиа» и в период архаики была должностью правителя нома, между тем, как будет показано ниже, данные архаических памятников противоречат такому утверждению.

В результате отказа от последовательно-хронологического метода изучения источников возникло, например, и ложное представление о том, что так называемая дуальная система управления Египтом существовала с момента объединения страны. Между тем, как будет показано ниже, в изучаемый период эта система едва начинает складываться. Если мы откажемся от метода механического использования данных последующих периодов для характеристики предыдущего периода и рассмотрим данные наших источников в последовательно-хронологическом порядке, то заметим, что система государственного управления в период I—II династий не только не является адекватной этой системе в период Древнего царства, но также и то, что и на протяжении периода I—II династий эта система непрерывно изменялась. Этот метод последова-

¹ RT, I, XXXI, 43.

² RT, I, XVI, и Брестед, История Египта, М., 1915, т. I, рис. 26; A. Gardiner, The Inscriptions of Sinai, Part I, London, 1917.

³ Исключение составляет только И. Снегирев, который в соответствующей главе книги «Древний Египет» (И. Снегирев и Ю. Францов, Древний Египет, 1938) относит время возникновения государства к началу Древнего царства.

⁴ G. Dykmans, Historie économique et sociale de l'ancienne Égypte, Tt. I—II, Paris, 1936.

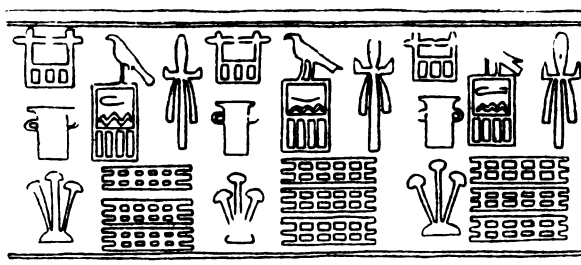

Рис. 18. Оттиск печати из гробницы Мернейт в Абидосе (RT, I, № 37)

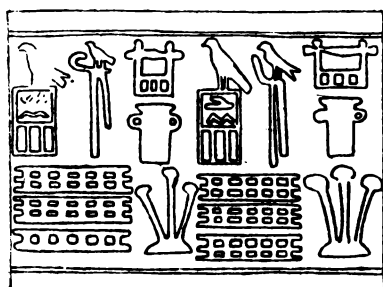

Рис. 19. Оттиск печати из гробницы Мернейт в Абидосе (RT, I, № 38)

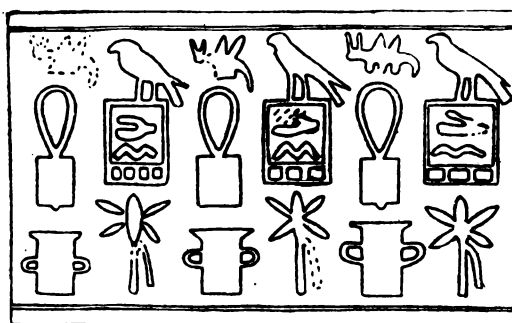

Рис. 20. Оттиск печати из гробницы Мернейт в Абидосе (RT, I, № 39)

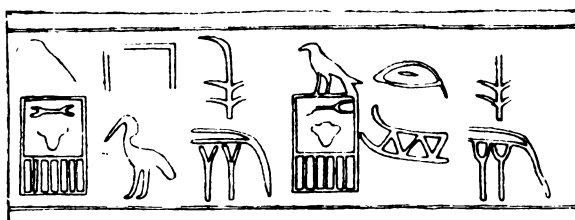

Рис. 22. Оттиск печати из гробницы Анджиба в Абидосе (RT, I, № 68)

Рис. 21. Оттиск печати из гробницы Мернейт в Абидосе (RT, I, № 29)

Рис. 23. Стела, найденная на пространстве между гробницами Семерхета и Ка-Сена (RT, I, XXXI, 43)

тельно-хронологического анализа источников приведет нас также к осознанию характерных особенностей государственного аппарата этого времени.

Рассматривая архаические надписи как источник для истории становления государственного аппарата, необходимо постоянно иметь в виду специфику происхождения этих надписей. Большая часть их происходит из гробниц царей, и в этой категории надписей, естественно, упоминаются только те должности и ведомства, которые имели отношение к царскому погребальному ритуалу. Более ценным источником могли бы быть надписи погребальных стел из гробниц самих должностных лиц, но эти надписи крайне скудны и лапидарны.

Наибольшую группу надписей составляют оттиски печатей, но в надписях этих печатей упоминаются только ведомства, имевшие отношение к обслуживанию похоронного обряда, а сведения о высших должностях государственного аппарата попадают лишь случайно в немногочисленных надписях памятных табличек.

Все же этот материал позволяет делать некоторые выводы. Если разница в числе упоминаемых в надписях должностей между временем Мины и Джета может еще быть объяснена скудостью общего числа дошедших до нас надписей времени Мины, то появление в надписях времени Дена и Мернейт многих новых должностей, отсутствующих в памятниках времени Джера-Джета, нельзя объяснить только недостатком источников. Несомненно, что здесь мы имеем дело с фактическими изменениями в устройстве государственного аппарата. Также навряд ли может быть объяснено таким образом и отсутствие в надписях Мины должностей, встречаемых впервые в надписях времени Джера: какой-то должности, связанной с ирригационным управлением¹ и должности «сехема» (*šhm*). Обе эти должности затем весьма часты в надписях I династии; исчезновение первой из них в надписях времени II династии также навряд ли может быть объяснено отсутствием источников.

Насколько позволяют судить источники, для древнейшей стадии процесса становления государственного аппарата в Древнем Египте характерно, во-первых, приспособление старинных институтов родовой организации к новым задачам. Сам институт царской власти носит на себе яркий отпечаток своего происхождения из института власти племенного вождя. Именно к этому институту восходит верховное право царя на всю землю страны и на распределение прибавочного труда ее населения, отразившееся в таких названиях ведомств государственного аппарата, как перечисленные выше ведомства сбора и распределения продуктов и ведомства непосредственного управления отраслями хозяйства страны. Это верховное право царя представляет собой приспособление права высшего единства родо-племенного коллектива, воплощавшегося в лице вождя, к потребностям эксплуатации основной массы населения со стороны имущего класса. Экономически господствующий класс при помощи государства «становится также политически господствующим классом и приобретает таким образом новые средства для подавления и эксплуатации угнетенного класса», — говорит Энгельс². Прибавочный труд коллектива, предназначавшийся первоначально для накопления общего запаса и для покрытия издержек коллектива, т. е. для войны, богослужения и т. д.³, распределяется теперь среди лиц правящего класса. Об этом свидетельствует, например, тот факт, что погребальный инвентарь в гробницах высокопоставленных лиц запечатывался печатями с именем царя (например, в гробницах Хемака и Сабу некрополя Саккара), следовательно, все довольствие этих лиц шло из правительственных складов.

К представлениям родоплеменного строя о вожде племени как о божественном воплощении высшего единства коллектива восходит и факт обожествления личности царя. Об этом свидетельствует титулатура царя, представляющая собой не что иное

¹ См. рис. 4. Фонетическое звучание и точное значение этой иероглифической группы нам неизвестно, так как она встречается только в архаических надписях.

² Ф. Э н г е л ь с, Происхождение семьи... 1937, стр. 165.

³ К. М а р к с, Формы, предшествующие капиталистическому накоплению, ВДИ, 1940, № 1, стр. 11.

как формулы магического отождествления племени в лице его представителя с божеством племени (соколом Гором, фетишем—растением южного Египта, богинями коршун и змеей, двумя соколами—фетишем племени будущего коптосского нома, с богом Сетом). Характерно, что в надписях времени первой половины I династии почти не упоминаются имена должностных лиц (называются только их должности): это показывает, что письменность могла в то время употребляться только царем—богом.

Деспотический характер власти царя, обусловленный сохранением в классовом обществе пережитков родоплеменного строя, нашел в архаических памятниках наглядное графическое отражение: фигура царя изображается обычно в значительно большем масштабе, чем все другие фигуры (например, на таблицах Нармера и Дена¹, на булаве «Скорпиона»² и на рельефе Семерхета).

К институтам родового строя, вероятно, восходит и должность высшего сановника «чати», упоминаемая в надписи на таблице Нармера. На этой таблице рядом с фигурой царя изображена фигура человека, одетого в звериную шкуру, с длинным париком на голове и с печатями на длинных шнурах в руке. Рядом с этой фигурой стоят знаки, читаемые как *t³tj* (Петри, Зете и Эд. Мейер). Этот «чати» был во времена Нармера, несомненно, высшим сановником в государстве, первым после царя лицом, хранителем государственных печатей. Эта должность не упоминается в надписях времени I и II династий. Как мы увидим ниже, во времена второй половины I и II династий роль первого сановника государства исполняло лицо, называвшееся *ḏšt(?)*, т. е. «хранитель печати». Весьма возможно, что должность «чати» восходила к институтам родовой организации и именно поэтому была временно вытеснена новой должностью «хранителя печати». На глубокую древность происхождения термина «чати» указывают и особенности в одежде этого лица, как оно изображено на таблице Нармера: звериная шкура, как известно, была ритуальной одеждой египетских жрецов, что, несомненно, являлось пережитком магических обрядов первобытной религии; таким образом, звериная шкура, в которую одет «чати» на таблице Нармера, весьма вероятно, свидетельствует о происхождении этой должности из должности племенного «колдуна». Впоследствии, во времена Древнего царства, старинный термин «чати» вновь вошел в употребление, вероятно, уже для обозначения новой должности, совершенно утратив свое прежнее значение.

От первобытной родовой организации, вероятно, ведет свое происхождение и другая должность, упоминаемая уже в надписях времени Мины, должность «хатиа» (*ḥ³tj³*). В надписи на памятной табличке времени Мины³ «хатиа» фигурирует в качестве руководителя религиозной церемонии. В этой же роли мы видим «хатиа» и в надписях на памятных табличках царей Джера, Джета и Дена⁴. В одной из надписей Джета к названию должности «хатиа» добавлен иероглиф, обозначающий слово «дворец»—*ḥ³*, а в надписях времени царицы Мернейт—название царской резиденции (?) «Сека» (*š-k²*) и иероглифический знак *sh*—«зал», т. е. «зал совета»⁵. В наскальной надписи Семерхета в Вади-Магхара «хатиа» фигурирует в роли высшего военачальника⁷. Все эти данные позволяют заключить, что в период архаики термин «хатиа» не обозначал определенной должности правителя нома, как это было позже (в словаре Эрмана-Грапова этот термин переведен как «*Verwalter eines Gaues*»), но являлся старинным почетным названием военачальника, а лица, носившие его, исполняли различные обязанности в зависимости от воли царя.

¹ RT, I, XIV, II.

² J. Capart, *Début de l'art*, фиг. 173.

³ J. Garstang, *The tablet of Mena*, AZ, Bd. 42, стр. 61 сл. См. также J. Capart, *Les origines de la civilisation égyptienne*, Paris, 1914, фиг. 3.

⁴ RT, II, XII, 1; VA, 13; VIA, 1; RT, I, XV, 16.

⁵ RT, II, VIA, 1.

⁶ RT, I, печать № 32.

⁷ A. Gardiner, *The Inscriptions of Sinai*, Part I, London, 1917.

К институтам родового строя относится, возможно, и термин «сер» (*šr*), обозначаемый иероглифом человека с посохом. Это изображение мы видим на табличке времени Мины¹, на оттиске печати времени Джета (в сочетании с названием должности *šhm rhj·tw*²) и на оттиске печати времени Дена³. Известно, что в Текстах Пирамид этот термин обозначает советника-старейшину⁴, в архаических же надписях, как мы видим, он прилагается к обозначению административной должности, повидимому, в качестве почетного звания. В более поздних архаических надписях этот термин не встречается.

Должность «*wš rhj·tw*»⁵, имеющую, повидимому, значение «начальник народа», мы также можем считать восходящей к институтам родовой организации. Как известно, термин «*hd rhj·tw*», также встречающийся в одной надписи времени царя Джета⁶, обозначал впоследствии военачальника; поскольку же в надписях последующих царствований I и II династий термин «*wš rhj·tw*» более не встречается, то мы вправе

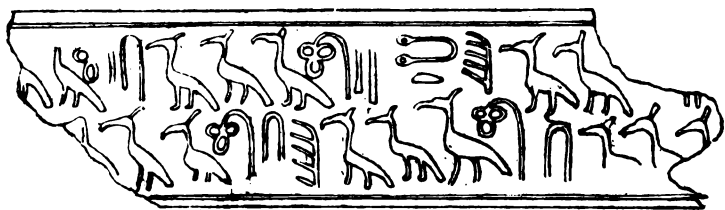

Рис. 24. Оттиск печати из гробницы Джета в Абидосе (RT, II, № 113)

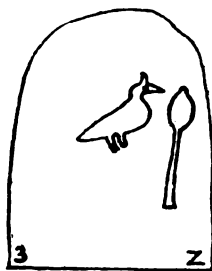

Рис. 25. Стела, найденная вблизи гробницы Джета в Абидосе (RT, I, XXXI, 3)

думать, что этот термин восходит к тому времени, когда армией был еще весь вооруженный народ (как известно, в Египте более позднего времени, например, в период Среднего царства, постоянное войско состояло из избранных лиц имущего класса, а рядовые подданные призывались к участию в войне только в случае крайней нужды)⁷. Подтверждение этому мы найдем и в факте сочетания этого термина с термином «*šr*».

Теснейшей генетической связью органов зарождающегося государства с родовой организацией объясняется, несомненно, и факт отсутствия в период архаики какой бы то ни было дифференциации между «светскими» и жреческими должностями. В архаических надписях в качестве руководителей религиозных церемоний выступают «Хатиа»⁸, «джает»⁹, «хери сешета»¹⁰, «семер», т. е. должностные лица государственного аппарата.

Если во времена Нового царства гробницы царей запечатывались печатями жрецов, то в период архаики эту функцию выполняли опять-таки различные должностные лица государственного аппарата: «хранители печати», начальники различных ведомств хозяйственного и налогового управления, перечисленных выше, высшие должностные лица государственного аппарата, как, например, «*iri-nšw·t*», «*hr dbw*», «*wš rhj·tw*», «*tr hr nšw·t*», «*hrj sšt*» начальники (*šhm*) дворцов и царских резиденций и специальные «начальники жертвоприношений» (*hr-hr*). Кроме того, в архаических надпи-

¹ См. прим. 1.

² RT, I, XIX, 8 и 9.

³ RT, II, печать № 160.

⁴ A. Moret et G. Davy, Des clans aux empires, 1923.

⁵ RT, II, печать № 113 (времени Джета) и RT, II, XXXVIII, 7.

⁶ RT, I, XXXI, 3.

⁷ В. В. Струве, История древнего Востока, 1941, стр. 158.

⁸ Упомянутая таблица Мины и таблица Дена (RT, I, XV, 16).

⁹ Эта же таблица Дена.

¹⁰ Стела Сабефа времени царя Ка-Сена (RT, I, XXX).

сях, сохранивших нам множество названий должностей, почти совершенно не встречаются названия специально жреческих должностей. Исключение составляют два-три названия, в которых можно видеть названия специальных должностей, обслуживавших культ, как, например, «šm nfr nīr-w» («хороший мясник богов») и «īr nīr-w»¹.

На примитивный характер устройства государственного аппарата в период архаики указывает и факт произвольного, бессистемного совмещения должностей. Так, например, лицо по имени Сабеф, бывшее руководителем церемонии праздника Сед во времена царя I династии Ка-Сена, перечисляет на своей стеле ряд занимаемых им должностей: «семер во дворце», «сехем Красного дома», «хери-сешета», «удж-меду» и руководитель церемонии Себ-хед (šm hb hnt, imj-r² šd-hb); на упомянутой уже стеле этого же времени, найденной в абидосском некрополе на расстоянии между гробницами Семерхета и Ка-Сена, также упомянуто сразу три должности: d³st(?)-bjt, smg и šš(писец). Этот факт известен и из автобиографических надписей времени Древнего царства, причем его часто пытаются объяснить как перечисление всех последовательно занимавшихся данным лицом в разное время должностей. Однако такое объяснение опровергается данными архаических надписей на оттисках печатей: эти печати вовсе не были автобиографическими надписями, а отражали действительно существовавшее положение дел, и в них мы находим бесспорные данные об одновременном исполнении одним лицом нескольких должностных функций. Так, например, известный Хемака исполнял одновременно должность «хранителя печати царя Нижнего Египта», «сехема», «хер-иба» и «сандж-мера» трех царских резиденций (?) и «хер-хотепа» (начальника по жертвоприношениям)²; лицо по имени Ка-Са (k²-s³) во времена царя Дена занимало должности: «уста Нехена» (r⁴ Nhn) и «iri nšw-t» («глаза царя»); кроме того, к его имени добавляется почетное название «trj» = «первый»³.

Руководителями государственной религиозной церемонии праздника Сед были высшие должностные лица, как, например, Хемака и Сабеф, от которых до нас дошли памятники, в достаточной степени ясно свидетельствующие об их исключительно высоком положении. Но исполнение обязанностей церемониймейстеров в празднике Сед не было связано с какой-либо определенной должностью: Хемака был «хранителем печати царя Нижнего Египта», а Сабеф — «хери-сешета» и «сехемом Красного дома».

Для времени первой половины первой династии характерно сравнительно небольшое разнообразие в названиях должностей и ведомств государственного управления и неопределенность функций должностных лиц. В известных нам надписях этого времени встречается только несколько названий должностей: названия должностей ирригационного управления⁴ и придворные должности начальников дворца (šm pr-nšw-t, šm-ht и šm-h⁵) и царских резиденций⁶. Особенно характерна для этого времени должность «сехема» (šm), т. е. «начальника» в неопределенном смысле слова. Этот термин применяется в архаических надписях как в сочетании с дополнением, определяющим функции данного «сехема», так и самостоятельно, без такого определения. Встречаются «сехемы» по делам хозяйственного управления, как, например, «сехем» по делам ирригации⁷, или «сехем» резников⁸, «сехемы», исполнявшие упомянутые придворные должности.

От времени первой половины I династии до нас дошло небольшое число назва-

¹ RT, II, печать № 168 (время Перибсена, II династия) и RT, I, X, 9 (время Джета, I династия.)

² RT, I, XV, 16, печати №№ 54 и 55; RT, II, печати №№ 161 и 164.

³ RT, I, XIV, II и RT, II, печать № 157.

⁴ RT, II, печати № 121, 146, 147 и 150; RT, I, печати № 6 и 46; RT, I, печати № 6, 14, 24, 49, 53, 55—56, 64—67; RT, II, печать № 112.

RT, I, XXXI, 8 (надпись на стеле времени Джета).

⁵ RT, I, печати № 49, 50, 52, 55.

⁶ RT, I, печать № 21, 46 и RT, II, печати №№ 146—147 и 150.

⁷ RT, I, XXXI, 244.

ний административных должностей: «*ḥtj*», «*sš*» = «писец», «*šr*», «*šhm rhj.tw*», «*ḥd rhj.tw*», «*wš rhj.tw*», «*ḥr db'w*» = «хранитель печатей (?)»¹ и «*w'r.tw*»² = начальника какого-то административно-территориального деления. Большая часть этих названий (за исключением «хатиа», «сер» и «уарту») в дальнейшем не встречается.

Надписи времени царя Дена и царей I династии, его наследников, показывают, как постепенно разветвляется и усложняется государственный аппарат. При сохранении должностей, бывших в употреблении ранее, появляется ряд новых должностей и ведомств. Впервые в надписях времени Дена и Мернейт упоминается «*rg-ḥd*» и должность «*hr' rg-ḥd*»³, название ведомства управления виноградодавальными⁴; в надписи на одной из печатей Мернейт наглядно изображено, что некий Хнумхотеп являлся начальником амбаров.

В надписи времени Андж-иба впервые встречается название «Красный дом»⁵. Также впервые, в надписях времени Мернейт, упоминается должность «семера»⁶; в надписи на стеле Сабефа, времени последнего царя I династии Ка-Сена, эта должность встречается в форме «семер во дворце»⁷, не оставляющей сомнений в том, что это была должность нового типа, характерная для новых, настоящих (хотя и примитивных) органов государственной власти. Такой же специфический, характерный именно для государственной организации, тип должностей представляют собой должности «хранителя печати царя Нижнего Египта» (*d'st(?) -bjt*), судебные должности *g' Nhn* и *hrj šst*⁸, встречающиеся в надписях времени Дена и Ка-Сена (в надписи на стеле Себефа — *hrj-sš t'wd mdw*)⁹. Появление этих должностей обозначает, что в процессе становления государства уже выкристаллизовались специальные органы угнетения, отделенные от массы народа, — явление, особенно ярко подчеркивающее классовый характер и степень развития государства.

Появление должности «сехеджа винного погреба» свидетельствует о развитии системы соподчинения, так как термин «сехедж» обозначал, повидимому, понятие «помощник».

В надписях второй половины I династии мы находим также очень важные данные о развитии территориальной дифференциации ведомств государственного управления. По надписям времени Мернейт можно установить, что по территориальному признаку государственный аппарат разделялся на несколько крупных отделов: в этих надписях мы видим упоминание о «восточной сокровищнице»⁹ и о виноградодавильне северных областей в области «сокола»¹⁰.

Такая дифференциация системы государственного управления по территориальному принципу также представляет собой характерный признак возникновения настоящего государства. Однако в надписях этого времени мы не находим еще никаких следов так называемой дуальной системы управления государством: существует должность «Ра-Нехен», но нет нижеегипетской должности «при Не». С другой стороны, есть должность хранителя печати царя Нижнего Египта, но нет такой же должности для Верхнего Египта.

Еще более усложняется государственный аппарат во времена II династии. На ру-

¹ RT, I, печать № 10. Петри («Anc. Eg.», 1915, I, 11) переводит этот термин «over the fingers or sealing».

² RT, II, XXVII, 96 и 129 (надписи на стелах времени Джера и Дена). Этот термин в значении «начальник округа» встречается затем только в период Древнего царства.

³ RT, I, печати №№ 35, 36 и 40.

⁴ RT, I, печати № 37—38, а также времени Семерхета — RT, I, печати №№ 73—74 и 77.

⁵ RT, I, печать № 68.

⁶ RT, I, печать № 34.

⁷ RT, I, XXX.

⁸ RT, I, XIV, 11 и RT, II, печать № 134; RT, I, XXX.

⁹ RT, I, печати № 35, 36 и 40.

¹⁰ RT, I, печати №№ 37 и 38.

беже I и II династий в наших источниках имеется большой перерыв, и поэтому изменения в форме и содержании надписей, произошедшее за время, протекшее между царствованием Ка-Сена и царствованиями конца II династии, от которых дошли до нас надписи, особенно бросается в глаза. Надписи оттисков печатей времени Перибсена и Хасехемуи отличаются от надписей I династии большими размерами, большей связностью текста, несравненной тщательностью исполнения и резким увеличением фонетического элемента. В этих надписях появляется уже большое разнообразие названий ведомств и должностей государственного управления; названия эти указывают на дальнейшее усложнение и разветвление государственного аппарата, на дальнейшую дифференциацию между должностями и создают уже впечатление системы, чего нельзя сказать о времени I династии.

Рис. 26. Стела Сабефа
времени царя Ка-Сена
(RT, I, XXX)

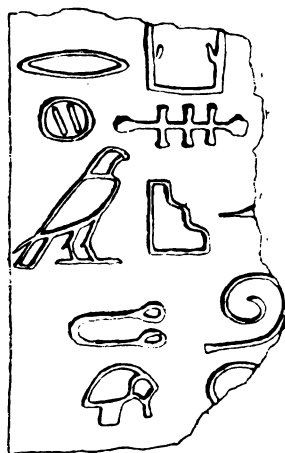

Рис. 27. Фрагмент таблички
из гробницы Дена в Аби-
досе (RT, I, XIV, 11)

Впервые в надписи времени Хасехемуи упоминается централизованное ведомство земельного управления (см. рис. 28)¹, причем указание на территориальную ограниченность функций этого ведомства областью двух соколов (впоследствии коптосского нома) свидетельствует о существовании хорошо разветвленной системы центрального управления (о том, что речь идет об ответвлении центрального аппарата, а не о местном органе, свидетельствует имя царя, стоящее рядом с этими иероглифами, и факт участия этого ведомства в ритуале царского погребения).

Упоминание в надписях времени Перибсена и Хасехемуи ведомства продовольственных поставок «pr-ḥd df»² и специального писца этого ведомства³ свидетельствует о дальнейшем развитии централизованного аппарата сбора дани и распределения прибавочного продукта.

Отрывочные сведения, сохранившиеся в немногочисленных известных нам надписях времени II династии не позволяют обрисовать более или менее полно сложившуюся к этому времени систему государственного аппарата, но отдельные названия должностей, не встречавшиеся ранее и не имеющие себе аналогий в надписях времени I династии, дают возможность охарактеризовать новые черты этой системы, отличающие ее от государственного аппарата времени I династии. Появление таких должностей, как должности «хранителя печати для всех документов Юга»⁴, «хранителя печати

¹ RT, II, печать № 197.

² RT, II, печати №№ 164, 167, 174, 183, 184.

³ RT, II, печать № 166.

⁴ RT, I, печать № 164.

по делам дани Севера»¹, и «хранителя печати для ежедневного (?) клеймения скота»². в то время как в надписях I династии упоминается только должность «хранителя печати царя Нижнего Египта», свидетельствует о значительном усложнении государственного аппарата, о его разветвлении, дифференциации обязанностей должностных лиц и дальнейшем развитии системы соподчинения. С другой стороны, в надписях времени II династии совершенно не встречается такая должность, как начальник ирригационного управления, ни разу не упоминается термин «šr», значительно реже встречается неопределенный термин «сехем» и название должности «адж-мер». Первая из этих должностей

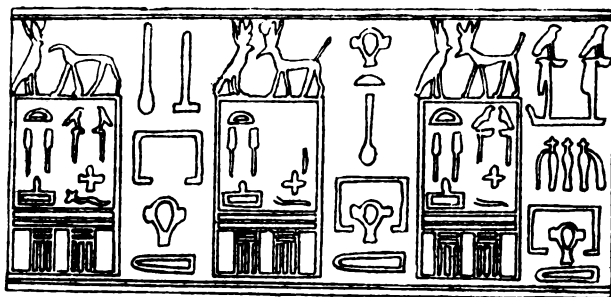

Рис. 28. Оттиск печати из гробницы Хасехеми в Абидосе (RT, II, № 197)

впоследствии никогда более не встречается; таким образом, возможность случайного ее отсутствия в надписях времени II династии почти исключена. Этот факт подтверждает предположение, высказанное выше, о том, что должность «начальника ирригационного управления» (см. рис. № 4) восходит еще к институтам родового строя.

Для характеристики степеней развития государства времени конца II династии очень важны данные архаических надписей, свидетельствующие о выделении из обще-

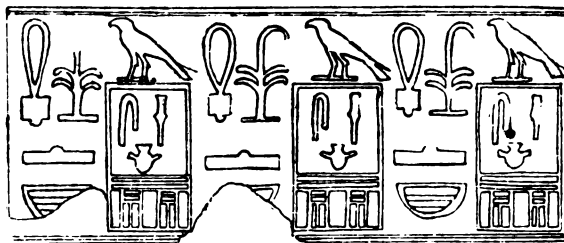

Рис. 29. Оттиск печати из гробницы Перибсена-Сехемиба (RT, II, № 164)

государственного земельного фонда обособленных владений царя и храмов: надписи говорят о «садах Красного дома»³, о виноградниках царского дома⁴, о винограднике храма⁵ и о клеймении скота⁶ (клеймение, конечно, подразумевает закрепление скота за определенным владельцем, в данном случае именно царем).

Изучение архаических надписей в последовательно-хронологическом порядке приводит нас, таким образом, к ряду принципиально новых выводов.

¹ RT, II, печать № 184.

² RT, II, печать № 185. Толкование Петри в «Anc. Eg.», 1926, I, 1287.

³ RT, I, печать № 68.

⁴ RT, I, печать № 77.

⁵ RT, I, печать № 34.

⁶ RT, II, печать № 185.

Во-первых, мы видим, что в период I и II династий система государственного управления находится в процессе непрерывного изменения.

Во-вторых.—что в этот период государственный аппарат проходит только начальную стадию становления. Становление государственного аппарата идет неуверенным, колеблющимся шагом: первоначально нет вообще никаких должностей и ведомств и все управление государством осуществляется, с одной стороны, руками старых должностных лиц родоплеменного строя (например, племенных должностных лиц по управлению ирригацией и военачальников), а с другой стороны, руками приближенных царя, которые составляют на первых порах только конгломерат исполнителей воли царя без определенных, твердо фиксированных функций. Лишь постепенно появляются названия должностей, отражающие обязанности данного лица, система соподчинения, система дифференциации ведомств по территориальному принципу и по отраслям хозяйства. При этом еще почти отсутствует принципиальное различие между службами царского дворца и ведомствами государственного управления. Такое развитие государственного управления приводит к возникновению чрезвычайно громоздкого, неуклюжего аппарата власти, который растет, как снежный ком. Укрупнение ведомств, развитие системы их соподчинения составляет уже следующий этап развития государственного аппарата, который в период архаики еще даже и не начался.

В-третьих, последовательно-хронологическое изучение архаических надписей показывает нам, что процесс становления государственного аппарата идет путем преобразования органов родового строя и постепенного вытеснения их новыми органами настоящей государственной власти, причем характерную особенность этого процесса в Древнем Египте составляет преобладание тенденций преобразования, приспособления органов родового строя к новым задачам классового общества над тенденцией создания новых органов, которое идет медленным темпом. Причиной этого явления был застойный, консервативный характер экономики Египта, обусловивший возникновение деспотической формы государства.

Н. Постовская

О ДАТИРОВКЕ PAPYRUS TEBTUNIS 703¹

По богатству и важности содержания инструкция-гипомнема, опубликованная в первой части III тома Тебтунисских папирусов под № 703, является одним из наиболее важных источников по экономике и социальным отношениям в эллинистическом Египте позднего III в. до н. э. К сожалению, из-за порчи начала документа его дата не сохранилась. Во введении к № 703 вопрос о датировке этого замечательного источника не был решен окончательно. По целому ряду оснований исследователь папируса М. Ростовцев отнес его к началу правления Эвергета I, ко времени после 3-й Сирийской войны, но он также допускал возможность и более поздней датировки, а именно,—временем вскоре после битвы при Рафии, в следующем царствовании, при Филопаторе. Интервал между двумя предполагаемыми датами оказывается равным 25—30 годам. После выхода в свет первой части III тома Тебтунисских папирусов хотя и были работы, посвященные Р. Tebt. Papyri 703², но специально вопрос о датировке не исследовался, и в своей

¹ The Tebtunis Papyri, v. III, p. I, ed. by A. S. Hunt and J. G. Smyly, London, 1933, № 703, Instructions of a dioecetes to a subordinate, стр. 66 сл.

² L. Wenger, Papyrologische Miszellen, «Aegyptus», XIII (1933), стр. 582; U. Wilcken, «Arch. f. Pap.» XI, 1933—195, стр. 148; K. E. W. Schmidt, The Tebtunis Papyri, III, p. I, «Philologische Wochenschrift», 1934, № 47, стр. 1307; E. Berneker, Die Sondergerichtsbarkeit im griechischen Recht Aegyptens, mit rechtsvergleichenden Ausblicken, Münch.; «Beitr. z. Pap. u. ant. Rechtsgesch.», XXII (1935) Munich, стр. 69, 102, 110; Préaux, Note sur le destinataire du mandement P. Tebtunis 703, «Chronique d'Égypte», XXI (1936), стр. 163.

последней капитальной работе по социально-экономической истории эллинистического мира М. Ростовцев даты P. Tebt. Pap, 703 не уточнил¹. Однако пути для того, чтобы с большой степенью вероятности предпочесть одну из двух датировок, я полагаю, имеются.

Попробуем уточнить время, к которому относится P. Tebt. 703.

Соображение Ростовцева о том, что автором документа мог быть Зенодор, высший чиновник (может быть, диоикет) начала правления Эвергета I, имя которого встречается в некоторых папирусах Зенона,—весьма гипотетично. Из пяти сохранившихся букв имени четки только две, именно *vo*, и сам комментатор не уверен в своем чтении. Присутствие в картонаже, частью которого был наш папирус, документов, которые можно отнести ко времени Эвергета I, учитывая происхождение картонажа из ненужных бумаг, тоже не может дать вполне точного указания на время издания инструкции P. Tebt. 703. Разумеется, картонаж был сделан тогда, когда надобность в документах, из которых его склеили, миновала. В картонаж могли попасть и более поздние документы, в особенности копии, которых могло быть значительное количество; а P. Tebt. 703 и есть копия (*ἀντίγραφον*), как об этом указано во 2-й строке папируса. Важным аргументом для датировки документа является сравнительный анализ текста, на что и обратил главное внимание комментатор. Стиль документа показывает, что папирус принадлежит III в. до н. э. Ростовцев отметил, что по стилю он особенно подходит к документам второго и третьего Птолемея². Но P. Tebt. 703 является копией инструкции, написанной по стандартному образцу, и, следовательно, отражает стиль более раннего периода. Стандартный образец был только изменен с целью приурочить документ к нуждам текущего момента. Не говоря об устойчивости египетских канцелярских традиций, вполне естественно отметить, что если не происходят исключительные события, то стиль документов вряд ли изменяется за 20—30 лет. Параллели со стилем документов времен Филадельфа и Эвергета I можно продолжить параллелями со стилем документов времени Филопатора, встречающихся в том же III томе Тебтунисских папирусов. Косвенные упоминания в P. Tebt. 703 об исторических событиях в период написания документа также не гарантируют предположения об издании его после Третьей Сирийской войны. Папирус сообщает о внутренних тяжелых потрясениях и беспорядках, о значительном разорении населения, что собственно и дало повод отнести его ко времени после большой войны, именно после Третьей Сирийской войны, когда Эвергету I пришлось прервать свои завоевания и вернуться в Египет, так как там в его отсутствие началось восстание. Но при внимательном анализе данных P. Tebt. 703 они скорее говорят против такого предположения самими размерами бедствия, о котором сообщают. О восстании, которое происходило при Эвергете I, сохранились незначительные упоминания у поздних авторов, Юстина и Иеронима³. Юстин даже говорит о том, что если бы Птолемей во время Третьей Сирийской войны не был отозван в Египет из-за восстания внутри страны, то он занял бы все царство Селевкидов. Однако ни место, ни размеры мятежа неизвестны. Хотя Эвергет и вернулся с войны, но дальнейшие судьбы его царствования не говорят о том, чтобы восстание было длительным или значительным. Магаффи, а вслед за ним Буше-Леклерк, позднее Бивен и другие⁴ полагают, что причиной восстания был голод вследствие малого разлива Нила и последовавшего из-за этого неурожая. Это предположение подтверждается данными Афиния (хр. 209 в), который сообщает, что Гиерон Сиракузский около 245 г. до н. э. послал в Александрию большой корабль, нагруженный зерном, так как в Египте был недостаток в хлебе. В Канопском декрете жрецы прославляют «богов Эвергетов», в том числе и за то, что, когда разлив реки был очень мал и все жители были испуганы, «боги Эвергеты» проявили

¹ M. R o s t o v t z e f f, *The Social and economic History of the Hellenistic World*, vol. II, Oxford, 1941, стр. 729.

² P. P. Tebt, v. III, стр. 66.

³ Justin, XXVII, I, 9; Hieron, In Dan., XI.

⁴ M a h a f f y, *Empire*, стр. 204; B o u c h é - L e c l e r c q, *Hist. d. Lag.*, t. I, стр. 253; B e v a n, *Hist. d. Lag.*, стр. 227.

большую заботу о тех, которые жили в храмах и о других жителях страны, принимая много мер предусмотрительности, уступая немалую долю своих доходов для спасения людей и выписывая с большими издержками хлеб из Сирии, Финикии, Кипра и из многих других мест. Таким образом они спасли жителей Египта. Щедрость «богов Эвергетов», вероятно, объясняется волнениями в Египте. Но жрецы отмечают, что «боги Эвергеты» удержали страну в мире и дали ей хорошую администрацию. При всей тенденциозности декрета эти данные все же могут говорить о том, что большого восстания при Эвергете в стране не было (особенно, если сравнить их с данными однородного документа—Розеттского декрета).

Сведения из P. Tebt. 703 говорят о больших потрясениях в стране и о больших злоупотреблениях администрации. Но особенно важным для нас сейчас является не размер восстания, а следующее соображение: волнения при Эвергете после Третьей Сирийской войны, судя по данным Канопского декрета и Афиней были связаны с неурожаем, и в Египет ввозился хлеб из-за границы. А в P. Tebt. 703, как раз наоборот, предписывается вывезти весь хлеб из номов. Здесь, кстати, писец ошибочно написал, что следует вывезти зерно, имеющееся не в «номе», а в «номах» (ἐν τοῖς νομοῖς, стр. 71). Но и без этой описки, быть может намекающей на существование аналогичной инструкции и для чиновника более высокого ранга, чем наш адресат, общий характер P. Tebt. 703 позволяет распространить его сообщение на «номы».

Нам известны два восстания в Египте во второй половине III в. до н. э.: первое при Эвергете и второе при Филопаторе. Описываемые в P. Tebt. 703 разорение и беспорядочное состояние в стране, наличие большого количества беглых *μάχοι* и *υἱάται*, самые размеры бедствия говорят не о восстании времен блестящего царствования Эвергета I, а о серьезной гражданской войне и разорении при его преемнике Филопаторе, последовавших после 217 г. до н. э., после битвы при Рафии.

P. Tebt. 703—стандартного типа инструкция-гипомнема, приуроченная к текущему моменту¹,—очевидно, говорит о всеобщих бедствиях и злоупотреблениях и предлагает каждому чиновнику в ранге нашего адресата арестовывать беглых *μάχοι* и *υἱάται*, появляющихся в его номе. С этой целью была издана еще специальная гипомнема о людях, покинувших работу, и моряхах. Все эти лица должны были содержаться вместе для доставки их в Александрию. Наш адресат и подобные ему финансовые чиновники особенно должны были следить за тем, чтобы не было злоупотреблений. Каждый житель страны должен был убедиться в том, что всяким подобным явлениям положен предел и что население избавилось от прошлых бедствий (P. Tebt. 703, стр. 215—234). «Объять все необходимое и передать вам в гипомнемах нелегко, в связи со сложностью обстоятельств» (стр. 234—239).

Как известно, *μάχοι* назывались туземные воины, которые после битвы при Рафии сделались значительной силой. Полибий сообщает о том, что во время этой войны с Антиохом 20 000 туземных воинов были обучены по македонскому образцу и образовали фалангу. Их удар решил битву при Рафии в пользу Филопатора (Polyb. V, 65, 9—10; 85, 9; 86, 1—2; 107, 1—3). Экономика Египта во время этой тяжелой войны была подорвана. Ухудшение положения туземного населения и одновременно широкое использование туземной армии, впервые за историю правления Птолемеев привели к восстанию внутри страны после окончания военных действий с Антиохом. Во время восстания, «если не считать жестокостей и подлостей с обеих сторон, не произошло ничего замечательного», говорит, отрицательно настроенный к движению Полибий (Polyb. XIV, 12, 4—5). Преследования *μάχοι* и *υἱάται*, злоупотребления, разорения, сложность обстоятельств, о которых упоминает P. Tebt., 703, скорее всего относятся к периоду, охарактеризованному Полибием. То, что он говорит о восстаниях в Египте суммарно, нарушая свой хронологический принцип, объясняется его отрицательным отношением к описываемым событиям: «Я ... решил, что рассказ легче будет писать и удобнее читать, если маловажные и внимания недостойные происшествия не буду излагать точно по годам» (Polyb. XIV, 12, 5). В XIV книге Полибия, откуда взяты два вышеприведенных

¹ P. P. Tebt., III, p. I, стр. 72.

отрывка, рассказываются события второй Пунической войны, происходившие незадолго до ее окончания. Но события в Египте рассказаны за более длительный период. Это было сложное время в Средиземноморье. Антиох воевал в Малой Азии с Ахеем, а на западе бушевала вторая Пуническая война. В 217—216 г. до н. э. в Египте началась гражданская война.

Однако Р. Теbt. 703 говорит о прошлых, только что прекратившихся бедствиях и злоупотреблениях. Следовательно, первый период восстания и первый период репрессий прошли, в стране восстанавливалось относительное спокойствие. Правительство хотело успокоить крестьян, вероятно понижая в отдельных случаях арендную плату слишком разоренным, на что, возможно, намекают 60—63 строки нашего папируса. Так как правительство в Р. Теbt. 703 уже возвещало о прекращении мятежей и репрессий, то, вероятно, Р. Теbt. 703 относится к одному из ближайших лет после 216 г. В IX книге Полибий, рассказывая о событиях 211—210 гг. до н. э., сообщает о том, что в это время во всех странах мира, за исключением Египта, велись войны и стояли войска. Следовательно, мирный период в Египте продолжался еще в эти годы. Далее, Полибий сообщает, что римляне, сильно нуждаясь в хлебе, снарядили посольство к Птолемею, чтобы от него получить запасы хлеба. В Италии все посевы хлеба до самых ворот Рима были уничтожены войсками. Нужда в хлебе дошла в Риме до того, что сицилийский медимн стоил 15 драхм (Polyb. IX, 44, 2, 1—4). Повидимому, об этом же посольстве сообщает под 210 г. до н. э. Тит Ливий (Liv. XXVII, 4). Были посланы в Александрию М. Атилий и М. Ацилий для поддержания и скрепления дружественных отношений. Не предлагая приурочить Р. Теbt. 703 к дипломатическим событиям 211—210 гг. до н. э., я тем не менее хочу обратить внимание на то, что Вторая Пуническая война испортила лучшие рынки Египта в центральной части Средиземного моря¹. Очень вероятно, что правительство Филопатора охотно откликнулось на предложения римских послов с целью восстановить свои торговые позиции в Италии. Может быть, с этой целью, несмотря на начавшееся запустение царской земли (что тоже характерно для времени Филопатора), производился интенсивный вывоз хлеба из номов в Александрию на первых предоставленных кораблях, о чем говорит Р. Теbt. 703, стр. 70—76.

Восстания в Египте после битвы при Рафии, после некоторого перерыва возобновились и были подавлены только преемником Филопатора Птолемеем V Эпифаном в начале II в. до н. э. Об этом сообщает Розеттский декрет. При этом на первое место среди беспокойных туземцев в нем поставлены восставшие *μάχοις*. В связи с этим полезно вспомнить об инструкции ловить беглых *μάχοις* в Р. Теbt. 703.

Восстания при Филопаторе, после перерыва, отмеченного Полибием, возобновились вновь во всяком случае на 16-м году его царствования, как это видно из иероглифической надписи на стенах храма в Эдфу. Работы по постройке храма прекратились из-за восстания, отряды восставших заняли храм. Возобновилась постройка храма лет через 20, уже при Эпифане. Это примерно совпадает с данными Розеттского декрета о подавлении Эпифаном восстания и уничтожении главных сил мятежников в Ликополисе. Шестнадцатый год правления Филопатора соответствует 207 г. до н. э. Восстания происходили и в Бусиритском номе в Дельте (где Эпифан взял в плен руководителей мятежников при его отце) и далеко на юге, в Верхнем Египте, — в Эдфу. В Фиваиде даже, как известно, был центр восставших. Не лишне здесь вспомнить о том, что Р. Теbt. 703 говорит о беспорядках по всей стране.

Мирный период при Филопаторе, очевидно, закончился на 15-м году его царствования, т. е. в 208 г. до н. э., поэтому надо думать, что Р. Теbt. 703 не старше одного ближайших лет после 216 г., да и не моложе 208 г. до н. э. Это документ позднего III в. до н. э. — он стоит на рубеже между приближающимся к концу величием и начинающимся упадком эллинистического Египта. Поэтому изучение богатых данных Р. Теbt. 703 становится особенно интересным.

Н. Пихус

¹ Rostovtzeff, The Social and Economic History of Hellenistic World, v. II, стр. 712.

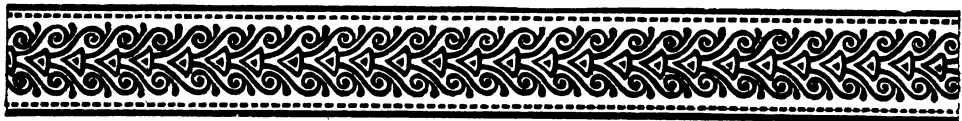

ПРИЛОЖЕНИЕ
SUPPLÉMENT

BASILIVS LATYSCHEV
SCYTHICA ET CAUCASICA

В.В.ЛАТЫШЕВ
ИЗВЕСТИЯ
ДРЕВНИХ ПИСАТЕЛЕЙ
О СКИФИИ И КАВКАЗЕ

Проф. А. В. Мишулин

ИСТОЧНИКИ О СКИФАХ И ИЗУЧЕНИЕ КУЛЬТУРЫ ДОСЛАВЯНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В ИСТОРИИ СССР

(К переизданию «*Scythica et Caucasica*» В. В. Латышева)

Историк СССР, изучающий возникновение и развитие русского государства, не может пройти мимо скифской проблемы. Скифы—древнейший народ, заселявший территорию СССР в дославянский период. Скифская культура предшествовала возникновению славянской; военно-политические союзы скифов предшествовали возникновению славянского государства—Киевской Руси. Не случайно в русской историографии скифская проблема фиксировалась как один из узловых вопросов всей древней истории СССР. Советская историография также подошла к скифской проблеме как к отправному пункту изучения начала древнерусского государства. Без изучения скифов, их быта и культуры в широком смысле слова нельзя приступать к исследованию тех начал, на которых покоилась раннеславянская культура. Исследования советских историков показывают (см., например, работу чл.-корр. АН СССР А. Д. Удальцова «Теоретические основы изучения этногенеза древних славян»), что без внимательного изучения скифов мы не в состоянии сколько-либо удовлетворительно ответить на вопросы о формировании славянского этноса. В свое время акад. Н. Я. Марр правильно отметил, что преимущество раннеславянской культуры от скифской не может представлять каких-либо сомнений, эти культуры невозможно разделять китайской стеной. Предпринятые в настоящее время академические исследования скифской и раннеславянской культур приобретают исключительную актуальность¹. Эти исследования должны привести к разрешению вопросов, связанных с этногенезом славян, а также с образованием древнерусского государства. Только таким путем может быть развенчана до конца варяжская теория образования Киевской Руси, от которой еще не свободны некоторые советские историки.

Скифы заселяли значительную часть современной территории СССР. В представлении древних авторов, писавших о скифах, последние пред-

¹ П. Н. Третьяков, «К истории племен Верхнего Поволжья в первом тысячелетии н. э.», Материалы и исследования по археологии СССР, № 5; Б. Д. Греков, «Киевская Русь», 1944 г.; Б. Д. Греков, «Борьба Руси за создание своего государства», 1945 г.; Б. Д. Греков, «Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века», 1946 г.; В. В. Мавродин, «Образование древнерусского государства», 1945 г.; В. В. Мавродин «Древняя Русь», 1946 г. Н. С. Державин, «Славяне в древности», 1946 г.

ставляли собой собирательное имя для различных племен, для всего пестрого конгломерата этнических массивов, обитавших к северу от Черного моря. Термин Скифия объединял самые различные племена, далеко находившиеся друг от друга, но связанные между собою единством их общей культуры, находившейся на низком уровне развития. Более трехсот одних только греческих писателей оставили свои записи о скифах и Скифии. Вряд ли можно найти какой-либо другой такой народ древности, о котором сохранились столь многочисленные и подробные описания. Некоторые из этих писателей, как, например, Геродот, непосредственно побывали в Скифии, изучали быт обитающего в ней народа и пытались определить ему место в своих концепциях мировой истории. В своих общеисторических теориях древнегреческие историки и философы не могли представить себе и свою собственную национальную историю сколь-либо полно без учета места и роли скифов в тогдашней жизни. В такой же мере это относится и к латинским авторам, оставившим в наследство нашей науке исключительно интересный материал для изучения культуры нашей страны в дославянский период.

Огромный материал древних классиков рано обратил внимание русской науки древнейшей истории России. Уже Петр Великий, ставя задачу исследовать истоки русского государства и русской культуры, обращал внимание русских и иностранных исследователей на скифскую проблему. Мы вправе сказать, что первые попытки русской науки с самого начала XVIII в. исследовать истоки русского народа и его культуры связаны именно со штудиями по скифской проблеме. Байер, Миллер и Шлецер, особенно первый из них, посвятили в своих исторических трудах немало места скифам. Изучение текстов древних писателей о скифах, собирание этих текстов, наконец, перевод их представляли, однако, единственную заслугу этих историков. Историческая же их концепция, особенно Байера, была вредной, глубоко оскорбительной для русского народа и носила явно выраженный антирусский характер. Варяжская концепция о происхождении Руси, впервые развернутая немцем Байером и оказавшая большое влияние на Миллера и Шлецера, принижала русский народ, его самостоятельность в деле образования своей государственности. И по существу своему их историческая концепция являлась антинаучной. Изучение скифов и древних славян Байер проводил не в перспективе развития, а антиисторически. Байер не видел, как в результате развития, на протяжении столетий скифы изменялись. От родового строя они переходили к формам «военной демократии», к военно-политическим союзам, способным в различных концах заселенной скифами страны давать сокрушительный отпор иноземным властителям — полчищам Кира и Дария. Байер не хотел видеть и тех завершающих скифскую эпоху политических достижений, которые выразились в создании скифами-эллинами государства Скилура и Палака. Древние славяне, по Байеру, представляли собою не дальнейшую, более высокую стадию развития народов СССР и той же культуры скифов, а наоборот, древние славяне, их более высокая культура низводилась до уровня скифов родовой эпохи, народа, не способного, дескать, самостоятельно создать своего государства, не прибегая к помощи извне. Байер не мог справиться с подлинно научным изучением исторического пути древнейших народов России от скифов до древних славян Ки вской Руси. Как немец, он противопоставлял скифов и древних славян окружающим их более развитым в эпоху Байера народам, особенно немцам. Варяжская теория, таким образом, должна была для «историков» типа Байера притти на помощь в деле объяснения происхождения огромного русского государства. Такая теория порождалась антиисторическим подходом, субъектив

ной тенденцией при изучении культуры скифов и быта древних славян. Первым русским ученым, выступившим против антинаучных концепций и варяжской теории происхождения Руси, был М. В. Ломоносов. В своем произведении «Древняя российская история...», вышедшем в 1766 г., Ломоносов подвергает сокрушительной критике историков-немцев, особенно Байера и выступивших затем под его влиянием Миллера и Шлецера. Ломоносов был профессором химии, но он являлся и великим энциклопедистом своего времени. Как пишет известный русский историк С. М. Соловьев, Ломоносов — «не был приготовлен к занятиям русскою историей». Но как величайший из писателей своего века он не мог не коснуться великого дела — «открыть свету древность российского народа и славные дела государей». В своем историческом произведении Ломоносову пришлось коснуться основного вопроса о происхождении русского народа и русского государства. В этой связи автор должен был ответить и на вопрос о роли скифов как древнейшего дославянского населения в истории нашей страны. Его концепция прямо противоположна концепции Байера и Миллера. Ломоносов не считает зазорным начинать историю России с изучения малоразвитых скифских племен. «Рассуждая о разных племенах, составивших Россию, никто, — писал Ломоносов, — не может почесть ей в уничижение, ибо ни о едином языке утвердить невозможно, чтобы он сначала стоял сам по собою, без всякого примешивания». Подобные суждения Ломоносова не могли не помочь ему встать на правильный путь в изучении взаимодействия скифской и раннеславянской культур в происхождении древнерусской культуры. Он выставляет положение, что при изучении «древних родоначальников нынешнего Российского народа» видно, что «скифы не последнюю часть составляют». Это положение послужило толчком для дальнейшего развития русской историографии. Изучение скифских племен, их культуры, взаимоотношений их с эллинской цивилизацией стало занимать определенное место в исследованиях по русской истории. Русские ученые не только собирают и систематизируют материал древних писателей о скифах, но, изучая его, приходят к весьма плодотворным выводам о том, что наша страна еще в дославянский период не прошла мимо античных цивилизаций Греции и Рима, а восприняла влияние культуры античного мира, и сама по себе со всеми населявшими ее племенами являлась важнейшим фактором этого мира. С периода Карамзина это положение начинает занимать все больше места в русской историографии.

Уяснению этого положения способствует не в малой степени археология. Исключительные по значению археологические открытия скифских древностей, скифского убранства, предметов ремесла и искусства оживили тексты древних писателей. Курганные древности скифов, являющиеся богатейшими фондами науки в Государственном Эрмитаже, наряду с текстами древних писателей, способствовали созданию целой отрасли науки о скифах. Достижением русской исторической науки было создание этой новой отрасли знания. Теперь уже стало невозможным обращаться к истокам русского государства, минуя исключительные по значению памятники скифской культуры, их быта и истории. Приобретшие большую актуальность в науке второй половины XIX в. вопросы о происхождении Руси и начале русского государства, о чем можно судить хотя бы по полемике между Иловайским и Погодиным, направили внимание исследователей на всестороннее изучение материалов по Скифии, а также о связях скифов с эллинской цивилизацией, что облегчалось вскрытием на северном Причерноморье большого количества греческих поселений; предметов эллинского ремесла и культуры. Разработка скифских проблем направила внимание ученых на собирание и систематизацию

материала источников как археологических, так литературных и эпиграфических. Особенно значительны были археологические достижения.

«Россия,—писал покойный акад. С. А. Жебелев,—принимая во внимание огромные размеры ее территории, разнообразный этнический состав населения, многообразную смену культурных течений и влияний исторического существования, представляет самую благоприятную почву для археологического исследования как по богатству сохранившихся вещественных памятников, так и по разнообразию, а в некоторых случаях и исключительному научному значению». (С. А. Жебелев, Введение в археологию, ч. I, стр. 98). Разработка древней истории России стала в XIX в. неотделима от археологических разысканий, от изучения памятников материальной культуры дославянского и раннеславянского населения нашей страны.

Молодая русская археология в половине XIX в. сумела обогатить мировую науку открытием и публикацией ряда блестящих памятников из исторического прошлого России. В 1849—1853 гг. в роскошном издании вышли шесть томов «Древностей Российского государства». В 1854 г. на русском и французском языках одновременно вышли три тома «Древностей Боспора Киммерийского», т. е. памятников из окрестностей Пантикапея (Керчи). Публикация вещественных памятников произвела исключительное впечатление, и опубликованные памятники сразу же вошли в фонд мировой науки.

Благодаря деятельности основанной в 1859 г. Археологической комиссии, а также энергичной работе археологических обществ, особенно Московского, основанного в 1864 г., археологическое изучение нашей страны прогрессировало. Большие достижения имели место и в отношении скифов, непосредственных предшественников древних славян. Археологические раскопки скифских курганов приводили к изумительным открытиям. Роскошные изделия из золота, вазы с прекрасным орнаментом (с сюжетами из быта скифов), различные украшения и доспехи свидетельствовали о высоком уровне ремесла и искусства у древних скифов. Найденные памятники производили фурор в науке,—они давали в руки историка вещественные остатки быта и культуры древних скифов, о которых до сих пор было известно главным образом только по Геродоту. Четвертая книга произведения Геродота, являвшаяся основным источником наших сведений о Скифии, могла быть теперь прокорректирована. Наблюдения «отца истории», путешествовавшего по Скифии и описавшего быт скифов, в основном подтверждаются археологическими данными. В главах историков, сведения Геродота начинают приобретать большую достоверность.

Непосредственным результатом археологических работ, а также изучения текста истории Геродота было издание в двух томах «Древностей Геродотовой Скифии» (1866 и 1873 гг.).

Изучение велось и далее. Наряду со скифскими курганами вскрывались и раннеславянские. Археологи изучали памятники и более поздней поры, особенно древнеславянского искусства, что позволяло исторически проследить переход от форм ремесла, быта и искусства скифов к формам искусства древних славян. Изучение этих памятников следующей за скифами славянской ступени развития культуры основного населения нашей страны привело прежде всего к трехтомному изданию «Русских древностей в памятниках искусства» (1889—1890 гг.). Вслед за тем, в сферу археологического изучения включается и Кавказ, культура обитавших там народов. До 1916 г. в результате такого изучения было издано 14 томов монументального издания памятников—«Материалы по археологии Кавказа». Изучение Кавказа, его древнейших культур во взаимодействии с восточ-

ными государствами М. Азии выдвинуло крупнейших русских ученых— Н. Я. Марра, И. А. Орбели, М. В. Никольского, И. И. Мещанинова.

Ко всему вышеназванному материалу о культуре скифов и древних славян нужно добавить греческие и латинские надписи. В 1881 г. И. В. Помяловский издает «Сборник греческих и латинских надписей Кавказа», а затем В. В. Латышев—*Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae* (тт. I, II, IV). Важное дополнение к этим материалам надписей было сделано проф. Б. Н. Граковым в «Вестнике древней истории» (1939 г., № 3). Эпиграфический материал включает в себя важнейшие данные по истории социальной и политической истории древних скифов, в его публикация явилась важнейшим дополнением к уже известным данным науки о скифах—к памятникам литературным и археологическим. Фонды эпиграфического материала о скифах еще ждут своего исследователя.

Так в результате научных изысканий о культуре древнейших обитателей территории СССР были изданы в XIX в. важнейшие источники о скифах,— материалы преимущественно археологические и эпиграфические. Эти материалы не потеряли еще своего научного значения, хотя они не представляли собою полного свода памятников Скифии, и в связи с последующими археологическими открытиями они не могли не устареть. Задачей советской исторической науки должно являться сведение воедино старых памятников и вновь открытых, обработка их с соответствующим историческим комментарием и новая, по возможности исчерпывающая, публикация археологических и эпиграфических материалов о Скифии в советском издании.

Такая же задача стоит и в отношении античных литературных текстов о Скифии. «Скифская проблема,—писал известный знаток скифских древностей акад. С. А. Жебелев—сложная проблема, потому что правильный подход к ее разрешению зависит от точного истолкования источников, Геродота в первую очередь...» («Вестник древней истории», № 1, 1938 г.). В силу этого в истории науки о скифах важно было подвергнуть исследованию не только археологические материалы, но и литературные тексты греческих и римских писателей. Для этого нужно было прежде всего собрать все эти тексты путем изучения значительного количества древних авторов, систематизировать эти тексты в одном сводном издании, и таким образом положить эти литературные фонды в основу исторической науки о Скифии.

Такая задача со второй половины XIX в. долгое время занимала русских исследователей. Но это была не легкая задача, хотя и было хорошо известно, что о скифах греко-латинские авторы писали много. Выполнение такой работы требовало разностороннего образования у бравшегося за нее ученого—хорошей лингвистической, филологической и исторической его подготовки. Таким ученым в русской науке оказався избранный впоследствии академиком В. В. Латышев.

Акад. В. В. Латышев прошел прекрасную школу у крупнейшего исследователя эпиграфики в России—Ф. Ф. Соколова. Продолжая традиции школы Ф. Ф. Соколова, В. В. Латышев изучает греческие надписи на месте, совершая с этой целью поездки в Пелопоннес, Беотию, Фокиду, Фессалию, на острова Эгейского моря. Изучение греческих надписей и отдельные исследования по надписям сделали В. В. Латышева известным мировой науке. Продолжая работать над собиранием и изучением материала греческих надписей, русский эпиграфист не мог не обратиться к античным надписям, которые в разное время и в большом количестве были найдены на юге России. Собиранию и изучению этого эпиграфического материала посвящена почти вся последующая жизнь В. В. Латышева.

ва. Еще до издания этих надписей, первый том которых вышел в 1885 г., проф. Латышев В. В. в 1883 г. был избран действительным членом Академии Наук.

Русский ученый и патриот, занимавшийся изучением далекого прошлого, прекрасно владея столь сложным материалом, каким является эпиграфический, академик В. В. Латышев не мог не поставить свои обширные познания на службу отчизне. Он не мог не связать собирание и исследование греческих надписей юга России с вопросом о культуре дославянского населения нашей страны. В последующий период академической деятельности В. В. Латышева появляется большое количество его статей по истории, археологии и эпиграфике Скифии, Кавказа и греческих колоний на побережье Черного моря. «По инициативе В. В. Латышева, бывшего с 1900 г. товарищем председателя Археологической комиссии, — пишет В. П. Бузескул, — стали издаваться «Известия» этой комиссии, в которых он публиковал «Эпиграфические новости из южной России» (см. «Всеобщая история и ее представители в России», ч. I, стр. 138). Именно в связи с этими трудами Латышева созревает идея подготовки капитального свода литературных источников античных писателей о Скифии и Кавказе — знаменитый труд «*Scythica et Caucasica*».

Необходимость такого сводного издания источников древних авторов о скифах чувствовалась еще в середине XIX в. Леонтьев, Минцлов, многие археологи и сотрудники археологических обществ высказывали свои пожелания в этом направлении. В «Записках» Одесского археологического общества стали помещаться извлечения из древних авторов, имеющие отношение к древней истории южной России. Таким образом впервые были изданы извлечения из 4-й книги Геродота, из Страбона, Скилака и других писателей древности. Под влиянием прошедшего в 1881 г. в Тифлисе Археологического съезда, К. Ф. Ган стал составлять сборник греческих и латинских писателей о Кавказе; вышедший в двух частях в 1884 и в 1889 гг. Однако все это не разрешало целиком задачи, поставленной русской наукой. Вот почему еще на VI археологическом съезде в Одессе (1884 г.), а затем на VIII археологическом съезде в Москве (1890 г.) настойчиво подчеркивается задача «составить свод всех известий древних о северном и восточном побережье Черного моря и южной России вообще в переводе с пояснениями» (приложение к программе VI археологического съезда в Одессе, стр. 5 и 9). Разрешение именно такой задачи и пало на плечи В. В. Латышева. Сам он лично такую задачу поставил еще в 1882 г., «как об этом и пишет в своем введении к первому тому «*Scythica et Caucasica*», но встретился в этом начинании с большими трудностями. Во-первых, трудно было найти такую библиотеку, частную и общественную, которая уже имела бы в своем собрании произведения всех писателей древности, из которых надлежало сделать извлечения о скифах.

Во-вторых, объем работы по просмотру текстов был весьма обширным и необходимо было подобрать немалое количество филологов-классиков, чтобы справиться с переводом текстов и необходимым их комментированием.

Наконец, Латышев встретился и с принципиальным затруднением: включать ли в свой свод источников о Скифии свидетельства о племенах скифов, обитавших за пределами Европейской России и Кавказа. Сюда относятся свидетельства о саках, массагетах и других племенах. Латышев решил, как известно; включить описание всех скифских обычаев (независимо от территории обитания племен) в свой сборник «ввиду прямого свидетельства автора, что эти обычаи были сходны со скифскими». Все эти затруднения, стоявшие перед Латышевым, не во всех случаях разрешались до конца, и это не могло не сказаться на издании его свода источников о скифах.

Первый том «*Scythica et Caucasica*», включающий в себя свидетельства более чем трехсот греческих писателей, выходил тремя частями в период 1893—1900 гг. Второй том, включающий свидетельства латинских писателей, выходил двумя частями в период 1904—1906 гг. Следует ли говорить о значении вышедшего свода античных свидетельств для изучения древней истории народов СССР.

Все последующее развитие науки о скифах, работы многих русских и иностранных историков по дославянской культуре, а также о характере раннеславянской культуры на территории СССР находились в совершенно несбходимой связи со сводом Латышева, в котором были даны почти все древние источники и к которому приходилось прибегать каждому историку и археологу по вышеназванным проблемам древней истории России.

Издание Латышевского свода имеет, конечно, и свои недостатки. Сам Латышев не мог разрешить вопрос о хронологическом рубеже, до которого должно было бы доведено извлечение свидетельств о скифах. Первоначально предполагалось таким рубежом наметить IV в. н. э. С точки зрения Латышева, с IV в. следует вести начало Византийской империи. Такой расчет времени начала Византии не принимался всеми историками еще во времена Латышева. Такую датировку не может принять и советский историк, который разделение Римской империи на Западную и Восточную не может считать начальной датой Византийской империи. Латышев предполагал следующие за IV в. свидетельства древних авторов дать в собрании «византийских писателей об этих же временах, а потом и позднейших». Однако автору издания не удалось выдержать этот принцип. Латышев дает, как известно, свидетельства писателей до VI в. включительно, у которых данные о скифах перемешиваются со свидетельствами о славянах, поскольку, как, например, у Филосторгия, Евагрия и других под термином «скифы» фигурируют и славяне. Такую непоследовательность в подборе текстов чувствовал и сам Латышев; который отказался впоследствии от издания собрания византийских свидетельств. В византийскую эпоху почти всегда под скифами подразумевали уже не дославянские, а славянские племена, которые фигурировали в эту эпоху у ряда писателей одинаково и под термином «скифы» и под своим собственным именем.

В издании Латышева, в экскерптах из поздних писателей, как, например, у Евагрия—автора VI в. н. э., скифы, которые как «этнос» в это время исчезают, все время смешиваются со славянами, которые уже сложились к этому времени в большой и определенный этнический массив. Это обстоятельство, несомненно, затрудняет пользование данными поздних писателей, вошедших в собрание Латышева.

Вторым крупным недостатком «*Scythica et Caucasica*» является отсутствие восточных текстов о скифах. Латышевский свод известий оставляет открытым вопрос о датировке появления названия «скифы» в древней литературе. Это являлось преимущественно вопросом археологии. Между тем изучение восточных текстов приводит нас к более древним, чем античные свидетельства, источникам о скифах; позволяющим совместно с археологическими изысканиями более точно датировать возникновение скифской культуры и появление самого названия народа скифов.

Отсутствие последовательно проводимого хронологического принципа, наличие неточностей в переводе и устаревшая транскрипция создают не малое количество трудностей при пользовании «*Scythica et Caucasica*» Латышева.

Наконец 50 лет, которые отделяют нас от издания этого свода, сделали его библиографической редкостью.

Но не только недостатки, а главным образом достоинства труда

акад. В. В. Латышева, его значение для исследования древней культуры дославянского населения нашей страны побудили редакцию «Вестника древней истории» приступить к переизданию «*Scythica et Caucasica*». Отделение истории и философии АН СССР, обсудив план издания «ВДИ» на 1947 г., одобрило идею редакции и утвердило план переиздания в «Приложениях» к журналу в течение 1947 и 1948 гг. греческой и римской части труда Латышева, но только в русском переводе. Задача целиком воспроизвести тексты оригиналов и русских переводов источника выходит за пределы возможностей периодического органа.

Полное воспроизведение текстов свода Латышева со всеми исправлениями, необходимыми в тексте источников и переводов, возможно будет лишь в академическом издании «*Scythica et Caucasica*». По инициативе сектора древней истории Института истории и сектора эпиграфики Института истории материальной культуры АН СССР вопрос о подготовке плана академического издания «*Scythica et Caucasica*» Латышева поставлен на Отделении истории и философии для обсуждения и утверждения. Удовлетворительное разрешение этого вопроса потребует кооперации сил нескольких институтов, привлечение к работе филологов-классиков из Отделения языка и литературы и потребует нескольких лет усиленного труда.

Все эти соображения заставили редакцию «ВДИ» проделать предварительную работу—издать свод Латышева в просмотренном и уточненном русском переводе, что для подготовки будущего академического издания должно сыграть не последнюю роль. Это, однако, не главное в переиздании Латышева. Мы должны прежде всего удовлетворить интересы советской исторической науки, приблизить документальный материал к широкому кругу преподавателей и студентов, занимающихся как античной историей, так и древней историей народов СССР. Издание русских переводов античных текстов о дославянской и раннеславянской культуре на территории СССР, несомненно, облегчит чтение первых разделов курса истории СССР, будет способствовать работе семинаров на исторических факультетах университетов и институтов, несомненно, облегчит развитие исследовательской работы об этногенезе славян, о связи скифской и раннеславянской культур и о политическом развитии народов СССР перед образованием Киевской Руси.

Для полноты издания редакция «ВДИ» ввела в первый раздел свода древних свидетельств восточные тексты (за исключением урартских), уточнила перевод и улучшила транскрипции имен и географических названий, а также расположила все тексты в строго хронологическом порядке. В тех случаях, когда у Латышева встречались устаревшие замечания или комментарии, редакция вносила свои дополнения и исправления.

Нет никакого сомнения в том, что переиздание Латышева позволит углубить изучение проблем, связанных с историей скифов, их политическими объединениями, со скифской культурой и бытом и тем самым понять многие стороны раннеславянской культуры и процесс образования Киевского государства. А переиздание текстов преследует именно это, как главную задачу.

Перевод греческих и латинских авторов сверил и дополнил С. П. Кондратьев. Научный аппарат проверен и дополнен Л. А. Ельницким. Восточные тексты собрал, перевел и снабдил комментарием Д. Г. Редер. Перевод гомеровского текста и схолий к Гомеру сверен О. В. Кудрявцевым. Тексты, отсутствующие в издании Латышева, отмечаются звездочкой. Дополнительные к тексту Латышева комментарии и замечания помещаются в квадратных скобках. Курсивом в тексте даны дополнения переводчика.

В. В. Латышев

ИЗВЕСТИЯ ДРЕВНИХ ПИСАТЕЛЕЙ О СКИФИИ И КАВКАЗЕ

ВОСТОЧНЫЕ ТЕКСТЫ¹

ИЗ ПИСЬМА ФАРАОНА АМЕНХОТЕПА III ЦАРЮ КАДАШМАНХАРБЕ

(Вторая половина XV в. до н. э.)

J. A. Knudtzon, Die El-Amarna Tafeln, Lpz., 1907, I, N 33

Кто знает, не является ли дочерью простолюдина (мушкену), или жителя страны Гага, или дочерью страны Ханигалбат, или, кто знает, не происходит ли из страны Угарит та, которую мои послы получили возможность увидеть?

В этом письме речь идет о сестре Кадашманхарбе, отправленной в свое время в гарем фараона. Вавилонские послы, желавшие убедиться, что она жива и невредима, были допущены к ней, но они не признали в женщине, которую им показали, сестры своего царя. В результате этого Кадашманхарбе в своем письме фараону высказал ряд подозрений относительно возможности подмены.

Письмо это относится ко второй половине XV в. (время правления Аменхотепа III—1455—1419 гг. до н. э., но, возможно, эту дату придется несколько исправить. Эдингтон на основании новейших исчислений восхода Сотиса предлагает 1470—1405 гг. до н. э.).

Страна Гага, упоминаемая здесь, по мнению A. Jeremias (Das Alte Testament im Lichte des alten Orients, Lpz., 1906, стр. 254) соответствует библейскому Marogu и обозначает варваров дальнего севера. Ср. W. Gesenius—Buhl, Hebräisches und aramäisches Handwörterbuch über das Alte Testament, Lpz. 1921, стр. 133. О тождестве библейского Maroga со скифами см. ниже.

Возможно, что название Гага является сокращенной формой хеттского kaš—kaš(=егип. kš—kš) В документах Богазкеойского архива так называется народ, живший на южном берегу Черного моря. Этот этнический термин считают прототипом наименования «Кавказ».

Ханигалбат—страна в северо-западной части Двуречья, в состав которой входили Хурри и Митанни (Б. Грозный, Хеттские народы и языки, ВДИ, 1938, № 2 (3), стр. 31).

Угарит—финикийское государство-город в северной Сирии (нынешняя Рас-Шамра).

¹ Все восточные тексты о Скифии и Кавказе, отсутствующие в издании Латышева, собраны, переведены и комментированы доцентом МГУ Д. Г. Федером.

ИЗ ЛЕТОПИСЕЙ ТИГЛАТПАЛАСАРА I

(XII в. до н. э.)

D. D. Luckenbill, *Ancient records of Assyria and Babylonia*,
Chicago, 1926, I, 236—237

Шестьдесят царей стран Наири, вместе с теми, кто пришел к ним на помощь, я преследовал острием моего меча вплоть до Верхнего моря... Сиени, царя страны Дайаени, который не подчинялся Ашшуру, моему владыке, я привел пленным и связанным в мой город Ашшур. Я помиловал его и отослал его из города Ашшура, в качестве почитателя великих богов, чтобы он жил и поклонялся им. Обширные страны Наири, во всю их длину и ширину, я подчинил, и их царей я поверг к своим ногам.

ИЗ ЛЕТОПИСЕЙ САЛМАНАСАРА III

(859—824 гг. до н. э.)

Luckenbill, *op. cit.*, I, 560, 686, 688

На обратном пути (после похода за Евфрат, совершенного в третьем году царствования Салманасара) я вступил в проходы страны Альзи; страны Альзи, Сухме, Дайаени, Тумме, Арзашкуну, столицу Арама, царя Урарту. Гильзану, и Хубушкию я покорил.

Страну Хатти, до ее крайнего предела, страну Мелиди, страны Дайани и Сухме, Арзашкун, столицу Арама урартийского, страны Гильзану и Хубушкию, от истоков Тигра до истоков Евфрата, от моря страны Замуа, которое находится внутри ее, до моря Халдейской страны поверг я под свои ноги.

В проходы страны Энзите я вступил, страны Сухме, Дайани, Урарту целиком я покорил.

Страна Дайаени (Дайани) упоминается также и в других местах летописей и надписей Тиглатпаласара I и Салманасара III (Luckenbill, *op. cit.*, I, 270, 275, 301, 305, 319, 604, 619, 641, 662, 690, 692), но после Салманасара III она исчезает из ассирийских текстов. По всем данным, территория этой страны является крайним пределом, до которого доходили ассирийцы на северо-западе. А. Сванидзе (Материалы по истории алародийских племен, Тбилиси, 1937, стр. 100; ср. стр. 149) считает вслед за Эдуардом Мейером, Бельком и Леманн-Хауптом, что эта страна тождественна с областью народа таохи Ксенофонта и прибавляет, что в грузинской географической литературе упоминается страна Тао, в бассейне р. Олты-Су, соответствующая территории греческих таохов и ассирийской Дайани. Там же локализирует Даяни Б. Б. Пиотровский (История и культура Урарту, Ереван, 1944, карта), сопоставляющий ее с Урартийской Диауэхи. Ср. статью П. Н. Ушакова, ВДИ, 1946, 2 (16), стр. 32. Если эти предположения подтверждаются, то окажется, что в XII и затем в IX в. ассирийцы проникали в пределы Западного Закавказья (б. Карской области). Позднее, даже в период грандиозных завоеваний конца VIII и первой половины VII вв. до н. э. им не удавалось заходить так далеко на северо-запад.

Верхнее море, повидимому, является здесь обозначением Черного моря (Б. А. Тураев, История древнего Востока. Л.-М., 1935. II, стр. 33).

Альзи—область в бассейне Арсаниса.

Сухми—область на запад от нынешнего Эрзерума.

Арзашкун, по мнению Белька,--нынешний Альджеваз на северном берегу оз. Ван.

Хубушкия—местность на южной границе Урарту, а Гильзану на восток от озера Урмия (Б. Б. Пиотровский, *op. cit.*, карта).

Мелиди соответствует Мелитене (на юго-запад от места слияния западного Евфрата и Арсаниса).

Энзите=греч. "Αρζήσα.

ИЗ ЛЕТОПИСЕЙ ШАМШИАДАДА V

(825—812 гг. до н. э.)

Luckenbill, op. cit., I, 719

Во время моего третьего похода я пересек реку Забан, перевалил через горы Куллар и направился в Наири. Дань Дади из Хубушкии Шарсины, сына Мекдиары, стран Сунба, Манна, Парсуа, Таурула, состоящую из лошадей, приученных к ярму, я получил. Ужасающее великолепие Ашшура, моего владыки, поразило месаев... я направился к Гизильбунде. Город Кинаки я захватил, я разорил, я опустошил, я сжег огнем. Я перешел через горы из камня бишбизиды. Дань Титамашки из Сазиашу, Киары из Карсибуту, состоящую из лошадей, приученных к ярму, я получил.

Внушающее страх великолепие моего величества и мощный натиск моего строя сокрушили всех (жителей) Гизильбунды и они покинули многие свои города. В Ураш, свою твердыню, они вступили. Этот город я взял приступом. Кровью их воинов окрасил я кварталы их городов, как шерсть. Шесть тысяч из них я поразили. Пиришати, их царя, вместе с 1200 его бойцов, захватил я живьем. Их добычу, их собственность, их добро, их крупный рогатый скот, их овец, их лошадей, серебряные сосуды, блестящее золото и медь в несметном множестве я захватил (Их города) я разорил, я опустошил, я сжег огнем. Дань Энгура из Сибару я получил. Я поставил мое царское изображение, придав ему героическую позу. Я написал на нем о мщи Ашшура, моего владыки, о моей славе, доблести и всех деяниях моей длани, которые я произвел в Наири. Я поставил его в Сибару, их твердыне, в стране Гизильбунде. Против страны Мата (Мидия) я отправился.

Страна Гизильбунда упоминается также в летописях Ададнирари III (812—783 гг. до н. э.) (Luckenbill, I, 739) и Саргона II (722—705 гг. до н. э.) (Luckenbill, II, 19; 149), и притом опять все время наряду с маннеями и мидянами, то-есть на крайнем северо-востоке ассирийской сферы влияния. Повидимому, она находилась в долине Аракса (см. И. И. Мещанинов, Халдоведение, Баку, 1927, карта), и таким образом, ассирийцы в IX—VIII вв. распространили свою власть и на окраину Восточного Закавказья, но, так же как и в Западном Закавказье (в долине Олты-су), их господство оказалось здесь весьма кратковременным.

КНИГА БЫТИЯ X, 1—3

(VIII в. до н. э.)

Вот родословие сынов Ноевых — Сима, Хама и Иафета. Родились у них дети после потопа.

Сыновья Иафета: Гомер, и Магог, и Мадай, и Иаван, и Тубал, и Мешех, и Тирас.

А сыновья Гомера: Ашкеназ, и Рифат, и Тогарма.

X глава Книги Бытия (так называемая «Таблица народов») является, несомненно, составной частью Жреческого кодекса, но в основе ее лежит, как полагают, более древний источник. Таким образом, можно считать, что мы имеем здесь одно из древнейших упоминаний о киммерийцах и скифах.

Гомер соответствует клинописному Gi-mir-ra-i и киммерийцам (Κιμμερίσι или Κίμμερσι) классических авторов (А. Jeremias, op. cit., стр. 252). По мнению В. Ф. Смолина (О передвижении геродотовских скифов в Передней Азии, Кавань, 1915, стр. 13. прим. 2), киммерийцы в момент составления «Таблицы народов» «жили на севере у Понта, на Таврическом полуострове». Однако такое предположение не может быть принято нами, ибо библейским авторам Черное море было совершенно неизвестно. Иеремияс считает (op. cit., карта 1), что киммерийцы в это время уже утвердились в южной Каппадокии.

Поскольку в VIII в. киммерийцы находились в постоянном передвижении с места на место, точно локализовать их местопребывание весьма затруднительно.

Магог отождествляется Иосифом Флавием со скифами (Ant. II, 6, § 1). Эта точка зрения, повидимому, соответствует действительности. В летописи Ашшурбанипала (см. ниже) упоминается Гаги, властитель сахов, соответствующий, вероятно, Гогу в стране Магог Иезекииля (XXXVIII, 2). Сахи, очевидно, тождественны с саками.

Местоположение страны Магога во время составления «Таблицы народов» определяется упоминанием его после Гомера, но до Мадея. Иеремияс (op. cit., стр. 255, ср. карта 1) помещает эту страну между озерами Ван и Урмия.

Совершенно иной точки зрения придерживается С. Шиффер (Encyclopedia judaica, Berl., 1931, В. VII, стр. 461—463), считающий страну Магог Лидией (в широком смысле слова, включая Фригию), а князя Гога—известным лидийским царем Гигесом.

Мадай—безусловно тождественен с мидянами.

Иаван—обозначение ионян, известных уже Саргону II. Иеремияс считает, что «Таблица народов» имеет в виду греков на острове Кипре и на западном берегу М. Азии. Однако надо иметь в виду, что в надписях урартийского царя Сардура (750—733 гг. до н. э.) упоминается страна Иония, расположенная на северо-запад от Урарту (приблизительно в южной Колхиде; ср. Мещанинов, ук. соч., стр. 29, 31, 32 и карта на стр. 275). Вероятно, именно эту Ионию имеет в виду «Таблица народов». При таком предположении станет понятным, что после Иавана упомянуты Тубал и Мешех (так же как и Иезек. XXVII, 13).

Тубал, соответствующий ассир. табал и греч. тибаренам—народ, живший в южной Каппадокии (см. карту у Иеремияса). В ассирийских текстах упоминаются впервые при Салманасаре III (859—825 до н. э.). Позднее, в результате киммерийского нашествия, они были оттеснены на север к берегам Черного моря (на территорию, где позднее образовалось Понтийское царство), где их застал Ксенофонт.

Мешех—соответствует ассир. мушкам и греч. мосхам—народ, населявший центральную часть М. Азии (позднейшую Галатию и Фригию). Впервые упоминаются в надписях Тиглатпаласара I (XII в. до н. э.), откуда мы узнаем, что за 50 лет до него они на время овладели областями Алзи и Пурукуци, расположенными между Арсанисом и западным Евфратом. Тиглатпаласар I возвращает эти области Ассирии. Позднее (одновременно с табалами) мушки были оттеснены на север, в Колхиду, где они зафиксированы Страбона и Плинием (Мещанинов, ук. соч., стр. 8—10; ср. Сванидзе, ук. соч., стр. 23—25).

Тирас соответствует егип. туруша (один из морских народов, напавших на Египет при Мернепте I) и тирседам классических авторов. Иеремияс (op. cit., карта 1) локализует их в западной части М. Азии (в Троаде и Лидии).

Ашкеназ—соответствует ассир. ашкуза, отождествляемым, в свою очередь, со скифами. Буква «шп» является, по мнению Кнудсона и Винклера, опиской (она поставлена переписчиками вместо «waw»). При таком предположении соответствии между еврейскими и ассирийскими терминами становится несомненным (Gesenius—Buhl, op. cit., стр. 71). Иеремияс локализует их на берегах озера Урмия (op. cit., стр. 259). О родственном географическом названии Ахавиа в Мидии и Фригии см. Jewish Encyclopedia, II, 191—192.

Тогарма соответствует ассирийскому Tilgarimmi в Мелитене. Упоминается Саргоном II (722—705 гг. до н. э.) наряду с Камману, а Синахерибом—наряду с Hilaḫku. Но библейское название Тогарма охватывает безусловно более обширную территорию, а именно всю страну Урарту (Gesenius—Buhl, op. cit., стр. 870). Недаром позднейшая традиция считает Тогарму родоначальником армян. Характерно, что в тех библейских текстах, где упоминается Тогарма (кроме разбираемого места и I Хрон., I, 6, еще у Иезек. XXVII, 14 и XXXVIII, 6), совершенно отсутствует Урарту.

ПИСЬМО АШШУРРИСУА ЦАРЮ САРГОНУ II

(722—705 гг. до н. э.)

L. Waterman, Royal correspondence of the Assyrian Empire, Univ. of Michigan, 1930, Part I, N 146

Царю, моему господину, твой слуга Ашшуррисуа. Да будет в благополучии царь, мой господин. В благополучии страна царя. В благополучии укрепленный город. Да будет в благополучии царь, мой господин.

Страна Гуриания (в) страна Нагиу (находятся) между страной Урарту и страной Гамирра. Последняя платит дань народу Урарту. Когда

народ Урарту двинулся против страны Гамирра (и) когда было нанесено поражение народу Урарту, воины в таком количестве как оттуда... их он посадил... он утвердил когда... из среды Ну... до его дня... эти... кто... 8 000 людей... чаша тростника... народ Урарту, который среди... к царю Урарту... эти наместники... на глазах... крепости... царя моего господина пришел... посланники... к ним теперь подношение... к ним... город Турушпа.... это.

Уотерман относит это письмо к 707 г. Б. Б. Пиотровский (ук. соч., стр. 105), напротив, доказывает, что оно было написано в первую половину царствования Саргона II.

Области Гуриания и Нагиу Уотерман локализует между Арменией и Каппадокией, воздержаваясь от более точного определения (op. cit., Part III, 1931, Commentary, стр. 65). Олмстед (History of Assyria, N. Y.—L., 1923, стр. 266) считает Гурианию частью области Табал и на приложенной карте помещает ее на восток от Ганиша и на северо-восток от Камману, ближе к нижнему течению Арсаниса. Б. Б. Пиотровский (ВДИ, 1939, 1 (6), стр. 69, 4) отождествляет (правда, с оговоркой) Гурианию с урартийским Куриани из надписей Сардура, сына Аргишти, т. е., с местностью, которую прежде относили к западному Закавказью (Меджанинов, ук. соч., стр. 32 и карта на стр. 275), помещая ее в бассейне верхней Куры.

Упоминание об уплате киммерийцами дани народу Урарту Уотерман относит к предыдущему времени («The latter used to give tribute to the people of Urartu»). Однако в подлиннике глагол *padanu* стоит в форме *praesens* (*i-da-an*). Поэтому И. М. Дьяконов, проверявший переводы Уотермана, использованные в вышеуказанной статье Пиотровского, переводит данную фразу в настоящем времени. Повидимому, Ашшуррисуа, даже после восстания киммерийцев продолжал считать их данниками страны Урарту.

Олмстед считает, что нападение урартийского царя Аргишти на киммерийцев носило презентивный характер и что он хотел остановить варваров «прежде, чем они на самом деле пересекли его границу» (op. cit., стр. 266). К этой точке зрения примыкает и Уотерман (op. cit., III, стр. 81). Однако никаких доказательств в пользу того, что война была для Урарту только оборонительной, указанные авторы не приводят. По вопросу о том, насколько в VIII в. была велика для Урарту киммерийская опасность, мнения исследователей расходятся. Смолин (ук. соч., стр. 13) считает, что Руса I покончил жизнь самоубийством в 714 г. (т. е. за 7 лет до событий, описываемых в разбираемом документе) не в результате поражения в борьбе с Ассирией (как хвалится Саргон II), а потрясенный бедствиями своего царства, подвергшегося нападению врагов с севера. Напротив, Б. Б. Пиотровский считает (ВДИ, 1939, 1 (6), стр. 71), что «киммеры не особенно тревожили урартов, защитой которых служило южное Закавказье, где урарты построили целый ряд своих крепостей», и что «особую опасность для государств Передней Азии киммеры стали представлять несколько позднее, а именно в первой половине VII в. до н. э.». Против такой недооценки роли киммерийцев выдвигает серьезные аргументы акад. В. В. Струве (ВДИ, 1946, 1 (15), стр. 138—139).

ПИСЬМО СИНАХЕРИБА САРГОНУ II

(722—705 гг. до н. э.)

Waterman, op. cit., I, N 197

Царю, моему господину, твой слуга Синахериб. Да будет в благополучии царь, мой господин. В благополучии страна Ассирия. В благополучии—храмы. В благополучии все укрепленные города царя. Да будет сердце царя, моего господина, весьма радостным.

Народ уккай прислал мне (известие), говоря: «Когда царь народа Урарту выступил против страны Гамир, его войско подверглось разгрому, он сам и его начальники округов (*amêl bêl pahâti*) с их контингентами были отброшены назад, его... двое из его начальников округов... пришел... посадил... кто пришел... его страны... кто утвердит... Это новости от уккай.

Ашшуррисуа прислал следующее (известие): «Новости из Урарту. Первый (доклад), который я прислал,—правилен. Среди них имела

место большая резня. Теперь его страна спокойна. Его вельможи (*amêl gabûte meš*) ушли, каждый в свой собственный округ. Каккадану, его военачальник (*amêl turtanu*) попал в плен. Царь страны Урарту находится в стране Узауи». Такъв доклад Ашшуррисуи.

Набули, наместник Халсу, доложил мне следующее: «Я послал за новостями о царе Урарту и к гарнизонам укрепленных городов, которые находятся на границе. (Они ответили), говоря: «Когда он прибыл в страну Гамир, его войско (подверглось) разгрому. Трое его вельмож, вместе с их отрядами, были перебиты. Он сам убежал и вступил в свою собственную страну. Его лагерь не подвергся нападению». Таковы новости от Набули. Его брат-мусасирец и его сын отправились приветствовать царя Урарту. Вестник из Хубушкии тоже отправился приветствовать его. Гарнизоны всех пограничных крепостей посылают отчеты, подобные этому. Последний (отчет), полученный Набули, надзирателем дома Ахатабиши, я отправил царю, моему господину.

Письмо относится к тому же времени, что и предыдущее, и трактует о тех же событиях. Автор письма—царевич Синахериб, вступивший в 705 г. до н. э., по смерти своего отца Саргона II, которому адресовано это письмо, на ассирийский престол.

Уккаи—племя, обитавшее на юг от оз. Ван (Waterman, *op. cit.*, III, стр. 49) *amêl gabûte meš*—вельможи (дословно «великие») термин, широко распространенный у различных семитических народов. Он часто встречается в тель-амарнской переписке. Позднее этот титул носили высокопоставленные должностные лица в Карфагене: *amêl-tur-ta-nu*—военачальник—обычный ассирийский термин, присваивавшийся лицу, командующему армией. Между прочим упоминается и в Библии (Исаия XX, 1); *amêl bêl rabâti*—также обычный ассирийский термин, обозначающий наместника.

Упомянутый здесь военачальник Каккадану восстал против урартийского царя Аргишти II (упомянутого, хотя не названного по имени, в этом письме). Речь идет об усмирении этого восстания (ср. Waterman, I, № 492).

Уазаун—округ города Уези, близ южной границы Урарту.

Халсу («укрепленный город»)—здесь употребляется как обозначение определенного географического пункта.

Мусасир—священный город, один из крупнейших центров царства Урарту, захваченный и разграбленный в 714 г. Саргоном II (был расположен на юго-запад от озера Урмии).

Ахатабиша—дочь Саргона II, выданная замуж за Амбариса, царя Табала.

ПИСЬМО АРАДСИНА НАЧАЛЬНИКУ ДВОРЦА

(Кон. VIII в.)

Waterman, *op. cit.*, I, N 112

Начальнику дворца, моему господину, твой слуга Арадсин.

Киммерийцы выступили из области Манна (?) и в страну Урарту они вторглись... Иштардури... вестник наместника города Уези, прибыл к Урзанае. Касательно... говоря... стряды... пусть они придут. Вся страна Урарту крайне испугана относительно (судьбы) населения города Булии и города Сурианы. Они собирают войска, говоря: «Воистину наши силы подсны трестнику, направимся ли мы против него? Относительно добычи, о которой они говорят, заявляя: «Грабеж он произвел», это обстоит, как и они говорят: из «округа города»...

Уотерман относит письмо к царствованию Саргона (возможно, даже и к началу его).

Манна—область на юг и юго-запад от озера Урмия. Таким образом, киммерийцы оказываются здесь на восточных окраинах Урарту. Впрочем название этой области в тексте сильно попорчено и восстанавливается только по сохранившемуся окончанию.

Урзана—царь Мусасира.

Уези—упоминается в предыдущем письме.

Города Булия и Суриана находились на южной окраине Урарту. Булия отождествляется Уотерманом с Пулуа (нынешним Палу) (*op. cit.*, III, стр. 180).

ИЗ КНИГИ ПРОРОКА ИСАИИ

(Кон. VIII в.)

V, 25—30

И потому Яхве воспламенился гневом против своего народа, и простер руку свою на него, и поразил его. Горы сотряслись, и трупы их стали, как нечистоты на улицах; при всем том гнев его не утих, и рука его еще простерта. И поднимет он знамя народам дальним и позовет одного от края земли, и вот, он быстро и легко явится. Не будет в нем ни изнемогающего, ни утомленного; он не будет дремать и не будет спать; пояс не снимется с чресл его, и не разорвется ремень у сандалий его; стрелы его заострены, и все луки его натянуты; копыта коней его подобны кремню, и колесницы его, как вихрь; рев его подобен львиному; он ревет подобно алчущим львам; зарычит и схватит добычу, и унесет; и никто не спасет; и в тот день будет реветь против него подобно морскому шуму, и посмотрит он на землю, и вот тьма, скорбь, и свет померк на небе ее.

Некоторые исследователи считают, что под дальним народом, пришедшим с края земли, здесь подразумеваются киммерийцы (Смолин, ук. соч., стр. 14. См. также Тураев, ук. соч., II, стр. 76).

Проповеди пророка Исаяи («Первоисаяи») относятся к концу VIII и самому началу VII вв. и, таким образом, хронологически соответствуют времени появления киммерийцев в пределах Передней Азии. Но не исключена возможность, что Исаяя имеет в виду ассирийцев, угрожавших в то время Иудее. Такого мнения придерживается акад. Н. М. Никольский.

ИЗ АССИРИЙСКОГО ПИСЬМА

(VII в. до н. э.)

Waterman, op. cit., I, N 473

Жена царского начальника была приведена к нему; он ввел ее во дворец. Когда он услышал: «Царь умер, народ ассирийский в печали», начальник удалил свою жену из дворца... Они пришли... начальник города Ашшура... страна Гимирраи...

По предположению Уотермана, документ относится к 681 г. (году насильственной смерти царя Синахериба). В какой связи здесь упоминается страна Гимирраи, остается неясным ввиду дефектности текста (Waterman, op. cit., III, 173).

ИЗ ВАВИЛОНСКОЙ ХРОНИКИ

(VII в. до н. э.)

СТОЛБЕЦ IV, СТРОКА 2

U. Schrader, Sammlung von assyrischen und babylonischen Texten,
Berl., 1889, стр. 282—283

Киммерийцы вторглись в Ассирию и были разбиты.

Упоминаемое здесь событие относится к 678 или 677 г. до н. э. (скорее к последнему). Дело в том, что в конце III столбца говорится о событиях второго года царствования Асархаддона (т. е. 679 г., ибо первым годом считался не 681 г., когда Асархаддон фактически вступил на престол, но лишь следующий, 680 г.). Самый конец третьего столбца сильно попорчен, а в пятой строке IV столбца говорится уже о пятом годе царствования Асархаддона (676 г. до н. э.).

ИЗ НАДПИСИ АСАРХАДДОНА

(681—668 гг. до н. э.)

ПРИЗМЫ А И С

E. Schrader, *op. cit.*, стр. 128—129

... И Теушпу киммерийца, воителя Манда, обитающего далеко, порази я на земле страны Хубушна вместе с его войсками оружием моим.

Имя Теушпа сопоставляют с именем одного из предков Кира Теиспеса. Название Ман-да (воитель Манда) позднее применялось в клинописных текстах специально к мидянам, но на первых порах оно обозначало, повидимому, вообще все народы северо-востока (см. M. Strassck, *Assyrianipal und die letzten assyrischen Könige*, Lpz., 1916, I, стр. CCCLXXI, а также Jeremias, *op. cit.*, стр. 254—255).

Хубушна соответствует греческому *Καβύρως* в Каппадокии, на юго-запад от города Камману (Olmstead, *op. cit.*, стр. 363 и приложенная карта).

ИЗ АССИРИЙСКИХ OMINA, СОСТАВЛЕННЫХ ДЛЯ АСАРХАДДОНА

(681—668 гг. до н. э.)

Knudtzon, *Die assyrischen Gebete an den Sonnengott*, Leipzig, 1897, стр., 79 сл

M. Jastrow, *Die Religion Babylonien und Assyriens*, Giessen, 1912,

B. II, H. I, стр. 177 сл.

Будет ли в это именно время Каштарит со своими воинами, или с киммерийскими воинами, или с мидийскими воинами, или с маннейскими воинами, или с (какими-либо) врагами, сколько бы их ни было, иметь успех (в выполнении) своего плана? Будет ли ими каким-либо образом завоеван город Кишаса?

Царь Урарту или жители страны киммерийцев двинутся ли к битве, войне и бою, чтобы убивать, чтобы грабить и брать добычу, к земле Шуприи, к городу Буму или к городу Кумимури, или к другим укрепленным городам Шуприи, чтобы убивать, чтобы убить, чтобы грабить, что можно грабить, чтобы брать в добычу, что попадется, из укрепленных местностей Шуприи и уводить к себе много, или мало. Ты, великое божество, знаешь это. Повелено или определено это устами великого божества, о Шамаш, великий бог? Узнаем ли мы и услышим ли мы об этом?

Каштарит—вождь союза племен, объединивший против Ассирии киммерийцев, маннеев, мидян и скифов, но разбитый в 672 г. до н. э. (Тураев, *ук. соч.*, II, стр. 76). Позднее имя Каштарита (Хшатрита) принял самозванец Фравартиш, поднявший в Мидии восстание против Дария I (см. ниже примечания к отрывкам из Бехистунской надписи).

Кишаса—укрепленный город в области Парсуа (на запад от оз. Урмии) (Olmstead, *op. cit.*, карта).

Шуприя—область, расположенная по верхнему течению Тигра, близ Тушана (Watterman, *op. cit.*, III, стр. 61).

Шамаш, великий господин; как я спрашиваю тебя, так ты отвечай мне надежным согласием. Бартатуа, царь страны скифов, который послал теперь (вестника) Асархаддону, царю Ассирии (для заключения союза) (?). Так как Асархаддон, царь Ассирии, дает теперь царевну из дворцового гарема (Бартатуа, царю скифов), вступит ли Бартатуа, царь скифов, честно в союз (?), будет ли он вести честные, надежные речи по отношению к Асархаддону, царю Ассирии, будет ли соблюдать и верно исполнять то, что определено Асархаддоном, царем Ассирии. Твое великое

божество знает это. Истребованы ли и утверждены его речи соответственно требованию и речению твоего великого божества, о Шамаш, великий господь. Действительно ли увидят и услышат это?

Имя скифского царя, возможно, произносилось не Бартатуа, а Маштатуа (клинописный знак *bag*, как известно, читается также *maš*). Винклер считает последнее маловероятным и предпочитает читать Бартатуа, отождествляя при этом данное имя с *Πρωτσίθυς* Геродота I, 103 (op. cit., стр. 488). Но считать этот вопрос решенным окончательно нельзя и вполне прав М. Страевск, (op. cit., I, стр. CCCLXXV), когда он, употребляя общепринятое имя Бартатуа, ставит все-таки в скобках другой вариант—Маштатуа. Не мешает вспомнить при этом, что имя уратрийской богини Багбарту читается некоторыми исследователями Багмашту и сближается с Ахура-Маздой ахеменидских надписей. Акад. Струве считает эту гипотезу заслуживающей внимания (в рецензии на книгу Б. Б. Пиотровского «История и культура Урарту», ВДИ, 1946, I (15), стр. 139—140). Если это подтвердится, то окажется, что имя бога Мазда (resp. *Mašta*), входит как составной элемент в имена самых различных стран и народов. Возможно, что и имя Масисты (*Μασίστης*), сына Дария I (Герод. VII, 82, 121; IX, 107—113) относится к этой же группе имен. Но, поскольку вопрос еще не решен, мы сохраняем традиционное чтение Бартатуа.

ИЗ АССИРИЙСКОГО ПИСЬМА

(VII в. до н. э.)

Waterman, op. cit., II, N 1161

(Дошло до нас в крайне испорченном виде. Имена автора и адресата не сохранились.)

... Он говорит, заявляя: «Его царь придет, когда будет послание (?) от богов. Эти... в мире перед царем живы. Теперь все киммерийцы отправились вперед, с народом города Меинда они ведут переговоры. Ты знаешь правду, они поднялись...»

Меинда, по мнению Уотермана, соответствует этническому названию Манда (op. cit., III, стр. 311). Следовательно, возможно, что в данном тексте идет речь о союзе киммерийцев с мидянами, о которых упоминает предыдущий документ. Впрочем, дефектное состояние текста не дает возможности его точно датировать.

ПИСЬМО АШШУРБАНИПАЛА ЦАРЮ АСАРХАДДОНУ

(681—668 гг. до н. э.)

Waterman, op. cit., II, N 1026

Царю, моему господину, твой слуга Ашшурбанипал. Да будет в благополучии царь, мой господин. Да будут милостивы Ашшур, Бел и Набу к царю, моему господину. Относительно Рахисхарри, о котором царь, мой господин, говорил, заявляя: «Пусть он предстанет перед тобой. Спроси его», я спросил его. Таким образом, он сказал, говоря, что царь послал его ко мне: «Обрати внимание на Иазие, лично обрати внимание (на него). Относительно этих киммерийцев поговори с ним». Когда я пришел к твоему... я видел его лично, и я крайне опасаюсь, я говорил с ним относительно надзирателя (?), говоря «враг разрушает... против него».

Автор этого письма—царевич Ашшурбанипал; позднее (в 668 г. до н. э.) вступил на ассирийский престол.

ПИСЬМО БЕЛУШЕЗИБА ЦАРЮ АСАРХАДДОНУ

(681—668 гг. до н. э.)

Waterman, op. cit., II, N 1237

Царю стран, моему господину, твой слуга. Да будут Бел, Набу и Шамаш милостивы к царю, моему господину. Когда звезда засияет во

время восхода солнца подобно факелу, а на закате поблекнет, вражеская армия совершит жестокое нападение.

Когда южный ветер подымется внезапно и будет продолжать подыматься, превратится в сильный ветер и из сильного ветра вырастет в бурю, (настанет) день разрушения; властитель, в какой бы поход он ни отправился, обретет богатство.

Хотя царь послал своим войскам следующий приказ: «вступайте в глубь страны Манна», все войска да не вступят. Пусть конница и дакку совершат нападение на киммерийцев, которые сказали, заявляя: «Манна принадлежит вам, мы не вмешивались». Конечно, это — ложь. Они — отрасль отверженного. Они не признают ни клятвы именем бога, ни (человеческого) договора. Пусть колесницы и грузовые повозки займут позицию на одной стороне прохода; (тогда) с лошадьми и дакку пусть они вступят и примутся опустошать равнину Манна; и пусть они вернутся к проходу, и пусть они там бивуак... однажды и дважды да вступят они ... опустошили и киммерийцы ... они приходят ... войска, пусть выступят против городов страны Манна ... Белхабу из страны Манна ... они хотят. Они хотят перейти в руки царя, своего господина... на пятнадцатый день месяц появится вместе с солнцем. Это — против них. Удержишь ли ты стопы киммерийцев (далеко) от них? Если они приближаются, разве я не узнаю об их выступлении и каком-либо движении? Я послал сообщение царю, моему господину. Пусть царь царей осведомится у человека, знакомого со страной, и пусть царь пошлет к своим отрядам воинов вдобавок к (другим) бойцам. Крепость, находящуюся там около врага, должен ты снабдить для самого себя. Пусть во все войска вступят гудудану. Пусть они выступят; и пусть они захватят своих жителей степей, и пусть они разведают, отступит ли Индаруа перед ними. Пусть войска отправятся против их городов. Пусть они низвергнут их.

Царь богов, Мардук, милостиво обращается к царю, моему господину. Все, что царь, мой господин, говорит, он выполнит. Ты сидишь на своем троне, ты возьмешь в плен своих врагов, ты покоришь своих супостатов и страну своих врагов ты опустошишь. Бел сказал, говоря: «Подобно Мардукшапикзери Асархаддону, царь Ассирии на троне, и он (ныне) воссел на нем, и вся страна послушна под его управлением. Царь, мой господин, услышал. В радости да поступает царь соответственно своему желанию.

Уотерман относит данное письмо к самому концу царствования Асархаддона и связывает его с походом против маннеев Ашшурбанипала, совершенным в начале царствования (Waterman, op. cit., III, № 26).

Дакку — вспомогательные войска (может быть, в значении ударных отрядов (ibid.).

Гудудану — вспомогательные войска (дословно, быть может, означает «разбойники», «совершающие набеги», ibid.).

Мардукшапикзери (сокращенная форма от Мардукшапикзермати) — вавилонский царь, правивший за четыре столетия до Асархаддона (1091—1083 гг. до н. э.). Его царствование считалось поздней эпохой мира и процветания (ibid.).

В документе чувствуется чисто вавилонский колорит. Бросается в глаза упоминание Мардука и сравнение Асархаддона с одним из прежних вавилонских царей.

ИЗ АССИРИЙСКОГО ПИСЬМА

(VII в. до н. э.)

Waterman, op. cit., II, N 1391

(Дошло до нас в испорченном виде, без начала и конца.)

... Зло для амурру ... отчет о стране киммерийцев он сделал ... это не должно дойти до царя, моего господина. Когда Шанамма окажется

вперед (или) приблизится к Белу, сердце страны должно быть довольно. Шанамма—это Марс. Это—благоприятно для царя, моего господина. Когда Марс, достигая своей высшей точки, потускнеет и его сияние станет бледным, в этот год царь Элама должен быть твоим слугой..

Когда Марс станет при своем появлении маленьким и бледным (и) подобно вечерней звезде станет особенно тусклым, он окажет милость Аккаду. Силы моего войска устоят и истребят врага. Войско врага не будет в состоянии устоять перед моим войском. Крупный рогатый скот Аккада будет пребывать в безопасности на полях. Сезам и финики будут хорошо произрастать. Боги будут являть свою милость Аккаду. Когда Марс появится в месяце ийаре, врагом будет несправедливый воитель Манда (Manda). Воитель Манда—это киммерийцы.

Что касается затмения солнца, которое имело место в нисане, местность его страны—пустыня, место, которое не изменяется. Таким образом, планета Юпитер сохранила место своего пребывания. До пятнадцати дней оставались тучи. Это—благоприятно.

Остальная часть письма, поскольку она сохранилась, интереса не представляет. Уотерман относит этот текст ко времени Ашшурбанипала (op. cit., III, стр. 358).

ИЗ КНИГИ ПРОРОКА ИЕРЕМИИ

(VII—VI в. до н. э.)

LI, 1—2, 27—28

Так говорит Яхве: вот, я воздвигну на Вавилон и на живущих в средоточии противников моих губительный ветер. И пошлю на Вавилон веягелей, и развеют его и опустошат его землю; ибо в день бедствия они нападут на него со всех сторон ...

Поднимите знамя на земле, трубите трубою среди народов, вооружите против него племена; скликайте на него царства Арарата, Минни и Ашкеназа, поставьте против него полководца и нагоните коней, как саранчу щетиnistую.

Вооружите против него царей Мидии, военачальников ее, и всех градоправителей ее, и всю подвластную ей землю.

Хотя это пророчество Иеремии относится к более позднему времени (после разрушения Иерусалима Навуходоносором в 586 г.), но, как убедительно доказал Иеремияс (op. cit., стр. 260), оно является воспроизведением более древнего оракула, появившегося еще до падения Ниневии. Здесь перечисляются как раз те народы, которые в VII в. угрожали Ассирии: урартийцы (Арарат), маннеи (Минни) и скифы (Ашкеназ). Иеремия использовал популярные поэтические описания одного из своих предшественников, применив их к новой обстановке и поставив на место Ниневии Вавилон. Это было тем более легко, что Мидия в царствование Набонида была врагом Вавилона, и Астиаг, накануне своей гибели, угрожал самому существованию Нововавилонского царства. Но упоминание урартийцев и маннеев является уже явным архаизмом. После падения Ниневии (612 г.) они уже никакой самостоятельной роли не играют и их области превращаются в простые провинции Мидийского царства.

V, 15—17

Вот, я приведу на вас—дом Израилев, народ издалека, говорит господь, народ сильный, народ древний, народ, которого языка ты не знаешь и не будешь понимать, что он говорит.

Колчан его, как открытый гроб; все они люди храбрые.

И съедят они жатву твою и хлеб твой, съедят сыновей твоих и дочерей твоих, съедят овец твоих и волов твоих, съедят виноград твой и смоквы твои; разрушат мечом укрепленные города твои, на которые ты надеешься.

I, 11—16

И было слово Яхве ко мне такое: что видишь ты, Иеремия? А я сказал: вижу трость из миндального дерева.

Тогда Яхве сказал мне: ты хорошо видишь, ибо я бдительно смотрю, чтобы исполнялись слова мои.

Потом в другой раз было слово Яхве ко мне: что ты видишь? И я сказал: вижу кипящий котел, обращенный к северу.

Тогда Яхве сказал мне: от севера закипит бедствие на всех жителей сей земли.

Ибо вот я призову все племена северных царств, говорит Яхве, и придут они, и поставят каждый свой престол у ворот Иерусалима, и кругом всех стен его, и у всех городов иудейских, на которых я произношу свои приговоры за все злодеяния их, за то, что оставили меня, курили фимиам чужим богам и поклонялись изделиям рук своих.

IV, 5—8

Возвестите в Иудее и возгласите в Иерусалиме, проповедуйте и трубите трубою по земле; взывайте громким голосом и говорите: «Соберитесь и пойдем в укрепленные города. Поднимите знамя в Сионе, бегите, не останавливайтесь, ибо я приведу с севера бедствие и великую гибель».

Лев восходит из своей чащи, и губитель народов поднимается и выступает из своего места, чтобы обратить твою страну в пустыню; города твои будут разрушены и останутся безлюдны.

И так опояшьте себя вретischem, плачьте и рыдайте, ибо пламя гнева божия еще не отошло от нас.

Хотя в этих пророчествах враги, угрожающие Палестине, не названы точно, но, по общепринятому мнению, здесь имеются в виду скифы, которые как раз в то время, когда Иеремия писал вышеприведенные строки (в царствование иудейского царя Иосии — современника Ашшурбанипала и последних царей Ассирии), начали свое движение на юг и опустошили ряд стран Передней Азии, в том числе и Палестину, где они ограбили храм Астарты (у Геродота названа Афродитой) в филистимском городе Аскалоне и получили подарки от самого египетского фараона Псамметиха I (Герод. I, 105).

ИЗ КНИГИ ПРОРОКА ЦЕФАНИИ

(VII—VI в. до н. э.)

I, 7, 14—18

Умолкни пред лицом господа бога, ибо близок день господень: уже приготовил господь жертвенное заклание, назначил, кого позвать.

Близок великий день господа, близок, и очень поспешает, уже слышен голос дня господня, горько возопиет тогда и самый храбрый.

День гнева — день сей, день скорби и тесноты, день опустошения и разорения, день тьмы и мрака, день облака и мглы.

День трубы и бранного крика против укрепленных городов и высоких башен.

И я стесню людей, и они будут ходить, как слепые, потому что они согрешили против господа, и разметена будет кровь их, как прах, и плоть их — как помет.

Ни серебро их, ни золото не сможет спасти их в день гнева господ, и огнем ревности его пожрана будет вся эта земля, ибо истребление, и притом внезапное, совершит он над всеми жителями земли.

Этот текст, напоминающий отчасти вышеприведенный текст Иеремии, также имеет в виду, как предполагают, скифское нашествие.

ИЗ ЛЕТОПИСЕЙ АШШУРБАНИПАЛА

(668—626 гг. до н. э.)

ЦИЛИНДР РАССАМА; СТОЛБЕЦ II, 96—124

M. Straeck, op. cit., II, стр. 167

Гугу, царю Лидии, страны, расположенной у моря, далекой страны названия которой цари, мои отцы, не слышали, открыл Ашшур, мой создатель, имя мое во сне (сказав): «Ноги Ашшурбанипала, царя Ассирии, обними, и ты победишь врагов его именем». В тот же день, когда он увидел этот сон, послал он своего конного гонца, чтобы меня приветствовать, сообщил этот сон, который он увидел, через своего вестника и тот рассказал его мне. С этого дня, когда он обнял мои царские ноги, стал он побеждать киммерийцев, которые нападали на людей его страны, которые не боялись моих отцов и мои царские ноги не обнимали. Полагаясь на Ашшура в Иштар, богов, моих господ, взял он из числа киммерийских начальников, которых он победил, двух начальников, заковал их в цепи, железные оковы и железные кандалы и велел доставить мне вместе с богатым подарком.

Своего конного гонца, которого он постоянно посылал, чтобы меня приветствовать, перестал он затем посылать. Так как он перестал выполнять повеления Ашшура, моего создателя, положился на свое собственное военное могущество и на веление сердца своего и послал свои военные силы на помощь Питамилку, царю Египта, который сбросил с презрением ярмо моего господства...

И вот услышал я это и помолился Ашшуру и Иштар: «Да будет брошен его труп перед врагом и да унесут его кости». Как я молил Ашшура, так и исполнилось: перед его врагом был брошен его труп, и унесли его кости. Киммерийцы, которых он попрали моим именем, пришли и наспровергли всю его страну. После него воссел его сын на его трон. О злом деле, которое боги, (помощью) которых я силен, совершили отцу, его родителю, после того, как я воздел руки, послал он мне (сообщение) через своего вестника и обнял мои царские ноги (приказав сказать): «Ты—царь, о котором знает бог. Моего отца ты проклял и злое ему уготовил. Меня, раба, который тебя боится; приветствуй, благословляя, и дай мне нести твое ярмо».

Гугу—лидийский царь Гигес (Γύγης), о котором говорит Геродот в I, 8—15, в частности сообщая о киммерийском нашествии, но относя последнее ко времени царствования Ардиса, сына Гигеса.

Питамилку—безусловно тождественен с Псамметихом I (668—610 гг. до н. э.). Сын и преемник Гигеса, не названный здесь по имени, безусловно Ардис, упомянутый у Геродота (I, 15).

Киммерийские начальники обозначены термином *hazanâti*, который часто употребляется в клинописных документах. В Тель-амарнской переписке этим термином обозначаются царьки маленьких государств Сирии, Палестины и Финикии. В ассирийских документах *hazan* имеет значение «градоначальник», а иногда «начальник дворца», «надзиратель» (Waterman, op. cit., III, стр. 35). В нашем тексте, повидимому, имеются в виду племенные вожди киммерийцев.

ЦИЛИНДР В, СТОЛБЕЦ IV, 1—5

M. Straeck, op. cit., II, стр. 105

Также я покорил 75 крепких городов Шарати и Парихии, сыновей Гаги, начальника (hazanu) страны Сахи (sa-hi), отвергавших иго моего господства, (и) захватил их добычу. Их (самых) схватил я живьем своими руками и доставил их в Ниневию, мою столицу.

Штрек вслед за Деличем и Иенсеном сопоставляет Гаги данного текста с библейским Гогом, в земле Магога (Иезек. XXXVIII и XXXIX), т. е. скифов. Сахи, возможно, соответствуют сакам Геродота и ахеменидских текстов. О противоположной точке зрения С. Шиффера, сопоставляющего библейского Гога с лидийским Гигесом, см. выше в примечаниях к тексту Быт. X.

ИЗ КНИГИ ПРОРОКА ИЕЗЕКИИЛЯ

(VI в. до н. э.)

XXXVIII, 1—8

И было ко мне слово Яхве такое:

Сын человеческий! Обрати лицо свое к Гогу, в земле Магога, князю Роша, Мешеха и Тубала, и изреки на него пророчество.

И скажи: так говорит бог Яхве: вот, я на тебя, Гог, князь Роша, Мешеха и Тубала.

И заставлю тебя блуждать, и вложу удила в челюсти твои, и выведу тебя и все войско твое, коней и всадников, всех в одежде с багряными оторочками, полчище великое, в латах и со щитами, всех, вооруженных мечами: персов, кушитов и пунтийцев с ними, всех со щитами в шлемах.

Гомера со всеми отрядами его, племя Тогармы с северных пределов, и все отряды его, многочисленные народы с тобою.

Приготовься и выстройся ты и все сборище твое, собравшееся к тебе, и будь для них передовой стражею. После многих дней ты будешь вызван; в последние годы ты придешь в землю, свободную от меча, к народу, собранному из многих племен, на горы Израилевы, постоянно бывшие в запустении, коих жители выведены будут из народов, и все станут жить безопасно.

XXXIX, 1—6

И еще, сын человеческий, изреки пророчество на Гога, и скажи: так говорит бог Яхве: вот я на тебя, Гог, князь Роша, Мешеха и Тубала. И заставлю тебя блуждать, завлеку тебя, и выведу тебя из северных пределов, и приведу тебя на горы Израилевы.

И выбью лук твой из левой руки твоей, и выброшу стрелы твои из правой руки твоей.

На горах Израилевых падешь ты и все отряды твои, и народы, которые с тобою; отдам тебя на съедение хищным птицам всякого рода и полевым зверям.

На открытом поле падешь; ибо я определил это, говорит Яхве вездесущий.

И пошлю огонь на землю Магога и на живущих в безопасности по островам, и узнают, что я—Яхве.

Хотя Иезекииль жил и проповедывал в VI в., но нарисованная здесь картина, как указывает Иеремияс (op. cit., стр. 258), относится к более ранним временам. Здесь описывается то же движение скифов на Палестину, о котором говорит Иеремия. Упоминание Мешеха и Тубала вполне понятно, поскольку скифы проходили через Малую Азию. Киммерийцы (гомер) как враги скифов известны нам также из ассирийских текстов и Геродота. Станным оказывается упоминание персов, кушитов и пун-

тийцев (Пут). Иеремиас (op. cit., стр. 258) считает данное место интерполяцией, сделанной под влиянием «Таблицы народов». Однако Иеремиас не учел того, что персы в «Таблице народов» отсутствуют, а у Иезекииля упоминаются в другом месте (XXVII, 10) как наемные воины Тира, притом опять наряду с Путом. Повидимому, Иезекииль упоминал персов и пунтийцев каждый раз, когда хотел указать на крайний восток и юг, наряду с крайним севером (гомер) и крайним западом (лидийцы в XXVII, 10), что являлось вполне логичным. Загадочным географическим термином является Рош. Делич отождествляет его с Раши (Эламский округ), но географически это не подходит к описанию Иезекииля. По мнению Иеремиаса (op. cit., стр. 258), здесь мы имеем дело с глоссой (евр. roš означает главу, начало) и переводит не «князь Роша», но «великий князь». Конечно, разрешить этот вопрос очень трудно, но, во всяком случае, следует упомянуть, что этническое название, напоминающее Рош, имеется в западном Закавказье—область Руишиани, властителя которой зовут Рашуни (Мещанинов, op. cit., стр. 31 и 38).

ИЗ КНИГИ ПРОРОКА ОБАДИИ

(VI в. до н. э.)

I, 20

И переселенное сонмище сынов Израилевых наследует землю Хананейскую до Сарепты, и переселенные из Иерусалима, находящиеся в Сефараде, наследуют города южные.

Считается, что упомянутый здесь Сефарад соответствует Сапарде, названию одного из скифских племен (Тураев, op. cit., II, стр. 78).

ИЗ БЕХИСТУНСКОЙ НАДПИСИ

(VI в. до н. э.)

СТОЛБЕЦ I, 6

(Перевод А. А. Фреймана, «Восток», 1925 г., № 5, стр. 3—13)

Говорит царь Дарий (Дараявауш): Вот страны, которые ко мне отошли, волею Аурамазда я их царем был: Персия, Сузиана, Вавилон, Ассирия, Аравия, Египет, (земли) морские, Сарды, Иония, Мидия, Армения, Каппадокия, Парфия, Дрангиана, Ария, Хорезмия, Бактрия, Ссгдиана, Гандара, Скифия, Сатагидия, Арахозия, Мака, всего 23 страны.

СТОЛБЕЦ I, 24

Говорит царь Дарий: Когда я в Вавилоне был, эти страны от меня отложились: Персия, Сузиана, Мидия, Ассирия, Египет, Парфия, Маргиана, Сатагидия, Скифия.

Судя по местоположению в списке стран, здесь имеются в виду среднеазиатские скифы.

ПЕРСИДСКИЙ ТЕКСТ БЕХИСТУНСКОЙ НАДПИСИ

(VI в. до н. э.)

Б. А. Тураев, Скифия в иероглифической надписи. Сборник в честь С. Ф. Платонова, СПб., 1911

Я пошел на землю Сака... Тигр к морю... я переправился, я перебил... сака... другого они взяли в плен и привели ко мне связанным; я поразил их... я взял в плен их вождя по имени Скунха... и поставил другого вождя согласно моей воле. Тогда страна стала моей.

Эта часть Бехистунской надписи, имеющаяся только в персидском тексте, опущена в русском переводе, сделанном А. А. Фрейманом («Восток», 1925 г., № 5, 3—13). Подробнее о ней см. Б. А. Тураев, ук. соч. Там же указывается, что в Суэцкой (иероглифической) надписи среди списка стран, подвластных Дарию I, на двенадцатом месте упомянута страна «саков, достигающих пределов земли». Тураев считает, что здесь имеются в виду европейские скифы. Акад. В. В. Струве доказывает, что здесь имеются в виду саки-массагеты.

Изображение Скунхи (с надписью «Это Скунха-сан») находится среди изображений связанных бунтовщиков, сопровождающих Бехистунскую надпись.

Акад. В. В. Струве (Поход Дария I на саков-массагетов, ИАН, III, 3, 1946, стр. 231) восстанавливает (используя отчасти новейшие работы Фоя и Вейсбаха), следующим образом данный текст: «Говорит Дарий царь: вместе с войском саков я пошел к стране саков, которая за морем, эта шапка острой носит. Затем я корабельный мост близко к морю [имеется в виду Аральское море] восстановил на его месте. От этого корабельного моста прошел я страну и я саков сильно разбил, одну часть я схватил, другая часть связанной была приведена ко мне и их первого, наибольшего из них Скунха по имени, его они захватили и привели ко мне. Там другого наибольшим сделал я, как моя воля была. Затем страна стала моей».

АРМЕНИЯ И АРМЯНЕ В БЕХИСТУНСКОЙ НАДПИСИ

(VI в. до н. э.)

А. А. Фрейман, op. cit., стр. 3—13

СТОЛБЕЦ II, 23—30

Говорит царь Дарий: ариянина, по имени Дадаршиш, моего слугу, послал я в Армению, говоря ему: «Иди и разбей мятежное войско, которое не называет себя моим». Затем Дадаршиш отправился; когда он прибыл в Армению, то мятежники собрались (и) пошли против Дадаршиша, чтобы дать сражение. В ... местности в Армении дали они сражение. Аурамазд принес мне помощь. Волею Аурамазда мое войско разбило весьма (сильно) то мятежное войско. В суравахаре (мае) месяце, 7 дня, было дано им сражение. Говорит царь Дарий: Во второй раз собрались мятежники (и) пошли против Дадаршиша, чтобы дать сражение. У Тигра, крепости в Армении, дали они сражение. Аурамазд принес мне помощь. Волею Аурамазда мое войско разбило весьма (сильно) то мятежное войско.

В суравахаре месяце, 18 дня, было дано им сражение.

Говорит царь Дарий: В третий раз собрались мятежники (и) пошли против Дадаршиша, чтобы дать сражение. У Уямы (?), крепости в Армении, дали они сражение. Аурамазд принес мне помощь. Волею Аурамазда мое войско разбило весьма (сильно) то мятежное войско. В сайгарчише (июне) месяце, 9 дня, было дано им сражение. Затем Дадаршиш до тех пор поджидал меня в Армении, пока я не прибыл в Мидию.

Говорит царь Дарий: перса, по имени Ваумис, моего слугу, послал я в Армению, говоря ему: «Иди и разбей мятежное войско, которое не называет себя моим». Затем Ваумис отправился; когда (он) прибыл в Армению, то мятежники собрались (и) пошли против Ваумиса, чтобы дать сражение. В Изале, местности в Ассирии, они дали сражение. Аурамазд принес мне помощь. Волею Аурамазда мое войско разбило весьма (сильно) то мятежное войско.

В анамаке (январе) месяце, 15 дня, было дано им сражение.

Говорит царь Дарий: Во второй раз собрались мятежники и пошли против Ваумиса, чтобы дать сражение. В Аутияре, местности в Армении дали они сражение. Аурамазд принес мне помощь. Волею Аурамазда мое войско разбило весьма (сильно) то мятежное войско. К исходу суравахара месяца было дано им сражение. Ваумис поджидал меня в Армении, пока я не прибыл в Мидию.

СТОЛБЕЦ III, 49—50

Говорит царь Дарий: когда я был в Персии и Мидии, во второй раз отложились от меня вавилоняне. Один человек, по имени Арах, армянин, сын Халдита, поднялся в Вавилоне; в местности, по имени Дубала, он лгал народу: «Я — Набукудрачар (Навуходоносор), сын Набунайта (Набонида)». Затем народ вавилонский отложился от меня и перешел к тому Араxu.

Говорит царь Дарий: Затем я послал войско в Вавилон. Перса Виндафарна (Интаферна), моего слугу, сделал я начальником над ними; так я им говорил: «Идите (и) разбейте то вавилонское войско, которое себя не называет моим». Затем Виндафарна с войском пошел в Вавилон.

Аурамазд принес мне помощь. Волею Аурамазда Виндафарна разбил вавилонян и взял (их в плен).

В маргаджане (ноябре) месяце, 22 дня, взял он того Араха, который называл себя Набукудрачаром, и людей, которые были его первейшими сторонниками. Затем я постановил. Тот Арах и люди, которые были его первейшими сторонниками, были посажены на кол в Вавилоне.

Отрывки даны с некоторыми стилистическими изменениями.

Название Армении («Армина») дано по персидскому тексту Бехистунской надписи. В вавилонском тексте сохранено старое название страны — Урашту (= Урарту). Таким образом, географический термин Армения и этнический термин армяне утверждаются в VI в. до н. э. Но сходные названия существовали еще в урартийскую эпоху. Акад. Мещанинов (Халдоведение, стр. 215) указывает на название страны Армеа, фигурирующее в надписи Сардура, сына Аргишти, а также отмечает, что личное имя Араме (так звали урартийского царя IX в.) восходит к тому же корню. Интересно также, что один из городов в стране Манна носил название Урмете (Luckenbill, op. cit.).

Восстание в Армении, упомянутое в первом из отрывков, было тесно связано с мятежом мидянина Фраваргиша, принявшего имя Хшатрита, из рода Увахшгара (Киаксара). Это имя заставляет вспомнить о Каштарите из надписи Асархаддона. Воспоминание об этом вожде мидян, киммерийцев и скифов, угрожавшем когда-то Ассирии, было, таким образом, живо в Мидии даже в VI в., и самозванец присвоил себе старинное популярное имя.

Восстание упоминается тотчас после сообщения о мятеже лже-Хшатрита и дальше оно не отмечается. Очевидно оно не считалось, по мнению Дария I, самостоятельным, было лишь отзвуком движения, начавшегося в Мидии. Из второго отрывка мы видим, что Армения была в эту эпоху тесно связана не только с Мидией, но и с Вавилоном, что соответствует данным Геродота (I, 94), говорящего об экономических связях между вавилонянами и армянами (армянами). Деятельность Араха свидетельствует о значительной политической роли армян в Вавилонии.

ИЗ НАКШИРУСТАМСКОЙ НАДПИСИ

(VI в. до н. э.)

Б. А. Тураев, История древнего Востока, II, 138

Волею Аурамазда подчинены мне страны, которые я получил, кроме Персии. Я — их господин; они приносят мне дань. Что я им говорю, то они исполняют. Мой закон для них руководство; это — Мидия, Сузиана, Парфия, Ария, Бактрия, Согдиана, Хорасмия, Дрангиана, Арахозия и Сатагида, Гандара, Индия, скифы хумаваргские, скифы с остроконечными шапками, Вавилон, Ассирия, Аравия, Египет, Армения, Каппадокия. Сарды, Иония, скифы по ту сторону моря, Скудра, ионяне с курчавыми волосами (м. б. со щитами), Пут, Куш, Максии, Карка (соответствует Карию).

«Скифы по ту сторону моря», в отличие от хумаваргских скифов и скифов с острыми шапками, обычно сопоставлялись с европейскими скифами. Но против этой устаревшей точки зрения решительно возражает акад. В. В. Струве, которому удалось убедительно доказать, что здесь имеются в виду саки-массагеты (В. В. Струве, Поход Дария I на саков-массагетов, стр. 241 слл.).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГРЕЧЕСКИЕ ПИСАТЕЛИ

ГОМЕР

[Возникновение гомеровских поэм следует отнести к очень раннему времени, может быть к концу II тысячелетия до н. э.; объединение их в одно целое произошло не раньше VII в., а окончательная редакция эпоса современной критической филологией относится к сравнительно позднему времени (не ранее VI в. до н. э.). Гомер весьма скупо упоминает о народах Северного Причерноморья. Это объясняется отчасти неопределенностью гомеровской географии и этнографии вообще; земля лестригонов, Эйский остров Кирки—все это места, известные как пределы обитаемой земли на двух направлениях греческого мореплавания: на западном—сицилийско-италийском и на восточном—черноморском.

Гомеровские киммерийцы, судя по их характеристике в «Одиссее», имеют более общего с представлениями о загробном мире, чем с историческими киммерийцами Северного Причерноморья. Эпитет «справедливейшие», прилагаемый «Илиадой» к скифам и вообще к варварским и кочевым племенам северо-восточной Европы, свидетельствует о сравнительно поздней дате этого места поэмы, поскольку представления о справедливых дикарях в противовес испорченности цивилизованных эллинов возникли лишь под влиянием пифагорейских и орфических учений опять-таки не ранее VI ст. до н. э. См. E. B e r g e r, *Mythische Cosmographie der Griechen*, стр.; 15 сл., E. M i n n s, *Scythians and Greeks*, стр. 436 сл.

Текст: H o m e r, *Iliad.*, ed. D. B. Monro; H o m e r, *Odyssey*, ed. T. W. Allen («Oxford Classical Texts», 1901—1910)].

Перевод В. Л.¹

«ИЛИАДА»

XIII, 1—7

Зевс, приблизив троянцев и Гектора к *ахейским* судам, оставил их перед судами беспрерывно нести труды и беды, а сам обратил вспять светлые очи, взирая вдаль на землю конеборных фракийцев, сражающихся врукопашную мисийцев и дивных гиппемолгов-млекоедов², бедных³ и справедливейших людей. А к Трое он совсем уже не обращал светлых очей⁴...

¹ [Так как большинство переводов принадлежит В. В. Латышеву, то его инициалы не будут ставиться при каждом отдельном авторе; фамилии же других переводчиков будут обозначаться].

² [ἵππομολοί—доители кобылиц].

³ [Эпитеты «дивные» (ἄγαστοι) и «бедные» (ἄλαιοι), прилагаемые Гомером к скифам, принимались нередко в древности, а также и у новейших исследователей за этнические наименования, о чем свидетельствуют схолии (см. ниже схолии к «Илиаде»), а также Стефан Византийский под словом ἄλαιοι (см. упоминания о скифском племени абиев у Страбона и т. д.)]

⁴ Об этих стихах см. Strabo, VII, 3 и ниже схолии.

«ОДИССЕЯ»

X, 77—99¹

Отсюда [т. е. с Эолова острова] поплыли мы² вперед с сокрушенным сердцем. Истощалась бодрость людей от тяжелой гребли по нашей же глупости, так как не являлся больше попутный ветер. Шесть суток одинаково плыли мы по ночам и днем, а на седьмой *день* достигли ламова³ неприступного города, лестригонского Телепила⁴, где пастыря пастырь зовет, загоняя *скот*, а тот отвечает, *уже* выгоняя. Там бессонный человек получил бы двойную плату, — одну за пастьбу волов, а другую за пастьбу серебристо-белых овец, ибо близки *там* пути ночи и дня. Тут, когда мы вступили в славную бухту, вокруг которой с обеих сторон сплошь высится крутая скала, а нависшие берега выдаются друг против друга в устье и узок вход, тут все направили внутрь округленные суда. Они были привязаны близко *одно к другому* внутри глубокой бухты, ибо никогда в ней не поднималось волнение ни большое, ни малое, а было кругом светлое затишье. Только один я удержал черное судно вне *бухты*, там на окраине, привязав причалы к скале, а сам, поднявшись на утесистую вершину, встал [чтобы обозреть местность]. Не было там видно дел ни волов, ни людей, и видели мы только поднимавшийся от земли дым.

X, 133—139

Отсюда [от лестригонов] поплыли мы вперед с сокрушенным сердцем, радуясь *своему избавлению* от смерти, но потеряв милых товарищей. Прибыли мы на остров Эйский⁵; там обитала славнокудрая Кирка, сильная богиня, говорящая человеческим языком, родная сестра коварного Ээта; оба они произошли от Гелиоса, светящего смертным, и от матери Персы, которую породил Океан.

XI, 12—19

Закатилось солнце, и покрылись тьмою все пути, а судно наше достигло пределов глубокого Океана⁶. Там народ (*δῆμος*) и город (*πόλις*) людей

¹ Этот отрывок приводится потому, что некоторые ученые (Dubois de Montpéreux, Bähr и др.) приурочивали часть странствий Одиссея к Черному морю и в бухте лестригонов узнавали Балаклавскую бухту. Во всяком случае из отрывка видно, что автору поэмы были известны короткие северные ночи.

² Рассказывает Одиссей на пиру у Алкиноя, царя феаков. Рассказ обнимает rap-содии IX—XII.

³ [Лам—царь лестригонов, сын Посейдона.]

⁴ [Телепил—уже в древности толковалось как имя собственное—название столицы Лама].

⁵ [Эя у древних авторов обычно—столица Ээта (с ней же связана и Αἰτίη—об этимологии этого наименования с удвоенным αἰ см. в схолиях Евстафия к этому месту), отца Медеи (см. об этом в прим. к Нег., I, 2). Впрочем, в древности островом называлось иногда не совсем то, что в наше время: часть материка, расположенная между морем и двумя реками, верховья которых недалеко друг от друга, или какой-либо полуостров при впадении реки в море могли быть названы островом. Островом называли Таманский полуостров и город Теос в Малой Азии, расположенный на полуострове. В этом же смысле надо понимать, вероятно, и «остров» Эйский, который у Гомера локализовался, вернее всего, как и позже, при устьи Рюона.]

⁶ На пути с Эйского острова.

киммерийских¹, окутанные мглой и тучами; и никогда сияющее солнце не заглядывает к ним *своими* лучами—ни *тогда*; когда восходит на звездное небо, ни *тогда*, когда с неба склоняется назад к земле, но непроглядная ночь распростерта над жалкими смертными.

XII, 59—72²

Там с одной стороны нависшие скалы, а об них с шумом разбиваются огромные волны синеекой Амфитригы³. Планктами⁴ зовут их блаженные боги. Здесь не могут пролететь ни пернатые *вообще*, ни робкие голубки, которые несут амбросию отцу Зевсу: но и из них всегда отнимает *хоть одну* гладкая скала, но отец посылает другую для пополнения числа. Здесь никогда не пробегало ни одно человеческое судно, какое бы ни приходило, но морские волны и бушующее, губительное пламя вместе уносят доски судов и трупы мужей. Только один проплыл тот мореходный корабль, всем известный Арго⁵, на *возвратном* пути от Ээта: и его тут скоро кинуло бы на огромные скалы, но Гера провела *его*, ибо люб ей был Язон.

ДРЕВНИЕ СХОЛИИ

К «ИЛИАДЕ» ГОМЕРА

[Древние схолии к «Илиаде» и «Одиссее» представляют для филологии и истории значительный интерес прежде всего потому, что помогают уяснению некоторых мест эпоса, уже в древности вызывавших различные толкования. В особенности интересны относящиеся к XII в. н. э. схолии Евстафия, пользовавшегося при их составлении некоторыми древними сочинениями, утраченными безвозвратно.]

Текст: Scholia Graeca in Homeri Iliadem ex codicibus aucta et emendata ed. Guil. Dindorfius, Oxonii, 1875—1877, 4 тома.

К II, 11 (III, 86 Dind)⁶. *Длинновласые*. Ибо лаконцы носят длинные волосы, а от них все эллиниство ... скифы же первые стали стричься, почему и называюся «оскифленными».

К III, 189 (I, 149). *Амазонки* (Ἀμαζόνες) *равные мужам*. Говорят, что амазонки—дочери Ареса и Афродиты, вскормленные у Термодонта⁷, реки в Скифии. Названы же так по причине вырезывания правой груди (ῥᾱστός), как мешающей в стрельбе из лука.

— (III, 172). *Амазонки*] жили они у Термодонта... а названы так по неимению одной груди (ибо они выжигали ее, чтобы не иметь помехи при стрельбе из лука) или потому, что не употребляли в *пищу* хлеба (ῥᾱζ), но черепах, змей и ящериц. Ἀντιζῦγροι же *значит* равные или противные мужам.

К IV, 23 (I, 169=III, 195). Σχοζομένη] гневающаяся; ибо самые вспыльчивые *люди* называются скифами.

¹ [О киммерийцах, как об историческом народе, см. прим. к Нег., I, 103. Океан, по представлению древних, в виде мощной реки омывал земную поверхность.]

² Из рассказа Кирки Одиссеею при прощании.

³ [Амфитрита—богиня морских волн.]

⁴ [«Блуждающие» скалы Планкты,—в эпосе об аргонавтах Симплегады, также Кианей у многих авторов—локализируются при выходе из Босфора в Черное море.]

⁵ [Арго—мифический корабль, на котором совершали свое плавание аргонавты во главе с Язоном.]

⁶ [В дальнейшем цифры, приведенные в скобках, указывают на тома и страницы издания Dindorf'a.]

⁷ [Термодонт—река в Малой Азии, впадающая в Черное море, ныне Терме-Чай. На реке Термодонте греческая мифология локализовала племя амазонок. Так как амазонок помещали иногда и в Скифии, в области савроматов (см. Нег., IV, 110), то туда же переносился и Термодонт (который идентифицировался в этом случае с Кубанью)].

К VI, 122 (III, 203). *Ушки*] $\gamma\lambda\omicron\phi\acute{\iota}\delta\alpha\varsigma$ вместо единственного числа. Поэт описывает способ стрельбы из лука. Скифы натягивают *лук* к плечам и конскими тетивами, а критяне—противоположно им и воловьими тетивами...

К VI, 186 (III, 290). *Амазонок*]. Некоторые говорят, что выступившие в поход были не женщины, а мужчины-варвары: они носили длинные до земли хитоны, волосы повязывали повязками, а также брили бороды, и поэтому враги называли их женщинами. Они были из племени амазонов [$\Lambda\mu\alpha\lambda\acute{\omicron}\nu\alpha\varsigma$] и храбры в бою. Невероятно, чтобы когда-нибудь был женский поход: ведь и ныне нигде их не бывает.

К VIII, 325 (I, 285)... Неотел¹ утверждал, что это скифский способ стрельбы, когда лук натягивается к плечу.

—(III, 361). *Схолий* Порфирия. По поводу этих стихов, относящихся к Тевкру² спрашивают, в которую руку ранен Тевкр и тянет ли он тетиву к плечу, как скифы. Так думал Неотел, написавший целую книгу о стрельбе из лука в героический период и утверждающий, что критяне тянут тетиву к груди и делают натягивание округленным, тогда как скифы натягивают не к груди, а к плечу...

К IX, 360 (I, 319). *Рыбообильный Геллеспонт*]. И в других сочинениях называются обильными рыбою эти воды, т. е. Понт Эвксинский и Геллеспонт, а также Боспор³.

К X, 429 (I, 363). *Кавконы*] народ в Пафлагонии, другие же говорят в Скифии; иные же *разумеют под кавконами* так называемых кавниев⁴.

К XIII, 5 (II, 2). *Агавов гиппемолгов*] агавы—имя народа; выдавая кобылиц, они питались их молоком. Деметрий же слово $\acute{\alpha}\gamma\alpha\upsilon\acute{\iota}$ понимает в смысле «красивые»⁵.

К XIII, 6. *Абиев*⁶—кочевых скифов, откуда происходит и Анахарсис; их-то поэт называет справедливейшими из всех; потому что они имеют обшитами детей и жен и все, кроме меча и чаши; им и земля сама собою дает пропитание, и они не едят никакой животной пищи. Эсхил называет их *габиями*⁷. Абиями же они названы или от слова $\beta\acute{\iota}\omicron\varsigma$ [жизнь], или от $\beta\acute{\iota}\alpha$ [сила]; или это значит «переезжающие со всем имуществом». Или потому, что они бездомны. Некоторые же *принимают* α с растяжением, чтобы это слово значило «многожизненных» и «многолетних», ибо они долговечны. Или это значит «не знающих нашей жизни»: ибо поэт прибавляет «справедливейших людей». Или «не употребляющих насилия»; или «живущих в кибитках». Некоторые же называют их сарматами; говорят, что они кормят путников и пересылают их один другому.

Когда все скифы покорились Александру, одни абии, говорят, не подчинились ему и, только увидев *величие* его души, вступили с ним в сношения. Справедливейшими же поэт называет их по необщительности с другими народами, как и эфиопцев. Или потому, что они не пожелали принять участие в походе амазонок в Азию.

¹ [Неотел—греческий грамматик, составивший схолии к Гомеру, которые использовались позднейшими схолиастами. Возможно—ученик Аристарха (II в. до н. э.)]

² [Тевкр—греческий герой, сводный брат Аянта, царя Саламина, славившийся стрельбой из лука.]

³ [«Рыбообильным» в действительности, как в древности, так и в новое время, было Азовское море. Слава его распространялась на весь Черноморский бассейн.]

⁴ [Кавконы—племя, жившее в районе города Пессинунта в Малой Азии. Упоминаются у Стефана Византийского (s. v. Καβκωνες) и у Страбона, считавшего их родственными фригийцам.]

⁵ Другой схолий к этому стиху (IV, 2 Dind.) так читается: «агавы—имя народа; они, выдавая кобылиц, сами питаются молоком».

⁶ [Об агавых и абиях см. в прим. к II. XIII, 1 сл. Об Анахарсисе см. Нер., IV, 76 сл.: о посольстве абиев к Александру Македонскому упоминает Арриан (An. Al., IV, 1, 1).]

⁷ Steph. Byz., s. v. $\alpha\gamma\alpha\iota$.

В томе IV, стр. 2, имеется дословное повторение вышеприведенного рассказа о сношениях абиев с Александром [Великим], а потом читается следующее:

Поэт называет их справедливейшими по необщительности с *другими народами* или потому, что они имеют общими детей и жен и все, кроме меча и чаши. Им сама собою земля родит растения, а животных они никаких не едят; «абии» же *значит* «не имеющие очагов».

К XV, 628 (IV, 100). *Ибо едва уплывают из-под смерти*. Ибо очень мало отстоят от смерти. Первый же сказал это скиф Анахарсис, который, спросив одного моряка, насколько мы отстоим от воды, и узнав, что на четыре пальца, сказал: «на столько *эсе* и от смерти...»

К XVIII, 515 (IV, 197)... И у савроматов женщины, нося одинаковую с мужчинами одежду, участвуют в войнах¹.

СХОЛИИ

К «ИЛИАДЕ» ГОМЕРА

Из парижских рукописей; изданы в Anecdota Graeca e codd. manuscriptis bibliothecae regiae Parisiensis, ed. J. A. Cramer, Oxon., 1839—41, 4 тома.

Извлечение и перевод С. А. Селиванова

К I, 108 (Cramer, III, 4)... Она [Ифигения] была послана в храм богини [Артемиды] в Тавриде, что в Скифии. Рассказ *об этом есть*... и у Диктия, написавшего «Γρωϊκά».

К X, 224 (Cram., III, 86)... Скиф, конское ржание поставивший выше лучшей музыки, у древ. их порицается за свое варварское суждение...

К I, 482 (Cram., III, 184)... Зевс, влюбившись в дочь Нереея Фетиду, преследовал ее, желая изнасиловать. Когда же он достиг Кавказской горы, то здесь ему помешал Прометей, сказав, что родившийся от Фетиды будет сильнее собственного отца. Итак, испугавшись за свое царство на небе... Зевс удаляется...

К XIII, 5 (Cram., III, 172)... Когда *все скифы* покорились Александру, одни абии, говорят, не подчинились *ему*; и, только увидев *величие* его души, вступили с ним в сношения. *Поэт* называет их справедливейшими по необщительности с *другими народами*; или потому, что они имеют общими детей и жен и все, кроме чаши и меча; им сама собою земля родит растения, а животных они никаких не едят. «Абии» же *значит* «не имеющие очагов»; они же называются живущими на телегах и кочевниками.

ОБЪЯСНЕНИЯ

[ΕΠΙΜΕΡΙΣΜΟΙ]²

К ГОМЕРУ В АЛФАВИТНОМ ПОРЯДКЕ

Текст: Anecdota Graeca e codd. manuscriptis bibliothecarum Oxoniensium descript J. A. Cramer, Oxon., 1835, t. I.

Извлечение и перевод А. И. Маленна

Cramer, 32—33. *Амазонки* [Il., III, 189]. Именительный падеж Ἀμαζόνων это название *происходит* от слова μαζός (грудь) и лишакшего α, ибо, чтобы не иметь помехи в стрельбе из лука, они отсекали одну из своих грудей; или потому, что они жали и косили (ῥίμων καὶ ἐκείρων [sic]), надевая псяса и выходя в полном вооружении, так что они были названы

¹ [О савроматах и савроматских женщинах см. в прим. к Her., IV, 110 сл.]

² О слове ἐπιμερισμοί см. H. Sauppe, Ausgewählte Schriften, Berl., 1896, стр. 13 сл.

амазонками оттого, что они жали в поясах (ἐν ταῖς ζώναις ἄρᾶν), или потому, что они были лишены кормления грудью, но питались змеями и разными другими животными.

Strab., 80. *Амазонка* [II., III, 189]. От неимения груди, но такая этимология не вероятна [ἀπίθανος]. Фемистагор¹ же говорит в «Золотой книге»: «Живущие в Алопе, ныне называемой Ликией, что у Эфеса, женщины, отказавшись единодушно от обычных женских занятий и надев пояса и вооружение, исполняли все мужские дела, а сверх прочего и ἦσαν с этими поясами, т. е. жали; поэтому и названы амазонками — «жавшие в поясах», или потому, что они выжигали одну из грудей для стрельбы из лука, или потому, что они не питались лепешками, но змеями, скорпионами, ящерицами и черепахами; иные же *производят название* от матери Амазои².

Strab., 436. *Медь* [II., I, 236]. От слова халиб [родительный падеж]: халиба, означает народ, ибо там была найдена медь (χαλκός)...

ДРЕВНИЕ СХОЛИИ

К «ОДИССЕЕ» ГОМЕРА

Текст: Scholia Graeca in Homeri Odysseam ex codicibus aucta et emendata edidit Gul. Dindorfius, Oxonii, 1855, 2 тома.

К VIII, 222 (стр. 374 Dind.). *Едящие хлеб*. Поэт сказал это ради некоторых племен, которые не ели хлеба; поэтому некоторые назывались акридоедами и рыбоедами, как и скифское и массагетское³ племя называются мясоедами. Некоторые из акридоедов, увидев хлеб, принимали его за навоз.

К IX, 32 (стр. 408). *Эйская Кирка* из Эйского острова (ἐξ Αἰζίνης νήσου) в Тиррении⁴ или Колхиде (Κολχιδῆς) ибо Эя (Αἶα) — город Колхиды (Κολχίδος)...

Αἰζίνη] дочь Ээта. Или почитаемая от Эйской страны; есть и город в Колхиде (Κολχίδας).

К X, 135 (стр. 457). *На Эйский же остров* название острова. Некоторые говорят, что это нынешний Киркейон⁵ в Италии.

137 (ibid.). *Ээта*. Ээт — царь колхов, отец Медеи, брат Кирки.

139 (ibid.). *От Персы*. Перса была дочерью Океана и супругой Гелиоса. У Гелиоса и Персы *родились* Ээт и Кирка...

К XI, 14 (стр. 479). Там же киммерийцев⁶. Аристарх *пишет* «кербереев». Киммерийцы — народ, живущий вокруг океана; некоторые же лишут χειμῆριον [т. е. зимних], а иные «кербериев», как *например*, Кратес. Геродот же *говорит*⁷, что киммерийцами были изгнаны скифы. Иные же говорят, что под киммерийцами разумеются живущие на западе и соседние с местностями близ Аида; или с мертвыми, от *выражения* ἐν τοῖς ᾗροις κεῖσθαι [лежать в гробницах]. Некоторые *разумеют* мертвых, от *выражения* ἐν ἔρῃ κεῖσθαι [лежать в земле]. Эти киммерийцы, или скифы-кочевники, придя из западных областей океана, разграбили храм Аполлона в Дельфах. Вследствие этого поэт поносит их, как живущих во мраке.

¹ О Фемистагоре см. ниже стр. 287.

² См. ниже.

³ [О массагетах см. в прим. к Нер., I, 201.]

⁴ [С Тирренией, т. е. со средней Италией, Кирку связывает та (независимая от эпоса) мифологическая традиция, которая приводила в Италию аргонавтов и Одиссея. См. J. B é g a r d, La colonisation de la Sicile et d'Italie méridionale, стр. 408 сл.]

⁵ [Киркейон — город Цирцеи в Италии на побережье Лация, ныне Чирчелло].

⁶ [О киммерийцах мифических, отождествляемых, подобно феакам, с жителями того света, см. в предисловии к отрывкам из Гомера; о киммерийцах исторических см. в прим. к Нер., I, 103].

⁷ Геродот (IV, 12—13) говорит наоборот, что киммерийцы были изгнаны скифами.

ЕВСТАФИЯ

АРХИЕПИСКОПА ФЕССАЛОНИКИ

ОБЪЯСНЕНИЯ К «ИЛИАДЕ» ГОМЕРА

Евстафий, знаменитый митрополит Фессалоникский, жил во второй половине XII в. н.э.

Текст: Eustathii archiepiscopi Thessalonicensis commentarii ad Homeri Iliadem ad fidem exempli Romani editi. Lipsiae, sumtibus I. A. G. Weigel, 1827. В расстановке ударений и знаков препинания сделаны некоторые изменения.

Стр. 22, 23 сл. (к I, 9)

... Есть много подобных указаний отдаленных причин у древних; к числу их относится и изречение Анахарсиса, который на вопрос, почему у скифов нет флейтистов, сказал: потому что нет и виноградных лоз. Он тоже далеко зашел в объяснении причины; ближе было бы сказать, что у скифов нет и пьянства и вина, но он дошел до более отдаленной причины—виноградных лоз.

Стр. 259, 7 сл. (к II, 481)

Древние свидетельствуют, что есть и северный народ тавры и Артемида таυροπόλος¹, названная так не только от народа тавров, но и от животного...

Стр. 272, 40 сл. (к II, 511)

Географ... рассказывает² ... и что понтийские ахейцы³, упоминаемые и у Перизгета⁴,—поселенцы орхоменцев, занесенных туда с вождем Иалменом после взятия Трои...

Стр. 315, 21 сл. (к II, 656)

Автор сочинения «*Ἐδυικά*» упоминает и сицилийский город Линд; гомеровский Иэлис [*Ἰηλος*], он пишет *Ἰαλος* говоря, что Иалис есть и в Скифии и в Адриатическом заливе⁵.

Стр. 325, 15 сл. (к II, 701)

... Географ, упомянув о гомеровских *ἄβιοι*⁶, объясняет их название выражением «без женщины»: ибо холостая жизнь полусовершенна...⁷

¹ [Этимология эпитета богини Артемиды «*ταυροπόλος*» («чтимая жертвами, состоящими из быков» или «чтимая таврами») была неясна уже в древности. Происхождение этого эпитета из культа быка признается наиболее вероятным в современной науке. Культ Артемиды «*ταυροπόλος*», распространенный преимущественно во Фракии и в Малой Азии, связывается с догреческими (крито-микенскими) культами. См. F a g n e l l, The Cults of Greek States, II, стр. 452.]

² Strabo, IX, 2,42 (p. 416 C): «Рассказывают же, что так называемые ахейцы на Понте являются поселенцами орхоменцев, занесенных туда во главе с Иалменом после взятия Трои».

³ [Об ахейцах в Северном Причерноморье см. в прим. к [Scyl.], Per., 75.]

⁴ Dion. Per., 682.

⁵ Стефан Византийский s. v. *Ἰαλος*. [Целый ряд одинаковых топонимических и этнических имен указывает на определенную языковую общность для бассейна Эгейского моря, с одной стороны, и западного Средиземноморья, с другой, в эпохи, предшествующие цивилизации. См. P. K r e t s c h m e r, Einleitung in die Geschichte der griechischen Sprache, 1896, стр. 171 сл.]

⁶ [Об *ἄβιοι* см. в прим. к II, XIII, 1—7.]

⁷ Strabo, VII, 3, 3.

Стр. 332, 20 сл. (к II, 735)

... Есть также Астерусия, как говорят, гора на Крите и город у индийского Кавказа¹.

Стр. 363 (к II, 856 сл.)

Гализонами² предводительствовали Одий и Эпистроф, издалека из Алибы, где родится серебро... Об этих *гализонах* весьма большое сомнение у древних. Поэтому и географ, встретив большое затруднение для разъяснения этого народа и ясного познания *о нем*, говорит³, что поэт упоминает о каком-то неизвестном *народе*... Вместо «из Алибы» некоторые пишут «из алибов», другие же «из халибов»⁴, иные «из Алопы» или, по Менеократу, «из Алобы», а также и «из Халибы». Подобные *написания* опровергает географ, равно как и тех, которые говорили, что гализоны жили у Пигел между Эфесом, Магнесией и Приеной; он говорит при этом, что предполагается переход имени из «алибов» в «халибов». Поэтому он пишет где-то, что поэт назвал гализонами халибов и что предполагалось, что у халибов некогда существовали достойные упоминания и знаменитые серебряные рудники, как ныне *существуют* железные, и говорит также, что некоторые вместо «гализонов» пишут не только «олизонов», но и «алазонов» и что некоторые понимают под гализонами скифов...⁵

Стр. 403, 5 сл. (к III, 189)

... Ясно, что от них [т. е. амазонок⁶] получила начало и пословица «прекрасно действует хромой»⁷. Амазонки, говорят, калечили ногу или правую руку у *детей* мужского пола. Когда же скифы приглашали их жить с ними, как с неискалеченными, по Павсанию, то, говорят, Антианира, одна из амазонок, дерзкая и наглая, сказала: «прекрасно действует хромой», т. е. что они довольны и хромыми.

Стр. 565, 4 сл. (к V, 408)

... Здесь же пригодно и свидетельство Арриана, сказавшего в «*Βιβλικῶν*»⁸, что вифинцы, всходя на вершины гор, называли Зевса папою и его же Аттисом, а равно и выражение *Геродота*: «Зевс у скифов совершенно правильно называется Папаем»...⁹

¹ Стефан Византийский s. v. 'Αστερουσία, [у которого заимствовано это свидетельство, говорит о скифском городе Астерусии у Кавказа].

² [Об алазонах см. в прим. к Нег., IV, 17. Ализоны, по Страбону, — народ в северной части Малой Азии (Вифинии). Алиба — город в их земле или, по другим данным, в Троаде].

³ См. Strabo, XII, 550 сл.

⁴ [О халибах см. в прим. к Нес., fr. 195.]

⁵ О гализонах ср. еще Eusth., 519, 35.

⁶ Выше комментатор говорил о происхождении названия амазонок и об относящихся к ним преданиях.

⁷ Точный перевод глагола οἰφίσιν неудобен для печати.

⁸ Это сочинение Арриана до нас не дошло (Arr., fr. 30, FHG, издание Müller'a III, 592).

⁹ [По мнению С. А. Жебелева («Геродот и скифские божества», ИТОИАЭ, I, стр. 85 сл.) Геродот (IV, 59) потому считал наименование Зевса Папаем «правильным», что оно напоминало ему греческое (гомеровское) πάππας — ласкательная форма от слова отец.)

Стр. 626, 42 сл. (к VII, 81)

... Говорят, что с *этим* не сходно свидетельство Геродота¹, у которого некие скифские женщины, видя, что их мужья без оглядки бегут с *поля битвы*, подняли подола и сказали: «куда вы бежите? или хотите спрятаться туда, откуда вышли?» Вследствие этого мужья, устыдившись, ободрились и, возобновив битву, одержали победу...

Стр. 642, 65 сл. (к VII, 290)

... Так некогда и аргонавты, приплыв в Колхиду из Эллады через Геллеспонт, совершили объезд, и по Истру пробравшись в Адриатическое море², с трудом спаслись, совершив далекое странствие из страха перед Ээтом...

Стр. 667, 9 сл. (к VII, 86)

Рассказы о Гелле известны ... и как ... [баран] спас Фрикса в Колхидскую землю, а *спасти* Геллу не мог, когда она упала в получивший от нее название Геллеспонт, и что в Колхиде была снята Фриксом шкура с этого барана, принесенного в жертву Зевсу Фиксию³, и неуспынным драконом охранялось вызолоченное руно его, за которым и приплыли аргонавты.

Стр. 723, 42 сл. (к VIII, 460)

Σκῦζαδμῖ значит быть объягу гневом, происходит же *этот глагол*, может быть, и от слова κῦων [собака] с плеонастическим σ ..., но скорее всего, по древним, от слова Σκῦδης, так как скифы очень скоро приходят в гнев...⁴

Стр. 746, 50 сл. (к IX, 203)

Нужно же знать.. и что под ζωρῶν более разумеется чистое вино, как это видно и из следующих слов Геродота⁵: когда спартиаты захотят выпить менее разбавленного вина, то говорят «подскифь», как бы от скифов, которые, по его словам, прибыв в Спарту в качестве послов, научили Клеомена пить цельное вино⁶.

Стр. 916 (к XIII, 1—7)

Теперь поэт вкратце описывает страны, упоминая о фракийцах, которых пределом или, *по исалуй*, началом *служит* Геллеспонт и которых он называет «конекборными», ибо фракийцы—народ конелюбивый; о сражающихся в рукопашную мисийцах, *желеющих* в Македонии и по Истру, и об ἄχαιοι [ἱππῆες ἄχαιοι], в упоминании о которых, как говорят древние, не ясно, есть ли ἄχαιοι название народа, ἱππῆες ἄχαιοι же сказано в виде эпитета, или, наоборот ἄχαιοι—эпитет, равнозначный εὐδαίμων [благовидных], а ἱππῆες ἄχαιοι—народное название, что и *является* лучшим толкованием. Ибо в истории часто упоминается народ гиппемолги [доители кобылиц]. Живет в Скифии этот народ, т.е. дивных гиппемолгов, которых поэт называет также млекоедами, бедными и справедливыми, говоря: «а сам», как сказано, «вспять обратил светлые очи, взирая вдаль на землю конекборных фракийцев, сражающихся в рукопашную мисийцев

¹ У Геродота нет такого рассказа о скифянках.

² [О плавании аргонавтов по Истру в Адриатическое море см. в прлм. к отрывку из сочинения Аристотеля «О чудесных слухах», 105.]

³ [Φύξις — защитник беглецов.]

⁴ В комментариях к «Одиссее» (р. 1745, 59) Евстафий производит Σκῦδης от σκύτος.

⁵ Нер., VI, 84.

⁶ [Древние греки, как известно, пили вино, разбавленное водой (Нер., VI, 845)]

и дивных гиппемолгов, млекоедов и бедных, справедливейших людей»; поэт назвал их γλακτοφάγους, т. е. в полной форме γλακτοφάγους, как доящих кобылиц и питающихся молоком, почему некоторые называют их «млекопийцами»; отсюда и «гиппака», по Элию Дионисию, — скифское кушанье, приготовляемое из кобыльего молока; Ἄβιοι же поэт назвал их потому, что они ὀλιγύβιοι, т. е. умеренны и просты по образу жизни, или потому, что странствуют с пожитками, как живущие на повозках. Ибо поэт упоминает здесь о кочевниках, по мнению географа, который говорит¹, что поэт вставил здесь упоминание и о фракийцах и мисийцах, живущих у Истра, прибавляя при этом, что мисийцы живут и за Истром. По другому объяснению ἄβιοι значит имеющие βίον, т. е. лук, ибо они — лучники; или они названы так потому, что не знают насилия [βίαν], ибо они свободны; или потому, что они бездомны вследствие скифского кочевого образа жизни; из них был, как говорят, и Анахарсис; или потому, что долговечны (с растяжением ἄ), или πολύβιοι, т. е. многомощны, ибо они храбры, и потому названы ἄβιοι. «Справедливейшие», а не просто «справедливые» потому, что все у них общее, и потому, что кормят путников и пересылают их друг к другу. Сама собою земля приносит им жизненные продукты, и они не едят ничего живого. Они, говорят, не вступают в сношения с другими народами и не пожелали принять участие в походе амазонок против Азии. Эсхил, говорят, называет их γάβιοι². Говорят также, что, когда все скифы подчинились Александру, одни абии не поддались, но со временем, увидевши, что он хороший царь, вступили с ним в сношения. Арриан же говорит, что в Азии живут абии-скифы, никому не подчиненные вследствие бедности и справедливости³. А что не известно наверное, азиатские ли народы названы поэтом, или европейские, ибо писатели держались и того и другого мнения, как показано и в заметках к Перизегету, — с этим нелегко справиться. Так говорят прочие писатели. А географ говорит⁴, что гомеровские абии так называются потому, что живут без женщин. Они воздерживаются от употребления в пищу живых существ, питаются медом, молоком и сыром. Поэтому они и называются богопочитателями и воскурителями; или они называются абиями, говорит он, как бездомные и живущие на повозках. Он называет их также кочевниками, умеренными и довольными своим положением, имеющими все общее, даже жен и детей⁵. Они недоступны и непобедимы, не имея ничего такого, из-за чего могли бы попасть в рабство. О гиппемолгах же географ рассказывает также⁶, что они питаются кониной, кобыльим сыром, молоком и кислым молоком, которое считается у них лакомством. Это относительно того, что они млекоеды. Справедливейшими же географ называет их⁷ потому, что они, предоставив землю земледельцам, сами живут в горах, назначивши им умеренную дань для удовлетворения ежедневных насущных потребностей жизни, а если те не дают дани, то воюют с ними... Географ сообщает также следующее⁸: эти народы живут на повозках и питаются мясом домашних животных, молоком и сыром, преимущественно кобыльим, не имея понятия о запасах и мелочной торговле, за исключением обмена товара на товар; справедливейшими же, говорит он, они являются потому, что они не занимаются торговыми делами и сбережением денег, но всем владеют сообща, кроме меча и чаши. А что молоко пита-

¹ Strabo, VII, 3, 2.

² В изданиях γαβίους. См. Steph. Byz. s. v. Ἄβιοι.

³ Arr., An. Al., IV, 1, 1.

⁴ Strabo, VII, 3, 3.

⁵ Strabo, VII, 3, 7.

⁶ Strabo VII, 4, 6.

⁷ Strabo, VII, 4, 6.

⁸ Strabo, VII, 3, 7.

тельно, это доказывает писатель, сообщивший, что некий Филин приобрел известность тем, что никогда не употреблял иного питья или пищи, кроме одного молока. И многие народы, говорит он, живут одним молоком... Заметь же, что если в приведенных словах *поэты* разуместь северные части европейской Фракии и живущих глубже в Европе мисийцев, от которых взор может тотчас перейти и к скифам, часть которых составляют гиппемолги, то получается правильное понимание...

Стр. 986, 48 (к XIV, 292)

... Тот же рассказ свидетельствует, что гаргарей¹—имя народа, вступающего в связи с амазонками².

Стр. 987, 15 (к XIV, 294)

... Другие же передают миф, что Гера до замужества родила Прометея от Эвримедонта, одного из титанов³, а Зевс, узнав об этом, Эвримедонта низверг в тартар, а Прометея впоследствии под предлогом *похищения* огня распял и пригвоздил на Кавказе.

Стр. 1053, 4 (к XVI, 174)

... Аракс, благодаря своему бурному течению [получил свое название] от глагола *ἀράσσειν*.

Стр. 1159, 51 (к XVIII, 514)

... И у савроматов женщины, надев мужскую одежду, участвуют в войнах...⁴

Стр. 1257, 27 (к XXII, 69)

... Царь Птолемей, говорят, признался, что не пробовал фазана, ибо древние воспитывали их для украшения...⁵

ЕВСТАФИЯ

АРХИЕПИСКОПА ФЕССАЛОНИКИ

ОБЪЯСНЕНИЯ К «ОДИССЕЕ» ГОМЕРА

Издание указано выше.

Стр. 1382, 56 сл. (к I, 4)

Понтом в главном и общем значении *называлось* всякое море... в частности же у позднейших—понт Эвксинский⁶; он был страшен эллинам по своей отдаленности... Поэтому, говорят, про понтийских людей, где-либо появлявшихся, говорили, что они прибыли «из многого понта», что было равносильно выражению «из гибели».

¹ [По данным авторов римского времени (Страбон, Плиний), гаргарей—скифское племя в северных предгорьях Кавказа].

² Рассказ этот Евстафий относит не к определенному писателю, а к «некоторым древним». Ср. Strabo, XI, 5, 1.

³ [По свидетельству Эвфория (фр. 134 М), Эвримедонт, царь титанов, изнасиловал богиню Геру, когда она была еще девушкой, и, таким образом, стал отцом Прометея].

⁴ [О савроматских женщинах см. Нер., IV, 110 сл. и в прим. к этому месту].

⁵ [Фазаны—т. е. фазианские птицы, от реки Фасиса (Риона) на Кавказе].

⁶ [Писатели римского времени зачастую называли Понт Эвксинский просто Понтом. Понтом же называлась и северная часть Каппадокии в Малой Азии (царство Полемона)].

Стр. 1493, 46 (к IV, 228)

...Πολύδραυз или в среднем роде в виде эпитета, т. е. многих одолеваящие зелья, или собственное имя египетской женщины—ἡΠολύδραυз как ἡ Μήδραυз, как говорит и Эвфорион: «умовредительные зелья, какие знала Полидамна и какие китейская Медея¹, т. е. зелья, в которых сведуща была египтянка Полидамна и Медея из города Китеи, о которой упоминает и Ликофрон².

Стр. 1614, 1 сл. (к IX, 32)

... Эйская (Αἰχίη) *поставлено* вместо «колхидская» по местному названию, ибо Эя (Αἶζ) *упоминается как* город в Колхиде у других писателей и у Ликсфрона³; гражданин ее—Αἰαῖος, гражданка—Αἰαία. И остров Кирки *также называется* Αἰαίη из-за этой Кирки: ибо иначе, если первоначальное название Эйского острова (Αἰαίη νῆος) было с двумя αι, то Кирка должна была бы иметь от него и третье αι, и получилось бы Αἰαιαίη, каковая форма *на самом деле* не употребляется по неблагозвучию и по вышесказанной омонимии. Географ же, назвав город Эю на Фасисе, говорит, что близ этой колхидской Эи *лежит* и Эйский остров, принадлежащий Кирке⁴. Древние свидетельствуют, что и герой Ээт получил имя от этой Эи⁵.

Стр. 1614, 62 сл. (к IX, 65)

... И Пиндар рассказывает⁶, что поход Язона был предпринят с целью вызова души Фрикса из Колхидской земли.

Стр. 1649, 27 сл. (к X, 86)

Выражение «близки пути ночи и дня» некоторые принимают не только в местном значении, т. е. что ночные и дневные пастбища лежат, как сказано, вблизи города, почему и пастухи, как сказано, приветствуют друг друга,—но и во временном, т. е. что в течение некоторого времени там бывают очень короткие ночи. Поэтому и не легко, возможно, кому-нибудь в течение одной части ночи достаточно отдохнуть, а в другую часть пасти скот, потому что с началом ночи близко сходится и восход солнца, короткое время пробывшего под землей. Поэтому человек, могущий довольствоваться коротким сном, зарабатывает там вдвое. Такое математическое объяснение первый дал, говорят, Кратес⁷, предложивший гипотезу о краткости тамошних ночей и сказавший, что лестригоны живут под головою Дракона, находящейся среди звезд над ними; Арат⁸ тоже сказал, что она находится там, где «концы заката и восхода смешиваются друг с другом». Поэтому и говорят, что день больше, а ночь коротка. Обратное этому *явление* у киммерийцев, у которых миф сочиняет многосуточные ночи. Поэтому, так как в Лестригонии восход солнца близок к закату и ночь очень коротка вследствие близости к дню, поэт правильно сказал, что пути ночи близки к путям дня⁹.

¹ [Полидамна и Медея—имена знаменитых мифических колдуний.]

² Alex., 1312.

³ Alex., 1024.

⁴ Strabo, I, 2, 9 и I, 3, 39.

⁵ [Ср. сказанное в прим. к этому месту «Одиссеи».]

⁶ Pyth., IV, 159.

⁷ [Кратес—грамматик и толкователь Гомера, жил во II в. до н. э.]

⁸ [Арат—грамматик I в. (?) до н. э.]

⁹ [То обстоятельство, что эпосу известна краткость северных летних ночей, позволяет локализовать мифических лестригонов и киммерийцев именно на севере, а не на западе, как это делают некоторые древние и современные комментаторы.]

Стр. 1667, 42 сл. (к X, 54)

Писатели, представляющие киммерийцев европейским народом, живущим за Италией под землей... говорят, что в этих местах есть и источник, признаваемый Стиксом, и Пирифлегетонт, и Ахеронт...¹

Стр. 1671 (к XI, 14)

Нужно же знать, что подобно тому, как свобода мифического творчества перенесла в Аид находящиеся на земле и известные в истории реки, придав им имена, приличествующие подземному царству, как *это* указано выше, так и киммерийцев, народ известный в истории, поэт хочет переселить в соседство с Аидом, выбрав и для них имя по сходству. Ибо из название, по звуку произношения, повидимому, означает лежащих у гробниц или у земли [τοὺς περὶ ἧμα κειμένους ἢ περὶ ἔλκν], т. е. как бы подземных. Однако Кратес пишет κερβεῖους, следуя, я думаю, комику, в шутку упоминая место βερβεῖους. Другие же написали «хеймериев», быть может, заимствовав это имя от действительных киммерийцев; ибо последние живут на крайнем севере и потому *могут быть названы* χεῖμεροι [зимними]. Но таким образом гомеровские киммерийцы и в мысле переносятся из северных местностей на запад, причем поэзии и здесь оказывает услугу имеющий в ней большое значение миф, переносящий их не только с севера на запад, но даже в самый Аид, который не освещает их даже шестимесечным светом по обычному преданию, но у Гомера держит их в вечном мраке. Что же иное они, как не соседи Аида? А таковые никогда не могут быть освещаемы Гелиосом. В истории же они являютя народом скифским, кочевым и северным, небольшая часть которого, говорят, незадолго до Гомера или даже в его время, двинувшись с Киммерийского Боспора, — назывались же они, говорят, трерами², — прошла большую часть Азии, взяла Сарды, уничтожила многих из магнетов, *живших по реке Меандру*, и вторглась даже в Пафлагонию и Фригию; тогда-то, говорят, и Мидас³ покончил свою жизнь, напившись бычьей крови, как впоследствии Фемистокл. Говорят, что страна их [киммерийцев], окруженная горными высотами с востока и запада и *потому* мрачная, в течение шести месяцев окутана туманом; туман этот подобен ночи, по выражению «спустилась с неба ночь», так как солнце смотрит на них, но, как свидетельствует и поэт, не освещает настолько, чтобы рассеять густоту тумана и принести им ясный день; а в другие шесть месяцев чистое солнце светит им с юга или с какой-нибудь другой стороны. Арриан же говорит⁴, что скифское племя киммерийцев, поднявшись со своей родины и вредя всем *встречавшимся* на пути, дошло до Вифинии. Геродот же рассказывает⁵, что в царствование Ардия⁶, сына Гига, киммерийцы, изгнанные с родины скифами-кочевниками, пришли в Азию и взяли при этом Сарды. Другие говорят также, что при своем нашествии они разграбили святилища богов

¹ [Стикс, Пирифлегетонт и Ахеронт—реки подземного царства.]

² [Треры—древнефракийское племя, которое вместе с киммерийцами наводнило (на рубеже VIII—VII вв. до н. э.) Малую Азию и разграбило Фригийское и Лидийское царства].

³ [Мидас—сын Гордия, полумифический царь Фригии, умер по данным Евсевия, в 696/5 г. до н. э., отравившись бычьей кровью, не желая быть свидетелем гибели своего царства, павшего под ударами киммерийцев].

⁴ Вероятно, в сочинении «Βιβλιον» (у Мюллера этот отрывок пропущен).

⁵ Нег., I, 15: «когда он [т. е. Ардий, сын Гига] властвовал в Сардах, киммерийцы, изгнанные с родины скифами-кочевниками, пришли в Азию и захватили Сарды, кроме акрополя».]

⁶ [Ардий—сын царя Гига, основателя (в VII в. до н. э.) династии Мермнадов в Лидии].

в Азии. Поэтому певцы, не имея *возможности* повредить им иначе, вымышленным переселением отомстили за дурные поступки *этого* народа вследствие всеобщей, говорят, вражды к ним ионийцев; а поэт, стоящий во главе этих певцов, также иониец. Некоторые *писатели* представляли также киммерийцев европейским народом по ту сторону Италии, живущим по большей части под землей... Древние схолии говорят также¹, что киммерийцы — народ, живущий вскруг Океана. Или иначе — что под киммерийцами поэт разумеет живущих на западе и близких к Аиду. Говорят также, что есть предание об изгнании скифов киммерийцами.

Стр. 1711, 58 (к XII, 70).

Заметь же, что тяжелые скалы Планкты, сквозь которые невридимно проплыл один *корабль* Арго *на пути* из Колхиды τὰρ Αἰγῆαο, т. е. плывя от Ээта, поэт перекинул как бы посредством чудесной камнеметательной машины под руководством мастера-мифа из Фракийского пролива в Сицилийский и, укоренив их там, перенес на новое место, конечно, наподобие фракийских Симплегад, которые, по мифам, находились во Фракийском проливе перед Эвксином, как сказано в *объяснениях* к Перизегету, и сквозь которые, по свидетельству *писателей*, живших после Гомера, прошел Арго во время плавания из Фессалии через Пропонтиду и Понт в Колхидскую землю. А при возвращении из Колхиды, плывя другим путем, он встретил упоминаемые теперь у Гомера Планкты. Ибо некоторые говорят, что при возвращении из Колхиды аргонавты избрали не тот же путь и не проплыли снова Эвксин через пролив у Византия и вышесказанные Симплегады, но, взяв Медею и золотое руно, цель и приз этого плавания, направились другим *путем*... Другие же говорят, что аргонавты, из Эвксина направив Арго к Истру и по другой реке или по какому-то рукаву великого Истра вступив в Адриатический залив² и, так сказать, перейдя из Истра в Ионийское море, затем, уклонившись к западу, попали в Сицилийский пролив; тогда-то они и проплыли западные Планкты подобно тому как раньше — Фракийские Симплегады...³

Стр. 1713, 35 сл. (к XII, 67).

... Ясно, что и ἄρκα принимается по большей части во временном смысле... Таково, говорят, и выражение «Солон жил вместе (ἄρκα) с Анахарсисом». Это означает, что они процветали в одно и то же время; ибо без сомнения не в одном и том же месте родились эллин Солон и скифский мудрец...⁴ (к XII, 70)... Некоторые же пишут φασιρέλουσαν [т. е. вместо πησιρέλουσαν], так как, говорят, по прибытии в колхидскую реку Фасис аргонавты починили свой корабль, исправив случившиеся во время плавания повреждения.

Стр. 1775, 27 сл. (к XV, 85)⁵

... Древние говорят также, что σκύφος *происходит*⁶ от слова σκαφίς, обозначающего круглый деревянный сосуд для хранения молока и сы-

¹ См. выше, стр. 285.

² [О Планктах и Симплегадах см. в прим. к Od., XII, 60. Перизегет — Дионисий Перизегет, живший во II в. н. э., см. ниже. О плавании аргонавтов по Истру в Адриатическое море см. в прим. к Arist., De mir. ausc., 105.]

³ Далее следует рассказ о походе аргонавтов сквозь Симплегады при помощи Финей и пр.

⁴ [Об Анахарсисе см. Her., IV, 76 сл.]

⁵ Из разбора происхождения и значения слова σκύφος.

⁶ [Скифос — древнегреческий сосуд для питья, в виде кружки; относительно глагола ἐπισκυβίζω ср. E u s t h., Schol. ad. Il, IX, 203 и прим. к этому месту.]

воротки. Гомер *говорит*¹: «подойники и судки [σχαρίδες], в которые он доил»; если только, говорят, σκῆφος не есть то же, что σκῆθος от скифов [Σκῆθας], которые напиваются больше, чем следует, откуда, как указано и в другом месте²: напоить допьяна» выражалось *глаголами* σκῆθισσι: ἐπισκῆθισσι ... Некий лакедемонянин Деркиллид назывался в насмешку σκῆθος, может быть, от скифов: этот человек, как говорят, в своем характере не имел ничего лаконского и простого, но много хитрости и зверства...³

Стр. 1836, 62 сл. (к XVIII, 35).

... Здесь следует вспомнить осудившего несвоевременный смех над людьми, не заслуживающими насмешки. Это был Анахарсис; он, говорят, на пиру, когда были введены шуты, остался серьезным, а когда ввели затем обезьяну, рассмеялся, сказав, что обезьяна смешна от природы, а человек делает себя смешным нарочно...

Стр. 1837, 61 сл. (к XVIII, 70)

... Глагол ἀλδαίνειν [укреплять, увеличивать] происходит от ἀλδῶ, ἀλδήσω откуда и ἀλδήσχω; есть где-то и река Альдеск, излечивающая домашних животных...

Стр. 1967, 31 сл. (к XXIV, 465)

.. Рим [Ῥύμος]⁴ река в Скифии, а ῥυμός [дышло]—у колесницы... и ψύχρος *значит* охлажденный, а Психр [Ψύχρος]⁵— река в Сарматии⁶.

ГЕСИОД

«РОДОСЛОВИЕ БОГОВ»

[Гесиод—беотийский поэт, время жизни которого в точности неизвестно, но обычно относится к VII в. до н. э., автор «Теогонии» («Родословия богов») — эпической поэмы, интересной для историка юга СССР тем, что содержит древнейшее изложение мифов о Прометее и о походе аргонавтов в Колхиду.

Текст: Hesiodi Carmina, recensuit Aloisius Rzach, Lipsiae, 1902. Новейшее издание «Теогонии» — Jacoby, Hesiodus, Carmina I (Theogonia), Paris, 1923].

Ст. 337—345

Тифия родила Океану изобильные водоворотами реки: Нил, Алфей, глубокопучинный Эридан, Стримон, Меандр, красиво текущий Истр, Фасис и Рес... Эвен, Ардеск и божественный Скамандр⁷.

Ст. 521—528

(Зевс) сковал изворотливого Прометея несокрушимыми, тяжкими цепями, продев их сквозь середину столпа, и наслал на него длиннокрылого орла: он пожирал бессмертную печень но она по ночам вырастала

¹ Od., IX, 223.

² См. выше к II, IX, 203 (Weig., 746, 50 сл.)

³ Рассказ о Деркиллиде заимствован у Афиней (XI, 500 B), заимствовавшего его, в свою очередь, из XVIII книги Эфора (см. FHG, изд. Müller'a, т. I, стр. 271, Ephori fragm., 130); но по замечанию Диндорфа, Афиней был введен в заблуждение ошибочным написанием, ибо прозвище Деркиллида было Σίσυφος.

⁴ [Рим—река к востоку от нижней Волги, соответствует современным рекам Большой или Малый Уэень].

⁵ [Психр—река на Северном Кавказе, впадающая в Черное море.]

⁶ Эти два свидетельства приведены Евстафием в числе многих примеров перемены ударения в именах собственных для отличия от нарицательных или прилагательных.

⁷ [Из перечисленных в приведенных стихах рек, к Северному Причерноморью относятся, кроме Истра и Фасиса, лишь Ардеск—то же что и Альдеск, упоминаемый у Дионисия Периегета, 314].

повсюду ровно настолько, сколько за весь день съедала длиннорылая птица. Его убил Геракл, могучий сын прекраснотогой Алкмены, избавил Иапетова сына¹ от тяжкого страдания и освободил от печалей.

Ст. 956—962

Неутомимому Гелиосу (Солнцу) славная Океанида Персеида родила Кирку и царя Ээта. Ээт, сын лучезарного Гелиоса, по воле богов взял в жены милоликую Идию, дочь всеобъемлющей реки—Океана. Она, покоренная златой Афродитой, родила ему в любви прекраснотогоую Медею.

Ст. 992—999

Дочь божественного царя Ээта по воле вечноживущих богов увел от Ээта сын Эсона², совершив тяжкие подвиги, которых много назначил ему великий надменный царь, насильник и гордец Пелий, совершитель жестоких дел; исполнив эти подвиги, сын Эсона, после многих тяжких трудов прибыл в Иолк, везя на быстром корабле быстроую деву, и сделал ее своею цветущей супругой.

ОТРЫВКИ

Астрономия³. Фр. 51, Rzach (Kinkel, EGF, I, Fr. 14; Hygin., Astr., II, 20).

Овен. Думают, что этот тот самый баран, который, по преданию, перевез Фрикса и Геллу через Геллеспонт и который, по словам Гесиода и Ферекида, имел золотую кожу.

Фр. 51, Rzach (Pseudo-Eratosth.; Catast., 19)

Баран... он имел золотую кожу, как сказали Гесиод и Ферекид.

Фр. 51, Rzach (Схолии Sangerm. к Germ. «Aet.» 224 и схолии 79 сл.). Некоторые полагают, что это тот баран, который перенес Фрикса и Геллу к колхам. По словам Гесиода, Нефела⁴ дала им этого златорунного барана, чтобы он их перенес... Фрикс, достигнув Колхиды, принес барана в жертву и золотую его кожу посвятил Зевсу.

Каталог. Фр. 51. Rzach, см. схолии Apoll. Rhdd., IV, 284. Фр. 54. Rzach; см. Strab. VII, 302⁵. ... «В землю питающихся молоком, имеющих дома на повозках».

Фрагменты без точного обозначения места. Фр. 55. Rzach; см. Strab., VII, 300. ... Эфиопов и лигийцев и доителей кобылиц—скифов.

*Фр. 176 (186, 187). Rzach; см. Plin., NH, VII, 56, 197 и Clem. Al., Strom. I. 16. 75.

Фр. 61. Rzach; см. схолии к «Прометею» Эсхила, 793.

Фр. 209. Rzach; см. Герод. IV, 32 о гипербореях.

*Фр. 245. Rzach (Par. Oxyr., II, 59); ср. Герод. VII, 79.

¹ Иапетов сын—Прометей.

² [Сын Эсона—Язон, вожь аргонавтов и царь города Иолка в Фессалии по приказанию царя Пелия, своего дяди, незаконно завладевшего отцовским престолом, отправившийся в Колхиду за золотым руном.]

³ [По Rzach'у отрывки, относящиеся не к «Астрономии», а к «Эоим».]

⁴ [Нефела—мать Фрикса и Геллы, возлюбленная Зевса].

⁵ Относительно ошибки Страбона, приписавшего Гесиоду сочинение Γῆς περίοδοι см. замеч. Жаха, стр. 334.

СХОЛИИ К «ТЕОГОНИИ» ГЕСИОДА

Текст: *Glossen und Scholien zur Hesiodischen Theogonie mit Prolegomena.* Изд. Н. Flach. Лpz., 1876.

338... Истр—[река] в Скифии; Фасис—у колхов, Ардеск—в Скифии.

СТАСИН

«КИПРСКИЕ СКАЗАНИЯ»

Эпическое произведение в 11 книгах, входящее в состав эпического цикла и излагающее события, предшествовавшие Илиаде. По словам Геродота (II, 107), оно некоторыми приписывалось Гомеру, но сам Геродот указывает основания, по которым нельзя считать Гомера автором этого произведения. Позднейшие приписывали его обыкновенно Стасину Кипрскому, а некоторые Гегесию или Гегесину Саламинскому или Галикарнасскому. См. EGF, ed. G. Kinkel, v. I, стр. 15 сл.

Хрестоматия Прокла, кн. I (Излагается подробно содержание *Κυπρίων*; между прочим говорится о жертвоприношении Ифигении в Авлиде, куда она была привезена под предлогом брака с Ахиллом; во время жертвоприношения Артемиды похитила ее и подставила к алтарю лань):

... Артемиды, похитив ее (т. е. Ифигению), переносит к таврам и делает бессмертною, а к алтарю подставляет вместо девушки лань.

АРКТИН

«ЭФИОПИДА»

Эпическому поэту Арктину Милетскому, жившему в VIII в. до н. э., приписывается поэма *Αἰθιοπὶς* в 5 кн., излагающая сказания Троянского цикла, начиная от прибытия амазонки Пентесилеи на помощь троянцам и кончая смертью Ахилла и спором Одиссея и Аянта за его оружие.—Собрание отрывков: EGF, I, стр. 32—36.

Хрестоматия Прокла, кн. II (Подробное изложение содержания «Эфиопиды»).

... И после этого Фетида, похитив из костра труп сына, переносит его на Белый остров¹.

ЭВМЕЛ

«КОРИНФСКИЕ СКАЗАНИЯ»

Эпический поэт Эвмел Коринфский, по словам Климента Александрийского (Strom., I, стр. 144, Sylb.), был современником Архия, основателя Сиракуз (735 г. до н. э.).—Собрание отрывков: EGF, I, стр. 185—195.

Фр. 2. См. schol. ad Pind. Ol., XIII, 74.

Фр. 3. См. ниже: Paus., II, 3, 10, (ср. schol. ad Eur. «Medea» 10, 20).

КАЛЛИН

Элегический поэт Каллин Ефесский жил в I-й пол. VII в. до н. э. Собрание отрывков: Bergk, PLG, ed. 4, vol. II, стр. 3—7.

Фр. 3. Strab., XIV, 1, 40 (ср. Strab. XIII, 4, 8 и Clem. Alex., Strom., I, 398).

¹ [Подобно тому как Ифигения, в соответствии с мифологией малоазийских, плававших в Черном море, греков, была перенесена Артемидой в Тавриду, нимфа Фетида перенесла своего сына Ахилла на о. Белый (ныне о. Змеиный, при устье р. Дуная), где культ его засвидетельствован рядом посвященных надписей].

АЛКМАН

Лирический поэт, родом из Сард, жил во 2-й пол. VII в. до н. э. Собрание отрывков: PLG⁴, vol. III, стр. 14—78.

Фр. 136 А. См. Steph. Byz. s. v. Ἴσσηδόνες;

О фр. 23, стр. 59 (ἵππος εἰβήνω Κολαχῆϊος δραμεῖται) см. комментарий Бергка.

МИМНЕРМ

Элегический поэт Мимнерм Колофонский жил в конце VII и нач. VI в. до н. э. Собрание отрывков: PLG⁴, vol. II, стр. 25—33.

Фр. 11 (Str. I, стр. 46 С). И никогда бы сам Язон не увез из Эи великого руна по совершении горестного пути, исполнив тяжкий подвиг для надменного Пелия, и не прибыли бы они к прекрасному потоку океана. ... город Ээта, где лежат лучи быстрого Гелиоса в золотом чертоге у берега океана¹, куда удалился божественный Язон.

АЛКЕИ

Лирический поэт, уроженец г. Митилены на о. Лесбосе, жил в конце VII и начале VI в. до н. э. Собрание отрывков: PLG⁴, vol. III, стр. 146—197.

Фр. 48 В (Σκίλια). См. ниже Eust. ad. Dion. Perieg., 306. Ср. Eudoc. 86. Отрывок восстановлен (на эолийском диалекте) так: «О Ахиллес, владыка земли скифской».

Фр. 103 (Harpocr. et Suid., s. v. Σκοθικαί): «подвязав скифские башмаки».

САФО

Знаменитая поэтесса, уроженка о. Лесбоса, младшая современница Алкея (конец VII и начало VI в. до н. э.). Собрание отрывков: PLG⁴, vol. III, стр. 82—140.

Фр. 167 (Phot., Lex. s. v.). Фалс-дерево, которым красят в желтый цвет шерсть и волосы, и которое Сафо называет скифским деревом².

«НАВПАКТСКИЕ СКАЗАНИЯ»

Ναυπάκτια ἔπη представляли собой генеалогический эпос о знаменитых женщинах, вроде гесиодовых Эой. Автором их, по Павсанию (X, 38, 11) являлся, соответственно одним данным, некий милетец (Керкопс?), соответственно же другим, Каркин из Навпакта. В этой поэме, в присоединение к рассказу о Медее, излагалось сказание об аргонавтах; поэтому «Навпактские сказания» часто приводятся в схолиях к Аполлонию Родосскому. Christ, Griech. Literaturgeschichte², стр. 91. Собрание отрывков: EGF, vol. I, стр. 1:8—202.

Фр. 4. См. в схолиях к Apoll. Rh.; III, 242.

Фр. 7, 8. См. ibid. ad IV, 59 и 86.

ЭПИМЕНИДА

«ПОХОД АРГОНАВТОВ»

Эпимениду, уроженцу критского города Кносса, современнику Солона, известному в истории очищением Афин, приписывается несколько поэтических произведений, между прочим, «Поход аргонавтов».—Собрание отрывков: EGF, I, стр. 230—237.

АРИСТЕЙ ИЗ ПРОКОННЕСА

Аристей, сын Каистробия, уроженец Проконнеса, по данным Свида, жил около 50 Олимп. (556 г. до н. э.), во времена Креза и Кира, по словам Геродота (IV, 15)—за

¹ [Обстоятельство, указывающее на то, что в конце VII—начале VI ст. география Зап. Кавказа была еще совершенно темна для греков].

² Ср. непосредственно предшествующую глоссу Фотия: желтая краска—подобна ей золотистая; Hesych. и схолии Theocr., II, 88.

240 лет до его времени, т. е. в начале VII в., а по словам Страбона (XIV, р. 639) был учителем Гомера. Жизнь его была окружена чудесными сказаниями. Он совершил, по преданию, путешествие в северные страны до исседонов и в поэме «Аримаспея» (в 3 кн.) сообщил различные баснословные рассказы об этих странах. Сведения древних (главным образом, Герод. IV, 13—16) об его жизни и отрывки из поэм собраны в EGF, I, стр. 243—247.

«АРИМАСПЕЯ»

Фр. 2—4. (T z e t z. Chil. VII, 686 сл.). И Аристей говорит в «Аримаспее»: «Исседоны¹—чванящиеся длинными волосами (собств. гривами).—Эти люди живут вверху, в соседстве с Бореем, многочисленные и очень доблестные воины, богатые конями и стадами овец и быков.—Каждый из них имеет один глаз на милом челе; они носят косматые волосы и являются самыми могучими из всех мужей».

Фр. 5. См. Herod., IV, 13.

Фр. 6. Там же, 16; Paus. V, 7,9.

Фр. 7. Paus., I, 24,6. Ср. Plin., NH, VII, 2, § 10; Strab., I, стр. 21.

АНАКРЕОНТ

Знаменитый лирический поэт, уроженец г. Теоса, жил во 2-й пол. VI в. до н. э.—Собрание сохранившихся стихотворений и отрывков: PLG⁴ III, стр. 253—295.

Фр. 1. См. схолии к Apoll. Rh., III, 242; Eudoc., стр. 31, 7—9.

*Ну, друзья, не будем больше
С таким шумом и криком
Подражать попойке скифской
За вином, а будем тихо
Пить под звуки сладких гимнов.*

[Этот отрывок вольно перевел наш великий поэт Пушкин:

*Что же сухо в чаше дно?
Наливай мне, мальчик, резвой;
Только пьяное вино
Раствори водою трезвой.
Мы не скифы; не люблю,
Други, пьянствовать бесчинно,
Нет, за чашей я пою
Иль беседую невинно.*

Фр. 130. Схолии к Hom. Od., IX, 294.

Фр. 136. (Схолии к Hom. Od., VIII, 294). И Анакреонт упоминает (синтиев) как мастеров военного оружия; «что мне», говорит, «до кри-вых луков $\phi\lambda\omicron\chi\iota\mu\epsilon\omega\varsigma$ и до скифов»².

ГЕКАТЕЙ МИЛЕТСКИЙ

«ЗЕМЛЕОПИСАНИЕ»

(ОТРЫВКИ)

[Гекатей³ из Милета (родился в VI, умер в начале V в. до н. э.) был одним из видных политических деятелей эллинского Востока и крупнейшим предшественником (и источ-

¹ [Об исседах, или исседонах, которые здесь смешиваются с аримаспами, см. в прим. к фр. 168 Гекатея. Борей—бог северного ветра.]

² Латышев ставит вместо $\phi\lambda\omicron\chi\iota\mu\epsilon\omega\varsigma$ « $\chi\alpha\iota\ \phi\iota\lambda\epsilon\ \kappa\iota\upsilon\pi\epsilon\rho\iota\omega\upsilon$ » откуда следует перевод: «что мне за забота, друг, до синтиев криволуких и киммерийцев и скифов.»

³ [Ближайшие сведения о жизни и произведениях Гекатея см. у F. J a s o b u, FNG, Berl., 1923 или у В. Ш е ф ф е р а, Очерки греческой историографии, вып. 1, Киев, 1884, стр. 61 сл].

ником) Геродота, автором «Землеописания» — сочинения, сопровождавшегося древнейшей географической картой, и «Генеалогий» — сочинения мифологического и исторического характера, послужившего прототипом «Истории» Геродота.

Отрывки из «Землеописания» Гекатея, касающиеся Скифии и Кавказа, важны как древнейшие свидетельства о скифских и кавказских племенах. Они дают также известную возможность судить о тех географических и этнографических представлениях о странах Северного Причерноморья, какими обладали греки в VI ст. до н. э. В особенности замечательна осведомленность Гекатея об азиатской части Боспора и Кавказа — большая, чем та, какой обладал Геродот [см. М. Р о с т о в ц е в, Скифия и Боспор, I, стр. 17 сл.; P r a s e k, Hekataios als Herodotsquelle, «Klio», 1904, стр. 143 сл.].

Отрывки заимствованы из F H G ed. Th. Mülleri, vol. I, стр. I сл.

Фр. 153 (Jacoby, фр. 184) Steph. Byz. Каркинитида, город скифский¹. Гекатей в описании Европы.

Фр. 154 (Jac. 185) St. Byz. Меланхлены (черноризцы), народ скифский². Гекатей в описании Европы. Названы так по их одежде, как гиппомолги, потому что доят кобыл, а моссиники за их жилища.

Фр. 155 St. Byz. Миргеты, народ скифский³. Гекатей в описании Европы. В некоторых из книг Геродиана (II, 552) пишется неправильно.

Фр. 156 (Jac. 189) St. Byz. Матикеты, народ скифский. Гекатей в описании Европы.

Фр. 157 St. Byz. Кардес, город Скифии. Гекатей в описании Европы.

Фр. 158 (Jac. 187) St. Byz. Исеп, народ скифский⁴. Гекатей в описании Европы.

Фр. 159 (Jac. 186) St. Byz. Эды, народ скифский⁵. Гекатей в описании Европы.

Фр. 161 (Jac. 191) St. Byz. Дандарии, народ у Кавказа⁶, как говорит Гекатей в описании Европы.

Фр. 162 (Jac. 192) St. Byz. Типаниссы, народ у Кавказа⁷, Гекатей в описании Европы.

Фр. 163 (Jac. 197) Amm. Marc., XXII, 8: Все береговое плавание по его (т. е. Понтийского залива) как бы островной окружности, простирающееся на 23 тысячи стадий, как утверждают Эратосфен, Гекатей, Птолемей и другие наиболее точные изыскатели такого рода сведений, образует, по согласному свидетельству всех географов, вид скифского лука, натянутого тетивой⁸.

¹ [В Крыму, близ современного гор. Евпатории, засвидетельствована надписями, см. IOSPE, I, № 185.]

² [Ср. у Геродота, в прим. к кн. IV, 20].

³ «Миргеты, кроме этого, не упоминаются нигде. В палатинской рукописи: γράφεται διήγετον χιχῶς, из чего вряд ли что-либо можно извлечь. Может быть, это ошибка самого Стефана Виз., и эти миргеты, с заменой буквы м, не что иное как тиррегеты Страбона (VII, 471), тирагеты Птолемея (III, 10), тирагеты Плиния (IV, 12, 24), которые жили по соседству с р. Дунаем и бастарнами». (Мюллер).

⁴ [Герман в RE, s. v., предлагает читать πῶλς вместо ἐδῶς. Наименование это сопоставлялось также с именем исседонов.]

⁵ [Эды, — повидимому, то же самое, что и упоминаемые Плинием (VI, 50) эдоны: одно из незначительных закавказских племен. Близость этого имени к имени фракийских эдонов основана, вероятно, лишь на созвучии.]

⁶ [Дандарии — племя на юго-восточном берегу Азовского моря, известное также у некоторых поздних авторов, а кроме того, из боспорских надписей (IOSPE, II, №№ 66 и 344). Левкон I и его сын Перисад I называют себя царями меотов, псессов и дандариев (ср. В. В. Л а т ы ш е в, Краткая история Боспорского царства, стр. XXVI)].

⁷ Типаниссы — «неизвестный народ» (Мюллер.) Возможно, что под испорченной формой названия скрывается какой-либо известный народ.

⁸ [Скифский лук — нередко составной, из костяных и деревянных частей, — будучи натянут, образовывал посередине мыс, который и уподобляется в этом сравнении Херсонесу Таврическому (т. е. Крыму). См M i n n s, Scythians and Greeks, стр. 66 сл. и рис. 47,94].

Фр. 164 (Яс. 212) St. Byz. Город Фанагория¹, получивший название от Фанагора, как говорит Гекатей в описании Азии: «остров Фанагора и Фанагория».

Фр. 165 (Яс. 211) St. Byz. Апатур, святилище Афродиты в Фанагории². Гекатей знает залив Апатур в Азии.

Фр. 166 (Яс. 216) St. Byz. Иксибаты, народ у Понта, соседний с Синдикой³. Гекатей в описании Азии.

Фр. 167 (Яс. 215) St. Byz. Иамы, народ скифский. Гекатей в описании Азии.

Фр. 168 (Яс. 193) St. Byz. Исседоны, народ скифский⁴. Гекатей в описании Азии.

Фр. 169 (Яс. 120) St. Byz. Катанны, народ у Каспийского моря. Гекатей в описании Азии.

Фр. 170 (Яс. 281) St. Byz. Мики⁵ народ, о котором Гекатей говорит в описании Азии: «от Миков до реки Аракса»⁶.

Фр. 172. (Яс. 291) Athen., II, стр. 70. Гекатей Милетский в описании Азии, если только эта книга действительно принадлежит этому писателю (ибо Каллимах приписывает ее Островитянину),—кто бы ни был ее автор, говорит так: «вокруг так называемого Гирканского моря⁷ горы высокие и покрытые густыми лесами, а на горах клочье растения кинара».

Фр. 185. (Яс. 210) St. Byz. Кораксы⁸, племя колхов, вблизи колов. Гекатей в описании Азии. Кораксийская крепость и Кораксийская страна.

Фр. 186. (Яс. 209) S. Byz. Колы, народ у Кавказа⁹. Гекатей в описании Азии: «а подгорья Кавказа называются Кольскими горами». Страна называется Коликою.

Фр. 187 (Яс. 186) Schol. Apoll. Rhod., IV, 284. «Гекатей говорит, что Фасис не впадает в море и что аргонавты плыли не по Танаису, а по тому же самому пути, по которому и прежде¹⁰, как говорит Софокл в «Скифах»¹¹.

¹ [На Таманском полуострове, милетская колония, засвидетельствованная так же надписями (см. IOSPE II, стр. 167).]

² [О культе Афродиты Апатурии на Таманском полуострове имеются свидетельства в надписях (см. IOSPE, II, № 352).]

³ [Иксибаты сопоставляются с иксоматами и язаматами позднейших авторов, т. е., вероятней всего, являются одним из делений племени сармат (савроматов). Ср. Minns, op. cit., стр. 120 сл.]

⁴ [По Аристее, Геродоту и Птолемею, одно из восточно-скифских племен, населявших степные пространства к северу от Каспийского моря. Герман, RE, s. v., отрицая значение всех позднейших свидетельств, кроме Аристия и Геродота, локализует исседонов на р. Исети, в названии которой видит отзвук их племенного имени. См. T o m a s c h e k, Die alten Thraker, II, стр. 54 сл.]

⁵ [Мики—народ в юго-восточном Иране, между Карманией и Аравией (позднейшая Гедрозия).]

⁶ «Так как мики жили по соседству с Красным морем, то, вероятно, в этом месте отмечаются северные и восточные границы Азии, ибо, по Геродоту, Аракс отделяет Европу от Азии (IV, 11)» (Мюллер).

⁷ [Гирканское море—Каспийское море.]

⁸ [Кораксы—горное племя на западнокавказском побережье, в районе милетской колонии Диоскуриады (современного Сухуми). В более позднее время были подчинены колхам.]

⁹ [Колы—горное племя на западнокавказском побережье, между мелапхленами и кораксами (Скилак, 77—79). Локализируются на речке Метазорис (Турсура), у нынешнего Очемчиря, к юго-востоку от Диоскуриады. См. Ф. Б р у н, Черноморье, т. II, стр. 250 сл.]

¹⁰ «Этому противоречат слова, содержащиеся в той же схолии под стр. 259: Гекатей Милетский из Фасиса ведет (аргонавтов) в океан, а оттуда—в Нил (фр. 339). Некоторые, поэтому, хотя в первом случае заменить Гекатея Геродотом. А может быть, схолиаст имел в виду разных Гекатеев» (Мюллер).

¹¹ [Море, о котором идет речь, очевидно, Каспийское или Азовское. Имеется в виду возвратное плавание аргонавтов круглым путем (по Танаису, Истру, Эридану)].

Фр. 188 (Яс. 288) St. Byz. Мосхи, племя колхов¹, соседнее с матиенами. Гекатей в описании Азии.

Фр. 190 (Яс. 200) St. Byz. Хои, народ, вблизи вехиров. Гекатей в описании Азии: «до сих пор земля вехиров, а с ними рядом живут хои». И опять: «до этих хои». И опять: «с хоями соседят к востоку дизирь»².

Фр. 191 (Яс. 206) St. Byz. Макроны, ныне санны³; о них упоминает Страбон в 12-й книге и Гекатей в описании Азии.

Фр. 192 (Яс. 205) St. Byz. Мары⁴, народ, соседний с моссиниками. Гекатей в описании Азии.

Фр. 193 (Яс. 204) St. Byz. Хейрады, город моссиников. Гекатей в описании Европы (Азии?): «с тибарами к солнечному восходу граничат моссиники⁵, а у них город Хейрады».

Фр. 195 (Яс. 203) St. Byz. Халибы, народ у Понта, на реке Термодонте... и халибой⁶ у Гекатея: «с халибойми⁷ к югу граничат армении».

Фр. 196 (Яс. 202) St. Byz. Стамена, город халибов. Гекатей в описании Азии.

Фр. 197 (Яс. 208) St. Byz. Гермонасса: маленький остров с городом на Киммерийском Боспоре, ионийская колония... Менипп в «Перипле двух Понтов» называет ее местечком Трапезунта; Гекатей и Феопомп говорят, что это город⁸.

Фр. 198 (Яс. 214) St. Byz. Патрасий, понтийский город, как говорит Гекатей в описании Азии.

Фр. 199 (Яс. 213) St. Byz. Кресса город у Понта. Гекатей в описании Азии.

«ГЕНЕАЛОГИИ»

КНИГА 2-я

Фр. 350 (Яс. 7a) St. Byz. Хадисия, город белосирийцев. Гекатей во 2-й книге Генеалогий: «Фемискира — это равнина от Хадисии до Термодонта».

¹ [Кавказское племя, упоминаемое Ксенофонт (Анабасис, VII, 8, 25) и обычно отождествляемое (наряду с тибаренами) с «табал и мушки» ассирийских источников, а также с библейским тубал и мешех (Иезекииль, XXVII, 13)—племенами, знаменитыми торговлей металлом и рабами, поставлявшими в г. Тир на Средиземном море. Они оказывали сопротивление Ассирии, но были оттеснены в горы киммерийцами, где их и застаёт Ксенофонт (см. примечание к кн. VII, 78 Геродота). См. А. Хаханов, в «Этнографич. обозрении», 1891, № 3].

² [Обо всех упоминаемых здесь народах ближе ничего неизвестно. Название первого из них, может быть, следует читать таои или таохи. См. П. Ушаков, К походам урартийцев в Закавказье, ВДИ, 1946, № 2, стр. 32 сл.].

³ [О макронах (саннах) см. в прим. к кн. VII, 78 Геродота].

⁴ [Кавказское племя, упоминаемое также Геродотом (см. в прим. к кн. VII, 79).]

⁵ [О моссиниках и тибаренах см. в прим. к кн. VII, 78 Геродота, а также к фр. 188 Гекатея.]

⁶ Для того чтобы в переводе удержать разные формы имени народа, мы образовали форму «халибой» от основы 2 скл. *халъзэ*, отличающегося от основы 3 скл. *халъз*.

⁷ [Халибы и халибой, несомненно, один и тот же народ, населявший современную южную Армению и Сев. Иран, известный также под именем халдов (по имени их главного божества). Народ этот, называвший себя урарту, был древнейшим народом на территории СССР, достигшим государственности. Об урарту см. Б. Пиотровский, История и культура Урарту, 1944, а также И. Мещанинов, Халдоведение, выпуски I и II.]

⁸ [Город Гермонасса (митиленская колония), смешиваемый Гекатеем и Феопомпом с местностью Гермонасса в М. Азии, находился на Боспоре, в азиатской его части (на Таманском полуострове), но с точностью не локализован. См. В. В. Латышев, в сб. Почукиз, стр. 72.]

АКУСИЛАЙ

Акусилаи, родом из Аргоса, жил, вероятно, в конце VI и начале V в. до н. э. Ему приписывается сочиние Γαυλασύλα, но принадлежность его именно Акусилаю заподозрена уже в словаре Свида. Собрание отрывков—FHG, I, стр. 100—103.

Фр. 23 (схолии к Гомеровою «Одиссее», XIV, 533)... Зет и Калаис¹, которые благодаря своей храбрости вместе с полубогами попали на Арго к колхам за *золотым* руном. Рассказ *об этом* у Акусилая.

Другой отрывок см. в схолии к Apoll. Rh., IV, 1147.

ЭСХИЛ

[Знаменитый трагик, родился в 526, умер в 456 г. до н. э. Текст: Aeschylus, ed. A. S i d g w i c k, Bibl. Oxoniens., 1908.]

Драматическая поэзия ревностно разрабатывала мифологические, а изредка также и исторические сюжеты. Трагикам мы обязаны многим—если говорить лишь о сохранившихся произведениях—в знании мифов о Прометее (Эсхил), об аргонавтах и об Ифигении в Тавриде (Эврипид).

Драматическая поэзия, при всей ее условности, стремится создать реалистический—исторический и географический—фон, благодаря чему в Эсхиловом «Скованном Прометее» и в Эврипидовой «Ифигении в Тавриде» содержатся интересные бытовые, исторические и географические сведения.

Схолии к названным драмам, так же как и схолии к эпическим и одическим поэтам, важны в том отношении, что в них зачастую содержатся указания на параллельные версии мифов, изложенные в утраченных сочинениях. См. И. Т о л с т о й, Остров Белый и Таврика на Эвксинском Понте, стр. 177 сл.; E. R o h d e, «Rh. M.» 1881. стр. 555.]

«ПРИКОВАННЫЙ ПРОМЕТЕЙ»

Ст. 1—2

С и л а. Мы прибыли в отдаленный край земли, в скифскую страну, в безлюдную пустыню...

Ст. 315—318

... П р о м е т е й (к О к е а н у). Как ты осмелился, покинув соименные тебе воды и каменные первозданные пещеры, притти в эту страну, родящую железо?

Ст. 427—440

... Х о р. Все смертные, которые обитают в ближайших местностях священной Азии, соболезнают твоим плачевным страданиям: и девы—обитательницы колхидской земли, бестрепетные в боях и многолюдные племена скифов, обитающие на краю земли вокруг Мэотийского озера, и воинственный цвет Аравии²,—обитатели высокой крепости близ Кавказа, грозная рать, гремющая среди остроконечных копий.

Ст. 729—761

П р о м е т е й (к х о р у и И о). Выслушайте теперь об остальных страданиях, которые предстоит этой юнице вытерпеть от Геры. И ты, дочь Инаха, вложи в душу мои слова, чтобы узнать пределы своих

¹ [Зет и Калаис—бореады (сыновья бога северного ветра—Борея) избавители Финей от гарпий (см. в прим. к стр. 422 «Ифигении в Тавриде» Эврипида).]

² [Географические представления Эсхила не очень отчетливы. Аравия и Кавказ представляются ему соседними странами—обстоятельство, ставившее в тупик его схолиастов (ср. схолии к этому месту).]

странствований. Прежде всего поверни отсюда к восходу солнца и иди по неспаханным степям; ты придешь к кочевникам-скифам, которые живут на высоких повозках с прекрасными колесами под плетеными кибитками, вооруженные дальнобойными луками. К ним ты не приближайся, но удались из этой страны, идя вдоль шумного и утесистого морского берега. По левую руку живут обрабатывающие железо халибы, которых тебе нужно остерегаться: они суровы и неприступны для чужеземцев. Далее ты достигнешь Буйной реки, не ложно носящей это имя; не переправляйся через нее, ибо она неудобна для переправы, пока не придешь к самому Кавказу, высочайшему из горных хребтов, где река яростно низвергается с самих вершин. Перевалив через поднимающиеся до звезд высоты, ты вступишь на конную дорогу, по которой придешь к враждебной мужам рати амазонок, которые со временем поселятся в Фемискире у Термодонта, где находится суровая Салмидесская бухта, враждебная морякам и мачеха кораблям; амазонки очень охотно укажут тебе дорогу. За ними ты достигнешь у самых узких врат озера до Киммерийского перешейка; смело миновав его; переплыви Мэотийский пролив — и на веки сохранится у смертных славное сказание о твоей переправе, а пролив получит от нее название Боспора. Покинув европейскую землю, ты вступишь на азиатский материк...¹

Ст. 829—833

Прометей (к Ио) Берегись остроклювых, безгласных псов Зевса, грифов и одноглазой конной рати аримаспов², которые живут у златоносного Плутонова потока. К ним ты не приближайся...

«ХОЭФОРЫ»

Ст. 154: упоминается «стрелы луков скифских, с загнутыми концами».

«ЭВМЕНИДЫ»

Ст. 618: упоминается «стрелю Амазонок раненный».

«МОЛЯЩИЕ»

Ст. 277: Амазонки названы «безмужными, глотающими мясо, вооруженными стрелами».

ОТРЫВКИ

Фр. 155 (Choerob., Egeg. in Nephæst. Enchir. стр. 41. 10 и др). «Истр и священный Фасис хваляся, что кормят таких дев».

¹ [Эти строки также свидетельствуют о смутности Эсхиловой географии. Посылая Ио с запада на восток, после скифов, после халибов, Буйной реки (в которой, по соответствию названий, схолиасты хотят видеть Аракс, — от *ἀράσσω* — бить камнями, шуметь), Кавказа, амазонок на Термодонте, Эсхил вдруг оказывается у Салмидесской бухты, обычно локализуемой на северном побережье Фракии, — а затем снова у Киммерийского Боспора.]

² [Об аримаспах, борющихся со стерегущими у Рипейских гор золото грифами или грифонами. — мифологический сюжет, весьма часто использовавшийся в аттической краснофигурной вазовой живописи, на сосудах, предназначенных для вывоза в Сев. Причерноморье, — см. у Геродота в кн. IV, 13, у Аристия (отрывок у Цеца) и в примечаниях к этому тексту.]

Фр. 190 и 191. См. Агг., *Peripl. Ponti Eux.*, § 19 и *Peripl. Anonym.*, 43; ср. *Ргосор.*, *Bell. Goth.*, IV, 6: «и трагик Эсхил в «Освобожденном Прометее», в самом начале трагедии, называет реку Фасис границей Азии и Европы».

Фр. 193 (*Cic. Tusc.* 2, 10, 23—25): Пусть выступит свидетелем и Эсхил, не только поэт, но и пифагореец. Такое существует о нем предание. Как выносит у него Прометей страдание, которое присуждено ему за похищение огня на Лемносе?.. Прикованный к Кавказу, он говорит так: «Потомки титанов, родные нашей крови, порожденные небом, взгляните на узника, связанного и прикованного к острым скалам, как робкие моряки, страшась ночи, привязывают судно на страшно шумящем море. Так приказал меня пригвоздить Сатурнов сын Юпитер, и рука Вулкана исполнила веление Юпитера. Он разорвал мои члены, с жестоким искусством вгоняя эти клинья; насквозь пробитый этими ловкими ударами, я помещен в этом жилище фурий. В каждый третий мучительный день слугитель Юпитера, прилетая мне на горе, разрывает меня кривыми когтями и терзает жестоким пожиранием. Затем, вдоволь насытившись тучною печенью, он испускает громкий клич и, улета в воздушные выси, перистым хвостом обгирает нашу кровь. Когда же вновь надуется съеденная печень, он, жадный, снова прилетает к отвратительной пище. Так я питаю этого стража горького мучения, который мучит меня заживо вечным терзаньем. Ибо, как вы видите, сдавленный оковами Юпитера, я не могу отгонять от своей груди жестокую птицу. Так, лишенный сил, я терплю тяжкие муки, с любовью к смерти ища предела страдания, но волею Юпитера далеко удаляюсь от смерти, и это исконное горькое страдание, накопившееся в течение ужасных веков, внедрено в наше тело, из коего сочатся растопленные солнечным зноем капли, непрестанно падающие на скалы Кавказа».

СХОЛИИ К ЭСХИЛУ

Текст—по изд. Диндорфа, том III, Оксфорд, 1851. Так называемые «древние схоллии»—по изд. Беклейна.

ДРЕВНИЕ СХОЛИИ

«ПРОМЕТЕЙ»

ὑΠΟΘΕΣΙΣ

Когда Прометей был прикован в Скифии за похищение огня, блуждающая Ио узнает, что, прибыв в Египет, она от прикосновения Зевса родит Эпафа. Вводится Гермес, угрожающий ему поражением перунами, если он не откроет будущей судьбы Зевса, и в конце концов раздается гром, и Прометей исчезает.

Этот миф встречается в виде эпизода у Софокла в «Колхах», а у Эврипида вовсе не встречается. Сцена драмы предполагается в Скифии на Кавказской горе ...

Нужно знать, что Эсхил представляет Прометея прикованным не на Кавказе, согласно общераспространенному преданию, а у европейских пределов Океана, как можно заключать из слов его к Ио.

117. *Предел*]. Ибо Кавказ—конец населенной земли.

420. *Аравии*]. Как поэт связал Аравию с Кавказом? или потому, что, по словам Страбона, между Маэтидою и Каспийским морем жили троглодиты, которые *родом* арабы.

422. *Обитают*] колхи.

717. *Реку*]. Аракс, названный так оттого, что его волны разбиваются и шумят (по-гречески ἀράξσειν).

722. *Вершины*] Кавказа.

723. *Рать амазонок*], ибо первоначально амазонки жили в Скифии¹.

730. *Киммерийский*]. Поэт разумеет Киммерийский Боспор, который составляет дополнение Мэотийского озера².

790. *Поток-границу материков*] реку Танаис. «Европу от Азии отделяет посередине Танаис».

803. *Грифов*]. Первый Гесиод сообщил чудесные сказания о грифах.

805. *Аримаспов*] скифское одноглазое.

ПОЗДНЕЙШИЕ СХОЛИИ

«ПРОМЕТЕЙ»

ΥΠΟΘΕΣΙΣ

Когда Прометей похитил у Зевса и дал людям огонь, с которым люди изобрели всякие искусства, разгневанный Зевс передает его своим слугам: Могуществу, и Силе, и Гефесту, чтобы они отвели его к Кавказской горе и там приковали железными цепями. Сцена драмы предполагается в Скифии на Кавказской горе, а заглавие ее—«Прикованный Прометей».

1. *Отдаленную землю*]. Поэт разумеет Кавказ...

Отдаленную]. высокую, длинную, откуда можно далеко видеть; поэт разумеет Кавказ... Нужно сказать, что, по словам поэта, Прометей был прикован не на Кавказе, но у европейской части Океана, а не в другом месте, как можно заключить из слов его к Ио.

2. *В Скифскую страну*], или скифскую дорогу, ибо для того, чтобы Прометей не имел ни в чем утешения, его ведут в те места... Или поэт потому сказал «скифскую дорогу», что скифы заселяли Кавказ, или по причине дикости и безлюдия местности; а что такова была эта местность, это ясно из выражения «в безлюдную пустыню».

117. *На предельную скалу*]. Пришел на конечную часть земли, ибо Кавказ—конец обитаемой земли...

118. *Скалу*]. Кавказ—на конце Океана...

167. *Да, еще меня*]. Поэт разумеет любовь к Фетиде со стороны Зевса. Ибо он, влюбившись, преследовал ее на горе Кавказ, чтобы вступить с нею в связь, но был остановлен Прометеем, сказавшим ему, что сын, который родится от нее, будет значительно могущественнее своего отца; поэтому Зевс, испугавшись за свою власть, удержался от связи с Фетидою...

281. *Леденящей земле*], тяжелой, суровой и скалистой, т. е. Кавказу.

298. ... в землю—мать железа, т. е. производящую железо. Поэт разумеет Скифию; ибо там где-то вблизи живут халибы, скифское племя, где добывается железо.

301. *Мать железа*], обрабатывающую железо; халибскую землю, в Скифии, в которой впервые найдено железо; поэт разумеет Кавказ, ибо около него живут халибы.

347. ... Прометея приковал Зевс к Кавказской горе.

411 (427). *Которые ближайши*е]. Все люди, которые только населяют землю и область священной Азии, страдают нам и сочувствуют твоим страданиям, соединенным с великими стенаниями, и девы—обитательни-

¹ [Об амазонках в Скифии см. в кн. IV, 110 Геродота и в прим. к древней схолии к «Илиаде», III, 189].

² [Боспор Киммерийский—Керченский пролив из Черного моря в Азовское [Мэотиду).]

цы Колхиды, т. е. амазонки¹, острепетные и бесстрашные в боях, огорчаются твоими бедствиями, и многолюдные племена скифов, которые населяют край земли вокруг Маотийского озера, и аресов воинственный род Аравии, *под которым поэт* разумеет троглодитов, которые живут вблизи Кавказа и населяют высокоутесный город, воинственная рать, гремящая и звучащая в копьях с острыми наконечниками, т. е. колхи.

415. *Колхиды*], которая находится в Скифии.

561. Ио, вследствие гнева Геры, превращенная в корову и гонимая оводом, обобедши многие другие места, прибыла и туда, где Прометей был прикован у европейских частей Кавказа...

709. *Которые плетеные кровли*]. Каковые скифы живут и обитают под плетеными кровлями, очевидно *παδάριοι*, т. е. поднимаемые от земли и возвышаемые *ἐπὶ τοῖς ἐνύκλοις ὄχοις*, т. е. на повозках с хорошими колесами: ибо на них скифы устраивают свои палатки, вооруженные и уверенные в своих дальнбойных луках.

712. *К которым не приближайся*]. К каковым скифам не подходи и не приближайся, потому что они истребляют чужестранцев, но ... выходи из земли и из области гиподов... Гиподы—название народа; иные в слове *ὑπόδαξ* изменяют *υ* в *υε* и... говорят *ἀλιστόνους γε πόδαξ χρίπτοσσι ῥυτίσιον...*; а другие приняли *ὑπόδαξ* с *στυχολή* вместо *υμνυπόδαξ*, т. е. с голыми ногами.

714. *По левую руку*]. В левых частях, говорит *поэт*, живут обрабатывающие железо халибы, которых следует остерегаться, т. е. избегать и не приходить к ним, потому что они суровы и не посещаются иностранцами; ибо прибывшие туда терпят от них вред.

717. *Придешь к буйной*]. Буйной рекой поэт называет Аракс. Она называется Араксом оттого, что волны ее разбиваются (*ἀράσσειν*) и шумят; ибо ее названию соответствует и действительность. На это именно указывая, Эсхил называет «не ложноименным», т. е. не напрасно *так* названным, Аракс, через который не переправляйся, ибо он труден и неудобен для переправы.

719. *Пока к самому Кавказу*], т. е. к другой части Кавказа, ибо Прометей был распят в одной части и на вершине Кавказа, а гора Кавказ имеет большое протяжение.

723. *Затем амазонок*], так как первоначально амазонки жили в Скифии. *Поэт* говорит: где застанешь мужененавистное, т. е. ненавидящее и презирающее мужчин войско амазонок; эти амазонки некогда заселят город Фемискиру у реки Термодонта, где находится суровая челюсть моря, т. е. остров, углубление или челюсть Салмидесская², враждебная морякам, мачеха кораблей. Поэт употребил слово «челюсть» потому, что Салмидесское море имеет такой вид, как ослиная челюсть... Иначе: в этом месте есть фигура—анахронизм, ибо совершившееся задолго раньше поэт представляет как имеющее совершиться, так как раньше Эсхила амазонки, покинув свою родину, заселили Фемискиру³ близ реки Термодонта; а теперь поэт говорит, что они намерены заселить, так как раньше амазонки жили в Скифии. Амазонками они называются или потому, что не пились лепешками (*μαῖσις*) и хлебом, или потому, что выжигали груди, или потому, что вовсе не имели грудей, или потому, что новорожденные не сосали груди, а питались коровьим молоком.

¹ [Амазонок, обычно, древние авторы локализуют на северо-востоке М. Азии (по р. Термодонту) или в Скифии (точнее в области савроматов по р. Гипанису), но не в Колхиде.]

² [О Салмидесской бухте см. в прим. к ст. 729 сл. «Прикованного Прометея».]

³ [О Фемискире см. в прим. к кн. I, 22, 8 «Истории животных» Аристотеля; ср. в этой же схолии под ст. 724.]

724. *Фемискиру*] Название местности в Армении или река.—Город в Скифии.

729. *Озера*] Мэотийского.

730. *Киммерийский*]. Ты придешь на Киммерийский перешеек на самых узких вратах озера, т. е. Мэотийского. *Поэт* понимает Киммерийский Беспор, который служит дополнением Мэотийского озера. Большинство говорит, что киммерийцы—народ у скифского Тавра и Мэотийского озера; они не имеют света, не видят солнца и сорок дней проводят во мраке и глубокой ночи¹; время этого мрака—когда солнце находится в *созвездии* Козерога; другие же сорок дней они живут в полном свете. Гомер говорит, что киммерийцы *живут* около Италии, и утверждает, что они всегда находятся во мраке; киммерийцы—небольшая часть и народец одного италийского племени; их жилища *находятся* в оврагах, лощинах и зарослях, и солнце вовсе их не освещает; там есть и некое озеро, называемое Сиахой, в котором тонут падающие с деревьев листья.

789. ... «Тогда, говорит *Прометей*, запечатлей в своих мыслях свое многократное, идущее многими извилинами странствование, когда переправившись через реку Танаис»²... Ибо эту реку называет *поэт* границей, определением и разделением материков, т. е. двух земель Европы и Азии, как и перизетг³ говорит: Европу от Азии (протекая) посередине разделяет Танаис.

790. *Поток; границу материков*]. Геллеспонт или Танаис, границу Азии и Европы⁴.

793. ... Далее *Прометей* говорит: остерегайся и берегись, чтобы не уйти туда, где находятся *οἱ ἀχαιῆς κύες*, т. е. грифы, всегда сильно кричащие, или *напротив*, некричащие; Гесиод первый сообщил о них чудесные сказания. Остерегайся также однозрачной, т. е. одноглазой, рати аримаспов⁵, выступающей на конях, т. е. воинственной; живут они у течения пролива и предела Плутона; а Плутон—река в Эфиопии; она называется так потому, что там несется течением большое количество золота.

Аримаспов]. Слово *Ἀριμαίης* производится от *ἄρης* и глагола *μαίω*, означающего двигаться с дерзостью. Аримасы называются *так* потому, что имеют один глаз, ибо *ἄρι* на их языке значит один, а *μαίης*—глаз, тоже на их языке ...⁶

«СЕМЕРО ПРОТИВ ФИВ»

727. *Чужеземец жребии*]. Автор говорит это очень поэтично: он говорит, что это делает халибское и скифское железо... Это халибское железо происходит из Скифии⁷, так как оно добывается из скифского города Халиба.

728. *Халиба*]. Так как железо открыто у халибов, а халибы *составляют* часть скифов, и отсюда распространилось по всей земле, то *поэт* автор называет его гостем, т. е. другом халиба и высленцем из Скифии.

¹ [О киммерийцах—мифическом народе, живущем на краю света, см. в предисловии к отрывкам из Гомера; о киммерийцах исторических—в прим. к кн. I, 103 Геродота.]

² Относится к словам Прометея, обращенным к Ио (стихи 814—816).

³ [Перизетг—Дионисий Перизетг (см. стр. 14 его «Землеописания»).

⁴ См. ниже. параллели к ст. 801: «когда перейдешь отделяющий Европу от Азии Танаис»...

⁵ [Об аримасах и грифонах ср. прим. к ст. 829 «Прикованного Прометея».]

⁶ Ср. Геродот IV, 27 (см. ниже) и схолии Евстафия к Дионисию Перизетгу, 31 (см. ниже).

⁷ [Скифию схолиаст понимает в данном случае в самом широком смысле, ибо халибов (см. о них в прим. к фр. 195 Гекатея) локализовали всегда на Кавказе, а не в Скифии.]

814. ... В железе скифском, *т. е.* происходящем из Скифии; ибо там добывается железо...

817. *Скифом*]. Скифским железом, поскольку халибы открыли его...

941... *Поэт* называет железо понтийским потому, что на побережье (Понта) живут халибы, у которых добывается железд, или потому, что халибы, откуда *вывозится* железо, — народ у Понта...

ПИНДАР

[Знаменитый лирик, род. в 522, умер около 442 г. до н. э.—Текст: Pindari carmina. ed. major, W. Christ., Leipzig, 1896.

[Касаясь в своих одах мифологических тем, связанных с берегами Черного моря, Пиндар, помимо концепции мифа (в частности, наиболее подробно излагает он миф об аргонавтах в 4-й Пифийской оде), сообщает некоторые детали чисто этнографического и географического свойства, проникавшие в его поэзию из устных и письменных сообщений о черноморских странах.]

ОЛИМП., III

Ст. 13—16

... Маслины, которую некогда сын Амфитриона (*т. е.* Геракл) принес от тенистых истоков Истра, *чтобы она* была прекраснейшим памятником олимпийских подвигов, убедив речью служащий Аполлону народ гипербореев...¹

Ст. 25—27

Тогда вот дух (Герakла) стремился отправить его в Истрийскую землю, где *его* приняла наездница, дочь Латоны...²

Олимп., VIII, 47: Упоминаются «амазонки, славные наездницы» и «Истр».

ОЛИМП., XIII, 53—54

... Медею, устроившую себе брак против *воли* отца, спасительницу корабля Арго и предводителей...³

ПИФ., IV

Ст. 9—12

... Слово Медеи, которое некогда пылкая дочь Ээта, владычица колхов, испустила из бессмертных уст; она так сказала полубожественным морякам копьеметателя Язона.

(Следует пророчество Медеи).

Ст. 159—162

[Пелий сказал] ... Фрикс повелевает принести его останки (*досл.* душу), придя к чертогам Ээта, и привезти густорунную шкуру барана, на котором он некогда спасся из моря и от безбожных коней (*досл.* стрел) мачехи⁴.

¹ [Миф о гипербореях теснейшим образом связан с культом дельфийского Аполлона. В Дельфах рассказывали о путешествиях Аполлона в страну гипербореев и о посольствах гипербореев с жертвенными дарами в Дельфийский храм Аполлона. См. J. B a s o n, The Voyage of Argonauts, L., 1925, а также в статьях Argonauten, Hyperboeer в RE.]

² [Дочь Латоны—Артемида.]

³ [Т. е. аргонавтов, с Язоном во главе.]

⁴ [См. примечание к ст. 993 «Теогонии» Гесиода.]

Ст. 203 — 250

(Из описания похода аргонавтов)

С дыханием Нота прибыли они в своем путешествии к устью Негостеприимного моря¹; здесь они устроили священное капище Посейдона; в нем было красное стадо фракийских быков и вновь выложенное из каменной углубление алтаря. Идя навстречу великой опасности, они умоляли владыку кораблей *дать им возможность избежать неотразимого движения сталкивающихся скал*²: было их две, как бы живые, и катились они быстрее, чем порывы тяжкошумящих ветров; но прибытие героев (в тексте: плавание полубогов) уже принесло им конец. Затем они прибыли в Фасис, где вступили в борьбу с темнолицыми³ колхами перед самим Ээтом. *Между тем* владычица острейших стрел Кипрогенія, привязав к несокрушимо-му колесу с четырьмя спицами пеструю вертошейку, впервые послала с Олимпа на людей неистовую птицу и научила мудрого сына Эзона⁴ заклинаниям, чтобы уничтожить у Медеи стыд перед родителями и чтобы желанная Эллада возбуждала ее, горящую страстью, бичом Пейфо⁵. И она открыла ему смысл назначенных отцом подвигов и, смешав с елеем зелье для утоления боли, дала им намазаться; они условились также вступить друг с другом в сладкий брак. Но Ээт поставил, как препятствие, несокрушимый плуг и быков, которые при дыхании извергали из желтых челюстей пламя и медными копытами дробили землю; (Ээт) вывел их и один подвел под ярмо; проведя прямые борозды, он погнал их и на сажень разрезал хребет глыбистой земли, *затем* сказал так: «Царь, который повелевает кораблем, совершив мне это дело, пусть увезет с собою нетленную постель: шкуру, блистающую златою шерстью». Когда он произнес это, Язон, сбросив шафранного цвета одеяние, с упованием на бога, взялся за дело; огонь не трогал его по воле волшебницы-чужестранки. Извлекши плуг, насильственно возложив ярмо на шеи быков и поражая тяжким рожном их сильные бока, могучий муж исполнил предудказанную задачу. Испуганно вскричал от невыразимого горя Ээт, изумленный силою *Язона*, а товарищи простирали руки к сильному мужу, увенчивали его венками из зелени и приветствовали ласковыми словами. Тотчас удивительный сын Гелиоса указал, где ножи Фрикса распростерли блестящее руно, но надеялся, что *Язон* уже не совершит этого *нового труда*: оно лежало в чаше и охранялось прожорливыми челюстями дракона, толщиною и длиною превосходившего пятидесятивесельный корабль, сколоченный ударами железа.

Далеко мне идти по проезжей дороге, ибо время подходит к концу; я знаю краткую тропу и многим другим служу учителем мудрости: он (Язон) убил искусством светлоокого, пестроспинного змея, о Аркесилай⁶, и похитил Медею, убийцу Пелия, с ее согласия...

¹ [Нот—южный ветер. «Негостеприимным» (Ἰξαις), по преданию, Черное море называлось в глубокой древности. В связи с развитием мореплавания и колонизации греки переименовали его в «гостеприимное». (Ἰξαις). См. Ю. В. Готье, Очерки по истории материальной культуры Восточной Европы, т. I, стр. 143.]

² [О сталкивающихся скалах (планктах или кианеях) см. в прим. к отрывку из XII песни Одиссея, строка 60.]

³ [Эпитет «темнолицые» в отношении колхов, несомненно, реалистическая черта, почерпнутая из этнографических данных.]

⁴ [Сын Эзона—Язон. Кипрогенія—Афродита. Вертошейка (iynx torquilla) считалась у греков вещей и колдовской птицей, способной, в особенности, внушать по наговору любовь. Самая процедура колдовского действия состояла в том, что вертошейку помещали на колесо с четырьмя спицами и быстро его кружили. Это называлось «тянуть вертошейку». См. F. Mezegeir, Pindars Siegeslieder, L., 1880, стр. 214.]

⁵ [Пейфо—богиня убеждения и повиновения.]

⁶ [Ода посвящена восхвалению Аркесилая IV, царя Кирены, победителя на олимпийских и пифийских играх в 466 г. до н. э., к которому и обращает речь автор.]

*ПИФ., X, 30—43

Далее живет народ гипербореев¹; никто из смертных ни по морю, ни по земле не может найти чудесной дороги к жилищам гипербореев. Один герой Персей разделил с ними их праздник, придя в их жилища; он нашел их приносящими богу славную гекатомбу ослов². Там идут бесконечные праздники, слышатся гимны, которые радуют сердце Аполлона, и смеется он, видя похотливую наглость этих животных. Культ муз не чужд гиперборейцам; отовсюду хоры молодых девушек собираются на звук мира и сладкие звуки флейт, и, увенчанные золотым лавром, они предаются радости праздников. Это святое племя не знает ни болезней, ни слабости возраста; живет оно далеко от (тяжких) трудов и сражений, не страшась мщения Немезиды. Сын Данаи³ проник сюда... руководимый Афиной, и убил тут Горгону... Для меня ничто не кажется невероятным.

*ПИФ., XI (V), 23

Широки пути ваших подвигов, о эакиды, идут от истоков Нила до стран гипербореев.⁴

НЕМ., IV, 48—50

... Эант владеет отеческим Саламином, а Ахилл—светлым островом⁵ в Эвксинском море...

ИСТМ., II, 41—42

... В летнее время (Ксенократ) плавал к Фасису, а зимою—к берегам Нила⁶.

ОТРЫВКИ

Фр. 105 (Schol. Arist. Avv. 945). Среди кочевников-скифов блуждал Стратон⁷, который не имеет дома, перевозимого на телеге.

Фр. 172 (Schol. Eurip. Androm. 796). Разве юность богоравного Пелея не блистала бесчисленными подвигами? Во-первых, он с сыном Алкмены⁸ прибыл на Троянскую равнину, а затем отправился за поясами амазонки и, совершив знаменитое плавание под начальством Язона, захватил Медею из чертогов колхов.

Фр. 203 (217) (Zenob., V, 59; ср. Diogenian., VII, 12; Apostol., XIII, 7; Arsen., 389). Некоторые скифы, притворяясь, открыто на словах гнушаются лежащей убитой лошадью, а тайком обдирают кривыми зубами (др.-гр.: челюстями) ноги и головы⁹.

Фр. 257, см. Страб., XV, 711.

¹ [О гиперборейцах, см. в прим. к кн. IV, 13 Геродота.]

² [О приношении ослов в жертву Аполлону Гиперборейскому см. в прим. к тексту Симия Родосского.]

³ [Сын Данаи—Персей.]

⁴ [Светлый остров—о. Белый, при устьи р. Дуная, славившийся среди моряков культом Ахилла.]

⁵ Обе реки названы как отдаленнейшие от Эллады; ср. в таком же значении: Э в р и п., Андр., 650.

⁶ [Чтение сомнительное.]

⁷ [Пелей—отец Ахилла. Сын Алкмены—Геракл.]

⁸ [У В. В. Латышева по другому чтению: обдирают зубами кривые ноги и головы.]

СХОЛИИ К ПИНДАРУ

Текст по изд.: *Pindari opera quae supersunt*, ed. Aug. Boeckhius, Tom. II, Lips. 1819.

ОЛИМП., II, 150 (91)

Быстрые стрелы].... Поэт называет скифскими стрелами поэтические произведения¹; ибо скифы обыкновенно носят стрелы под локтем, а кротяне—на плечах.

ОЛИМП., III, 24 (13) Слл.

... Геракл, сын Амфитриона, некогда принес маслину от истоков реки Истра тенистых, т. е. осененных деревьями, или глубоких, чтобы она была прекраснейшим памятником состязаний в Олимпии; а принес он ее, убедивши народ гипербореев, т. е. живший в стране гипербореев, где были маслины, и служивший Аполлону.

Которую некогда от Истра]. Каковую маслину некогда от тенистых истоков реки Истра принес Амфитрионов сын Геракл, чтобы она была памятником состязаний в Олимпии.

25. *От тенистых истоков Истра*]. Истоки Истра поэт представляет в земле гипербореев. Река Истр, ныне называемая Дунаем, течет через земли многих народов Европы, а истоки имеет в стране гипербореев². Тенистыми поэт называет истоки или как глубокие, или как осененные окружающими их насаждениями маслин.

От тенистых Истра]. Эта река берет начало в земле гипербореев. Тенистых истоков—значит осененных маслинами и другими деревьями.

28. *Народ гипербореев*]. Убедив народ гипербореев дать дикую маслину; этот народ был служителем и почитателем Аполлона. Ференик говорит, что гиперборей—титанического происхождения; он пишет так: «И вокруг гипербореев, которые живут на краю земли под храмом Аполлона, не зная войны. Говорят, что они выросли из крови древнейших титанов, заселили под холодным дуновением Борея землю царя Аримаспа».

... Гиперборей повсюду считаются посвященными Аполлону. Названы они гиперборейцами от некоего афинянина Гиперборей, как говорит Фанодем. Филостефан³ говорит, что Гиперборей был фессалиец, а другие производят их от неласга Гиперборей, сына Фороней и Перимелы, дочери Эола. Ференик говорит, что гиперборей произошли от титанического рода, а Гекатей повествует иначе.

45 (23). *Дух устремляя*]. Поэтом Геракл пожелал прибыть в землю реки Истра, в Скифию, в которой приняла его Артемида, когда он пришел... с целью увести лань, которую некогда Таигета⁴ посвятила Артемиде Орфосии.

46 (27). *Ἰστρίῳ ὕμῳ*]. Если писать через два ν, *Ἰστρίῳ υἱ*, то нужно

¹ [У скифов стрелы помещались в горите—фугляре для лука, со специальным отделением, служившим колчаном для стрел.]

² [О гиперборейцах и о их связи с культом Аполлона, помимо сказанного в прим. к стр. 16 III Олимп. оды Пиндара, см. в прим. к кн. IV, 13 Геродота.]

³ [Ференик—эпический поэт неизвестного времени, замечательный своей оригинальной теорией происхождения гипербореев из крови титанов, в чем, может быть, сказывается влияние орфической теогонии (ср. Афин., III, р. 78 в.). Фанодем—аттический историк и мифограф IV ст. до н. э. Филостефан—писатель III в. до н. э., автор разнообразных сочинений, в том числе и мифографических.]

⁴ [Таигета—дочь титана Атланта, одна из плеяд.]

разуметь Скифию, а если через одно *Ἰστρία* ии, то это будет значить, что Истрийская Артемида приняла этого Геракла. Истрийской называется Артемида или от *Истра*, вокруг которого живут амазонки, которые очень чтут *эту* богиню, или от живущего вокруг Истра скифского племени тавров¹, у которых точно так же почитается Артемида. Некоторые читают *Ἰστριανήν* в смысле *Ἰστριανήν γῆν* (Истрийскую землю.).

Дух устремил его в Скифию. Аристарх *объясняет*: притти в землю, где его приняла истрийская Артемида; *поэт* указывает снова на прибытие в *землю* гипербореев к истокам Истра; ибо там чрезвычайно чтится Артемиды скифским племенем таврами. Некоторые же пишут два *ν* и объясняют выражение *поэта* так: тогда дух устремил Геракла отправиться в Истрийскую землю.

55 (33)... Преследуя эту лань (Геракл) обозрел и весьма холодные гиперборейские места и Скифию...

Борей]. Ибо страна эта гиперборейская (т. е. находящаяся за Бореем), потому что она простирается позади дуновения Борей в Рипейских горах².

ОЛИМП., VIII

61 (46)... Так вот бог Аполлон, ясно сказав, поспешил... к реке Ксанфу³... и от него к амазонкам, имеющим прекрасных коней, т. е. воинственным, а от них к реке Истру, т. е. в Скифию.

62 (47)... Сначала [Аполлон] поспешил в Ликию, затем к амазонкам, потом оттуда перешел в Скифию и прибыл к реке Истру, где *поэт* разумеет гипербореев. Первые местности в Азии, а вторые—в Европе.

63 (48). *Идя к Истру*]. К гипербореям, где Истр имеет истоки.

ОЛИМП., XIII

75 (51). *И против отца Медею*]. И Медею прославляю, вступившую в брак против воли своего отца; она вступила в брак с Язоном, будучи мудрою. *Ставшую спасительницею и помощницею для Арго*: ибо Ээт хотел истребить аргонавтов. Иначе: *Против отца*]. Ибо Медея относительно брака пошла против воли отца, так как вышла за Язона, которого тот не желал, и удалилась вместе с ним. Спрашивается, зачем *поэт* вводит Медею, уроженку Колхиды, в речь о коринфянах? Говорят, что Коринф был первоначальным владением Медеи: Ээту же, сыну Гелиоса (Солнца) и Антиопы, был дан оракулом совет основать город в Колхиде, названный по его имени, а верховную власть над коринфянами препоручить Буну, сыну Гермеса, с тем условием, чтобы, если он возвратится, то *Бун* возвратил бы ему *город*, а если нет, то сам владел им. Иначе почему бы *поэт* упомянул о Медее? Потому что Коринф был родовым ее владением. Алоей и Ээт, отец Медеи, были сыновья Гелиоса и Антиопы; Гелиос разделил между ними страну, причем Алоей получил по жребию *область* в Аркадии, а Ээт—Коринф. Ээт, недовольный своей областью, передает город некоему Буну, сыну Гермеса, поручив сохранить *его* для его потомков, а сам прибыл в скифскую *страну* Колхиду, поселился в ней и стал царствовать. Об этом сообщает некий поэт-историк Эвмел, говоря: «Но когда от Гелиоса и Антиопы произошли Ээт и Алоей, тогда славный сын Гинериона разделил землю на две части своим сыновьям: *ту область*, которой владел Асоп,

¹ [О таврах см. в прим. к кн. IV, 99, сл. Геродота].

² Рипейские горы—обычно Уральские горы.]

³ [Река Ксанф—другое название р. Скамандра в Троаде, а также древнее название реки Эпшен-чай в Ликии. О путешествии Аполлона в страну гипербореев ср. в прим. к Олимп., III, 16.]

он предоставил божественному Алоею, а *ту*, которую приобрела Эфира, всю отдал Эту. Итак, Эт добровольно передал *свою часть* хранить Буну, пока не возвратится сам или кто-либо другой из его *потомков*, сын или внук; сам же удалился в Колхидскую землю». Бун—сын Гермеса и какой-то нимфы¹.

... Эт ... прибыв в скифскую страну Колхиду и захватив там некую область, был царем. Язон, прибыв к нему за золотым руном, влюбил в себя Медею, которая, устроив ему *возможность* захватить золотое руно, отправилась с ним в Элладу против воли Ээта. Рассказ этот² мы изложили подробнее в пересказе Ликофрона³.

75. *Медее*]. Нужно сказать, что златорунная шкура была *от* барана, который привез Фрикса в Колхиду. Там ее, как говорят, принесли в жертву Зевсу Фиксию⁴ и повесили в Аресовой роще, *где* ее стерег дракон длиною и шириною с пятидесятивесельный корабль, как говорит Пиндар⁵.

124 (84) *С ним*]. Будучи при коне [т. е. Пегасе], или вместе с ним, [Беллерофонт] некогда победил и полчище амазонок, *пришедшее* из пустынного воздуха и самых холодных местностей гипербореев или *живших* в Скифии⁶.

125 (85) *Холодного эфира*].—Скифии, ибо *она* морозна и холодна...

133 (75) *Односапожного*].... Рассказ у Ферекида⁷: «Пелий, говорит он, совершал жертвоприношение Посейдону и приказал всем собраться *на пир*. были *тут* и другие граждане, и Язон. Последний пахал *землю* близ реки Анавра и без сандалий перешел через реку; перешедши, правую ногу обул, а левую забыл и в таком виде пришел на обед. Увидев *это*, Пелий вспомнил предсказание, но в тот день сохранил спокойствие, а назавтра, призвав *Язона*, спросил его, что бы он сделал, если бы ему была предсказана смерть от *руки* кого-либо из граждан? Язон *ответил*, что послал бы его в Эю за золотым руном, чтобы привезти *его* от Ээта. Такой ответ внушила Язону Гера, чтобы Медея явилась на гибель Пелию.

281 (158)... Своеобразен и здесь Пиндар, приказывающий Язону *вместе* с руном привести из Эи и душу Фрикса, ибо из-за этого гnevаются, говорит он, *подземные* божества; другие же говорят, что он был послан только для привоза руна. А что вызывали души умерших на чужбине, *об этом* свидетельствует и Гомер⁸: «И не шли вперед у меня окрутленные корабли, пока мы не назвали трижды каждого из несчастных товарищей». Иначе: так как Фрикс умер в Колхиде, он в сновидении приказывает мне, прибывши в Ээтовы чертоги, вызвать его душу в Фессалию, а также привезти и руно барана, на котором он некогда спасся из моря и от безбожных стрел, *то есть* козней, мачехи. Был обычай, в случае если кто умирал на чужбине и если нельзя было перевезти на родину тело, то по крайней мере вызывать посредством некоторых таинственных обрядов души и их, как бы плывущих вместе, перевозить на родину. Это знает и Гомер.

376(211) *В Фасис*]. Затем, говорит *поэт*, *аргонавты* приехали на реку Фасис к самому Эту, где к поразительным колхам свою силу привели и смешали, *т. е.* иносказательно *вместо* «прибыли». «Κελαυόπεσσι» одни

¹ Ср. схолию к «Медее», Эврип., 9 (см. ниже).

² Рассказ этот излагается также у Цеца, к Ликофрону, 174, 175, что, однако, не означает принадлежности этой схолии ко времени после Цеца. (Бек).

³ [Ликофрон—александрийский поэт III в. до н. э., автор эпической поэмы «Александра», excerpts из которой см. в сл. номере].

⁴ [Зевс Фиксий—«способствующий побегу»].

⁵ Пиф., IV, 245 (см. выше стр. 304).

⁶ [Беллерофонт—герой (солнечного цикла), наездник Пегаса, победитель Химеры и амазонок.]

⁷ [Ферекид Лерийский—историк и мифограф V в. до н. э., отрывки из его произведений см. ниже, стр. 316.]

⁸ Одиссея, IX, 64.

объясняют в смысле «поразительными видом»; так как *καλαίῳ* употребляется обыкновенно о поражении *ужасом*; другие же говорят, что так как скифы—выселенцы из Египта¹, то поэтому они и чернокожи; они возделывают лен и ткнут из него полотно, как египтяне²; и Каллимах говорит: «Из колхидского льна»³. Фасис—река в азиатской Скифии; есть ведь и другая Скифия в Европе, вблизи Маотийского озера и реки Танаиса; о нем упоминает и Аполлоний: «Обильный водоворотами Фасис изливает в море широкий поток»⁴.

428 (241) *Тотчас удивительный сын Гелиоса*] Тотчас, говорит *поэт*, сын Гелиоса Ээт показал Язону златорунную шкуру, где ее растянули ножи Фрикса, имеется в виду действие Фрикса по сдиранию *шкуры*; ибо он посвятил шкуру Зевсу Фиксию. Некоторые же говорят, что шкура златорунного барана была посвящена Фриксом Аресу.

445 (250) *И похитил Медею*]. Он похитил убившую Пелия Медею, пошедшую за ним добровольно. Смысл: совершивши подвиг, Язон тайно от Ээта и колхов похитил Медею, также желавшую этого и сделавшуюся убийцею Пелия⁵.

НЕМ., IV, 79 (49)

А в Эвксинском море]. *Поэт* прославляет весь род эгиневтов, так как он существовал во многих местах. Есть на Эвксинском Понте некий остров, называемый Белым⁶, на который, по *обычному* представлению, перенесено Фетидой тело Ахилла; показывают и некие ровные пространства, служившие для упражнений героя. Поэтому и Пиндар в переносном значении назвал Белый остров блестящим: ибо белое *представляется* блестящим. Белым же *остров* называется по множеству гнездящихся на нем птиц, именно цаплей, ибо такой вид (т. е. белый) представляет *он* плывущим. Иначе: так называемый Белый берег, на Эвксинском Понте, на котором множество цаплей, виднеясь оттуда, ука зывает его мореплавателям. Он называется также Ахилловым Бегом⁷, потому что в то время, как Ахилл сватался за Ифигению и она была привезена ради его в Авлиду, вследствие случившегося безветрия *для плавания* эллинам в Илион, захотели принести ее в жертву за благополучное плавание, но Артемида похитила ее и перенесла в Скифскую местность к таврам, а влюбленный Ахилл следовал за нею и сопровождал до этого острова, называемого Белым.

ИСТМ., II, 61 (41)

Но плавал к Фасису летом]. Фасис—река в Скифии; *дующие* на нем ветры чрезвычайно холодны.

СОФОКЛ

Второй из знаменитейших афинских трагиков, род. в 496, ум. в 406 г. до н. э. [Текст: Английское комментиров. издание Джебба (Jebb), Оксфорд, 1918—1931]. Отрывки из утраченных трагедий Софокла см. Nauck, TGF².

¹ [О египетском происхождении колхов см. в кн. II, 103, сл. Геродота и в прим. к этому месту. Каллимах—поэт III в. до н. э. Отрывки из его произведений см. ниже.]

² Ср. Геродот, II, 105.

³ Фр. 265.

⁴ Apoll. Rhod., II, 403.

⁵ Прочие схолии к приведенному отрывку IV пифийской оды не цитируются, так как содержат или простой пересказ слов поэта, или чисто мифические подробности.

⁶ [Остров Белый—ныне о. Змеиный при устьи р. Дуная.]

⁷ [С Ахилловым Бегом обычно отождествляется коса Тендеровская, находящаяся к востоку от устья р. Днепра.]

«ЦАРЬ ЭДИП»

Ст. 1227—8

В е с т н и к... Я думаю ведь, что ни Истр; ни Фасис¹ не могут омыть очистительною водою этого дома...

ОТРЫВКИ

«Колхидянки». Ср. Apollod. I, 9, 23 и схолии ad Apoll. Rhod. III, 2040: Софокл в «Колхидянках» выводит Медею, договорившуюся с Язоном относительно состязания в обмен (на его помощь).

«Эномай». Фр. 432 у Athen., X, p. 410 с.; ср. Hesych., s. v. σκιδιστή χειρῶν χιτῶν (платок по-скифски).

«Скифы». По мнению Наука, содержание взято из мифа об аргонавтах. Фр. 504 в схолиях к Ap. Rh., IV, 284; ср. схолии к Dion. Per., 7.

«Тимпанисты». «Содержание неизвестно» Наук. Фр. 581 у Steph. Byz. s. v. χαλδαῖοι.

«Финей» А. Фр. 641, Steph. Byz. s. v. Βίσπορος; «Ср. Etym. M. cod. Voss. 590E Gaisf, где название произведения опущено» Наук.

СХОЛИИ К СОФОКЛУ

Текст: по изданию Петра Папагеоргия (Scholia in Sophoclis tragoedia vetera... ed. P. N. Papageorgius), Лейпциг, 1888.

«К АЯНТУ»

172... Таврополою называется Артемида или потому, что почитается у тавров в Скифии² или ...

К «ЭДИПУ В КОЛОНЕ»

Другие от ночных порывов]. Поэт разумеет от гор, называемых Рипами; некоторые называют так Рипейские горы; поэт называет их ночными потомами, что они лежат на западе³...

ГЕЛЛАНИК

Гелланик Митиленский был современником Геродота и Фукидида (V в. до н. э.). Собрание отрывков: FHG, vol. I, стр. 45—69; vol. IV, стр. 629—637.

«Аттида». Фр. 92 (Tzet. ad Lycophr., 1332): Гелланик же Лесбийский говорит, что когда замерз Киммерийский Боспор, амазонки перешли его и пришли в Аттику и провоевав четыре месяца, возвратились...

«О народах». Фр. 92 (Схолии к Apoll. Rhod., IV, 322): Когда проплывешь Боспор, будут синды, выше же их—мэоты скифы.

*Фр. новооткрытый (Оксиринхские папирусы, X, 1241, столб. 2 сл.): Первый сообщает Гелланик, что железное оружие изготовил Саневн⁴, бывший скифским царем.

¹ Истр и Фасис названы как величайшие реки Европы и Азии. См. прим. в изд. Шнейдевина—Наука к этому месту.

² [Об Артемиде Таврополос см. в прим. к схолиям Евстафия к «Илиаде», II, 481.]

³ [Рипейские горы—Урал; стало быть, не на западе, а на северо-востоке.]

⁴ [Имя скифского царя Саневна впервые засвидетельствовано этим отрывком.]

Фр. 96 (Cl. Alex., Strom., I, p. 305 C): Гелланик рассказывает, что гипербореи живут выше Рипейских гор и что они учатся справедливости, не употребляя в пищу мяса, но питаются древесными плодами¹. См. у Феодорита «О лечении у греков душевных состояний», XII, т. IV, стр. 1024 сл. (изд. Schulz'a): Гелланик в «Историях» сказал, что гипербореи живут выше Рипейских гор, упражняются в справедливости, не употребляя в пищу мяса, но питаются древесными плодами». См. St. Byz., s. v. Ὑπερβόρειοι.

«Основания городов». Фр. 109 (St. Byz., s. v. Χαρμάται): Выше же керкетов (κέρκετῶν) живут (οἰκοῦσι) мосхи и хариматы, ниже же гениохи, выше же кораксы (κάτω δ' Ἠνίοχοι, ἄνω δὲ Κοράξοι).

«Скифская история». Фр. 170, см. St. Byz., s. v. Ἀριάβοχοι.

» » Фр. 171, см. St. Byz., s. v. Ἀριόργιον.

» » Фр. 172, см. Strab., XII, 3, 21.

Фрагмент без точного обозначения места. См. schol. ad Apoll. Rhod., II, 404.

ФЕРЕКИД ЛЕРИЙСКИЙ

Жил в V в. до н. э.—Собрание отрывков: FHG, vol. I, стр. 70—99, и vol. IV, стр. 637—639.

[Мифограф, может быть, идентичный с Ферекидом Афинским, хотя Свида и различает их между собой. Автор большого числа теологических, мифографических, генеалогических и тому подобных сочинений, от которых сохранились лишь незначительные отрывки.]

«Теогония». Фр. 14, см. schol. ad Apoll. Rhod., II, 1214.

» Фр. 21, см. schol. ad Apoll. Rhod., II, 1248.

» Фр. 60, см. schol. ad Pind. Pyth., IV, 133.

» Фр. 113 (Cl. Alex., Strom., V, p. 567 C. D):

Говорят, что скифский царь Иданфур,—как рассказывает Ферекид Лерийский², угрожая войною Дарию, перешедшему через Истр, послал символы вместо письма, именно мышь, лягушку, птицу, стрелу и плуг. Когда по поводу этих даров возникло недоумение, какого и следовало ожидать, тысяченачальник Оронтопаг говорил, что скифы подчиняются персам: он разумел подмышью жилища, под лягушкою—воды, воздух—под птицею, под стрелою—оружие и под плугом—землю. *Напротив*, Ксифодр объяснил эти дары совершенно иначе: он говорил, что «если мы не взлетим подоно птицам, не скроемся в землю подобно мышам, или не погрузимся в воду подобно лягушкам, то не избежим их стрел, ибо не владеем землею». Ферекид же говорит, что скиф Анахарсис во время сна держал левую руку на половых органах, а правую—на устах, обозначая этим, что должно владеть тем и другим, но важнее владеть языком, нежели удовольствиями.

Фрагмент без точного обозначения места. См. у Apoll. Rhod., III, 1093.

АГАФОН

Трагический поэт, жил в V в. до н. э. Собрание отрывков: Nauck, TGF², стр. 763 сл.

«Телеф», фр. 4 у Athen., X, стр. 454 D.

¹ [Локализация Геллаником гипербореев (см. о них в прим. к Нег., IV, 32 выше (т. е. к северу) от Рипейских гор (Урала) заставляет, может быть, предполагать у него, сравнительно с Геродотом, более детальное знакомство с географией восточно-европейской равнины. Указания на вегетарианство и «справедливость» гипербореев свидетельствуют о влиянии на Гелланика пифагорейских этических учений.]

² [В тексте: ὁ Σόφισ.] «Vossius. Wesseling, Sturz думают, что вместо ὁ Σόφισ должно читать ὁ Δέριος» (Müller).

**СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ, ВСТРЕЧАЮЩИХСЯ В «ВДИ» № 1 (19)
ЗА 1947 г.**

AJA—American Journal of Archaeology
AJSL—American Journal of Semitic Language and Literature
AOF—Archiv für Orientforschung
APAW—Abhandlungen der Preussischen Akademie der Wissenschaften
BASOR—Bulletin of the American Schools of Oriental Research
BZ—Byzantinische Zeitschrift
CAH—Cambridge Ancient History
CIL—Corpus Inscriptionum Latinarum
CJ—Classical Journal
CRAI—Comptes-Rendus de séances de l'Académie des Inscriptions et Belles Lettres
ДАН—Доклады Академии Наук
EGF—Epicorum Graecorum Fragmenta
FHG—Fragmenta Historicorum Graecorum
ИАК—Известия археологической комиссии
IG—Inscriptiones Graecae
ILN—Illustrated London News
IOSPE—Inscriptiones Antiquae Orae Septentrionalis Ponti Euxini
ИТОИАЭ—Известия Таврического общества по изучению истории, археологии и этнографии
JAs—Journal Asiatique
JBL—Journal of Biblical Literature
JDAI—Jahrbuch des deutschen archäologischen Instituts
JEA—Journal of Egyptian Archaeology
JHS—Journal of Hellenic Studies
JNES—Journal of Near Eastern Studies
JPOS—Journal of the Palestine Oriental Society
JRS—Journal of the Royal Asiatic Society
JRS—Journal of Roman Studies
КСИИМК—Краткие сообщения Института Истории Материальной Культуры
МАР—Материалы по археологии России
MVAG—Mitteilungen der Vorderasiatischen Gesellschaft
NJWB—Neue Jahrbücher für Wissenschaft und Bildung
OZ—Orientalistische Literaturzeitung
PLG—Poëtae Lyrici Graeci
PSI—Papiri della Società Italiana
RAS—Revue d'Assyriologie
RE—Pauly—Wissowa—Kroll, Realencyklopädie der klassischen Altertumswissenschaft
RT—W. M. Flinders Petrie, Royal Tombs
SBW—Sitzungsberichte der Berliner Akademie der Wissenschaften
SC—B. Latyshev, Scythica et Caucasica, Известия древних писателей о Скифии и Кавказе.
SHA—Scriptores Historiae Augustae
SIG—W. Dittenberger, Sylloge Inscriptionum Graecarum
TGF—Tragicorum Graecorum Fragmenta
Труды ГИМ—Труды Государственного Исторического Музея
ВДИ—Вестник древней истории
ЖМНП—Журнал Министерства Народного Просвещения

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр
Передовая—К изучению истории крестьянства в древности	3
Акад. <i>В. В. Струве</i> —Датировка первой Вавилонской династии	9
<i>В. Ф. Олбрайт</i> —Косвенный синхронизм между Египтом и Месопотамией около 1730 г. до н. э.	36
Акад. <i>Р. Ю. Виппер</i> —Просветительный век Римской империи	46
<i>А. В. Мишулин</i> —Витрувий и источники X книги его трактата	60

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>И. С. Кацнельсон и Д. Г. Редер</i> —Ученые записки ЛГУ, вып. 78 за 1941 г.	78
<i>С. В. Киселев</i> —А. Б е р н ш т а м. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI—VIII вв.	83
<i>Н. Воронин</i> —Краткие сообщения ИИМК, вып. XII—XIII	94
<i>М. Э. Матье</i> —«Egypt» by H o u n i n g e n H u e n e and G. S t e i n d o r f f	97
<i>В. В. Павлов</i> —W. S. S m i t h, Ancient Egypt as represented in the Museum of Fine Arts, Boston	98
<i>И. Лурье</i> —W. C. H a y e s, Ostraca and Name stones from the tomb of Sen-Mut (№ 71) at Thebes	102
<i>Я. А. Ленцман</i> —H. M i c h e l l, The Economics of Ancient Greece	104
<i>С. Я. Лурье</i> —The Oxyrhynchus Papyri, part XVIII	107
<i>Н. Н. Пикус</i> —Краткий обзор папирологических изданий	113
<i>Н. А. Машкин</i> —R. S y m e, The Roman Revolution	116
<i>С. Л. Утченко</i> —Происхождение плебейской организации, F. A l t h e i m, Lex sacrata	123
<i>Л. А. Ельницкий</i> —Искусство древних этрусков	126
<i>А. П. Камдаи</i> —J. A. M c G e a c h y, Quintus Aurelius Symmachus and the senatorial aristocracy of the West	135
Обзор иностранных журналов по древней истории	137

ХРОНИКА

<i>Р. Ахмеров</i> —Амфоры древнегреческого Херсонеса	160
<i>А. П. Окладников</i> —Древние культуры Северо-Востока Азии по данным археологических исследований 1946 г. в Колымском крае	176
<i>Д. Шелов</i> —Обзор полевых археологических исследований ИИМК в 1946 г.	183
<i>И. Т. Кругликова</i> —Археологические раскопки в Греции за последние годы	197
К 75-летию С. П. Кондратьева	220
<i>Н. П.</i> —В секторе древней истории Института истории АН СССР	221
<i>Е. Голубцова</i> —О работе кафедры древней истории Московского государственного университета в 1946 г.	223
Памяти Д. Н. Эдинга	225

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

<i>Г. А. Цетаева</i> —Народные волнения в Риме после убийства Юлия Цезаря	226
<i>Н. Постовская</i> —Начальная стадия развития государственного аппарата в древнем Египте	233
<i>Н. Н. Пикус</i> —О датировке Pap. Tebt. 703	249

ПРИЛОЖЕНИЕ

<i>В. В. Латышев</i> —Известия древних писателей о Скифии и Кавказе	253
---	-----

SOMMAIRE

Editorial—Sur l'histoire des paysans anciens	3
V. V. Struvé, de l'Académie des Sciences—Datement de la première dynastie Babylonienne	9
W. F. Albright—Un synchronisme indirect entre l'Égypte et la Mésopotamie vers 1730 avant J.—C.	26
R. J. Vipper, de l'Académie des Sciences—Le siècle philosophique de l'Empire Romain	46
A. V. Michouline—Les sources du X livre de Vitruve	60

CRITIQUE ET BIBLIOGRAPHIE

J. S. Katznelson et D. G. Reder—Mémoires de l'Université de Leningrad (N° 78— 1941)	78
S. V. Kisselév—A. Bernstam. Le régime social et économique de l'Égypte Orcho- Yenisséens au VI—VIII siècle	83
N. Voronine—Les communications d'Institut de l'histoire de la culture matérielle, fasc. XII—XIII	91
M. E. Mathiez—«Egypt» by H. G. H. Huene and G. Steindorff V. V. Pavlov—W. S. Smith. Ancient Egypt as represented in the Museum of Fine Arts, Boston, USA	97
J. Luria—W. C. Hayes. Ostraca and the Name Stones from the tomb of Sen-Mut (N° 71) at Thebes	98
J. A. Lentzman—H. Mitchell, The Economics of Ancient Greece	102
S. J. Luria—The Oxyrhynchus Papyri, part XVIII	104
N. N. Picouse, Revue des éditions papyrologiques	107
N. A. Maschkine—R. Syme. The Roman Revolution	113
S. L. Outchenko—La formation de la plèbe Romaine, F. Altheim. Lex Sacra	116
L. A. Jelnitzky—L'art des Étrusques anciens	123
A. P. Kashdane—J. A. Mc Geachy. Quintus Aurelius Symmachus and the senatorial aristocracy of the West	126
Revue des périodiques étrangers sur l'histoire ancienne	125

CHRONIQUE

R. Akhmérov, Les amphores du Chersonèse Taurique	160
A. P. Okladnikov—Les cultures anciennes de Nord-Est d'Asie d'après les fouilles ar- chéologiques pendant l'année 1946 dans la région de Colyme	176
D. Shélov—Revue des explorations archéologiques de l'Institut de l'histoire de la culture matérielle pendant l'année 1946	183
J. T. Crouglicova—Les fouilles archéologiques en Grèce depuis l'année 1937	197
Le 75-me anniversaire du S. P. Kondratiev	220
N. P.—Dans la section de l'histoire ancienne de l'Institut d'Histoire de l'Académie des Sciences	221
E. Goloubzova—Les travaux de la chaire de l'histoire ancienne de l'Université de Moscou	222
A la mémoire du D. N. Eding	223

RAPPORTS ET COMMUNICATIONS

H. A. Zvétayeva—Les émeutes à Rome après la mort de Jules César	226
N. M. Postovskaya—Sur le problème de la formation de l'état dans l'Égypte An- cienne	233
N. N. Picouse—Sur le datement du Pap. Tebt. 703	249

SUPPLEMENT

V. V. Latyshev—Textes des auteurs anciens sur la Scythie et le Caucase	253
--	-----

Подписано в печать 31.III.47 г.
А04681. Заказ № 13. Печатных
лист. 20 Уч.-издат. листов 30,0
Тираж 10 000. Цена 30 руб.

16-я типография треста «Поли-
графкнига» ОГИЗа при Совете
Министров СССР
Москва, Трёхпрудный, 9

Редакционная коллегия:	{	Проф. <i>Н. А. Машкин</i>
		Проф. <i>А. В. Мишулин</i> (отв. редактор)
		Проф. <i>А. Б. Ранович</i> (зам. отв. редактора)
		Акад. <i>В. И. Пичета</i>
		Акад. <i>В. В. Струве</i>
		Акад. <i>И. И. Толстой</i>

Адрес редакции: Москва, Волхонка, 14. Институт истории АН СССР
Телефон К 3-75-69
